Министерство образования и науки Российской Федерации
Министерство образования и науки Республики Татарстан
Елабужский государственный педагогический университет
Академия Наук Республики Татарстан, Отделение гуманитарных наук
Институт истории им. Ш. Марджани

ТРЕТЬИ СТАХЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы
Международной научной конференции

Елабуга, 28-29 июня 2007 года

Елабуга - 2008

УДК 947.08
ББК 63.3(2)6
Т66

Печатается по решению Редакционно-издательского Совета ЕГПУ,
протокол № 22 от 24 января 2008 года

Редакционная коллегия:

Валеев Н.М. — доктор филологических наук, профессор,
академик АН РТ, министр образования и науки РТ

Калимуллин А.М. — доктор исторических наук, профессор,
и.о. ректора ЕГПУ

Валеева Н.Г. — доктор исторических наук, профессор,
проректор по научной работе ЕГПУ

Уткин А.А. — кандидат исторических наук, доцент,
декан факультета истории и юриспруденции

Корнилова И.В. — кандидат исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой Отечественной и всеобщей истории ЕГПУ

Третьи Стахеевские чтения: Материалы Международной научной конференции. — Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2008. — 468 с.

Сборник содержит материалы Третьих Международных Стахеевских чтений, проходивших 28-29 июня 2007 г., инициатором и организатором которых явился ЕГПУ. В Чтениях приняли участие потомки купеческой династии Стахеевых из Франции и Австралии, а также ученые из Санкт-Петербурга, Томска, Казани, Кирова, Барнаула, Тольятти, Ульяновска, Пензы, Ижевска, Набережных Челнов, Елабуги и других городов.

Исследователи в широких хронологических рамках освещают вопросы торгово-промышленной деятельности российского купечества, их участие в выборных органах местного самоуправления, в формировании инфраструктуры провинциального общества. Многочисленные филиации представителей различных генераций отражены в родословном древе Стахеевых. Трудолюбие, предприимчивость, духовность, благодеяния российского купечества показаны в произведениях русских писателей. Особый научный интерес представляют лингвостилистические особенности прозаических произведений Д.И. Стахеева.

Материалы научного сборника адресуются преподавателям, учителям, студентам, краеведам, всем тем, кто живо интересуется историей российской провинции.

ISBN 978-5-9662-0021-3
© Издательство ЕГПУ, 2008

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Н.М. Валеев
Елабужский государственный педагогический университет

ПОТОМКИ КУПЕЧЕСКОЙ ДИНАСТИИ СТАХЕЕВЫХ В МИРЕ

Историографические традиции по изучению русского рассеяния были заложены учеными, писателями, кадровыми военными, которые волею судеб оказались вдали от Родины. У каждого из них был свой путь и место вынужденного изгнания: Рига, Таллинн, Белград, София, Прага, Константинополь, Берлин, Париж, Харбин, Шанхай, Пекин. С 20-х годов XX столетия на страницах эмигрантской прессы стали публиковаться их воспоминания о былом, о времени революционного лихолетья. Современная историография русского зарубежья ежегодно пополняется новыми монографиями, мемуарами, справочно-иллюстративными изданиями. Отечественная историческая наука разрабатывает периодизацию эмиграционного времени, апеллируя к установленным критериям, событиям, фактам, датам. Очевидно одно, события первого этапа, октябрьского переворота и долгой кровавой братоубийственной войны будут и впредь вызывать неподдельный научный интерес соотечественников, сопровождающийся душевной вибрацией. Трагические дни вынужденного изгнания из родной страны представителей научной и деловой элиты, художественной культуры будут восстанавливаться по документам и материалам, хранящимся в личных архивах праправнуков, проживающих чаще всего за пределами нашего Отечества.

Исторически сложилось так, что после октябрьских событий 1917 года российское дворянство с Волги, служилая публика — работники суда, адвокатуры, профессура, а также духовенство, казачьи атаманы, гильдейское купечество хлынули к восточным границам Российской империи[1]. Наши Стахеевы в том числе. Долгие годы Стахеевых на чужбине в Китае и в Австралии ***впервые*** воссозданы по письмам Григория Ивановича Стахеева (1880-1943) к сыну Борису Григорьевичу (1910-1990), хранящимся в личном архиве George Staheyeff Newcastle. Частью зарубежной архивной россики являются также письма Тамары Николаевны Стахеевой (1918), проживающей ныне в Сиднее.

Нами описана жизнь на чужбине лишь одной ветви родословной Стахеевых, идущей от Ивана Григорьевича (1837-1907), Потом-

[1] По русской эмиграции в Китае следует выделить труды известного российского ученого-историка Г.В. Мелихова (1930), родившегося в Харбине, дед которого с конца 90-х годов XIX века строил КВЖД.

ственного Почетного гражданина Елабуги, купца-миллионера, коммерции советника[1], общественного деятеля и благотворителя. Драма вынужденного изгнания Григория Ивановича Стахеева и его семьи из Елабуги описана в письмах его снохи, Тамары Николаевны к Н.М. Валееву: «бежали поздней ночью, переодевшись в крестьянские одежды, прихватив с собой лишь самое необходимое»[2]. Степень достоверности, искренности и правдивости приводимой информации велика, ибо они не предназначались для публичного прочтения.

Письма отца к сыну содержат информацию и словесные портреты о родных и близких людях, оказавшихся рассеянными по различным странам европейского и азиатского континентов. Григорий Иванович, окончивший лишь 4 класса Елабужского реального училища, но много занимавшийся самообразованием, по глубинному постижению гуманитарного знания, художественной культуры, предстает широко эрудированным человеком. Ему не безразличны духовные и материальные субстанции. Ощущая партиципацию к окружающему миру, следуя принципу когерентности, он прогнозирует ход мировых политических событий, характеризует взаимоотношения СССР с Китаем, Германией, Японией. В письмах он предстает глубоким мудрецом и философом.

Наше выборочное прочтение посланий отца начинается с весны 1931 года и начинается оно, к сожалению, не с самого начала, а с того, что сохранилось в наличии. В письмах Григорий Иванович заботливый родитель, наставляющий своего сына на путь истинный. Григорий Иванович охлаждает оптимистические мечтания сына: «Ты переехал в самый угрюмый китайский город[3], где весь уклад жизни не похож на европейский. В Совроссии ты мог исполнять различные обязанности и быть вагоновожатым, но здесь твои познания не годятся, да плюс незнание английского языка...»[4]. Это письмо отличается педагогической направленностью и безграничным патриотизмом к своей великой Родине — России, болью за ее судьбу, которая будет описана им и в последующих письмах. Важно и то, что Григорий Иванович не замкнулся на обсуждении семейных, бытовых проблем. В каждом письме высвечивается многогранная личность самого корреспондента. Мировоззрение Григория Ивановича нетрудно понять из его частых размышлений об СССР, коммунистах, об отношении западных стран к стране Советов. «Жаль, что ты, живя *в каторжной стране* не мог черпать здо-

---

[1] Звание коммерции-советника соответствовало VIII рангу гражданской службы.

[2] Из письма Тамары Николаевны Стахеевой Наилю Мансуровичу Валееву от 29.12.2006 года. Сидней; от 09.04.2007 года. Сидней.

[3] В письме речь идет о Пекине.

[4] Из письма Григория Ивановича сыну Борису Григорьевичу от 17 апреля 1931 года. Харбин.

ровой духовной силы и воспринимал лишь утопические мысли Энгельса и Маркса, которых современные ученые разбивают вдребезги по швам... Увлечения Энгельсом, Бебелем, Марксом и К° давно прошли и прошли безвозвратно и ни для кого теперь не секрет, что те коммунисты, которых нам приходится видеть суть люди, или идиотствующие по складу ума, или негодяи и тайные грабители, набивающие под шумок втихомолочку свой карман. Возьмем, к примеру, того же Ленина, умершего от *прогрессивного паралича.* Могли ли быть у человека с таким недугом здоровые мысли?..»[1]. Размышления Григория Ивановича о вожде пролетариата, не лишенные остроумия, в дальнейших письмах еще более разнообразятся. Отец настойчив и последователен в своих стремлениях помочь сыну избавиться от иллюзорности представлений об СССР, в котором, по его мнению, «будет только 2 класса людей — это рабы и начальники над ними». Насколько метки и даже для нашего времени актуальны его мысли об отношении к России иностранных государств. Как ярко и емко им обозначена трагедия страны, из которой бегут ее кормильцы и великие труженики — крестьяне, предпочитая заграницу «коммунистическому раю», с массовыми репрессиями и постоянным голодом. Купец-миллионер в прошлом, патриот и мыслитель пишет: «Постарайся в Пекине завести знакомство с русскими образовательными людьми, которые могут тебе дать много хороших книг. Твои близкие, видимо, мало заботились сделать из тебя русского честного патриота»[2]. В каждом объемном послании отца к сыну боль и скорбь за Россию, да страстное желание вернуться в любимую до боли Елабугу. Родина для него, как и для многих эмигрантов, это великая православная Россия, а не то государственное образование, появившееся на карте в декабре 1922 года.

В личном архиве George Staheyeff сохранилось 32 письма деда к отцу, охватывающие период с 1931 по 1941 год[3]. Последнее датировано 20 февраля 1941 года, в котором он жалуется сыну на отчаянно тяжелое материальное состояние, «безысходность положения», которое надеялся поправить, «если доживем до лета...»

В газете «Харбинское время» от 28 августа 1943 года был помещен некролог: «В Харбине скончался Григорий Иванович Стахеев в возрасте 63 лет, в прошлом крупнейший финансовый и промышленный деятель России. Смерть его последовала от рака печени. Г.И. Стахеев был родом из Елабуги, был главой Торгового Дома

---

[1] Из письма Григория Ивановича сыну Борису Григорьевичу от 29 апреля 1931 года. Харбин.

[2] Из письма Григория Ивановича сыну Борису Григорьевичу от 5 декабря 1935 года. Харбин.

[3] См.: «Стахеевы в изгнании. Харбин: По материалам писем Григория Ивановича к Борису Григорьевичу» // Валеев Н.М., Валеева Н.Г. Елабуга-Харбин-Сидней. — Казань, 2007. — С. 115-157.

Иван Стахеев, имевшего свои отделения в 16 городах России. Торговый Дом объединял в себе хлебное дело, пароходство, нефтяное дело и проч. Кроме того, Г.И. Стахеев был участником многих акционерных банковских и других предприятий...». В «Выписи из метрической книги» об умерших за 1943 год, выданной причтом Свято-Алексиевской Модягоуской церкви Харбинской епархии, записано: «Русский эмигрант г. Елабуги Григорий Иванович Стахеев погребен 30 августа (12 сентября) 1943 года. Погребение совершали настоятель храма, протоиерей Симеон Новосильцев, священник Николай Киклович с диаконом Алексием Гореманым на православном Харбинском кладбище». Его сын, Борис Григорьевич Стахеев будет погребен на 80-м году жизни в 1990 году в русской секции кладбища Rookwood, что невдалеке от Сиднея.

Хотелось закончить повествование в абрисной форме строчками из письма Тамары Николаевны, которая не устает благодарить всех тех, кто восстанавливает доброе имя тружеников Стахеевых. «Волею причудливой судьбы суждено мне быть свидетельницей восстановления доброй памяти, славного имени Стахеевской династии. Я не устаю благодарить Вас и всех тех, кто чтит имя Стахеевых. Жаль, что годы не позволяют приехать в Елабугу, которая запала в мое сердце и которую знают мои дети»[1]. Судьба ярких представителей купеческой династии Стахеевых неотделима от множества судеб русской эмиграции.

В последнее время в России происходят важнейшие события, одним из знаковых нам видится подписание акта о каноническом общении между Русской Православной и Зарубежной церковью. Выражаем надежду, что духовное единение будет способствовать также и раскрытию судеб наших соотечественников за рубежом, многие имена которых пока находятся в забвении.

[1] Из письма Тамары Николаевны Стахеевой Наилю Мансуровичу Валееву от 05.09. 2007 года. Сидней.

В.П. Бойко
Томский государственный архитектурно-строительный университет

РОЛЬ КУПЕЧЕСТВА МАЛЫХ ГОРОДОВ В РАЗВИТИИ ТОРГОВЛИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЮГА СИБИРИ В XIX ВЕКЕ

Современная историческая наука все больше внимания уделяет проблемам предпринимательства и роли в нем профессиональных торговцев и промышленников. В специальной и популярной литературе появилось достаточно много публикаций, которые с разных сторон освещают их созидательную деятельность, однако изученность социально-экономической истории страны и отдельных ее регионов неравномерна и требует дополнительных исследований. К числу малоисследованных проблем следует отнести историю южных районов Западной Сибири и роли в них местного купечества, проживающего преимущественно в небольших окружных городках и больших селах. Такая проблема особенно заметна на фоне хорошей изученности предпринимательской деятельности томских, барнаульских, бийских, тюменских и тобольских купцов. Ограниченные размеры статьи не позволяют привести здесь обширную литературу по данной теме и хотя бы кратко ее охарактеризовать. Целью данной статьи является характеристика гильдейского купечества Кузнецка, Мариинска, Ачинска, Канска и некоторых других населенных пунктов, проследить истоки его торговой и промышленной деятельности, эволюцию потребностей и интересов купцов на протяжении XIX века. В качестве источников использованы архивные делопроизводственные материалы, статистика и периодическая печать, дневники и записки купцов.

Выдающийся общественный деятель и ученый Г.Н. Потанин вслед за известным бытописателем С.В. Максимовым делил русские, в том числе и сибирские города на буржуазные (купеческие) и бюрократические. Первые, по их мнению, отличаются каменными купеческими домами с цепными собаками на дворе, с тяжелыми замками на амбарах, с воротами, которые запираются в 9 часов вечера, с необитаемыми комнатами, с хозяевами, теснящимися в задних апартаментах, воздух которых насыщен смесью запахов от лампадного масла и рыбного пирога. Жизнь таких городов не нуждалась в умственных развлечениях: она довольствовалась именинами, свадьбами, попойками, рысаками и кулачными боями. Бюрократические города, по мнению Г.Н. Потанина, который был свидетелем описываемой эпохи, имеют тщедушный вид, иногда сплошь состо-

ят из деревянных домиков, но здесь бывают любительские спектакли, иногда даже концерты, эти города являются рассадниками мод[1]. В Западной Сибири Омск был представителем бюрократических городов, а Томск — буржуазных. Иногда оба типа сливались в одном городе, и тогда можно говорить о своеобразном симбиозе, взаимопроникновении бюрократических и коммерческих тенденций. В малых городах Сибири такие тенденции не были ярко выражены, купцов и чиновников объединяла общность места проживания и принадлежность к местной элите. В этой связи малые города представляли как раз тот смешанный тип общественного и архитектурного симбиоза, когда дома купца и чиновника не слишком сильно отличались друг от друга, а их интересы зачастую совпадали.

В середине XVIII века Г.Ф. Миллер писал, что в хозяйственном плане местность в г. Кузнецке удобна и очень плодородна. К северу от города до Томского уезда тянутся обширные ровные поля, к югу поднимаются горы, «которые тянутся беспрерывно до самого соединения с алтайскими горами и сами составляют часть этих гор»[2]. Автор не называет деталей хозяйственного освоения края, тем не менее, основные тенденции этого процесса очевидны. Плодородные почвы давали возможность эффективно заниматься сельским хозяйством, а обширная лесистая горная местность поставляла на местные рынки пушнину. Кузнецк был основан как острог в 1617 г., а с 1622 г. имел уже статус города. Пограничное его положение делало возможным вести торговлю со степным краем, с киргизами и калмыками. Интересные сведения о торговой жизни Кузнецка в XVII-XVIII вв. дают Таможенные книги, отчасти хранящиеся в Отделе редких книг Научной библиотеки Томского государственного университета. Из них видно, что торговали преимущественно скотом (37 %), пушниной (30 %), рыбой (10 %), медом, воском и некоторыми другими товарами. Среди торговцев преобладали служилые люди (70 %), затем шли иноземцы — бухарцы и калмыки, крестьяне и другие «кузнецкие всяких чинов люди»[3].

Сибирский тракт обошел Кузнецк стороной, и это негативно отразилось на его торгово-промышленной жизни. Даже в XVIII в. там не было традиционного для сибирских городов Гостиного двора, хотя на Базарной площади стояло 40 торговых лавок, было три питейных заведения и один соляной магазин. Из Кузнецка в Томск отправляли соболиный мех, сведения об этом есть в записках академических экспедиций Мессершмидта и Фалька, лошадей, которые отличались статью и силой от небольших и выносливых нарымских

---

[1] Потанин Г.Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. — СПб., 1908. — С. 234-235.

[2] Миллер Г.Ф. История Сибири. — М., 1999. — Т. 1. — С. 315.

[3] Каменецкий И.П. Кузнецк и его торговля в XVII в. // Таможенные книги сибирских городов XVII в. Вып. 2. — Туринск. Кузнецк. Томск. Новосибирск, 1999. — С. 61.

лошадок, хмель, ставший «фирменным» товаром для города и округа, на горные заводы поставлялся хлеб. Долгое время препятствовала хозяйственному развитию края военная опасность, отдаленность от главных трактов, близость Колывано-Воскресенских горных заводов. Тем не менее, это был один из коммерческих центров юга Западной Сибири, где начало формироваться местное купечество.

В 1850 г. в Кузнецке числился один купец второй гильдии Петр Андреевич Баранов с тремя сыновьями Николаем, Михаилом и Иваном и 10 купцов третьей гильдии. Среди них выделялся Василий Глебович Баженов с сыновьями Дмитрием, Василием и Феофаном; Василий Максимович и Иван Семенович Конюховы — у каждого из них было по четыре сына, и некоторые из них уже начинали совмещать торговлю с добычей золота; Копылов Яков Васильевич, Карманов Василий Федорович и другие. В 1859 г. число купцов, выкупивших гильдейские свидетельства, увеличилось вдвое и достигло 20. За столь короткий срок изменения в составе купечества прежнего состава были минимальные (около 70 % осталось в гильдии), хотя у некоторых из них отмечено прибавление в семействе, а некоторые уступили свое место другим, более удачливым предпринимателям. В кузнецкое купечество в 50-е годы вступили Мочаловы Никита и Василий Ивановичи с сыновьями, С.В. Федоров с сыном Николаем, Д.Д. Бекенин с племянником Марком, Домна Карповна Ерофеева с сыновьями Михаилом, Лукой, Василием и Иваном, Е.Д. Попов с четырьмя сыновьями, В.П. Зайков с шестью сыновьями и другие. В 1864 г. здесь было уже отмечено 32 капитала второй гильдии и выдано 72 свидетельства для мелкого торга[1].

Хорошо информированный корреспондент из Кузнецка сообщал о типичном выходе в купцы в их местности. Как правило, в этой роли выступал приехавший из Европейской России, чаще из Владимирской губернии, молодой человек, который нанимался в приказчики к местному купцу. Тот снабжал его мануфактурным (дешевыми тканями и платками) и мелочным (иголки, нитки, дешевые украшения и безделушки) товаром рублей на 200-300. «Этот молодец, — пишет автор заметки — едет по деревням Кузнецкого округа с товаром обыкновенно перед сенокосом или перед жатвой, и раздает в долг крестьянам товары, а осенью или зимой вновь отправляется тоже с товаром, и собирает за прежде розданный товар холст, масло, мед, воск, лен и т.д. и вновь раздает в долг товары. Такого рода торговля по здешнему округу в прежнее время была очень выгодна, так что через несколько лет такой молодец делался и сам хозяином, почти все прежние купцы вышли из этих молодцов...» Нередки были случаи обмана неграмотных и простодушных крестьян, но

[1] Государственный архив Томской области (ГАТО). — Ф. 3. — Оп. 2. — Д. 503. — Л. 870-873; Ф. 196. — Оп. 28. — Д. 95. — Л. 222-226.

крестьяне не оставались в долгу и частенько грабили их. Поэтому таких приказчиков называли «обуховой родней», а когда били их и бросали в Томь, то говорили с мрачным юмором, намекая на их алчность — «пусть отправляются в Нарым рыбу ловить»[1]. Остается добавить, что по своему составу кузнецкие купцы были в этот период однородны в национальном и религиозном плане — все русские и православные, по происхождению они были в большинстве своем крестьянами, людьми зрелого возраста и обремененными большими семьями. Нетрудно представить, что уклад жизни у них был строго патриархальным, хозяйство обширным и многоукладным, а менталитет базировался на традиционных народных ценностях и начальном, чаще всего домашнем образовании. Об этом напоминают, например, имена и фамилии купцов и купчих, их традиционные занятия, оставшиеся памятники архитектуры той поры.

Оживлению торгово-промышленной деятельности в Кузнецком крае способствовало начало добычи россыпного золота в Мариинской тайге и на Алтае. Изучение здесь частной золотопромышленности начато известным сибирским исследователем З.Г. Карпенко, монография которой стала серьезным шагом в изучении горной промышленности юга Западной Сибири. Решение ряда проблем носило дискуссионный характер, основное внимание было уделено кабинетскому хозяйству, но нашлось место и для характеристики частной промышленности. На основе работ Э. Гофмана, П. Небольсина и Д. Мамина-Сибиряка дается краткий очерк частной золотопромышленности, которая сообщила дополнительный импульс развитию края. В 1824 г. екатеринбургский купец-старовер Я.М. Рязанов добился аудиенции у Александра I и получил субсидии на поиск золота в Сибири. Однако казенные деньги были им истрачены на безуспешный поиск золота в Тобольской губернии. Затем Рязанов в компании со своими единоверцами Г.Ф. Казанцевым и С.И. Баландиным перенес поиск золота в Томский округ, где на территории современной Кемеровской области в Мариинской тайге были открыты богатые россыпи, давшие несколько сот пудов золота[2]. Чуть позднее там сделали свои открытия купцы Поповы и началась золотая лихорадка, охватившая широкие слои населения. В Кузнецке, как, впрочем, в Мариинске и Томске, начинают селиться состоятельные иногородние купцы, обустраиваются резиденции крупных компаний, местные купцы расширяют свои обороты за счет поставок на прииски необходимых продовольственных и промышленных товаров, сами все смелее проникают в сибирскую золотопромышленность. Хищническая эксплуатация золотых промыслов в Мари-

[1] Восточное обозрение. — 1882. — 30 сентября.

[2] Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700-1860 годах. — Новосибирск, 1963. — С. 200-201.

инской тайге быстро их истощила, что видно по динамике добычи металла: в 1837 г. здесь добывали до 106 пуд. золота, в 1841 — до 64 пуд., в 1851 — около 34 пуд.[1] Добыча золота стала в середине XIX в. перемещаться на восток в Енисейскую тайгу.

Характеристика кузнецких купцов будет неполной без упоминания ценного рукописного источника, принадлежащего перу местного купца И.С. Конюхова, оригинал рукописи которого хранится в Научной библиотеке Томского университета. Значение этого документа еще до конца не оценено, а его анализ потребует отдельной и обширной работы. Отметим только, что за кажущейся простотой и незамысловатостью сюжета кроется наблюдательность ученого и мастерское владение словом не только грамотного, но и интеллигентного человека. Недаром известный в Сибири историк, этнограф и статистик князь Н.А. Костров использовал материалы И.С. Конюхова в своей работе «Город Кузнецк» (1879). Со своей стороны отметим, что автор мало беспокоился о том, чтобы оставить свидетельства о торгово-промышленной деятельности купцов, которую лучше всего знал. Поэтому в его записках освещены только некоторые стороны деловой жизни Кузнецка середины XIX в. Например, в главе «О начале каменного строения в Кузнецке» сообщается, что строителем первого каменного строения в крепости, Одигитриевской церкви, был вызванный купцом Иваном Муратовым иркутский мещанин Почекунин, который кроме церкви выстроил и каменный дом самому купцу. Затем каменный дом себе выстроил около 1815 г. купец Ловыгин, «что ныне Народное училище». Балконы при домах первым сделал «купец Петр Баранов при своем каменном доме в 1852 году, 2-й купец Алексей Бехтенев при деревянном доме в 1856 году и на оном доме мезонин еще первый в Кузнецке; на каменном фундаменте 1-й дом построил я в 1854 году, 2-й мещанин Павел Мазаков в 1855 году, 3-й купец Дмитрий Насонов в 1856 году, потом начали продолжать далее»[2].

Об образовании в городе говорится, что в 1826 г. было открыто народное училище, которое помещалось в частных квартирах, пока для него не был выкуплен нарымским купцом А.С. Родюковым дом купца Ловыгина. Надо сказать, что Родюков, кроме хлеботорговли и содержания мельниц, занимался добычей золота, добывая его на своих приисках ежегодно около пуда. До этого дети, «которых родители желали обучать грамоте, — по словам автора, — учились у частных людей, учение состояло в славянской азбуке, часослове, и псалтыре, и письме, которым наукам и я обучался у пожилой девицы Дарьи Степановны Хабаровой с прочими моими сверстниками, а письму в городовом магистрате у коллежского регистратора Мат-

[1] Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых приисках. — СПб., 1898. — Т. 1. — С. 7.

[2] Конюхов И.С. Кузнецкая летопись. — Новокузнецк, 1995. — С. 59.

вея Степановича Старченкова»[1]. Исторический интерес для читателя имеет информация о гостином дворе и торговых балаганах в городе, о чудесных явлениях и некоторых удивительных событиях, о преступлениях, пожарах и наводнениях, где героями нередко были купцы и члены их семей.

С увеличением коммерческой активности в крае росло и число выкупленных в Кузнецке купеческих свидетельств. В 1877 г. в городе был объявлен 1 капитал первой гильдии и 44 капитала второй гильдии, разного рода свидетельств на право торговли и промыслов было взято 308. Местной особенностью стало то обстоятельство, что подавляющее большинство из них (около 80 %) занималось предпринимательством вне Кузнецка[2]. В 1896 г. состав кузнецкого купечества практически полностью изменился по сравнению с серединой XIX века. В городе зарегистрировано 128 торговых и промышленных заведения с оборотом в 285 тыс. руб., выбрано 21 гильдейское и 83 промысловых свидетельства. Видными предпринимателями были купцы М.М. Окулов — торговля вином, бакалеей и мануфактурой; Матвей и Иван Родионовы торговали бакалейным, галантерейным товаром и тканями; хлебным и жировым товаром торговал Архип Ананьин; Анисим и Екатерина Сычевы занимались виноторговлей, а Степан Попов и Александр Поторочинов — золотопромышленностью[3]. Словом, коммерческая жизнь в Кузнецке и округе если и не бурлила, то была вполне оживленной.

Одним из старейших поселений в Западной Сибири является город Мариинск, который был основан в 1698 г. как село Кийское, в 1856 преобразован в город Кийск, а в следующем 1857 г. переименован в Мариинск и стал окружным городом Томской губернии. Такой рост административной значимости города был вызван развитием здесь частной золотопромышленности и необходимостью держать под контролем эту важную для государства отрасль хозяйства. Мариинск находился на Московско-Сибирском тракте, позже через него прошла Сибирская железная дорога, что способствовало доставке грузов на прииски в Мариинской тайге и развитию города. Соответственно, быстро росла и численность населения городка: в 1858 г. здесь проживало 3 347 чел., в 1864 г. — 4 469 чел., в 1897 г. — 8 216 чел. Главной особенностью было наличие в Мариинске большого количества ссыльных (около трети населения) и высланных сюда для компактного проживания евреев (около 10 %),

---

[1] Там же. — С. 61.

[2] Костров Н.А. Город Кузнецк. — Томск, 1879. — С. 25.

[3] Торговые фирмы и купцы Сибири и краткое описание городов // Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1899 год. — Томск, 1898. — С. 136-171; Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая. 1861-1917. Энциклопедия. — Барнаул, 1996.

доля которых в составе местного купечества была в несколько раз выше. Например, в 1859 г. было выдано 32 купеческих свидетельства, в том числе 12 капиталов принадлежало евреям, 3 представителям субботнической секты, близкой по вере к иудаизму, что составляло почти половину всех купеческих капиталов города[1]. В дальнейшем доля евреев в мариинском купечестве увеличилась до 70 % в конце XIX в. и почти до 80 % в 1908 г.[2] Золотые промыслы привлекали в Мариинскую тайгу крупные капиталы и в местных купцах числились многие известные в Сибири золотопромышленники. Среди них был, например, С.Ф. Хромов, более известный своей близостью к старцу Федору Кузьмичу; потомственный почетный гражданин, купец первой гильдии С.Г. Щеголев с женой Татьяной, сыновьями Иваном, Дмитрием, Александром, Григорием и Иннокентием и дочерьми Юлией и Елизаветой. Мариинским купцом второй гильдии в 1859 г. был М.Ф. Старцев с женой Гликерией, сыном Михаилом и тремя дочерьми, в третьей гильдии состояли М.Н. Окулов, А.П. Блинов, Е.И. Ковригин, Абрам Юдалевич с семью сыновьями и дочерью Басей, Герц Юдалевич с пятью сыновьями и другие купцы. Вскоре Мариинск стал уступать по количеству выкупленных купеческих и торговых свидетельств только губернскому городу Томску. В 1869 г. свидетельств только первой гильдии было выдано 11, второй — 72, на мелочный торг — 251. Тем не менее к концу века количество купеческих капиталов стало заметно уменьшаться, исчезли капиталы первой гильдии, во второй гильдии состояло только 20 купцов, что объясняется вытеснением крупными компаниями из Мариинской тайги мелких и средних золотопромышленников и перемещением их на восток, введением государственной монополии на производство и оптовую продажу спиртных напитков, уменьшением значимости звания купца, завершением строительства здесь участка Сибирской железной дороги и некоторыми другими обстоятельствами. К заметным в Сибири предпринимателям в этот период относился 40-летний В.П. Чердынцев, которому принадлежал винокуренный завод с производством спирта на 90 тыс. руб. ежегодно и братья Савельевы, имевшие пиво-медоваренный завод и занимавшиеся универсальной торговлей[3].

Как уже отмечалось, в конце XIX в. роль еврейского купечества в торговле Мариинска возрастает: А.И. Аксельруд торгует колониальными товарами на 12,5 тыс. руб., Ш.М. Гуревич — мануфактурой и галантерейными товарами на 37,5 тыс. руб., а его брат М.М. Гуревич

---

[1] ГАТО. — Ф. 196. — Оп. 28. — Д. 95. — Л. 230-246.

[2] Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX — начала XX вв. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). — М., 1999. — С. 212.

[3] Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: В 4 т. — Новосибирск, 1995. — Т. 2. — Кн. 2. — С. 79.

на 25 тыс. руб., И.А. Рабинович торгует мануфактурой на 36 тыс. руб. и т.д. Среди торговцев числились Прейсманы, Мозес, Абрамовичи, Ольшевские и другие[1]. Однако зачастую такая торговля выступала у евреев в роли прикрытия для незаконных коммерческих операций. Тайная виноторговля и скупка «левого» золота на приисках являлась главными из них. Известный в Сибири предприниматель, который одно время числился мариинским купцом, И.В. Кулаев писал об этом так: «Контора приисков принимала золото по 2 руб. 50 коп. за золотник, на вольном же рынке золотник стоил четыре рубля пятьдесят копеек. Из-за резкой разницы в цене приблизительно половина золота расхищалась, уходя на сторону. С этим хищничеством пытались бороться...»[2]. Результаты, как всегда, были весьма скромными. Основную долю столь выгодного обмена спирта на золото получали местные евреи. На наш взгляд, причинами такого быстрого и грубого обогащения было то, что формирующаяся еврейская буржуазия была закалена тяжелыми условиями предпринимательства в черте еврейской оседлости, имела богатейший опыт торговли и ростовщичества, который передавался из поколения в поколение не одну сотню лет, была лучше образована и спаяна традиционно крепкими национальными и родственными узами, была более целеустремленна и настойчива в погоне за «золотым тельцом».

Интересные наблюдения о внедрении евреев в торгово-промышленную жизнь Сибири оставил известный бытописатель С.В. Максимов: «Где зашевелились евреи, там мелочная торговля процветает: еврей становится образцом и примером для неподвижного сибиряка горожанина, которому есть чему у него поучиться... Евреи сплачиваются в ассоциации, чтобы ссылка не могла нарушить единство, и через живую непрерывную цепь из ловких евреев не обрывалась связь Нерчинска с Вержболовом, Радзивилловым и Лейпцигом»[3]. Нетрудно представить, что Мариинск, Томск и Каинск в Западной Сибири, Иркутск и Красноярск в Восточной Сибири, где было больше всего купцов из евреев, как раз и представляли те звенья цепи, по которым утекали беспошлинно и безвозвратно золото и меха, огромные денежные средства, циркулировала ценная для коммерсантов информация, проживало немало посредников и доверенных лиц крупных отечественных и зарубежных фирм. Современные исследователи также отмечают отличительные черты мариинского купечества, в числе которых называют деловую хватку и неразборчивость в средствах обогащения. Не случайно в сибирской прессе о них писали: «Эти господа с хищностью акулы соединяют нахальство волка и хитрость лисицы».

---

[1] Гончаров Ю.М. Очерки истории еврейских общин Западной Сибири (XIX — начало XX в.). — Барнаул, 2005. — С. 61.

[2] Кулаев И.В. Под счастливой звездой. Записки русского предпринимателя. 1875-1930. — М., 2006. — С. 32.

[3] Максимов С.В. Сибирь и каторга. Ч. 1. Несчастные. — СПб., 1871. — С. 340.

Отчасти это было связано с тем, что в Мариинске была большая доля евреев, потому что Мариинский уезд наряду с Каинским, Баргузинским и Верхнеудинским уездами был определен местом административной и уголовной ссылки евреев в Сибири[1].

На восток от Мариинска находился Ачинск, который был основан под именем Ачинского острога в 1642 г. В 1770 г. при посещении Палласа бывший острог был еще селом и насчитывал 100 дворов. В 1782 г. село Ачинское стало уездным центром Томской губ., а в 1822 г. окружным городом Енисейской губ. Город находился на правом возвышенном берегу реки Чулыма и был позднее связан с Томском пароходным сообщением, причем пароходы из Ачинска до Томска шли, как правило, трое суток, а обратно против течения до десяти. Жителей в конце XIX в. там было около 10 тыс. чел., в основном мещане, разночинцы и ссыльные. Купечество составляло незначительную часть населения, 1,2-1,5 % и кроме торговли содержало в городе 4 кожевенных, мыловаренных и свечных заводов, 4 склада вина, до 40 питейных заведений[2]. Ачинск, как и Кузнецк, был центром обширного аграрного района, где наблюдался избыток хлеба и продуктов животноводства. Поэтому сходными были и пути обогащения местных купцов.

Например, В.А. Кулаев, отец мемуариста И.В. Кулаева, стал сначала посредником между сельскими жителями и городом. Бывший каторжник, обманом оказавшийся среди ссыльных, для начала открыл мелочную торговлю предметами первой необходимости: сахаром солью, табаком, свечами, обувью и т.п. У населения он покупал хлеб, коноплю, масло, лен, мед, сырые шкуры и отправлял их город. «Многие зажиточные хозяева — пишет И.В. Кулаев, — привозили и сдавали ему в кредит продукты своего хозяйства, получая расчет лишь тогда, когда отцу удавалось ликвидировать сданные ему продукты. Такая постановка дела не требовала большого оборотного капитала. А дело было выгодное, и значительные барыши приумножали капитал моего отца»[3]. Однако такой способ накопления был отнюдь не идиллией, когда мужики были благодарны за благодеяния торговцу, ведь половину расчета за привезенный хлеб он выдавал товарами из своей лавки. «Мужик, со слезами на глазах, вставая на колени часами упрашивал отца дать ему необходимую для уплаты подати сумму деньгами, — писал мемуарист, но отец мой редко поддавался этим мольбам и просьбам»[4].

---

[1] Андрющенко Б.К., Багаева Л.А., Бузанова В.А., Зыкова В.Г., Зиновьев В.П. Мариинский ликероводочный завод. 1902-2002. — Томск, 2002. — С. 23.

[2] Путеводитель по всей Сибири и Среднеазиатским владениям России с подробным подорожником / Изд. В.А. Долгорукова. — Томск, 1895. — С. 99.

[3] Кулаев И.В. Под счастливой звездой. Записки русского предпринимателя. 1875-1930. — С. 14.

[4] Там же. — С. 16

Накопленный таким образом хлеб в неурожайный год был с чрезвычайной выгодой продан на винокуренный завод, и В.А. Кулаев сразу стал самым богатым человеком в округе. Показательна для Сибири последующая судьба столь значительного в крае капитала. Так как тогда приходилось возить с собой большие суммы денег, то однажды при ночевке у дальних родственников у купца выкрали 38 000 рублей и, несмотря на все старания, вернуть их не удалось, хотя преступление и было раскрыто. Неудачным стало и открытие в Ачинском округе близ озера Шира медеплавильного завода. Полученную там медь нужно было переправлять сначала в Томск, а затем и в Москву, единственный тогда рынок сбыта металла. Перевозка тяжелых и недорогих грузов гужевым транспортом сильно удорожала продукцию, что делало их разорительными для предпринимателей. Владельцы медеплавильного завода вскоре разорились и умерли. Оставшись без отца, И.В. Кулаев занимался без особого, впрочем, успеха золотопромышленностью в Минусинской и Енисейской тайге, а затем переместил свои интересы на Дальний Восток, в Приморье и Маньчжурию, где добился впечатляющих успехов[1].

В 216 верстах от Красноярска находился город Канск, окружной город Енисейской губернии, где в конце XIX в. проживало около 5 тыс. чел. Жители занимались преимущественно скотоводством и хлебопашеством, отхожими промыслами, где на первом месте стоял извоз и работа на золотых приисках. В округе существовал винокуренный завод и золотые прииски, которые к тому времени уже в основном были выработаны. Промышленность города составляли 10 небольших предприятий, которые специализировались в основном на переработке животноводческого сырья. Имелся, впрочем, собственный городской банк, с оборотом 130 000 руб., который существенно облегчал кредитование мелкого местного предпринимательства. Среди купцов выделялся единственный в городе первогильдеец Ксенофонт Михайлович Чевелев, который монополизировал здесь всю оптовую торговлю и извозный промысел. В 1870-е годы он вместе с семьей перебрался в Томск и вступил там во вторую гильдию, но по первой гильдии причислился все-таки в г. Канске. В 1896 г. ему было 72 года, к его капиталу были приписаны взрослые сыновья: Тимофей 43 лет, Иван 31 года и Петр 29 лет со своими семьями[2]. Неразделенный между детьми капитал, предпринимательство не только в торговле, но и в транспортировке грузов и переработке сырья давал возможность семейству Чевелевых успешно конкурировать с другими мощными сибирскими купеческими родами.

---

[1] Кулаев И.В. Под счастливой звездой. Записки русского предпринимателя. 1875-1930. — С. 17.

[2] ГАТО. — Ф. 233. — Оп. 5. — Д. 827. — Л. 98.

В Канске первоначально составил свои капиталы другой крупный торговец, потом также избравший местом проживания г. Томск — Архип Силович Толкачев, который происходил из крестьян Вязниковского уезда Владимирской губернии и в 1837 г. стал канским третьей гильдии купцом, а в 1848 г. вступил там во вторую гильдию[1]. В Томске А.С. Толкачев был учредителем торгового дома «А. Толкачев и Д. Сковородов», который вел торговлю кожевенными изделиями, табаком и бумагой, а также вместе с братом Федотом был известен своими крупными пожертвованиями на богоугодные дела.

Несколько слов хочется сказать и о талантливом предпринимателе, елабужском первой гильдии купце Николае Дмитриевиче Стахееве, который занимался в Сибири торговлей мануфактурой. Благодаря энергичной и продуманной торговле тканями ему удалось занять в этой отрасли ведущие позиции. Например, в Томске в 1889 г. обороты торговли тканями у иркутского купца А.Ф. Второва, ставшего потом дельцом общероссийского масштаба, достигали 500 тыс. руб., а у Н.Д. Стахеева — 680 тыс. руб. и прибыль определялась в 34 тыс. руб.[2] Крупные капиталы в мануфактурной торговле давали возможность их владельцам во многом по новому организовывать свою торговлю: применять рекламу и сезонную распродажу товаров, строить лучшие в городе здания магазинов, проникать в отдаленные уголки края, например, в малые города и большие села. Н.Д. Стахеев прекрасно в этом ориентировался и не упускал возможности обойти своих конкурентов, что, в общем-то, было на пользу рядовому покупателю. Один из свидетелей сезонных распродаж в Томске неприязненно описывает тот ажиотаж, который возникал после объявления существенных скидок, но такой способ реализации залежавшихся товаров сохранился до нашего времени: «Магазины Петрова и Михайлова, Стахеева и Рукавишниковой, как и в прошлые годы, открыли с понедельника этой недели дешевки — распродажи по дешевым ценам различных остатков материй, вышедших из мод, а более всего, должно быть, разного браку. Покупатели с утра до вечера толпятся в этих магазинах...»[3]. Проникнув из Восточной Сибири, фирмы Стахеевых, Второвых и Гадаловых в короткие сроки монополизировали оптово-розничную торговлю тканями не только в городах, но и в торговых селах, затрудняли доступ туда местным капиталам. Тем не менее, к началу XX в. капиталы западносибирских купцов Петрова и Михайлова, Д.Н. Сухова, Е.И. Жернакова, братьев Волковых и некоторых других в три раза

[1] Государственный архив Красноярского края (ГАКК). — Ф. 173. — Оп. 1. — Д. 356. — Л. 53.

[2] Адрианов А.В. Томск в прошлом и настоящем. — Томск, 1890. — С. 133.

[3] Сибирская газета. — 1888. — 5 мая.

превосходила торговлю названных иногородних купцов, интересы которых постепенно перемещались в Европейскую Россию[1].

Таким образом, купечество малых городов юга Сибири являлось малой частью городского населения (1-2 %), но оказывало сильное влияние на все стороны городской и региональной жизни. Численность купечества зависела от политики правительства и экономической конъюнктуры, сюда попадали наиболее активные и энергичные люди, которые готовы были рисковать своим имуществом, здоровьем, а иногда и жизнью, чтобы составить и приумножить свои капиталы. Купечество небольших городков юга Западной Сибири в течение изучаемого периода теряло свою национальную и социальную однородность, здесь происходил отбор людей по деловым качествам в условиях сильной конкуренции и отсутствии кредита и государственных гарантий, что приводило к сильной «ротации кадров» в купеческой среде. На всем протяжении изучаемого периода торговый капитал в регионе оставался господствующим, и основная масса купцов были торговцами. Это была наиболее консервативная часть купечества. Большинство торговых операций проводилось в кредит, что позволяло увеличить прибыль от торговли, которая была невысокой из-за медлительности торговых оборотов. Для повышения стабильности своего положения купцы вкладывали свои капиталы в промышленные предприятия, транспортировку грузов и добычу золота. Купечество как в целом по стране, так и в отдельных ее регионах постепенно отходило от народных традиций и обычаев, обосабливалось от крестьян и мещан по сословным признакам, начало вырабатывать свои социальные и ценностные ориентации, нормы поведения и образ жизни.

[1] Гальских Е.В. Текстильный рынок Западной Сибири во второй половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Барнаул, 1995. — С. 19.

Н.Г. Валеева
Елабужский государственный педагогический университет

КУПЦЫ СТАХЕЕВЫ — ГЛАСНЫЕ ВЯТСКОГО ЗЕМСТВА

Интерес к земской проблематике в современном российском обществе поддерживается наработкой правовой базы и поэтапной реализацией административной реформы муниципального управления. Ее научная значимость определяется непреходящим значением в отечественной истории органов местного самоуправления, которые стали вводиться в стране после утверждения в 1864 году «Положения о губернских и уездных земских учреждениях». Введение земского самоуправления в России, основанного на важнейших демократических принципах выборности, всесословности, самофинансирования и др., активизировали участие народных масс в избирательном процессе. Было положено начало земскому либерализму. Земские учреждения формировали опыт территориального управления местным хозяйством. Посредством агрономической, ветеринарной, медицинской, санитарной, школьной, библиотечной, страховой, почтовой деятельности они решали важнейшие социальные проблемы по развитию крестьянских хозяйств, по созданию инфраструктуры, по поддержанию и физического и духовного здоровья народа. Нам представляется, что земский исторический опыт весьма интересен и поучителен. Вместе с тем мы отчетливо осознаем, что дуализм параллельных систем управления — государственного и общественного не способствовал утверждению подлинного самоуправления в уезде, создавал сложности в реализации многих земских социально-хозяйственных инициатив.

Участию Вятского гильдейского купечества в работе органов местного самоуправления не уделялось должного внимания. Место проведения нынешнего научного форума, его именной статус, присутствие в зале потомков купцов Стахеевых из Австралии, Франции, России обязывает нас рассмотреть эту проблему в исторической динамике. Нам видится, что научный интерес будет представлять как фактографическая сторона проблемы — Стахеевы — уездные и губернские гласные, их участие в прениях годичных собраний, так и многоаспектная деятельность местного земства в общероссийском контексте.

В Вятской губернии земство было введено в 1867 году. Первая сессия Елабужского уездного собрания по «Положению...» 1864 года состоялась 11-15 февраля 1867 года в зале городской думы. В число 26 избранных гласных Елабужского земства вошли землевладельцы

уезда, представители городского общества, владевшие имуществом установленного цензом, и представители сельских обществ. Председательствовал на собрании коллежский асессор Фирсов, уездный судья, утвержденный начальником губернии. Социальный состав гласных был обусловлен спецификой общественно-экономического развития края. Елабужское уездное земство в рамках своего административного образования стремилось обеспечить жизненно-важные потребности многонационального этноса, способствовало формированию сети образовательных, медицинских и просветительных учреждений как основы экономического роста и стабильности. Местным органом самоуправления постепенно формировался механизм налоговой политики. Составление раскладок земского уездного сбора, исходя из нужд края, потребовали выработки с губернским земством корпоративной платформы. Современники, характеризуя Вятское земство, отмечали гармонию в действиях уездных и губернского земств[1].

Вхождение Стахеевых в земский институт нового административного органа самоуправления началось в 70-е годы XIX века. Они избирались в гласные уездного и губернского земства, в члены уездной управы, в совещательные органы — экономический, врачебный, учебный советы при управе, в члены уездной училищной комиссии, в попечительные советы различных учебных заведений города и земских школ. Их деятельность в составе уездной землеустроительной комиссии может стать отдельным предметом научного исследования. Следует лишь отметить, что члены данных комиссий избирались на сессиях уездных земских собраний. Гласные Стахеевы сторонились участия в работе исполнительных органов местного самоуправления, ибо собственная масштабная хозяйственно-экономическая и торговая деятельность требовала неимоверных физических сил, полной самоотдачи.

Со второго трехлетия, а это 1870-1872 годы, в работе Елабужского земства участвовал Федор Кириллович Стахеев. Он первый из рода Стахеевых был избран в губернские гласные Вятского земства. С 70-х до середины 90-х годов XIX века Федор Кириллович присутствовал на земских собраниях в разных статусах: председателя собрания (утверждался начальником губернии), члена управы, рядового гласного. В эти годы отшлифовывался механизм формирования земского сбора, следует заметить, что главным источником доходных статей Елабужского земства были земельные сборы с пахотных, усадебных, выгонных, покосных земель, а также с торгово-промышленных и торгово-питейных заведений. Окладные сборы, например, с трактирных заведений, находящихся вне городских посе-

[1] Абрамов Я.В. Хроника народного образования // Русская школа. — 1897. — № 2. — С. 228.

лений, определялись в соответствии с величиной дохода предприятия и разряда местности. Так, в населенных пунктах уезда I разряда, а это в селах Можга, Гулюшурма, Тихие Горы и проч., сбор составлял 60 рублей в год. В этих селах было многолюдно, проходили местные базары и торжки в престольные праздники. Для сравнения, в местностях III разряда сбор составлял лишь 15 рублей.

На годичных земских собраниях, проходивших в сентябре-октябре, обсуждались вопросы о состоянии хлебных запасов в общественных магазинах, о выдаче крестьянским хозяйствам ссуды зерном, об образовавшейся недоимке по каждой волости, о земской медицине, оспопрививании, ветеринарии, агрономических мероприятиях и народном образовании. Федор Кириллович серьезное внимание уделял вопросу переоценке имущества для установления оптимального размера земского сбора. В этот же период в уезде была образована земская почта, введена должность ветеринарного врача. В 1871 году были проведены первые педагогические курсы для учителей земских школ. В 1875 году была открыта земская лечебница на 10 коек в Варзиятчах. Земские собрания напоминали порой общественные клубы, на которых завязывались дискуссии по широкому кругу обсуждаемых проблем. Так, в прениях по финансовому обеспечению начальных школ, Ф.К. Стахеев указывал на важность материальной поддержки и городских училищ, «антагонизм между городом и уездом в образовательной сфере не желателен», ибо в городских училищах обучалось около 20 % крестьянских детей». В 1876 году на X сессии уездного земского собрания рассматривался вопрос о закрытии в Елабуге двух школ по причине малочисленности учеников. Гласный от города Федор Кириллович Стахеев убедительно доказывал важность сохранения этих школ, ибо с их закрытием земство лишит возможности обучения бедное городское население, которое также являлось налогоплательщиком. «Большинство земств нашего государства... желает приискать средства к возможно большему открытию школ и даже ходатайствует об обязательном обучении»[1]. Его умение выстроить диалог с коллегами, отстоять интересы местного земства, привлечь финансовые кредиты из казны губернского земства на противоэпидемические и агрономические мероприятия, характеризовало его как зрелого руководителя Елабужского земства. Активная позиция этого человека во многом способствовала практической реализации планов по развитию и совершенствованию отраслей местного хозяйства. Федору Кирилловичу Стахееву, председателю земских собраний, многократно выражалась благодарность «за стройное ведение собраний». Современники при жизни высоко оценили его деятельность. В 1890

[1] Журналы Елабужского уездного земского собрания X сессии 1876 года. — Вятка, 1879. — С. 49.

году уездной управой было подано прошение министру внутренних дел «о дозволении поместить в зале собрания, на память потомству, портрет уважаемого Федора Кирилловича в ознаменование благодарности гласных земства за долговременное исполнение обязанности председателя собрания, всегда руководившего делом беспристрастно и с успехом, при полном порядке»[1].

С 1882 по 1905 год в гласные Елабужского уездного земства избирался Иван Григорьевич Стахеев. Восемь трехлетий, почти четверть века, он соучаствовал в социально-хозяйственной жизни края. Будучи воспитанным на религиозных нормах православия, он много способствовал распространению школ духовного ведомства в уезде, состоял членом попечительного совета Елабужского отделения Сарапульского Вознесенского Братства. Заседания этого совета часто проходили с участием руководителей города Алексея Козьмича Назарова, Андрея Дмитриевича Кусакина, председателей земской управы Иосифа Ивановича Шульца, Николая Валериановича Алашеева. Школы духовного ведомства формировали основы религиозной нравственности, прививали любовь к родителям и Отечеству, являлись для крестьян порой первым и единственным источником получения знаний. Стремлением ликвидировать существовавший абсентеизм образованных людей среди инородческого населения продиктованы действия Ивана Григорьевича и Николая Дмитриевича Стахеевых, Петра Капитоновича Ушкова, Федора Прохоровича Гирбасова, профинансировать издательскую программу по выпуску учебно-методических пособий, которые были представлены среди экспонатов Елабужского земства на Казанской научно-промышленной выставке 1890 года. Елабужское земство получило высшую награду выставки — «Почетный отзыв за широкую постановку начального образования»[2].

Исполняя на общественных началах должность уездного гласного, Иван Григорьевич Стахеев избирался в бюджетную и ревизионную комиссию при управе, в члены уездного училищного комитета, в попечители Гулюшурминского и Жакгутского народных училищ, в уездное податное присутствие для обложения дополнительным сбором торговых и промышленных предприятий, выплачивающих гильдейский сбор. Все это свидетельствовало о глубоком доверии к нему сограждан. Его активная позиция на земских собраниях по широкому спектру хозяйственных проблем характеризует его как делового, инициативного человека. В неурожайные годы его ценные практические советы, публично высказанные им на собраниях, брались за основу при подготовке постановлений сессий.

---

[1] Журналы Елабужского уездного земского собрания XXV очередной сессии 1891 года. Доклады управы и ревизионной комиссии. — Елабуга, 1892. — С. 91.

[2] Список наград, присужденных на Казанской научно-промышленной выставке 1890 года. — Казань, 1890. — С. 6.

«Гласный Стахеев полагал, что 100 000 рублей необходимы на продовольствие, 80 000 на обсеменение и 15 000 на урегулирование цен путем покупки хлеба и продажи его по заготовительным ценам». Собрание, согласившись с мнением гласного, постановило: «Уполномочить управу ходатайствовать перед губернским земством об ассигновании кредита в размере 195 000 рублей»[1]. Его мудрые советы подкреплялись практическими делами. Он неоднократно выделял управе беспроцентные кредиты для ликвидации дефицита денежных средств, инициировал вопросы о выделении земских пособий на строительство исправительного приюта для малолетних преступников в Вятке, на содержание священнослужителя Елабужской тюрьмы, пособия обществу для слабовидящих детей в Казани и т.д.

Общественная жизнь в Елабуге Ивана Григорьевича проходила в кругу его знатных современников, одним из которых являлся Шакир Зайнетдинович Заитов, купец, земский гласный с 1906 по 1908 год. В 90-е годы XIX века он избирался вместе с Иваном Григорьевичем в уездное податное присутствие для раскладки дополнительного сбора на торговые и промышленные предприятия. В 1903 году — в уездную комиссию по устройству водопроводных сооружений в целях проведения оросительных и осушительных работ. (Появление комиссий предписывалось специальным распоряжением МВД). Позднее, в 1910 году Ш.З. Заитовым в имении «Чучкан» было выстроено здание и открыта русско-татарская школа при содействии уездного земства.

Последним трехлетием работы Ивана Григорьевича Стахеева в качестве земского гласного стали 1903-1905 годы. Председателем управы данного трехлетия был избран Дмитрий Павлович Стахеев, который, возглавляя исполнительный орган местного самоуправления, одновременно курировал Елабужскую больницу, Пьяноборскую амбулаторию, арестные помещения, а также часть губернского тракта от Елабуги до станции Байтеряково. Это еще один представитель династии Стахеевых, избиравшийся в органы местного самоуправления и единственный из них состоял в должности председателя уездной управы. Дмитрий Павлович Стахеев — выпускник Московской коммерческой академии, с 1905 по 1908 год избирался Почетным мировым судьею. В Елабуге владел недвижимостью, оцененной в 6 000 рублей.

По случаю смерти Ивана Григорьевича Стахеева в марте 1907 года, на чрезвычайной сессии, председателем собрания Михаилом Васильевичем Грачевым было предложено «почтить память усопшего вставанием... Елабужское земство понесло незаменимую утрату с кончиной старейшего гласного — Ивана Григорьевича Стахее-

[1] Журналы Елабужского уездного земского собрания XXV сессии 1891 года. Доклады управы и ревизионной комиссии. — Елабуга, 1892. — С. 57.

ва...»[1]. В этот же год была закрыта «Вятская газета», орган губернского земства. И некролог о смерти И.Г. Стахеева был опубликован в Вятских епархиальных ведомостях[2].

Почтенный историк российского земства Борис Борисович Веселовский (1880-1954) в многотомном исследовании «История земства» пишет, что «с 80-х годов в Елабужском земстве влияние переходит к купцам и деятельность его замирает»[3]. Позволим согласиться лишь с первой частью высказывания маститого ученого. Действительно, земскую управу этого времени возглавляли купцы Яков Капитонович Ушков, Андрей Дмитриевич Кусакин, Алексей Козьмич Назаров. Это был насыщенный период в истории местного земства, во многих делах имела место частная инициатива елабужского гильдейского купечества. В 1882 году на земском собрании было оглашено заявление купца I гильдии Василия Афанасьевича Петрова о пожертвовании 9 000 рублей на строительство двух народных школ в тех населенных пунктах уезда, в которых их не было. В 1881-1882 годах Евстафием Ефимовичем Емельяновым, купцом I гильдии в селе Икское Устье было основано приходское училище, при Кокшанском заводе аналогичное училище содержалось на средства Потомственного Почетного гражданина Елабуги Петра Капитоновича Ушкова. В эти же годы Федор Прохорович Гирбасов, Потомственный Почетный гражданин города, купец I гильдии выстроил школьное здание стоимостью 4000 рублей. В 1881 году было выстроено новое здание земской больницы в Елабуге, в 1887-89 годах были открыты земские больницы в Можге и Варзиятчах, а Костенеевский и Пьяноборский фельдшерские пункты были переименованы во врачебные участки. Уездное земское собрание 1885 года вынесло постановление о выделении 350 рублей на проведение педагогических курсов для учителей народных школ и на приобретение книг педагогического содержания. В 1886 году была открыта центральная учительская библиотека при управе, призванная организовывать профессиональное чтение земских специалистов. На XIX сессии 1885 года по инициативе председателя управы Якова Капитоновича Ушкова, купца I гильдии, Потомственного Почетного гражданина Елабуги, был открыт кредит на приобретение духовных и учебных книг для бесплатной раздачи выпускникам земских народных школ. Мотивацией тому послужила забота земцев о нравственном здоровье детей и о повышении агрономических знаний крестьян. Елабужское земство выписывало журналы для нормативного чтения мировым

---

[1] XXXXI очередное Елабужское уездное земское собрание, 5-13 октября 1907 года и чрезвычайные 20 марта и 20 июля. Журналы собраний. — Елабуга, 1908. — С. 2 (2-я паг.).

[2] Вятские епархиальные ведомости. — 1907. — № 14 (5 апреля). — С. 364-365.

[3] Веселовский Б.Б. История земства. — СПб., 1911. — Т. 4. — С. 660.

участковым судьям. Петр Капитонович Ушков, «заботясь о коренном населении Елабужского уезда и входя в тяжелое положение земства... платежные силы населения ослабли вследствие неурожаев, пожертвовал отстроенную лечебницу в Варзиятчах у самого источника, стоимостью до 25 тысяч рублей»[1]. Елабужское земство в 80-е годы становится членом Санкт-Петербургского ссудо-сберегательного товарищества имени князя Александра Илларионовича Васильчикова, известного земца, общественного деятеля. Одним из направлений деятельности Товарищества было проведение конкурсов и премирование работ по земскому и городскому хозяйствам.

Видимо этот, далеко не полный перечень благих дел отдельных гласных и Елабужского земства в целом, дают веские основания верифицировать и переосмыслить некоторые исторические труды ученых, которые стремятся к обобщению и типизации земской деятельности, что приводит к утере специфичности и индивидуальности каждого местного земства. Видимо, в определенной степени сказался стереотип восприятия ученым-историком российской действительности периода правления императора Александра III, последовательно проводившего курс государственно-охранительной политики.

Продолжателем земской деятельности Ивана Григорьевича был его сын Иван Иванович, избиравшийся в земские гласные в течение 2-х сроков, с 1906 по 1910 год. Как и другие Стахеевы гласные, он избирался в попечители школ, земской больницы, в Почетные мировые судьи, состоял членом землеустроительной комиссии, гласным городской думы. Елабужское земство по-прежнему не выходило за рамки дозволенной деятельности. В последующие годы наблюдается индифферентность елабужского купечества к земскому самоуправлению. В октябре 1909 года в уездную управу поступило письменное заявление от Ивана Ивановича Стахеева, в котором указывалась, что «по делам торговым, проживая в Москве и Уфимской губернии, я не имею возможности исполнять обязанности гласного Елабужского земства и потому покорнейше прошу исключить меня из числа гласных»[2]. Талантливый коммерсант, промышленник он олицетворял собою новую генерацию предприимчивых людей начала XX века. В последствии деятельность концерна «Стахеев-Путилов-Батолин» явило миру пример акционерной хозяйственной деятельности с участием российского и иностранного капитала.

---

[1] XXXXVII очередное Елабужское уездное земское собрание, 20 сентября — 9 октября 1913 года и чрезвычайные 20 марта, 25 июня 1913 года. — Елабуга, 1914. — С. 295-296.

[2] XXXXIII очередное Елабужское уездное земское собрание, 30 сентября — 11 октября 1909 года и чрезвычайное 18 декабря 1909 года. Журналы собраний, доклады управы и комиссий, представления, ходатайства и проч. — Елабуга, 1910. — С. 687.

В эти же годы, 1906-1908 годы, клятвенное обещание земского гласного произносил Александр Кириллович Стахеев, Личный Почетный гражданин Елабуги. А пятнадцатое трехлетие Елабужского земства, с 1909 по 1911год, прошло без участия Стахеевых в органах выборного уездного самоуправления.

Григорию Васильевичу Стахееву, сыну Василия Григорьевича и Глафиры Федоровны, история отвела последние страницы в земской летописи. Потомственный Почетный гражданин Елабуги, выпускник реального училища, с 1912 года он — гласный Елабужского уездного земства, член ревизионной и уездной землеустроительной комиссии. Вместе с дворянином Николаем Александровичем Блиновым и купцом I гильдии Иваном Петровичем Ушковым, он был избран в губернские гласные на трехлетие, с 1912 по 1915 год. Григорий Васильевич, как и другие представители династии, слыл деловым и щедрым человеком. Елабужское земство по-прежнему было занято обустройством местного края, несмотря на резко возросшую политическую активность масс. Необходимость разрешения хозяйственных проблем диктовалась неблагоприятными условиями, неурожайным на зерновые выдался 1911-1912 год. По мнению земских гласных действенной помощью могла бы стать проектируемая железная дорога Москва-Екатеринбург, раздавались голоса о важности отхожих промыслов, о стимулировании крестьян и рабочих на строительство Амурской железной дороги. В делопроизводственной документации этого времени Григорий Васильевич Стахеев упомянут как большой знаток «ведения хлебного дела».

Начало XX века ознаменовано ярким событием — 300-летием празднования Дома Романовых на российском престоле. Григорий Васильевич Стахеев был избран в состав местного отдела Романовского комитета, наряду с председателем уездной управы и тремя гласными земства, а также в члены юбилейной комиссии по празднованию полувекового юбилея земских учреждений. Его общественное служение Отечеству и народу получило признание. В память 50-летия со дня утверждения «Положения о губернских и уездных земских учреждениях», в 1914 году был выпущен золотой и серебряный нагрудный знак, эмблематика которого была утверждена Николаем Александровичем Маклаковым, министром внутренних дел. Право ношения серебряного знака имел Григорий Васильевич Стахеев, наряду с представителями духовенства, врачами, учителями и другими земскими специалистами. В октябре 1915 года из Елабуги Григорием Васильевичем было подано заявление о досрочном прекращении своих обязанностей гласного уездного и губернского земств. Сложно установить, что повлияло на принятие этого решения. Ясно лишь одно, то была не одна, а клубок причин, в числе которых сложная политическая ситуация в стране, военные действия, физический недуг и проч.

Таким образом, купцы Стахеевы разных генеалогических ветвей с 1870 по 1915 год, в работе земских органов представлены двумя поколениями. Представители старшей генерации, Федор Кириллович, Иван Григорьевич стояли у истоков формирования новых органов административного управления. Последующее поколение — Дмитрий Павлович, Иван Иванович, Александр Кириллович, Григорий Васильевич работали в условиях возросшей гражданской активности начала XX века, богатого политическими событиями.

[О субъективизме в истории] Проведенное исследование основано на земской делопроизводственной документации, историческом источнике, обладающем высокой степенью объективности в изложении фактографических сведений. Однако некий элемент субъективного творчества имеет место — в выборе темы доклада, в соединении семантических кусков летописи Елабужского земства, в личностной позиции исследователя. Выражу мнение аудитории, зала, среди которых много коренных елабужан, что Стахеевых в Елабуге помнят и чтут за верное служение Отечеству, российскому престолу, российскому народу, церкви, за любовь к родному городу.

Елабужское уездное земство с года основания до упразднения, считалось «верноподданным», отношения с российской властью и губернской администрацией были миролюбивыми. «Неполитическое» Елабужское земство категорически отрицало революционный ход событий в стране. Его стратегическая линия всецело была направлена на поддержание монархического строя в России.

Е.П. Голованова
Франция, Лион

СУДЬБА ПЕТРА ВАСИЛЬЕВИЧА СТАХЕЕВА И ЕГО СЕМЬИ

Моя бабушка — старшая дочь Веры Ивановны и Петра Васильевича Стахеевых. Она умерла в 1944-ом году, за несколько лет до моего рождения. Как почти все члены семьи, она похоронена на Русском кладбище в Сант-Женевьеве-де Буа, под Парижем. То, что я знаю о своей семье до революции и потом в эмиграции, я сначала узнала непосредственно от прабабушки Веры Ивановны Стахеевой и от тех из её детей, которые были ещё живы при мне: Татьяна, которая оставила письменные мемуары (не опубликованы), Ирина, Глафира, Пётр и Екатерина. Совсем недавно, после смерти младшей дочери Петра Васильевича и Веры Ивановны Стахеевых, я унаследовала много разнообразных бумаг и документов, которые составляют настоящий семейный архив. Тут деловые бумаги Торгового Дома Стахеева, квитанции страховых обществ, разные акции Военных Займов, дореволюционные чековые книжки различных банков. Можно только удивляться, как этот материал дошёл до нас!

Есть тоже документы, которые носят более личный характер: письма знакомых и незнакомых нам лиц позволяют узнать многое о судьбе семейства Петра Васильевича и Веры Ивановны. Особое место следует отвести удивительному источнику информации: это 4 записные книжки, в которые моя прабабушка записывала почти ежедневно все затраты и доходы семьи, четко указывая число и место жительства. Первая книжка начинается в октябре 1918-го года, последняя кончается в ноябре 1923 г. Этот архив еще полностью не изучен, но он уже дополняет устные воспоминания, семейные предания и мемуары моей тёти Татьяны Петровны. Благодаря этому мы можем теперь точно и не опровергаемо восстановить историю судьбы семьи Петра Васильевича и Веры Ивановны Стахеевых после 1918-го года.

До революции

Следует сначала напомнить, кто составлял эту ветвь Стахеевых.

Пётр Васильевич Стахеев (род. 18.03.1871) и Вера Ивановна Докучаева (род. 20.01.1879) принадлежали к одному из высших слоев российского общества: потомственные почетные граждане[1] с очень большим состоянием.

[1] Василий Григорьевич с женой и сыновьями был возведен в сословие почетных граждан в 1891 г. См.: Валеев Н.М. Роль династии Стахеевых в судьбах России. Вторые Стахеевские чтения. Материалы международной конференции. — Елабуга: ЕГПУ, 2003. — С. 11-12.

Пётр Васильевич был выпускником петербургского Лесного Института, который он окончил в 1896-ом году. Вера Ивановна окончила Самарскую Женскую Гимназию, затем успешно прошла курсы по педагогике и дидактике со специальностью «Французский язык». Оба были люди культурные, начитанные. Они были двоюродные брат и сестра[1] и им пришлось бороться, чтобы жениться. Наконец они повенчались в Москве 27-го января 1899 г.[2]

Ему было 27 лет, ей — 21 год.

За 10 лет они родили семеро детей: Вера (1900), Татьяна (1901), Ирина (1902), Василий (1904), Глафира (1907), Пётр (1909), Екатерина (1910).

В своих мемуарах Татьяна Петровна очень живо описывает счастливую семейную жизнь. Зиму проводили в городе: первые годы в Самаре, около матери Веры Ивановны Татьяны Семёновной Докучаевой (ур. Аржановой), затем в Москве, где Пётр Васильевич имел особняк. А летом жили в семейном имении Стахеевых Святой Ключ («Красный Ключ») в большом новом доме. По рассказам прабабушки чувствовалась сильная привязанность к этому месту. От этого периода сохранилось очень мало фотографий. Но одна фотография дошла до нас в хорошем состоянии, она всегда висела у прабабушки над кроватью: на скамейке перед Святым Ключом сидит Пётр Васильевич с маленьким Васей и за ними широко расстилается Кама. Вера Ивановна особенно любила этот снимок, очевидно для неё в нём содержалось всё невозвратимое прошлое[3].

Пётр Васильевич и Вера Ивановна были людьми семейными и очень заботились о своих детях. У Веры Ивановны были строгие правила воспитания, некоторые из них, касательно здоровья, были для того времени передовыми.

С 1907-го года семья Петра Васильевича стала проводить часть года на юго-западе Франции в модном курорте Биарриц, на Океане. Во время их первого пребывания они встречались со знаменитым драматургом Эдмоном Ростаном, который посвятил четыре стиха «северной Венере»... и много лет спустя 80-ти летняя старушка-бабушка с гордостью рассказывала! В самом деле, Вера Ивановна была высокая, стройная, с тонкими чертами лица и прекрасными светлы-

---

[1] Отец Веры Ивановны, почётный гражданин Иван Федорович Докучаев — родной брат Глафиры Федоровны, урожденной Докучаевой, матери Петра Васильевича. См.: Хайрутдинов Р.Р. Казанская ветвь рода Стахеевых. Там же. С. 43. Заметим, что метрическое свидетельство свидетельствует, что Вера Ивановна «дочь почетного гражданина» и сама она потом говорила что «её родственники, Докучаевы, были богаче Стахееых». Поскольку в вышеупомянутой статье уточнено: «... к концу XIX в. Докучаевы перестают играть сколько-нибудь заметную роль в общественно-экономической жизни Казани. Они переходят в мещанское сословие», можно заключить, что самые успешные Докучаевы переехали в Самару, где и провела детство и юность Вера Ивановна.

[2] Копия метрического удостоверения передана в архив ЕГПУ 28 июня 2007 г.

[3] Копия передана в архив ЕГПУ 28 июня 2007 г.

ми волосами (она очень гордилась длинной густой косой, которую она так кокетливо выдвинула вперёд на своей фотографии в 17 лет[1]).

Каждый год Стахеевы снимали то одну, то другую большую виллу над самым пляжем. Эти виллы всё ещё стоят, и даже название их не изменилось. Одну снимали они, а другую — Великая Княгиня Ксения Александровна, сестра Николая II, и их дети вместе играли на пляже. В то время в Биарриц съезжалось много русских. Была построена русская православная церковь, которой Петр Васильевич пожертвовал золотые сосуды и хоругви, и оплачивал цветы круглый год. Во время «русского сезона» была русская общественная жизнь. Сын Пётр родился там. Одно время шли разговоры о покупке большой виллы, но Пётр Васильевич решил не покупать, «чтобы дочери не стали настоящими француженками». В доме, который они снимали, Стахеевы оставляли некоторые вещи, и так до нас дошли семейные иконы и фотографии, снятые там (их у нас больше, чем фотографий из России). Среди них единственный снимок всей семьи вместе: родители и семеро детей сидят на пляже, довольно тепло одеты (они там бывали с ноября до Пасхи). Среди этих фото есть несколько, где Вера, Татьяна, Ирина, Василий, Глафира, Пётр и Екатерина стоят как на линейке, все рядышком, и не по возрасту, а по высоте: самая высокая не старшая дочь Вера, а Татьяна[2].

Биарриц играл большую роль в жизни семьи до революции, он сыграл большую роль и после. Последнее пребывание всех Стахеевых там было весной 1914-ого года. Аренда на следующую зиму была оплачена. Но началась война...

Война и революция

После начала войны Стахеевы естественно за границу не выезжали. Пётр Васильевич абсолютно все свои капиталы вернул в Россию, и вёл активные дела. В 1915 и 1916 гг. он вложил большие суммы в краткосрочный государственный заём (купоны сохранились: Вера Ивановна после 1918 надеялась, что деньги получит обратно). Семья стала постоянно жить на Святом Ключе, где был построен зимний дом. Большой летний дом был конфискован сразу после революции, но семью советская власть не трогала, по словам Татьяны Петровны благодаря её популярности среди местных жителей.

Однако летом 1918 всё быстро изменилось и в августе «врагам народа» стало опасно оставаться. Петру Васильевичу пришлось бежать: переодевшись в крестьянскую одежду, он сел в лодку и уплыл один вниз по Каме. Жена и дети его больше никогда не видели.

Несколько дней спустя жена одного из служащих рассказала Вере Ивановне, что она случайно слышала, как городская советская

[1] Копия передана в архив ЕГПУ 28 июня 2007 г.
[2] Копии переданы в архив ЕГПУ 28 июня 2007 г.

власть решила их арестовать в качестве заложников из-за приближения Белой Армии. Посреди ночи Вера Ивановна решила бежать с четырьмя старшими детьми на 2 тарантасах. В татарской деревне приняли беженцев, накормили, и они поехали дальше. Но тут Татьяна заболела дизентерией, и мать решила вернуться домой её лечить.

Во время болезни Татьяны, Казань и побережье Камы были взяты Белой Армией, но ненадолго. Белые стали отступать на Восток, и положение опять стало опасным. В сентябре 1918 г. капитан одного Стахеевского парохода, причаливавшего на Святой Ключ, предложил взять всех на свой борт, дав им два часа на сбор чемоданов. Вера Ивановна тут взяла все документы, дошедшие до нас, и свои драгоценности. Стахеевы остановились в Елабуге несколько дней, затем добрались до Уфы, где тоже прожили несколько дней, и отправились в Сибирь в теплушке, где теснилось много семей, среди которых Григорий Васильевич Стахеев с женой Варварой и их семеро детей[1]. Как пишет Татьяна, это тяжёлое путешествие, с длинными внезапными остановками, под постоянной угрозой нападения бандитов, длилось очень долго. Наконец они приехали в Ново-Николаевск 23-го сентября 1918.

В Сибири

Теперь это Новосибирск, но тогда это был недавно основанный городок, быстро растущий, благодаря Транссибирскому поезду. Мы знаем точный адрес (Михайловская ул., 68) по надписи на оборотной стороне фотокарточки и по 1-ой записной книжечке. Там жили: Вера Ивановна, её семеро детей, горничная Дуняша и гувернантка, француженка Фелиси. Им особенно запомнились сибирские морозы — от непривычки и недостатка теплой одежды.

В маленьких записных книжках в картонной обложке Вера Ивановна чётко записывала все, даже самые малейшие затраты. Например:

1919, 26-го апреля: сыр — 6 руб. Сосиски, сметана — 9 руб.90 коп.

27-го апреля: учителю Пети — 100. Мыло, спички, бумага — 61,50. *Масло, сыр — 27,75. Яйца, лук — 22. Хлеб — 12. Глаше подарок — 25. Чинка ботинок — 60* и т.д. (показательно, что даже в таком тяжёлом положении учёба младших детей не заброшена). Среди доходов, 15-го ноября 1919 «*получено 22.650 р. за брелок*»: Вера Ивановна начала продавать свои драгоценности.

Денег было мало: об этом свидетельствуют несколько писем от разных людей, как родственников, так и служащих Торгового Дома Стахеевых, отвечающих на просьбу выслать деньги.

Из Ново-Николаевска Вера Ивановна писала и другие письма: из сохранившихся ответов понятно, что она всячески старалась уз-

[1] Из имеющихся в семейном архиве писем от Глафиры Федоровны Стахеевой известно, что Г.В. Стахеев остался в Новониколаевске, и умер там в 1926 г.

нать о муже, изо всех сил пыталась его найти. В это смутное время связи были трудны, часто даже прерваны: «*Вот поэтому нельзя узнать про Петра Васильевича, может быть он жив и здоров*». Но кое-что она всё-таки узнала о муже из разных писем (подписи неразборчивы): Пётр Васильевич прятался на *Самолетском пароходе* до конца сезона навигации, потом он жил у капитана этого парохода. Там его арестовали, затем освободили после того, как он выплатил *«контрибуцию»* в 5.000 рублей. Автор письма продолжает: «*Можно полагать, что за невозможностью выехать куда-либо из Нижнего, и по сие время Пётр Васильевич живут там*» (письмо от 16-го апреля 1919 г.).

Старшие Вера и Татьяна подрабатывали благодаря своему знанию французского и английского: они давали частные уроки, служили переводчицами при американском Красном Кресте и армии (в Ново-Николаевске находились войска союзных держав). Вера Ивановна согласилась на это при условии, что в случае отступления Белой армии, вся семья будет эвакуирована вместе с войсками. И вот осенью 1919 года. Белая Армия стала отступать: Вера Ивановна с семьей опять отправились на Восток в теплушке, и приехали во Владивосток 26-го сентября.

Там было ужасное положение: город переполнен эвакуированными людьми, разбросанными семьями. Не было свободных комнат. Стахеевым удалось найти место жительства на Староокеанской улице. Среди расходов за октябрь записано: *«3 матраса»* и *«6 ложек, 6 вилок»*. Но стало ясно, что оставаться в этом городе невозможно, и к тому же Вера Ивановна узнала, что её младший брат, Сергей Докучаев, живёт в Шанхае с женой и дочерьми. Было принято решение покинуть Владивосток и переселиться в Китай. За 22-ое ноября записано: «*паспорта — 60 р.*».

Старшая дочь Вера Петровна не уехала вместе со всеми — она вышла замуж. Нам не известно число венчания моей бабушки: никто из родных никогда не говорил об этом браке, и это свидетельствует о том, что Вера Ивановна его не одобряла (я даже не знаю, кем был мой дедушка, Николай Минтовт-Андрушкевич. Знаю только, что он был литовец). Моя мама, Татьяна, родилась 2 мая 1922 во Владивостоке, её брат Алексей — в 1923. Как кончился брак неизвестно, но ясно, что это была грустная история.

Именно Вере во Владивосток пришла новость о гибели Петра Васильевича: 22-го декабря 1920 ей было послано письмо, подписанное «Владимиром» (её дядей, братом Веры Ивановны). Там мы узнаём, что Петр Васильевич скончался 4-го февраля 1920 от угара. Накануне вечером он был у жены Владимира, «*был очень весёлый, а утром нашли его мёртвым в его комнате*». Пётр Васильевич оставался в Нижнем Новгороде, «*служил по своей специальности*» сначала около Семенова, затем перешёл на другую службу в Н.-Новго-

род. «*Незадолго до смерти он узнал, что (появилась?) возможность узнать кое-что о Вас и был конечно этим очень доволен*». Пётр Васильевич был похоронен «*очень хорошо, в женском монастыре, недалеко от церкви*».

Владимир Докучаев ещё пишет, что только что узнал Верин адрес из её письма, в котором она сообщает о своём замужестве (при том он жалеет, что она не говорит, за кого вышла замуж).[1]

В Китае

В записной книжке точно указано: «*Шанхай. Приехали 5-го декабря 1919 ст.ст.*».

В Шанхае Стахеевы жили очень небогато, но всё-таки лучше, чем в Сибири. Деньги поступали главным образом от продажи драгоценностей Веры Ивановны. Встречаются такие записи: «*Продано 2 брильянта*»... У Веры Ивановны были великолепные ожерелья, браслеты, брошки, купленные у самых лучших французских и русских ювелиров. Я помню, как она мне рассказывала о своих давно проданных замечательных изумрудах. Она даже отправлялась продавать в Японию.

Старшие из детей работали и получали жалование, а младшие учились. Так как семья жила во французской концессии, и учёба проводилась во французской школе: это не представляло особых трудностей, так как все свободно владели французским языком.

Жилось нелегко, но помимо труда, были и маленькие удовольствия. По записным книжкам видно, что дети регулярно посещали «*синематограф*», что покупались пирожные, наверно для дам, которых Вера Ивановна приглашала на чай, и конфеты (особенно ярко помнила Тётя Катя, самая младшая, липкие китайские конфеты, которые старый китаец пальцами доставал из большой стеклянной банки). Часто тратили на «*рикшу*». Жизнь семейства сложилась как-то более нормально.

Сразу после приезда в Китай Татьяна и Ирина уехали в Пекин — они там нашли работу при дипломатических делегациях благодаря знанию иностранных языков. Они регулярно посылали деньги матери. Интересное приключение, когда Татьяна и Ирина организовали борьбу с пожаром в императорском дворце, описано в докладе Татьяны Браунинг[2]. У меня хранится шёлковый вышитый китайский кафтан, который Ирина получила с другими подарками за свой подвиг (в трудный момент она его поручила матери с просьбой продать, но Вера Ивановна не продала, а дала дочери деньги и спрятала прекрасный кафтан. Полвека спустя она мне его подарила).

---

[1] Копия письма передана в архив ЕГПУ 28 июня 2007 г.

[2] Вторые Стахеевские чтения. Материалы международной конференции. — Елабуга: ЕГПУ, 2003.

В Пекине Татьяна познакомилась с молодым английским дипломатом и 26-го мая 1923, они поженились в Шанхае. По счетам видно, что в этот период много истратилось на материю, на портниху, на цветы и т.д. В день свадьбы была снята фотография[1], на которой невесту окружают сёстры Вера, Ирина, Глафира, Екатерина и брат Пётр. На ней нет Василия: Вася в последний раз упоминается в записной книжке именно в мае 1923. Потом его больше нет тоже ни на одной фотографии. Мне прабабушка говорила, что он умер от дизентерии в Китае.

В это время семейство увеличилось. По записи счетов видно, что в 1923 г. маленькая Таня, дочь Веры Петровны, жила в Шанхае у бабушки: часто покупается «*молоко для Танечки*». Тогда у Веры двое детей и, по-видимому, больше нет мужа.

В этом же году к семье Стахеевых присоединилась няня — ей регулярно выплачивается небольшое жалование. История этой няни довольно удивительна. До революции у Стахеевых было несколько нянь. Няня Афанасия Кортунова была няней старших дочерей. Она была неграмотная крестьянка, вдова, у неё было двое детей (сын — большевик!). Она давно жила в семье Стахеевых: у нас сохранились её золотые часы с надписью «*за 10 лет доброй службы*». Когда семья покинула Святой Ключ, няня осталась. И вот потом няня бросилась вдогонку Стахеевых. Не умея ни читать, ни писать, она проехала всю Сибирь по их следам, выехала в Китай, нашла их в Шанхае... и осталась с ними навсегда. Вынянчив Веру Петровну, она потом нянчила её детей Таню (мою маму) и Алёшу. Она скончалась под Парижем в 1964, и похоронена в семейной могиле.

Во Франции

В том же 1923-ем году Татьяна уехала в Англию с мужем и пригласила мать, сестёр и брата. Стахеевы собрались в Европу. Начался новый период в истории семьи.

Первой уехала Ирина: в ноябре записаны затраты для неё — сундук, ботинки, материя на платье, билет и паспорт[2]. По паспорту видно, что она плыла через Коломбо (11-го декабря), и высадилась в Марселе (Франция) 30-го декабря.

Остальные члены семьи отправились в путь месяц спустя. Я не раз слышала, что они собирались в Англию, но остались во Франции из-за несчастного случая: Вера Ивановна очень боялась кораблекрушения, и поэтому спала не в каюте, а на палубе в кресле. Однажды ночью её обокрали, и украли её паспорт и паспорт Веры с детьми. Когда прибыли в Марсель, французская полиция их задержала,

[1] Копия передана в архив ЕГПУ 28 июня 2007 г.

[2] Этот паспорт теперь висит у меня на стене в рамке: с одной стороны написано по-китайски, с другой по-английски и по-русски. Копия передана в архив ЕГПУ 28 июня 2007 г.

потому что у них не было бумаг. Но они поселились во Франции не только по этой причине. Некоторые документы показывают, что собирались именно во Францию: например письмо католической миссии в Шанхае, рекомендующее Веру Ивановну Стахееву и её потомство католическим властям Франции.

Семейство высадилось в Марселе 26-го января 1924.

К сожалению, записных книжек после выезда из Китая не сохранилось, и информация про следующий период разрознена: это письма, записи на фотографиях, официальные бумаги и дипломы, а также запомнившиеся мне семейные рассказы.

По приезде во Францию семья разбилась по разным местам: Вера Ивановна с младшими Глафирой, Петей и Катей, и внуками (Таня и Алёша), с няней несколько лет жили в Монпелье (юг Франции), а взрослые Вера и Ирина уехали на работу в Париж. Монпелье не нравился Вере Ивановне, она считала его глухой чужой провинцией. Глафира, Пётр и Екатерина там учились в частных католических школах и выдержали французский бакалавр (в то время только 20 % французской молодёжи имели этот диплом по окончанию средней школы).

В конце 20-ых годов вся семья переехала в Париж. После многих хлопот (у неё всегда хватало энергии, чтобы устраивать близких!) Вере Ивановне удалось получить от городского управления довольно большую квартиру на бульваре Мюра, в районе Парижа, где жило много русских эмигрантов. Несмотря на жалования старших дочерей, денег было мало на многочисленную семью, и драгоценностей оставалось немного. Но жили достойно. Вера Ивановна по-прежнему стала принимать дам к чаю, у неё был свой день приёма. Хотя сами плохо кормились, тем не менее по вторникам покупали пирожные для гостей. Среди гостей, о которых мне рассказывали, я помню фамилию жены знаменитого купца-коллекционера Щукина: моя мама в детстве дружила с их дочерью Ириной, которая во время недавней выставки в Париже картин Импрессионистов из Эрмитажа старалась арестовать конфискованную коллекцию отца...

Самое главное для Веры Ивановны было дать своим детям, а затем и внукам, самое лучшее воспитание. Поэтому моя мама не училась в Русской Гимназии как большинство её друзей, а у католических монашек, брала уроки музыки (впоследствии она сама подрабатывала, давая уроки пианино) и училась танцу по методам Айсидоры Дункан. Она мне часто рассказывала, как она всё это ненавидела, но бабушка была строгая и приходилось подчиняться...

Вера и Ирина работали медсестрами в элитном Парижском Американском Госпитале. Очень ценили молодых русских женщин за их знание языков и прекрасные манеры, умение общаться, и, конечно, за профессиональные качества. Остался диплом, получен-

ный Ириной в Бостоне (США) в 1927. Она специализировалась в уходе за новорожденными, и её профессиональную компетентность настолько ценили, что ей предложили стать главной медсестрой в отделении. Она отказалась и покинула место после того, как начальство Госпиталя не захотело помочь ее больной сестре Вере: у Ирины, как и у всех Стахеевых, были принципы и сильный характер.

Сразу после получения бакалавра, Глафира тоже поступила на работу: в семье не было достаточно денег, чтобы продолжать учёбу. В 1927 г. она поехала в Нью-Йорк, куда её пригласил работать младший брат Веры Ивановны, Сергей Докучаев. Но она там долго не осталась, поскольку я слышала, потому что он ей не заплатил обещанное жалование. Я тоже слышала, что Глафира Петровна одно время работала как модель. Это вполне возможно, потому что у неё была особенно элегантная фигура: даже в пожилом возрасте, она была высокая, стройная, с прекрасной посадкой и длинными тонкими руками. Потом она долгие годы работала секретаршей и доверенным человеком разных людей, среди которых известный французский экономист. Она всю свою жизнь ненавидела своё необычное имя (её назвали в честь бабушки).

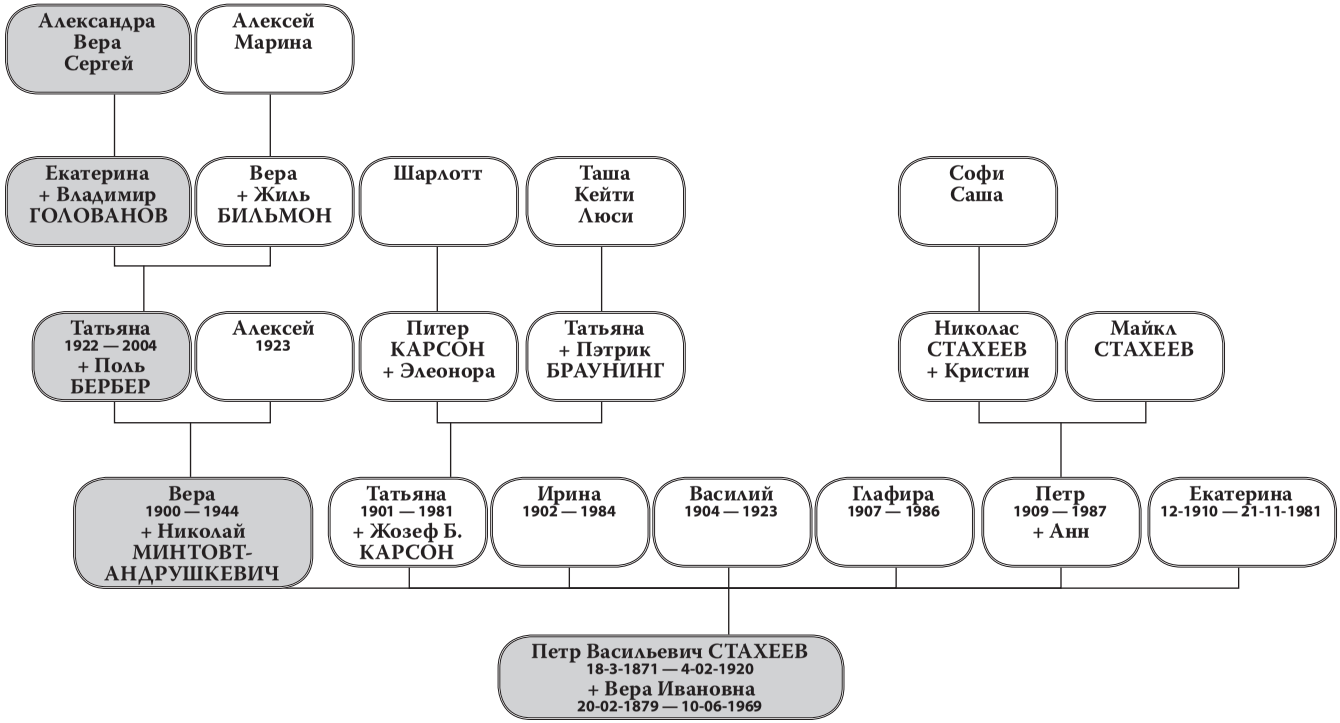
Самая младшая, Екатерина, мечтала изучать химию, но из-за недостатка денег ей тоже пришлось рано поступать на работу. Она была секретаршей в разных французских и американских компаниях, и доверенным лицом как и французских, так и американских богатых людей и бизнесменов. Всюду всегда хвалили её честность и эффективность.

Единственный, кто смог получить высшее образование, это Пётр: благодаря работе сестёр, в частности Ирины, он смог поступить в лучшую французскую бизнес-школу. Впоследствии, работая в крупной американской компании, он денежно помогал матери и сёстрам. С юности его лучшим другом был Серёжа Толстой, внук Льва Толстого. С Петром был интересный случай. В 30-ых годах он попросил французское гражданство: тут французские власти заметили что, так как он родился во Франции, в Биаррице, он француз... и значит должен отслужить военную повинность: таким образом он провёл два года во французской армии в Марокко. Пётр отличался высоким ростом: 2 м. 5 см. Из писем Глафиры Фёдоровны, оставшейся в Елабуге, Вере Ивановне видно, что в 16 лет он уже достиг этого роста. В пятидесятых годах он женился на англичанке и у них два сына.

Моя бабушка, Вера, умерла в 1944 от сердечного припадка, оказавшись в бомбардированном поезде: ей было всего 44 года.

Покинув Американский Госпиталь в Париже после смерти сестры, Ирина служила несколько лет в американской армии в Германии. Как и все три младшие дочери, она не выходила замуж. В старости обе сестры Ирина Петровна и Глафира Петровна жили в Па-

Ветвь П.В. и В.И. Стахеевых с потомками

риже недалеко друг от друга в однокомнатных квартирах, обе умерли в 80-х гг.

Про Татьяну Петровну, которая жила в Англии, подробно рассказывать не стану: её сын Питер и дочь Татьяна это сделают лучше меня!

Последний период в жизни Веры Ивановны относится к Биаррицу. Она туда уехала с частью семьи в начале войны, в 1940. Стахеевы снимали четырехкомнатную квартиру на третьем этаже небольшого дома. Во время немецкой оккупации им трудно жилось. Вся семья была сильно настроена против немцев, и переживала за Красную Армию. На этой же квартире Вера Ивановна прожила последние 30 лет своей жизни с младшей дочерью Екатериной. Интересно, что у неё связь с родиной не прерывалась: она вела переписку со своей свекровью Глафирой Фёдоровной (сохранилось 2 письма Глафиры Фёдоровны от 1926-го г.). После войны переписывалась с сестрой Екатериной Докучаевой, которая жила в Москве и приехала к ней в гости как только это стало возможным, кажется в 1955, и затем приезжала регулярно каждые 3-4 года.

Веру Ивановну я прекрасно помню. У меня другой бабушки не было. Она часто проводила зиму у нас под Парижем, и каждое лето мы ездили к ней в Биарриц. У меня много ярких воспоминаний о прабабушке. Она мне читала вслух по-русски, да и заставляла самой читать, часто читала наизусть свои любимые стихотворения (мне навсегда запомнились стихи Лермонтова и Тютчева). Меня она очень баловала, как она никогда не баловала ни одного из своих детей и внуков: ведь тогда у неё больше не было тяжёлой обязанности поставить семью на ноги. Она очень гордилась своей первой правнучкой, а я своей элегантной прабабушкой. Даже в глубокой старости она имела сильное чувство достоинства: например она бы никогда не вышла на улицу плохо одетой или с пятном на одежде. Она считала, что мы, Стахеевы, не совсем как все, а пожалуй лучше, и следовательно должны вести себя лучше других. Она скончалась у нас на квартире в Париже 10-го июня 1969 г.

Последней осталась Екатерина Петровна. После смерти матери, она ещё прожила 35 лет в «своём любимом Биаррице», где и скончалась 21-го ноября 2005. До самой смерти почти в 95 лет она сохранила здравый смысл и интерес ко всему, что происходит в мире, с волнением следила за переменами в России. Мы все к ней регулярно ездили: племянники, внучатные племянники и «правнучатные» племянники. Она была соединяющим звеном семьи Стахеевых в Европе.

В.Д. Голованов
Франция, Лион

ОТ МОСКВЫ ДО ПАРИЖА. КОРОТКАЯ ДИНАСТИЯ КУПЦОВ ГОЛОВАНОВЫХ

Фамилия Головановых достаточно распространена — в одном Париже у нас минимум 3 однофамильца, но наша речь будет идти об одной короткой династии — 4 поколения Головановых, — которую мы полностью знаем. Нам кажется, что эта история представляет в сжатой форме основные характеристики купцов-предпринимателей конца XIX — начала XX веков. Это был расцвет настоящего предпринимательства в России: Стахеевы, Путиловы, Морозовы, Щукины, Мамонтовы, Третьяковы... дали России такой же экономический толчок, как Рокфеллеры, Форды или Ван Дер Билты в США... И нашим предпринимателям отрезали крылья... и часто головы, или заставили уехать, как Стахеевых, Головановых. Это по большому счёту и объясняет последующую отсталость российской экономики.

Москва купеческая
Новый русский конца XIX века

Основатель династии, Кузьма Алексеевич Голованов, нам известен благодаря сохранившемуся *Свидетельству о выполнении воинской повинности*. Он родился в 1854, в деревне Лапино (Тверская губерния[1]). О родителях мы ничего не знаем, но я думаю, что они были из мещан. Кузьма и его брат Петр были грамотными. В 1876 году Кузьму взяли в армию: он служил унтер-офицером — бригадным писарем артиллерийской бригады, и участвовал в турецкой войне 1877-1878. По демобилизации он вернулся в Лапино, женился на Анне Ивановне Шереметевой из крестьянского сословия, и у них родился сын Леонид (1885, потом родятся еще 2 сына и 3 дочери). В 1887 они переезжают в Москву, и Кузьма Алексеевич начинает заниматься извозом, обосновавшись у Рогожской заставы. Отсюда идет наша купеческая династия: Кузьма Алексеевич становится московским купцом 3-й гильдии, и создает компанию «*Голованов и сыновья*», запись которой сохранилась в московском реестре. Фирма быстро развивается и становится одной из самых крупных российских перевозчиков начала прошлого века. Голованов являют, таким образом, образец «*новых русских*»... конца XIX века! Они парвеню того времени, но вспомним, что Стахеевы, как и Морозовы, Абрикосовы и очень многие другие известнейшие про-

[1] Эту деревню мы не обнаружили. Она находилась в Тургиновской волости, откуда происходит род президента Путина.

мышленники, стали купцами меньше, чем на сто лет раньше... и Головановы вливаются в московскую элиту. Но Кузьма Алексеевич не увидел полного успеха своего детища: он умер около десятого года (точная дата нам пока не известна).

Преемник

Окончив реальное училище, старший сын основателя династии, Леонид Кузьмич, включился в дело. После смерти отца он становится главой предприятия и продолжает его развивать: у них больше 100 лошадей и первые в России грузовые автомашины. Леонид покупает роскошную дачу в Кунцево и большой участок земли с остатками Скуратовских палат 16-го века у Никитских ворот, между усадьбой Рябушинского (теперь музей Горького) и дворцом графов Бобринских[1]. Туда переводится с Рогожской фирма, и переезжает весь род: остатки палат оборудуются под конюшни и гаражи, а на свободном месте закладывается большой двухэтажный дом, куда в 1916-1917-м переезжают Анна Ивановна, Леонид и все братья и сестры с семьями [2].

Семейная жизнь Леонида тоже развивается успешно: молодой, богатый, умный... за него сватали многих... Но он влюбился в молодую студентку (1889-го года рождения) Ольгу Федоровну Рахманову, которая ответила взаимностью. Рахмановы — древний род московских купцов-старообрядцев[3]. Отец Ольги — банкир, коллекция икон ее дяди вошла в фонд Третьяковской галереи... Но Ольга, 9-я из 13 детей,

---

[1] Потомки Императрицы Екатерины II и Орлова. См.: Википедиа.

[2] После отъезда Леонида за границу (см. дальше), его братья и сестры с семьями останутся жить в этом доме. Они занимают весь 2-ой этаж... до 70-х годов. Тогда их расселят, дом снесут и на его месте построят в 90-х многоэтажку с дорогими квартирами. А восстановленные палаты станут одним из редких московских памятников средневекового гражданского зодчества.

[3] Купцы первой гильдии со времен Ивана Грозного, — говорила Ольга Федоровна. Несколько ссылок:
— «От Рахмана, выходца из Орды, помещённого на рубеже XIV-XV вв. в Москве. Двор его под 1405 годом отмечен в Москве» (ПСРЛ, 25, с. 233). «В конце XV века они уже носили фамилию Рахмановых, например, Василий Иванович Ляпун-Рахманов, отмеченный под 1495 годом в Новгороде» (Веселовский 1974, с. 267).
— Ближе к нам: «Уже к середине века несколько торговых семей Рахмановых владели значительными капиталами (Ф.А. Рахманов — свыше 1 миллиона руб. уже в 1854 г.) и имели коммерческие интересы не только в Москве». См.: Старообрядчество: история, культура, современность. Тезисы 1997. Москва, 1997, с. 62-64. А.В. Стадников — археографическая лаборатория МГУ). Купеческий род как структурная единица старообрядческой общины (на примере старообрядческого рода Рахмановых и московской Рогожской общины).
— РАХМАНОВЫ — старообрядческий купеческий род, принадлежавший белокриницкому согласию. Их пращур Леонтий проживал в с. Слободищи в подмосковных Гуслицах, был женат на Феодосии Георгиевне (1755-1839), умер после 1812 г. Он имел как минимум двух сыновей: 1) Андрея и 2) Григория...» (прямая линия до Ольги Федоровны). С.Г. Вургафт, И.А. Ушаков; Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря.

оказалась вольнодумкой, и, на стыд и срам семьи, сошлась с Леонидом без венчания. Пара бежала в Швейцарию, где у них родился сын Игорь (1910; в то время там околачивались многие революционеры, но никто не рассказывал о встрече с ними). По возвращении в Москву у них родится Димитрий (1913), они мирятся с семьями и, 3 года спустя, венчаются и крестят детей (1916) в церкви Большого Вознесения, что наискосок от их дома (Храм знаменит тем, что в нем венчался Пушкин).

Революция

Война не миновала Головановых: в 1914 г. убит на фронте младший брат Леонида, Сергей. Но дела их пошли в гору, и революция, заставшая семью с очень большим состоянием, поначалу мало ее коснулась. Голованов работали, не занимаясь политикой, и *МОНСАНТО,* как переименовали фирму, продолжала приносить доход. Как в фильме «*Утомленные солнцем*», весь род продолжал жить в московском доме и на кунцевской даче. НЭП дал даже новый толчок деятельности, а Леонид Кузьмич умудрился почти купить в Крыму «*Ласточкино Гнездо*».

Но большевистская власть давала себя знать: детей исключили из школы за классовую принадлежность, а фирму начали прижимать. В начале 20-х Голованов решили, что таким предпринимателям в России не место: надо уезжать. Первым поедет Леонид, обустроится, и остальных перетянет... И Леонид поступил на службу в советскую торговую миссию в Париже (до открытия посольства), а в 1924 переехал туда с семьей: женой, двумя сыновьями, матерью и ее сестрой. После этого опустился железный занавес: Анна Ивановна вернулась в Москву, когда умерла ее дочь Елена, чтобы заниматься осиротевшими внуками, но оттуда никто уже приехать не смог...

Предприниматель в эмиграции

Не просто начинать с начала!

Леонид Кузьмич уехал с имуществом, как в «*Золотом теленке*»: активы обращены в драгоценности, главным образом в бриллианты, которые семья вывезла зашитыми в подкладки, спрятанными в пятилитровые банки варенья и т.п. Выезд проходит без препятствий (но не без страха!). О взятках при выезде я не слышал, но уже после отъезда Леонида у оставшихся Голованов власти вымогали (и забрали) остатки состояния. С этим капиталом Леонид Кузьмич открывает в Париже русский ресторан-кабаре «Талисман», с партнером-профессионалом. Ольга Федоровна садится за кассу. Но дела не идут, и «Талисман» скоро прогорает...

Уже без капитала Леонид Кузьмич начинает две деятельности:

- Используя свои связи среди обеспеченных русских эмигрантов и хорошие знания в области искусства, он пускается в по-

средничество по купле-продаже произведений искусств между эмигрантами и французами. Многие эмигранты вывезли хорошее состояние, неплохо зарабатывали, но плохо разбирались в живописи или не владели языком. Леонид Кузьмич смог таким образом прокормить семью.

- В 1935-м он возвращается к ресторанной деятельности и арендует на летние месяцы поместье в живописном месте, на берегу Луары (120 км от Парижа). Там он организует ресторан и мини-гостиницу, куда приезжают отдыхать парижане: дач тогда у большинства не было, а введение оплачиваемых отпусков в 1936-м стремительно увеличивает число отдыхающих. Леонид Кузьмич вовремя попал в струю...

В это время сыновья оканчивают учебу, Игорь — аттестованный техник, Димитрий — инженер, и поступают на частные фирмы. Димитрий женится на молодой русской дворянке (1938). Ситуация стабилизировалась, и появляется новая возможность.

Последнее предприятие[1]

Леонид Кузьмич дружил со знаменитым Федором Шаляпиным с московских времен. Они общались семьями, Игорь Леонидович даже был помолвлен с дочерью Шаляпина — Дасей. В 1937-м Шаляпин поручает Леониду Кузьмичу подыскать ему хорошее имение под Парижем, и выбор падает на поместье *La Chanson* (в переводе: «Песня») в 30 км к югу от Парижа. Поместье куплено и полностью обустроено и обставлено, когда Шаляпин скоропостижно умирает (12 апреля 1938), так и не поселившись на новом месте. Вдова с детьми уезжает в США, и когда начинается война (3 сентября 1939) со-

[1] См.: статью в журнале СВОЙ № 9, Москва, 2006. Под Парижем на вилле Шаляпина.

глашается оставить *La Chanson* Леониду Кузьмичу на охрану и пользованье. Он там располагается и открывает ресторан с мини-гостиницей. Близость Парижа очень способствует этой деятельности: состоятельные парижане приезжают отдыхать на выходные...

С 3 сентября 1939 г. война накладывает свой отпечаток на жизнь Головановых. Русские эмигранты оказываются в особом положении: большинство из них, включая Головановых, — лица без гражданства, не подлежащие воинской повинности. Но власти относятся с недоверием к русским беженцам[1], и ставят молодых мужчин перед выбором: идти на фронт или покинуть страну. Головановы выбирают первое: Игорь мобилизован, а Димитрий прикреплен к заводу, который работает на оборону. Первые месяцы войны — странные (Во Франции она так и называется: «Странная война».): попытки наступления французов наталкиваются на укрепления линии Гинденбурга. Немцы не двигаются... до 10 мая 1940: Вермахт атакует, молниеносным ударом танков окружают основные силы союзников и сбрасывают их в море под Дюнкерком. Париж объявлен открытым городом 14 июня (правительство бежало в Бордо) и парижане обращаются в массовое бегство на юг. 22 июня подписано перемирие[2]. Молодым Головановым повезло: Игорь попал в отступающие войска, демобилизован и возвращается домой, а Димитрий эвакуировал завод на юг, попал в массовое бегство парижан, но, благополучно добравшись, был возвращен в Париж после перемирия... И жизнь продолжалась: *La Chanson* осталось в стороне от оккупации, и немцы появлялись только в качестве клиентов. В усадьбе развернули крестьянское хозяйство (корова, лошадь, свинья, птица, огород...), которое дополняло продовольственные карточки. Игорь женился на потомке известных купцов Абрикосовых, и у обоих сыновней родились дети. Работая в будние дни в Париже, они приезжают на выходные в *La Chanson* и вместе с женами помогают вести ресторан. Ольга Федоровна руководит хозяйством. Нападение Германии на СССР раскололо эмиграцию: несмотря на призыв генерала Деникина[3] не сотрудничать со «злейшим врагом России», некоторые встали на

---

[1] Недоверие объяснимо: СССР — союзник вражеской Германии согласно пакту Молотова-Рибентропа. Красная армия оккупировала Балтию и 17 сентября завершила разгром союзной Польши. Французская компартия, следуя указаниям Москвы, ведет активную антивоенную пропаганду с призывами к саботажу (она распущена 23 сентября), а мобилизованный генсек М. Торез дезертировал и оказался в Москве... все это возбуждает антирусское настроение.

[2] В том самом вагоне, в котором подписывали капитуляцию Германии в 1918-м: Гитлер торжествует, не обращая внимания на Де Голля, который провозглашает сопротивление из Лондона!

[3] Деникин Антон Иванович (1872-1947), российский военный и политический деятель. Верховный руководитель Добровольческой армии в 1918-1920, он потом жил во Франции, где пользовался большим авторитетом у эмиграции. Отказался сотрудничать с немцами и осуждал ту часть эмиграции, которая пошла на сотрудничество. Умер в США. Перезахоронен в Донском монастыре в Москве 3 октября 2005.

службу немцам во имя «освобождения России от большевизма». Другие, наоборот, примкнули к Сопротивлению[1]. Сочувствуя Сопротивлению, Голововановы остаются в стороне.

По окончании войны, Леонид Кузьмич арендует *La Chanson* у вдовы Шаляпина, которая не вернулась во Францию, и продолжает деятельность с переменным успехом до смерти в 1954 г. В *La Chanson* перебывало несколько знаменитых гостей: балерины Тамара Туманова и Зизи Жанмер, кинорежиссер и поэт Жан Кокто (он даже хотел арендовать поместье), модельер Коко Шанель, актер Жерар Филип, который стал другом семьи, и другие.

Конец династии

После смерти Леонида Кузьмича в 1953 г. Димитрий Леонидович полностью отходит от дела[2], которое продолжает Игорь Леонидович, или вернее — его жена, Анастасия Владимировна. Они выкупают поместье у наследников Шаляпина после смерти вдовы и, поскольку ресторан с мини- гостиницей становится невыгодным (у парижан появились свои дачи), организуют пансионат для плохо обеспеченных детей[3]. За 30 лет в *La Chanson* побывали больше 50 детей, и многие из них относятся к Анастасии Владимировне как к матери.

В конце 80-х годов бразды правления берут внучки Леонида Кузьмича, Нина и Екатерина Игоревны, и предприятие снова преобразуется: социальные власти отзывают лицензию на пансионат и финансируют преобразование поместья под организацию приемов и встреч. Но эта деятельность не выходит на прибыльный уровень, и Нина Игоревна уходит на пенсию, а *La Chanson* будет продан на аукционе до конца 2007 г. Не хватило двух лет до семидесятилетия последнего предприятия московского купца 3-й гильдии Леонида Кузьмича Голованова.

Преемники

Внуки Леонида Кузьмича унаследовали его предпринимательские гены: мы видели, что Нина и Екатерина Игоревны продолжили деятельность *La Chanson*. В младшей ветви Алексей Димитриевич успешно торгует недвижимостью, автор этих строк, Владимир Димитриевич, и младшая сестра, Елизавета Димитриевна, большую часть своей деятельности посвящают развитию экономических связей между Россией и Западными предприятиями...

Но это уже другая повесть!

---

[1] Назовем несколько героев: А. Левицкий и Б. Вилде, княгиня В. Оболенская, мать Мария (Скобцова), и др.

[2] Димитрий Леонидович продолжает карьеру конструктора в КБ авиационных технологий фирмы FENWIK. Он изобретет особый клапан, который будет запатентован фирмой.

[3] В большинстве случаев это не сироты, а дети неблагополучных семей, доверенные социальными властями на временное проживание.

В.К. Стахеева
Австралия, Канберра

СУДЬБЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ. МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О БОРИСЕ ГРИГОРЬЕВИЧЕ И ОЛЬГЕ ГРИГОРЬЕВНЕ СТАХЕЕВЫХ

Здравствуйте почтенные гости и елабужане!

Меня зовут Вера Стахеева — Стахеева по мужу Георгию. Приехала я из Австралии. Меня любезно пригласил профессор/министр Наиль Мансурович. Я выросла в городе Канберра, в Австралии. У нас не было русской школы, и потому я говорю по-русски не совсем правильно. Меня просили рассказать историю моей семьи и о семье Стахеевых.

Я четвертая генерация эмигрантов, которые ушли из России после революции.

Мой дед Константин Ильич Матвеев родился в 1885 году и вырос в Ростове-на-Дону. Его отец был купцом. Мой дед окончил Строгановское училище прикладного искусства. Он был прекрасным художником и скульптором. В Первую Мировую войну закончил ускоренный курс в Александровском военном училище в Москве и был послан на фронт. Войну закончил в чине штабс-капитана.

Моя бабушка (папина мама) Аполинария Андреевна Орлова родилась в 1893 году в Епифани недалеко от Тулы. После окончания женской гимназии и курсов она работала сестрой милосердия. Первую Мировую войну провела на фронте.

Позже она встретилась с моим дедушкой Константином Ильичом и повенчалась и уехала из России в Сербию. Дедушка там работал учителем рисования в гимназии.

У них было два сына-близнеца, Георгий и Константин. Вот мой отец Константин Константинович Матвеев. Родились они в 1922 году в Белграде. Он окончил гимназию и поступил в университет на геологию. Во Второй Мировой войне он воевал против немцев.

Моя мама Ольга Вениаминовна родилась в 1924 году, в Китае, в городе Харбин. Семья моей бабушки с маминой стороны переехала из Бессарабии в Харбин в начале XX века.

Моя бабушка София Владимировна Мерлич выросла и получила образование в Харбине.

Отец моей мамы Вениамин Михайлович Рубцов родился в городе Тара в Сибири. Вырос он в Омске и там окончил землемерное училище в 1916 году.

Отец моего деда был коренной сибиряк, а мать Ольга Захаровна Барж была из Петербурга.

Во время Первой Мировой войны мой дед Вениамин Михайлович Рубцов закончил ускоренный курс в Алексеевском военном училище или в Москве или в Петербурге. Он был сразу послан на фронт. Войну он закончил в чине капитана. Вернулся в Сибирь, которую тогда держала Белая Армия под командой адмирала Колчака.

В Омске в то время была унтер-офицерская школа, начальником которой был брат моего деда Павел Михайлович Рубцов. Мой дед был офицером этой школы. После смерти Колчака Белая Армия стала отступать, под командой генерала Капеля, и так дошла до города Харбина. Там мой дед познакомился с моей бабушкой Софией Владимировной Мерлич. Через 3 года они повенчались, и у них родилась моя мама Ольга Вениаминовна Рубцова.

В 1924 году, когда моей маме было 5 месяцев, они переехали в Югославию, где у них были родственники. Там мой дед Вениамин Михайлович работал землемером, а бабушка одно время преподавала русский язык в гимназии.

Моя мама Ольга Вениаминовна закончила гимназию во время Второй мировой войны. После войны она нашла работу в Белграде, где она и встретила моего отца. Они повенчались в Русской Православной церкви в Белграде. В конце 1948 года родилась я, Вера Матвеева.

Политические события после второй мировой войны заставили моих родителей спешно покинуть Сербию в 1950 году в Италию, где они жили в эмигрантском лагере. А в 1951 году, получив визу, они выехали в Австралию, в город Канберру, в котором проживают по настоящий день.

Мои папа и мама, родившись вдали от России, считают себя русскими, хорошо говорят и пишут по-русски, ходят в Церковь, интересуются тем, что происходит в России.

Также как и мои родители, Стахеевы были эмигрантами. Мне хотелось бы поделиться с вами воспоминаниями о них. С Юрой Стахеевым мы дружили с 10 лет, в 1970 году я вышла замуж за него. Познакомились мы в Русской молодежной организации.

Когда мы с Юрой обручились, он меня сразу повел к бабушке Лене. Первый совет, который она мне дала, был, чтобы я Юриных родителей называла мама и папа. Так и было. Но самая главная личность в жизни бабушки Лены был Борис Григорьевич, Юрин папа. Она к нему относилась с большим уважением, а он к ней был внимателен. Она, как и вся семья Стахеевых, редко говорила о прошлом. Второй визит мы нанесли Юриной тете, Ольге Григорьевне, старшей сестре Бориса Григорьевича. Тетя Оля очень любила рассказывать о прошлом, но Борис Григорьевич всегда говорил: «Это все прошло».

Несмотря на то, что он был самым младшим сыном в семье, все его слушались. Он был словно глава семьи. Но когда тетя Оля вспо-

минала о прошлом, я ее внимательно слушала. Ее рассказы были очень интересными. Вот некоторые воспоминания: У них было три гувернантки, которые говорили по-французски, по-немецки, по-английски, но почему-то только немецкую гувернантку все высмеивали. Но дома Стахеевы всегда говорили только по-русски, и такими оставались навсегда. Вот рассказывалось, как отцу Бориса Григорьевича, Григорию Ивановичу, было предложено дворянство, но он отказался, предпочитая остаться в своем купеческом звании.

Ну, вот дальше, тетя Оля очень гордилась, что ее отец и ее дяди оплачивали образование за детей, родители которых работали у них. Когда дети Стахеевых справляли День Ангела, то приглашали и детей служащих, чтобы вместе весело справить праздник.

Тетя Оля еще рассказывала, что Борис Григорьевич как самый младший был очень избалован, и что бы он ни делал, ему все прощалось. Другие дети, пользуясь этим, все свои шалости сваливали на него.

Тетя Леля, другая сестра Бориса Григорьевича, редко говорила о России. Она была очень дружна с Тамарой Николаевной и Борисом Григорьевичем и часто их навещала. Тетю Лелю мы все очень любили.

В Австралию семья Стахеевых приехала из Шанхая. Переезд был очень трудный. Тамара Николаевна рассказывала, что перед отъездом, она упаковала все вещи, 6 или 7 чемоданов и коробок и пошла проститься с друзьями. Когда вернулась, то увидела, что Борис Григорьевич открыл коробки, вытащил постель и посуду и сложил туда свои книги. По приезде в Австралию у них было мало чего, но зато много книг. Он много читал и особенно любил французскую историю. Борис Григорьевич работал как инженер-изобретатель. Он изобрел специальные котлы для обогревания больших зданий. И даже сам построил свой дом в Сиднее.

Он и Тамара Николаевна пели в церковном хоре Русской Православной Церкви в Сиднее. По праздникам, за накрытым столом и водочкой, Борис Григорьевич играл на своей семиструнной гитаре, которую он привез из России. Он пел цыганские романсы и частушки. Он очень любил песню «Две гитары за стеной».

В семье Стахеевых и в нашей семье Матвеевых праздники справляли по-русски. Особенно торжественно справляли Пасху. Тамара Николаевна пекла вкусные куличи по рецепту своей бабушки, а мы делаем сверную пасху по рецепту моей прабабушки.

Мои родители часто встречались с семьей Стахеевых. На фотографии они снялись вместе незадолго до смерти Бориса Григорьевича.

Юра Стахеев и я имеем двух сыновей, Николая и Тимофея Стахеевых. Николай родился в августе 1976 года, а Тимофей в марте 1979 года. Оба крещены в Русской Православной Церкви в городе

Канберра. Николай хорошо учился и получил высшее образование. Работает в отделении защиты природы и воды. Он спортсмен. Плавает на специальной доске по очень высоким волнам, какие бывают в океане. По характеру он сдержанный, но общительный. Жена у него австралийка. Два года тому назад у них родился сын Джек. Тимофей не имеет высшего образования, но он находчивый и общительный. Имеет много друзей, которые его любят за его хороший характер. Душа у него русская. Женат он на австралийке. Они имеют двух дочерей, Мерин и Кира. Крестили в Русской православной Церкви.

На этом я заканчиваю мое сообщение. Хочу вам всем передать привет от моих родителей Матвеевых О.В. и К.К. и от Стахеевых, которые проживают в Австралии. Также низкий поклон профессорам, преподавателям университета, а также всем елабужанам, и всем, кто организовал эти чтения.

Еще раз большое спасибо Наилю Мансуровичу, ректору университета. Спасибо за внимание.

Р.Р. Салихов
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

РОЛЬ ТАТАРСКОЙ БУРЖУАЗИИ В СТАНОВЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ СВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Конец XIX — начало XX века можно с полным правом назвать эпохой невиданных в истории татарского народа социально-идеологических преобразований. Буржуазные реформы «взорвавшие» традиционную культуру, систему просвещения и сферу экономических отношений российских мусульман, породили блестящее поколение национальной светской интеллигенции, которая пыталась коренным образом изменить общественное сознание, заставить татар ощутить себя неотъемлемой частью европейской и мировой цивилизации.

Трудно переоценить в этом процессе роль буржуазии, которая, несмотря на предубеждения, не привыкшего к новациям тогдашнего мусульманского общества, фактически заложила основы для стремительного взлета профессиональной литературы, театра, музыкального искусства.

Характерной особенностью времени стал огромный интерес предпринимателей к книжному делу, в которое они вкладывали весьма солидные суммы, причем без большой надежды на скорую и высокую прибыль. Самая первая и, пожалуй, одна из крупнейших татарских книгоиздательских компаний «Торговый Дом в образе Товарищества на вере под фирмой братьев Каримовых» главнейшей своей задачей считала: «обеспечение татарских школ книгами, распространение просвещения... книг практического характера для крестьян, книг для детского чтения, медицинских сочинений, художественной литературы»[1]. То есть, определяющей мотивацией активного книгоиздательства татарских предпринимателей во второй половине XIX — начале XX вв. помимо коммерческой, являлась еще и культурная, реформаторская цель. Именно основные и наиболее авторитетные национальные издательства, существовавшие тогда в Казани: братьев Каримовых, «Сабах», «Магариф», «Миллят», «Гасыр», «Юл» оказались главными пропагандистами молодой татарской прозы и поэзии, классических произведений русской и западноевропейской литературы, лучших образцов национального фольклора, последних новаторских достижений в области педагогики.

Начиная с книжной продукции практического, прикладного характера, выпуская духовную литературу, пробуя свои силы в печа-

[1] Каримуллин А.Г. Татарская книга начала XX века. — Казань, 1974. — С. 41.

тании и распространении беллетристики, эти издательства постепенно группировали вокруг себя значительные творческие силы и оформлялись как самостоятельные культурные центры с собственными просветительскими программами.

Например, купцы 2-й гильдии братья Каримовы, примыкавшие к лагерю прогрессистской татарской буржуазии, уже в первые годы существования своей компании приступили к реализации ряда весьма крупных проектов в сфере культуры. В 1906 году они поддержали инициативу Х.Н. Максуди о создании первой мусульманской библиотеки «Китапханаи Исламия»[1]. Для нее братья Каримовы предоставили большое помещение в собственном книгоиздательском комплексе — читальный зал на 150 мест, а также пожертвовали в ее фонд 448 книг различного содержания. Благодаря постоянной финансовой поддержке предпринимателей данное заведение быстро окрепло и вскоре стало пользоваться заслуженной популярностью у горожан. Так, только в одном 1915 году библиотеку посетило 22 373 человека[2].

В 1909 году сын Шарифзяна Каримова Исмагил попытался осуществить очень интересную и, конечно же, необычную для мусульманской Казани идею издания русскоязычной газеты «Казанский театральный вестник». По замыслу И.Ш. Каримова, в ней должен был найти свое отражение репертуар городских театров, их программы и либретто постановок, театральная хроника. Губернатор поддержал молодого предпринимателя и 8 июня 1909 года выдал свидетельство на издание газеты[3]. Однако, по невыясненным пока обстоятельствам, она так и не увидела свет. Несмотря на то, что данный проект не был реализован, сам факт его появления свидетельствует об огромном интересе в семье Каримовых к театральному искусству и искреннем желании книгоиздателя способствовать его развитию.

Намного более удачно у Торгового дома братьев Каримовых вышло с выпуском общественно-политической, литературной и коммерческой газеты «Кояш» («Солнце»). Получив 29 ноября 1912 года разрешение на ее издание, Торговый Дом назначил ответственным из своего состава Ш.М. Каримова, а редактором родственника известного религиозного деятеля Ш. Марджани — З. Садретдинова. Именно они привлекли к участию в работе редакционного коллектива крупного писателя и публициста Ф. Амирхана, который сразу же стал неофициальным творческим руководителем газеты.

---

1 Казан мухбире. — 1906. — 2 января (на тат. яз.).

2 Ибрагимова Ф. Очаг просвещения // Казан утлары. — 1986. — № 8. — С. 186-187 (на тат. яз.).

3 Национальный архив республики Татарстан (НА РТ). — Ф. 1. — Оп. 4. — Д. 5379. — Л. 34-об.

Кстати, казанский временный комитет по делам печати 12 августа 1913 года сообщал губернатору следующее: ««Кояш» — единственная из казанских газет, которая выходит в свет ежедневно, за исключением послепраздничных дней и получает на собственный счет телеграммы Российского телеграфного агентства. Надо думать, что «Кояш» субсидируется кем-то со стороны, потому что издание такой большой и сравнительно богатой содержанием газеты требует на первых порах значительных средств, которые едва ли может дать ее теперешний издатель»[1]. Участие в газете известного писателя Ф. Амирхана, широкая и систематическая публикация на ее полосах рассказов, повестей, литературно-критических рецензий, театральных обозрений способствовало тому, что издание быстро превратилось в существенный фактор не только общественно-политической, но и в равной степени культурной жизни мусульманской Казани. По мнению литературоведа М. Магдеева: «Газета «Кояш» уделяла огромное внимание пропаганде среди татар русского искусства. Это, несомненно, было инициативой Ф. Амирхана. Давая рекламу пластинкам с записями Шаляпина, Собинова, Неждановой, газета, например, писала: «Вы превратите свои гостиные в концертные залы. В ваших гостиных будут звенеть прекрасные голоса самых прославленных артистов, самых известных деятелей музыкального искусства»[2].

Цензорский комитет в частности отмечал: «Стремление к осуществлению национальных идей — это основной рычаг, которым направляется вся общественная деятельность татарской интеллигенции. Поэтому и «Кояш», как и все другие татарские издания, чужд космополитизм. По мнению этой газеты, интеллигенция сильного и жизнеспособного народа не может не стремиться к национальному самоопределению и потому газета заботливо развивает национальную идею и тщательно выясняет экономическое и духовное состояние мусульман в различных местах России, их нужды и культурные успехи»[3].

Как мы уже отметили, практически все крупные татарские книготорговцы, подобно братьям Каримовым, стремились помимо собственно книг выпускать еще и специализированные газеты и журналы. Так, например, издательство «Сабах» («Утро»), учредителями которого являлись братья В.С. и Г.С. Ахмадуллины, в 1913-1914 годах издавали двухнедельный педагогический журнал «Мектеб» («Школа»). Один из вкладчиков издательства «Миллят» («Нация»), Г. Баруди, в 1906-1908 и 1913-1917 годах выпускал журнал «Ад-дин вэ эдаб» («Религия и нравственность»). Книгоизда-

[1] Магдеев М.С. Навстречу реализму. — Казань, 1989. — С. 122 (на тат.яз.).
[2] НА РТ. — Ф. 1. — Оп. 4. — Д. 4153. — Л. 1-5об.
[3] Магдеев М.С. Навстречу реализму. — Казань, 1989. — С. 35-37 (на тат.яз.).

тельство «Юл» («Путь»), близкое к левому молодежному движению в 1910-1918 гг. финансировало издание литературно-критического журнала «Ялт-Йолт» («Зарница»). Основатель издательства «Магариф» («Просвещение») Г. Камал выпускал двухнедельный юмористический журнал «Яшен» («Молния»).

Показательна эволюция издательства «Гасыр» («Век») от небольшого книжного заведения к своеобразному и весьма влиятельному центру национальной культуры. Его создатели — «купеческий сын» Г.С. Хасани и мещанин Г.Х. Рахматуллин (Карам) в июле 1908 года учредили товарищество «А.-Г. Хасани и К°» для выпуска различной печатной продукции: книг, учебников, журналов, литературных альманахов. По своим взглядам учредители Товарищества безусловно тяготели к кругам реформаторской буржуазии, хотя и старались открыто не декларировать приверженность к какому-либо политическому движению. Г.Х. Рахматуллин (Карам) — первый татарский театральный критик, выпускник Стамбульского университета, происходил из старинной купеческой семьи и состоял в близких родственных отношениях с семьей предпринимателей Апанаевых. Г.С. Хасани — сын одного из богатейших торговцев мануфактурой в городе С.Г. Хасанова, кстати, одного из сподвижников религиозного реформатора Г. Баруди, был блестящим литературным переводчиком, знатоком русской и западноевропейской культуры. Вместе они выработали целостную концепцию деятельности издательства, которая предусматривала приоритетным выпуск лучших образцов татарской поэзии, прозы и драматургии, а также литературных переводов зарубежной классики. Учебную литературу «Гасыр» чаще всего печатал из филантропических соображений, затем бесплатно распространяя ее в городских и сельских новометодных медресе.

Уже в скором времени Товарищество «А-Г. Хасани и К°» стало центром притяжения лучших литературных и научных сил города. Идея скорейшей консолидации нации через становление и развитие татарской светской культуры объединила здесь в широкий круг единомышленников Г. Тукая, Ф. Амирхана, Г. Губайдуллина, Г. Ибрагимова, Г. Кулахметова, братьев Шараф, Г. Карама, Г. Рахима, С. Рахманкулова, Н. Хальфина, А-Г. Хасани и других представителей молодой татарской интеллигенции.

Летом 1912 года на даче А-Г. Хасани этот круг творческой молодежи принял решение об издании на средства предпринимателя литературно-художественного журнала «Анг» («Сознание»), который впервые в истории должен был начать систематически и углубленно знакомить мусульман Казани не только с современным национальным эстетическим процессом, но и с лучшими достижениями мировой цивилизации. Журнал получился добротным и беспрецедентным для тогдашнего мусульманского общества. Этот, по ха-

рактеристике Г. Ибрагимова, очаг «литературы и молодой культурной мысли»[1] регулярно публиковал новинки литературы, рассказы о шедеврах русской и западноевропейской живописи и скульптуры, пространные театральные обозрения, рецензии, гравюры и репродукции картин, графические копии произведений монументального искусства. Говоря словами М. Гайнуллина, журнал «Анг» являлся «интересным, отличавшемся высокой культурой изданием», ставившим своей целью «разрешение важных современных задач татарской литературы и искусства»[2].

Безусловно, огромное значение для становления татарской светской культуры имело создание местным буржуазным обществом «Восточного клуба» — организации, способствовавшей развитию татарской литературы, музыкального искусства, театра, гуманитарных наук. Сегодня вновь выявленные архивные документы позволяют уточнить имена и сословно-классовую принадлежность основателей клуба. Итак, 8 ноября 1906 года на имя казанского губернатора поступило заявление подписанное потомственными почетными гражданами А.Ю. Апанаевым, Ш.З. Апанаевым, И.М. Апанаевым, Р.Ш. Казаковым, В.И. Юнусовым, издателем газеты «Йолдыз» Х.Н. Максуди, коллежским секретарем инженером А.Г. Мусалимовым, статским советником И.В. Терегуловым, учителем Г.Н. Ахмеровым, мещанином И.И. Айтугановым и учителем М.Х. Курбангалеевым. В этом заявлении, среди прочего, указывалось, что цель «Восточного клуба» «заключается в предоставлении своим членам и их семействам возможности проводить свободное от занятий время с удобством, приятностью и пользой. Для достижения этой цели Общество предполагает для своих членов и их гостей музыкальные и литературные вечера, драматические представления, гуляния, игры (кроме игр в карты), выписывать книги, газеты, устраивать лекции»[3].

Обращает на себя внимание то, что авторами передовой, новаторской идеи, подписавшими это заявление, выступили, в большинстве своем, представители делового мира Казани: А.Ю. Апанаев, Ш.З. Апанаев, братья Казаковы, Х.Н. Максуди, В.И. Юнусов и другие. Главным же инициатором учреждения клуба, по нашему мнению, был Абдулла Мухамед-Юсупович Апанаев (1873-1937). Удачливый предприниматель, промышленник, владелец крупнейшей в татарской части города Казани гостиницы «Московские номера» («Апанаевское подворье»), он зарекомендовал себя активным общественным деятелем, убежденным сторонником развития свет-

---

[1] Вновь найденное письмо Галимзяна Ибрагимова // Казан утлары. — 1966. — № 12 (на тат. яз.).

[2] Гайнуллин Мухамед. Татарская литература и публицистика начала XX века. — Казань, 1983. — С. 79-80.

[3] НА РТ. — Ф. 2. — Оп. 3. — Д. 3251. — Л. 1.

ской национальной культуры. Помимо организации «Восточного клуба», А.Ю. Апанаев в 1913 году обратился к общественности с другой масштабной инициативой — создать национальный музей, фонды которого составили бы древние книги, рукописи и другие реликвии, сохранившиеся в старинных татарских семьях города Казани[1].

Благодаря его стараниям, губернские власти относительно быстро отреагировали на просьбу влиятельных городских мусульман. Уже 21 декабря 1906 года Казанское губернское по делам об обществах присутствие утвердило Устав Общества мусульман Казани («Восточный клуб») и зарегистрировало его[2].

Впрочем, по ряду объективных и субъективных причин, фактическая деятельность клуба началась лишь через год, 1 декабря 1907 года[3]. По всей видимости, в течение всего года учредителями проводилась интенсивная подготовка общественного мнения к появлению «непонятной» организации, какой, по сути, для большинства мусульманского населения первое время представлялся театрально-музыкальный «Восточный клуб». Но, несмотря на перманентно возникающие трудности, клуб, тем не менее, быстро «встал на ноги» и в скором времени завоевал широкую симпатию не только у местных татар, но и у казанцев других национальностей.

Безусловно, значение данного общественного объединения трудно переоценить. Во-первых, казанские мусульмане, теперь уже не замыкаясь в рамках своих махаллей, получили прекрасную возможность общения в общегородском масштабе. Во-вторых, общение это, в отличие, например от мусульманского благотворительного общества, носило не деловой, а досуговый, культурно-просветительский характер. В-третьих, создание общегородского национального центра светской культуры, который эффективно способствовал развитию татарского театра, литературы, музыкального искусства, научных и историко-этнографических исследований, находилось в русле общественно-политических устремлений буржуазии, провозгласившей курс на формирование культурно-национальной автономии.

Благодаря усилиям Апанаевых и других представителей национального предпринимательства, клуб в 1910 году получил прекрасное здание со сценой и зрительным залом на 150-160 мест, комнату для игры в лото на 100 мест[4]. Здесь же разместилась вторая по счету в городе мусульманская библиотека, в которой имелось множество

---

[1] Йолдыз. — 1913. — 12 нояб. — № 1060; Амирхан Ф. Национальная библиотека и музей Кояш. — 1913. — 10 ноября. — № 260.

[2] НА РТ. — Ф. 2. — Оп. 3. — Д. 3251. — Л. 3.

[3] Казанские известия // Эль-Ислах — 1907. — 3 декабря (на тат. яз.).

[4] Карам Г. Первый спектакль в Восточном Клубе // Йолдыз. — 1911. — 22 декабря. — № 770 (на тат. яз.).

книг на татарском, русском, арабском, тюркских языках, а также татарская и русская пресса. Известный историк театра Х. Махмутов, например, так характеризовал помещение клуба: «на первом этаже находилась касса, гардероб и правление клуба. Постепенно клуб обзаводился хорошей мебелью и оборудованием, декорациями, расширялась его полезная площадь — всего со стоячими и сидячими местами зрительный зал мог вместить в себя 300-400 посетителей; здесь проводились спектакли, концерты, лекции, встречи Нового Года, танцевальные вечера»[1]. Таким образом, первая татарская передвижная театральная труппа «Сайяр» получила самое современное по тогдашнем меркам стационарное помещение. Материальное благополучие клуба зависело, конечно же, от предпринимателей, которые активно участвовали в работе его правления: Апанаевых, Азимовых, Казаковых, Утягановых, Юнусовых и многих других. Однако их роль в становлении этой организации как центра национальной культуры не ограничивалась одними лишь финансами. Так, например, В.З. Апанаев — выпускник музыкальной школы Р. Гуммерта, организовав при клубе струнный оркестр, руководил музыкальной частью всех проводимых здесь вечеров. Как раз на таких импровизированных концертах свою путевку в творческую жизнь получили знаменитые в будущем композиторы С. Сайдашев, М. Музафаров, вокальные исполнители М. Рахманкулова, Ф. Гумерова и др. Наверное, не случайно, что ряд выходцев из богатых купеческих семей, влившись в состав труппы «Сайяр», с огромным воодушевлением играли на сцене «Восточного клуба». Среди них следует назвать М.М. Валишина и Х.М. Кульмаметова (Азимова).

Таким образом, учреждая периодические литературно-художественные издания и библиотеки, организуя и финансируя работу национального культурного центра — «Восточного клуба», татарская буржуазия вносила свой посильный вклад в дело переустройства векового патриархального уклада в жизни нации, приобщения ее к духовным достижениям мировой цивилизации, создания профессиональной татарской литературы, музыкального искусства, театра, что способствовало включению мусульман в общероссийское гражданское общество без потери ими этнической и конфессиональной самоидентификации.

[1] Махмутов Х., Илялова И., Гиззат Б. Дооктябрьский татарский театр. Очерки. — Казань, 1989. — С. 103 (на тат. яз.).

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

А.Ю. Хабутдинов
Казанский филиал Российской Академии правосудия

ТАТАРСКАЯ БУРЖУАЗИЯ КАК ГРУППА НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Основную роль в формировании и общественном движении наций играет деятельность элиты, направленная на создание политических, экономических, образовательных и культурных институтов. Формирование нации неразрывно связано началом Нового времени, когда и происходит создание национальных общностей. Для татарского народа таким периодом стала вторая половина и особенно последняя четверть XVIII века. В 1552 г. в Поволжье перестала существовать мусульманская государственность в лице Казанского ханства. Это обозначало уничтожение таких привилегированных групп мусульманского населения, как государственный аппарат и духовенство. В начале XVIII века в Поволжье перестал существовать класс татарских мусульманских феодалов. В результате среди мусульман региона возникло состояние вакуума власти. Это положение было изменено Екатериной II в 1760-1780-е гг., создавшей привилегированные группы татарского общества: дворянство (в Приуралье), духовенство и буржуазию. Однако только буржуазия обладала необходимыми финансовыми возможностями и структурами для руководства жизнью нации в лице органов самоуправления — Ратуш в Казани и Каргале.

В условиях материальной необеспеченности духовенства буржуазия у татар оказалась почти монопольным обладателем экономического капитала. В итоге, к началу XIX века в Казани, Заказанье и Каргале впервые возникают территориальные экономические, религиозные и образовательные структуры контролируемые не феодальной, а буржуазной элитой. Однако в условиях аграрного общества буржуазии удалось подчинить своему полному контролю лишь городские общины и часть Заказанья. Фактически все новые возникавшие общины представляли собой уменьшенную копию самоуправляющихся общин Казани и Каргалы и являлись их экономическими придатками. Буржуазия Казани и Каргалы сконцентрировали в своих руках контроль над экономической жизнью татар посредством оптовой торговли со Степями и Средней Азией. Развитие татарской мануфактуры находилось в прямой зависимости от монопольного положения татарской буржуазии на рынках Казахстана и Средней Азии. Монопольные прибыли буржуазии обеспечивали ей возможность занять главенствующее экономическое по-

ложение среди других групп элиты татарского мира, за исключением территории кантонов Башкирско-Мещеряцкого войска. Благоприятные условия для экономического развития представляла и современная экономика России. По утверждению Дж. Блюма, «в XVIII веке... русское промышленное развитие было равным развитию остальной Европы, а порой и превосходило его»[1].

В условиях средневековой экономики татарский капитал специализировался на перевозках на большие расстояния вне российских территорий и мало проникал вглубь. По подсчетам А.Дж. Рибера, в 1851 г. в губерниях Волго-Уральского региона мусульманские торговцы составляли следующее количество: в Пензенской губернии 189 (11,6 %), в Самарской губернии 608 (12 %), в Вятской губернии 123 (0,6 %), в Казанской губернии 762 (34 %), в Оренбургской губернии 1 752 (57 %), в Тобольской губернии 87 (9 %). Характерно, что большая часть татарских торговцев (2 759 из 3 521) размещалась уже вне пределов Казанской губернии, зато практически половина — в Оренбургской губернии. Таким образом, к середине XIX века татарская торговая буржуазия сосредоточилась в Оренбургской губернии. Через три ее основных пункта — Оренбург, Орск и Троицк шла торговля с казахскими степями и государствами Средней Азии. Здесь татары обладали абсолютным большинством среди торговцев. В середине XVIII века прибыль от торговли в Оренбурге составляла 100 %, конкуренция позднее снизила ее до 40 %. Даже в 1862 г.: «караванная торговля со среднеазиатскими государствами с российской стороны была сосредоточена в руках... купцов татарского происхождения».

Отличительной чертой татарской буржуазии, по сравнению с русской, было наличие только вольнонаемной мануфактуры в сферах текстильной, мыловаренной, кожевенной, стекольной и ряда других отраслей производства предметов потребления. Эта промышленность позволяла получать прибыли не только от перепродажи, но и от продажи собственных товаров. Практически вся промышленность была сконцентрирована на коренных булгарских территориях Казанского Поволжья. Однако татарская буржуазия, как и русская, не получила возможности участия в делах управления. Торговля велась в соответствии со средневековыми нормами без применения вексельной системы. Банковская система кредитования в России еще не существовала. Мануфактурное производство не обладало квалифицированными специалистами с техническим образованием[2].

Все эти факторы не имели решающего значения, пока русская мануфактура оставалась преимущественно крепостной и ориенти-

---

[1] Бродель Ф. Материальная цивилизация. Экономика и капитализм. XV-XVIII вв. — Т. 3. — Время мира. — М., 1992. — С. 478.

[2] См.: Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII — начале XX веков. — Казань, 2001. — С. 48-51.

рованной на обслуживание потребностей государства. Перелом наступил с началом введения в России промышленного производства тканей в 1840-х гг. Поэтому татарская текстильная промышленность оказалась не в состоянии конкурировать с текстильной промышленностью Центрального промышленного района, работавшей на английском оборудовании при помощи английских специалистов[1]. Татарская средневековая мануфактура оказалась экономически несостоятельной, подобно мануфактурам неевропейских стран.

Татарская буржуазия отличалась достаточным постоянством на всем протяжении второй половины XVIII — первой половины XIX вв. Роды Юнусовых и Апанаевых в это время выполняли функции глав экономической и общественной жизни татарской общины Казани. Среди русских же купцов на протяжении второй половины XVIII века происходят три смены поколений[2].

Татарские Слободы Казани и Каргала коренным образом отличались по своей структуре от мусульманских городских центров. Они обладали только правом контроля над экономической жизнью, и их организация носила сугубо добровольный характер. Эта организация, в отсутствие национальной бюрократии и при отсутствии имущественной базы духовенства, фактически предоставляла буржуазии неоспоримое первенство в городских общинах. К тому же, если буржуазия имела единый орган в слободах, то духовенство образовывало фактически изолированные махали (приходы), формально объединенные властью ахуна. Полномочия ахуна не имели никакого сходства с полномочиями кади (судьи) в классическом мусульманском городе. Пример ахуна Казани Ш. Марджани показывает, что даже он не сумел добиться никаких значительных изменений на данном посту.

В 1802 г. в Казани начинается регулярное издание мусульманской литературы. По данным А.Г. Каримуллина, в 1801-1829 гг. было издано 93 книги. Наиболее популярными произведениями были «Иман шарты» (Азбука с приложением условий веры — 52 700 экз.), Коран и его суры (43 175 экз.), Гафтияк (седьмая часть Корана, содержащая наставления — 21 300 экз.). Среди выпускавшихся книг значительное место занимали учебные книги, применявшиеся в медресе, издавались классические произведения тюркской литературы: «Кысса-и-Йусуф» Кул Гали, «Кысса-и-Кисекбаш», «Рисалэ-и-Газизэ» Таджетдина Ялчыгола, «Бэдавам китабы» и другие. Всего в первой половине XIX века выходит 401 издание книг. Если в первой четверти века преобладает религиозная, религиозно-дидактическая литература и книги для начального образования, то во

[1] Бурышкин П. Москва купеческая. — М., 1991. — С. 61-64.

[2] Хорькова Е.П. История предпринимательства и меценатства в России: Учебное пособие. — М., 1998. — С. 184.

второй четверти издается и литература по праву, философии, поэзия[1]. В целом, татарская буржуазия сумела создать феномен национального книгоиздательства. При этом почти полностью отсутствуют произведения татарских авторов-современников. Таким образом, книгопечатание, преимущественно, выполняло функцию поддержания системы схоластического образования.

К началу XIX века, обеспечив строительство мечетей, содержание мектебов и медресе, обучение и подбор мулл и мударрисов, монополизировав торговлю, скупку и обработку сырья на территории Заказанья, буржуазия приобретает здесь контроль за рядом традиционных сельских общин, заменив здесь мурз и духовенство. Крупные медресе в торговых аулах становятся локальными центрами образования, создавая многоуровневую территориальную структуру с центрами в Казани и Каргале. Зависимость от среднеазиатских рынков заставляет воспроизводить здесь бухарскую систему образования. Буржуазия не вырабатывает своей идеологии, в своем образовании и образе жизни она все более следует за бухарской традицией. Расширение сети мечетей, посылка мулл в казахские Степи и Сибирь, потребность торговли в образованных людях резко увеличили сферу приложения для шакирдов медресе, их социальную мобильность, что способствовало снижению их политической активности, примирению с действительностью. Возможность приписки к городским корпорациям, предоставленная общинам Казани и Каргалы, фактически обозначала избавление от лашманской повинности. Поэтому торговая деятельность мобилизовала наиболее активные личности.

С 1860-х гг. правительство начинает ограничивать экономическую деятельность татар, прежде всего, запретив им приобретать недвижимость в Казахстане и недавно присоединенном Туркестане. В сфере образования монополия мусульман подрывается внедрением министерских начальных школ, русских классов при медресе и требованием образовательного ценза по знанию русского языка для будущих имамов. Поэтому с конца 1870-х гг. и до российской революции 1905-1907 гг. лидеры мусульманской элиты Казани в лице буржуазии и улемов регулярно проводят петиционные кампании и посылают делегации в Петербург, прежде всего с целью сохранения статус-кво. Периодически выдвигаются требования религиозной автономии. Именно эти формы общественного движения являются основными для мусульманской элиты вплоть до конца 1904 г. 26 и 29 января 1879 г. представители татарского общества Казани купцы Юнусов, Апанаев, Азимов и Галеев потребовали аудиенцию у министра внутренних дел для представления петиции. Она содержала требования о разделе имущества (мирас)

[1] Каримуллин А.Г. У истоков татарской книги. — 2-е изд. — Казань, 1992. — С. 122-144.

по шариату, об освобождении мусульманского духовенства от ведения Министерства Народного Просвещения, об отмене обязательности знания русского языка, о предоставлении льготы по воинской повинности шакирдам медресе. Они дополнительно просили предоставить право всем мусульманам самим выбирать муфтия и казыев. Губернатору удалось добиться отказа просителей от дополнительных пунктов предполагаемой петиции[1]. Буржуазия Казани фактически предъявила две программы: программу-минимум, сводившуюся к возврату ситуации до 1870 г., и программу-максимум, основанную на создании религиозной автономии (по идее Марджани). Возвращение к старине было приоритетным по сравнению с реформой Оренбургского Магометанского Духовного Собрания (ОМДС).

12 июля 1888 г. (начало действия с 1 января 1891 г.) был издан закон об образовательном цензе для мусульманского духовенства. Организатором движения по отмене закона стал миллионер-купец А. Сайдашев. Он сформировал в Казани «штаб» движения, куда вошли представители татарской элиты. В начале 1889 г. в губернские инстанции в массовом порядке поступили письменные заявления от крестьянских обществ, требовавших не вводить закон. Одновременно духовенство и буржуазия вновь начали распространять слухи о якобы планируемой постройке русских школ во всех татарских аулах и принудительном обучении детей русскому языку. Составлялись прошения против введения этого закона и на имя муфтия-председателя ОМДС М. Султанова. В Казани инициаторами подачи прошений стали наиболее богатые и влиятельные члены мусульманской общины Казани, открыто выступившие против политики правительства. 16 июня 1890 г. казанский губернатор объявил местным мусульманам об окончательном оставлении без последствий их прошений[2]. Буржуазия Оренбурга направила аналогичные прошения, инициированные купцами Хусаиновым и Еникеевым, в Уфу (в ОМДС) и Петербург.

7 декабря 1893 года казанские купцы потребовали у губернатора разрешения на посылку депутации в Петербург по вопросу «о сохранении в надлежащей неприкосновенности религиозных книг, изучение которых составляет насущную потребность для истинного познания мусульманской веры...». В состав депутации вошли представители буржуазии и духовенства Казани, включая купца М. Га-

---

[1] Салихов Р.Р. Общественно-реформаторская деятельность татарской буржуазии Казани (вторая половина XIX — начало XX вв.): Дис. ... канд. ист. наук. — Казань, 1997. — С. 36.

[2] Загидуллин И.К. Татарские крестьяне Казанской губернии во второй половине XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. — Казань, 1992. — С. 164; Салихов Р.Р. Общественно-реформаторская деятельность татарской буржуазии Казани (вторая половина XIX — начало XX вв.): Дис. ... канд. ист. наук. — С. 39-40.

леева и имама Г. Баруди. Так лидеры татар Казани продемонстрировали свое недовольство муфтием М. Султановым [1].

В 1890-е гг. происходит формирование общенациональной элиты из числа сторонников джадидов. Рассмотрим конкретную деятельность просветителей-соратников И. Гаспринского из класса буржуазии. В 1899 г. начинается новый этап в развитии просвещения: организуются учительские курсы в Каргале. Гани бай Хусаинов обеспечил финансирование, выдвинув свои условия: преподавание по звуковому методу, составление программы, деление на классы и устройство выпускных экзаменов. В программу курсов вошли преподавание звукового метода, орфография, синтаксис, Коран с таджвидом (правилами чтения), математика, история, география, основы преподавания и воспитания, хадисы, тафсир (толкование Корана). В 1899-1901 гг. обучалось около 210 учителей, представлявших основные районы татарского мира, исключая Астрахань. В 1901 г. Гани бай получил фетву З. Расули на обучение детей в русских общеобразовательных и профессиональных школах[2].

Начиная с 1909 г., татарская буржуазия обсуждает создание национального банка (мусульманского банка России). В 1913 г. в журнале «Иктисад» («Экономика) утверждалось, что «разрешение данной проблемы будет означать и решение вопроса об экономической жизни и смерти миллионов мусульман России»[3]. В 1917 г. идея национального банка воплотилась в «Милли хэзинэ» (Национальную казну) Милли Идарэ.

В начале прошлого века крупная татарская буржуазия прежде всего в Оренбурге и Казани выступила пионером в создании капитализма Нового времени. В 1912 г. в статье «Тюркский мир» Ю. Акчура писал, что «в современном тюркском мире возникает новая социальная сила — буржуазия (средний класс). Богатый средний класс крупных торговцев, промышленников и владельцев шахт в Баку, Оренбурге и Казани — основных центрах тюрок Севера и Азербайджана — служит здесь примером. Средний класс является национальным. Его экономические интересы требуют прогресса и развития национальной идеи и чувств. Очень быстро теоретики (идеологи) национализма группируются вокруг буржуазии Казани, Баку и Оренбурга». Центром объединения тюркского мира Ю. Акчура видит газету «Тарджеман», возглавляемую И. Гаспринским: «тюркский мир России» формирует единый блок, который можно характеризовать как «рождение новой нации Востока»[4].

---

[1] Салихов Р.Р. Общественно-реформаторская деятельность татарской буржуазии Казани (вторая половина XIX — начало XX вв.): Дис. ... канд. ист. наук. — С. 42.

[2] Шэрэф Б. Гани бай. — Оренбург, 1913. — С. 54, 266-285.

[3] Газизуллин Ф.Г. Дорогой к правде. — Казань, 1979. — С. 238-239.

[4] Цит. по: Akcura Y. Le monde Turc // Georgeon F. Aux origines du nationalisme Turc: Yusuf Akcura (1876-1935). — Paris, 1980. — Pp. 121-124.

В джадидском мектебе и медресе крупная буржуазия видела центры подготовки квалифицированных сотрудников и массы потребителей национального рынка. Джадидские центры образования, наряду с российскими и европейскими центрами, являлись важнейшим средством сохранения конкурентоспособности татарской буржуазии и ее роли как элиты общества. Джадидские структуры финансировали баи Акчурины, М. Галеев, Рамиевы, Хусаиновы и ряд других, наиболее активно использовавших современное оборудование, маркетинг, банковские кредиты, создававшие торговые дома. В завещании Ахмед бая Хусаинова средства выделяются медресе «Хусаиния», учителям и ученикам джадидских школ, на стипендии в Казанскую Татарскую Учительскую школу, ремесленные школы, коммерческое училище, высшее юридическое, востоковедческое, зубоврачебное и естественно-технологическое образование[1].

Модернизация России, рост промышленного производства, банковского капитала, освоение новых рынков, переход к методам современной бухгалтерии объективно способствовали как расцвету российской государственности, так и прогрессу мусульман России и джадидской системы образования. Впервые развитие общероссийского и татарского общества приобрели общие гражданские светские векторы развития. Если рост татарской экономики конца XVIII — начала XIX веков сопровождался культурной и образовательной ориентацией татарского общества на бухарские стандарты схоластики, то экономический подъем рубежа XIX-XX веков привел к созданию среди мусульман России национальной системы образования, ориентированной на традиции европейской и российской педагогики, овладение основами светских знаний на родном языке и продолжение частью учащихся образования в русскоязычных школах.

В политическом движении 1905-1917 гг. буржуазия играет периферийную роль. Она концентрируется преимущественно на образовательных и в целом благотворительных программах. После Февральской революции в 1917-1918 гг. основным направлением развития татарского общества было создание органов национальной автономии. Завершающим этапом этого процесса стало создание ее правительства — Вакытлы Милли Идарэ, а затем Милли Идарэ (Национальное Управление).[2] В составе Милли Идарэ было создано три министерства, представлявших интересы буржуазии, духовенства и светской интеллигенции. Внутри последней группы возник конфликт между старшим поколением тюркистской интел-

[1] Фахретдин Р. Ахмет бай. — Оренбург, 1911. — С. 46-48.

[2] Хабутдинов А.Ю. Татарское общественно-политическое движение... Ч. 1. — С. 30-32; Он же. Начальные этапы формирования татарского управленческого аппарата // Вестник Евразии. — 1999. — № 1/2. — С. 67-68.

лигенции и младшим поколением татаристского учительства. Поэтому рассмотрим именно эти три группы национальной элиты. Автономную группу здесь составляла буржуазия, которая обеспечивала создание национальных фондов, то есть финансовых институтов автономии. 24 марта 1917 г. в Казани собрание под председательством имама Г. Баруди (муфтия с мая 1917 г.) приняло решение создать «Милли Сермая» (Национальная казна), составившую 825 223 рубля на 27 марта. «Милли Сермая» возглавило бюро из двенадцати человек. Так как деятельность всех национальных форумов и организаций не получала никакой государственной поддержки, то буржуазия обеспечивала проведение всех национальных съездов, деятельность органов автономии в центре и на местах, финансирование Миллет Меджлисе (Национальное Собрание — парламент автономии), создание «Харби Фонд» (Военного Фонда) для финансирования мусульманских воинских частей.

Создание трех назаратов правительства автономии являлось свидетельством наличия собственных автономных организаций у буржуазии, учителей и духовенства. Съезд учителей прошел в апреле 1917 г., а Съезд духовенства в июле того же года. Исключение составляет здесь буржуазия. Но эта группа элиты была представлена во всех общенациональных организациях и на всех съездах. Поэтому созыв съезда корпорации в октябре 1917 г. скорее объясняется рассредоточением буржуазии по огромным территориальным пространствам и слабыми экономическими связями между буржуазией различных регионов[1].

10-13 октября 1917 г. в Уфе прошло совещание при Малия Назараты (Ведомстве финансов) Милли Идарэ, где обсуждался вопрос «национальной казны тюрко-татар Внутренней России и Сибири». Милли Хэзинэ (Национальная казна) должна была обеспечить финансирование нужд органов автономии, больниц, приютов и ремесленных школ. Было принято решение отчислять минимум 1 % имущества на национальные нужды. Предусматривались такие способы сбора финансов как налог, непосредственное обращение к имущим и подписка. В результате совещания были созданы центральная комиссия Милли Хэзинэ и консультативная комиссия при назарате, включавшая 29 членов из регионов.

В апреле 1918 г. Милли Идарэ и Милли Хэзинэ были ликвидированы Советскими властями. В том же году львиная доля собственности крупной и средней национальной буржуазии была конфискована, и она прекратила свое существование как группа общенациональной элиты.

[1] Хабутдинов А.Ю. Органы национальной автономии... — С. 9-10.

А.М. Калимуллин
Елабужский государственный педагогический университет

ТОРГОВАЯ И ПРОМЫШЛЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТОВАРИЩЕСТВА «И. СТАХЕЕВ И К°» В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Промышленный подъем в пореформенной России ускорил процесс концентрации производства и появления монополистических объединений. Монополизация экономики еще более расширилась под влиянием кризиса 1900-1903 гг., превратившего монополии в основу хозяйственной жизни страны.

Одним из крупнейших монополистических объединений в начале XX века являлся концерн Стахеева (Путилова — Стахеева — Батолина), сложившийся на основе сближения крупного торгово-промышленного товарищества «И. Стахеев и К°» и ведущего российского коммерческого банка. Важную роль в возникновении концерна Стахеева играл крупнейший коммерческий банк России — Русско-Азиатский банк. В сближении банка и товарищества «И. Стахеев и К°», то есть в процессе формирования концерна Путилов — Стахеев — Батолин, выделяются две стадии: довоенная и военная. Довоенный период знаменовался совместной деятельностью товарищества и банка в области хлебной торговли, а также в освоении Уральского нефтяного района. Военный период характеризовался дальнейшим укреплением связей банковского капитала с промышленным, что выразилось в усиленном финансировании Русско-Азиатским банком предприятий, подконтрольных группе Стахеева. К 1917 году концерн Путилова — Стахеева — Батолина объединил ряд наиболее жизнеспособных и прибыльных производств почти во всех отраслях добывающей и обрабатывающей промышленности.

Основным направлением деятельности товарищества «И. Стахеев и К°» была торговля хлебом, успешности которой в немалой степени способствовало формирование единого российского хлебного рынка. Наряду с хлебными операциями значительную роль в становлении товарищества играла торговля нефтяными продуктами. Комиссионной торговлей нефтепродуктами в начале XX века занимался также торговый дом «И.Г. Стахеев», но она носила в основном подсобный характер и была связана с волжскими перевозками. Иван Иванович Стахеев развил эту сферу торговой деятельности, приобретя ряд предприятий по переработке нефтепродуктов в Прикамье. В 1912 г. при поддержке Русско-Азиатского банка И.И. Стахеев покупает (в равных долях) все керосиновое предприятие торгового дома «А. Шитов» с движимым и

недвижимым имуществом за 1 050 тыс. рублей. Позднее керосиновое предприятие было передано учрежденному совместно с банком Камско-Сибирскому нефтепромышленному обществу.

Организованное исключительно для торговли нефтепродуктами Общество в 1916 г. получило разрешение на покупку, аренду и разработку собственных месторождений, что положило начало непосредственно промышленной деятельности. Местом, где были предприняты первые попытки разработки нефтяных месторождений, стал Южно-Уральский район. Фирма Стахеева приобрела концессию на разработку нефти в пустынных степях южной части Уральской области. Здесь «начаты были ... интенсивные работы, которые через два года настолько увенчались успехом, что представилось вполне целесообразным затратить в этой работе большие капиталы: было учреждено первое акционерное общество с капиталом в 6 000 000 рублей». Работы по разработке месторождений и добыче нефти пошли значительно быстрее благодаря сотрудничеству с акционерным обществом «Эмба», действовавшим в этой сфере с 1912 года. К концу второго года существования общества добыча нефти была доведена до 5,5 миллионов пудов в год.

Разработка нового нефтяного района фирмой Стахеева была бы невозможной без поддержки ведущих нефтяных фирм. Деятельность Стахеева в Уральской области тесно связана с товариществом «Бр. Нобель». В нефтепромышленном и торговом обществе «Эмба» товарищество «Бр. Нобель» и И. Стахеев приняли участие в 42,5 % каждый и 15 % акций находилось в руках товарищества «Нефть». Председателем правления общества был избран представитель товарищества «Бр. Нобель» — К.В. Хагелин, одним из директоров – П.П. Батолин. Общество «Эмба» успешно развивало свои операции и благодаря поддержке правительства. В 1913 г. обществу были даны льготы по выпуску 2 млн. пудов нефтяных продуктов без оплаты акцизом и 6 млн. пудов с оплатой в половинном размере. Правительственные льготы обеспечили увеличение добычи нефти: в 1912 г. выход нефти составил 350 тыс. пудов, в 1913 г. — 2,6 млн. пудов, в 1914 г. — более 6,5 млн. пудов.

Наряду с группой Стахеева и Русско-Азиатским банком в Обществе приняли участие петербургский международный банк и английские финансовые круги. Крупнейшим акционером общества являлся И.И. Стахеев, которому принадлежал контрольный пакет акций общества. Важная роль И.И. Стахеева объяснялась наличием в его руках значительного количества нефтяных заявочных свидетельств, подлежащих передаче обществу в обмен на акции. По договору с правлением общества Стахеев передал в пользу последнего права и обязанности по 570 заявочным свидетельствам на производство разведок в Гурьевском районе.

Группой Стахеева придавалось особое значение разведке и разработке новых месторождений. По свидетельству журнала «Нефтяное дело» только за 1915/16 гг. Обществами «Эмба» и «Эмба-Каспий» было затрачено 752 тыс. рублей на разработку месторождений Каратон и Карачунгуль. Однако, несмотря на организацию широкомасштабных разведочных и эксплуатационных работ, деятельность «Эмба-Каспий» оказалась убыточной, вызвав только в 1913 убытки в сумме 222 174 рублей.

На основании договора между обществами «Эмба» и «Эмба-Каспий» в 1915 г. было создано Акционерное общество подсобных предприятий Эмбинского района. В состав правления общества вошли: в качестве представителя от концерна Стахеева — П.П. Батолин, от Русско-Азиатского банка — В.С. Завойко и В.Н. Троцкий-Сенютович, от товарищества «Бр. Нобель» — К.В. Хагелин. Целью Акционерного общества на момент учреждения было оборудование нефтяных промыслов: строительство заводов, нефтепроводов, бурение нефтяных скважин. Несмотря на постоянную финансовую поддержку обществ-учредителей, Акционерное общество подсобных предприятий работало в убыток, не выдерживая конкуренции с ведущими нефтяными компаниями России, такими как товарищество «Бр. Нобель» и другие.

В конце первой мировой войны положение Эмбинских нефтепромышленных обществ стало более стабильным. Возросло значение нового нефтяного района, который по количеству добываемой нефти к 1917 г. занимал третье место в России. Развитие Уральского нефтяного района положительно сказалось и на общем социально-экономическом состоянии региона, именно в этом видели положительный итог своей деятельности организаторы концерна. В кратком очерке деятельности товарищества «И. Стахеев и К°» сообщалось: «в настоящее время степи Уральской области преобразились: появилось много новых, прекрасно оборудованных поселков, степь покрыта лесом вышек, дымят два больших завода, проложены длинные нефтепроводы (более 100 верст длинной)». Одновременно с разработкой нефтяных месторождений товарищество предпринимало шаги к укреплению и развитию торговли нефтяными продуктами, путем приобретения и постройки складов и перевозочных средств по рекам Волге и Каме, на Востоке по всей Сибири. Группой Стахеева были приобретены акции Волжско-Бакинского торгового акционерного общества с основным капиталом 1 млн. рублей. В числе крупных акционеров общества наряду со Стахеевым выступали два банка: Русско-Азиатский и Петроградский международный банк.

Деятельность общества постоянно расширялась, что требовало увеличения размеров основного капитала (до 10 млн. рублей), о чем в июне 1917 г. ходатайствовало правление общества. Увеличе-

ние средств было необходимо для покупки нефтяного отдела Восточного общества товарных складов, страхования и транспортировки товаров с выдачей ссуд. Под нефтяным отделом подразумевались земельные участки в Москве и Варшаве, судоремонтные мастерские в Астрахани, железнодорожные вагоны, речные суда и другие. Имущество нефтяного отдела оценивалось в 14 млн. рублей. Восточное общество намеревалось продать имущество за 10 млн. рублей, при условии выполнения ряда требований. Выдвинутые Восточным обществом требования, за исключением двух, касались в основном сроков оплаты. Один пункт гарантировал поставки в течение пяти лет Восточному обществу нефтяных остатков, в оговоренном размере, другой предоставлял в течение 5 лет право на ремонт судов общества в мастерских Волжско-Бакинского общества в Астрахани.

Приход большевиков к власти в октябре 1917 г. помешал дальнейшей реализации этих грандиозных планов, а большинство стахеевских предприятий было национализировано советской властью. Так закончилась история первого в династии Стахеевых монополистического объединения типа синдикат-товарищество, ставшего в начале XX столетия одним из наиболее значимых союзов банковского и промышленного капитала России. Сформировавшаяся на этой основе финансовая олигархия сосредоточила в своих руках контроль над жизненно важными отраслями экономики. Монопольные цены, устанавливаемые крупнейшими экономическими объединениями, являлись тем рычагом, с помощью которого Стахеев, Путилов и Батолин осуществляли контроль над огромным производством, занимая главенствующее место на основных хлебных ранках и некоторых нефтяных регионах страны.

Н.П. Лигенко
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН

ОСОБЕННОСТИ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ ЕЛАБУГИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

К вопросу об адаптации в новых рыночных условиях

Проблема предпринимательства в отечественной историографии является одной из самых актуальных и востребованных. Нельзя не согласиться с мнением известного итальянского исследователя Бенедетто Короче, что «... лишь интерес к настоящему способен подвигнуть нас на исследование фактов минувшего: они входят в нынешнюю жизнь и откликаются на нынешние, а не былые интересы»[1]. На данном этапе исторического развития, по мнению исследователей, «ключевой фигурой рыночных отношений был и остается предприниматель». Встает животрепещущий вопрос: «Сумеют ли предприниматели воспользоваться многовековым хозяйственным опытом России?»[2].

В данной статье поднимается вопрос о роли провинциального купечества как модернизатора общественно-экономического вектора в жизни региона и государства в целом. История развития купечества Елабуги может служить яркой иллюстрацией идеи — восприятия купечества как созидающего сословия, сумевшего максимально использовать условия нового времени.

Не возникает сомнений, что «купеческая» Елабуга была и остается уникальным провинциальным городом. Поэтому закономерен тот факт, что именно елабужские ученые, преподаватели Елабужского педагогического института, при руководстве Н.М. Валеева, первыми в регионе подняли проблему «восстановления исторической памяти относительно несправедливо оклеветанного могучего среднего сословия»[3]. Историография истории купечества Елабуги разработана довольно основательно. Особым вниманием удостоена история жизни и деятельности Стахеевых и Ушковых. Отмечу лишь, что Стахеевскому концерну посвятила отдельное монографическое исследование известный историк Т.М. Китанина. К истории концерна обращались И.Ф. Гиндин, В.Я. Лаверычев, Л.Е. Шепелев, И.Н. Шемя-

[1] Бенедетто Короче. Теория и история историографии. — М., 1998. — С. 1.
[2] Кузмичев А.Д. Шапкин И.Н. Отечественное предпринимательство: Очерки истории. — М., 1995. — С. 3.
[3] Валеев Н. Историческая память и купечество // Российскому купечеству посвящается. Специальный выпуск посвящен 150-летию со дня рождения купца, литератора Д.И. Стахеева. — Елабуга, 1990. — С. 2.

кин, А.Н. Боханов, М.А. Садаков, О. Платонов и т.д. Н.М. Валеев внес заметный вклад в изучение жизни и деятельности Стахеевых, в том числе и творческого наследия писателя Д.И. Стахеева. История купеческой династии Стахеевых за 150 лет ее существования стала объектом самостоятельного изучения И.В. Масловой. И.В. Есиева глубоко исследовала жизнь и деятельность купеческой династии Ушковых[1].

Обратимся к особенностям развития г. Елабуги, которые просматриваются в описании ее современников: «Один из крупных торговых городов Вятской губ. ...По своему благоустройству Елабуга занимает видное место в ряду уездных прикамских городов; мощеные улицы, электрическое освещение, водопровод — все это говорит за богатые средства города. Семь средне-учебных заведений (реальное училище, женская гимназия, духовное училище, епархиальное женское училище, городское 3-х классное училище, Александровская школа ремесленных учеников и училище слепых детей) резко выделяют Елабугу и в культурном отношении. Своим благоустройством город во многом обязан елабужским купцам Стахеевым»[2].

В научной литературе оценка города Елабуги, как крупного торгового центра, встречается довольно часто, тогда как в рамках России по числу жителей (9 660 чел.) и отраслевой структуре занятости населения Елабуга относилась к малым городам России. В основном, на протяжении исследуемого периода в городе преобладала мелкая промышленность и сфера услуг. Специалисты, охваченные мелкотоварной и ремесленной формой производства, в количественном отношении распределялись равномерно и в том небольшом составе, какой диктовал местный потребительский рынок. В 1895 г. в сфере обслуживания и в доманufактурных формах промышленности было занято 1 046 человек, что составляло 10,8 % населения[3]. Из них, самое большое число горожан (58 %) было занято в сфере обслуживания населения города: обустройстве, ремонте, содержании жилья. Значительную категорию составляли строители: 83 плотника, 48 каменщиков, 67 маляров, 42 печника, 40 кровельщиков, 33 штукатура, 33 белильщика и т.д. Рекламы в «Камском листке объявлений» позволяют прочувствовать бытовую атмосферу, уровень обслуживания горожан. Так, И.А. Абоимов сообщает населению, что он вновь открыл специальную «обойную и драпировочную мастерскую» при столярном заведении: «В заведении принимаются всевозможные заказы как обойного, драпировочного, так и столярного производства. Зальная, гостиная, кабинетная, будуар-

---

[1] Есиева И.В. Купеческая династия Ушковых (первая половина XIX в. — 1918 год): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Казань, 2004.

[2] Уральский торгово-промышленный Адрес-Календарь на 1911 г. — Пермь, 1913. — С. 77.

[3] Государственный архив Кировской области (ГАКО). — Ф. 574. — Оп. 1. — Д. 74; Оп. 2. — Д. 201.

ная мебель лучших рисунков исполняется прочнее и дешевле, чем в специальных магазинах»[1]. 14 % горожан были заняты в обработке питательных продуктов, где трудилось 55 хлебников 31 мясник, 16 булочников, 10 пряничников и т.д. Тот же «Камский листок...» информирует горожанина: «Мучная лавка П.С. Лобанова предлагает покупателям самого высокого качества обойно-просяную ржаную муку помола собственной мельницы, с полным ручательством за доброкачественность. Солод ржаной собственной выработки по 90 коп. за пуд, пятипудовые мешки. Гречневая мука для блинов высшей доброты двух сортов. Тут же продаются прессованные дрожжи Московского завода «Акционерного общества Б.А. Гивартского» по 40 коп. за фунт. Оптовым покупателям скидка»[2]. «Кондитерские помещения Г.В. Решетова» предлагали горожанам: «весьма приятные на вкус французские булки и белый хлеб, изготовленные на сухих дрожжах по новому американскому способу»[3]. Елабугу обслуживало 257 мастеров (24,5 %) из них: 54 кузнеца, 40 сапожников, 20 шорников и т.д. Узкие специалисты открывали свои мастерские. Д.Д. Максимов в своем объявлении сообщал, что, «вновь открыта мастерская обуви мужской, дамской и детской из лучших заграничных и варшавских кож, опойка, лосины, а также из кавказской бурки, со всевозможными отделками. Заказы исполняются тщательно, товар ставится самый лучший — прочный. Цены недорогие...»[4]. В изготовлении одежды было занято 22,0 % мастеров. Самую большую группу среди узких специалистов составляли модистки — 80 человек, обслуживавшие светскую элиту, а так же портные — 40 человек. Согласно объявлению: «Мастерская дамских нарядов М. Петровой принимает заказы на всевозможные модные платья и верхние вещи, как-то: жакеты, пальто, шубы и ротонды»[5]. Елабуга, как и Сарапул, славилась красотой своих особняков, общественных зданий, соборов. Однако живописцы здесь (на 1895 г.) не прижились, по видимому их «выписывали» из других городов, художественными промыслами занималось всего лишь 4 золотильщика, 6 золотых и серебряных дел мастеров, 3 иконописца, 3 ковровщицы[6]. К художественным ремеслам следует отнести и садовые заведения, какое было образовано «специалистом садовником» Болюхиным на Малмыжской улице, близ Епархиального училища, где предлагалось «более 2 000 банок самых роскошных цветущих комнатных растений для окон, а также декоративных для столовых и вестибюлей — по самым дешевым ценам от 15 копеек за банку. По заказам в самый кратчайший

[1] Камский листок объявлений. Елабуга. — 1903. — № 11. — 5 октября.
[2] Там же. — 1904. — № 1. — 11января.
[3] Там же. — 1897. — № 13. — 18 января.
[4] Там же. — 1901. — № 114. — 2 декабря.
[5] Там же. — 1900. — № 4. — 29 октября.
[6] ГАКО. — Ф. 574. — Оп. 1. — Д. 74; Оп. 2. — Д. 201.

срок изготовляют роскошные букеты и корзины живых цветов. Постоянно свежая зелень для стола — спаржа, петрушка, салат и др. Большой запас самой лучшей земли для пересадки комнатных цветов. Цены самые дешевые»[1].

По данным на 1900 г. в разделе «торговый отдел» в Елабужском уезде и городе, пофамильно было зафиксировано 646 владельцев торговых заведений, что составляло 6,7 % всего населения города[2]. По материалам переписи 1897 г. число торгующих в городе составляло 1 834 человек или 19 % населения, что превышало в 1,5 раза число торгующих в уезде — 1 197. В Елабуге самый высокий показатель по числу занятых лиц наблюдался в реализации продуктов сельского хозяйства — 817 человек и отдельно зерна — 184 человека. В общей массе торговых людей сравнительно большой процент составляли служащие питейных заведений (153 чел.), а также трактиров, гостиниц, меблированных комнат, клубов (98 чел.). Немалую долю в общем товарном потоке составляла торговля тканями и предметами одежды, в которой было занято 168 чел. В отдельную группу были выделены торговцы (40 чел.), специализировавшиеся на реализации таких видов товаров как «металлические товары, машины, оружие, предметы роскоши, науки, искусства, культа».

На общем фоне промышленного развития выделялось несколько небольших предприятий. Так, в 1884 г. было зафиксировано 9 «заводов», специализировавшихся на обработке животных, питательных продуктов, и металла. Это были небольшие мануфактурного или мелкотоварного типа заведения, с числом рабочих от 2 до 21, в основном, принадлежавшие купеческому сословию. Они обеспечивали рабочими местами не более как 150 горожан (1,6 % населения). Купчиха Г. Массагутова имела мыловаренное производство (7 раб., 53 000 руб.). Пряничных заведений в городе было 4, все они принадлежали купцам: в том числе В.В. Баутину (6 раб., 9 000 руб.) А.К., Пестереву И.А. (6 раб., 3 000 руб.), И.И. Епанешникову (3 раб., 2 000 руб), В.В. Бусыгину (6 раб., 9 000 руб.), последний имел еще свечно-сальное производство (2 раб. 5 000 руб.)., подобное единственно принадлежало еще мещанину Коченову И.П. (2 раб. 3 000 руб.) Регион обслуживало колокололитейное предприятие (4 раб., 2 000 руб.), купца Д.А. Шишкина. В указанный период обозначен единственный торговый дом купцов Стахеевых под названием «Стахеев В.Г. сыновья. Тов-во», владевший пивоваренным «заводом» (21 раб., 25 000 руб.).

В 1900 г. в Елабуге и уезде имелось 33 предприятия[3]. Имена владельцев не обозначены, но представлена сумма производств и число рабочих. В Елабуге функционировало 13 «заводов», сумма произ-

---

[1] Камский листок объявлений. Елабуга. — 1904. — № 7. — 7 ноября.

[2] Уральский Торгово-Промышленный Адрес-Календарь на 1900 г. — Пермь, 1900. — С. 9-13.

[3] ГАКО. — Ф. 574. — Оп. 2. — Д. 377. — Л. 21.

водств составляла 896 108 руб. с 168 рабочими. Из них: два — воско-свечных (сумма производств — 1 580 руб., 5 раб.), мыловаренный и сально-свечный (соответственно, 26 500 руб.,10 раб.), один винокуренный (31 433 руб., 5 раб.), один водочный (31 433 руб., 42 раб.). один пиво и медоваренный (58 803 руб., 20 раб.), один дрожжевой (12 877 руб., 6 раб.), два пряничных (14 400 руб., 18 раб.), один чугунолитейный (3 000 руб., 10 раб.), один колокололитейный (10 000 руб., 12 раб.). В уезде данные промышленного развития были значительно выше: 20 заводов имело сумму производств — 4 509 490 руб., рабочих — 1914 человек.

В 1914 г. в Елабуге было зафиксировано еще меньше — 8 предприятий. Однако это уже были капиталистического типа производства, превосходящие прежние своими размерами, техническими характеристиками и формой организации[1]. Так, «Торгово-промышленное Тов-во Ф.П. Гирбасов с С-ми и К°» имели 2 крупчатки и 2 мельницы. Основной капитал товарищества составлял 500 000 руб., 29 900 руб. — запасной, число рабочих — более 20 чел. Предприятия были оснащены нефтяным двигателем в 50 л.с., тремя поставами, 7 паровыми вальцами. Модернизировали свое производство и купцы Стахеевы. Тов–во «Стахеев Ив.Г. Н-ки» оборудовали пиво-медоваренный завод № 4 паровым двигателем в 8 л.с., годовая производительность составляла 150 000 руб., число рабочих –свыше 50 чел. Колокололитейный завод, перешедший к наследникам Шишкина Д.А., производил помимо колоколов — «земледельческие машины», был оснащен двигателем (3 л.с.), годовая производительность составляла 18 000 руб., число рабочих 20. В городе функционировало два кожевенных завода; один принадлежал «Торговому дому под фирмою С.И. Кисарева с Сыновьями», другой К.Ф. Соловьеву, мыловаренным заводом обладало тов -во «Баутин А.К. Н-ки и Виденеев В.И.». Владельцами последних трех предприятий при заполнении анкет производственные показатели не были обозначены. А заведения по изготовлению кондитерских и мучных изделий (макароны, пряники), по видимому, были настолько малы, что при наличии крупных, не были внесены в ведомостную статистику. Особой популярностью пользовалась в регионе типо-литография надворного советника И.Н. Кибардина с числом рабочих 27 человек, имевшая годовую производительность — 18 000 руб. С 1897 по 1904 гг. она издавала еженедельную газету «Камский листок объявлений». При типографии имелся книжный отдел, где наряду с книгами и периодикой «продавались учебники для воспитанниц гимназии, воспитанников реального, духовного, городского и приходского учи-

[1] Фабрично-заводские предприятия Российской империи // Кандауров и сын. — Петроград, 1914.; Фабрично-заводские предприятия Российской империи. — СПб., 1909.

лищ»[1]. Итак, число рабочих, занятых на фабриках и заводах Елабуги, вновь не превысило цифру 200 человек. Таким образом, жители Елабуги, как и других малых городов, были заняты в сферах обеспечения сбалансированной жизнедеятельности своего города. Мелкие заведения удовлетворяли потребности жителей города, наиболее крупные предприятия работали на внешний рынок. Продукция вино-водочных, пиво-медоваренных заводов сбывалась на рынках Вятской, Уфимской, Пермской, Симбирской, Казанской губерний, воско-свечных на ярмарках Мензелинска, Бугульмы, Елабуги и Каракулина. Фирма купцов Гирбасовых имела свои склады по реализации товара в Елабуге, Челнах, Вандовке, Нижнем Новгороде, Рыбинске. Более активное развитие капиталистическое производство, по-прежнему получило в уезде, здесь насчитывалось 11 предприятий, обслуживавшихся 2 463 рабочими[2].

Периодическая сфера рынка в Елабуге, как и промышленность, отличалась небольшими размерами. В городе функционировала одна Спасская ярмарка; в уезде на 1883 г.– в двух селах: Александровском и Можге, а также в д. Камаево. Что же касается Спасской ярмарки, то она не отличалась большим размахом как Нижегородская и даже Вятская и Мензелинская, относившиеся к важнейшим ярмаркам страны[3]. В среднем за три года 1911-1913 гг. общий оборот Спасской ярмарки выглядел следующим образом: привезено было товара на 590 345 руб., продано всего на 129 825 руб.[4], ассортимент товара привозился соответственно потребностям населения[5].

---

[1] Камский листок объявлений. Елабуга. — 1898. — № 7. — 9 августа.

[2] «Товарищество химических заводов П.К. Ушков и К°», владевшее четырьмя химическими заводами, из которых два находились в Елабужском уезде, кирпичным, гончарным, меловым заводами и т.д. Основной капитал составлял 2 млн. 400 тыс руб., насчитывало 2000 рабочих. Товариществу «Стахеев Ив.Г. Н-ки» В с. Голюшурме Алнашской вол. принадлежал Гулюшурминский № 22 винокуренный завод, оснащенный паровым двигателем (46 л.с.), с годовой производительностью 245 300 руб., числом рабочих 48 человек. В д. Старая Игра Граховской в. имелся Николаевский № 1 винокуренный завод К.Е. Рязанцева, оснащенный паровым двигателем (6 л.с.), с пятью рабочими. В с. Пьяный Бор Пьяноборской вол. товариществу «Гоголев А.Е. Н-ки» принадлежала крупчатка и мельница, с годовой производительностью 45 000 руб., одним паровым двигателем (18 л.с.), 15 раб. В пос. Можга Можгинской вол. Товарищество «Сырнева С.А. и Шишков С.А. То-во Сюгинский стекольный завод» имел один паровой двигатель и две турбины (28 л.с.), рабочих 370 чел, годовая производительность — 200 000 руб. В д. Болтачево Терсинской вол. Находился Болтачевский № 4 винокуренный и ректификационный завод торгового дома «Н-ки М.С. Хамитовой», годовая производительность 37 900руб., число рабочих — 25.

[3] Всероссийский Торговый Справочный календарь. — СПб., 1908. — С. 94.

[4] ГАКО. — Ф. 176. — Оп. 1. — Д. 3631. — Л. 15.

[5] Сбыто: кубовая краска на 30 000 руб., чай, сахар на 20 000 руб., кожевенные сапоги, башмаки на 5 000 руб., рукавицы на 8 000 руб., конская упряжь на 500 руб., тарантасы на 3 000 руб, колеса на 600 руб., железные изделия на 300 руб., шапочный товар на 200 руб., разные сельскохозяйственные произведения на 3 500 руб.

Следует заметить, что сельскохозяйственные произведения имели умеренные объемы сбыта, не занимали лидирующих позиций. Тем не менее, Елабуга слыла как крупный торговый город Прикамья.

Высокий рейтинг город получил благодаря масштабной торгово-промышленной и благотворительной деятельности, а также неослабевающему вниманию к своей малой Родине елабужского купечества. Д.И. Менделеев, оценивая значение Ушковых в развитии отечественной химической промышленности, в своем письме в редакцию «Новое время» писал: «Для России получилось небывалое: где-то там на Каме, в Елабуге... я, знавший немало западноевропейских химических заводов, с гордостью увидел, что может созданное русским деятелем не только не уступать, но во многом превосходить иноземное... Такими-то и сильна новая Россия, хотя имена их мало кто знает»[1]. «Символом предпринимательства новой эпохи становится деятельность семьи Рябушинских и концерна Стахеева», — такой вывод был сделан О. Платоновым, автором «Энциклопедии купеческих родов».

При малочисленности дворянства в «купеческом» Прикамье третье сословие занимало ведущие позиции в обществе. Анализ фактического материала показывает, что купцы представляли здесь все слои буржуазии — мелкой, средней и крупной. Последняя же пополняла ряды крупной буржуазии столичных городов[2]. В Елабужском уезде, находящемся в более благоприятных природно-географических условиях, происходил активный процесс роста купеческих капиталов и удельного веса капиталов I-ой гильдии, по сравнению с другими уездами Вятской губернии. Так если в 1861 г. здесь функционировало 96 капиталов; из них только один являлся первогильдейским капиталом, то к 1873 г. было зафиксировано уже 117 капиталов, из которых 16 (13,7 %) были первогильдейскими, это самый высокий показатель в «удмуртском» Прикамье[3]. В последующие годы идет снижение числа купеческих свидетельств до 69 к 1900 г., а первогильдейских, в результате диффузных явлений — до одного. В то же время возрастает число почетных потомственных и личных граждан, особенно в уезде, социальной средой формирования которых в основном было первогильдейское купечество. В 1897 г. почетных потомственных и личных граждан вместе с членами семей в Елабуге насчитывалось 200 (54 %), в уезде — 170 (46 %). Тогда как число купцов в Елабуге составило 311 человек (73 %), в уезде — 115 (27 %)[4].

Предпринимательская деятельность отдельных династий купечества Елабуги и уезда выходит за рамки указанной территории. Елабу-

---

1 Менделеев Д.И. Письмо в редакцию // Новое время. — 1898. — 26 января.

2 Лигенко Н.П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX — начало XX века. — Ижевск, 2003.

3 ГАКО. — Ф. 582. — Оп. 92. — Д. 176; Ф. 176. — Оп. 1. — Д. 3851, 4003, 4007, 4121, 4641.

4 Первая всеобщая перепись населения 1897 г.: Вятская губерния. — СПб.,1904. — С.2.

га является лишь отправной точкой отсчета, отражает начальный этап развития. Влияние же региона, в том числе и Елабуги, экстраполируется на различные экономические центры России: Москву, Петербург, Екатеринбург, Казань, Нижний Новгород и другие города. Елабужское купечество, обладая крупными капиталами, смогло быстрее адаптироваться в условиях правовой, общественно-экономической модернизации. Нельзя не отметить, что здесь большую роль сыграл и личностный фактор, сосредоточение талантливых предпринимателей с глубокими нравственными позициями, имеющих достойных наследников.

В Елабуге, как нигде в регионе, наблюдался большой количественный рост и высокий уровень ассоциирования капитала. Так, если в 1863 г. в уезде не было ни одного торгового дома, в 1889 г. отмечено наличие лишь 3 товарищеских объединений: «Григория Стахеева сыновья», «Товарищества Ивана Антропова и К°», «Товарищества П.К. Ушкова и К°», то в 1913 г. здесь действовало уже 28 торговых домов, преобладающее число которых возникло на территории г. Елабуги и уезда[1].

Значительная часть торговых домов была местного происхождения, представляла собой самый различный уровень ассоциирования капитала: товариществ полных и на паях (командитные общества), товариществ на паях и акционерных компаний. Самой распространенной формой являлись торговые дома, основанные на семейном капитале, вложенном в торговлю. Последние имели неустойчивый характер, как быстро возникали, так же быстро и исчезали. Широкому распространению торговых домов способствовал явочный порядок их образования, они были лишены строгой законодательной, административной регламентации, характерной для акционерных обществ.

Учитывая низкую покупательную способность населения, трудности связанные с транспортировкой груза, купцы, обладающие крупными капиталами, старались создать несколько однопрофильных предприятий в различных регионах страны. Наиболее крупными и устойчивыми, созданными в Елабуге и уезде, были 4 объединения: товарищество торгово-промышленное на паях: «Иван Стахеев и К°», с паевым капиталом 2,5 млн. руб. К 1917 г. товарищество невероятно разрослось, превратившись в монополистическое объединение целого комплекса формально самостоятельных промышленных, транспортных, сельскохозяйственных, торговых и кредитных предприятий. В Елабуге было образовано его отделение. Торговому дому «Стахеева И.Г. Н-ки» в Елабуге принадлежал водочный завод, пивомедоваренный (в уезде винокуренный), пароходство, магазины бакалейные, торговля керосином и нефтью, москательными товарами, вином, хлебом, мануфактурными товарами; товарищество

[1] ГАКО. — Ф. 574. — Оп. 1. — Д. 74. — Л. 223; Д. 1193. — Л. 33-40; Уральский Торгово-Промышленный Адрес-календарь на 1915 г. — Пермь, 1917. — С. 91-95.

полное: «В.Г. Стахеев — Н-ки», основной капитал — 600 тыс. руб., в Елабуге имело мыловаренный завод, занималось торговлей хлебом и т.д.; высочайше утвержденные товарищества на паях «Товарищество химических заводов П.К. Ушков и К°», основной капитал — 2 млн. 400 тыс. руб., четыре химических завода: в Вятской (Бондюге и Кокшанах Кураковской вол.), Казанской, Самарской губ. — химические заводы, а также кирпичные, гончарный, меловой, цементный, золотодобыча, торговля химической продукцией, пароходство; «Торгово-промышленное товарищество Ф.П. Гирбасов с Сыновьями и К°», основной капитал — 500 тыс. руб.; правление и главная контора находились в Елабуге, имело в Елабуге «механическое устройство вальцевой крупянки, мельницы и обойки с усовершенствованной сушкой зерна», занималось торговлей хлебом, чаем, сахаром, табачными товарами в Елабуге, Рыбинске и Петербурге. Владельцами крупных промышленных и торговых предприятий являлись представители двух традиционных предпринимательских сословных групп — потомственные почетные граждане и купцы.

Купечество монополизировало как периодическую, так и стационарную сферу рынка, оказывая большое влияние на их развитие. Оно использовало столетиями складывавшуюся периодическую сферу рынка, держа под контролем сбыт наиболее прибыльных сельскохозяйственных продуктов: зерна, муки, льна, льняного семени, кожевенных товаров, яиц и т.д. Купцы разделили всю территорию Удмуртии на несколько сфер влияния, более 70 контор занималось скупкой зерна. Была создана разветвленная, хорошо отлаженная сеть торговли с использованием также стационарных форм: закупочных контор, сосредотачивавших продукцию в складочных амбарах, имевшихся в крупных селах и уездных центрах. В Елабужском уезде действовало 13 крупных торговцев сельскохозяйственной продукцией, в том числе: 12 купцов, 1 — крестьянин. Семь купцов Елабужского уезда: Дмитрий Иванович Стахеев, Иван Григорьевич Стахеев, Евстафий Ефимович Емельянов, Василий Иванович Шабалин, Михаил Николаевич Лощилов, Петр Андреевич Вавилов, Александр Васильевич Шабалин формировали свой товар в г. Елабуге и в с. Пьяный Бор. Среди них самые крупные торговые закупки производила фирма елабужского 1-й гильдии купца «Торговый дом Г. Стахеев, сыновья» для Гулюшурминского винного завода и перепродажи за пределами Прикамья. Для Константиновского винного завода скупались рожь, овес, ячмень торговой фирмой «Наследники коммерции советника Мамадышского купца Щербакова». Всего в 1882 г. в Елабужском уезде было закуплено 755 580 пуд. сельскохозяйственной продукции. Из них: ржи — 103 405, овса — 188 495, гречихи — 128 100, ячменя — 1 080, семени — 58 500, муки — 27 600, гороха — 500 пудов[1].

[1] ГАКО. — Ф. 574. — Оп. 1. — Д. 74. — Л. 27; Оп. 100. — Д. 16. — Л. 17.

Данные источников свидетельствуют о том, что Елабуга функционировала как узловой распределительный центр оптового товара. В качестве примера представим сведения о количестве привезенных в Елабугу и вывезенных оттуда товаров за 1884 гг., насчитывающих 40 видов. Привезено было товаров всего на сумму 5 316 300 руб., вывезено на сумму 4 547 500 руб. Осело в Елабуге товаров на 768 800 руб., что составляло 14,5 %[1]. Так, к примеру, чая кяхтинского и кирпичного было ввезено в Елабугу на 450 000 руб., вывезено — на 385 000 руб.; материй шелковых, шерстяных — привезено на 92 000 руб., вывезено — на 70 000руб., бумажных тканей соответственно на 60 000 руб., и на 40 000 руб.; сукна фабричного на 77 500 руб.и на 62 500 руб.; крестьянского на 12 000 руб. и на 9 750 руб. ржи на 95 000 руб. и на 93 500 руб.; муки крупчатки на 30 000 руб. и на 30 000 руб.; гороха на 8 000 руб. и на 8 000 руб.; рыбы свежей на 36 000 руб., и на 36 000 руб.; табака на 20 000 руб., и на 19 000 руб. и т.д. Товары: материи, сукна, бакалея, чай, сахар, кубовая краска привозились из Москвы, и с ярмарок Нижегородской, Ирбитской, Мензелинской; кожевенный товар, сапоги и башмаки — из Москвы, Сарапула; рукавицы, конская сбруя из села Богородское Чистопольского уезда; крупчатка из Казани, и с ярмарок Мензелинска и Бугульмы; соль из Перми; рыба малосольная и сухая из Казани и Уральска, табак — из Казани и Нижегородской, Мензелинской и Бугульминской ярмарок; сырые кожи, пенька, лен, все хлебные продукты, семя льняное и конопляное, свежая рыба, сало и масло, деревенские изделия, лошади, рогатый скот, лесные изделия доставлялись обывателями окрестных селений Елабужского, Мензелинского, Бугульминского уездов. Вывоз: выделанный кожевенный товар, чай, сахар, кубовая краска отправлялись на Мензелинскую, Ирбитскую, Бугульминскую ярмарки. Рожь, овес, гречневая крупа, льняное семя, кули, рогожи вывозились в Нижний Новгород, Симбирск, Рыбинск, Санкт-Петербург. А остальная продукция: чай, сахар, соль, табак, бакалейные товары и т.д. «продаются местным жителям окольных селений»[2].

Таким образом, Елабуга, небольшой провинциальный город Прикамья, вписался в историю России, как крупный торговый центр, как родоначальник значительных купеческих династий Стахеевых, Ушковых, Гирбасовых, внесших большой вклад в развитие экономической, общественной, культурной жизни страны. Это яркий пример того процесса, когда периферийные регионы, развитые в торгово-промышленном отношении, пополняли именно плутократическую фракцию крупной российской буржуазии, которая поставлялась мощными семейными кланами, формировавшимися на базе торговых и промышленных фирм, начиная с конца XVIII века.

[1] ГАКО. — Ф. 574. — Оп. 1. — Д. 943. — Л. 21-24.
[2] Там же.

Отдельные представители их становятся составной частью управленческой верхушки крупнейших коммерческих банков России. В силу незначительного числа представителей благородного сословия, купечество на периферии занимало передовые рубежи, имело значительный вес, как в экономической, так и в общественной жизни. В условиях модернизации региональное купечество претерпевает большие изменения разной степени интенсивности: кардинальные — в предпринимательской деятельности, значительные, но не опровергающие традиций — в культуре, образе жизни, внешнем облике и, в конечном счете — в менталитете. Третье сословие «не превращается в призрак», оно самоидентифицируется, сохраняя свой стержень, свои корпоративные устои. Провинциальное купечество определяет этические нормы предпринимательской культуры, сложившейся на основе христианских заповедей.

Ю.М. Гончаров
Алтайский государственный университет

КУПЕЧЕСТВО ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ СЕРЕДИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВВ. В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

Купеческое сословие Сибири активно изучается в последние годы. Однако до сих пор мало внимания уделялось тому, как современники оценивали сибирских купцов, в чем они видели специфические черты гильдейцев региона, особенности купечества отдельных городов Сибири. Рассмотрение этого вопроса поможет точнее выяснить место купечества в сибирском социуме, даст материал для изучения купеческого менталитета.

Сибирские купцы не были обделены вниманием пишущей публики, которая не только сравнивала свои впечатления со стереотипами, сложившимися в русском обществе, но и пыталась дополнить его образ своими впечатлениями. Большинство авторов отмечали, что сибирское купечество в значительной степени отличается от гильдейцев Европейской России. Вот какую характеристику купечеству региона дал чиновник В.В. Струве, прибывший на службу из Европейской России: «Здесь я познакомился с типом сибирского купца тогдашнего времени; в обществе; в особенности в присутствии чиновнаго начальства, заменяющего в Сибири дворянство, скромен и сдержан, всегда, как говорится, с камнем за пазухой, в делах прозорлив, смел и ловок, в доме истинно, «по-сибирски», гостеприимен и радушен, хороший семьянин, дозволяющий себе за порогом семейным, в кругу своей братии широкий разгул, а на ярмарках полнейшую разнузданность во всех отношениях»[1].

Основными моментами, на которые указывали современники, были сравнительно позднее время формирования купечества Сибири, пришлый характер и те качества, которые сформировались у местных торговцев под влиянием сибирских условий: «Сибирское купечество сравнительно молодое, т.к. переживает третье поколение. Деды основались здесь впервые, а в настоящее время торгуют их внуки и их наследники»[2]. «Ум природного сибиряка светлее, острее, прямее и резче во взглядах и понимании, смелее и откровеннее, точнее и решительнее в мыслях и суждениях, безрассудочнее в но-

[1] Струве В.В. Воспоминания о Сибири. — СПб., 1889. — С. 11.
[2] Калугин Т.Ф. Тюмень. Справочник и адрес-календарь по городу и уезду. — Тюмень, 1913. — С. 44.

вовведениях, чем ум природного великорусского»[1]. «Сибиряк-купец похож на своего собрата в коренной России. Но самое происхождение его, затруднительность путей сообщения и другие жизненные препятствия, которые ему приходилось ему преодолевать, сделали его более самостоятельным и, может быть, боле смышленым и энергичным, а иногда и более предприимчивым»[2].

Сибирские купцы представлялись авторам XIX столетия как «тороватые в обществе и расчетливые в домашнем быту»[3]. Однако не все авторы были единодушны в описании предприимчивости сибиряков. Так, например, офицер Иосиф Белов, служивший в Омске в середине XIX в., писал: «Сибиряки вообще, кажись, недостаточно имеют духа предприимчивости, ибо не только: ремесла и художества, как уже известно, находятся в военных мастерских, но даже и коммерция сказанного города в руках европейских купцов»[4]. В данном случае наблюдения автора можно отнести исключительно к омскому купечеству, которое вплоть до конца XIX в. действительно играло незначительную роль. Впечатления от военизированного Омска автор распространил на весь регион.

Сибиряк Н.М. Ядринцев оценивал сибирских купцов во многом негативнее, чем выходцы из Европейской России. Предприимчивость сибирских торговцев, по его мнению, была негативным качеством: «деньги и нажива деморализовали сибиряка прежде, чем он получил развитие и составил себе понятие о других целях жизни»[5].

Многие авторы подчеркивали особую роль сибирского купечества в сибирском обществе. Здесь гильдейцы занимали гораздо более значительное место, чем их собратья по сословию в Европейской России. Чиновник В.В. Струве приводит в своих воспоминаниях слова из докладной записки Муравьева: «Здесь весь народ под влиянием и в руках, так сказать, богатых торговцев, промышленников и откупщиков и все чиновники правительственные, почти без исключения, на содержании и в услугах тех же богатых людей»[6].

И. Завалишин объяснял это спецификой сословного уклада в крае: «Однако сословия, составляющее это племя <сибиряков>, во многом разнствуют ныне от сословий внутренней России и придают жизни сибирской много отличия от жизни русской. В Сибири потомственно-

---

[1] Щапов А.П. Историко-этнографическая организация русского народонаселения. Этнологическое развитие сибирского населения: Соч. в 3-х т. — СПб., 1906. — Т. 2. — С. 474.

[2] Оланьон К. Сибирь и ее экономическая будущность. — СПб., 1903. — С. 248.

[3] Струве В.В. Воспоминания о Сибири. — СПб., 1889. — С. 15.

[4] Белов И. Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири. — М., 1852. — С. 19.

[5] Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. — СПб., 1892. — С. 72.

[6] Струве В.В. Воспоминания о Сибири. — СПб., 1889. — С. 53.

го дворянства нет, дворянских выборов нет, господских крестьян нет, господских заводов и фабрик нет, фабричных поселений нет. Купцы и мещане сибирские, в образе жизни и понятиях не отличаются от чиновников и вовсе не похожи на русских купцов и мещан»[1].

Дух предприимчивости, жажда быстрого обогащения могли толкнуть купцов и на злоупотребления в торговле, что неоднократно отмечалось современниками. Так, Н.М. Чукмалдин, сам вышедший в купцы из приказчиков, в своих воспоминаниях писал о тюменских купцах: «Запрашивать больше, чем двойные цены, продавать товары с 30-40 % пользы считалось столь нормальным, что продавец, умевший успешно это делать, был «на счету» и пользовался славой хорошего человека»[2].

Практиковались и более опасные для покупателей махинации, вплоть до фальсификации товаров. Так И. Завалишин отмечал, что оптовые торговцы подмешивали на Ишимской ярмарке в жировой товар известь, муку, даже песок[3]. Фальсифицировались продукты питания, напитки. Современник писал, что в Сибири в продаже «есть даже «собственные» вина, нигде никогда не слыханные, как, например «фаяльское», переименованное за вкус и впечатление в «русский мордоворот», о вкусе которого лучше всего выражался волостной писарь, который в рюмку водки подливши красного уксуса, попивал да похваливал: «Совсем настоящее фаяльское вино-те!»[4].

Можно предположить, что многие черты жизни купечества отдельных городов являются общими для купеческого сословия всей страны или отдельных больших регионов. Вместе с тем, трудно не согласиться с мнением В.П. Бойко о том, что у купечества отдельных регионов в период капитализма «проявлялись особенности и существенные отличия, которые определялись историей формирования экономики края, происхождением и источниками пополнения купечества, его численностью, национальным, отраслевым и возрастным составом»[5].

Многие авторы выделяли особенности купечества различных городов Сибири. Так, Г.Н. Потанин в известной статье «Города Сибири» дал остроумную характеристику купечеству крупнейших сибирских городов. Автор подметил наиболее типичные и яркие черты быта и хозяйственной деятельности гильдейцев Тюмени, Томска и Иркутска[6].

---

1 Завалишин И. Описание Западной Сибири. — М., 1862. — С. 81.
2 Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания. — СПб., 1899. — С. 87.
3 Завалишин И. Описание Западной Сибири. — М., 1862. — С. 172–173.
4 Телешов Н. За Урал. Из скитаний по Западной Сибири: Очерки. — М., 1897. — С. 74.
5 Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII–XIX вв. — Томск, 1996. — С. 179.
6 Потанин Г.Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. — С. 234–259.

Пожалуй, наибольшее количество отзывов современников касается купечества Тюмени. Это объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, Тюмень была «воротами Сибири» и именно в этом городе все посещавшие Сибирь набирались первых впечатлений. Во-вторых, в городе сложился многочисленный и экономически сильный отряд купечества региона; «нынешнее тюменское купечество торговою деятельностью своею приобрело себе почетную известность на всех, даже отдаленных рынках империи»[1].

Тюмень действительно была, прежде всего, городом купеческим. Как писал Н. Семилужский: «Тюмень — это тип сибирского купеческого города. Тюменская денежная аристократия занимает самое важное положение в городе и, по своему влиянию, первенствует. Она носит староверческий отпечаток и боится светской жизни»[2].

Неоднократно отмечалась разными авторами патриархальность купеческих нравов города: «Тюмень я нашел купеческим и торговым городком. Но не подумайте, что это город испещренный магазинами и вывесками, с массой торговых контор и квартир коммерческих агентов... Нет! Это один из тех купеческих городков России, которые, обыкновенно зовутся за нетронутую цивилизацией жизнь «излюбленными городками» Руси»[3]; «здесь население скромно, ... а местное купечество до такой крайности «степенно», что не только не зайдет в ресторан пообедать, но даже мимо гостиницы норовит пройти по другой стороне»[4]; «тюменские богачи не имеют, разумеется, никакого влияния на общий характер жизни города, потому что живут своим, замкнутым, небольшим кругом»[5].

В целом, купечество города получило достаточно лестную оценку современников. И. Завалишин, например, отмечал: «Торговым же сословием он <город Тюмень> первенствует, и что всего важнее, духом торгового сословия ушел далеко вперед против всех городов сибирских и очень многих русских. Тюменское купечество славится не одним лишь широким гостеприимством и хлебосольством, но всегда готово и на всякий добрый и полезный подвиг»[6].

В то же время губернский центр — Тобольск во второй половине XIX в. не имел многочисленного и богатого купечества, поскольку торговые пути в это время оставили город в стороне: «Тобольск город не промышленный и не торговый. Все его богатство находит-

---

[1] Ильин В. Краткое статистическое описание окружных городов Тобольской губернии // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год. — Тобольск, 1864. — С. 82.

[2] Семилужский Н. Письма о сибирской жизни // Дело. — 1868. — № 5. — С. 73.

[3] Там же. — С. 72.

[4] Телешов Н.Д. За Урал. Из скитаний по Западной Сибири. — М., 1897. — С. 27.

[5] Живописная Россия. — СПб.; М., 1884. — Т. 11: Западная Сибирь. — С. 78.

[6] Завалишин И. Описание Западной Сибири. — М., 1862. — С. 213.

ся в рыбной и пушной торговле на севере губернии, чем пользуются не многие из местного купечества»[1].

В Тобольске «Купечество торговало обыденными предметами первой необходимости, немногие же богатые, отправлялись ежегодно с весною на рыбные ловли»[2]. К. Голодовиков в своей книге «Город Тобольск и его окрестности» отмечал упадок старых купеческих фамилий города: «В настоящее время из древних купеческих домов существует только один: дом братьев Ширковых, пользующийся по примеру своих предков, общим уважением; остальное же купечество, большею частью, составляют приказчики разорившихся или уже умерших коммерсантов»[3].

Не отличался размахом торговли и другой крупный административный центр Западной Сибири — Омск: «Омск... не замечателен ни в торговом, ни в промышленном отношении. Не слишком многочисленное купечество его ведет большею частью внутреннюю торговлю предметами, необходимыми для жителей города»[4]. Советский дипломат И.М. Майский в своих воспоминаниях о детских годах, проведенных в Омске, дает образную характеристику омскому купечеству в духе, свойственном советской историографии: «Купцы, т.е. лавочники всех рангов — крупные, средние и мелкие, составляли, если можно так выразится, «второе сословие» нашего города, раболепствовавшее перед военными, но жестко эксплуатировавшее городскую бедноту и окрестных казахов. Омская «буржуазия» тех времен являла собой страшное зрелище. Это была еще «буржуазия» периода первоначального накопления — грубая, неотесанная, безграмотная, с дикими нравами и свирепыми удовольствиями. Подвыпившие купчики били зеркала в ресторанах, лезли с сапогами в ванну из шампанского, с гиком и свистом на бешенных тройках давили людей на улицах города, а по ночам ездили в соседние деревни Захламино и Черемушкино, где устраивали оргии и избивали местных крестьян»[5].

Купечество небольших полуаграрных городков Западной Сибири также не отличалось размахом предпринимательской деятельности. Достаточно типичным в этом плане был Ялуторовск, о котором отмечали: «Торговая деятельность собственно жителей города очень невелика. Большая часть купцов и мещан, оставив торговлю и

---

1 Павлов А. 3000 верст по рекам Западной Сибири. — Тюмень, 1878. — С. 36.

2 Скропышев Я.С. Тобольская губерния в пятидесятых годах // Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания-характеристики. — СПб., 1904. — С. 14.

3 Голодовиков К. Город Тобольск и его окрестности. Исторический очерк. — Тобольск, 1887. — С. 11.

4 Ильин В. Краткое статистическое описание окружных городов Тобольской губернии // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год. — Тобольск, 1864. — С. 117.

5 Майский И.М. Воспоминания советского посла. — М., 1964. — Кн. 1: Путешествие в прошлое. — С. 42.

ремесленные занятия, считают для себя более выгодным быть в услужении у откупщиков питейных сборов в разных городах империи или у золотопромышленников Восточной Сибири. Только самая незначительная часть купцов Ялуторовска занимается торговлею»[1].

Купечество таких городков незначительно отличалось от торгующих крестьян. Так, А. Абрамов писал в корреспонденции РГО: «Все курганские купцы — салопромышленники, произошли из крестьян Курганского округа и многим из них не хочется расстаться с деревенской простотою и свободою»[2].

Достаточно специфическим было купечество Каинска. Объяснялось это национальным составом населения города, среди которого было много ссыльных евреев. Как отмечалось, — «Занятие евреев в Западной Сибири составляет преимущественно торговля»[3]. Вот как писал об этом современник: «Где поселились евреи, там коммерческая суетня и толкотня. В Сибири также думали превратить евреев в хлебопашцев, но и здесь, как и в Западной Росси, народ этот сумел разбить всякие надежды и упрямо остался при своих качествах. Из города Каинска евреи умудрились сделать такой же город, каких неисчислимое множество во всем западном крае России. Каинск сибиряки справедливо называют «сибирским Иерусалимом»... из городка, не имеющего никакого промышленного и торгового движения и, как все города Сибири, вообще углубленного в себя и мертвенно молчащего, евреи сделали крикливый, живой и торговый... Евреи же добились того, что в Каинске теперь одно из главных мест склада всего пушного товара (особенно беличьих хвостов), отправляемого за границу, на Лейпцигскую ярмарку. Поэтому-то на такой печальный и убогий городок с 700-ми жителей насчитывается до 70 купцов»[4]. Характерной чертой предпринимательства еврейских купцов в Сибири современники видели «изворотливость» и не совсем честные способы торговли: «Прежде совсем истрепанный еврей преобразуется уже в торговца, умеющего ублаготворить мылом, табаком, железом, чаем и омулем. Мыло он варит сам, понемножку льет свечи, папиросы крутит. На омулях он обсчитал, железо у него ворованное из казны, чай он держит только контрабандный»[5].

Среди современников, оставивших свои впечатления о купечестве Томска, достаточно характерным можно признать мнение В.М. Флоринского, заведовавшего постройкой Томского универ-

---

[1] Ильин В. Краткое статистическое описание окружных городов Тобольской губернии // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год. — Тобольск, 1864. — С. 93.

[2] Архив Русского географического общества. Раз. 61. — Оп. 1. — Д. 25. — Л. 10об.

[3] Гудович. Быт евреев в Сибири // Вестник русских евреев. — 1871. — № 30.

[4] Максимов С.В. Сибирь и каторга. — СПб., 1900. — С. 128–129.

[5] Т Максимов С.В. Сибирь и каторга. — СПб., 1900. — С. 129.

ситета, который писал: «Ознакомившись с томским купечеством, я составил о нем очень невыгодное понятие. Все они вчерашние приказчики или ямщики, едва умеющие читать и писать. Это было бы еще в порядке вещей, но ненормально то, что эти самые купцы задают здесь тон жизни, подчиняют своему карману весь чиновный мирок. Всюду они на первом месте: и у губернатора, и у архиерея, не говоря уже о второстепенных чиновниках. Все за ними ухаживают в видах той или другой благости, и это дает городу убеждение, что вся сила в купеческих карманах. За ними интеллигенция и администрация являются как случайный квартирант-нахлебник в чужом дому, оттесненный на второй план»[1].

Еще более резкую характеристику томскому купечеству дал К.М. Станюкович, который под псевдонимом «Старый холостяк» на страницах «Сибирской газеты» поделился своими впечатлениями о заседаниях городской думы, состоящей преимущественно из купцов: «Впечатление чего-то жуткого испытывал и я при виде всех этих крупных кадыков, объемистых животов, этих убеленных и не убеленных сединами характерных физиономий. Тут были образчики всех типов сибирского «чумазого», непреклонного, упорного, бравирующего закон и совесть и привыкшего деньгами замазывать всякие дыры, сквозь которые могли бы выйти на свет божий плохо замазанные следы. Тут были жирные и оплывшие лица, были поджарые и худые волчьи и лисьи физиономии, благообразные, с Иудушкиной печатью на челе, смиренно-лицемерные и нагло вызывающие, невольно заставлявшие вспомнить о рыцаре тайги и большой дороги. Но при всем разнообразии костюмов, выражений одна общая характерная черта была на всех лицах. То была печать «чумазого», ясно говорившая, что, кроме «алтына и его судеб», у этих людей нет ничего ни сзади, ни спереди. «Все слопаю!», говорило, казалось все существо этого «чумазого»[2].

Столь резкие оценки обуславливались, по-видимому, политическими взглядами авторов, изначально негативно настроенных против купечества, а также слабым знакомством с местными условиями. И. Завалишин, глубже знакомый с краем, подчеркивал основательность томских купцов, устойчивость их коммерческих дел: «Томское купечество — положительные капиталисты, между тем как в Тобольской губернии состояния громоздятся вдруг из ничего и также быстро исчезают»[3].

Особое место среди городов Сибири занимал Барнаул — центр Алтайского горного округа. В силу мер Кабинета, сдерживающих развитие частного предпринимательства, местное купечество было

---

[1] Флоринский В.М. Заметки и вспоминания // Русская старина. — 1906. — № 5. — С. 286.

[2] Сибирская газета. — 1886. — 7 декабря.

[3] Завалишин И. Описание Западной Сибири. — М., 1862. — С. 32.

слабым и полностью зависимым от администрации округа. Как писал известный натуралист А. Брем, посетивший город в 1876 г., — «Купцы и ремесленники, которые не работали бы на удельное ведомство, живут здесь в незначительном числе, но и они питаются от доходов, получаемых ими от чиновников, служащих и рабочих горнозаводского дела»[1]. Кризис горнозаводской промышленности во второй половине XIX в. негативно сказался и на барнаульском купечестве. Только в конце XIX — начале XX в., когда Барнаул превратился в центр активно колонизуемого сельскохозяйственного региона, он становится купеческим городом: «И теперь Барнаул, по справедливости, считается одним из самых богатых городов Западной Сибири. Многомиллионная торговля хлебом, обширный масляный рынок, богатство жировых товаров, широко развитое производство шуб, известных под именем «барнаулок», валенной обуви и др. все двигает и двигает Барнаул вперед»[2].

Местом встречи купечества всех сибирских городов оставались ярмарки. Во второй половине XIX в. наибольшее значение для Сибири по-прежнему имела Ирбитская ярмарка. Вот как писал современник: «Ирбитская ярмарка — это место, куда всем и отовсюду ехать далеко и одинаково неудобно, но куда все едут — с востока и запада, с севера и юга, куда привозят товаров на десятки миллионов рублей, где ютятся по каморкам, живут в магазинах... где все кипит деятельностью, торопливостью и разгулом, где по трактирам за стаканом чая завершаются стотысячные сделки, а рядом хлопают пробки и льется пенистое вино, где под песни арфисток и говор разноязычной публики продается и покупается на огромные суммы, где татары, евреи, православные русаки и столичные коммерсанты пропивают магарычи, хлопочут, суетятся, работают, где до пены у рта спорят из-за гривенника в товаре и где ночи напролет просиживают за картами, спуская тысячи и пропивая сотни рублей»[3].

Не многим отличались и другие крупные сибирские ярмарки: «Тюменская ярмарка свела меня с многими иркутскими купцами, как молодыми, неженатыми, так и пожилыми, последних я считал по образу жизни, который они здесь вели, или за холостяков или за бездетных вдовцов. Каково же было мое удивление, когда я, по приезде в Иркутск, узнал во многих из них почтенных отцов семейств, пользующихся уважением в кругу семейном и почетом в обществе — ярмарки как будто не было»[4].

Очень много заметок современников касались быта сибирских купцов. Характерные зарисовки купеческих домов приводит

---

[1] Брем А. О Барнауле // История Алтая в документах и материалах. Конец XVII — начало XX века. — Барнаул, 1991. — С. 213–214.

[2] Адрес-календарь г. Барнаула на 1910 г. — Барнаул, 1909. — С. 10.

[3] Телешов Н. За Урал. Из скитаний по Западной Сибири. — М., 1897. — С. 73.

[4] Струве В.В. Воспоминания о Сибири. — СПб., 1889. — С. 11.

Н.М. Ядринцев: «Тяжелые каменные дома купцов, стоящие как крепости, с вечно задвинутыми на запоры воротами, с спущенными на дворе цепными собаками, с мрачными нежилыми покоями, нередко богато убранными, тогда как хозяева занимают самую грязную частичку дома и нередко находятся просто «в людской», т.е. в кухне, с прислугой. Вся торговая деятельность Тюмени сосредотачивается в глухих замкнутых дворах, где нагружаются тяжелые обозы для отправок, да в складочных магазинах с ржавыми замками, куда допускается лишь один доверенный приказчик. Здесь тихо и скрытно совершается торговое таинство; сделка купцов происходит, разумеется, не в конторах, а больше за закуской, выпивкой и картами»[1].

Н. Чукмалдин вспоминал, как его деревенского мальчика поразил дом тюменского купца: «И двор и дом казались до того обширными, что я не мог придумать, для чего требуется такой простор. Дом стоял в углублении среди двора, с выдвинутым вперед парадным крыльцом, а со сторон его фасадами на улицу тянулись громадные постройки флигелей с жилыми помещениями, «завознями» (амбарами) и широкими «галдареями». Двор вымощен был тесаными брусьями, так что всякий экипаж, проезжавший двором, производил грохот... Все заборы были унизаны гвоздями, острием кверху, а ворота запирались на ночь висячим замком»[2]. Подобных описаний можно привести очень много, например В.М. Флоринский в своих воспоминаниях приводит очень обстоятельное описание типичного купеческого дома в Томске, которое невозможно привести здесь по причине ограниченного объема статьи.

Судя по мнениям современников, вплоть до конца XIX в. для сибирских купцов был характерен замкнутый, патриархальный характер быта и семейных отношений. В то же время многие из очевидцев говорили о том, что сибирская женщина не находилась в том униженном положении, как в европейской части страны. Вот как писал человек, не понаслышке знакомый с сибирским купечеством: «Женщина в Сибири не раба мужчины, она ему товарищ. Умирает муж — не погибает промысел мужем заведенный. Жена-вдова ведет его дальше с тою же энергией и знанием, какие присущи были мужу. В Тюмени, в Гостином дворе, было с мануфактурными товарами до двух десятков лавок, и половина из них велась и управлялась женским персоналом не менее удачно, чем другая половина»[3].

Жизнь провинциального города не была богата развлечениями, которые часто сводились только к чревоугодию, пьянству и карточной игре: «В Тюмени нет ни балов, ни вечеров, кроме домашних вечеринок. Жизнь замкнутая и глухая, домашняя. Только отцы

---

[1] Семилужский Н. Письма о сибирской жизни // Дело. — 1868. — № 5. — С. 73.
[2] Чукмалдин Н. Мои воспоминания. — СПб., 1899. — С. 67.
[3] Там же. — С. 99.

семейств пользуются полною свободою, съезжаясь для игры и кутежей, семействам же почти нет развлечений. Поэтому собрания имеют характер холостой компании; здесь ведется преимущественно карточная игра, которая выродилась не в развлечение, а в коммерческое предприятие... После карточной игры коренному тюменцу остается только есть и спать»[1].

О любви сибиряков вкусно поесть писали многие. «Сибиряки и поесть любят хорошо», — отмечал современник. Н. Семилужский, достаточно негативно настроенный по отношению к сибирскому купечеству писал об этом так: «У зажиточного тюменца день начинается набиванием желудка пряжениками за чаем, затем через два часа следует закуска с разными соленостями или завтрак с приправою доброго количества водки, что дает ему случай ходить до обеда в довольно приятном тумане, затем следует плотный обед и порция хмельного, заставляющая его соснуть часов до 6 вечера; вечером чай с пряжениками, закуска с туманом и затем ужин с окончательно усыпляющей порцией спиртного. Все визиты, встречи, дела и развлечения сопровождаются непременно едой»[2]. А вот еще более резкие слова: «Никаких серьезных интересов, высоких стремлений, запросов у местного населения не было. В центре всего стояла утроба. Не ели, а жрали, не пили, а упивались. Вся атмосфера города была насыщена шаньгами и пельменями»[3].

Как писал в своих воспоминаниях купец И.В. Кулаев, — «Сибирский купец того времени любил повеселиться нараспашку, по-своему, в теплой своей купеческой компании, зело хорошо выпить, в беседе не стесняться в выражениях — вроде всем известного тогда томского купца Евграфа Ивановича Кухтерина»[4].

Безусловно, подобные персонажи встречались в купеческой среде, хотя, необходимо признать, что господствующее мнение о купцах было несправедливо. В конце XIX — начале XX в. многие из ведущих купеческих семейств, в том числе и сибирских, достигли весьма высокого культурного уровня. Судя по ряду свидетельств, во многих купеческих домах в начале XX в., даже в небольших сибирских городках или крупных торговых селах, вели вполне светский образ жизни. В.А. Скубневский приводит воспоминания Агнессы Всеволодовны, внучки крупного барнаульского купца А.И. Винокурова, которая говорила, что в их домах в Камне (тогда еще селе) нередко проходили семейные вечера, во время которых женщины играли на фортепиано, Василий Адрианович Винокуров любил вслух читать Чехова, и все его слушали с большим удовольствием, дети

---

1 Семилужский Н. Письма о сибирской жизни // Дело. — 1868. — № 5. — С. 74.
2 Там же. — С. 73.
3 Майский И.М. Воспоминания советского посла. — М., 1964. — Кн. 1: Путешествие в прошлое. — С. 43.
4 Кулаев И.В. Под счастливой звездой. Воспоминания. — М., 1999. — С. 238.

учили французский язык. Хорошую библиотеку, в которой были и энциклопедии, в том числе и детская, имел отец Агнессы — Всеволод Петкевич, любила читать ее мать — Феозва Адриановна — дочь А.И. Винокурова. Для детей в этой семье выписывали специальные журналы[1].

Общественная деятельность и благотворительность местного купечества является также одной из тем, на которой часто останавливались авторы второй половины XIX — начала XX в.

Особенно отличались в этом отношении тюменские купцы: «Благотворительность бедным, жертвование на церкви, монастыри и пользу отечества составляют похвальную черту тюменцев»[2]; «В Тюмени, например, пожертвования в праздники Рождества и Пасхи были столь велики, сытны и обильны, что этапные арестанты платили смотрителю деньги, чтобы на эти дни не выпускал дальше, а дал бы возможность поесть шанег, яиц, кислого молока и всего того, за что в других местах и дальше придется платить собственные и довольно большие деньги»[3]. Сердобольность тюменцев автор объяснял тем, что здесь живет много староверов, которые на подаяния не скупятся.

Но и в других городах, особенно по праздникам, помощь «сирым и убогим», особенно во время церковных праздников, была обычным делом. Как писал Ф.М. Достоевский: «Я думаю, не осталось ни одной хозяйки из купеческих и мещанских домов во всем городе <Омске>, которая бы не прислала своего хлеба, чтобы поздравить с великим праздником <Пасхи> «несчастных» и заключенных»[4].

Особенно легко, если верить современникам, сибирское купечество жертвовало на образование: «В Сибири ни на что так легко и обильно не поступают пожертвования, как на всякого рода учебные заведения»[5]. В этом отношении сибирское купечество представлялось современникам в более благоприятном свете, чем провинциальное купечество европейской части страны: «Здешнее купечество гораздо образованнее русского, более податливо на общеполезные дела, и находясь всегда в кругу чиновников, социальнее и развязнее, нежели в городах русских. Неграмотных уже мало, а образ жизни, даже у старообрядцев, одежда, тон, манеры за малыми исключениями, те же, что и у чиновничества»[6].

---

[1] Скубневский В.А. Заметки о духовном мире барнаульского купечества // Образование и социальное развитие региона. — 1995. — № 2. — С. 116.

[2] Абрамов Н. Город Тюмень // Вестник ИРГО. — 1858. — № 8. — С. 144.

[3] Максимов С.В. Сибирь и каторга. — СПб., 1900. — С. 9–10.

[4] Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома. — Омск, 1982. — С. 135.

[5] Елпатьевский С.Я. Очерки Сибири. — СПб., 1897. — С. 177.

[6] Завалишин И. Описание Западной Сибири. — М., 1862. — С. 88.

Многие из современников отмечали значительную активность купцов в городском самоуправлении. В то же время, большая самостоятельность и предприимчивость сибиряков, удаленность региона от центра страны приводили к тому, что сибиряки практически не интересовались делами за Уралом, были более аполитичными и даже равнодушными к официальной идеологии Российской империи. Как писал современник: «Богатый же класс этот, более образованный по происхождению своему и по отдаленности от центра империи, вовсе не имеет чувства той преданности Государю и отечеству, которое внутри империи всасывается с молоком, — он ко всему равнодушен, кроме своих выгод и, за немногими только исключениями, нет почти и надежды возбудить в них те широкие чувства, которыми гордится и славится всякий русский, а между тем они не только не лишены свойственного русским смысла и предприимчивости, но и превосходят в этом отношении жителей внутренних губерний, что весьма естественно... на здешних огромных и диких пространствах»[1].

Приведенные выше мнения современников представляют собой лишь незначительную часть огромного богатства нарративных источников, дошедшего до наших дней. Тем не менее, очевидно, что информационная ценность этой группы источников очень велика, особенно для изучения менталитета, общественной деятельности, истории повседневности сибирского купечества. Очевидно, что на оценки авторов влияли их политические убеждения, уровень образования, система ценностей, степень знакомства с сибирским купечеством и регионом в целом. Нередко одни и те же факты разными авторами оценивались по-разному, иногда и полярно. В силу этого исследователь всегда может подобрать коллекцию как негативных характеристик купечества — «темного царства», как было свойственно для советской историографии, так и восторженных оценок, рисующих купечество Сибири исключительно с положительной стороны, что стало характерно для ряда работ последних лет. Тем не менее, как можно заметить, преобладающим среди современников было мнение о специфики сибирского купечества, отличавшего его в целом от купечества других регионов империи.

[1] Струве В.В. Воспоминания о Сибири. — СПб., 1889. — С. 53–54.

В.Ю. Карнишин
Пензенский государственный университет

ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: АДАПТАЦИЯ К РЕАЛИЯМ МОДЕРНИЗАЦИИ ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ

Модернизационный процесс начала XX в. обусловил серьезные изменения в облике предпринимательского корпуса средневолжских губерний. Промышленные очаги создавались здесь преимущественно вокруг губернских центров, куда устремлялось из деревень сельское население. Важнейшую роль в развитии многих городов играла крупнейшая водная коммуникация — Волга. Для региона было свойственно преобладание небольших фабрик и заводов, что объяснимо определенным отставанием в развитии рыночных отношений от более развитых экономических районов страны.

Спецификой развития экономики средневолжских губерний являлись: недостаточная концентрация производства и капитала, слабое проникновение монополий непосредственно в производственную сферу. Следствием этого была живучесть торгового капитала. Так, текстильные и суконные фабрики вырабатывали продукцию зачастую не с целью ее сбыта на свободном рынке: предприниматели без посредников находили контакты с потребителями, не желая терять часть прибыли[1].

В орбиту рыночных отношений в деревне втягивалась часть дворянства и купечества. Рост мельничного производства, для которого был характерен достаточно высокий уровень технической оснащенности, обусловил концентрацию огромных земельных владений, почти всего лучного производства и существенную долю хлеботорговли в руках купеческих династий Стахеевых, Борелей, Шихобаловых, Шмидтов[2].

Вместе с тем, процесс формирования буржуазии в средневолжском регионе проходил достаточно противоречиво. Промышленный потенциал Пензы и Симбирска был достаточно низок, поэтому основной сферой вложения торгового капитала оставались коммерция, недвижимость и отчасти землевладение.

Новые тенденции в развитие деловых отношений пробивались с трудом, через рифы патриархальных отношений и предрассудков.

---

[1] Кругликов А.Л. Текстильная промышленность России в начале XX века: Историко-социологический очерк. — М., 1992. — С. 17.

[2] Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Торгово-предпринимательская деятельность помещиков на Юго-Востоке Европейской России в начале XX в. // Россия сельская. XIX — начало XX века / Отв. ред. А.П. Корелин. — М., 2004. — С. 246.

Еще в 1869 г. Александром II был утвержден устав Самарской биржи, но местное купечество не прониклось энтузиазмом к этому решению, и биржевой комитет в городе был избран только в 1893 г. Вслед за Самарой биржи открылись в Симбирске (1901 г.), Балашове (1904 г.). Их значение не только в переходе к цивилизованным формам товарообмена, но и в стремлении решить на определенном этапе проблему предпринимательства, торгово-промышленных интересов тех кругов делового мира, которые осознавали значимость новых тенденций в социально-экономическом развитии России.

На общих собраниях биржевых комитетов все сильнее звучали голоса той части предпринимателей, которые стремились к реформированию одиозных порядков. В 1902 г. Самарский биржевой комитет распространял анкету среди владельцев предприятия по вопросу о регулировании рабочего дня для служащих[1]. В декабре 1904 г. на общем собрании саратовских биржевиков разгорелись прения по вопросу о месте предпринимателей в преодолении внутриполитического кризиса. Поводом для дискуссии послужило обсуждение текста приветственного адреса Николаю II в связи с его указом «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», который предполагал принятие мер по улучшению положения крестьянства, внесению изменений в правила об ограничении гражданских прав.

Один из предпринимателей, Д.Е. Карноухов, выказал недовольство тяжестью налогового пресса на торгово-промышленное сословие, которому «менее всего надлежит молчать и первому следует заявить о своих нуждах»[2]. Он был тотчас лишен слова. Было прервано выступление и предпринимателя П.П. Комова, предложившего добавить в текст адреса пожелание о «помощи государю своими услугами». Председатель биржевого комитета Н.Н. Селиванов парировал: «Услуг общество предложить не может»[3]. Подобные факты свидетельствовали, что предпринимательские круги, набиравшие экономическую мощь, оказались отстраненными от самой возможности формулировать требования к администрации, не говоря уже о влиянии на разработку социально-экономической политики. Впоследствии это не могло не отразиться на политическом поведении предпринимательского корпуса.

Коллизии во взаимоотношениях между бюрократией и частью делового мира усугублялись на фоне экономического кризиса 1900-1903 гг., военной катастрофы на Дальнем Востоке (1904-1905 гг.) и, наконец, начавшейся революции. Общественная активность лидеров предпринимательских структур вполне объ-

---

[1] За двадцать лет: Юбилейный сборник очерков деятельности Самарского биржевого комитета и общества с 1895 по 1913 гг. — Самара, 1914. — С. 172.

[2] Отчет Саратовского биржевого комитета за 1904-1905 гг. — Саратов, 1906. — С. 18.

[3] Там же.

яснима, принимая во внимание политизацию, захлестнувшую все социальные страны России. Однако ресурс для гибких маневров предпринимателей буржуазии был ограничен: в стране отсутствовала политическая партия, призванная дать программу действий с целью решения острейших проблем, волновавших деловые круги, а также мобилизовать своих сторонников в период небывалого роста конфронтации в стране. Причины политического бесправия буржуазии достаточно известны: правительство всерьез опасалось роста оппозиции в экономической и политической сферах. В то же время усиление протекционистской линии в экономической политике, создавая благоприятные условия для развития отечественного предпринимательства, способствовало союзу бизнеса и власти в пореформенный период. Однако в начале XX века амбиции деловой элиты явно раздражал курс правительства, отказывавшего ей в политической доверии. В этой связи проблема политической самоидентификации становилась важной задачей в условиях революции 1905-1907 гг.

На фоне массового движения все более остро ощущалось отсутствие механизма, призванного регулировать отношения между рабочими и предпринимателями. Само понятие «стачка» стало предметом дискуссий в предпринимательских кругах в связи с тем, что ряд забастовок на поволжских заводах и фабриках имел одну особенность: рабочие останавливали работу без предъявления требований к администрации. Саратовские биржевики высказывали достаточно скептическое отношение к возможности урегулировать социальные конфликты исключительно испытанными мерами — с применением насилия. «Плеть в деле саратовских забастовок едва ли применима, все должно быть покойно улажено», — заявил председатель местного биржевого комитета Н.Н. Селиванов[1].

Дальнейший ход совещания выявил протесты многих предпринимателей против обращения к губернатору с просьбой организовать охрану фабрик и заводов. Было отмечено и давление на рабочих «посторонних лиц», требовавших немедленного прекращения работы.

Другой особенностью деятельности биржевого общества была концентрация внимания на остроте рабочего вопроса после забастовочной волны. На протяжении 1905 г. биржевики активно обсуждали проблему сокращения рабочего дня. Целесообразность немедленного введения 8-часового рабочего дня ставилась под сомнение. Предприниматель А.П. Шумилин сообщил, что его рабочие «из часа фактически работают 20 минут, а остальное время пьют чай и отдыхают». К.С. Семенов недоуменно поведал, что «не знает такого угол-

[1] Карнишин В.Ю. Партии промышленников и предпринимателей в России в 1905-1907 гг. // Политические партии в российских революциях в начале XX века / Под ред. Г.Н. Савостьянова. — М., 2005. — С. 133.

ка в Западной Европе и Америке, где бы ни шли по пути уменьшения рабочего дня» и предложил установить норму рабочего дня, не превышающую 10 часов в сутки. В итоге комиссия биржи приняла решение именно в этой реакции. Избрав своих представителей в комиссию В.Н. Коковцова по вопросу о нормировании рабочего дня, предприниматели подтвердили свое намерение, указав на необходимость учета «чрезмерного числа праздников, отмена которых не во власти промышленников, что внушительно уменьшает число рабочих часов в году сравнительно с Западом»[1].

Сложнее оценить политические пристрастия поволжских предпринимателей. Пик активности пришелся на 1905 год. Самарские биржевики в марте направили депешу с поддержкой Манифеста от 18 февраля о привлечении народных представителей к законодательной деятельности и указом, что только «дарование населению прав личной неприкосновенности, свободы слова, собраний может предотвратить катастрофу в России»[2]. На этом же заседании старшины биржи Н.Д. Батюшков и А.С. Медведев распространили листки «противоправительственного содержания» под названием «Основные положения», представлявшие собой совокупность требований общедемократического характера.

Среди основных пунктов этого документа были положения о контроле государственных структур со стороны народа, свободе печати и критике бюрократических кругов, введении народного представительства в форме Земского собора, представлявшего все слои общества, упразднение Государственного совета в нынешнем составе и избрание нового органа, состоявшего из представителей общества, имевших авторитет и известность, реорганизация правительства, его отчет перед законодательными органами, уничтожение политической полиции и цензурного вероломства[3]. Самарская жандармерия не привлекла к ответственности распространителей «Положений», поскольку, кроме агентурных сведений, более весомыми уликами не располагала.

Поволжские предприниматели поддержали Манифест 17 октября. В телеграмме Николаю II от самарских биржевиков содержались радостные слова: «Наступил великий праздник всеобщего умиротворения и объединению. Предстоящий законодательный труд еще велик, но союз правительства с народом легко одолеет все препятствия». В другой телеграмме, адресованной С.Ю. Витте, они заверяли премьера в своей поддержке начинаний правительства[4].

---

[1] Отчет Саратовского биржевого комитета за 1904-1905 гг. — С. 69.

[2] За двадцать лет. Юбилейный сборник очерков деятельности Самарского биржевого комитета и общества с 1895 по 1913 гг. — С. 175.

[3] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. 102.00.1905. — Д. 5ч17. — Л. 38об.

[4] За двадцать лет. — С. 175.

Однако эйфория от провозглашенных свобод вскоре прошла. Оказавшись лицом к лицу со стихией толпы, опасностью погромов, предпринимателям пришлось обращаться к властям за помощью.

Попытки создания провинциальных структур общероссийских партий, претендовавших на консолидацию деловых кругов (Торгово-промышленная партия, Прогрессивно-экономическая партия) оказались малоуспешными. Тенденция к демократизации всех сфер жизни с поправкой на специфику политического процесса после исхода первой российской революции не смогла дать шанс партиям, претендовавшим на власть. Роковую роль сыграли отсутствие внимания к социальной стороне преобразований и вовлечение в отношения собственности нового рыночного типа широких слоев населения, что только усиливало поляризацию общества. Прагматизм деловой элиты натолкнулся на реальности российской действительности, на неравномерность темпов индустриализации, порождавшей новые социальные коллизии, на болезненность адаптации к новым стандартам жизни и поведения.

Р.Р. Хайрутдинов
Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ

УЧАСТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ КАЗАНИ В РАБОТЕ ВЫБОРНЫХ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ (КОНЕЦ XVIII — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВВ.)

Изучение структуры, организации, состава местного административного аппарата, механизма функционирования городских органов власти, форм и методов управления является существенной частью исследования внутренней политики российского самодержавия. В условиях многоэтнического региона, каким являлось Среднее Поволжье, анализ состояния и деятельности выборных органов местного самоуправления, особенностей участия в их работе татарского предпринимательского сословия Казани позволяет вскрыть как общие закономерности, так и конкретно-исторические особенности осуществления имперской национальной политики.

Особое место в структуре учреждений Казанской губернии на рубеже XVIII-XIX столетий занимала Татарская ратуша — орган самоуправления купеческого и мещанского сословий Старой и Новой Татарских слобод — татарского населения г. Казани. Значение этого явления заключалось, на наш взгляд, вовсе не в факте создания особенного управления в структуре местной администрации и суда. Сословные привилегии и органы местного самоуправления в эти хронологические рамки в разной степени сохранялись и функционировали на территории Прибалтики, Украины, Сибири. Более существенным являлась роль ратуши г. Казани в объединении татарского торгового капитала, формировании национального купечества и предпринимательства, а, следовательно, и в более динамичном экономическом развитии татарского населения.

Не менее важным представляется и осознание татарами значимости национально ориентированного органа управления, учитывавшего в своей деятельности, естественно в рамках оговоренных законом полномочий, особенностей образа жизни и менталитета татарского городского общества. Татарская ратуша — один из немногих примеров работы национального по составу административного аппарата светского учреждения, оказывавшего влияние на жизнь сообщества вне рамок локальных мусульманских приходских организаций — махаллей.

Открытие Татарских ратуш вначале в Казани, а затем в 1784 г. в Сеитовской слободе Оренбургской губернии тесно связано с реформой местного управления и суда 1775 года, проведенного Ека-

териной II, и является одним из первых мероприятий правительства самодержавной России по привлечению верхушки татарского общества на сторону верховной власти. Эти меры, наряду со снятием ограничений сословного характера, препятствовавших записи татар в российское купечество (1776 г.), разрешением приема татар на военную службу и награждением офицерскими чинами (1783 г.), дозволением князьям и мурзам татарского происхождения пользоваться всеми преимуществами российского дворянства (1784 г.), учреждением в Уфе Магометанского Духовного Собрания (1788 г.) сыграли определяющую роль в стабилизации социально-политической обстановки в регионе.

В этот период Казань являлась крупным торговым городом региона, обладавшим благодаря татарским купцам обширными торговыми связями со странами Средней Азии, Китаем, Индией и Персией. В городе в руках торговцев из татар концентрировались значительные капиталы. В татарском обществе быстрыми темпами формировалась предпринимательская прослойка, игравшая существенную роль в экономическом, политическом продвижении Российского государства на восток. Большое значение в этих планах правительства предавалось учреждению органов, контролирующих развивающееся татарское торговое сословие и подведомственных центральному управлению. Таковой и стала основанная в городе Казани Татарская ратуша.

Проведение в жизнь реформы местного управления и суда в 1775 году потребовало от правительства Екатерины II введения нового административно-территориального деления России, увеличения почти вдвое числа губерний, децентрализации местного управления. 15 декабря 1781 года было образовано Казанское наместничество во главе с генерал-губернатором. Среди стандартного набора вновь открываемых губернских учреждений Татарской ратуши не значилось, и она не была предусмотрена губернскими штатами. Появление Татарской ратуши в структуре органов городского управления произошло «по силе Высочайшего Ея Императорского Величества изустного повеления господину генерал-порутчику, правящему должность генерал-губернатора Казанского и Пензенского князю Платону Степановичу Мещерскому».

Совершенно очевидно, что открытие ратуши для татарского населения г. Казани произошло после проведения консультаций на самом высоком уровне и согласно желанию императрицы. В письме от 16 декабря 1781 года князь П.С.Мещерский уведомил князя А.А.Вяземского о том, что открытие наместничества началось 15 декабря, а «28 числа открыты будут Казанский уездный суд, дворянская опека, нижний земский суд, городовой магистрат и ратуша слобод татарских». Это подтверждает и датированный тем же днем — 28 декабря 1781 года протокол ратуши, подписанный вице-губернато-

ром Федором Желтухиным, бургомистром Мухаметрахимом Хальфиным и другими должностными лицами, в котором в частности отмечалось, что «избранным по ратуше той на места в должности приказание учинено».

Согласно положению о городских ратушах руководящий состав подлежал перевыборам через каждые три года. Отбор кандидатов происходил из числа состоятельных купцов и предпринимателей по системе подсчета набранных баллов. Так последующие выборы согласно распоряжению генерал-губернатора от 4 ноября 1784 года проводились 10 декабря того же года. В голосовании участвовали 132 человека жителей Старой и 106 человек из Новой Татарских слобод.

Было избрано руководство Ратуши, состоявшее из городского головы, двух бургомистров, 4 ратманов, старосты, двух словесных судей и другие чины. В 1784 году головою Ратуши избран представитель мурзинской династии, выходец из с. Намика Нижегородского края, крупный казанский купец Якуп Султаналеев. Первым бургомистром стал Мухаметрахим Хальфин, вторым — Муса Асанов. Ратманами были выбраны Муртаза Кильмаметов, Исмагил Апанаев, Абдрашит Сеинов, Муртаза Рахманкулов. Словесными судьями оказались избраны Рахматулла Субханкулов и Ильяс Беляев. Одновременно на этих же выборах были избраны: полицейский сотник (Абдулла Якупов), староста ратуши (Муса Гайсин), 2 мирских выборных (Абдулкарим Иммаметов, Муртаза Галеев). Все они принадлежали к наиболее именитым торговым фамилиям, являлись родоначальниками знатных купеческих династий Казани рубежа XVIII-XIX веков.

Одним из главных формальных требований к кандидатам являлось требование лояльности к царской династии. Избранные члены ратуши также клялись «верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться не щадя живота своего до последней капли крови царскому престолу». Среди положений, ограничивавших выдвижение кандидатов, отметим возрастной ценз, согласно которому выбиравшиеся в Ратушу претенденты не могли быть моложе 30 лет, «честного и хорошего поведения». Итоги выборов утверждались в Казанском губернском правлении. Все это свидетельствует о том, что царское правительство, разрешив учредить в Казани Татарскую ратушу, позаботилось об обеспечении лояльности этого органа по отношению к верховной власти.

В материальном отношении Татарская ратуша находилась на полном обеспечении членов татарского общества. Желающие вступить под ее патронат подавали заявление и должны были вносить определенный взнос на содержание ратуши. С 1791 года многие ее члены стали неохотно отдавать деньги на эти цели. 19 сентября 1797 года Сенат на своем заседании заслушал рапорт правления ратуши.

В нем отмечалось, что содержать ратушу желают только 61 глава семей, вследствие чего заметно осложнилось ведение дел из-за недостатка средств.

Сенат через губернское правление уведомил казанских татар в том, что если они пожелают, им предоставляется право сократить число должностных общего присутствия — оставить вместо двух бургомистров одного и из 4 ратманов — двух человек. Было принято решение оставить в ведомстве ратуши 61 семейство (420 душ), а 201 семейство (1870 душ) передать в ведение Казанского суда и магистрата. В том же году были проведены выборы в ратушу, на которых бургомистром был выбран Салих Аитов, ратманами — Исхак Измайлов и Муслюм Юсупов.

Таким образом, татарское население г. Казани оказалось в административном и судебном отношениях размежевано между двумя параллельными городскими структурами управления.

Нет полных данных, для того чтобы с определенностью говорить о подлинных причинах, заставивших слободских татар подать прошение о выходе из ведомства ратуши. Однако косвенные сведения позволяют предположить о развернувшейся в конце XVIII столетия борьбе между кланами за власть и влияние в татарской части города. В ее основании стояли богатые купцы, узурпировавшие главенствующие посты в ратуше и представители среднего и мелкого предпринимательства и мещанского сословия. Почти десять лет положение ратуши было нестабильным. Так в 1808 году в Санкт-Петербурге рассматривался вопрос о целесообразности ратуш при Татарских слободах г. Казани. Однако уже в ближайшие годы ситуация коренным образом изменилась.

В апреле 1834 года Казанское городское русское общество на заседании Городового Магистрата приняло решение ходатайствовать перед правительством о разрешении отчислить в ведомство Татарской ратуши всех ранее переданных в ведение магистрата татар. В обосновании этого депутаты собрания выдвинули целый ряд претензий. Главным доводом стал тот факт, что в городе «одно татарское сословие было разделено на два общества», каждое из которых исправляло повинности обособленно друг от друга. Ратуша заведовала лишь 320 душами (по 7 ревизии) татар купеческого и мещанского сословий, а более 1500 татар находившихся под эгидой Магистрата, вносили якобы значительные затруднения в работу последнего учреждения. Например, при определении опекунов к оставшимся после смерти глав татарских семей имений и малолетним детям.

Однако основной причиной недовольства русских депутатов явилось явное игнорирование татарами обязательств перед городской властью: «Многие из купцов и мещан татарского сословия, будучи назначены к каким-либо общественным должностям и в опе-

куны, уклоняются от принятия оных на себя обязанностей и переходят в ведомство означенной Татарской ратуши — и таким образом из татарского сословия, а особливо у мещан ни в Городовом Магистрате, ни в Думе на службе никогда не состояли и не состоят». Эта цитата, весьма точно характеризует ситуацию и сложившиеся в татарском обществе отношения к светской власти.

В сентябре 1834 года Правительствующий Сенат вынес решение все дела о татарах находящихся в производстве Городового Магистрата, как по гражданской, так и уголовной части, передать в Татарскую ратушу. Также было предписано перевести в Татарский сиротский суд при ратуше дела по опеке над малолетними из татар. Городские власти время от времени приписывали татарских купцов к русскому купеческому сословию, но центральная власть следила за исполнением принятых Сенатом мер по регламентации взаимоотношений двух обществ. В 1848 году, например, из ведомства Казанской Городской Думы в ведение Татарской ратуши были вновь отчислены все купцы «из магометан».

Таким образом, в ведомство Татарской ратуши были вновь перечислены татарские купеческое и мещанское сословия Казани. Переложив груз ответственности и финансовых издержек с городского общественного управления на ратушу, военный губернатор уже через год, в 1835 году с удовлетворением отмечал происходящие перемены в татарском мещанском обществе — «Общество сие, быв в ведение Магистрата, служило образцом неустройства: недоимка на оном возрастала с 1822 года более и более, так что на 1516-ти душах накопилось оных в 1834 года до 36 тысяч, но с поступлением в ведомство Татарской ратуши порядок в оном приметно восстанавливается; заведены надлежащие книги для сборщиков и печатные квитанции для выдач уплатившим подати и повинности. Сим способом, при надзоре Главы татарского общества они не только внесли бездоимочно подати и повинности за обе половины 1835 года, но еще до 8 тысяч уплатили прежней недоимки... Если столь похвальное усердие продолжится и на будущее время, в чем я и не сомневаюсь; то можно надеяться, что управление их будет, со временем образцом для других Присутственных мест и обществ сего разряда».

Характеризуя положение дел в самой Татарской ратуше, губернатор отмечал успешное их решение даже с учетом переданного значительного их количества из Магистрата: «Порядок в ратуше был найден весьма в хорошем виде. Архив разобран и содержался в должном устройстве. Во всем были видны попечительность и усердие Членов и Секретаря». Подобной же оценки удостоилась работа сиротского суда. Весьма примечательной является сделанная С.С. Стрекаловым оговорка о принципах работы этих учреждений: «Оба сии присутственные места тем более заслуживают похвалы, что на содержание их ничего не отпускается ни от казны, ни от град-

ских доходов: одно усердие Членов, в особенности главы татарского общества поставило их на такую степень».

Однако вряд ли одним лишь старанием можно было объяснить эффективную работу ратуши, особенно очевидной на фоне продолжающегося, на протяжении первой трети XIX века глубокого кризиса системы местного управления Казанской губернии. Среди причин, обуславливавших успешную работу ратуши, нельзя не отметить и высокие профессиональные и деловые качества ее руководителей, осознание значимости власти ратуши при решении самых насущных вопросов городской татарской общины.

Из городских голов 1830-1850-х гг. самыми яркими лидерами казанской татарской общины являлись потомственный почетный гражданин, купец I гильдии Мухамет Мусич Апанаев (1804-1880), а также коммерции-советник, потомственный почетный гражданин, купец I гильдии, благотворитель и меценат Ибрагим Губайдуллович Юнусов (1806-1886). Последний из них неоднократно избирался татарским обществом городским головою — 1844, 1845-1848 гг. Третий раз его выбрали главою ратуши в январе 1854 года. Он прослужил в этой должности вплоть до ее ликвидации 7 февраля 1855 года, определенной указом «для присоединения татарского общества к русскому обществу и упразднения по Высочайшему повелению Казанской Татарской ратуше и с нею шести мест и должности городского головы».

При рассмотрении деятельности ратуши следует заметить, что характер полномочий и обязанностей этого учреждения был существенно ограничен законодательством по степени самостоятельно принимаемых решений. Как Городовой Магистрат, так и ратуша не имели права разбора уголовных или гражданских дел по собственной инициативе. Поводом к рассмотрению дела должны были служить жалобы, иски частных лиц или стряпчих, распоряжения судов, городничего, губернских учреждений.

Тем не менее, круг рассматриваемых вопросов был широким и охватывал почти все административно-хозяйственные сферы регламентации жизни городского сообщества. В ратуше оформлялась запись в купечество и мещанское сословие, выдавались паспорта для поездок по торговым делам. Ратуша взыскивала задолженности с купцов по опротестованным векселям и другим финансовым документам, разбирала дела о банкротствах. Она занималась разделом имущества умерших между наследниками, участвовала в производстве суда между подведомственными татарами. В ее обязанности входили также сбор различных податей и повинностей через избранных для этой цели старост и передача денег в казенную палату. Кроме регулярных налогов с купцов и мещан она проводила также единовременные сборы, особенно в период войн России с наполеоновской Францией.

Ратуша занималась составлением списка рекрутов и передачей их воинским властям, выполняла наряды по отправке служилых людей на заготовку корабельных лесов. В ее обязанности входил разбор прошений частных лиц и принятие по ним решений. Ратуша обязана была рассматривать поступившие к ней распоряжения губернского правления, казенной палаты, палаты гражданского суда и иных учреждений местной администрации, подавать сведения по запросам вышестоящих инстанций.

С учреждением в 1788 году Мусульманского Духовного Собрания на казанскую Татарскую ратушу было возложено избрание его членов. Указом от 1 сентября 1793 года Сенат предписал Казанскому губернскому правлению провести выборы мулл — заседателей собрания — «да и впредь избирать при истечении каждого трехлетия из казанских татар в верности надежных, в добропорядочном поведении и в знании магометанского закона испытанных». Губернское правление обязало нижние земские суды по показаниям мирских обществ «избрав лучших мулл» прислать их в ратушу для выбора 3 заседателей.

Правление к выборам допустило 9 делегатов-мулл из разных уездов Казанской губернии и еще 2-х по желанию жителей казанских татарских слобод. 8 декабря 1793 года в ратуше в присутствие «хорошего поведения стариков, мулл ... и мулл присланных из нижних земских судов», из 11 делегатов 1-м заседателем большинством голосов (36 — за, 6 — против) был выбран Ярмий Бикбов из деревни Старые Лащи Тетюшской округи, 2-м заседателем — Бикчантая Ягофарова, 3-м — Шафея Маметкулова. Избравшее их общество поручалось в их «верности надежном, добропорядочном поведении и в знании магометанского закона, испытанных в честности и неподозрительных».

Одновременно с образованием Татарской ратуши при ней были учреждены сиротский и словесный суды. Сиротский суд занимался вопросами опекунов, а словесный суд — разбором долговых дел и делами обанкротившихся. Члены общества, несогласные с решением этих судов, подавали прошение в ратушу с просьбой обсудить их дела в присутствии самой ратуши.

Ратуша перестала действовать согласно указу Государственного Совета, Высочайше утвержденного 27 октября 1854 года. В нем в частности отмечалось: «Существующая в г. Казани Татарская ратуша упраздняется и проживающие в том городе татары подчиняются: а) в отношении общественного и хозяйственного управления — Городской думе; б) в отношении судебном — городовому магистрату; в) в отношении дел сиротских и подлежащих ведомству словесных судов по прежнему Татарским сиротскому и словесному судам, с тем, чтобы судьи сии состояли при Казанском городовом магистрате».

Согласно этому указу третья часть Городской Думы должна была состоять из татар, за счет «уменьшения» членов из христиан. В состав городского магистрата также вводились дополнительно один бургомистр и два ратмана из татарских купцов. Вследствие того, что в этот период проводился рекрутский набор Губернское правление разрешило Татарской ратуше действовать до его окончания. Последнее заседание ратуши состоялось 16 марта 1855 года. На нем было обсуждено 15 вопросов, предпоследний из которых представлял рапорт об окончании набора рекрут. К рапорту была приложена справка следующего содержания: «Казанское губернское правление по представлению ратуши разрешило 21 прошлого февраля за № 782, продолжить существование ратуши до окончания набора с тем, чтобы по окончании оного немедленно Ратуша была закрыта. Приказали: так как рекрутский набор по Казанскому татарскому обществу совершенно уже окончен, то за сим закрыть присутствие ратуши с 17-го марта».

Истинную причину закрытия Татарской ратуши следует, несомненно, связывать с событиями русско-турецкой войны, начавшейся в октябре 1853 года и перешедшей в 1854 году в военный конфликт России с коалицией западных держав. Царское правительство, сочтя реальной возможность появления в среде мусульман России, в частности татарского населения Поволжья протурецких настроений, решила ликвидировать ратушу — орган местного городского самоуправления татар, с целью лишить их какой-либо единой организации, способной пусть даже умозрительно оказать моральную поддержку и материальную помощь турецкой армии. Основания для подобного шага со стороны казанских татар кажутся весьма гипотетичными, однако самодержавие стремилось не допускать даже повода для возникновения подобной ситуации.

Таким образом, просуществовав более 70 лет, Татарская ратуша прекратила свое существование, не раскрыв, до конца заложенный в него потенциал, сумев, тем не менее, внести существенный вклад в консолидацию татарского предпринимательства и торгового капитала. Нельзя не согласиться с мнением исследователей, что ратуша во многом определила относительную независимость населения Старой и Новой Татарской слобод, их саморазвитие при сохранении национальных особенностей в рамках русского города, системы самоуправления в жестких тисках бюрократической машины самодержавной России.

М.С. Судовиков
Вятский государственный гуманитарный университет

ДЕЛОВЫЕ КАЧЕСТВА РОССИЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА: ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ, ОСОБЕННОСТИ

Важнейшей предпосылкой развития дореволюционного российского купечества выступали деловые качества представителей этого сословия, сочетавшие в себе природные свойства, наклонности, способности предпринимателей и черты, сформированные под воздействием объективных естественных (природно-географической среды) факторов, исторических условий и семьи.

В исторической литературе уже отмечалось, что для российского купечества были характерны такие личностные качества, как сила воли, стойкость, самообладание, трудолюбие, расчетливость, целеустремленность[1]. Какими причинами обусловливалось наличие этих черт?

Многие из них, на наш взгляд, вытекали из народного характера и менталитета россиян. Близость купцов к народной культуре объяснялась, прежде всего, тем, что весомая их часть являлась выходцами из непривилегированного населения — посадских людей, либо крестьян. Среди них были, например, Морозовы, Рябушинские, Прохоровы, Коноваловы, Боткины, Губонины, Найденовы — цвет российского предпринимательства XIX — начала XX в.

Показателен пример, связанный с деятельностью основателя рода Рябушинских — Михаила Яковлевича, жившего в первой половине XIX в. Его деловые качества заключались в железной воле, соединенной с мировоззрением «хозяйственного мужика». «Все для дела — ничего для себя» — девиз жизни М.Я. Рябушинского[2]. Такой подход к профессиональной деятельности вполне себя оправдал. Своим наследникам Михаил Яковлевич передал не только солидное состояние — имущество (в том числе несколько мануфактур, торговых заведений, землю) общей стоимостью свыше 2 млн. рублей ассигнациями[3], но и деловой опыт, позволивший Рябушинским в дальнейшем приумножить семейные капиталы.

Влияние ряда неблагоприятных для развития предпринимательства природно-климатических условий (холодные и долгие

[1] Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX в. — М., 1997. — С. 10; История предпринимательства в России. — М., 2000. — Кн. 1. От средневековья до середины XIX в. — С. 286; 1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеческих родов. — М., 1995. — С. 6.

[2] Петров Ю.А. Династия Рябушинских. — М., 1997. — С. 13.

[3] Там же. — С. 12.

зимы, короткое лето и т.д.), особенностей государственной власти с жесткой сословной политикой способствовали формированию такой черты, как осторожность в ведении предпринимательских дел. Твердость духа и характера русских купцов зачастую сочеталась именно с этим качеством. Данная черта отличала их от иностранных предпринимателей. «Англичанин в душе всегда игрок, даже если он серьезный деловой человек, а наши совсем не игроки, а очень осторожны и медлительны, решение принимают не сразу, но раз оно принято, гнут линию упорно и тягуче, несмотря на неудачи», — вспоминал современник[1].

Деловые качества, присущие российским купцам, контрастировали с иностранными в целом ряде случаев. Создатель картинной галереи в Москве П.М. Третьяков говорил: «Слово мое было всегда крепче документа»[2]. Менталитет же купцов-европейцев строился на другом: все сделки и отношения в обязательном порядке скреплялись соответствующим документом, иначе дело не начиналось.

На формирование личностных качеств представителей купеческого сословия большое влияние оказывала семья. Купеческие семьи зачастую отличались патриархальностью, религиозностью[3], что впитывало в себя и молодое поколение, для которого уважение к старшим, повиновение им, ответственность за порученное дело, терпение являлись первичными качествами. Подобный уклад наблюдался в семье выходцев из г. Зарайска Рязанской губернии, московских предпринимателей Бахрушиных. После смерти Алексея Федоровича (1792–1848) во главе их семейной фирмы встал старший сын Петр. «Своим братьям, которые были значительно его моложе, он говорил «ты», «Саша», «Вася», но они обращались к нему: «Вы, батюшка-братец Петр Алексеевич». До прихода его в столовую никто не мог сесть. Потом младшая дочь читала молитву..., и начинался обед, после которого все подходили к его руке и к руке его жены», — вспоминал П.А. Бурышкин[4].

С ранних лет купеческие дети приобретали деловой опыт, знакомясь с азами торговли и предпринимательства в отцовских лавках и магазинах, заводах, бывая на ярмарках и в крупных торговых городах. Уже в 15 лет сын елабужского купца И.И. Стахеева — Дмитрий самостоятельно вел в Кяхте чайное дело, оборот которого достигал больших сумм[5], братья Павел и Василий Рябушинские служили «мальчиками» в лавке отца с 14-15 лет[6], П.М. Третьяков с ма-

---

1 Петров Ю.А. Династия Рябушинских. — М., 1997. — С. 13.
2 Боткина А.П. Павел Михайлович Третьяков. — М., 1986. — С. 6.
3 История предпринимательства в России. — Кн. 1. — С. 287, 434; Судовиков М.С. Вятское купечество в воспоминаниях современников. — Киров, 2005. — С. 17-18.
4 Бурышкин П.А. Москва купеческая: Мемуары. — М., 1991. — С. 135.
5 Валеев Н.М. Дмитрий Стахеев. Судьба и творчество. — Уфа, 1996. — С. 19.
6 Петров Ю.А. Династия Рябушинских. — С. 13.

лых лет ходил в лавку отца, учился вести торговые книги и выполнял разные поручения[1], и таких примеров было немало. Приобретенный в малолетстве опыт в дальнейшем становился серьезной основой для сохранения фамильного купеческого звания.

В то же время хорошо известно, что в русской классической литературе рисовался довольно неприглядный купеческий портрет. В произведениях Н.В. Гоголя, И.А. Крылова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.Н. Островского, А.М. Горького чаще всего характеризовались морально-нравственные качества деловых людей[2]. Купцы-«надувалы», «протобестии» (слова Н.В. Гоголя) действительно встречались, но одновременно морально-нравственные качества порой были не на высоте и у представителей других сословий, о чем писали и М.Е. Салтыков-Щедрин, и тот же Н.В. Гоголь[3]. В данном случае, на наш взгляд, необходимо учитывать морально-нравственные устои общества в целом на конкретном историческом этапе. Еще Н.И. Костомаров обратил внимание на одну важную закономерность. Он выявил взаимосвязь между общим уровнем культуры (или «степени образованности» — слова Н.И. Костомарова) общества и теми формами и методами, которые преобладали в предпринимательстве[4]. Таким образом, по Костомарову: чем выше уровень культуры, тем более совершенные и более цивилизованные формы имеет предпринимательство, и, наоборот, обществу с невысокой культурой соответствуют и подобные формы деловой активности. «Не должно приписывать плутоватость русского торговца какой-нибудь народной порче. Нет, это было необходимое условие той степени образованности, на которой еще стояла Россия, и обстоятельств, сопровождавших развитие торговли. Торговля, как и всякая другая ветвь человеческой общественной образованности, проходит различные положения. В первобытные времена она была соединена с разбоем и набегами; на низкой степени цивилизованного общества она неразлучна с коварством и обманом, и чем выше общество становится на пути нравственного и умственного образования, тем более и торговые отношения принимают характер честности», — писал он[5].

Говоря о морально-нравственных качествах, не следует забывать, что купеческий статус в России не являлся наследственным. В силу этого предприниматели, особенно чьи состояния были не-

---

[1] Боткина А.П. Павел Михайлович Третьяков. — С. 17.

[2] Подробнее см.: Бурышкин П.А. Москва купеческая. — С. 50-63; Поликарпов В.С. История нравов России. Восток или Запад. — Ростов н/Д., 1995. — С. 237-238.

[3] Например, М.Е. Салтыков-Щедрин в «Губернских очерках», Н.В. Гоголь в «Ревизоре».

[4] Костомаров Н.И. Очерки торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях // Земские соборы. Исторические монографии и исследования. — М., 1995. — С. 174-175.

[5] Там же.

велики, в целях сохранения правового положения часто думали не о морали, а о том, как сохранить статус, и, следовательно, были готовы использовать любые методы и формы ведения предпринимательских дел. Кроме того, в соответствии с Жалованной грамотой городам 1785 г. и другими законодательными документами купеческое сословие в России являлось открытым, то есть в него могли записываться практически все желающие при условии объявления гильдейского капитала и уплаты в казну определенных денежных сборов[1]. Таким образом, купеческая корпорация ежегодно обновлялась, что вело к нарушению традиций, преемственности между поколениями, и, как результат, снижался общий уровень предпринимательской культуры.

Во второй половине XIX в. иным становится статус купечества, и ситуация заметно меняется. В этот период, в эпоху бурного развития капитализма в России, отменялись важные сословные привилегии купцов (освобождение от воинской службы, от уплаты подушной подати), а после выхода в 1898 г. Положения о государственном промысловом налоге для ведения предпринимательских дел уже не требовалось в обязательном порядке приобретать купеческие свидетельства[2]. В это время представители торгово-промышленных кругов осознали, что гарантией делового успеха являются уже не их сословные привилегии, а собственное доброе имя, деловая репутация, хорошее образование, умение проявлять свои способности. В пореформенное время повышалась активность купечества в общественно-политической, культурной жизни страны и создавались в целом благоприятные условия для дальнейшего развития его морально-нравственных устоев. Их эволюция позволила современникам говорить о купцах как о «высокочтимых русских деятелях», о людях «неподкупной честности», «доблестных гражданах» и т.д.[3]

Важным фактором, влиявшим на становление российского купечества, являлся и религиозный фактор. В России был выработан особый механизм взаимодействия между православной церковью и купечеством, о котором писал П.А. Бурышкин: «На свою деятельность (купцы. — *М.С.*) смотрели не только или не столько как на источник наживы, а как на выполнение задачи, своего рода миссию, возложенную Богом и судьбою»[4]. Далее Бурышкин отмечал, что не случайно в купеческой среде получили развитие благотворитель-

---

[1] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание I. Т. 22. № 16188.

[2] ПСЗ. III. Т. 28. № 15601.

[3] Бурышкин П.А. Москва купеческая. — С. 160; Ратьков-Рожнов В.А. Выдающийся благотворитель г. Вятки Я.А. Прозоров // Вятские епархиальные ведомости. — 1896. — № 3; В г. Ярославле на Леонтьевском кладбище сохранился памятник купцу Н.П. Пастухову (1820-1909) с надписью: «Почетному гражданину города Ярославля, высокочтимому русскому деятелю с благоговением и с сердечной признательностью благодарное потомство».

[4] Бурышкин П.А. Москва купеческая. — С. 113.

ность, коллекционерство, на эти явления смотрели «как на выполнение какого-то свыше назначенного долга»[1]. Автор указывал и на отсутствие в России культа богатых людей, который наблюдался на Западе. «Даже в купеческих группировках и на бирже богатство не играло решающей роли. Почти все главные руководители отдельных организаций обычно бывали не очень богатые люди», — писал он[2].

Религиозный фактор насыщал профессиональную деятельность российского купечества особой духовно-нравственной основой. Православная этика способствовала развитию таких качеств, как сострадание к окружающим, чем зачастую объяснялась широкая благотворительная деятельность купечества, трудолюбие, терпение — черты важные в предпринимательстве.

Менталитет купцов-мусульман также имел конфессиональную окраску. Ислам способствовал развитию деловой активности предпринимателей: «Кто зарабатывает деньги, угоден Аллаху», «Купец равно блажен в сем мире и в будущем» и характеризовался уважительным отношением к торговле[3]. Купцы-мусульмане обладали коммерческой сноровкой, проницательностью, бережливостью и не забывали заповеди Корана о помощи ближнему.

Обратим внимание еще на один аспект. Среди российского купечества особое место занимали старообрядцы, люди зачастую весьма удачливые в предпринимательских делах. Фамилии Морозовых, Рябушинских, Гучковых, Солдатенковых были хорошо известны в деловых кругах России. Секрет их коммерческого успеха, по всей видимости, заключался и в качествах, присущих старообрядческой этике, формировавшейся в условиях гонений со стороны светских и официальных духовных властей. Купцы-старообрядцы отличались трудолюбием, считая, что искупление греха возможно каждодневной работой, целеустремленностью, отказывались от праздной жизни, не оставляли друг друга в беде[4]. В предпринимательстве эти качества имели ценность, так как они ориентированы на интересы дела. Старообрядческий аскетизм не способствовал распылению капиталов, трудолюбие, сочетаемое с добросовестностью, взаимопомощью и взаимовыручкой, выступало гарантией успеха в торгово-промышленной деятельности. Следует также иметь в виду,

---

1 Бурышкин П.А. Москва купеческая. — С. 113.

2 Там же.

3 Поликарпов В.С. История нравов России. — С. 493-494.

4 Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII-XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. — Томск, 1996. — С. 230; Галаган А.А. История предпринимательства российского. От купца до банкира. — М., 1997. — С. 60; История предпринимательства в России. — Кн. 1. — С. 149-150; Мирошниченко Е.А. Купцы-старообрядцы в городах Европейской России в середине XVIII века (из истории российского предпринимательства) // Отечественная история. — 2006. — № 5. — С. 36-37.

что последняя в старообрядчестве имела духовный подтекст. По мере эволюции этого движения изменялись и его нравственные установки. Со временем предпринимательство, направленное на благо общины, рассматривалось старообрядцами как средство спасения души, и это являлось достаточным основанием для активизации их экономической деятельности[1].

В Европе идеологической основой накопления капиталов и утверждения буржуазных ценностей стал протестантизм. В этом отношении интересны некоторые параллели со старообрядцами. «В России, — писал В.П. Бойко, — слабое подобие протестантизма, как это ни парадоксально, проявилось в старообрядчестве»[2]. «Протестантская этика с ее культом честности и старообрядческая этика очень походят одна на другую, — считает А.А. Галаган, — поэтому не случайно именно из их среды вышло наибольшее число самых известных предпринимательских фамилий — на Западе и в России»[3]. Действительно, старообрядчество — целое течение в корпорации российского купечества, отличавшееся не только своим менталитетом. О нем можно говорить как об одной из форм накопления капиталов и «одном из выражений национального пути развития буржуазных отношений»[4]. Кроме того, среди последователей старой веры постепенно выделилась группа купцов-реформаторов, открыто заявившая о себе в период Первой русской революции. Предприниматели из старообрядческих семей А.И. Гучков, П.П. Рябушинский стояли у истоков либеральных партий («Союза 17 октября», умеренно-прогрессивной партии).

Как видим, источники формирования деловых качеств российского купечества носили многоаспектный характер и отражали специфику развития страны. Сами же эти качества составляли основу субъективного фактора, значимость которого в предпринимательстве особенно велика.

---

1 Мирошниченко Е.А. Купцы-старообрядцы... — С. 36.
2 Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII-XIX вв. — С. 230.
3 Галаган А.А. История предпринимательства российского. — С. 60.
4 История предпринимательства в России. — Кн. 1. — С. 150.

И.Р. Миннуллин, И.И. Ханипова
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

ПРОЕКТ «ДЕЛОВАЯ ЭЛИТА СТАРОЙ КАЗАНИ». ОПЫТ СОЗДАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКОГО СПРАВОЧНИКА

История отечественного предпринимательства остается одной из наиболее актуальных проблем современной историографии. В последние годы увидел свет целый ряд фундаментальных и прикладных исследований, освящающих основные этапы формирования и развития российского купеческого сословия, в том числе специфику деятельности представителей региональных элит. На протяжении последнего десятилетия в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ осуществляется масштабный проект, посвященный изучению казанского делового мира. В ходе реализации программы вышли в свет работы Р.У. Амирханова, Р.Р. Салихова, Р.Р. Хайрутдинова, в которых рассматриваются актуальные проблемы становления национального предпринимательства — татарского купечества.

Одним из составных частей программы стала подготовка первого для Республики Татарстан академического справочного издания «Деловая элита Старой Казани». Участники проекта поставили перед собой задачу восполнить пробелы в изучении представителей казанского предпринимательства XVIII — начала XX вв., создав максимально полный историко-биографический справочник, ориентированный не только на специалистов, но и на широкий круг читателей.

Работа в архивохранилищах нашей республики, Москвы и Санкт-Петербурга была начата в 1997 г. В будущем году планируется издание этого фундаментального исследования. Основными авторами книги выступают сотрудники отдела новой и новейшей истории Р.Р. Салихов, Р.Р. Хайрутдинов, И.Р. Миннуллин.

Реализация проекта предполагает решение целого комплекса задач:

– выявить первых, зафиксированных документами, торговых людей г. Казани — основателей купеческих династий;

– выявить источники формирования предпринимательских кругов, проследить изменения в его составе на протяжении XVIII — первых десятилетий XX вв.;

– исследовать как торгово-промышленную деятельность, так и занятия в области неторговых операций;

– рассмотреть общественную и благотворительную деятельность казанских предпринимателей.

На протяжении 10 лет шла большая по объему подготовительная работа. В архивных, библиотечных и музейных собраниях было выявлено значительное количество материалов, как о представителях татарских предпринимательских кругов, так и о купцах православного и иных конфессий.

В основном источниковая база состоит из материалов ревизских сказок, формулярных списков, списков гласных и личного состава городской думы г. Казани, метрических книг, окладных росписей по купеческим капиталам Казанской городской думы, посемейных списков купеческого общества, делопроизводственных материалов (прошения лиц о выдаче им копий с посемейных списков и свидетельств на выезд из г. Казани по своим делам, призывных списков купеческим сыновьям, подлежащих отбыванию воинской повинности) и других документов.

Имеющиеся в распоряжении инициативной группы сведения о представителях казанского купечества позволяют проследить, прежде всего, данные о составе семьи, принадлежности к гильдиям. В материалах официального делопроизводства обработаны сведения об образовании, почетных званиях и занимаемых общественных должностях.

Более подробные сведения содержат формулярные списки, состоящие из данных о сословной принадлежности, семейном положении, образовании, вероисповедании, о членстве в каких-либо обществах (Красного Креста, императорского человеколюбивого общества и др.), чинах и должностях, правительственных и иных наградах, отличиях и т.д.

Разночтения по одним и тем же персоналиям в разных источниках потребовали от авторов проекта серьезной сопоставительной и аналитической работы. Так, определенную сложность вызывают вопросы установления дат рождения и смерти, потребовавшие проведения сравнительно-сопоставительного анализа с другими источниками.

Вместе с тем, необходимо отметить, что реализация данного проекта позволит составить наиболее полный и достоверный свод сведений о казанских купеческих династиях, поможет осветить роль и место казанской деловой элиты в истории развития российского предпринимательства.

С.В. Мясников
Санкт-Петербургский государственный университет экономики и сервиса

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПИАР В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ ЕЛАБУГЕ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

В современном российском обществе реализация интереса к политическому пиару, как правило, начинается с рассмотрения пока еще не очень богатого опыта выборных политических кампаний в постсоветской России, или с изучения чужого багажа в развитых западных демократиях. Однако, несмотря на деспотичные черты власти старой имперской России, все же были времена, когда демократические тенденции весьма активно проявлялись в общественной жизни и таким образом создавали почву для реализации в жизни буржуазных веяний — политической свободы, гласности и состязательности. Эти тенденции прежде всего проявились в условиях реализации Великих буржуазных реформ императора Александра II и, в частности, во время проведения городской реформы 1870 года.

Интерес к данному событию в российском прошлом вполне закономерен. Введенное в ходе этой реформы «Городовое положение», позволило создать в большей части провинциальных городов совершенно новую модель городской власти: выборной, многосословной, независимой от центрального бюрократического аппарата. Городская реформа буквально развязала руки буржуазной верхушке, и прежде всего купечеству, способствовала росту политической активности этого торгового сословия на муниципальном уровне, активизации деятельности в сфере благоустройства, усилению преобразований в области медицины и просвещения.

Одним из ключевых моментов в реализации этой реформы являлись выборы в органы городской власти — думы и управы. В большинстве городов России проведение массовых, публичных выборов во властные структуры путем закрытой баллотировки на основе принципов имущественного ценза было делом новым, неизведанным.

Правительство, вынужденное пойти на предоставление органам городского самоуправления довольно значительной самостоятельности в решении вопросов муниципального хозяйства и независимости от местного административно-полицейского аппарата, при подготовке реформы проявляло особую озабоченность и социальным составом городских дум.

Больше всего столичные власти радели о привлечении к городскому самоуправлению представителей дворянского сословия, но

значительный рост городского населения и, связанный с этим, масштаб городских проблем: жилищных, транспортных, санитарных вызывал потребность в дееспособных органах власти. Сложившаяся ситуация заставляла правительство считаться с возрастающей силой городской буржуазии, представителей «чумазого» сословия. Бывшие «аршинники» и «лабазники» — купцы городов часто были способны сделать больше и лучше, эффективней реализовать себя на общественном поприще, чем представители «благородного» дворянства.

И поэтому не случайно, что в качестве объекта исследования мною рассматриваются не те территории провинциальной России, где дворянство в то время еще традиционно сохраняло сильные позиции во властных структурах, а именно территории со слабым уровнем дворянского представительства. Например, Вятскую губернию, где даже не было дворянских собраний. Там, новые буржуазно-демократические тенденции городской политической жизни, несмотря на «берложную» глушь земель, проявились наиболее выпукло и остро. Именно там политическая борьба элит, в частности купцов 1-й и 2-й гильдий, на местном уровне в указанный период перешла из межсословной, межклассовой плоскости в борьбу внутри сословия, внутри класса, что свидетельствовало о конкуренции семейно-клановых интересов, т.е. больше соответствовала буржуазно-демократическим традициям Запада Нового и Новейшего времени.

Особенно ярко нам об этом могут поведать сохранившиеся сведения об избирательных кампаниях 70-80-х годов XIX века даже не в губернском центре — городе Вятке, где назойливо ощущалась опека губернатора и его столоначальников, а в 10 уездных городах Вятского края. На мой взгляд, даже тогда там уже можно было усмотреть своеобразные черты политического пиара, особые свойства технологий избирательных кампаний, предусматривающих применение специальных методов и средств.

Процесс осуществления реформы на практике был крайне трудным. Первые затруднения возникли из-за сложности самой процедуры проведения выборов. Для лучшего понимания ситуации, сложившейся на практике, обратимся к одному из уездных городов — Елабуге.

Подготовка выборов в г. Елабуге начиналась с определения состава избирателей — горожан. Все избиратели включались в предвыборный список по специальному порядку, согласно понижению суммы налога, уплаченного в городскую казну, т.е. такой список избирателей готовился для того, чтобы потом было удобно разделить всех выборщиков на три разряда, учитывая их имущественный ценз. При выборах на первое четырехлетие выяснилось, что общая численность избирателей в г. Елабуге при населении 7 тысяч человек составила всего 825 человек[1].

[1] Журнал Елабужской городской думы на 1872 года. — Вятка, 1873. — С. 3-4.

Ознакомления городского населения со списком лиц, допущенных к выборам, происходило в городах не через печатные объявления или периодические издания, поскольку они были ограничены в денежных средствах. Списки избирателей выставлялись в залах городских дум. Они писались неразборчиво, ориентироваться в них было крайне трудно, т.к. они составлялись не в алфавитном порядке, а по нисходящей сумме уплаченных налогов. Не редки были случаи грубейших ошибок в списках, что создавало почву для образования самых нелепых слухов и сплетней. Тем самым, развивая среди населения злобу и тревогу.

Ретивыми помощниками в этой ситуации выступали преимущественно купеческие приказчики, этакие доморощенные имиджмейкеры, которых отрывали от привычных дел сами хозяева, жаждущие должности гласного или, даже метящие в городские головы, как правило, это были наиболее словоохотливые молодцы, обладающие даром убеждения провинциального электората. Процесс был не всегда мирным, нередки были случаи активного обмена площадной бранью с элементами дезинформации и прямых стычек между конкурирующими пропагандистами с целью дискредитации соперников. Для политически активных мещан в деле раскрутки кандидата были подспорьем преимущественно доброхоты из городской родни[1].

Фамилии кандидатов по всем разрядам были хорошо известны горожанам, в их числе стояли, как правило, люди состоятельные, а если кандидаты не были богатыми, то они все же имели значительный авторитет среди городских жителей. Незнание избирателями какой-либо кандидатуры на выборах в уездном городе встречалось очень редко и являлось, скорее всего, исключением из правил. Можно с полной уверенностью утверждать, что избиратель отдавал предпочтение кандидату на выборах вполне осознанно, поскольку в большинстве случаев так или иначе сталкивался с ним по каким-нибудь делам в городе, а порой и состоял в личном знакомстве, что было вполне закономерным и типичным явлением для малого города. Смею предположить, что подобная узость электората и предлагаемых кандидатов, вряд ли способствовала объективности выбора.

Организаторы выборов в уездных городах не особо усердно проявляли заботу по их проведению, что давало почву посудачить о том, было ли это преднамеренно или случайно. С первого по четвертое четырехлетие в выборах принимало участие крайне малое число избирателей. Доказательством этого может служить тот факт, что выборы проводились в будние дни. Это являлось одной из причин слабой активности избирателей, так как голосование отнимало

[1] Ефремов С.А. Торговая Елабуга. — Елабуга, 1929. — С. 49.

целый рабочий день, а такое не каждый мог себе позволить[1]. В этом безусловно ощущалась тенденция манипулирования избирателями.

Избиратели уездных городов были плохо проинформированы о предстоящих выборах. Большинство допущенных к выборам лиц не были знакомы с городовым положением 1870 года и, не имели ни малейшего представления о процедуре их проведения. Не редки были случаи, когда избирателей массово подпаивали на выборах с целью склонения при голосовании в пользу угощающего. Особенно в этом деле преуспевали купцы, владеющие питейными заведениями и винокуренными предприятиями[2].

Таким образом, пагубная черта российской действительности стала проблемой на пути реализации идеи общественного самоуправления.

Причина слабой избирательной активности крылась в отсутствии избирательного опыта, в скептицизме общественных настроений, в недоверии к реформе, в целом к бюрократической системе государства. Ведь прошло немного времени как объявили волю барским крестьянам, а итоги способствовали уничтожению радужных надежд. Русская ментальность и душевный фатализм порождал среди значительного числа горожан-провинциалов позицию, что лучше открыто назначить самых влиятельных и богатых на городские должности и не устраивать бесполезные и хлопотные спектакли с выборами в органы городской власти. Именно такие настроения способствовали тенденции абсентеизма среди избирателей на выборах.

И все же, несмотря на пессимистичность выше представленного вывода, в целом городская реформа 1870 года в уездных городах Вятской губернии была встречена с одобрением практически во всех слоях городского населения. Люди надеялись, что предоставление органам городской власти невиданной ранее для российской провинции свободы и значительных полномочий в решении городских проблем позволит коренным образом улучшить их существование. Такая реформа им была крайне нужна для борьбы с провинциальной косностью и невежеством, уличной грязью и бытовой серостью.

С городской реформой у городских сословий были связаны значительные ожидания результатов общественно-политических и хозяйственных перемен. Так, например, купечество наряду с желанием поменять свой политический имидж также стремилось расширить сферу своего экономического влияния, лоббировать свои интересы. Купцы стремились путем своего участия в представитель-

---

[1] Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х — начале 90-х годов XIX в. — Л.: Наука, 1984. — С. 53.

[2] ГАКО. — Ф. 582. — Оп. 92. — Д. 174. — Л. 2.

ных органах власти получить удобные участки земли в городской черте для строительства лавок, складских амбаров, мельниц, причалов для барж на речных пристанях, выгодную аренду сенокосных и лесных угодий. Важной побудительной причиной, подталкивающей к участию в работе городского самоуправления, была более благоприятная возможность для купца открыть питейное заведение в удобном месте. Для многих купцов работа в городском самоуправлении была заманчива из-за возможности получить строительный подряд на выгодных условиях, заказ на доставку строительных материалов. В экономически более благополучных уездных городах купечество привлекала возможность проведения кредитных операций с городским общественным банком и т.д.

В то же время смею предположить, что богатого уездного купца к горнилу власти двигали не только меркантильные мотивы. Преуспевающий купец в уездном городе стремился к определенному социальному статусу, он уже не хотел выглядеть в глазах окружающих его горожан этаким бесчувственным и алчным торгашом-хапугой. Он стремился к общественному признанию его как личности, жаждал почтительного отношения, хотел получить людское уважение. Скорее всего, именно в этом также кроется истинная социально-психологическая причина широкой купеческой благотворительности и меценатства. И в тоже время данная тенденция способствовала выявлению из числа купцов выдающихся харизматических лидеров в городах — городских голов, неуемных радетелей городских дел.

Большие надежды и ожидания с созданием новых органов городской власти связывали представители провинциального мещанского сословия. Разумеется, что уездное мещанство также желало получить практические материальные результаты от нового городового положения. Поскольку экономические возможности данного сословия были, естественно, скромнее, чем у купечества, то и их запросы были более умеренными. В целом запросы провинциального мещанства были самыми трезвыми общественно-полезными, отвечающими, как правило, здоровым стремлениям городского общества к самосовершенствованию.

Их можно представить в виде группы основных направлений, этаких своеобразных условных предвыборных программных тезисов: 1) улучшение торговли для мелких лавочников и держателей лотков, то есть создание благоприятных условий для самого малого бизнеса; 2) создания условий стимулирующих развитие ремесел и промыслов в уездных городах, а также создание необходимых условий для реализации продукции; 3) улучшение бытовых условий существования как у себя в доме, так и вообще в городе: чистота и порядок на площадях, в торговых рядах, на улицах и набережных; 4) стремление обезопасить себя и свое имущество в медико-сани-

тарном отношении: квалифицированная медицинская и санитарная помощь, проведения оспопрививания и других противоэпидемических мер; 5) повышение образовательного уровня населения: расширение сети училищ, открытие библиотек; 6) получение информации о политической, экономической и культурной жизни страны.

Разумеется, что подобные стремления можно приписать и другим городским сословиям. Но поскольку мещане в Елабуге, как в прочем и везде тогда в малых городах России, составляли большинство по количеству населения, то и их насущные интересы и чаяния были по сути дела проявлением стремлений и желаний всего состава провинциального городского населения.

Таким образом, новая городская реформа требовала от людей предприимчивости, деловитости, знаний, умения преодолевать препятствия, готовности к риску. Все эти качества особенно нужны были в хозяйственной деятельности, но люди, выросшие в дореформенную эпоху, в большинстве своем ими не обладали, дух патриархальности был незыблемым. Принцип «за многим не гонитесь» исповедовали в сущности, не только малоимущие городские обыватели, но и богатые купцы. Они считали, что их цель — полученное от родителей передать в целости и сохранности детям. Елабужане, впрочем как и подданные всей Российской империи, осмотрительно и осторожно включались в ускоряющийся исторический процесс.

И.В. Маслова
Елабужский государственный педагогический университет

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Менталитет уездного купечества XIX – начала XX вв.: на примере купеческих династий Казанской и Вятской губерний» проект № 07-01-29101а/В.

ПРИЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ РОССИЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА XIX СТОЛЕТИЯ

Среди главных ресурсов стратегического значения, позволяющих современной России вступить на путь стабильного развития, следует выделить предпринимательство как структуру со специфической шкалой ценностей, культурой отношений и деловой этикой, гибко встроенную в социально-экономическую систему. При этом не следует забывать, что судьба предпринимательства определяется историческими эпохами, каждая из которых порождает свои уникальные образцы предприимчивости, её масштабы, объем, право и мораль.

В последние годы предпринимательство в нашей стране стало играть все более заметную роль в подъеме различных отраслей экономики. Однако при этом остается открытым вопрос: в какой мере обеспечивается приоритет основополагающих экономических целей национальной экономики над конъюнктурными корпоративными интересами. Поэтому эффективное развитие рыночной экономики в России требует не только создания конкурентоспособного производства на базе новых приемов хозяйствования и управления, внедрения прогрессивных технологий и форм организации производства, но и формирования нового экономического менталитета российских предпринимателей.

Как показывает история, наибольших успехов в сфере бизнеса достигли именно те предприниматели, которые помимо цели получения прибыли, стремились предоставлять обществу ценные услуги, кто занимался благотворительностью и меценатством. Их созидательная деятельность была направлена на достижение высоких нравственных и этических ценностей общественного значения. При этом в России на протяжении многих столетий закреплялся приоритет духовно-нравственного начала над материальным, гармонизация индивидуального и коллективного труда, в основе предприимчивости доминировал не только экономический успех, но и служение общественно значимой идее.

Яркий пример организации активного предпринимательства в сочетании с широкомасштабной благотворительной и общественной деятельностью в России XIX — начала XX вв., дает купеческая династия Стахеевых.

Елабужские купцы Стахеевы играли видную роль в жизни Прикамского края. Новый человек, посетивший Елабугу, небольшой уездный городок Вятской губернии, с первой минуты слышал «о местных воротилах». Во всём облике города угадывалось стахеевское: прекрасные добротные дома, ставшие украшением города, многочисленные магазины и лавки принадлежали Стахеевым. Не случайно журналист Н. Никифоров в своих путевых заметках писал: «Вообще Кама полна стахеевского влияния. Имя Стахеева на устах всего прикамского люда, имеющего хотя бы малейшее соприкосновение с торговлей, а елабужане прямо говорят, что только «Стахеевыми и держимся»[1].

Иван Иванович Стахеев (1807-1885) — первогильдейский купец-миллионер, уже в середине XIX столетия развернул широкие торговые операции по всей России, наладил чайную торговлю с Китаем, через Кяхту. К концу XIX в. Стахеевы организовали уже три торговых дома, ставших крупнейшими хлеботорговыми фирмами Волго-Камского края. Им принадлежали десятки промышленных предприятий, среди которых мельницы, пивоварни и винокуренные заводы, электрическая станция, буксирные пароходства, насчитывавшие сотни хлебных и нефтеналивных барж.

Вершиной предпринимательской деятельности династии стал концерн Путилова — Стахеева — Батолина, организованный по инициативе Ивана Ивановича Стахеева (1869 — год смерти неизвестен) в 1917 г. Концерн Стахеева стал крупнейшим монополистическим предприятием дореволюционной России. Он контролировал важнейшие сырьевые базы, предприятия основных отраслей российской промышленности: нефтяной, металлургической, легкой, пищевой и др.; железные дороги, крупные банки. Годовой баланс головного общества концерна в 1917 г. составлял 300 млн. рублей, а обороты всех предприятий связанных с концерном исчислялись миллиардами[2].

В фирмах Стахеевых присутствовал особый корпоративный дух, в котором воплотились православные традиции к единению и сближению людей. Семейный характер предпринимательства, столь свойственный для Стахеевых, способствовал созданию особой системы отношений, основанной на взаимной связи и взаимной ответственности членов рода, которые буквально жили семейным бизнесом.

---

[1] Никифоров Н. По Волге и Каме, от Казани до Гальянь // Волжский вестник. — 1888. — 4 августа.

[2] Краткий очерк о деятельности торгово-промышленного товарищества «Иван Стахеев и К°» // Исторический архив. — 1957. — № 3. — С. 168.

Во второй половине XIX столетия в Елабуге осуществляли торговлю сразу пятнадцать членов династии. Объемы торговых операций были различны. В роду Стахеевых были миллионеры, предпринимательская деятельность которых простиралась по всей России. Среди них Иван Иванович, Дмитрий Иванович (1819-1888), Иван Григорьевич (1837-1907). Торговля купцов среднего достатка ограничивались территорией Елабуги. Например, Владимир Иванович Стахеев (1838 — год смерти не известен) купец второй гильдии владел лавкой с мануфактурным товаром, годовой оборот которой составлял 5 000 рублей[1]. В целом к середине XIX в. торговое предпринимательство стало семейным бизнесом. Рожденный в роду Стахеевых обязан был продолжить семейное дело — такова была традиция рода. В этой связи вполне закономерным выглядит решение Ивана Ивановича о лишении сына Дмитрия Ивановича, который нашел себя на литературном поприще, средств к существованию и доли наследства. Ведь основное наследство — это семейное дело, и отказ от него означал отказ от семейных традиций, а значит и от семьи.

Расширение коммерческих операций требовало привлечения дополнительных ассигнований. Для достижения этой цели сыновья Григория Ивановича (1815–1854), Иван и Василий, организовали в 1865 г. полное товарищество под фирмой «Григория Стахеева сыновья — Елабужские купцы».

Наследники каждого из братьев, выступили учредителями собственных семейных торговых домов «В.Г. Стахеев и наследники» и «Иван Григорьевич Стахеев». Такое деление бизнеса позволило теперь уже двоюродным братьям, во избежании конкуренции между собой, распределить сферы влияния и товарные рынки Прикамья, что в конечном итоге способствовало дальнейшему расширению предпринимательской деятельности. Так или иначе, семейное дело оставалось главным предметом заботы и внимания каждого члена большого купеческого рода.

Семейные устои, особая отеческая забота — были характерными отношениями, сложившимся внутри фирмы и во внутренней структуре каждого предприятия Стахеевых. На торгово-промышленных предприятиях Стахеевых трудился целый штат приказчиков. В небольших торговых точках, таких как пивные лавки или трактиры, работали по одному приказчику первого класса. В крупных лавках и магазинах, а также на промышленных предприятиях работали от двух до восьми приказчиков первого и второго классов.

Согласно Российскому законодательству приказчиком назывался всякий, кто управлял торговыми делами своего хозяина или

[1] НА РТ. — Ф. 684. — Оп. 1. — Д. 110. — Л. 62-64.

исполнял его поручения в течение определённого времени[1]. Приказчики делились на два класса: к первому принадлежали главные приказчики, ко второму — их помощники и другие торговые служащие. Срок службы приказчика, размер жалования, условия жизни зависели от договора с хозяином. Тяжелое положение приказчиков в Российской империи XIX в. не раз становилось предметом оживленных дискуссий на страницах периодических изданий. Обращалось внимание на различные стороны их жизни: имущественное положение, уровень образования и т. д. Автор статьи «О положении приказчиков», опубликованной в «Волжском вестнике», Н. Котолин, указывал, что заработная плата большинства приказчиков составляла не более 200 рублей в год ???, «... что касается приказчика, получающего 500 рублей, то у «солидного» купца такой, вероятно, один, для «выставки»[2].

Стать приказчиком стахеевской фирмы считалось не только большой удачей, но и огромной честью. Человек, получивший место в фирме, старался сохранить его за собой, путем добросовестного выполнения возложенных на него обязанностей. Он не меньше хозяев был заинтересован в процветании стахеевского дела, которое гарантировало ему не только стабильно высокий заработок, возможность карьерного роста, но и определенные социальные дотации.

Размер жалования стахеевских приказчиков колебался от 200 до 600 рублей в год и зависел от стажа работы, и от объёмов торговли, осуществляемой в торговом заведении, где он служил. Например, приказчик первого класса, торговавший в винной лавке с годовым оборотом 4 000 рублей в селе Танайка, получал жалование 200 рублей в год. Приказчик того же класса, работавший в заведении по тому же профилю и с такими же размерам денежных оборотов в селе Котловка, получал до 300 рублей. Повышение жалования было вызвано увеличением срока службы последнего в фирме. И.Г. Стахеева. Наибольший размер жалования устанавливался для приказчиков, занятых в крупных торговых предприятиях. Например, приказчик первого класса М.Я. Назаров, руководивший от имени И.Г. Стахеева торговлей в гуртовой лавке с годовым оборотом 400 000 рублей, получал жалование в размере 600 рублей[3].

Приказчики Стахеевых пользовались льготами при покупке товаров в торговых точках фирмы. Они могли брать в лавке или магазине продукты под запись в специальной книге, при этом сумма долга не вычиталась из жалования. «На Святочной неделе доверенный Стахеева подводил итоги, т.е. производил учёт товаров, приход-расход и делал выводы. После этого он с ведома хозяев фирмы,

---

[1] ПСЗ РИ. Т. 11. Ч. 2. Устав торговый. Раздел 1.
[2] Волжский вестник. — 1882. — 14 декабря.
[3] ГАКО. — Ф. 176. — Оп. 1. — Д. 3394. — Л. 225.

подзывал задолжавшего служащего, и, поблагодарив за хорошую работу, ставил крест на долге, т. е. прощал долг»[1].

Практиковали Стахеевы и единовременные выплаты своим служащим, по особым случаям. Д.И. Стахеев в домашнем духовном завещании помимо детального выделения имущества каждому члену семьи, в отдельном разделе завещает всем своим служащим выдать единовременные годовые оклады. Служанке, которая проработала в семье Стахеевых более двадцати лет, Дмитрий Иванович сверх выдачи единовременного годового жалования назначает своего рода пожизненную пенсию по сто рублей в год[2].

Поддерживали Стахеевы и семьи своих служащих. Елабужанка В.А. Черемных (в девичестве Бусыгина) вспоминала, что её отец Александр Петрович Бусыгин служил приказчиком у И.Г. Стахеева. Хозяин отправил его на работу в Рыбинск, где у Стахеевых были торговые предприятия, оттуда его мобилизовали в армию (началась Первая Мировая война). Пока Александр Петрович находился в армии, Стахеев выплачивал супруге своего приказчика его жалование. Более того, оплачивал обучение его детей: дочери в женской гимназии, а сына в реальном училище.

Родители Василия Александровича Чикина работали у Стахеева: отец Александр был приказчиком, а мать Екатерина Максимовна работала на Святом Ключе, ухаживала за садом. В.А. Чикин вспоминает, что им, детям приказчиков, к каждому большому празднику (Рождество, Пасха), а иногда и ко дню рождения присылали подарки от Стахеева.

Корреспондент из Елабуги, неоднократно поднимавший вопрос о необходимости праздничного отпуска для приказчиков на страницах «Волжского вестника», справедливо замечал, что только три фирмы в городе предоставляют приказчикам право отдыха в праздничные дни – это «Григория Стахеева сыновья», «Товарищество П.К. Ушков и К°» и «Ф.П. Гирбасов с сыновьями и К°»[3].

Большое внимание уделяли Стахеевы уровню образования своих служащих. Например, Глафира Фёдоровна Стахеева, известная любительница садоводства, командировала своего садовника на учёбу в Германию и Финляндию, где он должен был совершенствовать своё мастерство[4].

---

[1] Валеев Н.М. Династия Стахеевых — милосердие и меценатство // Специальный выпуск альманаха к 150-летию со дня рождения Д.И. Стахеева. — Елабуга, 1990.

[2] Домашнее духовное завещание елабужского купца 1-й гильдии потомственного почетного гражданина Д.И. Стахеева. РГИА. — Ф. 799. — Оп. 4. — Д. 761. — Л. 3-4 // Лигенко Н.П. Купечество Удмуртии вторая половина XIX — начало XX веков. — Ижевск, 2001. — С. 253.

[3] Волжский вестник. — 1894. — 9 (21) августа.

[4] Лазарева Н.А. Воспоминания о Святом Ключе // Фонды музея истории ЕГПУ.

В воспоминаниях Л.А. Гронской, внучки служащего И.Г. Стахеева, содержатся сведения о том, с какой заботой купец относился к молодым работникам. Увидев работу молодого крестьянина, который искусно изготавливал, или, как было принято говорить, «писал» дуги, Стахеев пригласил его к себе на работу. Но сначала Иван Григорьевич отвёз юношу (И.А. Мокрова) в Казань, где определил его на учение. «В конце учёбы вышел грамотный человек, знающий и полевое дело, и садоводство, и скотоводство. А когда кончилось учение, Стахеев привёз его в лес, в сторожку лесника и сказал: «Вот тебе место, чтобы здесь была разбита усадьба: дом, двор, сад фруктовый, скотный двор и всё, что нужно. Вот тебе срок, постарайся сделать»[1]. Видя в Иване Александровиче Мокрове хорошего и преданного работника, Иван Григорьевич не раз оказывал помощь ему и его семье. Узнав, что зять Иван Александровича – Вялов, стал пить, доставляя семье много неприятностей, Стахеев вызвал его к себе для разговора. Иван Григорьевич предложил Вялову оплатить его обучение в Казанском университете при условии, что последний не будет употреблять спиртного. Таким образом, Стахеев сумел не только уберечь человека от пагубного пристрастия к спиртному, но и помочь ему получить высшее образование.

Приведённые примеры не были единовременными актами. Из источников нам известно, что дети стахеевских служащих бесплатно (т.е. их обучение оплачивали Стахеевы) обучались в учебных заведениях города.

Стахеевы полностью доверяли своим служащим, что иногда использовалось последними для достижения собственной выгоды, в ущерб авторитету хозяина. Известен случай, когда И.Г. Стахеев поручил своему доверенному Черепанову отправку в Мамадыш 150 кулей муки с тем, чтобы продажа осуществлялась не более куля в одни руки, по цене 90 копеек за пуд. Так, Иван Григорьевич надеялся помочь населению в неурожайный год. Черепанов, обманув хозяина, продал всю муку своему родственнику купцу Захарову, который в дальнейшем реализовывал её населению по цене 1 руб. 15 коп. за пуд. Тот же доверенный, по поручению Стахеева, должен был нанять рабочих для нагрузки дубовыми досками баржи, но Черепанов, чтобы избавить себя от излишних хлопот, сдаёт подряд подрядчику по 80 копеек за тысячу погрузки, а подрядчик нанимает рабочих по 30 копеек за ту же тысячу[2]. Подобные случаи серьезно дискредитировали купечество в глазах общественности.

Все вышесказанное, на примере конкретной династии, ярко характеризует систему ценностей купечества. Требовательный к

---

[1] Воспоминания Лидии Александровны Гронской // Научно-фондовый отдел Елабужского музея-заповедника. — С. 2.

[2] Казанский биржевой листок. — 1891. — 28 июня.

себе и к окружающим, заботящийся о процветании своего дела, купец-хозяин никогда не забывал о людях, работающих на него. Более того, действуя в конкурирующей среде, купцы, в большинстве своем, не пытались получить дополнительную выгоду за счет разорения других предпринимателей.

Получив возможность снизить цену на продаваемый или производимый им товар, купец не использовал это как аргумент для разорения своих конкурентов, напротив старался добиться определенной стабильности рынка. Так И.Г. Стахеев, став крупнейшим коммерсантом в сфере хлебной торговли в Прикамье, вполне мог позволить себе снизить цену на продаваемый им хлеб, хотя бы на 5-10 копеек, тем самым он расширил бы объемы продаж, и разорил десятки мелких и средних торговцев этой сферы. Но он не только не шел на это, но и старался удержать цены на хлеб в неурожайные годы. В 1891 г. елабужский корреспондент на страницах «Казанских вестей» сообщал: «В прошлом году в это время мука стоила от 50 копеек, а в июне достигала 1 рубль 20 копеек за пуд, а не поддержи цены Стахеевы, то, наверное, возвысилась бы до полутора рублей»[1].

Известна так же щедрая благотворительность Стахеевых. Благотворительные пожертвования династии являлись мощным стимулом развития системы социальной поддержки, здравоохранения и просвещения в Прикамье. Отметим, что в России благотворительная деятельность была свойственна не только богатым купеческим фамилиям, но и мелким и средним торговцам. Такова была российская альтернатива западному законодательству против бродяг и бедняков.

Сегодня, когда многие в нашем обществе устремились в бурные воды предпринимательства, самое время оглянуться на историю выдающихся купеческих родов России и вспомнить, что те, кто сделал нашу страну в XIX веке богатой и сильной, умели не только брать от народа, но и щедро воздавать ему.

[1] Казанские вести. — 1891. — 2 августа.

Е.В. Банникова
Оренбургский государственный педагогический университет

ЛЬГОТЫ КУПЕЧЕСТВУ РОССИЙСКИХ ПРОВИНЦИЙ КАК СПОСОБ СТИМУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ. ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА

В первой половине XIX в. в полной мере начали проявляться кризисные явления, связанные с экономическим отставанием России от европейских буржуазных стран. Сложная внешнеполитическая ситуация лишь усугубляла положение российских предпринимателей, в связи с чем в обществе развернулась бурная дискуссия по вопросу о перспективах российской экономики[1]. Указанный период, кроме того, характеризовался борьбой сторонников протекционизма и фритредерства, что на межсословном уровне порождало столкновение взглядов сторонников купеческой монополии в торговле и апологетов свободного рынка для всех категорий населения.

Правительство в этой связи, как неоднократно отмечалось исследователями, занимало двойственную позицию, пытаясь совместить фискальные и политические интересы. Как писал в начале XX века В. Воронцов: «Россия страдает не только от капитализма, но и от недостаточности развития последнего»[2], что вполне соответствовало как ситуации первой половины XIX века, так и современной обстановке в стране.

Широкую общественную популярность в указанный период получило мнение о необходимости предоставления предпринимательских прав всем желающим, что способствовало бы развитию в стране буржуазных отношений. «У нас, прежде всего, ощутителен недостаток производителей, лучше сказать, у нас вовсе их нет, — писали современники. — Причина этого заключается в том, что у нас каждому сословию присвоен род занятий, из которых нельзя выступить, не изменив своего общественного положения, и даже своих гражданских прав. Торговля не может быть достоянием ни известного сословия, ни известных фамилий, уже по одному тому,

[1] Банникова Е.В. Российское общество второй четверти XIX века о политике властей в области мануфактурной промышленности (по материалам периодической печати) // Власть и общество: освещение проблемы взаимоотношений на страницах периодической печати: Сб. научных статей / Отв. ред. А.В. Беседовская. — Оренбург, 2006. — С. 17-34.

[2] Воронцов В. Судьба капиталистической России. Экономические очерки России. — СПб., 1907. — С. 197.

что люди предприимчивые, способные к коммерческим спекуляциям, родятся во всех сословиях»[1].

Именно такую точку зрения высказывал крупный государственный деятель России М.М. Сперанский. В «Обозрении Дополнительного постановления о торговле» он писал: «Торговля крестьян необходима, без нее промышленность лишилась бы знатных капиталов; переместить сих людей в гильдии, особливо помещичьих, невозможно. Между тем торговля их всегда будет расстраивать гильдии. Выгоды сих двух состояний привести в равновесие никак не возможно»[2]. В связи с этим Сперанский предлагал отказаться от гильдейской системы, разрешить крестьянскую торговлю на равных основаниях с торговлей горожан (но взимать с крестьян подати по двум состояниям), розничных торговцев подвергать полавочному сбору независимо от сословия, т.е. ввести некий «подоходный» налог[3].

В 1824 г. на смену Гурьеву на пост министра финансов был назначен Е.Ф. Канкрин, приступивший к разработке проекта нового гильдейского положения. По мнению нового министра финансов, основную тяжесть налогов, взимаемых с торгового населения, необходимо было переложить на мелких промышленников и торговцев, чтобы поддержать купечество в его торговых делах, увеличить подати с крестьян (чтобы заставить торгующих крестьян записываться в «гражданство»), строго регламентировать и обложить налогами мелкие промыслы, подробно регламентировать ассортимент товаров для каждого рода торговцев и т.д.[4]

Поскольку верх одержала позиция Канкрина, последовал ряд юридических актов, предоставляющих купечеству определенные привилегии и льготы, касающиеся как профессиональной торгово-промышленной деятельности, так и личных прав. Уступая требованиям купечества, российское правительство в первые десятилетия XIX в. пошло на осуществление ряда мер, призванных стабилизировать финансовое положение этого сословия[5].

Государство поддерживало преимущественное право купечества на ведение торговых операций. Как указывалось в законодатель-

---

[1] Нужды и желания промышленности. Мысли о русской внутренней торговле. От нескольких молодых людей купеческого сословия // Русский вестник. — 1858. — № 12. — С. 252.

[2] Цит. по: Рындзюнский П.Г. Гильдейская реформа Канкрина 1824 г. // Исторические записки. — М., 1952. — Т. 40. — С. 124.

[3] Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. — Ф. 637. — № 778. — Сперанский М.М. Заметки на проекты 1831 г. о состояниях (о правах сословий). — Л. 8-8 об.

[4] Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. — М., 1958. — С. 110-114.

[5] См. подробнее: Иванов П. Обозрение прав и обязанностей российского купечества и вообще всего среднего сословия. — М., 1826. — Ч. 1. — С. 65, 67.

стве: «В городе никто, кроме купцов и торгующих мещан, не может покупать лавок в гостиных дворах, рядах, на торговых местах и частных рынках, а также в таких домах, где лавки устроены целыми линиями»[1].

Указ от 12 декабря 1801 г. предоставил право купцам, мещанам и казенным поселянам покупать земли[2], которые можно было использовать под строительство промышленного предприятия. При этом право на покупку земель не влекло за собой права на покупку крестьян. Последовавший позднее целый ряд законодательных актов (указы от 31.07.1802, 30.09.1802, 15.04.1804) даровал, наконец, купечеству право «покупать к фабрикам деревни с крестьянами, но с тем, чтоб крестьяне как особо не были продаваемы, так и употребляемы на другие работы»[3].

Дома владельцев фабрик освобождались от воинского постоя; владельцы суконных фабрик, осуществляющие казенные поставки сукна, не выбирались против желания на общественные должности; купцы, поставляющие в казну от 100 до 200 тысяч аршин сукна, награждались соответствующими медалями (манифест от 01.11.1810); те из купцов и мещан, которые желали устроить суконные фабрики, имели право на получение от государственной казны денежных ссуд[4].

Владельцы так называемых «домашних заведений» — мелкие промышленники, получали от государства освобождение от уплаты гильдейского сбора. Лица, состоявшие в гильдиях и имевшие намерение открыть промышленные предприятия, получали освобождение на 1 год от выборки торгового свидетельства[5]. Указами правительства от 23 октября 1835 г. и 12 ноября 1835 г. фабриканты, открывавшие промышленные предприятия, освобождались от земельных и городских сборов на 3 года[6]. Эта льгота могла быть продлена еще на 10 лет с освобождением от платы гильдейской подати. Указанные меры стимулировали, в первую очередь, предпринимательскую активность купцов.

Льготы также являлись дополнительным стимулом для развития торговли в тех регионах империи, где власти хотели либо чис-

---

[1] Обозрение прав и обязанностей российского купечества и вообще всего среднего сословия / Репринтное воспроизведение издания 1826 года. — М., 2006. — С. 31.

[2] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание первое. — СПб., 1830. — Т. XXVI. — № 20075.

[3] Обозрение прав и обязанностей российского купечества и вообще всего среднего сословия. — С. 61.

[4] Там же. — С. 60; ПСЗ РИ. — Т. XXX. — № 23679.

[5] Старцев А.В. Торгово-промышленное законодательство и социально-правовой статус предпринимателей в России в XVIII — начале XX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII — начало XX в.). — Барнаул, 1995. — С. 350-351.

[6] Киняпина Н.С. Политика русского самодержавия в области промышленности. — М., 1968. — С. 60.

ленно увеличить купеческую прослойку (в рамках политики по увеличению численности местного населения вообще), либо восстановить разрушенное хозяйство, либо создать новый экономический центр, либо с помощью торговли решить внешнеполитические задачи. В льготных губерниях купцы 3 гильдии платили за свидетельство на право торговли 132 рубля вместо положенных 220. В цену свидетельства входили 1,5 процента с капитала и 12 рублей на водные и сухопутные сообщения. Особый билет на содержание лавки стоил в льготных губерниях 50 рублей[1]. Льготными, как правило, объявлялись приграничные губернии, играющие важную роль во внешней торговле России.

Так, согласно Манифесту Александра I «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению предприятий», в виде исключения иностранцы, принявшие российское подданство и живущие в Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерниях, получали права и льготы российского гильдейского купечества без записи в гильдии[2].

Купцы Западных губерний России (Могилевской, Витебской, Минской, Виленской, Гродненской, Киевской, Волынской, Подольской и области Белостокской) получили значительные льготы в 1841 г. Купцы освобождались на 15 лет от всех податей и повинностей в казну, от рекрутской повинности. Те из купцов, которые приобрели торговые или мануфактурные предприятия, освобождались от платы гильдейской повинности. Купцы 2 гильдии наделялись правами первогильдейцев, купцы 3 гильдии — правами 2 гильдии. В случае смерти торговца это льгота распространялась на членов его семьи[3]. Россия в этот период активно осваивала европейские рынки, и купцы западнороссийских губерний как агенты российского внешнеторгового влияния могли оказаться весьма полезными государству.

Купцы г. Георгиевска, переселяющиеся в «новоучрежденные города», получили льготу на 5 лет от взноса с гильдейских капиталов процентных денег[4]. Такую же льготу получили купцы г. Бобруйска. Впоследствии эта льгота была усилена государственной властью[5].

Купцы г. Оренбурга также получали значительные льготы, способствовавшие их торговой деятельности. Предоставляя особые условия торговли оренбургским купцам, правительство решало сразу две задачи — способствовало заселению вновь присоединенных территорий и налаживало через Оренбург торговлю с Азией. Изна-

---

1 ПСЗ РИ. — Т. XXXIX. — № 30115.
2 Там же. — Т. XXIX. — № 22418.
3 Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (ПСЗ РИ. 2). — СПб., 1846. — Т. II. — № 1545.
4 Там же. — Т. IV. — № 2625.
5 Там же. — № 3291.

чально оренбургские торговцы получили льготы по «Привилегии», дарованной г. Оренбургу в 1734 г. По данному документу в Оренбурге ни с каких товаров, и, следовательно, с торговцев, никакие пошлины не взымались. В «Привилегии» отмечалось, что правительство принимало «купцов в особливое защищение и охранение»[1].

Как писал оренбургский городской голова Ф.П. Горячев оренбургскому военному губернатору В.А. Обручеву: «Оренбург по Высочайше дарованной грамоте основан более для цели торговой с сопредельными азиатскими владениями, племенами киргиз; цель эта всегда постоянно была поддерживаема всеми предшественниками Вашего превосходительства...»[2].

В 1810 г. было отменено действие указа 1807 г. о заграничных паспортах за подписью министра иностранных дел. Оренбургской пограничной комиссии было дозволено «выдавать таковые по-прежнему «от себя» всем купцам, отправлявшимся для торговли в среднеазиатские страны»[3].

Таким образом, теперь для получения этого паспорта купцам не нужно было ездить в столицу, что облегчало их выезд за границу. В первой половине XIX в. оренбургские торговцы получили новые льготы. С 1 января 1822 г. губернский центр, по ходатайству оренбургского военного губернатора П.К. Эссена, был освобожден от воинского постоя — генеральского и офицерского[4]. Эту тяжелую и обременительную повинность, как правило, вынуждены были исполнять именно купцы, так как именно их дома привлекали военных постояльцев.

Ходатайством этого губернатора с 1826 по 1831 гг. оренбургские купцы 2 и 3 гильдии получили право на заграничный азиатский торг на правах купцов 1 гильдии, но без получения личных прав, присвоенных этой гильдии5. Данное положение было детализировано Циркуляром по таможенному ведомству 11 января 1826 г.6 В 1829 г. данное право было продлено на пять лет[7]. Затем эти привилегии были возобновлены в 1836-1841 гг.[8], в 1842-1845 гг. и 1846-1849 гг.9. Указанная льгота фактически стирала грань между оренбургскими куп-

---

[1] Любовь и Восток (серия «Вся Россия»): Сб. эссе, документы, справочная информация, воспоминания, рассказы, стихи. — М., 1994. — С. 12.

[2] Цит. по кн.: Столпянский П.Н. Город Оренбург. — Оренбург, 1908. — С. 241.

[3] ПСЗ РИ. — Т. XXXI. — № 24106; Матвиевский П.Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 г. — Оренбург, 1962. — С. 52.

[4] Матвиевский П.Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 г. — Оренбург, 1962. — С. 52.

[5] Столпянский П.Н. Город Оренбург. — Оренбург, 1908. — С. 242.

[6] Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). — Ф. 339. — Оп. 1. — Д. 17. — Л. 1.

[7] ПСЗ РИ. 2. — Т. IV. — № 2870.

[8] Там же. — Т. XVI. — № 14657.

[9] Там же. — Т. XXIV. — № 22347.

цами — представителями разных гильдий. Возможность выхода на внешний рынок в ситуации всеобщей (проблема была характерна для купцов всех гильдий) нехватки капиталов делала положение оренбургского третьегильдейского купца весьма завидным, поскольку налогов он платил меньше, чем представители 1–2-й гильдий, а источники прибыли были открыты для всех абсолютно одинаково.

Торговля с «киргизцами» в Оренбургской губернии была признана ярмарочной и была дозволена всем состояниям[1]. С 1834 г. мелочная мена товарами и скотом с киргизами, в соответствии с указом от 5 июля 1834 г., была дозволена без подачи письменного объявления, когда цена товаров была не больше 100 рублей. Если цена поднималась выше 100 рублей — необходима была подача письменного объявления[2].

В 1836 г. Министр финансов Е.Ф. Канкрин писал оренбургскому военному губернатору В.А. Перовскому: «По поводу Высочайшего соизволения на представление Нижнему Новгороду, Симбирску и Астрахани некоторых льгот для усиления благосостояния их и большего развития торговой промышленности, я имел счастие всеподданнейше представлять Государю императору, что весьма было бы полезно предоставить такие же льготы и г. Оренбургу, с таковым присовокуплением: 1-е, чтобы половинных льгот от гильдейских повинностей и подушных податей не предоставлять находящимся в Оренбурге и впредь записывающимся азиатцам; 2-е, чтобы для отклонения людей не довольно благонадежных в пограничную крепость постановить, чтобы приписка вновь к оному городу, сверх совершения общих обрядов, не происходила иначе, как с согласия Вашего Превосходительства; и, наконец, 3-е, чтобы льготы предоставлять только переселяющимся в Оренбург из других губерний купцам и мещанам; но что впрочем, и переселение в оный из городов Оренбургской губернии могло быть разрешаемо Вашим Превосходительством по особым уважениям»[3].

В документе отмечалось, что Оренбург уже имел определенные преимущества: он был освобожден на неопределенное время от квартирной повинности; каменные здания в нем принимались в залог по поставкам и подрядам с казной; купцам 2-й и 3-й гильдий, равно как и торгующим крестьянам дозволялась торговля с Азией на правах купцов 1-й гильдии.

В 1837 г. последовал Высочайший Указ «О даровании купцам и мещанам города Оренбурга льгот в платеже гильдейских повинностей и подушной подати»[4]. В нем говорилось: «Желая преподать способы к возвышению благосостояния пограничного города Орен-

[1] ГАОО. — Ф. 339. — Оп. 1. — Д. 17. — Л. 1.
[2] Там же. — Д. 25. — Л. 4.
[3] Там же. — Ф. 6. — Оп. 5. — Д. 11202. — Л. 1-1об.
[4] Высочайшие повеления // Журнал мануфактур и торговли. — 1837. — № 4. — С. 7-10.

бурга и усилить непосредственную торговлю жителей его с Азиею, признали мы за полезное, по представлению Министра Финансов, рассмотренному в Комитете министров, распространить на сей город облегчения в платеже гильдейских повинностей и подушной подати...»[1]. С купцов всех трех гильдий, записанных в г. Оренбурге, и со вновь записывающихся в купцы предписывалось взимать в течение пяти лет половину установленной гильдейской повинности, а с тех купцов, которые построили собственные дома, с окончанием постройки совсем не взымать гильдейские повинности в течение трех лет, после — обложить их половиной повинностей. «Права гильдейские за построенные вновь дома с вышеозначенными льготами давать по мере капиталов на оные употребленных, а именно: за дом, стоящий не менее 8 тыс. р. права третьей, не менее 20 тыс. р. — второй, а не менее 50 тыс. р. — первой гильдии»[2]. Желающие во время десяти льготных лет устроить в г. Оренбурге «значительные заводы и фабрики» не платили гильдейских повинностей в течение десяти лет с момента устройства заведений.

Насколько эти льготы повлияли на численность гильдейского купечества в регионе? В 1826 г число купеческих капиталов возросло, по сравнению с 1825 г., в Оренбурге на 33 души мужского пола (дмп) (25 %), в Бузулуке на 11 дмп (34 %), в Верхнеуральске на 21 дмп (116 %), в Троицке на 13 дмп (56,5 %)[3]. Данные по другим годам, на которые приходились вышеперечисленные льготы, показывают, что особых перемен в численности купеческих капиталов они не вызвали[4].

Следовательно, именно расширение прав купцов низших гильдий в азиатской торговле являлось наиболее действенным стимулом для увеличения их числа.

Довольно широко в Полном собрании законов Российской империи были представлены льготы сибирскому населению. Освоение этой территории в демографическом и экономическом отношениях, вовлечение сибирских территорий в хозяйственный оборот являлось одним из способов выхода страны из кризиса феодально-крепостнической экономики; да и стимулирование деятельности местных предпринимателей также являлось делом желательным, поскольку, по мнению современников, «купцы там [в Сибири — *Е.Б.*] торгуют все также, как торговали во времена Посланника графа Рагузинскаго. Торг Сибиряков идет по пробитой дороге, без новых до-

---

[1] ГАОО. — Ф. 6. — Оп. 5. — Д. 11202. — Л. 16.

[2] Там же. — Л. 17.

[3] Банникова Е.В. Купечество Южного Урала в первой половине XIX века. — СПб., 2004. — С. 195. Таблица 13. Динамика численности купечества и купеческих капиталов на Южном Урале в первой половине XIX в.

[4] Банникова Е.В. Купечество Южного Урала в первой половине XIX века. — С. 190-203. Таблица 13.

гадок, соображений и попыток, а потому без больших потерь, равно и без больших прибылей...»[1]

В связи с указанными обстоятельствами, купцам г. Красноярска разрешалось торговать по одному свидетельству во всех уездах Енисейской губернии[2]. Также западносибирским торговцам предоставили некоторые льготы в торговле с Азией: с 1829 года купцам третьей гильдии было даровано право заграничной азиатской торговли[3].

По сравнению с льготами, предоставленными законодательсвом сибирским купцам, объем льгот купцам оренбургским уже был. Если льготы, предоставленные оренбургским купцам, были направлены, в первую очередь, на поощрение торговой деятельности, на расширение торговых связей со Средней Азией, то льготы сибирскому населению были несколько иного характера. В первую очередь, государство хотело стимулировать заселение сибирской территории.

Однако, несмотря на усилия правительства, указанные меры мало влияли на рост предпринимательской активности на юго-восточных и восточных окраинах Российской империи. Задача заселения Сибири продолжала решаться в течение последующих ста лет. Оренбургская торговля и промышленность серьезных изменений к лучшему не претерпели, и как писал в начале XX века современник, «Урал доселе дореформенный край. У нас не тронутая патриархальность»[4].

---

[1] Словцов П.П. Письма из Сибири // Азиатский вестник, издаваемый Григорием Спасским. — 1825. — № 2. — С. 132-133.

[2] ПСЗ РИ. 2. — Т. I. — № 106.

[3] Там же. — Т. IV. — № 3212.

[4] Лендер Н.Н. По северу и югу. Картинки России // Исторический вестник. — 1909. — Т. 115. — № 2. — С. 736.

И.В. Есиева
Камская государственная инженерно-экономическая академия

МОТИВАЦИЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ БУРЖУАЗИИ, НА ПРИМЕРЕ ЕЛАБУЖСКОГО КУПЕЧЕСТВА

В «Полном православном богословском энциклопедическом словаре» 1912 года дано следующее определение: «Благотворительность — одно из проявлений любви христианской, когда человек оказывает благодеяния и поддержку нуждающемуся в этом, безразлично, будет ли это нужда духовная или телесная»[1].

Как известно, начало широкой благотворительной предпринимательской деятельности в России было положено во второй половине XVIII века, когда императрица Екатерина II в 1781 году разрешила частным лицам со своего изволения открывать благотворительные заведения[2]. Но подлинный подъем благотворительность и меценатство получили во второй половине XIX века, что было связано с расцветом купечества и нарождением нового поколения российских предпринимателей.

О масштабах благотворительной деятельности того времени свидетельствовал еще до реформы в 1856 году известный историк М.П. Погодин. «Наши купцы, — говорил он, — не охотники еще до истории: они не считают своих пожертвований и лишают народную летопись прекрасных страниц. Если бы счесть все их пожертвования за нынешнее только столетие, то они составили бы такую цифру, которой должна бы поклониться Европа»[3].

Эти благородные порывы были вызваны, прежде всего, влиянием православной духовной этики и народных представлений об общечеловеческих идеалах и ценностях, установивших примат духовного начала над всеми мирскими побуждениями, поэтому лучшая часть русских предпринимателей не считала богатство своей главной целью и основой всех жизненных благ. Богатство, с точки зрения христианской морали, могло быть оправдано, только если оно досталось тяжким трудом, и значительная его часть идет на благородные цели: на поддержку общественной благотворительности или на алтарь отечественной культуры. Свою совесть христианина русский предприниматель мог успокоить только оказав помощь своему ближнему, тому, кто не мог или не сумел преуспеть в жизни. «Самое отно-

[1] Благотворительность // Полный православный богословский энциклопедический словарь. — СПб., 1912. — С. 339.
[2] Жалованная грамота городам // ПСЗ РИ. — Т. 20. — С. 233, 271.
[3] Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. — СПб., 1900. — Кн. 14. — С. 515.

шение предпринимателя к своему делу, — писал известный исследователь П.А. Бурышкин, — было несколько иным, чем на Западе. На свою деятельность смотрели не только, или не столько как на источник наживы, а как на выполнение задачи, своего рода миссию, возложенную Богом или судьбою. Про богатство говорили, что Бог его дал в пользование и потребует по нему отчета, что выражалось отчасти и в том, что именно в купеческой среде были развиты и благотворительность, и коллекционерство, на которые смотрели как на выполнение какого-то свыше назначенного дела»[1].

Однако существовал еще один не менее существенный мотив к благотворительной деятельности русских купцов и промышленников, который был вызван скорее прагматическими целями, а не высокими душевными побуждениями. Исследователь меценатской деятельности купечества А.Н. Боханов заметил, что «все формы общественных занятий: служба в городских, земских сословных и профессиональных организациях, участие в деятельности благотворительных обществ, членство в попечительских советах школ, училищ, «домов призрения» — считалось государственным делом и регулярно поощрялось властью, награждавшей крупных благотворителей орденами и медалями, чинами, почетными званиями и сословными правами»[2].

Кроме того, в образованных слоях российского общества конца XIX — начала XX веков деловая активность купечества не привлекала особого внимания и не пользовалась большим почетом, которого она вполне заслуживала, благодаря огромному вкладу русских предпринимателей в решение задач российской модернизации. Положение купца было неустойчивым. Современный исследователь М. Галвин писал, что это было «отнюдь не положением хозяина в доме, властителя дум и примером для подражания. Не только поместное дворянство, но и разночинная интеллигенция, в особенности народническая, революционно настроенная, долгое время смотрели на новоявленного буржуа свысока»[3]. Поэтому вполне естественное для каждого нормального человека стремление к общественному признанию предприниматель мог реализовать, чаще всего, только на ниве благотворительности.

Широко известна благотворительная деятельность столичных предпринимателей. Но и провинциальное купечество по масштабам филантропии вполне могло бы соперничать с самыми известными российскими династиями. Не явились исключением и купцы города Елабуги.

---

[1] Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. — М., 1997. — С. 118.

[2] Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. — М., 1989. — С. 32.

[3] Гавлин М. Российские Медичи. Портреты предпринимателей. — М.: Терра, 1996. — С. 9.

Социальная инфраструктура города Елабуги, одного из красивейших городов Нижнего Прикамья, развивалась на средства государства, земства и частных лиц. Частный капитал имел в этом отношении очень важное значение, т.к. Елабуга был известен среди других городов Волго-Камья огромным размахом благотворительной деятельности. В документах начала XX века отмечалось, что «граждане города славятся благотворительностью: трудно указать другой уездный город, где бы благотворительность проявлялась в таких широких размерах, как в Елабуге...»[1] Пожертвования елабужских купцов были больших размеров и широкого охвата. Необходимость благоустройства города и развития его социальной инфраструктуры сознавались современниками.

На страницах умеренно-либеральной газеты «Вятский край», в частности, отмечалось, что «всякий вообще расход на благоустройство города — непременно ведет к поднятию экономического благосостояния жителей и, следовательно, их платежеспособности... Город, утопающий в грязи и во тьме кромешной, вечно будет оставаться бедным городом, а его жители — нищими»[2]. Признавая, что видимое благообразие города будет достигнуто, прежде всего, путем приношений «местных крезов», авторы газетных публикаций критиковали руководителей города и депутатов городской думы в бездействии, косности, инертности, нецелевом использовании средств городского бюджета. Тем не менее, именно пожертвования купцов помогли Елабуге стать красивейшим городом не только Вятской губернии, но и всей России. В 1913 году в «Путеводителе по Волге и ее притокам...» город Елабуга характеризовался как «один из благоустроенных городов Вятской губернии. В нем электрическое освещение, водопровод, реальное училище, женская гимназия, женское епархиальное училище, прекрасно устроенная богадельня и богатые церкви»[3].

Такое положение города было достигнуто во многом благодаря, в том числе, и филантропической деятельности крупных елабужских купцов Ушковых, в которой они преуспели не меньше, чем в предпринимательстве. Именно на их примере можно понять мотивы столь масштабной благотворительности, которой славилось российское купечество.

Членство в различных благотворительных организациях, выделение средств на поддержание отдельных медицинских и учебных заведений, издание учебной литературы, материальная помощь церквям и мечетям — вот далеко не полный перечень направлений

---

1 ГАКО. — Ф. 574. — Оп. 2. — Д. 516. — Л. 216.

2 Вятский край. — 1895. — 25 апреля.

3 Андреев Н. Иллюстрированный путеводитель по Волге и ее притокам Оке и Каме (с видами городов и достопримечательностей). — М.: Типо-литография Товарищества Владимир Чичерин, 1913. — С. 302.

филантропической деятельности Ушковых. Более того, жизнь многих Ушковых не была далека и от общественного долга. В разное время они принимали участие в делах города и уезда, занимая посты гласных городской и уездной думы, посты мировых судей и, наконец, в качестве руководителей городских органов самоуправления — городских голов.

Нам представляется, что побудительными мотивами такой масштабной благотворительной деятельности у старших поколений Ушковых, начинавших свое дело во второй четверти XIX в. и не получивших систематического или научного образования, было искреннее стремление внести свой вклад в развитие просвещения и культуры края. Естественно, что при этом Ушковы стремились и к общественному признанию, так как благотворительная и меценатская деятельность считалась делом государственным и регулярно поощрялась властью, награждавшей крупных благотворителей орденами и медалями, чинами, почетными званиями и сословными правами. Все это повышало имидж семьи, который мог повлиять на успех в бизнесе.

У последующих поколений Ушковых, конца XIX — начала XX вв., проживавших в Москве, Петербурге, Казани, наблюдаются несколько другие приоритеты в этом процессе. Благотворительная деятельность этих поколений была вызвана, скорее всего, более прагматическими побуждениями. Следуя семейным традициям, молодые Ушковы по-прежнему вкладывали средства в просветительские учреждения, но уже в гораздо меньших масштабах. Приоритетным направлением их благотворительности было искусство. Будучи людьми образованными, они тяготели к культуре и нередко избирали себе в мужья или жены людей из этой среды. Оказывая помощь культурным учреждениям, Ушковы тем самым поднимали свой престиж в глазах виднейших людей искусств.

Кроме того, филантропические поступки рода были напрямую связаны с религиозным чувством. Ушковы, как и многие купеческие семьи, вышедшие из крестьян, отличались приверженностью к православной вере, стойкостью в соблюдении церковных канонов и нравственных принципов. Обязательность же пожертвований провозглашалась христианством, а для имущих эта обязанность усугублялась по причине греховности богатства, что не раз подчеркнуто в Библии.

Представители династии Ушковых отличались большой религиозностью. Ушковы, как и многие купеческие семьи, вышедшие из крестьян, отличались приверженностью к православной вере, стойкостью в соблюдении церковных канонов и нравственных принципов.

Религия обусловливала распорядок жизни Ушковых. Периоды жизни купеческой семьи в течение года определялись церковны-

ми праздниками. В соответствии с православными традициями устанавливалась и манера питания. Строго соблюдая посты дома, семья строго следила за тем, чтобы православным верующим на их предприятиях во время постов в обед подавалась соответствующая пища.

С религиозным чувством были напрямую связаны филантропические поступки рода. Обязательность пожертвований провозглашалась христианством, а для богатых эта обязанность усугублялась по причине греховности богатства, что не раз подчеркнуто в Библии. Митрополит Киевский и Галицкий Евгений (Болховитинов) проповедовал, что богатство не результат труда, а дар, посланный Богом, который «дается нам не для скопления и сохранения, но и для богоугодного и ближним полезного употребления», «цену и употребление богатств знают только те, которые умеют праведно приобретать и употреблять». В соответствии с тем, как богатые относятся к своему состоянию, «одни подлежат осуждению, другие заслуживают благоволение Божие»[1].

Тем не менее, какими бы ни были мотивы благотворительной или общественной деятельности различных поколений Ушковых, следует признать, что вклад династии в благотворительную и общественную деятельность края и России достаточно значителен. С полным основанием можно сказать, что во многом благодаря активному участию Ушковых в деле развития образования и культуры, жизнь людей становилась более осмысленной и просвещенной, а уездный город Елабуга по уровню развития народного образования и степени насыщенности учебными заведениями в начале XX века мог на равных соперничать со многими городами России.

Вместе с тем, признавая значительный вклад династии Ушковых в культурное развитие края и России, не следует забывать, что предприниматели начинали не с жертвенного капитала, а старались всеми силами увеличить оборотный капитал, что было возможно лишь при жесткой эксплуатации самих себя и своих рабочих. И только встав на ноги, Ушковы могли поделиться с ближними.

[1] Евгений (Болховитинов). Собрание поучительных слов в разные времена. — Киев, 1834. — Ч. 2. — С. 11, 15, 21-22.

И.В. Есиева
Камская государственная инженерно-экономическая академия

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РЕФОРМЫ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ К НАЧАЛУ XX ВВ.

К началу XIX века, во многом благодаря реформам Петра I и Екатерины II, даже в условиях крепостнических отношений, получив от правительства некоторые свободы, быстро набирало силу отечественное частное капиталистическое предпринимательство.

Основным занятием предпринимателей конца XVIII — начала XIX века являлись торговые операции. Именно торговля становилась связующим звеном, причиной и следствием развития промышленности, товаризации сельского хозяйства, роста городского населения. Внутренний торговый оборот в начале XIX века оценивался от 500 до 900 млн. рублей[1]. По сравнению с XVIII веком изменился состав ее участников, который все больше теряет сословный характер. Торговля перестает быть функцией гильдейского купечества, хотя последнее еще играло на всероссийском рынке ведущую роль. Выросло значение «торгующего крестьянства», которое не только господствовало на местном рынке, но и все больше проникало на крупные ярмарки и в городскую торговлю.

Вторая четверть XIX века в России считается началом промышленного переворота. В 1842 году были отменены законы, запрещавшие промышленникам вести розничную торговлю, и последние начали открывать магазины. В результате торговый капитал теряет монополию на рынке и превращается в агента промышленного капитала. Из мелкотоварного производства в среде оброчного крестьянства, занятого ремеслом или находящемся на отхожем промысле, в среде государственных крестьян и купечества активно развивается капиталистическая промышленность. Из среды крестьян XVIII — начала XIX вв. вышли многие крупные промышленники и торговцы: Морозовы, Прохоровы, Гучковы, Ушковы, Стахеевы и др.

В XIX веке продолжается процесс первоначального накопления капитала, торговый капитал все больше перетекает в промышленный и на этой основе формируется российская буржуазия. Тем не менее, дальнейшее развитие предпринимательства в России тормозили существовавшие в стране крепостнические отношения, что сдерживало формирование рынка наемного труда. Необходимы

[1] Хорькова Е.П. История предпринимательства и меценатства в России. — М., 1998. — С. 265.

были и глубокие комплексные изменения в сфере хозяйства. Мощный импульс развитию экономики и новым движениям в хозяйственной жизни страны дали реформы 60-70-х годов XIX века. После отмены крепостного права свободному и бурному развитию частного предпринимательства во многом способствовала экономическая политика Александра II, благодаря которой, в целом, были устранены главные препятствия на пути развития производительных сил, формирования рынка свободной рабочей силы и кадров предпринимательства.

Так, промысловый закон 1863 года закреплял право на свободу предпринимательства. Согласно закону от 9 февраля 1865 года приобретение прав купечества становилось доступным всем российским подданным, имевшим соответствующий капитал. Гильдейский сбор из основного промыслового налога превращается в сбор за принадлежность купеческому сословию[1]. Все это значительно расширило состав предпринимателей за счет различных социальных групп. К началу 80-х гг. XIX века общая численность крупной буржуазии колебалась от 800 тыс. до 1 млн. человек, прослойка богатейшего купечества составляла около 50-60 тыс. человек. Предпринимательская деятельность из сферы торговли все больше перемещается в сферу промышленности и финансов.

Правительство Александра III, стремясь найти новую экономическую и социальную опору в крупной буржуазии, как когда-то в дворянстве, максимально учитывало экономические интересы и запросы купечества. Поэтому деятельность министров финансов Н.Х. Бунге, И.А. Вышнеградского и С.Ю. Витте, направленная на ускорение торгово-промышленного развития, полностью отвечала требованиям предпринимателей.

«В XIX веке темпы развития русской промышленности были поразительными, — писал экономист О. Платонов. С 1801 по 1881 годы количество фабрик (без учета малого и кустарного производства) увеличилось с 2 423 до 31 173, а численность рабочих с 95 до 771 тысячи... Ускоренно и повсеместно шла механизация. Если в 1860 году стоимость механического оборудования в российской промышленности оценивалась в 100 миллионов рублей, то спустя десять лет, уже в 350 миллионов»[2].

Именно в эти годы возникли такие флагманы тяжелой промышленности, как Путиловский завод, ставший третьим по величине в Европе, Брянский, где трудились 10 тысяч рабочих, Русско-Балтийский вагоностроительный в Риге, Коломенский Машиностроительный, Обуховский сталелитейный, Александровский Южно-Русский, «Листа» в Москве, Пушечный завод в Перми, Беллико-Фенде-

[1] СЗ РИ. Т. 9. Ст. 531.

[2] Российское предпринимательство. История и возрождение. Кн. 1. — М., 1997. — С. 72.

риха в Одессе, а также Кокшанский и Бондюжский химический заводы Ушкова и многие другие предприятия.

Динамичное развитие экономики продолжалось и в начале XX века. Промышленный переворот, появление новых капиталоемких отраслей предъявили новые требования к размерам основного капитала предприятия. Это обусловило развитие акционерно-паевых форм предприятий. Так возникло Товарищество водочного завода П.А. Смирнова, акционерное общества «Мальцевские заводы», Товарищество Прохоровской Трехгорной мануфактуры, Товарищество химических заводов «П.К. Ушков и К°» и многие другие. С 1902 по 1914 гг. число акционерных обществ увеличились на 150 %, а их капиталы возросли вдвое[1].

Жесткая конкуренция в условиях свободного предпринимательства привела к появлению монополий в стране. Начиналась эпоха монополистического капитализма в России.

К новым явлениям в стране можно отнести: захват ведущих позиций в отраслях промышленности предприятиями-гигантами, диктовавшими условия рынку, приток большого объема иностранных инвестиций в Россию и, наконец, формирование финансового капитала, представители которого контролировали огромные сектора экономики, как в промышленной, так и финансовой сферах. Все это изменило характер предпринимательства, придав ему новые черты.

Перед первой русской революцией монополии становятся одной их основ хозяйственной жизни России, на что существенно повлиял экономический кризис 1900-1903 гг. Банкротство мелких предприятий позволило наиболее крупным компаниям поделить освободившиеся позиции и ниши. К 1917 году в российской промышленности сложились различные типы монополистических объединений. Это сбытовые монополии типа картелей и синдикатов, тресты и концерны.

Таковы были некоторые особенности развития капитализма в России. С полным основанием можно утверждать, что своим могуществом и силой империя была обязана российскому классу предпринимателей, чему в немалой степени способствовала и государственная политика правительства.

Революционные события и новый строй положили конец крупному российскому предпринимательству. Лишь почти через 70 лет, со временем вступления постсоветской России в стадию становления рыночных отношений, вновь актуальными стали проблемы истории буржуазии. Ученые-практики все больше обращаются к опыту изучения законодательного регулирования предпринимательской деятельности в дореволюционной России, высоко профессиональной постановки дела и использования опыта большой коммерции, накопленного российскими предпринимателями прошлого.

[1] Никитина С.К. История российского предпринимательства. — М., 2001. — С. 262.

Л.Н. Галимова
Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова

ПРИЧИСЛЕНИЯ МЕЩАН В КУПЕЧЕСТВО ГОРОДА СИМБИРСКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

После реформ Екатерины II (Манифест 17 марта 1775 г.; Указ 25 мая 1775 г.; Жалованная грамота городам 1785 г.) купечество в России существовало как относительно привилегированное и открытое для низших слоёв общества сословие, принадлежность к которому определялась фактом «объявления» капитала. Мещанин, объявивший капитал, становился купцом и был обязан уплатой процента с него: купец, не пожелавший или лишившийся возможности объявить капитал, перемещался в мещанство.

В данной статье рассматриваются перечисления в купечество симбирских мещан на материале фондов Государственного архива Ульяновской области (ГАУО). Согласно этим данным, во второй половине XIX — начале XX в. такие перечисления осуществлялись взаимодействием, главным образом, трёх органов: Казённой палаты, мещанского старосты, городской Управы. Особенно ценным для исследования вопроса о переходах в купечество является фонд Симбирского мещанского старосты, где отложилось заметное количество дел об увольнении из общества мещан за разные годы[1].

Документ, удостоверяющий факт перечисления мещанина в купечество представлял собой либо заполненный от руки бланк, либо полностью рукописный текст. Документы эти, как правило, очень короткие, состоящие из нескольких строчек. В них встречаются сокращённые формулировки, смысловые и грамматические рассогласования. За несколько десятилетий, доступных наблюдению по отложившимся в архиве материалам, содержание материалов о перечислениях изменилось мало, хотя некоторую формальную разницу всё же заметить можно. Например, документы о переходах середины 50-х–70-х гг. XIX в. — это целиком рукописные тексты, на рубеже XIX-XX вв. правилом являлось оформление документа на бланке. Есть и другие отличия, о которых мы будем говорить ниже.

Решение о причислении мещанина к купечеству принималось Казённой палатой. О своём решении Казённая палата информировала мещанского старосту. По общей практике это делалось специальным уведомлением за подписью «столоначальника». В «Уведо-

[1] Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). — Ф. 143. — Оп. 1. — Д. 295.

мении» говорилось о перечислении мещанина такого-то «в Симбирские 2-й гильдии купцы».

В изученных делах второй половины XIX в., роль мещанской общины в причислении её членов в купечество не просматривается. Дело обычно исчерпывается поступившим из Казённой палаты уведомлением, которое является директивой для дальнейших действий мещанского старосты. Уведомление Казенной палаты, направленное мещанскому старосте, в середине XIX в. носило чисто информативный характер, никакого согласия со стороны органов мещанской общины не требовалось, и получение подобного уведомление означало автоматическое отчисление указанного в нём лица из мещан. В делах «О числе выбывших» из Симбирского мещанского общества решение Казённой палаты также рассматривается как директива для перечисления[1].

На основании решения Казённой палаты мещанский староста выписывал «Определение», заверенное его подписью, о переходе мещанина в купечество. Делалась также отметка в так называемом «Алфавите причисленников» — специальном списке, фиксирующем причисленных в купечество.

О каждом переходе ставилась в известность Городская Управа. Направляемые мещанскому старосте из Казённой палаты уведомления, содержали в каждом случае просьбу поставить в известность Симбирскую Городскую Управу и «окладчиков повинностей»[2]. Использовались несколько формулировок, как нам представляется, равнозначных по своему конечному значению: «уведомить», «объяснить переход», «отослать копию» исходного документа о перечислении Симбирской городской управе. Формулировку «уведомить» содержит, например, дело о переходе А.П. Полякова (18 ноября 1874 г.); формулировку «объяснить» — дело о переходе М.А. Нефедьева (3 марта 1886 г.); формулировку «копию с сего отослать» — дело о перечислении И.Е. Титова (11 января 1896 года). Дело о переходе Г.И. Гурьева в купечество (10 ноября 1870 г.) представлено документом, в котором Казённая палата «даёт знать» Городской думе о принятом решении.

Документы подобного рода, сохранившиеся в архиве, сопровождаются справкой о том, с какого собственно времени данное лицо числилось принадлежащим к мещанскому обществу Симбирска, то есть «действительно был причислен указом Казенной Палаты к мещанству и с этого же времени принадлежал к мещанскому обществу г. Симбирска». Подобный перекрёстный счёт (справка от исполняющего и констатирующего органа в адрес органа, принимавшего решение), по всей видимости, должна была гаран-

[1] ГАУО. — Ф. 143. — Оп. 1. — Лл. 273, 5, 4 об., 45, 50, 63.
[2] Там же. — Лл. 72, 69.

тировать точность учёта по сборам налогов, повинностей, пошлин и т. п.

В некоторых справках попадаются указания, что мещанин, причисляемый в купечество, годом раньше уже являлся симбирским 2-й гильдии купцом, но по причине невзятия торговых документов на текущий год был причислен в симбирские мещане (дело о перечислении М.А. Нефедьева).

Иногда в документах присовокуплялись сведения о местожительстве. На сколько это было обязательным, говорят лишь несколько документов[1].

Бывает и так, что дело о причислении не содержит каких-либо объяснений причин перехода, справок и постановлений. Примером может служить дело о причислении М.А. Котова (29 декабря 1886 года). Но основные органы, участвующие в этом процессе остаются те же: Казенная Палата и Симбирский мещанский староста. Первая даёт второму знать о принятом решении[2].

Таким образом, выясняются наиболее частые процедурные составляющие перехода мещан в купечество во второй половине XIX в.:

1) направленное мещанскому старосте уведомление из Казенной Палаты о перечислении мещанина с семьей в симбирские купцы 2-й гильдии;

2) справка, что был причислен указом Казенной Палаты к мещанству и принадлежал к мещанскому обществу г. Симбирска, подписанная мещанским старостой;

3) определение о переходе мещанина в купечество;

4) отметка в материалах учёта населения (Алфавите причисленников и др.);

5) уведомление (объяснение) в Симбирскую Городскую Управу;

6) уведомление окладчиков повинностей.

Чаще всего документы о причислениях содержат указание о причислении с семьёй. Примером может служить вышеупомянутый документ о причислении в купечество мещанина А.П. Полякова, дело о причислении И.Е. Титова (11 января 1896 года) и др. Причём, интересно, что в таких справках, восходящих к 80-м гг. XIX в., всё ещё упоминаются не ревизские дети. Однако, есть и документы о причислении только семьи — жены с детьми в сословие мужа (вышеупомянутые М.А. Котов, М.А. Нефедьев и др.). При описании семейного положения мещанина указываются члены его семьи по именам, их возраст[3] или дата рождения[4].

В ходе работы с документами о причислениях, встретились лишь несколько случаев причисления в купечество женщин-меща-

[1] ГАУО. — Ф. 143. — Оп. 1. — Лл. 22, 434.
[2] Там же. — Лл. 197, 246.
[3] Там же. — Лл. 295, 169.
[4] Там же. — Лл. 295, 249.

нок. Так, в Государственном архиве Ульяновской области имеются дела:

1. О причислении мещанских вдов: «... симбирской мещанской вдовы Натальи Михайловны Хазовой 47 лет с детьми Иваном, рожденным 9 октября 1867 года, и Михаилом, рожденным 9 января 1870 года...» (31 декабря 1896 года)[1], о причислении «Симбирской мещанской вдовы Варвары Ивановны Бабушкиной 53 лет с детьми: Петром Александровичем род. 23 ноября 1880 года, Василием род. 1 января 1885 года и Настасьей род. 16 августа 1889 года» (8 февраля 1911 года).
2. Дела о причислении мещанок (без указания их вдовствующего положения): «... Симбирской мещанки Елизаветы Петровны Раковой с сыном Николаем Раковым 24 лет» (2 декабря 1896 года)[2] «симбирской мещанки Натальи Ефимовой Арацковой 46 лет с детьми родившиеся Федором Ивановичем 14 февраля 1880 года, Василием Ивановичем 1 января 1883 года и Екатериной Ивановной 12 ноября 1886 года» (5 февраля 1903 года).
3. Имеется дело (9 апреля 1899 года) о причислении в купечество «симбирской мещанской девицы Александры Викторовны Григорьевой, родившейся в 1876 году».

Причём, справка Хазовой даётся на неё («Н.М. Хазова причислена к обществу мещан 13 июня 1886 года за № 2869»), Бабушкиной — на «семейство» («семейство В.И. Бабушкиной значится под № 1827»), Раковой — на неё и сына («мещанка Е.П. Ракова и сын ее Николай причислены к обществу мещан 11 декабря 1874 года за № 235»), а справка Арацковой даётся только на её сына Фёдора, что он «значится по посемейному списку под № 2496, по причислению 19 марта 1897 года за № 6841». Справка Григорьевой состоит из фразы, что она «числится по посемейному списку».

В делах о переходах вперемешку встречаются 2 наименования учётных документов: ревизские сказки (примеры: Гурьев — 1870 г., Титов, Нечаев, Голубков, Семёнов, Хазова, Ракова — 1896 г., Коренастов — 1897 г., Жарков — 1898 г., Энгельман — 1899 г., Медведев, Чекалин — 1900 г., Пирогов, Королев — 1905 г., Сегодняев — 1911 г.); посемейные списки (примеры: Вологин, Ховрин, Григорьева — 1899 г., Арацков — 1903 г., Кузьмичев — 1905 г., Кравец — 1908 г., Бабушкина, Подсевалов — 1911 г., Мяснивкер — 1912 г.). В делах Бородина и Комарова в справках сказано, что значится один по ревизской книге — Комаров, другой — по ревизской сказке — Бородин, а в постановлениях по этим делам говорится: «... об исключении из общества... отметить в посемейном списке».

---

[1] ГАУО. — Ф. 143. — Оп. 1. — Лл. 295, 249.
[2] Там же. — Лл. 295, 220.

Кроме ревизских сказок, посемейных списков, исключение из общества фиксировалось в «расчётной книге по платёжным повинностям», для краткости во многих документах именуемой просто расчётной книгой.

В делах начала XX в. роль мещанской общины выглядит несколько рельефнее, чем прежде. Здесь уже присутствуют просьбы мещан, переходивших в купцы, к органам мещанского сословного управления подтвердить отсутствие препятствий для такого перехода. Таково, например, дело о переходе симбирского мещанина Василия Петровича Подсевалова, включающее датированное 28-м июля 1911 года «Прошение» о выдаче «увольнительного свидетельства для причисления в Симбирское купечество»[1]. 17 августа 1911 г. появляется предписание Казённой палаты, которая «даёт знать» мещанскому старосте, «что симбирский мещанин Василий Петрович Подсевалов род. 18 декабря 1879 года с женой Анной Васильевной 30 лет по постановлению палаты состоявшееся 5 августа причислен со 2-й половины 1911 года к Симбирскому 2-й гильдии купечеству, а из общества мещан г. Симбирска с того же времени исключен». Похожего типа «Заявление» Федора Никифоровича Бородина (8 июня 1905 года) с просьбой «выдать [...] удостоверение о неимении препятствия к перечислению [...] из мещан в симбирское купечество», заявление Сергея Даниловича Пирогова (8 июля 1905 года), содержащее добавление — «При сем прилагаю две гербовые марки по 1 рублю каждая и 1 руб. 28 коп. и повинностей за сына моего Владимира», «Прошение» Ивана Васильевича Королева (8 декабря 1905 года) — «покорнейше прошу [...] выдать мне удостоверение беспрепятственном перечислении [...] с женой и двумя дочерьми из мещан в симбирское купечество».

Из дел начала XX в. видны и критерии, которыми руководствовалась мещанская община, решая поставленный перед ней вопрос. Справки этого периода чуть пространнее и содержание их однородно:

1) в каких данных учёта населения и под каким номером значится заявитель;

2) из кого поимённо состоит его семейство;

3) заявитель «под судом и следствием не был и ныне не состоит»;

4) общественные повинности заявителем «сполна уплачены» по такой-то период, «никаких других сословных сборов и взысканий за ним не числится»;

5) «гербовый сбор в один рубль уплачен».

Результатом рассмотрения заявления по названным критериям становилось решение уполномоченных органов мещанской общины о выдаче «удостоверения», или «простого удостоверения», как его ещё называли, об отсутствии препятствий к перечислению: «На

[1] ГАУО. — Ф. 143. — Оп. 1. — Лл. 559, 68.

основании изложенного сим удостоверяю, что со стороны мещанского управления не встречается ни каких препятствий к причислению [...] с объясненным выше семейством в симбирское купечество»[1].

Обычно причисление в купечество происходило в первой или во второй половине года. Отчисление мещанина из мещанского сословного общества и причисление его в купеческое происходило, по нашим материалам, синхронно. Иногда это отражено в самом документе формулировкой типа: «... причислен с начала 1896 года в Симбирское купечество и с того же времени исключен из общества Симбирских мещан»[2].

Дела о причислениях заканчиваются датой исполнения. Судя по выявленным нами материалам, процесс оформления всех документов на перечисление длился в пределах одного — пяти месяцев[3].

Изучение вопроса о купеческих переходах, кроме характеристики динамики роста этого сословия, позволяет точнее уловить взаимоотношение различных властных структур на местах: органов фиска (Казённые палаты), органов управления мещанского (купеческого) общества, органов территориального (городского) управления. Рассмотрение сохранившихся документов, свидетельствует о вторичности и малой значительности органов «самоуправления» городского населения в решении вопроса о переходе. Этот вопрос практически полностью находился в ведении государства и его структуры на местах.

Таким образом, вопрос о переходе в купечество для конкретного человека — вопрос статуса, а для органов власти — вопрос сколько, каких и через какие структуры сборов с него взимать. Фактически, человеку предлагалось выбирать не род деятельности и даже не статус, а вариант податного состояния. Насколько можно уловить по изученным материалам, в каком звании состоять, становилось всё больше вопросом традиции. Смысл купеческих привилегий, как было показано в предыдущей главе, постепенно утрачивался, а представление о том, что мещанин — разорившийся, несостоятельный купец, ещё сохранялось. По нашему мнению, купеческое звание на рубеже XIX–XX вв. это в значительной мере дань престижности, преемственности занятий, основательности «дела». Наиболее тесно связанной с мещанством — основной массой городского населения — оставалась вторая гильдия купечества, абсолютно превалирующая по числу упоминаний в сохранившихся документах. Фиксируются случаи неоднократной смены статуса (купец-мещанин-купец) на протяжении сравнительно небольшого отрезка времени.

---

[1] См.напр.: ГАУО. — Ф. 143. — Оп. 1. — Лл. 456, 22, 39, 4073, 74.
[2] ГАУО. — Ф. 143. — Оп. 1. — Лл. 295, 71.
[3] Там же. — Лл. 295, 6, 249.

В целом вся система состояний Российской империи второй половины XIX — начала XX вв., продолжала оперировать ревизиями и ревизскими душами, семьями как хозяйственными коллективами, а не конкретными людьми по роду их деятельности и доходам. Система состояний выглядит весьма запутанной и архаичной, не соответствующей наметившимся тенденциям европейского развития. В экономическом плане она способствовала консервации архаичных черт хозяйственного уклада, препятствовавшая свободе миграции и выбору занятий. Государство, осуществив ряд либеральных по общей направленности реформ в 1860-х-1870-х гг., по-прежнему не видело гражданина, самоопределяющуюся личность. Здесь трудно не согласиться с теми оценками, какие давались историками и юристами либерального и демократического направлений. Последующий ход исторического процесса лишь подтверждает верность этих оценок и того впечатления, какое складывается от ознакомления с архивными материалами.

В.В. Ермаков
Камская государственная инженерно-экономическая академия

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО СТАХЕЕВЫХ В НАБЕРЕЖНЫХ ЧЕЛНАХ И БЛИЖАЙШЕМ ЗАКАМЬЕ

Набережные Челны и регион Восточного Закамья примерно с середины XIX века привлекли внимание Стахеевых как сфера приложения капитала и своего предпринимательского таланта. Левобережье Камы представляло для них интерес как крупный источник сравнительно дешевого товарного хлеба, наличием большого количества рабочей силы, а также как обширный и емкий рынок реализации различных товаров. Выгодное положение Набережных Челнов подчеркивала и развитая транспортная инфраструктура, а особенно челнинская пристань — одна из самых старейших и обширнейших по грузообороту на Нижней Каме.

Земельные владения Стахеевых располагались, как минимум, в семи волостях Мензелинского уезда — Афонасовской, Заинской, Мысово-Челнинской, Старо-Кашировской, Сухаревской, Токмакской, Языковской. Общий размер земли, находившейся в их собственности, составлял здесь, по нашим подсчетам, более 24 700 десятин[1]. Эта земля была приобретена в основном у помещиков и чиновников.

Таким образом, Стахеевы, начиная с рубежа XIX-XX веков, являлись крупнейшими землевладельцами Мензелинского уезда. На своей земле они организовывали высокотоварное хозяйство по производству сельскохозяйственной продукции.

В Мысово-Челнинской волости Стахеевы владели землей, занятой лесом — общей площадью 215,5 десятин. Посадки здесь были не очень хорошего качества. Дровяной лес составлял лишь 30 десятин, а остальное — заросли и кустарник. Для охраны и хозяйственного использования нанимался лесник, с платой 6 руб. в месяц[2].

При дер. Тогаевой, Мысово-Челнинской волости, Стахеевым принадлежало 970 дес. земли. Здесь выращивалась рожь, овес, картофель, содержалось 645 голов различного скота[3].

В селе Набережные Челны Стахеевы имели небольшие участки земли. Ее владельцами являлись: Торговый дом «И.Г. Стахе-

[1] Подсчитано по: Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии. — Уфа, 1915. — С. 104-123.

[2] Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. И-132. — Оп. 1. — Д. 1531. — Л. 2об.

[3] Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии. — Уфа, 1915. — С. 117.

ев и сыновья» (0,2 дес.), Торговый дом «В.Г. Стахеева наследники» (0,04 дес.), купцы Александр и Николай Стахеевы (1,33 дес.)[1]. Земля здесь стоила дорого и, видимо, Стахеевы считали более выгодной для себя аренду земли у Удельного ведомства и сельских обществ. Так, ТД «И.Г. Стахеев и сыновья» арендовал в Набережных Челнах земли на 350 руб., ТД «В.Г. Стахеева наследники» — на 185 руб.[2]. На этих землях располагались дома, пристани, магазины, склады, сушилки и другие хозяйственные постройки.

Стахеевы являлись крупнейшими собственниками недвижимости в Мензелинском уезде. Только у ТД «И.Г. Стахеев и сыновья» и «В.Г. Стахеева наследники» стоимость недвижимого имущества в уезде составляла соответственно 783 647 руб. и 783 049 руб.[3]. Среди наиболее крупных объектов можно отметить три винокуренных (Петровский, Ново-Никольский и Смыловский) и два лесопильных завода, как минимум десяток мукомольных мельниц и многое другое.

Особого внимания заслуживает лесопильный завод Ф.В. Стахеева, располагавшийся в Набережных Челнах. История строительства этого предприятия была напрямую связана с предпринимательским талантом Ф.В. Стахеева и его обширными столичными связями. В Санкт-Петербурге он, видимо, получил сведения о предстоящем сооружении в Набережных Челнах крупного элеватора Госбанка. Предвидя большие заказы на пиломатериалы и, соответственно, надеясь получить солидную прибыль, Ф.В. Стахеев в 1912 году приступил к строительству лесопильного завода. Его сооружение и оборудование обошлось примерно в 180 тыс. руб. Помимо приобретения машин, оборудования и материалов было выстроено несколько домов, четыре лабаза, летние и зимние казармы для работников, кузница. Земля, на которой все это было сооружено, была арендована на срок до 1920 года у крестьян Набережночелнинского сельского общества (с платой за аренду 330 руб.) и у А.П. Лучихина (65 руб.)[4].

Лесопильное производство (три лесопильные рамы) было запущено в эксплуатацию в ноябре 1913 года — буквально за четыре месяца до начала работ по строительству Челнинского элеватора[5]. Производительность распиловки составляла до 130 бревен в сутки. Количество занятых рабочих: в 1913 г. — 32 чел., в 1914 г. — 38 чел., в 1918 г. — 55 чел. На территории завода имелась также паровая мукомольная мельница, производительностью до трех тысяч пудов зерна в сутки. В качестве топлива для мукомольной мельницы использовались отходы лесопильного производства.

---

[1] Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). — Ф. 573. — Оп. 1. — Д. 8. — Л. 131об.

[2] НАРТ. — Ф. 573. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 100об.

[3] Там же. — Д. 1. — Лл. 41об.-42.

[4] Там же. — Д. 163. — Л. 433.

[5] НАРТ. — Ф. 552. — Оп. 1. — Д. 57. — Л. 135об.

Челнинский завод имел отделение в Шайтановском лесничестве — Белоусовский завод, на одну лесопильную раму[1]. Управляющим обоими заводами был компаньон Ф.В. Стахеева — П.Г. Чершинцев. Транспортные потребности предприятий, судя по всему, обслуживались пароходом «Курьер». Его командиром являлся Михаил Афонасьевич Лучихин[2].

Оба лесопильных завода (Челнинский и Белоусовский) выполняли крупные заказы для строительства Челнинского элеватора, для Казанского порохового завода и в целом работали прибыльно. В 1914 году, например, прибыль Набережночелнинского завода составила 4 945 руб. 58 коп.[3]. Челнинский лесозавод стал основой компании «Ф.В. Стахеев и К°». Это было товарищество открытого типа. Среди его вкладчиков значились солидные фирмы и учреждения — Общество Мальцевских заводов, товарищество «П.К. Ушков и К°», Елабужская городская управа, Мензелинское уездное земство, пароходное общество «Русь», а также частные лица[4]. Челнинский и Белоусовский лесопильные заводы были национализированы органами Советской власти в ноябре 1918 года. Решением Мензелинского ревкома они были переданы в ведение уездной продовольственной коллегии[5].

Помимо организации лесопильного производства, Ф.В. Стахеев также выполнил подряд по сооружению Мензелинской общеуездной телефонной сети. Договор о проведении этой работы был утвержден земством 4 февраля 1913 года. С весны и до осени 1913 года на территории Мензелинского уезда велись интенсивные работы. Общая длина телефонной сети в конечном счете составила 378 верст, а протяженность проводов — 710 верст. Для приемки земской телефонной сети была создана комиссия в составе инженера из Санкт-Петербурга А.А. Вагина, уполномоченного от Ф.В. Стахеева — инженера-электрика С.А. Введенского, членов уездной земской управы Н.И. Мазуревского и М.В. Пеньковского. Основываясь на выводах этой комиссии, Мензелинская земская управа 9 декабря 1913 года постановила: «Открыть с 10-го сего декабря действие телефонной сети»[6]. Расходы земства на сооружение уездной телефонной сети составили 64 200 руб., в том числе выплаты Ф.В. Стахееву — 42 900 руб.

Торговый дом «И.Г. Стахеев и сыновья» предоставил возможность Мензелинскому земству бесплатно пользоваться своим телефонным кабелем от Святого Ключа до Елабуги.

---

1 НАРТ. — Ф. Р-147. — Оп. 1. — Д. 13. — Лл. 11-11об.
2 Там же. — Ф. Р-2937. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 88об.
3 Там же. — Ф. 551. — Оп. 1. — Д. 163. — Л. 432.
4 ЦГИА РБ. — Ф. И-132. — Оп. 1. — Д. 1960. — Лл. 1-7.
5 НАРТ. — Ф. Р-147. — Оп. 1. — Д. 21. — Л. 63.
6 Систематический свод постановлений Мензелинского уездного земского собрания чрезвычайных сессий 15 февраля, 16 мая и 16 августа и 40-й очередной сессии с 10 по 23 ноября 1914 г. — Мензелинск, 1915. — С. 1064-1067.

Таким образом, Набережные Челны во многом благодаря Стахеевым получили связь не только с селениями Мензелинского уезда, но и с городом Елабугой.

Значительная часть недвижимости Стахеевых в Набережных Челнах имела отношение к хлебной торговле. Крупные операции этой купеческой династии по скупке товарного хлеба на Челнинской пристани отмечены уже в середине XIX века. Постепенно во всех крупных селениях Мензелинского уезда ими была создана развитая инфраструктура хлебной торговли — сеть зерноскупочных пунктов, складов, мельниц, сушилок, а также обширная транспортная система, включая несколько речных грузовых пристаней. Поэтому не случайно в начале XX века стахеевские предприятия являлись крупнейшими хлеботорговцами на Челнинской пристани (см. таблицу 1)

Таблица 1

Объем торговых оборотов на Челнинской пристани в начале XX века[1]

Название торговых предприятий	Род занятий	Кол-во складских помещений в Наб. Челнах	Сумма, на которую скуплен товар, в руб.		
			1912 г.	1913 г.	1914 г.
Торговый дом «И.Г.Стахеев и сыновья»	Скупка хлеба	14	900 000	1 000 000	1 500 000
Торговый дом «Братья Халфины»	Скупка хлеба	5	1 100 000	900 000	900 000
Торговый дом «В.Г. Стахеева наследники»	Скупка хлеба	8	500 000	500 000	700 000
Камско-Вятское торгово-промышленное товарищество	Скупка хлеба	10	нет данных	200 000	500 000

Как видно из таблицы, три из четырех крупнейших предприятий хлебной торговли, действовавших на Челнинской пристани, принадлежали представителям купеческой династии Стахеевых.

Соответственно, и недвижимость Стахеевых в Набережных Челнах преимущественно обслуживала интересы хлебной торговли. Так, собственностью ТД «И.Г. Стахеев и сыновья» здесь являлись контора, сушилка каменная, три сушилки деревянных, обойка

[1] Таблица составлена по: НАРТ. — Ф. 551. — Оп. 1. — Д. 78. — Лл. 62-64об.; Ф. 552. — Оп. 1. — Д. 50. — Лл. 174-177об., 199-200об.

конная, два амбара каменных, два — полукаменных, семь — деревянных, один лабаз каменный и три — деревянных и т.д.

Солидной недвижимостью обладал в Челнах и ТД «В.Г. Стахеева наследники». В ее перечень входили: контора, шесть амбаров деревянных и три амбара ссыпных, каменный лабаз, две сушилки полукаменные[1]. Располагались эти объекты преимущественно на земле, арендованной у Удельного ведомства.

Следует отметить, что владельцами недвижимости в Набережных Челнах являлись не только торговые дома, но и отдельные представители династии Стахеевых. Так, Александр Кириллович Стахеев являлся собственником двух амбаров каменных и двух амбаров деревянных, а также каменной сушилки. Николай и Александр Стахеевы располагали на земле Удельного ведомства двумя хлебными амбарами[2].

Недалеко от Набережных Челнов, в дер. Тогаево, на р. Шильне, Николай Иванович Стахеев являлся собственником двухпоставной водяной мельницы. Ее производительность составляла 200 пудов зерна на один постав в сутки. При этом мельница размалывала не только зерно владельца, но и работала на заказ. На ней за умеренную плату (два фунта с пуда ржи) перерабатывали свой урожай крестьяне окрестных селений — Тогаево, Шильнебаш, Орловки. За исправную работу мельницы отвечал наемный мельник, с платой 11 руб. в месяц, на хозяйских харчах[3].

Розничная торговля также входила в сферу интересов Стахеевых. Ряд крупных предприятий располагались в Мензелинске, Заинске. В Набережных Челнах в начале XX века ТД «И.Г. Стахеев и сыновья» имел два предприятия розничной торговли: 1) по торговле солью, керосином и бакалейными товарами и 2) пивную лавку (на усадьбе П.А. Кокорева)[4]. Этот же торговый дом владел пивными лавками в селах Ильбухтино и Бетьки.

Торговому дому «В.Г. Стахеева наследники» в Набережных Челнах принадлежало также два предприятия розничной торговли: 1) по продаже мануфактурных товаров, чая и сахара и 2) по торговле солью. Имелся также амбар каменный для хранения товаров, а также керосиновый бак[5].

Камско-Вятское торгово-промышленное товарищество вело в Челнах крупную торговлю керосином. Оно же располагало здесь помещением бондарной мастерской, а также лабазом для складирования бочек[6].

---

1 НАРТ. — Ф. 573. — Оп. 1. — Д. 9. — Лл. 147об., 149об.
2 Там же. — Лл. 144об., 147об.
3 ЦГИА РБ. — Ф. И-132. — Оп. 1. — Д. 2224. — Л. 7.
4 НАРТ. — Ф. 551. — Оп. 1. — Д. 45. — Л. 249.
5 Там же. — Ф. 573. — Оп. 1. — Д. 9. — Л. 146об.
6 Там же. — Л. 135об.

В 1919-1921 годах по решению органов Советской власти была проведена муниципализация имущества бывших купцов, торговцев, а также «ушедших с белыми бандами». Документы об этих событиях сохранились, и они помогают дополнить и уточнить информацию об имуществе Стахеевых в Набережных Челнах. Целый ряд имущественных владений Стахеевых располагались на улице Центральной. Под номером 27 здесь находился дом И.Г. Стахеева (на усадьбе И.П. Кокорева). Дом этот представлял собой деревянное строение с подвалом, тесовой мастерской, навесом и напогребницей. Имущество при проведении муниципализации было оценено в 300 руб.

Другой дом, принадлежавший ранее И.Г. Стахееву, располагался по адресу: ул. Центральная, д. 72. Это был каменный двухэтажный дом, крытый железом. В усадьбе находились также деревянный флигель, крытый железом, три каменных склада, амбар, сушилка, баня, навес, дровяник. Оценка имущества составляет 10 600 руб.

По ул. Центральной, д. 57, располагался дом «наследников Стахеевых» (вероятно — ТД «В.Г. Стахеева наследники»). Имущество здесь состояло из двухэтажного полукаменного дома, полукаменной сушилки, бани и двух амбаров. Оценка — 13 670 руб.

На улице Красной находились ранее как минимум два стахеевских дома. Первый, под номером 7, принадлежал И.Г. Стахееву и представлял собой деревянный дом, крытый тесом, при котором имелись также два хлева, баня, навес, напогребница. Оценка — 1 100 руб. Другой дом (№ 31) располагался на усадьбе Кириллова. Здесь находился пятистенный деревянный дом, два хлева, баня, пивная, напогребница. Оценка — 1310 руб.

Два стахеевских дома располагались на улице Муравейной — под № 9 и 10. Первый из них принадлежал Григорию Ивановичу Стахееву: дом деревянный, крытый железом, с подвалом, сушилкой, четырьмя амбарами, двумя хлевами, баней и навесом. Оценка — 7 430 руб. Второй дом — двухэтажный, полукаменный, крытый железом. При нем находились два амбара, сушилка, хлев, напогребница. Оценка — 1 310 руб.

По крайней мере, два двора Стахеевых располагались за пределами села Набережные Челны, в его ближайших окрестностях. Первый из них именовался «Двор № 4» и принадлежал наследникам В.Г. Стахеева. Имущество здесь состояло из деревянного двухэтажного дома, крытого тесом, флигеля, двух амбаров, сушилки, навеса, напогребницы. Оценка — 14 495 руб.

Второй двор — «Двор № 6» являлся собственностью наследников И.Г. Стахеева. Хозяйство здесь состояло из двух домов, крытых железом, тесовой и каменной кузниц, двух бревенчатых складов и одного амбара. Оценка — 19 320 руб.[1].

[1] НАРТ. — Ф. Р-128. — Оп. 1. — Д. 909. — Лл. 36об.-38, 46об.-48, 51об.-52.

По некоторым сведениям, еще один стахеевский дом находился на Мысовской (Элеваторной) горе, недалеко от элеватора.

Как мы видим, имущество Стахеевых представляло собой, как правило, разнообразные и добротно выполненные постройки. Долгое время они являлись украшением центральной части села Набережные Челны, одновременно придавая ему характер крупного торгово-промышленного поселения. Поэтому не случайно значительная их часть продолжала долгое время использоваться и в годы Советской власти.

Так, лесозавод Ф.В. Стахеева, после национализации в 1918 году, под названием «Республиканец» проработал в Набережных Челнах вплоть до заполнения Нижнекамского водохранилища. В это же время прекращает существование еще одно стахеевское предприятие — Затон, находившийся на правом берегу Камы. Судоремонтные мастерские Челнинского затона считались одними из крупнейших и передовых предприятий Набережных Челнов.

Нашли новое применение и стахеевские здания. Так, в доме № 64 по ул. Центральной, в бывшей конторе ТД «И.Г. Стахеев и сыновья», в 1920-е годы располагалось отделение милиции, а позднее — машинно-счетная станция, детская библиотека. Хлебные склады в разные годы использовались под устройство хлебозавода, прядильно-ткацкой фабрики, тракторно-механической школы (позднее — училище механизации). К сожалению, большинство этих зданий до наших дней не сохранилось.

На этом фоне символично выглядит существование церквей в селах Боровецкое и Орловка, входящих ныне в состав города Набережные Челны. Первая из них, каменная церковь Вознесения Господня, была капитально перестроена в 1872-1882 годах купцом Д.И. Стахеевым. Вторая — Во имя Св. Безср. Космы и Дамиана — была построена на средства купца И.И. Стахеева и освящена в октябре 1859 года. Эти церкви служат нам напоминанием о вечных ценностях, а также вещественными памятниками благотворительной деятельности династии елабужских купцов Стахеевых.

Н.Н. Закирова-Гущина
Глазовский государственный педагогический институт

ИЗ ИСТОРИИ ГЛАЗОВСКОГО КУПЕЧЕСТВА

Современная территория Удмуртии в прошлом относилась к Вятскому краю. В результате административных преобразований в 1920-1930-х годах Глазов, Сарапул и Елабуга были выведены из состава Вятской области, но и поныне это соседство и родство объединяет Удмуртию, Татарстан и Кировскую область в территориальную общность — Волго-Вятский регион. Глазов — один из старейших провинциальных городов Приволжского федерального округа.

В биографии города можно выделить следующие основные вехи:

1678 г — первое упоминание в переписной книге удмуртского населения «деревни Глазова за рекою Чепцою».

1748 г. — переименование деревни в село Глазово в связи с постройкой первой христианской церкви.

1780 г. — преобразование села в город Глазов (уездный центр Вятского наместничества, с 1797 г. — Вятской губернии).

1920-1921 гг. — Глазов — уездный, а затем административный центр Вотской автономной области в составе РСФСР.

1929 г. — Глазов — районный центр.

1950 г. — Глазов — город республиканского подчинения, центр Глазовского района в составе Удмуртской АССР, ныне Удмуртской Республики в составе Российской Федерации.

Наш край и его жители привлекали внимание М.В. Ломоносова, Н.М. Карамзина, Г.Р. Державина, здесь побывали А.Н. Радищев и декабристы, В.А. Жуковский и А.И. Герцен. Многоаспектна вятская пушкиниана. Связаны с нашим регионом Н.А. Дурова и декабристы, М.Е. Салтыков-Щедрин и В.Г. Короленко, А.П. Чехов и А. Грин.

Глазов — родина первого издателя произведений А.М. Горького А.П. Чарушникова, прославленной актрисы МХАТа О.Л. Книппер. Глазовским священником был дед известных писателей В.П. Катаева и Е. Петрова (Е.П. Катаева), глазовским городничим был дед великого композитора П.И. Чайковского. В разные годы в городе на Чепце побывали С. Щипачев, С. Наровчатов, Н. Старшинов, Р. Казакова. Начало поэтического пути народных поэтов Удмуртии Ф.И. Васильева и О.А. Поскребышева, научная карьера профессоров Пушкинского Дома, докторов филологических наук С.А. Фомичева, Р.Ю. Данилевского и известного краеведа, Заслуженного деятеля науки Удмуртской Республики А.Г. Татаринцева во многом оп-

ределяются их связью с Глазовским педагогическим институтом. Город Глазов и сегодня славен своими культурными традициями[1].

Но настоящее немыслимо без прошлого, а сферы науки, искусства и культуры теснейшим образом связаны с историей, социальным и экономическим развитием страны, отдельного региона, любого его населенного пункта. Так, даже внешний архитектурный облик каждого города естественно отражает социальный состав его жителей. Глазов не составлял исключения и в том, что основной приоритет в строительстве каменных зданий и владении ими в XIX в. был у местного купечества.

Когда Глазов получил статус уездного города, в нем проживало всего два купца. По данным 1858 г. их было уже 90[2]. В городе не было купцов первой гильдии. В 1870 г. насчитывалось 39 глазовских купцов второй гильдии и 120 человек — третьей гильдии. В 1880 г. купечество, наряду с духовенством — одно из самых влиятельных сословий. Однако по купеческим капиталам Глазов не лидировал (занимал предпоследнее место в губернии среди уездных городов). Так, например, если в Елабуге было объявлено капиталов на сумму 178 000 рублей, в Слободском 282 600 рублей, в самой Вятке 224 400 рублей, то в Глазове их насчитывалось всего 46 800 рублей. Низкой (зачастую отрицательной) была доходность Глазовской Никольской ярмарки[3]. Все это находило отражение в «портрете» города. Неслучайно в 1816 г. Иоганн Фридрих Эрдман писал в своем инспекторском дневнике о Глазове: «Это настоящий городок, столь же маленький, как и иная деревушка; в нем нет ни одного каменного дома, только одна низенькая кирпичная церковь»[4].

В 1879 г. ссыльный студент-народник В. Короленко воспринимал деревянный Глазов как что-то среднее между городом и деревней. В его произведениях глазовского цикла город-амфибия именуется Пустолесьем, «ненастоящим городом», а его облик характеризуется писателем следующим образом: «Два-три каменных здания, остальное все деревянное. В центре полукруглая площадь, лавки, навесы, старенькая церковка, очевидно пришедшая в негодность, и рядом огромное недостроенное здание нового храма, окруженное деревянными лесами. Он поднялся в центре города, подавляя его своей величиной, но не дорос до конца и остановился»[5].

---

[1] См.: Закирова Н.Н. Наше культурное достояние. — Глазов, 2007.

[2] О числе жителей по сословиям в г. Глазове 1858 г. // Памятная книжка Вятской губернии на 1860 год. — Вятка, 1860. — С. 226-227.

[3] Развитие промышленности и торговли в Глазове и Глазовском уезде // Сафонова Т.В., Ившина М.В., Лукина Н.В. История города Глазова: 1678-1917: Учебная книга. — Глазов, 2002. — С. 51-64.

[4] Эрдман Иоганн Фридрих. Путешествие по Вятской губернии летом 1816 г. // Календарь Вятской губернии на 1892 год. — Вятка, 1892. — С. 372.

[5] Короленко В.Г. Ненастоящий город: Избранные страницы. — Глазов, 2005. — С. 32-33.

Писатель дает не только этнографические зарисовки, но касается и сферы экономики, торговли, отобразил социальный срез населения, уделив внимание и купечеству Глазова. Так подчеркивая примитивность торговли, неразвитость транспорта и промышленности, отражая депрессивность экономики типичного городка Вятской губернии, он вслед за местными жителями называет глазовских купцов «ненастоящими», и именует их попросту «торговыми мужиками».

Есть среди них и персонифицированные образы, прототипы которых установлены местными краеведами. Так прообразом купца Ивана Никифоровича был глазовский купец второй гильдии Никифор Лукич Иваненко, а Шкиларов списан с купца Семена Михайловича Смышляева. Из купеческой семьи был и квартирохозяин Короленко Александр Павлович Бородин, во флигеле дома его матери — Натальи Алексеевны определенное время жил будущий писатель в период глазовской ссылки[1].

Значительная часть глазовских купцов была выходцами из крестьян-удмуртов. Будучи «хозяевами города», задавали тон его жизни, входя в состав городской управы, работая в уездном земстве, купцы И.С. Волков, П.И. Колотов, А.П. Смагин, С.М. Смышляев, Г.Б. Сергеев, О.М. Гырдымов и др. Торговали купцы-глазовчане льном, лесными изделиями, кожей, салом, бакалеей, табаком, алкогольными напитками, промышленными товарами. Так, в ведомости Глазовской городской управы за 1880 г. числится торговавший мануфактурой преуспевающий купец второй гильдии М.А. Арасланов с сыновьями и внуками. Самой же распространенной была торговля пшеницей. По информации «Вятских губернских ведомостей» за 1858 год, «до 200 тысяч пудов хлеба идет на железоделательные и чугуноплавительные заводы: Камско-Воткинский, Песковский, Омутнинский, Залазнинский, Белорецкий и Пудемский... Кроме того, до 112 тысяч пудов, считая рожью, идет хлеба на винокуренный завод при речке Кокманке»[2].

Массовая застройка центра уездного Глазова каменными домами начинается с периода накопления глазовскими купцами капиталов и перехода их в гильдейское состояние (еще в 1830-е гг.). Многие из них оставили о себе память, вложив свой капитал в каменные строения. 12 купеческих домов украшало собой только Соборную площадь. Это были дома купцов А. Сергеева, Поповых, Смагиных-Тимофеевых, Колотова, Гырдымова, Столбова, Арасланова, Веселухина, Завалишина, Бородина, Смышляева, Волкова. К 1850-м

---

[1] Гущин Ю.Г. От Державина до наших дней. — Глазов, 1996.

[2] Цит. по: Настоящее «ненастоящего города» / Автор и сост. текста Т.В. Ананина. — Киров, 2003. — С. 66.

годам в городе уже было построено 18 каменных зданий (церквей, частных и казенных домов, торговых лавок, производственных помещений)[1].

Подавляющее большинство старинных глазовских домов хранят свидетельства об уникальных событиях и лицах в истории и культуре государства Российского. Так, через Глазов, к месту сибирской ссылки проследовали партии декабристов, а затем и жены изгнанников. В Глазове они делали остановку на ночлег в городской тюрьме (ул. Кирова, 1), а М.Н. Волконская останавливалась напротив — в доме купца Колотова (ныне это дом по ул. Кирова, 2). Через дорогу от колотовского дома — особняк купца Сергеева — нынешний городской Дом культуры по адресу: площадь Свободы, 9. На его здании — мемориальная доска, надпись на которой гласит: «22 сентября в семье управляющего заводом родилась великая русская актриса, друг и жена А.П. Чехова, Ольга Леонардовна Книппер-Чехова». Глазовский Народный театр на родине великой актрисы воплотил на сцене образы купцов в пьесах А.Н. Островского «Невольницы» и «Свои люди — сочтемся», а муниципальный театр «Парафраз» по мотивам «Бешеных денег» поставил спектакль «Торг уместен».

Во время путешествия по стране и остановки в Глазове вместе с наследником престола, цесаревичем Александром Николаевичем в 1837 г. поэт-романтик В.А. Жуковский останавливался на ночлег в доме купца Ивана Волкова. Этот дом сохранился до наших дней: его современный адрес — ул. Первомайская, 33; здесь долгое время располагались районный дом культуры и библиотека. Любопытно, что от Глазова до Балезинского перевоза высоких гостей Вятской губернии в кучерском одеянии лошадьми правил на облучке местный купец Смагин. А переправу через Чепцу совершили семеро купеческих сыновей, при этом каждому из гребцов было подарено по 100 рублей.

Лодка из красного дерева, на которой переправляли будущего императора, была установлена и закреплена цепью. Она сохранилась на специальном постаменте-пьедестале под навесом. Позднее рядом с лодкой была возведена Александро-Невская часовня. В советское время в 1917 г. лодку изрубили, подожгли и спустили вниз по Чепце, а часовня в 1926 г. была снесена. Она была вновь восстановлена на прежнем месте напротив бывшего дома купца Волкова в 1990-е гг. Рядом с домом И. Волкова — каменное здание бывшей земской библиотеки, подписчиком которой был В. Короленко.

За время ссыльного изгнания с различными служебными поручениями М.Е. Салтыков посетил Котельнич, Слободской, Малмыж, Сарапул и другие города Вятской губернии. В период с 1853

[1] Цит по: Глазов: Документы и материалы (1678-1989). — Ижевск, 1992. — С. 20.

по 1855 год он четырежды побывал в Глазове. Среди глазовчан — жителей Окова (так окрестил город автор «Губернских очерков»), у него было около тридцати знакомых, в числе которых были и купцы, например, П.Н. Бородин.

Символом благополучия, достатка и достоинства местного купечества был и остается украшающий центральную площадь города особняк Смагиных-Тимофеевых, выстроенный на месте поместья Чайковских. Памятник архитектуры позднего классицизма в современной северной столице Удмуртии занят ныне рестораном «Север» на площади Свободы, д.6.

Дом купца Столбова (1890-е гг.) приютил сегодня агропромышленное объединение и отдел культуры Глазовского района (ул. Кирова, 11). На нем есть мемориальная доска: «В этом здании в октябре 1941 г. размещался штаб по формированию 49-й отдельной стрелковой бригады, преобразованной в 208 Краснознаменную Кенигсбергскую дивизию».

Некоторые из купцов вошли в список почетных граждан Глазова: городской голова Н.А. Сергеев (1870), заседатель Глазовской городской управы К.А. Кибардин, Г.Б. Сергеев (1811-1893), на средства которого был выстроен в 1859 г. иконостас в пристроенной к Никольскому собору церкви, И.И. Волков, при содействии которого в 1848 г. на глазовском кладбище была возведена Покровская церковь.

Заслуги купечества в области градостроения дополняются их вкладом в развитие в Глазове промышленных предприятий. В 1864 г. купцом П.И. Колотовым здесь был построен водочный завод, в 1865 г такой же завод открыл П.Ф. Васильев, а П.И. Серкин организовал самое крупное в то время производство — кожевенный завод. Доход пряничного заведения купца Н.П. Платунова составлял в 1868 г. 5 800 руб.[1] Сегодня один из сети магазинов ЛВЗ «Глазовский», что на площади Свободы, 3, разместился в бывшей ямщицкой купца Некрасова. А в доме купца Попова — главное в городе финансовое учреждение Расчетно-кассовый центр (пл. Свободы, 7). Долгое время народный суд размещался в доме Гырдымова (ул. Кирова,8), а теперь это купеческое здание занимает регистрационная палата Глазова. В купеческом особняке начала XX века уже несколько десятилетий «живет» старейшая в республике типография (ул. Энгельса, 37).

«Купеческий Глазов». Он и сегодня не просто след седой старины в имидже современного индустриального, культурного и научного центра Удмуртии, не только наша история, свидетель и хранитель памяти о духовной и материальной культуре прошлого. Он продолжает служить глазовчанам и не устает поражать своей уникальностью жителей и гостей города.

---

[1] ГАКО. — Ф. 574. — Оп. 1. — Ед.хр. 382. — Л. 116-116 об; См. так же: Глазов: Исторический очерк. — Ижевск, 1980. — С. 48-49.

В.П. Микитюк
Институт истории и археологии УрО РАН

ЕКАТЕРИНБУРГСКИЕ КУПЦЫ АТАМАНОВЫ

При изучении купеческого сословия России особое внимание уделяется источникам пополнения купечества. При исследовании формирования и деятельности купечества многих городов Урала и Сибири фиксируется постоянное пополнение этого сословия за счет переселенцев из других регионов Российской империи. Эта тенденция характерна и для Екатеринбурга, возникшего в 1720-х гг. как крепость и металлургический завод. С момента возникновения в окрестностях завода-крепости стали селиться приезжие коммерсанты, ставшие позднее ядром екатеринбургского купечества. С момента образования купеческой корпорации источники ее пополнения стали более разнообразными, но, тем не менее, пополнение екатеринбургского купечества за счет приезжих торговцев имело место. Особенно динамичным этот процесс был во второй половине XIX в.

Во второй половине XIX в. екатеринбургское купечество постоянно пополнялось за счет выходцев из отдаленных и сопредельных территорий. Особенно активно ряды екатеринбургских купцов пополняли переселенцы из Владимирской, Московской и Вятской губерний. В частности, во второй половине XIX века в Екатеринбурге появились новые купеческие семьи: Алакшиных, Атамановых, Бебениных, Вагановых, Ворожцовых, Досмановых, Заварзиных, Ждановых, Камнадских, Князевых, Коробейниковых, Костромитиновых, Логиновых, Рассохиных, Родыгиных, Редниковых, Скрябиных, Суторихиных, Сырчиных, Шаровых и Широковых, перебравшихся на Средний Урал из разных уездов Вятской губернии.

У новых екатеринбургских купцов судьба сложилась самым различным образом. Часть переселенцев из Вятской губернии быстро разорилась и поэтому была вынуждена покинуть купеческое сословие. Другим выходцам из Вятской губернии повезло больше, и они смогли создать устойчивые купеческие династии.

Среди выходцев из Вятской губернии, пополнивших ряды екатеринбургского купечества, было немало тех, кто попал на Средний Урал в качестве приказчиков крупных предпринимателей. Так, бывший мещанин г. Яранска Василий Филиппович Бебенин, появился в Екатеринбурге в качестве доверенного казанского купца А.И. Кусакина, торговавшего москательными товарами. После разорения патрона В.Ф. Бебенин записался в екатеринбургское купечество и начал самостоятельную торговлю.

Аналогичным манером попала в состав екатеринбургского купечества Ольга Ивановна Досманова — Потомственная Почетная гражданка и елабужская купеческая вдова. Ее сыновья Петр и Федор, являясь приказчиками елабужского купца Е.Е. Емельянова, продолжительное время работали в его екатеринбургском мануфактурном магазине. В 1909 г. Петр Павлович выкупил у наследников Е.Е. Емельянова мануфактурный магазин и стал торговать самостоятельно.

Появление в Екатеринбурге большого количества приказчиков, работавших на крупных предпринимателей из Вятской губернии, было результатом постоянного участия вятских, елабужских, слободских, сарапульских купцов в Ирбитской ярмарке. Наиболее заметными фигурами среди предпринимателей Вятской губернии на Ирбитской ярмарке являлись елабужские купцы Гирбасовы и Стахеевы, а также сарапульские купцы Ижболдины. Гирбасовы играли значительную роль в ярмарочной торговле табаком, а Ижболдины и Стахеевы занимали лидирующие позиции в мануфактурной торговле.

Нередко представители этих купеческих родов лично принимали участие в торгово-закупочных операциях на Ирбитской ярмарке. Рекордсменом в этой области был елабужский купец 1-й гильдии и потомственный почетный гражданин Федор Прохорович Гирбасов. В 1893 г. купцы, съехавшиеся на очередную Ирбитскую ярмарку, отметили шестидесятый по счету визит в Ирбит этого торговца табаком, впервые появившегося на ярмарке в 1833 г.[1].

Во второй половине XIX в. многие предприниматели, постоянно посещавшие Ирбитскую ярмарку, перестали довольствоваться только ярмарочным видом торговли, и приступили к созданию сети стационарных торговых заведений. Некоторые купцы из Вятской губернии, регулярно тратившие немалые средства на доставку товаров в Ирбит и на вывоз с ярмарки нереализованной продукции, нашли выгодным открыть постоянные торговые заведения в Екатеринбурге. В частности, именно так поступил сарапульский купец Д.Г. Ижболдин, открывший в Екатеринбурге мануфактурный магазин.

Не отстали от сарапульца и елабужские купцы. На Успенской улице Екатеринбурга обосновались Федор Прохорович Гирбасов и Дмитрий Иванович и Николай Дмитриевич Стахеевы. Первый учредил табачный магазин, а вторые открыли торговое заведение, специализировавшееся на продаже мануфактуры. Как правило, крупные торговцы из Вятской губернии обосновывались в Екатеринбурге всерьез и надолго. Некоторые из них предпочитали арендовать торговые помещения у екатеринбуржцев, другие покупали или строили собственные дома. Так, Ф.П. Гирбасов арендовал помещение у екатеринбургских купцов Дмитриевых, а Д.Г. Ижболдин, Д.И. и Н.Д. Стахеевы обзавелись собственными домами.

---

[1] Ирбитский ярмарочный листок. — 1893. — 23 февраля. — С. 145.

Стахеевы имели в Екатеринбурге одноэтажный деревянный дом, размещавшийся на Усольцевской улице, а также каменный дом и каменный корпус лавок, которые находились на Успенской улице. В каменном корпусе располагался стахеевский мануфактурный магазин. Это торговое заведение в конце 1880-х гг. было одним из крупнейших в Екатеринбурге. В нем кроме доверенного Н.Д. Стахеева елабужского мещанина Михаила Репина трудилось 17 приказчиков. По этому показателю Ижболдину уступало большинство екатеринбургских торговцев, как местных, так и приезжих. В магазине Д.Г. Ижболдина работали доверенный Яков Мошкин и 8 приказчиков.

Д.Г. Ижболдин, обживаясь в Екатеринбурге, обзавелся солидной недвижимостью. На Главном проспекте ему принадлежала усадьба № 50, состоявшая из трехэтажного каменного дома, флигеля, служб и бани. Главное здание усадьбы имело большую пристройку. Недвижимостью Дмитрий Ижболдин пользовался рационально. Он не только разместил в усадьбе свой собственный магазин, но и пустил арендаторов, в числе которых были нотариус А.А. Григорьев, владельцы трех магазинов, одного ренскового погреба, а также контроль Уральской горнозаводской железной дороги.

Имея в Екатеринбурге, крупные оптово-розничные магазины и солидную недвижимость, елабужские и сарапульские купцы по-разному решали проблему контроля за своими екатеринбургскими владениями. Ф.П. Гирбасов предпочитал контролировать деятельность своего табачного магазина с помощью сыновей Гавриила и Сергея, которые в течение ряда десятилетий длительное время проживали в Екатеринбурге. Екатеринбуржцы настолько свыклись с Гирбасовыми, что избрали Гавриила и Сергея Федоровичей гласными Екатеринбургской городской думы. Обязанности гласных Г.Ф. и С.Ф. Гирбасовы исполняли с 1888-1891 гг. К числу активных думцев Гирбасовы не относились, но посильное участие в действии думских комиссий они принимали. Так, Г.Ф. Гирбасов 11 декабря 1889 г. был избран членом комиссии по рассмотрению сметы Екатеринбурга на 1890 г.

Имеются и другие следы постоянного пребывания Гирбасовых в Екатеринбурге. В метрической книге екатеринбургского Свято-Духовского собора зафиксировано рождение у Гавриила Федоровича и Александры Ивановны Гирбасовых дочери Александры, которое имело место 20 апреля 1888 г.[1] По-видимому, эта супружеская чета не принадлежала к числу постоянных прихожан какой-то одной екатеринбургской церкви. 6 августа 1889 г. у Г.Ф. и А.И. Гирбасовых родился сын Андрей, который был записан в метрическую книгу Михайловско-Архангельской церкви[2]. В 1891 г. в метрической

[1] Государственный архив Свердловской области (ГАСО). — Ф. 6. — Оп. 9. — Д. 835. — Л. 28.

[2] ГАСО. — Ф. 6. — Оп. 9. — Д. 843. — Л. 16.

книге Свято-Духовского собора вновь появилась запись о рождении 10 апреля 1891 г. у Гавриила и Александры Гирбасовых дочери Ольги[1].

В метрических книгах екатеринбургских церквей упоминаются не одни Гирбасовы. 2 ноября 1890 г. у потомственного почетного гражданина Ивана Дмитриевича Ижболдина и его супруги Марии Михайловны родилась дочь Анна, записанная в метрическую книгу Богоявленского Кафедрального собора[2]. Одним из восприемников новорожденной был Дмитрий Григорьевич Ижболдин.

Вышеупомянутый Д.Г. Ижболдин, Е.Е. Емельянов, а также Д.И. и Н.Д. Стахеевы, контроль над своими екатеринбургскими владениями осуществляли с помощью доверенных и приказчиков, среди которых было немало выходцев из Вятской губернии. Например, елабужский купец Е.Е. Емельянов, позднее ставший московским купцом, управление своим екатеринбургским магазином доверил елабужской купеческой вдове О.И. Досмановой и ее сыновьям Петру и Федору. Ольга Ивановна, которая 11 февраля 1882 г. приписалась в екатеринбургское купечество, сумела существенно пополнить отряд местных купцов, поскольку в гильдейские документы она внесла не только себя и сыновей, но также сноху, 5 внуков и 7 внучек. Позднее численность семьи Досмановых еще более возросла.

Часть вятских купцов предпочитали иметь среди доверенных своих родственников. Именно так поступил Дмитрий Иванович Стахеев, который одним из своих доверенных в Екатеринбург назначил Владимира Яковлевича Атаманова (ок. 1845-12.09.1900). Являясь по сословной принадлежности мещанином г. Елабуги, Владимир Атаманов сумел произвести выгодное впечатление на своего патрона, который не только доверил ему возглавить екатеринбургский филиал стахеевской фирмы, но и благословил на брак со своей дочерью Надеждой (ок. 1850-11.11.1911). Возглавив филиал, молодой служащий ежегодно выезжал на Ирбитскую ярмарку, где весьма прибыльно торговал мануфактурными товарами. Ярмарочный товарооборот мануфактурной торговли Д.И. Стахеева порой достигал 800 тысяч рублей. Умело защищая интересы Д.И. Стахеева, Владимир Яковлевич не забывал и себя, постепенно собирая капитал необходимый для организации собственного дела.

Рост благосостояния отразился на социальном статусе: в 1871-1876 гг. Атаманов числился елабужским купцом 2-й гильдии, а, начиная с 26 ноября 1876 г., он уже являлся екатеринбургским купцом этой же гильдии. К этому времени Владимир Атаманов попробовал себя на предпринимательском поприще, получив в 1871 г. свидетельство на поиск золота в Оренбургской губернии, но, по-ви-

[1] ГАСО. — Ф. 6. — Оп. 9. — Д. 858. — Л. 22.
[2] Там же. — Д. 845. — Л. 70.

димому, этот род деятельности его быстро разочаровал: в дальнейшем он не упоминается среди уральских золотопромышленников.

Открытие Уральской горнозаводской железной дороги и железнодорожной станции «Екатеринбург I» навело Владимира Яковлевича на мысль о создании гостиницы в собственном каменном двухэтажном доме на Успенской улице под № 2/11. Эту идею он претворил в жизнь 28 сентября 1879 г. С конца 1879 г. в газете «Екатеринбургская неделя» стали регулярно появляться объявления следующего содержания: «Меблированные комнаты Атаманова в г. Екатеринбурге, открыты с 28 сентября 1879 года, от 1 руб. 25 коп. до 2 руб. 50 коп. в сутки, в собственном доме, на углу Успенской и Коробковской улиц. При комнатах можно пользоваться столом. Теплый ватер-клозет»[1].

Небольшая гостиница, рассчитанная сначала всего на 9 номеров, со временем приобрела популярность среди гостей Екатеринбурга. В одном из справочников об «Атамановских номерах» говорилось: «Относительная чистота и безусловная тишина — традиция владельца, здесь же имеющего свое пребывание»[2].

Основав гостиницу, Владимир Яковлевич вскоре взялся за осуществление новых бизнес-проектов. В январе 1882 г. он в подвале своего дома открыл торговлю виноградными винами. Кроме того, на рубеже 1870-х — 1880-х гг. Владимир Атаманов обзавелся домовыми лавочками, в которых продавались бумажные, суконные и шерстяные ткани, чай и сахар. Со временем эти торговые заведения трансформировались в бакалейный магазин и ренсковый погреб. Оборот последнего торгового заведения в 1892 г. составил 10 тысяч рублей, что являлось совсем неплохим показателем для екатеринбургских ренсковых погребов[3].

Имея собственное дело, В.Я. Атаманов не прекращал связи со Стахеевыми, оставаясь доверенным этой фирмы, по меньшей мере, до 1888 г., то есть до момента смерти Д.И. Стахеева. По крайней мере, в 1886 г. Владимир Яковлевич еще оставался доверенным Д.И. Стахеева. В 1886 г. епископ Екатеринбургский и Ирбитский Нафанаил посетил г. Ирбит. В своих путевых заметках он сделал следующую запись: «Было 6 часов, когда мы прибыли в Ирбит в дом елабужского купца Д.И. Стахеева по предварительному приглашению его доверенного купца В.Я. Атаманова. Дом этот так велик, что в нем могло бы поместиться учебное заведение, но он остается пустым во весь год, кроме этого месяца (февраль — В.М.), когда торгуют. Благодаря-благодарил я почтенного доверенного за такое прекрасное помещение, приготовленное для меня без стес-

[1] Екатеринбургская неделя. — 1880. — 13 февраля. — С. 24.
[2] Злоказов Л.Д., Семенов В.В. Старый Екатеринбург. Город глазами очевидцев. — Екатеринбург, 2000. — С. 302.
[3] ГАСО. — Ф. 532. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 1.

нения кого бы то ни было, без чего не могло бы обойтись, если бы пришлось остановиться в обывательском доме. Не медлил я благодарить телеграммой и достопочтеннейшего хозяина дома Д.И. Стахеева»[1].

Епископ Нафанаил прожил в ирбитском доме Д.И. Стахеева несколько дней, проводя вечера в беседах с В.Я. Атамановым, которого считал умным, деловым и дальновидным коммерсантом. В последний день пребывания в Ирбите епископ записал в путевом дневнике: «Дальнейший вечер прошел уже в сборах к отъезду и беседе с братом доверенного, тоже доверенным, но в зависимости от старшего брата, как давно служащего, в беседе о торговле, каковой занимался он прежде в Иркутске, какою занимается теперь в Томске. Оба брата доверенные настолько верные слуги своего господина-доверителя, насколько дай Бог быть всем верными слугами государя»[2].

Вполне вероятно, что при преемнике Д.И. Стахеева Николае Дмитриевиче Владимир Яковлевич продолжал представлять интересы стахеевской фирмы на Ирбитской ярмарке. Именно, таким образом, сложилась карьера младшего брата В.Я. Атаманова, Максима, упомянутого епископом Нафанаилом в своем путевом дневнике. В 1890-х гг. Максим Яковлевич возглавлял иркутский филиал стахеевской фирмы[3].

Успешная предпринимательская деятельность заметно повысила авторитет В.Я. Атаманова среди коллег по бизнесу. Коммерсанты, торгующие на Крестовско-Ивановской ярмарке близ Шадринска, избрали его в 1878 г. членом ярмарочного комитета. Этот пост Владимир Яковлевич занимал до 1887 г. На купца, имеющего репутацию честного и осведомленного человека, обратили внимание и банковские круги. В 1875 г. Владимир Яковлевич был избран членом временного учетного комитета Государственного банка на Ирбитской ярмарке, в 1878 г. он стал членом учетного комитета того же банка на Крестовской ярмарке, а 23 июня 1880 г. он вошел в состав учетно-ссудного комитета екатеринбургского отделения Госбанка.

Большинство этих постов Атаманов занимал очень продолжительное время. Например, членом комитета Госбанка на Ирбитской ярмарке он состоял около 14 лет. Являясь членом учетно-ссудных комитетов, Владимир Яковлевич занимался в основном, информированием банковских служащих о состоянии финансовых дел потенциальных клиентов Госбанка. Его безупречная деятельность на этом поприще не осталась незамеченной: 20 января 1878 г. Владимир Яковлевич был высочайше пожалован за заслуги по министер-

---

[1] Екатеринбургские епархиальные ведомости. — 1886. — 25 октября. — С. 857.

[2] Там же. — С. 934.

[3] Сибирский торгово-промышленный календарь на 1895 г. — Томск, 1895. — С. 444.

ству финансов золотой медалью «за усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте.

В этот же период Атаманов принимал активное участие в деятельности органов городского самоуправления и благотворительных организаций. Являясь в 1876-1891 гг. гласным городской думы Екатеринбурга, он по ее поручению в 1884-1888 гг. исполнял обязанности председателя попечительского совета городской богадельни. 7 сентября 1883 г. Владимир Яковлевич был избран почетным блюстителем епархиального женского училища. Занимая этот пост до самой смерти, он ежегодно делал пожертвования различными вещами. Например, в ноябре 1894 г. им было пожертвовано более 500 аршин холста (около 379 метров) для пошива рубашек и 446 аршин холста (около 317 метров) на полотенца.

Оказывая щедрую помощь епархиальному женскому училищу, Владимир Яковлевич одновременно сотрудничал с рядом общественных организаций. В частности, он состоял членом общества взаимного вспоможения приказчиков, благотворительного общества, епархиального комитета православного миссионерского общества, местного отдела императорского православного Палестинского общества. Кроме того, он долгие годы являлся церковным старостой Кафедрального Богоявленского собора, которому не раз оказывал материальную помощь. Например, в 1890 г. он приобрел полное облачение для священника и дьякона, в 1893 г. отремонтировал часть церковного помещения, а в 1899 г. подарил собору икону Знамения Божьей Матери, которая являлась копией с иконы Курской Божьей Матери.

Активная деятельность В.Я. Атаманова на церковном поприще обратила на себя внимание вышестоящих властей: в 1883 г. он был пожалован золотой шейной медалью на Аннинской ленте, в 1889 и 1896 гг. такими же медалями на Александровской и Андреевской лентах. Кроме того, за заслуги по духовному ведомству Владимир Яковлевич получил статус потомственного почетного гражданина.

В конце XIX в. Владимир Атаманов, решив расширить свой бизнес, начал на углу Главного проспекта и Успенской улицы строительство каменного трехэтажного дома гостиницы. После завершения строительных работ новые «Атамановские номера» разместились по адресу: Главный проспект, дом 19/6 (угол проспекта Ленина и улицы Вайнера, дом 19/6). В старом здании некоторое время продолжалась торговля бакалейными товарами и виноградными винами, а затем это помещение было отдано для размещения частной гимназии А.Е. Румянцевой. Прогимназия въехала в старый атамановский дом уже после смерти В.Я. Атаманова, скончавшегося в Москве 12 сентября 1900 г.

Наследники Владимира Яковлевича, вдова Надежда Дмитриевна, сыновья Николай и Сергей и дочь Надежда, учредили в том же 1900 г. товарищество «В.Я. Атаманова Наследники» с основным капиталом в

40 тысяч рублей. Во главе новой фирмы встал Сергей Владимирович (12.07.1873 — ?). Кстати сказать, восприемниками С.В. Атаманова при его рождении были елабужский купец Дмитрий Иванович Стахеев и елабужская купеческая вдова Мария Дмитриевна Пупышева.

Сергей Атаманов имел высшее образование. Окончив в 1891 г. гимназию в Екатеринбурге, он поступил на юридический факультет Петербургского университета, стены которого покинул в 1898 г., имея в кармане университетский диплом. В том же году он устроился на работу в Петербургскую контрольную палату, но карьера счетного чиновника продолжалась совсем недолго. 2 октября 1900 г. Сергей Владимирович вышел в отставку и вернулся в Екатеринбург, где стал распорядителем семейной фирмы.

Занявшись коммерческой деятельностью, Сергей Владимирович столкнулся с рядом трудностей. Кризис и промышленная депрессия, бушевавшие в России в начале XX в., а также призыв С.В. Атаманова в 1904 г. на военную службу, отрицательно сказались на делах товарищества «В.Я. Атаманова Наследники». Особенно сложно дело обстояло в области виноторговли, так как спрос на вина время от времени сильно падал. В декабре 1913 г. атамановская фирма прекратила виноторговлю и организовала распродажу товаров, которая достигла апогея в начале 1914 г.

Распродажа шла со значительными скидками. Так вина марок «Сотерн», «Серон», «Шато-Икем», «Сен-Жульен», «Шато-Лафит», «Божоле», «Шабли» продавались со скидками до 50 %, а на вина марок «Лафит», «Массандра», «Рислинг», «Сотерн», «Мадера» была установлена скидка в 40 %. Прекращение виноторговли оказалось шагом весьма своевременным, так как с началом Первой мировой войны повсеместно был введен «сухой закон».

К этому времени Атамановы сохраняли за собой здание на углу Главного проспекта и Успенской, занимаемое гостиницей и часовым магазином Анцелевича. Гостиница, продолжая оставаться одной из лучших в Екатеринбурге, действовала до 1919 г. В 1918 г. их невольными обитателями стали великая княгиня Елизавета Федоровна и несколько молодых великих князей, позднее казненных в Алапаевске.

После окончания гражданской войны С.В. Атаманов проживал в Свердловске, но никаких данных об этом его периоде жизни обнаружить не удалось. Следы Надежды и Николая Атамановых также затерялись.

В формировании екатеринбургского купечества во второй половине XIX-XX вв. важную роль сыграли выходцы из Вятской губернии, образовавшие более двух десятков екатеринбургских купеческих династий. Подтверждением этой тенденции служит судьба выходцев из Елабуги Атамановых, ставших екатеринбургскими купцами и занявшими на предпринимательском Олимпе Среднего Урала видное место.

Ю.И. Маслов
Елабужская средняя специальная школа милиции МВД РФ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ГАРАНТИИ В ОБЛАСТИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РФ

Введение законодательной основы нормативно-правового регулирования благотворительной деятельности в Российском государстве явилось результатом исторического развития страны, становления в обществе высоких моральных и духовных принципов, формирования правового сознания значительной части населения.

Принятие 11 августа 1995 года федерального закона РФ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» ознаменовало начальный этап становления правового регулирования правоотношений в данной сфере.

Нормы права, регулирующие правоотношения в области благотворительной деятельности содержатся в разнообразных по своей юридической силе нормативных правовых актах: Конституции РФ, Гражданском кодексе РФ, Налоговом кодексе РФ и в других законах, изданных как на федеральном, так и на уровне субъектов РФ.

Например, нормы федерального закона РФ от 11 ноября 2003 года № 138-ФЗ «О лотереях» предусматривают возможность целевых отчислений от лотерей для осуществления благотворительной деятельности[1].

Анализ действующего отраслевого законодательства РФ позволяет сделать вывод о том, что нормы, регулирующие благотворительную деятельность достаточны многообразны. В одних случаях они дозволяют, регламентируют, рекомендуют, поощряют и т.д., а в других, наоборот запрещают осуществление данной деятельности.

Благотворительная деятельность определяется как добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки[2].

Законодатель выделяет категории лиц, так или иначе принимающих участие в благотворительной деятельности.

---

[1] Федеральный закон Российской Федерации от 11 ноября 2003 года № 138-ФЗ «О лотереях». Ст. 11. [Электронный ресурс] / Консультант Плюс.

[2] Федеральный закон Российской Федерации от 11 августа 1995 года «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». Ст. 1. [Электронный ресурс] / Консультант Плюс.

Участники — лица, осуществляющие благотворительную деятельность.

Благотворители — лица, осуществляющие благотворительные пожертвования.

Добровольцы — граждане, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного труда в интересах благополучателя.

Благотворительная организация — неправительственная (негосударственная и немуниципальная) некоммерческая организация, созданная для осуществления благотворительной деятельности в интересах общества в целом или отдельных категорий лиц.

Благотворительная деятельность в РФ не является деятельностью всеобъемлющего характера, поскольку законодателем она поставлена в определенные рамки. Так, благотворительная деятельность может осуществляться только в целях:

– социальной поддержки и защиты граждан;

– подготовки населения к преодолению последствий стихийных бедствий и катастроф, к предотвращению несчастных случаев;

– оказания помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий, катастроф, социальных, национальных, религиозных конфликтов, жертвам репрессий, беженцам и вынужденным переселенцам;

– содействия укреплению мира, дружбы и согласия между народами, предотвращение социальных, национальных, религиозных конфликтов;

– содействия укреплению престижа и роли семьи в обществе; защиты материнства, детства и отцовства; деятельности в сфере образования, науки, культуры, искусства, просвещения, духовному развитию личности; деятельности в сфере профилактики и охраны здоровья граждан, пропаганды здорового образа жизни, улучшения морально-психологического состояния граждан; деятельности в сфере физической культуры и массового спорта;

– охраны окружающей природной среды и защиты животных;

– охраны и должного содержания зданий, объектов и территорий, имеющих историческое, культовое, культурное или природоохранное значение, и мест захоронения.

Правом на осуществление благотворительной деятельности обладают как физические, так и юридические лица. Свою деятельность они могут осуществлять как индивидуально, так и объединившись, с образованием или без образования благотворительной организации.

Безусловно, провозглашенное право на осуществление благотворительной деятельности не является абсолютным, поскольку в законодательных актах нередко содержится прямой запрет на осуществление такой деятельности. Например, в федеральном законе РФ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие

в референдуме граждан РФ» указывается: «Кандидаты, избирательные объединения, выдвинувшие кандидатов, списки кандидатов и иные лица в период избирательной кампании, кампании референдума не вправе заниматься благотворительной деятельностью»[1].

В федеральном законе РФ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ» указаны ограничения при проведении предвыборной агитации. Так, политические партии, выдвинувшие федеральные списки кандидатов, их доверенные лица и представители, кандидаты в период избирательной кампании не вправе заниматься благотворительной деятельностью, им запрещается обращаться к иным физическим и юридическим лицам с предложениями об оказании материальной, финансовой помощи или услуг избирателям[2].

Запрет установлен в федеральном законе РФ «О выборах Президента РФ». Согласно закону кандидаты, их доверенные лица и уполномоченные представители по финансовым вопросам, политические партии, выдвинувшие кандидатов, их доверенные лица и др., в период избирательной кампании не вправе заниматься благотворительной деятельностью[3].

В федеральном законе РФ «Об обеспечении конституционных прав граждан РФ избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» содержится запрет на осуществление благотворительной деятельности — со дня регистрации до подведения общих итогов голосования[4].

Вместе с тем в преобладающем своем большинстве нормы, регламентирующие благотворительную деятельность стимулируют, поощряют такую деятельность и в равной степени относятся и к гражданам РФ, и иностранным гражданам, лицам без гражданства и созданным ими организациям.

Например, в Налоговом кодексе РФ перечислены операции, не подлежащие налогообложению то есть, освобождаемые от налогообложения, в РФ, в частности, связанные с передачей товаров (выполнением работ, оказанием услуг) безвозмездно в рамках благотворительной деятельности[5].

---

[1] Федеральный закон Российской Федерации от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ». Ст. 56. [Электронный ресурс] / Консультант Плюс.

[2] Федеральный закон Российской Федерации от 18 мая 2005 года № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Ст. 62. [Электронный ресурс] / Консультант Плюс.

[3] Федеральный закон Российской Федерации от 10 января 2003 года № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации». Ст. 56. [Электронный ресурс] / Консультант Плюс.

[4] Федеральный закон Российской Федерации от 26 ноября 1996 года № 138-ФЗ «Об обеспечении конституционных прав граждан РФ избирать и быть избранными в органы местного самоуправления». Ст. 25. [Электронный ресурс] / Консультант Плюс.

[5] Налоговый кодекс РФ. Ст. 149. [Электронный ресурс] / Консультант Плюс.

Федеральный закон РФ «О порядке выезда из РФ и въезда в РФ» предусматривает возможность получения иностранным гражданином обыкновенной гуманитарной визы, которая выдается иностранному гражданину, въезжающему в РФ в целях осуществления благотворительной деятельности[1]. Федеральный закон РФ «О правовом положении иностранных граждан в РФ» освобождает иностранного гражданина от уплаты государственной пошлины за продление срока его временного пребывания в РФ, если он занимается благотворительной деятельностью[2].

Указ Президента РФ «О государственных наградах РФ» предусматривает награждение граждан РФ, иностранных граждан, а также лиц без гражданства за выдающиеся заслуги в области благотворительной деятельности в государстве[3].

Наиболее значительной является благотворительная деятельность благотворительных организаций как российских, так иностранных и международных, что ни в коей мере не умаляет достоинства индивидуальных лиц, безвозмездно вносящим свои сбережения, имущество и другими способами оказывающим посильную благотворительную помощь отдельным категориям граждан. Это связано с тем, что деятельность многих благотворительных организаций носит системный, постоянный характер.

Благотворительные организации должны создаваться в формах общественных организаций (объединений), фондов, учреждений и в иных формах, и в обязательном порядке подлежат государственной регистрации. Важным является то, что виды форм благотворительных организаций должны устанавливаться только федеральными законами.

Например, федеральный закон РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях» наделяет религиозные организации правом осуществлять благотворительную деятельность как непосредственно, так и путем учреждения благотворительных организаций[4].

Следует отметить, что органы государственной власти, местного самоуправления, государственные и муниципальные унитарные предприятия, государственные и муниципальные учреждения не могут выступать учредителями благотворительных организаций.

---

[1] Федеральный закон Российской Федерации от 15 августа 1996 года № 114-ФЗ «О порядке выезда из РФ и въезда в РФ». Ст. 25.6. [Электронный ресурс] / Консультант Плюс.

[2] Федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ». Ст. 19. [Электронный ресурс] / Консультант Плюс.

[3] Указ Президента РФ от 2 марта 1994 года № 442 «О государственных наградах РФ». [Электронный ресурс] / Консультант Плюс.

[4] Федеральный закон Российской Федерации от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Ст. 18. [Электронный ресурс] / Консультант Плюс.

В качестве источников формирования имущества благотворительной организации законодателем названы: взносы учредителей благотворительной организации; членские взносы; благотворительные пожертвования; доходы от внереализационных операций; доходы от разрешенной законом предпринимательской деятельности; доходы от деятельности хозяйственных обществ, учрежденных благотворительной организацией; труд добровольцев; иные не запрещенные законом источники[1].

В собственности благотворительной организации могут находиться здания, сооружения, оборудование, денежные средства, ценные бумаги, информационные ресурсы, другое имущество, результаты интеллектуальной деятельности.

Деятельность всех без исключения благотворительных организаций должна быть гласной. Сведения о размерах и структуре доходов благотворительной организации, о размерах ее имущества, расходах, численности работников, об оплате их труда и о привлечении добровольцев не могут составлять коммерческую тайну.

Федеральный закон РФ «О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом» предусматривает возможность общественным фондам, образованным в РФ, оказывать финансовую и материальную поддержку соотечественникам и их организациям[2]. Следовательно, благотворительная деятельность может осуществляться как на территории РФ, так и за ее пределами, на основе норм российского законодательства и норм международного права.

Законодательство в области благотворительной деятельности, созданное в РФ, носит системный, постоянный характер. Оно наделяет органы государственной власти РФ не только контрольными функциями, но и обязывает их поощрять благотворительную деятельность физических и юридических лиц РФ, предоставляя и непосредственно реализуя те государственные гарантии, которые содержатся в отраслевом законодательстве.

---

[1] Федеральный закон Российской Федерации от 11 августа 1995 года «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». Ст. 15. [Электронный ресурс] / Консультант Плюс.

[2] Федеральный закон Российской Федерации от 24 мая 1999 года № 99-ФЗ «О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом». Ст. 23. [Электронный ресурс] / Консультант Плюс.

А.А. Султанов
Елабужский государственный педагогический университет

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Основой существования и развития общества является материальное производство — процесс воспроизводства материальных и духовных богатств, включающий производство, распределение, обмен и потребление. Благодаря производству, создаются потребительная стоимость и новая стоимость. Экономическая деятельность направлена на удовлетворение потребностей человека в пище, жилье, одежде, других материальных и духовных благах, т.е. обеспечение его жизнедеятельности. В более широком плане она связана с экономической эффективностью, экономическим ростом, полной занятостью, стабильным уровнем цен, экономической свободой и материальной обеспеченностью. Содержание экономической деятельности предопределяет смысл и назначение других видов деятельности: хозяйственной, предпринимательской и коммерческой.

Предпринимательская деятельность связана с предпринимательским риском, новыми подходами к управлению, новаторством, использованием научных достижений, динамической неопределенностью и всегда направлена на систематическое получение прибыли. Предпринимательство — одна из форм деятельности человека, т.е. форма проявления его активности, определенное поведение. Предпринять — значит начать делать что-нибудь, приступить к чему-нибудь. Когда мы говорим «предприимчивый человек», то имеем в виду умеющего сделать что-либо в нужный момент, находчивого, изобретательного, практичного человека. Люди, которые осуществляют такую деятельность, называются предпринимателями.

Право гражданина заниматься предпринимательской и любой иной, не запрещенной законом деятельностью составляет содержание гражданской правоспособности. Для того чтобы реализовать это право, гражданин должен обладать так называемой предпринимательской дееспособностью, т.е. способностью самостоятельно, инициативно и профессионально осуществлять предпринимательскую деятельность и исполнять все обязанности, возникающие в связи с ее осуществлением.

Предпринимательская дееспособность гражданина возникает по достижении им восемнадцатилетнего возраста, т.е. с момента, когда он становится полностью дееспособным. Таким образом, гражданин, достигший 18-летнего возраста, а в случаях и в порядке,

установленных законом, и до 18 лет, вправе заниматься предпринимательской деятельностью.

На территории России предпринимательской деятельностью могут заниматься как граждане Российской Федерации, так и иностранные граждане и лица без гражданства. Для отдельных категорий граждан законами Российской Федерации установлен запрет на занятие самостоятельной предпринимательской деятельностью.

При этом в одних случаях закон исходит из несовместимости предпринимательства с общественным положением лица. В частности, Закон Российской Федерации «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» запрещает должностным лицам органов государственной власти и государственного управления заниматься самостоятельной предпринимательской деятельностью. В Федеральном Законе Российской Федерации от 31 июля 1995 года «Об основах государственной службы Российской Федерации» сказано, что «государственные служащие не вправе заниматься предпринимательской деятельностью лично или через посредников».

В Законе Российской Федерации «О милиции» записано, что сотрудникам милиции запрещается заниматься любыми видами предпринимательской деятельности, работать по совместительству на предприятиях, в учреждениях и организациях, но данный запрет не распространяется на творческую, научную и преподавательскую деятельность. Аналогичный запрет содержится в Законе Российской Федерации «О военнослужащих». Самостоятельной предпринимательской деятельностью не вправе заниматься судьи, работники прокуратуры, сотрудники органов федеральной службы безопасности и т.д.

В других случаях запрет на занятие предпринимательской деятельностью является результатом наказания. Например, в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации незаконное предпринимательство в сфере торговли наказывается наряду с лишением свободы или штрафом еще и лишением права заниматься предпринимательской деятельностью в торговле на срок до пяти лет.

Помимо достижения определенного возраста занятие предпринимательской деятельностью требует наличия определенных профессиональных навыков и профессиональной подготовки. Некоторые законы и иные правовые акты, регламентирующие порядок осуществления той или иной деятельности, содержат квалификационные требования, предъявляемые к гражданам, желающим заниматься такой деятельностью.

К гражданам, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования, применяются правила Гражданского кодекса РФ, которые регулируют деятельность коммерческих юридических лиц. Это означает, что индивидуальный предприниматель

вправе заниматься любыми видами предпринимательской деятельности, не запрещенными законом. Вместе с тем отдельными видами деятельности, перечень которых должен быть определен законом, он может заниматься только на основании специального разрешения (лицензии).

Индивидуальный предприниматель, как и коммерческое юридическое лицо, действует от своего имени и совершает любые, не запрещенные законом торговые сделки, т.е. те сделки, которые связаны с осуществлением предпринимательской деятельности, совершаются систематически или постоянно и направлены на получение прибыли.

Индивидуальный предприниматель отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, за исключением того имущества, на которое в соответствии с гражданским процессуальным законодательством не может быть обращено взыскание. Более того, индивидуальный предприниматель, не исполнивший или ненадлежащим образом исполнивший обязательство, связанное с осуществлением предпринимательской деятельности, несет ответственность независимо от вины. Он освобождается от ответственности только в том случае, если докажет, что надлежащее исполнение обязательства оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы.

В статье 34 Конституции РФ в числе конституционных прав и свобод человека и гражданина закреплено право каждого «на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности».

Предпринимательская деятельность составная часть экономической деятельности. Вне экономической деятельности не может быть предпринимательской деятельности. Иными словами, любая предпринимательская деятельность есть экономическая деятельность, которая тесно связана с рынком, товарно-денежными отношениями. В соответствии со статьей 8 Конституции РФ государство гарантирует единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности.

Предпринимательство — такая система хозяйствования, при которой главным ее субъектом является предприниматель как движущая сила и посредник. Он рационально соединяет материальные и людские ресурсы, организует процесс воспроизводства и управляет им на основе предпринимательского риска, экономической ответственности за конечный предпринимательский результат — получение прибыли. Коммерческая деятельность (коммерция) — это вид предпринимательской, хозяйственной, экономической деятельности, связанный с торговлей, товарооборотом.

Предпринимательство — самостоятельное, многоплановое и комплексное явление современной социально-экономической жизни. Оно выполняет самые разнообразные функции в современной жизни общества. Поэтому анализ и изучение предпринимательства возможны с самых разных позиций. Оно должно быть исследовано как комплексное междисциплинарное явление на стыке философии, социологии, экономики, психологии и, конечно, юриспруденции.

Каждая из названных отраслей знания изучает свои аспекты предпринимательства. Поэтому единого (для всех наук) общепринятого определения (понятия) предпринимательства нет. В то же время никто не сомневается в существовании этого феномена в реальной и, прежде всего, в социально-экономической сфере общества. В основе предпринимательства лежит созидательный акт открытия новых прибыльных возможностей в экономической сфере жизнедеятельности человека.

Первым лицом, исследовавшим предпринимательство, является И.Т. Посошков, издавший в 1724 г. свой знаменитый труд «Книга о скудости и богатстве». Современное предпринимательство рассматривается как попытка управленческой реализации некоторых положений социальной модели роста. Исходя из этого предпринимательство конца XX — начала XXI в. можно определить как поиск и разработку новых технологических, организационных, рыночных возможностей, стимулирующих массовое новаторство.

Широкое распространение за рубежом и в России получило понятие «бизнес». Английский предприниматель А. Хоскинг в своей книге «Курс предпринимательства» определил бизнес как «деятельность, осуществляемую частными лицами, предприятиями или организациями по извлечению природных благ, производству или приобретению и продаже товаров или оказанию услуг в обмен на другие товары, услуги или деньги к взаимной выгоде заинтересованных лиц или организаций». Представляется, что по своей сути бизнес и предпринимательство — довольно близкие понятия. Однако имеется определенный смысл в том, чтобы все же различать их. Предпринимательство — это вид деятельности (частный случай бизнеса), тесно связанный с личностью человека-предпринимателя, который осуществляет бизнес, затевая новое дело, реализуя некоторое нововведение, вкладывая собственные средства в новое предприятие и принимая на себя личный риск.

В Советском Союзе осуществление предпринимательской деятельности было связано с принятием Законов СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности» (1986 г.), «О кооперации в СССР» (1988 г.), «Об общих началах предпринимательства граждан в СССР» (1991 г.). Лучшее регулирование предпринимательство получило в законодательстве Российской Федерации — в зако-

нах РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» (1990 г.) и «О регистрационном сборе с физических лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, и порядке их регистрации» (1992 г.), которые прямо и непосредственно были посвящены вопросам предпринимательства.

Легализация частной собственности, многообразие форм собственности относятся к числу главных, непременных условий развития предпринимательства. Закон СССР «О собственности в СССР» в п. 2 ст. 1 впервые прямо разрешил всем собственникам, а значит и гражданам, использовать принадлежащее им имущество для любой хозяйственной или иной деятельности, не запрещенной законом. В сочетании с правом использовать труд других граждан при осуществлении своего права собственности (п. 4 ст.1) он, по сути, открыл путь к возрождению различных форм частнопредпринимательской деятельности как источника образования частной собственности отдельных граждан. Поэтому вполне логичным представляется принятие в 1991 г. Закона СССР «Об общих началах предпринимательства граждан в СССР». Объектами права частной собственности граждан становятся предприятия и иные имущественные комплексы, здания, сооружения, оборудование, транспортные средства, иные средства производства и любое другое имущество производственного назначения.

Конституция РФ 1993 г. признает и защищает равным образом частную, государственную, муниципальную и иные формы собственности (ч. 2 ст. 8); в Российской Федерации «земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности» (ч. 2 ст. 9).

Это положение получило свое отражение в ст. 18 Гражданского кодекса РФ, которая, посвящена содержанию правоспособности граждан, закреплено их право «иметь имущество на праве собственности... заниматься предпринимательской и любой иной не запрещенной законом деятельностью; создавать юридические лица самостоятельно или совместно с другими гражданами и юридическими лицами; совершать любые не противоречащие закону сделки и участвовать в обязательствах...».

Непременным условием предпринимательства, закрепленным в ч. 1 ст. 37 Конституции РФ, также является свобода труда: «Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию». Граждане Российской Федерации, имеющие право владеть имуществом как частной собственностью и право на свободное ее использование для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, свободны в выборе распоряжения своими способностями к труду. Для этого существуют — многообразие форм собственности; право на занятие предпринимательской

деятельностью; свобода трудовой функции. В совокупности это — фундаментальные экономико-правовые основы (условия) возникновения и развития предпринимательства в любом обществе.

Гражданское законодательство содержит легальное определение предпринимательской деятельности: «...Предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке» (абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ).

Результаты предпринимательской деятельности возникают как следствие производственного пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Деятельность в указанной сфере может быть признана предпринимательской, если она соответствует признакам, закрепленным в законодательстве. Такими признаками являются: 1) систематичность; 2) самостоятельность осуществления предпринимательской деятельности; 3) характер риска; 4) направленность на получение прибыли.

Систематичность и постоянство предпринимательской деятельности включены в качестве квалифицирующих признаков ее легального определения. При этом признак систематичности установлен применительно к двум компонентам данного понятия. Во-первых, систематичности самой деятельности. Для того, чтобы быть признанной предпринимательской, она должна осуществляться постоянно и систематически. Во-вторых, систематическим должно быть получение прибыли.

Признак постоянства и систематичности свидетельствует о том, что данная деятельность осуществляется в течение определенного, скорее всего длительного или даже не определенного временными рамками периода с известной повторяемостью выполняемых действий. При этом конкретные фактические действия (операции), составляющие содержание предпринимательской деятельности, характеризуются целенаправленностью в достижении конкретного конечного предпринимательского результата. В материальном плане это выражается в пользовании имуществом, продаже товаров, выполнении работ или оказании услуг. Важно также, чтобы эти конкретные фактические действия (операции) были направлены именно на получение прибыли, а не использовались просто в целях личного потребления материальных благ.

Самостоятельность предпринимательской деятельности означает свободу в выборе направлений и методов работы, независимое принятие решений, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, беспрепятственное осуществление прав, обеспечение их соблюдения, их судебную защиту. Предприниматель действует по своей воле и в своем интересе. Он сво-

боден и автономен в определении любых не противоречащих законодательству условий договора, в установлении на его основе своих прав и обязанностей. Самостоятельность предпринимателей выражается также в личном риске и личной имущественной ответственности. Ответственность предпринимателя является повышенной. На него возлагаются неблагоприятные последствия, возникшие не только по его вине, но и в иных случаях; только непреодолимая сила служит основанием освобождения его от ответственности (п. 3 ст. 401 ГК РФ). В этом выражаются основные начала частноправового (гражданско-правового) регулирования предпринимательской деятельности.

В то же время деятельность предпринимателя может быть ограничена определенными рамками, однако ограничения могут вводиться только на основании федерального закона и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (п. 2 ст. 1 ГК РФ). Это основные начала публично-правового регулирования предпринимательской деятельности. Так создается режим правового регулирования предпринимательской деятельности на основе гармоничного сочетания публичных и частных интересов.

Предпринимательская деятельность неизбежно связана с риском, который является ее квалифицирующим признаком. Термин «риск» (risco) в переводе на русский язык означает «скала», или «отвесная скала». Испанские и португальские мореплаватели и рыбаки этим словом обозначали опасность, угрожающую их кораблям. В этом значении — «опасность» или «угроза опасности», — слово «риск» укоренилось в русском языке. Именно в смысле опасности, страха, угрозы, связанных с неизбежностью несения невыгодных материальных последствий, слово «риск» в специальном его значении используется в праве.

Риск характеризуется как правомерное создание опасности как потенциальной, так и реальной в целях получения прибыли, достижения любого другого предпринимательского результата, недостижимого при использовании обычных, нерискованных средств. Для риска характерна ситуация, отличающаяся большей или меньшей степенью неопределенности результатов. Рискующий предприниматель при решении каких-либо задач не в состоянии однозначно предвидеть, добьется он успеха или нет, получит ли он прибыль или понесет убыток. И, как правило, чем выше степень риска, тем больше шанс на получение высоких прибылей. Большой успех без риска в предпринимательской деятельности — явление чрезвычайно редкое. При этом следует подчеркнуть, что категорию предпринимательского риска следует не путать с добросовестной некомпетентностью. В последнем случае неблагоприятные последствия яв-

ляются не результатом рисковой деятельности, а следствием недостаточности знаний в той или иной сфере предпринимательства.

Иногда в договорах оговариваются условия, связанные с риском: момент перехода риска случайной гибели или порчи товара от продавца к покупателю в договорах купли-продажи и поставки; риски, связанные с разрушением, потерей, кражей, преждевременным износом, порчей или повреждением предмета аренды и лизинга и т.д.; освобождение сторон от ответственности при непреодолимой силе (форс-мажорные обстоятельства), распределение случайных убытков и др.

Согласно закону об организации страхового дела в РФ страховым риском является предполагаемое событие, обладающее признаками вероятности и случайности. Статья 933 ГК РФ, хотя и озаглавлена «Страхование предпринимательского риска», однако не раскрывает это понятие. В п. 2 ст. 929 ГК РФ «Договор имущественного страхования» предпринята попытка определения предпринимательского риска: «По договору имущественного страхования могут быть, в частности, застрахованы следующие имущественные интересы: ...риск убытков от предпринимательской деятельности из-за нарушения своих обязательств контрагентами предпринимателя или изменения условий этой деятельности по не зависящим от предпринимателя обстоятельствам, в том числе риск неполучения ожидаемых доходов — предпринимательский риск» (ст. 933).

Предпринимательский риск в литературе определяется как деятельность предпринимателя на рынке в ситуации неопределенности относительно вероятного получения прибыли или убытков, когда принимающий решение, не будучи в состоянии однозначно предвидеть, добьется он прибыли или понесет убытки, оказывается перед выбором какого-либо из альтернативных вариантов решения. Предпринимательский риск в широком смысле можно определить как психическое отношение предпринимателя к результату собственной деловой активности или активности других лиц, а также к результату объективно случайных событий, выражающееся в осознанном допущении отрицательных имущественных последствий.

Правовая категория предпринимательского риска представляет собой инструмент, позволяющий своевременно и эффективно регулировать имущественные отношения, возникающие вследствие превращения возможной опасности в действительность. Это позволяет практически использовать правовую категорию риска как основание защиты субъектов предпринимательской деятельности.

В юриспруденции наряду с понятием «риск» употребляется понятие «рисковать». Рисковать — значит допускать, предполагать несение (принятие) невыгодных последствий от возможного результата правомерных, либо объективно случайных, либо объективно недопустимых действий или событий. Отсюда и употребляе-

мый в праве термин «нести риск». Нести риск — по существу, значит рисковать.

Систематическое получение прибыли, согласно легальному определению предпринимательской деятельности, — основная ее цель. Однако в литературе нередко утверждается, что отличительной чертой предпринимателя является новый тип мотивации — потребность достигать (добиваться) успеха. Соглашаясь, в принципе, с постановкой вопроса о том, что «не хлебом единым жив человек», в том числе и предприниматель, отметим все же, что получение прибыли — главный побудительный мотив предпринимательства. Без получения прибыли всякое предпринимательство теряет свой изначальный смысл. В рыночной экономике не может быть товара или услуги, иного блага, не опосредуемого, не признаваемого рынком. И только на рынке, в конечном счете, предприниматель реализует свой продукт и получает прибыль, основу его дальнейшей предпринимательской деятельности.

Прибыль — основной стимул, генератор предпринимательства. Это категория исключительно рыночных отношений, ибо вне рынка прибыли быть не может. Прибыль — понятие в большей степени экономическое, нежели правовое. Однако в силу того, что систематическое получение прибыли указано в качестве одного из признаков легального определения предпринимательской деятельности, необходимо, насколько это возможно, дать и правовую характеристику данного квалифицирующего признака предпринимательства.

Прибыль представляет собой разницу между полученным доходом и произведенными расходами. Понятие прибыли в действующем законодательстве РФ определено в ст. 247 Налогового кодекса РФ, посвященной объекту налогообложения и порядку исчисления облагаемой прибыли, согласно которой объектом налогообложения по налогу на прибыль организаций признается прибыль, полученная налогоплательщиком.

Структура суммы, которая выступает в качестве необходимых издержек, регулируется Налоговым кодексом РФ. Следует отметить, речь идет не только о фактическом получении прибыли, что презюмируется, а о направленности деятельности на систематическое получение прибыли. Следовательно, прибыли в результате такой деятельности может и не быть, но она будет признаваться предпринимательской со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Признак систематического получения прибыли в определение предпринимательства был введен с целью отличить получение доходов гражданином-непредпринимателем в результате использования своего имущества (ст. 209 ГК РФ) от получения прибыли гражданином-предпринимателем.

Представляет интерес более развернутая характеристика понятия «коммерсант» (в определенном смысле аналог «предпринимате-

ля» по российскому законодательству), данная в Германском торговом уложении (ГТУ). Принятое около ста лет назад, оно не потеряло актуальности и в наши дни. Первый раздел первой книги ГТУ называется «Коммерсанты». В шести параграфах данного раздела дается определение различных видов коммерсантов: коммерсант по обязанности — тот, кто занимается торговым промыслом; коммерсант по необходимости — ремесленное или иное промысловое предприятие, чья промысловая деятельность хотя и не считается торговым промыслом, но по виду и объему требует делового обзаведения, налаженного коммерческим образом, если фирма предприятия зарегистрирована в торговом реестре; коммерсант по желанию — для предприятий в сельском и лесном хозяйстве, когда предприниматель имеет право, но не обязан зарегистрироваться в торговом реестре; мелкий коммерсант — лицо, чье промысловое предприятие по виду и объему не требует делового обзаведения, налаженного коммерческим образом.

В легальном определении предпринимательской деятельности, данном в ГК РФ, перечисляются возможные направления этой деятельности. Систематическое получение прибыли предпринимателем достигается от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Перечень направлений и сфер предпринимательской деятельности сформулирован в ГК РФ как исчерпывающий. В рыночной экономике направления и сферы предпринимательской деятельности определяются прежде всего потребностями рынка. Востребованность рынком того или иного вида, направления и сферы предпринимательской деятельности будет, несомненно, реализована предпринимателем.

В литературе к признакам предпринимательской деятельности иногда относят и ее легализованный характер. Речь идет о необходимости регистрации в соответствующих государственных органах в качестве предпринимателя: юридического лица или гражданина-предпринимателя без образования юридического лица, в качестве индивидуального предпринимателя либо главы крестьянского (фермерского) хозяйства (ст. 23 ГК РФ). Порядок государственной регистрации, представляющей, по сути, публично-правовые отношения, применительно к юридическим лицам определен в Законе о регистрации юридических лиц, применительно к гражданам-предпринимателям — в Законе о регистрационном сборе.

Государственная регистрация — важный момент становления статуса предпринимателя. Но она не является сущностным признаком предпринимательской деятельности. Это, скорее всего, условие законного (надлежащего) предпринимательства. Предпринимательская деятельность иногда ведется и без государственной регистрации. В таком случае закон установил четкое правило: гражданин, осуществляющий предпринимательскую деятельность без об-

разования юридического лица, без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, не вправе ссылаться в отношении заключенных им при этом сделок на то, что не является предпринимателем. К таким сделкам суд может применить специальные правила, установленные в Гражданском кодексе для обязательств, связанных с предпринимательской деятельностью (п. 4 ст. 23 ГК РФ). Речь идет о повышенной юридической ответственности предпринимателей (см. п. 3 ст. 401 ГК РФ «Основания ответственности за нарушение обязательств» и др.).

В уголовном законодательстве установлена ответственность за незаконное предпринимательство. Подчеркнем именно незаконность предпринимательства. Главным признаком данного состава преступления является «осуществление предпринимательской деятельности без регистрации либо без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно, или с нарушением условий лицензирования, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением доходов в крупном размере» (ст. 171 УК РФ). Незаконная предпринимательская деятельность, как представляется, должна обладать всеми признаками предпринимательства, установленными в абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ. Но она осуществляется без условия, установленного государством: без регистрации в соответствующих государственных органах. Таковы легальные признаки и условия предпринимательской деятельности.

В литературе нередко формулируется еще несколько признаков, присущих предпринимательской деятельности, не указанных в легальном определении предпринимательства. Прежде всего, называется профессионализм предпринимательской деятельности, собственная ответственность предпринимателя, реже — новаторский, инновационный характер этой деятельности.

Необходимо отметить, что многие виды деятельности могут осуществляться только исключительно на профессиональной основе. Без соответствующих знаний, навыков, квалификации и опыта это просто невозможно. В таких случаях закон требует наличия соответствующего образования, удостоверяемого дипломом об окончании учебного заведения (банковская, медицинская деятельность, водители различных видов транспорта и др.). Для занятия некоторыми видами предпринимательской деятельности требуется сдача квалификационных экзаменов (арбитражный управляющий, профессиональный участник рынка ценных бумаги др.). Но во многих случаях, профессионализм предпринимательской деятельности может подтверждаться не только и не столько дипломом об окончании соответствующего учебного заведения, сколько успехом на рынке, достижением эффективных конечных предпринимательских результатов.

В истории предпринимательства известно немало случаев, когда люди, не обремененные вузовскими дипломами, достигали значительных успехов. Безусловно, предприниматель должен быть знатоком своего дела, ибо только в таком случае он может добиться успеха. Несомненно, мало что знающие и еще меньше умеющие люди вряд ли смогут выжить в конкурентной рыночной экономике.

Относительно собственной ответственности предпринимателя как признака предпринимательской деятельности необходимо отметить, что в законе РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» он содержался в легальном ее определении. Отсутствие же в ст. 2 ГК РФ указания на самостоятельную ответственность предпринимателя как на признак предпринимательской деятельности не означает отсутствия самой юридической ответственности. Вопросы ответственности предпринимателя в ГК РФ и иных нормативных актах регламентированы применительно к конкретным организационно-правовым формам предпринимательской деятельности и конкретным ее видам. Помимо гражданско-правовой ответственности, наступающей при нарушении предписаний гражданско-правовых норм, в случаях нарушения публично-правовых норм предприниматели несут иные виды ответственности — административную, уголовную и др.

Рассмотренные признаки предпринимательской деятельности, раскрывающие ее сущность как уникального социально-экономического феномена, в совокупности дают возможность квалифицировать таковую деятельность именно как предпринимательскую.

Е.А. Рядченко
Тольяттинский филиал Российского государственного гуманитарного университета

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: КУПЕЧЕСКИЙ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

В последнее время вырос интерес к социальной истории, предпринимательскому благотворению и меценатству. Обращение к проблемам, связанным с историей и развитием благотворительности в Самарском крае, оценка ее места и роли в общественной и культурной жизни региона, вызваны переосмыслением современного этапа развития. Время доказало известную истину, что наше прошлое определяет будущее, что без исторических знаний нарушается связь времен, прочность нравственной основы общества. Общество не может эффективно развиваться, не имея нравственных идеалов добра, достаточного потенциала душевной щедрости, примеров благотворения и меценатства. Современное общество испытывает заметный дефицит духовности, высокой нравственности, интеллигентности, элементарной воспитанности, милосердия и благотворительности, однако именно стабильное социальное развитие выступает главным показателем степени цивилизованности государства и общества. Поэтому стратегия улучшения качества жизни населения[1] становится важнейшим критерием оценки современного социального реформирования.

В данном исследовании предпринята попытка раскрыть многообразие видов, форм и подходов, использованных в практике предпринимательского благотворения в пореформенный период, их специфику с учетом региональных особенностей Среднего Поволжья.

Социальная особенность, историческая преемственность и уникальность благотворения этого времени заключается в том, что она родилась из опыта общественного призрения предшествующего этапа. Новое для России понятие «общественное призрение» появилось еще во второй половине XVIII века. Призреть от «призреть, призревать», т.е. обратить взор с вниманием, участием, сочувствием, милосердием; дать кому-либо приют и пропитание. Цель призрения — разумное и организованное обеспечение нуждающихся необходимым и предупреждение нищеты. Обществен-

[1] Жуков В.И. Социальное образование как фактор развития цивилизации. — М., 1996. — С. 6-7.

ное призрение, в отличие от частной благотворительности, есть организованная система помощи со стороны государства или общества — нуждающемуся населению[1]. Например, под контролем государственных учреждений в Самарской губернии действовали местные отделения Татьянинского комитета, местные комитеты Российского Общества Красного Креста, находившиеся в Самаре, Бугульме, Сызрани, местные отделения комитета ее императорского величества великой княгини Елизаветы Федоровны, заведения ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны, Алексеевский губернский комитет, местные отделения комитета великой княгини Марии Павловны, заведения местных отделений Ольгинского комитета[2]. В годы активного утверждения новых капиталистических отношений общество востребовало иные, новые формы и методы социальной политики и практики. Призрение нищих, престарелых, немощных испокон веков считалось делом человеколюбивым и богоугодным. В.О. Ключевский обращал внимание, что «наши предки любовь к ближнему понимали, прежде всего, в подвиге сострадания к страждущему, ее первым требованием признавали личную милостыню. Любовь к ближнему — это, прежде всего, накормить голодного, напоить жаждущего, посетить заключенного в темнице»[3].

Земское (1864) и Городовое (1870) Положения заботы об общественном призрении фактически полностью передали земствам и городам[4]. Существовавшие до этого приказы общественного призрения упразднялись, а их учреждения и частично капиталы передавались для управления и распоряжения земским и городским Управам[5]. Провозглашалось, что каждый город обязан содержать и не допускать до прошения милостыни своих нищих и «по телесным недугам не могущих работать». Городские общества обязывались следить за тем, чтобы бедным и неимущим людям предоставлялась работа, а неработоспособные отдавались на содержание родственникам или же помещались в богадельни, больницы и другие богоугодные заведения, содержащиеся за счет сословий и обществ[6].

Городское и губернское начальство в лице Самарского губернского Управления, Самарской и прочих городских Дум, городских Управ осуществляли контроль за деятельностью подведомственных организаций. К числу таких организаций относились: город-

---

[1] Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. — М., 1933. — Т. 33. — С. 443.

[2] Государственный архив Самарской области (ГАСО). — Ф. 170. — Оп. 1. — Д. 195. — Л. 725; Ф. 182. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 3; Ф. 808. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 1.

[3] Ключевский В.О. Добрые люди древней Руси. — М., 1915.

[4] Тольяттинский городской архив (ТГА). — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 17. — Л. 10.

[5] Энциклопедический словарь. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. — СПб., 1898. — Т. 25. — С. 175.

[6] Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах Империи. (Городское положение 16 июня 1870 г.). — СПб., 1877. — Т. 2. — С. 177.

ское бюро труда, городской комитет Земского союза, Самарское губернское совещание о помощи беженцам, Самарская организация помощи больным и раненым воинам, городские богадельни и приюты, общества охранения народного здравия[1]. Однако, недостаточная эффективность всех этих мер предопределялась слабой финансовой базой, а предпринятые попытки улучшить дела в общественном призрении не могли повлиять на коренное улучшение положения. Так, например, доля Московского городского Управления в расходах на бедных вне богоугодных заведений была очень невелика. Если не считать 37 920 рублей ежегодных процентов с пожертвованных для этой цели частных капиталов (805 228 рублей) и расходов на благотворительные заведения, основанные не самим городом, то его участие в деле призрения бедных ограничивалось отпуском комитету по разбору нищих 11 428 рублей и расходом на ночлежный дом в 10676 рублей, всего 22 104 рубля, что составляет менее 3 копеек с одного жителя[2].

Проведенный анализ социальных проблем страны на этом этапе позволяет сделать вывод о том, что в начале XX века «только 25 % всего бюджета русской благотворительности образуется из средств казны, земств, городов и сословных учреждений, 75 % — из средств частной благотворительности»[3]. Однако хотелось бы заметить, что благотворительность следует отличать от государственного призрения, поскольку забота о благосостоянии граждан является для государства не благодеянием, а его прямой обязанностью. Государственная система социальной помощи не могла удовлетворить население, она была слишком обременительна для скудной государственной казны, кроме того, казенная система общественного призрения отличалась черствостью и бездуховностью. Это обстоятельство побуждало добросердечных граждан к созданию частных и общественных благотворительных учреждений.

По мнению ряда исследователей, благотворительность для деловых людей России являлась определенной исторической традицией и даже типичной классовой чертой[4]. Как отмечает Е.П. Хорькова: «... необходимость благотворения становилась одним из ценностных и поведенческих стереотипов, постепенно закреплявшихся в пореформенные десятилетия в сознании российской буржуа-

---

[1] ГАСО. — Ф. 170. — Оп. 1. — Д. 195. — Л. 725.

[2] Сборник статей по вопросам, относящимся к жизни русских и иностранных городов (Из известий Московской Городской Думы за 1895 год, март-июнь). — М., 1895. — Вып. 1.

[3] Прохоров В.Л. Российское предпринимательское благотворение: социоисторический аспект (XIX-начало XX вв.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. — М., 2001. — С. 60.

[4] Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. — М., 1989. — С. 7; Зарубина Н.Н. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. — М., 1998. — С. 325.

зии»[1]. Под благотворительностью понимается проявление сострадания к ближнему и нравственная обязанность имущего оказать помощь неимущему[2]. Благотворительность как форма помощи, носит, в отличие от обязательного призрения, факультативный характер[3]. По мнению профессора И.Н. Березина, благотворительность — это «качество, побуждающее человека или общество помогать бедным, и вместе одна из мер противодействующих распространению бедности и ее явлений»[4]. «Благотворительность — вот слово с очень спорным значением и с очень простым смыслом... Чувство сострадания так просто и непосредственно, что хочется помочь даже тогда, когда страждущий не просит о помощи, даже тогда, когда помощь ему вредна или опасна»[5]. Велики и разнообразны потребности бедного класса населения, как неизмеримо велико человеческое горе и несчастье. Благотворители, идя навстречу этим потребностям, в состоянии удовлетворить лишь незначительную их долю. Но результаты благотворительной деятельности слагаются из суммы ежегодных ее подвигов и итогов. Купечество имело возможность оказать существенную поддержку многим поколениям людей несчастных, дать кров и накормить престарелых и голодных, предотвратить остающихся без призора детей от развращающего влияния улицы и направить их на путь трудолюбивой и честной жизни, а людей, одержимых физическими недугами, изъять из среды, для которой они были бременем и возвратить им прежнюю работоспособность или, по крайней мере, смягчить страдания[6].

Проблемы социальной помощи и защиты принимали различный характер не только в зависимости от экономического состояния, но и от уровня развития гражданского общества как главной помогающей силы в деле поддержки слабых, неимущих, обездоленных[7]. Расцвет благотворительности в Самарской губернии на рубеже веков был связан с деятельностью нескольких поколений купечества. Развивая свое дело, они ставили пред собой задачи его религиозного осмысления, видели необходимость поддержки образования, искусства и науки. Мы рассматриваем милосердие и благотворительность как фактор и историческую особенность российской цивилизации, стержневое качество характера русского наро-

---

[1] Хорькова Е.П. История предпринимательства и меценатства в России. — М., 1998. — С. 449.

[2] Энциклопедический словарь. — СПб., 1891. — Т. 4. — С. 55.

[3] Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. — М., 1922. — Т. 6. — С. 7.

[4] Русский энциклопедический словарь. — СПб., 1879. — С. 117.

[5] Ключевский В.О. Боярская Дума Древней Руси. — СПб., 1918.

[6] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. 642. — Оп. 1. — Д. 302. — Л. 2.

[7] Чернецов Н.В. Генезис и эволюция социального призрения в России (X-XIX вв.): Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1996.

да, которое он хранит на протяжении своей многовековой истории, это тот «духовный материал» из которого формируется своя особая самобытная культура[1]. Благотворительность, предпринимаемая во имя любви к ближнему и исходящая из непосредственного чувства к личности нуждающегося, приобретает кроме морального более широкое значение. Поднося нуждающимся готовые обеды, давая приют и попечение увечным, больным, одряхлевшим старикам и лицам беспомощным, благотворитель оказывает вместе с тем существенную помощь и семьям означенных лиц, освобождая эти семьи от обременительных расходов и забот и предоставляя им возможность не отвлекаться от повседневного труда. Этим путем умножается польза и значение благотворительности и не подлежит сомнению, что она способствует улучшению экономического положения более широких масс населения, а, следовательно, и улучшению благосостояния страны[2].

С 1862 года частная благотворительность находилась под контролем Министерства Внутренних Дел, где нужно было получать разрешения на принесение пожертвований, открытие богаделен, сиропитательных домов, больниц. При этом иногда ставились довольно жесткие условия. Так, при открытии нового богоугодного дела, благотворитель должен был полностью обеспечить его капиталом. Учреждающий стипендию или премию был обязан внести сразу в банк на особый счет всю сумму, проценты с которой обеспечивали бы выплату этих стипендий в течение года (так, если сумма стипендии составляла 400 рублей, то необходимо было единовременно вложить в банк 10 тысяч рублей)[3].

С учетом новых условий жизни в пореформенный период менялось и законодательство о пожертвованиях. Поскольку значительная их доля поступала на благотворительные нужды по завещаниям, 5 апреля 1869 г. были приняты временные правила, которые регламентировали в том числе исполнение духовных завещаний, предназначенных «на общественную пользу»[4] (в 1873 г. они были уточнены и скорректированы Высочайше утвержденным мнением Государственного совета «Об изменении порядка наблюдения за исполнением духовных завещаний о пожертвованиях на предмет общественной благотворительности или пользы»[5]).

Показательна в этом смысле история сиропитательного дома в г. Ставрополе. Ротмистр Венедикт Семенович Розлач завещал от-

---

[1] Прохоров В.Л. Российское предпринимательское благотворение: социоисторический аспект (XIX-начало XX вв.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. — М., 2001. — С. 16.

[2] ГАРФ. — Ф. 642. — Оп. 1. — Д. 302. — Л. 1.

[3] Бурышкин П.А. Москва-купеческая: Мемуары. — М., 1991. — С. 26.

[4] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание II. — Т. XLIV (1869). — № 46935.

[5] Там же. — Т. XLVIII (1873). — № 52701.

крыть в г. Ставрополе сиропитательный дом для призрения бедных, престарелых и неимущих. Для этой цели он оставил капитал до 8 000 рублей[1]. Из документов Ставропольской городской Думы следует, что до 1887 года сиропитательный дом не был открыт, во-первых, вследствие уничтожения пожаром предназначенных для него построек умершего Розлач, а во-вторых, за недостаточностью на новую постройку и содержание средств, которых накопилось к 1887 году 32 911 рублей 6 копеек[2]. Изучив все материалы дела и выводы общего Присутствия членов комиссии и городской Управы Ставропольской городской Думы, было принято решение немедленно приступить к постройке каменного сиропитательного дома на 16 человек[3]. «Немедленно приступить к исполнению желания умершего ротмистра В.С. Розлач, изложенного в духовном завещании, относительно открытия в г. Ставрополь сиропитательного дома на оставленный капитал... назначить под учреждение сиропитательного дома его имени, для призрения больных, престарелых и неимущих родственников жителей всех сословий г. Ставрополя мужского и женского пола»[4]. В постановлении городской Думы подчеркивалось, что «немедленное начатие постройки дома признается более целесообразным еще и потому, что с начатия постройки, во всяком случае, будут поступать частные пожертвования»[5]. Важно отметить, что значительное влияние на принятие решений городской Ставропольской Думы оказывали гласные-купцы, среди которых С.А. Киселев, В.М. Нестеров, И.С. Борисов и др.

Кроме того, еще с первой половины XIX века Ставропольский магистрат был фактически органом купеческого самоуправления, в его состав входили преимущественно купцы, общественно полезная деятельность которых уже обращала на себя внимание. Например, купец 3-й гильдии А.Д. Буторов реконструировал и перестроил сгоревшую в 1851 году городскую больницу, затратив 725 рублей из своих средств[6]. В целом благотворительность в Ставрополе и во всей губернии для провинции была довольно хорошо развита. Например, из акта ревизии местного общественного банка за 1882 год можно узнать о том, что на благотворительные цели было израсходовано 1 234 рубля 30 копеек[7]. В 1892 году в Бугульминском уезде Самарской губернии за один только март месяц было открыто 63 благотворительных заведения, из которых 45 составляли вре-

---

1 ГАСО. — Ф. 3. — Оп. 223. — Д. 10. — Л. 73.
2 Там же. — Л. 74.
3 Там же.
4 ТГА. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 18. — Л. 73.
5 ГАСО. — Ф. 3. — Оп. 223. — Д. 10. — Л. 75.
6 Лобанова Н.Г. Роль Ставропольских купцов в городском общественном самоуправлении // ТМ Менеджер. — Тольятти. — 1999. — № 2. — С. 5.
7 ТГА. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 17. — Л. 134.

менные дешевые столовые, 14 пекарней, 4 сельских попечительства, содержание которых осуществлялось, в том числе и на пожертвования представителей купечества[1].

Символично, что именно благотворительной акцией было ознаменовано торжество по случаю создания Самарской губернии. На рубеже веков Самара считалась одним из самых богатых городов. Говорили: «Самара богата богачами»[2]. На приеме было объявлено о том, что Торговый дом Плешанова пожертвовал на украшение храмов, пособие духовенству и бедным погорельцам 6 000 рублей серебром. Многие купцы приняли участие в благотворительной акции, среди них городской голова Самары В.И. Тепляков, братья А.Н. и Е.Н. Шихобаловы, П.М. Журавлев, Е.Н. Аннаев, Ф.С. Плотников, и организовали подписку на сбор средств для открытия в Самаре Алексеевского детского приюта (было собрано 2 977 рублей 15 копеек серебром)[3].

Значительных успехов на поприще благотворения добились купцы Шихобаловы. Основным объектом вкладов было строительство. Вот далеко неполный перечень заведений: больница на нужды города; Ильинская церковь в Самаре; Свято-Троицкий монастырь в Бузулуке; богадельни на Алексеевской и Уральской улицах, для лишившихся работы или для тех, кто по причине каких-либо физических недостатков не мог работать, А.Н. Шихобалов построил богадельню и странноприимный дом в 1893 году. Общая сумма затрат составила 90 тысяч рублей. Подарил каменный дом Самарскому Дому Труда (его еще называли домом трудолюбия), стоивший ему 15 тысяч рублей. Пожертвования в Константиновскую богадельню составили 25 тысяч рублей. Немало денег было вложено в организацию учебных заведений. За 60 тысяч рублей Антон Николаевич купил 600 десятин земли и построил на этой земле здание для ремесленного приюта на 30 человек. Сумма, вложенная в развитие коммерческого училища, составила 5 тысяч рублей. Кроме этого, с помощью пожертвований купца Шихобалова были построены дома призрения, приюты для детей, школы и ремесленные мастерские[4]. В 1894 году А.Н. Шихобалов стал членом Совета Александровской Общественной богадельни[5]. В последующие годы активная благотворительная деятельность была продолжена: в 1886 году он возглавляет попечительный совет по строительству Ильинской церк-

---

1 ГАСО. — Ф. 219. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 14.

2 Из истории российского предпринимательства (на примере крупнейших купеческих фамилий Самары). — Самара, 1992. — С.20.

3 Адрес-календарь Самарской губернии на 1870 год.— Самара, 1870; Адрес-календарь Самарской губернии на 1894 год. — Самара, 1894.

4 Антон Николаевич Шихобалов. Его жизнь, просветительные и благотворительные учреждения его имени. — М., 1912.

5 Адрес-календарь Самарской губернии на 1894 год. — Самара, 1894. — С. 68.

ви (была внесена сумма 80 тысяч рублей), организует строительство сельских школ[1]. Некоторые сельские церкви также были построены на деньги А.Н. Шихобалова, ведь ему принадлежало немало земель, а заботу о религиозном просвещении крестьян, живших на этих землях, как правило, брали на себя их хозяева. Так, на средства А.Н. Шихобалова, при деревне Булгаковке Оренбургской губернии была построена за 150 000 руб. церковь, в селе Грачевка Бузулукского уезда — обустроен Свято-Троицкий женский монастырь (2 000 десятин земли которого стоили Шихобалову 300 000 руб.). В селе Кувае Оренбургской губернии на его пожертвования были построены церковь и школа при ней. Общая стоимость постройки составила 19 800 рублей. Такая же церковно-приходская школа была создана в одном из сел Ардатского уезда Симбирской губернии за 10 000 рублей[2]. В целом общая сумма пожертвований А.Н. Шихобалова составила свыше 1 миллиона 300 тысяч рублей.

Другой самарский купец и известный благотворитель Е.Н. Аннаев в трех верстах от города построил дачу с садом, где открыл кумысолечебницу, которая была вторая по величине после здравницы Постникова. В постройку Аннаев вложил 70 тысяч рублей[3]. Именно Н.В. Постников (в 1858 г.) и Е.Н. Аннаев стали родоначальниками кумысолечебных заведений не только в Самарской губернии, но и в России. Еще в 60-80-е гг. кумысолечебницы стали открываться в Париже, Ницце, Висбадене, Каире.

Таким образом, Самара, благодаря двум лечебницам, получает, едва ли не мировую, известность, как одно из лучших мест лечения грудных болезней[4].

Купец И.М. Плешанов принимал активное участие в строительстве Кафедрального собора в Самаре. Он безвозмездно уступил принадлежащую ему землю под расширение Соборной площади, жертвовал для богадельни дома и деньги, на свои средства построил больницу[5].

Дома призрения, детские приюты, богадельни, трудовые дома, ремесленные мастерские были на втором месте после храмов, по количеству вложенных капиталов. Большой вклад в благотворительность Самары внес Д.В. Кирилов. На содержание Николаевского детского приюта, в котором находилось 60 девочек, он в 1872 году пожертвовал 1 000 рублей. Кирилов участвовал в комиссиях по ока-

---

[1] Адрес-календарь Самарской губернии на 1896 год. — Самара, 1896. — С. 57.

[2] Антон Николаевич Шихобалов. Его жизнь, просветительные и благотворительные учреждения его имени. — М., 1912.

[3] Из истории российского предпринимательства (на примере крупнейших купеческих фамилий Самары). — Самара, 1992. — С. 27.

[4] Дмитриев А. Дача купца Аннаева // Самарская старина. — 1998. — 2 сентября.

[5] Блок В. Самарское купечество и благотворительность // Деловая Самара. — 1993. — № 11.

занию помощи голодающим в 1873 и 1880 гг., контролировал выпечку хлеба из закупленного городом зерна, работу бесплатных столовых[1]. Купец А.И. Константинов в 1872 году построил «Константиновскую богадельню», на которую в разное время жертвовали свои средства и другие купцы. В 1887 г. купец С.Л. Аржанов пожертвовал на ее нужды 30 тысяч рублей в память о своих родителях и бабушке. В 1890 году вдова купца В.А. Сорокина. Е.Л. Сорокина пожертвовала в пользу богадельни 6 тысяч рублей. В 1887 году она же отдала на благотворительность 6 тысяч рублей, из которых три тысячи — на нужды дома умалишенных, две тысячи — в пользу женской общественной богадельни и одну тысячу — в молельню общества старообрядцев[2].

На третьем месте по вложению капиталов стояли памятники культуры и учреждения образования — Публичный и Художественный музеи, пополнявшиеся за счет частных коллекций Шихобаловых, Головкиных, Аржановых. Например, благодаря К.П. Головкину при Публичном музее была основана первая художественная коллекция, из которой в последствии вырос Самарский художественный музей[3], а коллекция картин художников-передвижников, принадлежавшая дочери Л.С. Аржанова — В.Л. Аржановой, стала украшением этого музея. Кроме того, купцы сдавали в аренду помещения для выставок самарских живописцев.

Значительные средства предпринимателей шли на нужды просвещения. Это направление предпринимательской благотворительности помимо прочих факторов имело под собой и объективную причину. Предприниматели, как хозяева и руководители промышленных или торговых заведений были заинтересованы в том, чтобы иметь высококвалифицированный персонал, способный овладеть новым оборудованием, новейшими приемами ведения хозяйства. Отсюда их заинтересованность в образовании, в первую очередь профессиональном: отчисления на школы, училища, институты, университеты[4]. Под устройство школы, библиотеки-читальни, столовой и детских площадок для рабочих и их семей Л.С. Аржанов передал свою дачу с садом, 2-х этажным домом и другими строениями.

Основным принципом благотворительной деятельности в Самарской губернии можно назвать принцип корпоративности, который базировался на оказании помощи определенным слоям жите-

---

[1] Казарин В. Общественные деятели Кириловы // Партнерство-С. — 2003. — № 9.

[2] Блок В. Самарское купечество и благотворительность // Деловая Самара. — 1993. — № 11.

[3] Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Персоналии. — Самара, 1993. — Т. 1. С. 34.

[4] Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая второй половины XIX-начала XX в. — Барнаул, 2001. — С. 170.

лей губернии. На таком принципе базировалась корпоративная общественная благотворительность в лице различных обществ вспоможения врачам, учителям, студентам и другим группам населения губернии. Частная благотворительность также использовала этот принцип, дополнив его еще сословностью[1]. В 1892 году купцы Новокрещеновы, по духовному завещанию купца Г.С. Новокрещенова пожертвовали в пользу купеческого сословия, находящуюся в их общем пользовании часть дворового места с каменным домом и другими постройками, на учреждение приюта для престарелых больных и бедных лиц купеческого сословия[2]. Однако, исследователи отмечают, материальные возможности купцов были настолько широки, что они вкладывали средства не только на помощь своему сословию, но и оказывали благотворительную помощь представителям всех сословий региона. В этом особенность благотворительности купечества[3].

Благотворительность поволжских предпринимателей-купцов была вызвана к жизни не только крупными капиталами и стабильными доходами, но и обусловлена такими причинами, как нравственные убеждения, благородное желание внести свой посильный личный вклад в дело помощи нуждающимся, христианское милосердие, человеколюбие, которое на деле значило нищелюбие. Благотворительность была не столько средством общественного благоустройства, сколько необходимым условием личного нравственного здоровья. Она была больше нужна самому нищелюбцу, чем нищему. Со времен Древней Руси благотворитель, «христолюбец», больше помышлял о том, чтобы добрым делом поднять уровень общественного благосостояния, чем о том, чтобы возвысить уровень собственного духовного совершенствования. В рай входят святой милостыней, — говорили на Руси. Нищий богатым питается, а богатый нищего молитвой спасается[4]. Поэтому «жертвователи» не стремились извлекать выгоду из своей деятельности на неоднократные предложения Городского головы обнародовать список благотворителей, чтобы затем выразить им благодарность Думы, гласные и в первую очередь гласные-купцы, «находили совершенно излишним оглашать означенный список»[5].

Таким образом, благотворительность была характерной чертой предпринимательского менталитета, и эти традиции сохранялись и продолжали развиваться. Однако, искреннее служение наро-

---

1 ГАСО. — Ф. 219. — Оп. 1. — Д. 1-4; Д. 93-99.

2 Там же. — Ф. 146. — Оп. 1. — Д. 50. — Л. 1.

3 Казанцева С.Г. Развитие благотворительности в Самарской и Симбирской губерниях во второй половине XIX — начале XX века: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. — Самара, 2000. — С. 16.

4 Власов П.В. Благотворительность и милосердие в России. — М., 2001. — С. 12.

5 ГАСО. — Ф. 175. — Оп. 1. — Д. 98. — Л. 77.

ду в форме благотворительности не снимает остроту социальных противоречий. Подлинная социальная ответственность предпринимателей состоит не только в обильных пожертвованиях на просвещение народа, но и в такой организации дела, которая обеспечивала бы трудящимся устойчивое имущественное положение, социальную защиту, возможности для образования и духовного роста. Исследования показывают, что только в начале XX в. предприниматели начали отказываться от меценатства и благотворительности в пользу непосредственной социальной защиты своих рабочих. Именно поэтому, подчеркивает Н.Н. Зарубина, необходимо, не ставя под сомнение полезность и благородство благотворительности, предостеречь от подмены ею подлинной социальной ответственности бизнеса. На Западе понятие «этика бизнеса» давно не ограничивается взаимоотношениями между предпринимателями, а включает в полном объеме взаимоотношения бизнеса и общества. Сюда входит, прежде всего, проведение социально-ответственной нравственной политики в области инвестиций и занятости, производства и охраны окружающей среды. Как показывает современная практика, именно в этих областях новое российское предпринимательство пока мало себя проявило и именно в таком направлении должна развиваться его социальная деятельность[1].

[1] Зарубина Н.Н. Российское предпринимательство: идеи и люди // Вопросы экономики. — 1995. — № 7. — С. 88.

А.А. Ганин
Музей «Симбирское купечество»
ФГУК ГИММЗ «Родина В.И. Ленина»

НЕКОТОРЫЕ МАЛОИЗВЕСТНЫЕ РОССИЙСКИЕ ЗАКОНЫ 1700-1721 ГГ. И ИХ ВЛИЯНИЕ НА КУПЕЧЕСТВО

Годы правления Петра I вошли в историю России как время усиленной европеизации страны. Меняя сложившийся уклад жизни, царь-реформатор проводил активную внешнюю политику, направленную на укрепление положения России в мире. Всем известно, что реформы Петра изменили уклад жизни в России. Длительное время рассматривали и учитывали только положительные последствия реформ. Я хотел бы показать и ряд негативных моментов принудительного реформирования страны «сверху», не умаляя их положительного значения.

Задача этого исследования — проанализировать влияние на купечество законодательных актов 1700-1721 гг., и выявить изменения в законодательстве, связанные с одновременным ведением Северной войны и проведением реформ.

Деятельность Петра Великого влекла за собой активное использование людских ресурсов и материальных средств. Одной из возможностей получения необходимых средств для ведения Северной войны стало обложение податных сословий, в том числе и купечества, дополнительными налогами и сборами. Так, облагались сборами хомуты (1 марта 1700 г.)[1] и «всякие крепости» (8 марта 1700 г.)[2], постоялые и наемные дворы (6 марта 1704 г.)[3]. Иногда вводились необычные сборы. Так, 15 сентября 1705 г.[4] был введен сбор с крестьян и купечества камней определенной величины на делание мостовой в Москве, а позже особый сбор на это же «дикого камня и песку»[5].

На что шли денежные сборы? 13 января 1710 года был введен сбор «... денег на наём подвод под Артиллерийские и иные припасы, с крестьянских дворов и с купеческих людей...»[6]; а 8 марта 1710 года временный сбор «... с купечества и крестьян на изготовление амуниции»[7]. 1 февраля 1720 г. был объявлен сбор денег на делание кана-

[1] Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). — СПб, 1830. — Т. 4. — С. 17-18.
[2] Там же. — С. 18.
[3] Там же. — С. 252-254.
[4] Там же. — С. 307-308.
[5] Там же. — С. 315-316.
[6] Там же. — С. 471.
[7] Там же. — С. 479-480.

лов с крестьян, однодворцев, купечества и разночинцев «по 6 алтын по 4 деньги со двора, а с купечества потому ж с рубля» [1]. Часто сборы отдавались на откуп, например, хомутный сбор в 1712 г. в Москве[2] и в Архангельске[3] (в последнем во время ярмарки).

При Петре I активно применялась откупная система. Царь-реформатор прекрасно понимал личную заинтересованность откупщиков и активно пользовался их услугами. Ведь даже за приложение печати к документу на откуп взималась особая «печатная пошлина» (24 июня 1702 г.)[4]. Примеры откупов можно привести следующие: были отданы на откуп торговые бани (7 января 1703 г.)[5], рыбные ловли (21 января 1704 г., 1 января 1705 г.)[6], таможенные и питейные сборы (29 октября 1707 г., 5 августа 1708 г.)[7], выше приведенные хомутные сборы и некоторые другие.

Всем известно, что при Петре I активно внедрялась западноевропейская одежда. Действительно, начало процесса было положено 4 января 1700 года распоряжением «О ношении платья на манер Венгерского»[8]. Затем последовали распоряжения: «О ношении всякого чина людям Немецкого платья и обуви, и об употреблении в верховой езде немецких сёдел» (30 декабря 1701 г.[9]); «О ношении платья всякаго чина людям Саксонского и Немецкого, о неделании Русского платья, о неторговании оным в рядах, и о штрафе за неисполнение сего указа» (22 декабря 1704 г.)[10]; знаменитый указ «О бритии бород и усов всякого чина людям, кроме попов и дьяконов, о взятии пошлины с тех, кто сего исполнить не захочет, и о выдаче заплатившим пошлину знаков» (16 января 1705 г.)[11]. С 17 декабря 1707 года немецкие платья и шапки стали клеймить[12], и за продажу неклейменых товаров стали жестко наказывать. «Именный» от 29 декабря 1714 года запретил торговать русским платьем и сапогами, а также запретил носить это платье и бороды[13], а торговые люди, нарушавшие этот запрет, были разысканы, биты кнутом и сосланы на каторгу.

Но западноевропейская одежда вводилась не везде. 2 декабря 1706 г. разрешили «сибирским жителям носить такое платье, какое

---

1 ПСЗРИ. — СПб, 1830. – Т. 6. — С. 123-124.
2 Там же. — Т. 4. — С. 782-786.
3 Там же. — С. 860-863.
4 Там же. — С. 197-198.
5 Там же. — С. 230-231, 231-232.
6 Там же. — С. 240-241, 276-279.
7 Там же. — С. 392-393, 412-415.
8 Там же. — С. 1.
9 Там же. — С. 182.
10 Там же. — С. 272-273.
11 Там же. — С. 282-283.
12 Там же. — С. 397.
13 Там же. — Т. 5. — С. 137.

кто пожелает, и при верховой езде употреблять прежния их сёдла»[1]. Связано это было, с одной стороны, со сложными погодными условиями Сибири, а с другой — с отдаленностью региона от центральной России.

Как ни странно, схожий процесс европеизации происходил и в судостроении. Раз и навсегда полюбив европейские суда, Петр I стремился везде их внедрить, не взирая на природные условия. Непростая ситуация складывалась на севере страны. Сложившиеся исторически типы судов, были приспособлены к суровым условиям северного судоходства. И внедрение других типов судов, приспособленных для плавания в более теплых водах, просто ставило под угрозу жизнь мореходов. Так, 28 декабря 1714 года последовал именной указ архангельскому вице-губернатору «О делании морским промышленникам, вместо ладей и кочей, гальотов и других новоманерных судов»[2]. 28 декабря 1715 г. вышел «именной» архангельскому вице-губернатору «О делании архангелогородским морским промышленникам галиотов, гукаров катов и флет»[3] (судам староманерным разрешалось плавать 2 года, максимум 3; нарушение каралось штрафом). 11 марта 1719 г. последовал указ архангельскому вице-губернатору «О строении мореходных судов по новому образцу» продолжил линию принятых ранее законодательных актов.

И все же на севере ситуация изменилась (кстати, как и ситуация с одеждой сибиряков). 9 апреля 1720 года вышел именной указ «О строении судов для плавания по рекам Двине и Сухоне»[4], который разрешал новоманерные суда в Архангельске не строить, продолжить строить «старым манером сплавные суда; понеже тот указ [от 2 апреля и 25 сентября 1718 г.] для Волги и в нее текущих рек». Здесь реформатор слукавил и просто решил не признавать свою ошибку. Как мы видели ранее, несколькими указами архангельским судостроителям четко предписывалось строить суда исключительно на так называемый «новый манер», но сложные природные условия доказали необходимость применения исконно русских судов в этом регионе.

Тот же процесс шел и в судостроении всей страны. Указ от 17 ноября 1715 г. запретил «... в Санктпетербургской, Московской, Казанской и Нижегородской губерниях...»[5] изготавливать суда по старой технологии. Но оказалось, что введение нового типа судов могло сорвать поставки военного времени, что уже грозило большими неприятностями. Первой ласточкой был указ от 3 октября 1716 года «о дозволении поставлять провиант с 1717 года на судах прежнего

[1] ПСЗРИ. — СПб, 1830. — Т. 4. — С. 362-363.
[2] Там же. — Т. 5.
[3] Там же. — С. 187-188.
[4] Там же. — Т. 6. — С. 181.
[5] Там же. — Т. 5. — С. 183.

дела и о приеме онаго провианта»[1]. Указ 17 октября разрешил «поставлять к 1717 году соль и провиант на судах прежнего дела»[2]. То же повторилось и в 1717 году. Именной указ от 29 ноября разрешил подрядчикам «ставить провиант к Санктпетербургу на 1718 год в судах староманерных»[3]. И в то же время 31 декабря 1717 года вышел указ «о нестроении купецким людям, кроме эверсов, никаких судов, под опасением штрафа»[4].

Продолжилась борьба старого и нового флота в 1718 году. 2 апреля вышел именной указ «О доставке провианта, соли и всяких припасов на староманерных судах... и о делании на пребудущее время новоманерных судов»[5]. Затем последовал указ от 25 сентября «О взимании пошлин с новоманерных судов по количеству клади, с старых в 1719 году против того вдвое, а в 1720 году втрое и так далее, прибавляя погодно и об увольнении от таковой пошлины поставщиков провианта»[6].

Таким образом, создавались препятствия для доставки грузов рядовым купцам, и в то же время сохранялась регулярность военных поставок.

В итоге все суда старого образца было решено заклеймить (чтобы отличить изготовленные вновь суда от старых и ремонтированных), и строить вновь эверсы и прочие суда «по образцу»[7]. Изготовление судов на «новый манер» четко предписывали и последовавшие законы — «Устав о эверсах, состоявшийся в Коммерц-Коллегии»[8] 26 июля 1720 г. и указ от 25 октября того же года «О делании речных судов по новому манеру»[9].

Осложняли жизнь купечеству и прочие петровские указы:

2 октября 1705 г. — «Об учинении переписи купцов, посадских и слободских людей, с показанием достатка и промыслов каждого»[10]. Эти данные использовались при налогообложении.

4 января 1709 г. — «О недозволении купецким людям выходить в другие звания и разные казённые должности, о приписке беломестцов торговых людей к посадам, с обязанностью платить подати по торговому званию и о ведении посадских и торговых людей в одной Ратуше»[11]. Несмотря на этот указ, позже купечество все равно «выслуживалось».

---

1 ПСЗРИ. — СПб, 1830. — Т. 5. — С. 477-478.
2 Там же. — С. 478-479.
3 Там же. — С. 522.
4 Там же. — С. 529-530.
5 Там же. — С. 558.
6 Там же. — С. 589.
7 Там же. — С. 593-594.
8 Там же. — Т. 6. — С. 218-220.
9 Там же. — С. 250-251.
10 Там же. — Т. 4. — С. 323-324.
11 Там же. — С. 439-440.

28 сентября 1711 г. — «О правеже на купчинах и ларечных за незаконную покупку золота и серебра и за неоказавшиеся по описи денег и о наказании более по сему делу виновных батогами»[1].

9 апреля 1714 г. — «О запрещении московских слобод и прочих городов купецким людям селиться в московских и загородных дворах и об оставлении их в слободах по прежнему»[2].

14 апреля 1714 г. — «О числе лет, которые должны провести... торгового класса люди в промыслах, дабы получить право приобретать покупкою недвижимое имущество»[3].

Срок составлял 15 лет, иначе купцы лишались возможности покупать недвижимое имущество вплоть до самой смерти.

27 апреля 1716 г. — «О высылке на житье в Санктпетербург купецких и ремесленных людей»[4].

Таким образом, осуществлялось заселение города на Неве.

1 сентября 1720 г. — «О вступивших в служивые люди крестьянах и купцах...». Указ повелевал им быть в чинах, но подати платить по их прежнему состоянию, и «впредь в такие чины не писать»[5].

17 января 1721 г. — «О взимании с купечества и крестьянства окладных и неокладных сборов, с надлежащим рачением...»[6].

Малоизвестные законы 1700-1721 годов показывают нам повседневную жизнь петровской России.

В то время купечество, как и прочие тяглые сословия, находилось в сложном и зависимом от воли монарха положении. В связи с ведением войны купечество было обложено, к основным, еще и дополнительными пошлинами и сборами, за взысканием которых жестко следили чиновники. В то же время часть купечества находилась в более привилегированном положении. Получив откупы или исключительные права (привилегии), они выгодно их использовали.

Политика принудительной европеизации Петра Великого создавала сложности торговли русской одеждой и доставки товаров речными и морскими судами. Ускоренная доставка военных грузов — амуниции и провианта сухим и водным путями обеспечивалась отклонением от общего процесса европеизации страны. Отклонение от европеизации было связано с нуждами военного времени и явно перечило стремлениям царя.

Петр I столкнулся с проблемой активности купеческого и крестьянского сословий, чьи отдельные представители быстро продвигались по государственной службе. Чтобы предотвратить «выслу-

---

1 ПСЗРИ. — СПб, 1830. — Т. 4. — С. 742.
2 Там же. — Т. 5. — С. 69.
3 Там же. — С. 97.
4 Там же. — С. 462.
5 Там же. — Т. 6. — С. 234.
6 Там же . — С. 310-311.

живание» крестьян и купцов, был принят ряд законодательных актов. Существует такое мнение в исторической науке, что реформы Петра Великого столкнули Россию с ее естественного пути развития и искусственно раскололи общество. Россия не была отсталой страной. Исследование малоизвестных законов, принятых во время правления Петра I, это подтверждает. Россия не была отсталой страной. Россия была страной с исторически сформировавшимся особым укладом жизни. Конечно, России того времени были необходимы реформы, но проведение принудительных реформ «сверху», мало согласованных с реальными потребностями страны и проводимых в очень жесткой форме, привело к перекосам в развитии страны. И не случайно наследники Петра Великого, с одной стороны, были вынуждены изменить сложную систему его государственного управления, а с другой — отступить от его варианта радикальных государственных реформ.

Л.Г. Гафиатуллина
Казанский государственный университет

ЧИСТОПОЛЬСКИЕ КУПЦЫ В ХЛЕБНОЙ ТОРГОВЛЕ ЗАКАМСКОГО РЕГИОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Одним из видов торговли, на котором специализировались предприниматели Закамского региона во второй половине XIX — начале XX вв. была торговля продуктами сельского хозяйства. Особенно была развита в регионе оптовая торговля зерновыми продуктами, хлебом.

Чистополь играл одну из ведущих ролей в хлебной торговле региона, наряду с Елабугой, Мензелинском и др. городами. Исследователь А.Н. Зорин отмечает, что в городских поселениях Казанского края особое значение имела торговля хлебом. Для Елабуги, Чистополя, Спасска, Тетюш и некоторых других городов её можно назвать основной хозяйственной специализацией. По масштабу торговых операций особенно выделялся г. Елабуга Вятской губернии. В 1871 г. общий годовой оборот елабужского купечества превышал «10 млн. рублей серебром». Елабужские купцы скупали хлеб в Челнах, Вятских Полянах, Мензелинске, Заинске, а продавали в Петербурге, Рыбинске и даже вывозили за границу — в Голландию, Бельгию, Францию, Англию[1]. Очень много хлеба поставлялось для армии. На купле-продаже хлеба были сколочены крупные состояния, впоследствии задействованные в других сферах торговли и в промышленности[2]. Кроме хлебной, Елабуга была знаменита мануфактурной торговлей. И. Шишкин с гордостью писал, что ни один уездный город России не имел таких оборотов с Москвой по мануфактурной части, «как наша Елабуга»[3]. В начале XX в. в Елабуге с десятитысячным населением было свыше 400 купеческих семей, из которых более десятка владели миллионами. Наиболее знаменитые елабужские династии — Стахеевы, Гирбасовы, Киясовы, Ушковы, Черновы[4].

Специализация другого уездного города Казанской губернии Тетюши, характеризовалась следующим образом: «Главное занятие местного населения — это хлебная торговля, здешние базары

[1] Зорин А.Н. Города и посады дореволюционного Поволжья — Казань, 2001. — С. 153.
[2] Там же.
[3] Шишкин И. История города Елабуги. — М., 1871. — С. 44.
[4] Валеев Н. «Духа не угашайте ...» // Советская Татария. — 1990. — № 84 — 85. — С. — 4.

по привозу хлеба, выдающиеся по Волге; хлеб сюда свозится из трёх уездов: Тетюшского, Буинского и частью Спасского. На значительность хлебных закупок указывает присутствие выстроенных вдоль берега Волги свыше 70 складочных амбаров»[1].

Одним из центров хлебной торговли Закамского края по праву может считаться г. Чистополь. Современный город во многом сохранил облик того дореволюционного купеческого города, который славился по всему Поволжью своей хлебной торговлей. Описание г. Чистополя второй половины XIX века, его географического расположения оставил Д.Е. Лаппо[2]. Он особо подчеркивает один из значительных, на наш взгляд, факторов становления г. Чистополя как центра хлебной торговли Закамского региона — географический, а именно наличие удобного затона в устье реки Прости, отсутствие вблизи торговых пунктов и т.д., а также наличие плодородных земель, пригодных для хлебопашества, что тоже сыграло немаловажную роль. Ведь это дало возможность выращивать различные сорта хлеба и получать большие урожаи. Подобное же объяснение мы находим и в памятной книге Казанской губернии на 1863 г.: «Чистополь имеет в Камском затоне удобную для судов пристань и известен по своей торговой деятельности...» [3]. Л. Абрамова же выделяет один из факторов становления г. Чистополя как центра хлебной торговли Закамья — политический фактор[4]. Она также обратила внимание и на удобное географическое расположение города[5].

По площади Чистопольский уезд был самым большим из 12 уездов Казанской губернии. Он был выделен из Спасского уезда и занимал территорию пяти современных районов — вплоть до Нурлатского. Наличие большого количества пахотной земли явилось одной из причин развития в г. Чистополе и уезде именно хлебной торговли.

О важности Чистополя как центра хлебной торговли говорит и Д.Е. Лаппо[6]. Подобного рода информацию мы находим в «Материалах для географии и статистики России...»: «После Казани по торговому значению следует Чистополь. Торговая деятельность этого города не обнимает таких разнообразных предметов как в Казани, но зато по хлебной торговле ему принадлежит первое место в губернии. Во второй половине XIX века пароходы и баржи ежегодно увозили с Чистопольской пристани до 9 млн. пудов хлеба для продажи в российских городах. До 40 домов занимается почти исключи-

---

1 Приволжские города и селения в Казанской губернии. — Казань, 1892. — С. 199.
2 Лаппо Д.Е. Город Чистополь накануне реформы 17 июня 1870 г. — Казань, 1897. — С. 4-5.
3 Памятная книга Казанской губернии на 1863 г. — Казань, 1862. — С. 74.
4 Абрамова Л. Закамский хлеб. — Йошкар-Ола, 1998. — С. 26-27.
5 Там же.
6 Лаппо Д.Е. Город Чистополь накануне реформы 17 июня 1870 г. — Казань, 1897. — С. 5-6.

тельно хлебною торговлею; от соседства с Оренбургскою губернию является на уездных базарах большое количество этого товара, который и большими и малыми партиями передается оптовым торговцам г. Чистополя. Немногие из них имеют прямые дела с Рыбинском и Петербургом; большая же часть сдают свой хлеб иногородным оптовым торговцам и поставщикам казенного провианта, который в общей численности составляет по крайней мере 2/3 всего количества, отпускаемого с этой пристани...»[1].

Мамадышу, Чистополю, Елабуге, Спасску, возникшим в одно время, были даны судьбой равные возможности. Но экономическую мощь приобрели только Чистополь и Елабуга, причем они между собой конкурировали. Елабуга, удобно расположившись на месте сближения трех рек — Камы, Вятки и Белой, представляла собой естественный узел.

Елабуга не уступала Чистополю ни качеством городской застройки, ни купеческой благотворительностью, ни торговыми оборотами. Интересы елабужских купцов в основном простирались на огромной территории восточного Закамья и Прикамья, а крупнейших — в Сибири и на Урале. Чистопольские купцы, как уже отмечалось выше, действовали не только в своем уезде — их торговый интерес выходил далеко за пределы Казанской губернии. «Выставки», как назывались скупки хлеба, чистопольцы устраивали во многих поселениях по Каме, Белой, Вятке, Уфимке, то есть на территориях, которые были ближе к Елабуге. Елабужане «отвечали взаимностью» — крупнейшие елабужские купцы Стахеевы, к примеру, имели большое амбарное хозяйство на хлебной пристани в Чистополе и активно занимались в уезде скупкой зерна. То есть торговые интересы купечества двух соседствующих камских городов постоянно пересекались, но зон влияния никто не выделял. Это была здоровая конкуренция. Каждый преследовал одну цель: закупить как можно больше зерна у крестьян и помещиков, и перепродать его с выгодой, переработав его предварительно в муку или крупу, или нет[2].

Хлебной торговлей занималось в основном купечество. Десятилетиями купцами создавались помещения для хранения хлеба, амбары и лабазы, приспособления для обработки, сортировки, крушения, овины, веялки и мельницы.

В 1903 г. на берегу Камы насчитывалось 286 амбаров. Это были добротные срубные конструкции, порой они достигали высоты 11 метров. Некоторые амбары строились в два этажа, имели галереи и въезды.

Хлебная пристань была главным центром экономической жизни города. С нее вывозился исключительно хлеб. Грузообороты при-

---

[1] Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба Казанская Губерния / Сост. М. Лаптев. — СПб., 1861. — С. 406, 588-589.

[2] Чистополь и чистопольцы. Из прошлого и настоящего. — Казань, 2004. — С. 71-72.

стани существенно зависели от урожаев в уезде и общей ситуации со спросом и предложением на хлеб. В 1861 году с пристани было отгружено: ржаной муки — 500 тысяч кулей (50 000 пудов), гречневой крупы — 50 000 кулей (12,5 тысячи пудов), овса — 250 тысячи четвертей (овес считали не весом, а объемом, четверть овса составляла 3,1 литра ≈ 2 000 000 пудов), пшеницы — 12,5 тысячи пудов, гороха — 8 тысяч пудов. Все эти грузы вывезли около ста судов[1]. Через тридцать лет количество некоторых хлебных грузов сильно увеличилось. В навигацию 1893 года, по итогам двух урожайных лет после неурожая 1891 года с пристани было отправлено: ржаной муки — 502 460 пудов, ржи — 179 866 пудов, гречневой крупы — 420 111 пудов, гречи — 650 пудов, гороха — 6 880 пудов, овса — 1 325 пудов, льняного семени — 10 554 пуда, других зерновых грузов — около 20 000 пудов[2].

Рассматривая развитие хлебной торговли в г. Чистополе во второй половине XIX — начале XX вв. нельзя не сказать и о том, что наиболее состоятельные чистопольские купцы и купчихи, такие как Л.С. Румянцев, А.Ф. Маклакова, Л.Г. Маклаков, чистопольские мещане В.У. Фролов, Р.А. Назаров, купеческий брат С.Д. Кожевников, купцы Л.И. Державинский, И.Н. Журавлев, А.А. Подуруев, Е.И. Чукашев, В.Л. Челышев, П.М. Шашин, чистопольский мещанин И.Ф. Исаев, купцы И.И. Лузинов, И.Д. Кожевников, мещанин Р. Назаров, Торговый дом «Николая Журавлева сыновья», мещанин И.С. Бахметев, купец Н.Е. Чукашев и др.[3] имели свои суда для перевозки хлеба (баржи, подчалки, конторки), а некоторые даже пароходы (например, Торговый дом «Николая Журавлева сыновья»; В.Л. Челышев — 5 пароходов и 12 барж[4]; Н.Е. Чукашев — 1 пароход, 7 барж и 3 нефтянки)[5]. А также наличие удобного затона на р. Каме давало возможность зимовать и находиться в Чистополе судам, которые принадлежали самым различным владельцам из разных регионов страны.

Купцы из других городов, кроме того, что их суда зимовали в Чистопольском затоне, покупали амбары на Чистопольской хлебной пристани у купцов, что еще раз доказывает наличие торговых связей Чистополя с другими городами. Одними из таких купцов были елабужские купцы Стахеевы[6].

---

[1] Чистополь и чистопольцы. Из прошлого и настоящего. — Казань, 2004. — С. 84.

[2] Состояние Чистопольского общественного управления в 1893 году. Отчет городской управы. — Чистополь, 1894. — С. 24.

[3] НАРТ. — Ф. 777. — Оп. 3. — Д. 42. — Лл. 1-356.

[4] Там же. — Оп. 24. — Д. 24. — Лл. 35-37, 105, 106, 133, 134, 192-196, 297-301.

[5] Там же. — Оп. 3. — Д. 42. — Лл. 125-126, 156-157, 211-212, 230-242, 280-282, 343-345, 353-356; Ф.777. — Оп.24. — Д.24. — Лл. 1-2, 4-5, 35-37 и оборотный, 105-106 и оборотный, 133, 134, 192-196, 297-301.

[6] Там же. — Оп. 23. — Д. 44. — Л. 70.

Кроме этого Торговые дома, основанные иногородними купцами, также имели свои конторы в Чистополе. Так, Торговый дом «Григория Стахеева сыновья» имел контору в Чистополе в доме купца Подуруева[1].

В сферу деятельности Стахеевых входили хлебопереработка и хлеботорговля, водочное производство, они активно скупали помещичьи хозяйства, земли которых сдавали или организовывали сельхозпроизводство. Стахеевы были самыми мощными купцами в Закамье. Именно они и явились инициаторами строительства Волго-Бугульминской железной дороги. Значительная часть акций этой дороги через Русско-Азиатский банк контролировалась именно Стахеевыми. Несмотря на то, что они в Чистополе вели активную торговую и скупочную деятельность, Стахеевы не были заинтересованы, чтобы дорога проходила через Чистополь, чтобы не давать преимущества своим конкурентам — чистопольским хлеботорговцам. Концерн И.Г. Стахеева и Путилова основал Русско-Азиатский банк, который уступал только Сбербанку. Через банк в 1910-х годах был установлен контроль над основными хлебными рынками страны, а также металлургическими предприятиями Урала и Подмосковья, лесным компаниями Севера, европейской части России, каменноугольными копями Кузбасса и Сахалина, среднеазиатскими хлопковыми плантациями, Петроградскими и Московскими мануфактурами, над магистралями, помимо упомянутой Волго-Бугульминской, над Северо-Донецкой, Московско-Казанской, Южно-Сибирской и тремя в Средней Азии. Стахеев предпринимает активные попытки по подчинению хлебных рынков Сибири и юга России. Экспансия затронула непосредственно и Чистополь. Здесь И.Г. Стахеев разворачивает крупное складское хозяйство по Екатерининской улице и на пристани. Фактически его доверенным лицом в Чистополе выступал его зять — А.А. Подуруев, женатый на дочери Ивана Григорьевича — Марии Ивановне. У Стахеева был мощный речной флот, он базировался в Чистопольском затоне, здесь оставался на зиму, ремонтировался. И в начале XX века именно стахеевский флот вывозил основную часть чистопольского хлеба[2].

В июле каждого года чистопольские купцы сами отправлялись в Рыбинск со своим хлебом. Кто «покапиталистее» — на своих судах, кто победнее — на арендованных. В Рыбинск из Чистополя отправлялась и часть гречневой крупы. Но гречневая крупа отправлялась и в другие стороны — вверх по Каме и Вятке: в Вятской и Пермской губерниях ее, по климатическим условиям, не выращивали, но употребляли в больших количествах в соответствии с традициями русской кухни.

---

[1] НАРТ. — Ф. 777. — Оп. 3. — Д. 42. — Лл. 343-345.

[2] Чистополь и чистопольцы. Из прошлого и настоящего. — Казань, 2004. — С. 84-85.

Нельзя не согласиться с мнением А.Н. Зорина, что преимущественно богатело на хлеботорговле чистопольское купечество. В 60-70-х гг. XIX века фирмы чистопольцев Челышева и Чукашева стояли в одном ряду с самыми крупными торговыми фирмами Петербурга. Фирма Шашина была крупным поставщиком хлеба по военному ведомству. «Выставки» (пункты скупки хлеба) чистопольских купцов действовали во многих населенных пунктах по Каме, Вятке, Белой, Уфимке. Скупленный там хлеб, оптом сдавался иногородним купцам и казенным комиссионерам[1].

Чистопольские хлеботорговцы, надо сказать, старались селиться компактно, близко друг к другу, а улицы, где они жили, называли кварталами хлеботорговцев, участки земли на них считались самыми дорогими и престижными. Таким кварталом хлеботорговцев считался и Челышевский переулок[2] (современная ул. К. Либкнехта в г. Чистополе).

Необработанной ржи с Чистопольской пристани вообще не вывозили, ее перерабатывали в муку здесь же в Чистополе, который всегда славился своим мукомольем. Переработка хлеба страховала хлеботорговцев и от непостоянства зернового рынка. В отличие от зерна, цены на муку и крупы были более стабильными, меньше зависели от сезонных колебаний и конъюнктуры рынка.

В те же годы купцы, помимо торговли и переработки, занялись еще и зерновым производством, для чего арендовали и скупали землю у помещиков (крестьянской земли в свободном торговом обороте тогда еще не было). Земли скупались год за годом несколькими поколениями, и к концу XIX века некоторые именитые чистопольские купцы превратились в крупных землевладельцев (Шашин, Уразгильдеев и др.). Земли скупались не только в Чистопольском, но и в других уездах (Лаишевском, Мамадышском, Спасском). В уездах, купцы также арендовали, покупали и строили мельницы — выгодность этого заключалась в том, что окрестные крестьяне превращались в гарантированных поставщиков товарного хлеба.

Хлеб в город везли не только из Чистопольского уезда (а это территория нынешних Новошешминского, Нижнекамского, Аксубаевского, Нурлатского, Черемшанского районов, части Алексеевского и Алькеевского), но и из Спасского, Бугульминского, Мензелинского и даже Самарской губернии. Многими десятилетиями складывалась сеть хлебной торговли. Значительную часть хлеба привозили в город сами крестьяне или помещики. Для более дальних районов существовали промежуточные пункты. Так татарское село Альметьево Бугульминского уезда (сейчас город Альметьевск), расположенное далеко от судоходных рек, было крупным центром

[1] Зорин А.Н. Города и Посады дореволюционного Поволжья. — Казань, 2001. — С. 154.
[2] НАРТ. — Ф. 777. — Оп. 23. — Д. 36. — Лл. 6,7.

скупки хлеба, который торговцы отправляли в Чистополь, Мензелинск или Елабугу.

С мельничным производством была связана оптовая и мелкооптовая торговля мукой, которая в Чистополе тоже была очень масштабной. В 1911 году существовало 24 предприятия, торгующих мукой, их клиентами были и пекари и хлеботорговцы[1].

Множество городов России, расположенных по берегам судоходных рек, были центрами хлебной торговли. В Нижнем Поволжье главным товаром была твердая пшеница, которая шла в основном на экспорт. В Чистополе дело обстояло иначе. На Средней Волге пшеницу выращивали мало, да и та, которая была и продавалась в Чистополе, представляла мягкие сорта, идущие в основном не на хлебопечение, а на крупу.

Купцы скупали по дешевой цене зерно у крестьян и ссыпали его в амбары, чтобы затем выгодно продать. У многих чистопольских купцов были амбары и во дворах их домов.

Самые крупные чистопольские купцы имели своих корреспондентов на важнейших хлебных пристанях. Корреспонденты передавали сведения об изменениях цен на хлеб, а на нижегородской пристани, к тому же, можно было получить сведения о погоде во всех важнейших хлебных местах Поволжья.

Большие закупки в Чистополе делала казна. Зимой приезжали чиновники по военному ведомству, для организации скупки и ссыпки зерна для нужд армии и флота. Закупки совершались также через купцов, взявших откуп на подряд. С открытием навигации весной, этот хлеб уходил по месту назначения.

Интерес к закамскому хлебу с конца XIX века начинают проявлять иностранные компании, которые в Чистополь посылают своих комиссионеров, некоторые из которых здесь подолгу «живали».

На протяжении всего рассматриваемого периода, направления хлебной торговли и номенклатура зерна практически не менялись. Однако масштабы торговой деятельности были разными. Примерно до середины XIX века Чистополь был достаточно крупным центром хлебной торговли, но масштабы ее все же носили местный характер. Большинство купцов не были крупными предпринимателями. Так, из 75 семей, числившихся в купцах по ревизии 1795 года, к 1815 году 42 выбыли в мещане. К 1815 году в городе не было ни одного купца первой гильдии, и лишь два купца второй гильдии — М.Р. Мешкичев (умер в 1826 году) и А.И. Поляков (умер в 1823 году)[2].

К 1834 году было два купца первой гильдии (а это были крупные предприниматели) — Г.А. Поляков (в 1815 году он был куп-

[1] Абрамова Л. Закамский хлеб. — Йошкар-Ола, 1998. — С. 31-32.

[2] Чистополь и чистопольцы. Из прошлого и настоящего. — Казань, 2004. — С. 77.

цом 3-й гильдии) и П.М. Мешкичев. Оба они были сыновьями самых богатых чистопольцев. Вторая гильдия была представлена двумя представителями семьи Мешкичевых — Леонтием Тимофеевичем и Иваном Матвеевичем, Д.А. Поляковым, Я.Г. и Ф.Г. Щербаковыми и И.И. Логутовым.

Татарская община была представлена купцами второй гильдии — Х. Тумашевым, С. Батыршиным и совсем молодым человеком 18 лет — Абубакиром Уразгильдеевым, унаследовавшем капиталы своего отца Хамета[1]. Все эти предприниматели занимались именно торговлей хлебом. И все они были или коренными чистопольцами, или во всяком случае, очень давними, во втором поколении жителями Чистополя. Показательно, что среди них не было старообрядцев, кроме Логутовых.

В течение следующего десятилетия ситуация кардинально меняется. К концу 1850-х гг. самыми крупными чистопольскими предпринимателями-хлеботорговцами стали люди, фамилий которых нам не удалось обнаружить в ревизских сказках 1834 года, не только среди купцов, но и среди мещан. Это были приезжие, в основном из Рыбной Слободы, большинство из них были старообрядцами[2].

Из тех, кто «делал погоду» на чистопольском хлебном рынке в годы реформ Александра II — только Поляков, Мешкичев и Логутов были коренными чистопольцами. Из приезжих, почти все были старообрядцами, кроме Е.И. Чукашева. Происхождение В. Остолоповского восстанавливается по фамилии — от села Остолопова (ныне Речное, Алексеевского района).

В это время, в первой половине 1860-х гг. складывается та модель чистопольской хлебной торговли и специализация Чистополя в этом сложном и многоступенчатом бизнесе, которая просуществовала до 1917 года. Большинство крупных городов России, стоявших на судоходных реках, были центрами хлебной торговли. Были такие и на Каме — Елабуга, Мензелинск, Сарапул. Елабужские купцы были, пожалуй, побогаче чистопольских, но у них не было такой мощной хлебопереработки как в Чистополе. Именно в Чистополе не только совершались основные сделки по купле-продаже, но здесь же хлеб складировался, перемалывался, грузился на суда. Стахеевы и другие елабужские и казанские хлеботорговцы покупали хлеб у мелких подрядчиков. В Чистополе же основу всегда составляла продажа хлеба купцам самими крестьянами, которые без всяких предварительных договоров приезжали в город с возами хлеба, торговались о цене с хозяевами и приказчиками и тут же получали деньги наличными. В 1860-е гг., судя по описанию известного журналиста того времени Н.А. Демерта, такая примитивная форма торговли

[1] Чистополь и чистопольцы. Из прошлого и настоящего. — Казань, 2004. — С. 77-78.
[2] Там же. — С. 78.

была основной, но масштабы таких торговых сделок были очень велики, многие сотни тысяч пудов. В последующие десятилетия получили распространение и более цивилизованные формы торговли — с предварительными договорами, авансами и кредитами, но продажа в городе непосредственно своего хлеба крестьянами продолжала играть важную роль.

В 1911 году в городе действовало 50 хлебных скупок, многие из которых имели очень крупный оборот[1]. Например, чистопольского 1-й гильдии купца Е.И. Захарова (260 000 рублей, 13 служащих), крестьянина деревни Мельничный Починок И.В. Лукоянова (200 000 рублей, 4 служащих), крестьянина М.А. Алексеева (173 000 рублей), чистопольского 2-й гильдии купца Ф.К. Кубасского (100 000 рублей, 3 служащих), потомственного почетного гражданина П.П. Шашина (100 000 рублей, 4 служащих), мелекесского мещанина Н.Р. Пядышева (70 000 рублей, 1 служащий), чистопольского 2-й гильдии купца Н.А. Антропова (90 000 рублей), крестьянина деревни Кутлушкино С.И. Вагапова (60 000 рублей), чистопольской мещанки А.А. Мясниковой (60 000 рублей, 2 служащих) и многих др.[2] Анализируя сословный состав владельцев хлебных скупок г. Чистополя в начале XX века, можно отметить, что 7 из перечисленных скупок принадлежало купцам, 2 — потомственным почетным гражданам, 10 — мещанам, 7 — крестьянам.

В начале XX века (в 1910 г.) в Чистополе возникает Торговая Биржа, которая сыграла большую роль в развитии экономики города, в том числе и хлебной торговли. Основными операциями, которые производились на ней, как раз и были операции по купле-продаже различного зерна и продуктов из него.

Из самых крупных представителей купечества г. Чистополя второй половины XIX — начала XX вв. наиболее изученными нами на данный момент являются Василий Львович Челышев, Петр Матвеевич Шашин и Егор Иванович Чукашев.

Коммерции Советник, 1-й гильдии купец, Потомственный Почетный Гражданин Василий Львович Челышев был, безусловно, активным участником торговли г. Чистополя во второй половине XIX века. Он внес большой вклад в развитие хлебной торговли города, как и многие другие вышеперечисленные купцы.

В основном купечество г. Чистополя, как уже было отмечено, славилось хлебной торговлей. Основная форма торговли Челышева, как и Чукашева, Шашина — это тоже торговля хлебом, а если точнее, то амбарная торговля хлебом. Все они были крупнейшими хлеботорговцами не только г. Чистополя, но и всего Закамского региона. Об этом пишут некоторые исследователи. Например, вот как

[1] Чистополь и чистопольцы. Из прошлого и настоящего. — Казань, 2004. — С. 79.
[2] Там же. — С. 79-80.

об этом пишет Л.Н. Гончаренко: «... Кроме поволжского купечества большую хлебную торговлю вели камские предприниматели. Чистопольские купцы Челышевы и Чукашовы являлись крупнейшими экспортерами зерна в Санкт-Петербург. Фирма купца П.М. Шашина поставляла хлеб для военного ведомства. Что касается большинства других городов Казанской губернии, то в них скупка хлеба в основном носила мелочный характер...»[1]. В работе Д.Е. Лаппо мы находим: «... Две чистопольские фирмы — Челышева и Чукашева — значатся в числе самых крупных хлебных фирм Петербурга; фирма П.М. Шашина является крупным поставщиком в казну по военному ведомству...»[2]. Хлеб сначала скупался у крестьян, хранился в амбарах (при доме или на Чистопольской хлебной пристани), а затем отправлялся для продажи в основном в г. Рыбинск и Санкт-Петербург, а по некоторым данным из Петербурга продавался уже за границу.

Таким образом, наиболее прибыльным и развитым видом торговли в г. Чистополе во второй половине XIX — начале XX вв. была хлебная торговля, в том числе и транзитная. В ней была задействована большая часть населения. Во второй половине XIX века хлебной торговлей, главным образом, занималось купечество. Хотя уже с конца XIX в. и, особенно в начале XX в., оно теряет монополию и в этом виде торговли. Одной из особенностей развития экономики Чистополя во второй половине XIX — начале XX вв. было то, что она базировалась на крупной оптовой торговле хлебом. Хлебная торговля была основным видом торговли в г. Чистополе, да и вообще в целом в Закамском крае.

В связи с этим Чистополь был привлекателен и как центр торговли для иногородних торговцев. Город имел широкие торговые связи с другими регионами и городами империи: Казанью, Самарой, Уфой, Саратовым, Нижним Новгородом, Костромой, Оренбургом, Елабугой, Рыбинском, Мензелинском, Москвой, Санкт-Петербургом, Кинешмой и др. Интерес к закамскому хлебу с конца XIX века начинают проявлять иностранные компании. Амбары и лабазы на чистопольской хлебной пристани имели также купцы и мещане из Казани, Елабуги, Лаишева, Оренбурга, Бугульмы.

Основным хлебным товаром, которым торговали чистопольские купцы была рожь. Необработанной ржи отсюда вообще не вывозили, ее перерабатывали в муку, здесь же в Чистополе, который всегда славился своим мукомольем.

В Чистополе основу хлебной торговли всегда составляла продажа хлеба купцам самими крестьянами, которые без всяких пред-

---

[1] Гончаренко Л.Н. Города Среднего и Нижнего Поволжья во второй половине XIX в. — Чебоксары, 1994. — С. 96.

[2] Лаппо Д.Е. Город Чистополь накануне реформы 17 июня 1870 г. — Казань, 1897. — С. 6,7.

варительных договоров приезжали в город с возами хлеба. Масштабы таких торговых сделок были очень велики, многие сотни тысяч пудов.

Коммерции-советник, 1-й гильдии купец, Потомственный Почётный Гражданин В.Л. Челышев, 1-й гильдии купец Е.И. Чукашев и коммерции-советник 1-й гильдии П.М. Шашин были безусловно активными участниками торговли г. Чистополя во второй половине XIX — начале XX вв. Они внесли большой вклад в развитие хлебной торговли города, как и многие другие вышеперечисленные купцы. Причём все они были крупнейшими хлеботорговцами не только г. Чистополя, но и всего Закамского региона.

О состоятельности вышеназванных купцов, мы можем судить исходя из того, что им принадлежали большие и богато декорированные усадьбы в городе, а также они являлись владельцами хоть и небольших, но промышленных заведений (крупяной завод, паровая мельница, крупообдирки, соляная лавка В.Л. Челышева; мукомольная фабрика, паровые крупянки и ветряные мельницы Шашиных; ветряные мельницы и завод Чукашевых). В.Л. Челышев был владельцем довольно крупных земельных владений не только в Чистополе, но и в уезде. Кроме этого, у всех трёх купцов было определённое количество амбаров на хлебной пристани и возле домов для хранения зерна.

Благодаря деятельности купцов, Чистополь был самым развитым уездным городом Казанской губернии, вторым, после Казани, основным хлебным центром не только губернии, но и всего Поволжья и Российской империи в целом.

А.О. Полякова
Академия педагогики и социальной работы Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина

ОПЫТ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КУПЕЧЕСКОГО СОСЛОВИЯ В РОССИИ И В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

«... В последнее время в России замечается широкое развитие дела благотворительности и особое стремление к изучению и разумному осуществлению ее задач. Правительство, общество и частные лица направляют все свои усилия к обеспечению участи слабых и неимущих, и дело благотворения, вызывая к себе всеобщее сочувствие, затрагивает постепенно все стороны народной и государственной жизни...»,[1] — писал Е.С. Шумигорский в предисловии первого номера журнала «Вестник благотворительности» более 110 лет назад, в далеком 1897 году. Как мы видим, эти слова не потеряли своей актуальности и в начале XXI века. Сегодня мы наблюдаем «вторую волну» расцвета благотворительности и вполне закономерен интерес исследователей к изучению феномена именно дореволюционной благотворительности, примеры которой могут послужить образцом достойного подражания сегодня.

«Забытый класс» — так называют исследователи русскую буржуазию, пережившую краткий период расцвета и ушедшую в небытие в результате Октябрьской революции 1917 года. Однако, этот небольшой по времени период дал немало ярких личностей, известных не только своим богатством. Для них были характерны инициативность, предприимчивость, практический, цепкий ум и знание экономических условий, способность к самоограничениям, нараставшее стремление к культурным достижениям и осознание взаимосвязи между общественным и личным богатством, проявившееся в тяготении к широкой благотворительности и меценатству[2].

Именно во второй половине XIX — начала XX вв. поток пожертвований и благотворительной деятельности был как никогда полноводным, длительным по времени, и охватывающим широкие слои купцов-предпринимателей. Способствовали этому и благоприятные экономические условия, и громадная сверхприбыль и поощрительное законодательство и т.д.; но главным источником, опре-

[1] Шумигорский Е.С. От редакции // Вестник благотворительности. — 1897. — № 1. — С. 1.

[2] Есиков С.А., Фомина Л.Б. Тамбовские меценаты и благотворители // Очерки истории культуры Тамбовского края. — Тамбов, 1993. — С. 67.

делившим размах этого удивительного движения, оставались внутренние побуждения купцов, приводившие их постепенно к осознанию своей внутренней личной ответственности пред обществом.

Филантропическая деятельность купцов была широкомасштабной и поражала всех многообразием форм помощи нуждающимся. В связи с этим можно выделить следующие направления: социальное призрение, медицинская помощь, строительство церквей, народное образование и просвещение.

Социальное призрение. В этом направлении благотворительной деятельности российских купцов можно выделить следующие виды социальных учреждений: вдовьи дома, дома призрения, богадельни, приюты, дома бесплатных квартир, дешевые столовые, убежища.

Так, Семен Владимирович Алексеев оставил о себе добрую память основанием крупного заведения — Николаевского вдовьего дома, с которым связана интересная история. В 1867 г. он обратился в купеческую управу с предложением принять в дар его собственный дом на Большой Алексеевской улице. Но на пути встал мощный заслон бюрократических рогаток. Нотариус суда не признал пожертвование делом общественной пользы и не утвердил купчей, мотивируя отказ тем, что дарение родового имущества запрещено. Когда попытки обжаловать решение оказались безуспешными Семен Владимирович сделал заявление, что согласен продать дом за 40 тыс. рублей и все деньги пожертвовать купеческому обществу. Вступив во владение, управа устроила там Дом призрения вдов и сирот, назвав его Николаевским в честь рождения будущего Императора Николая II[1].

В 1887 г. на средства купца Николая Алексеевича Мазурина была открыта богадельня на Котельнической набережной, где призревалось 100 человек обоего пола. На устройство он пожертвовал 500 тыс., из которых 200 тыс. ушло на постройку дома, а 300 тыс. составило неприкосновенный капитал, на проценты с которого учреждение содержалось. Сейчас в здании размещается административное здание Российского союза промышленников и предпринимателей. В 1905 г. Купеческое общество открывает комплекс бесплатных квартир. Во всех номерах были установлены фаянсовые умывальники, действовал водопровод, в кухонных печах — нефтяные топки. Комплекс был рассчитан на 370 человек. Бесплатные квартиры содержались за счет процентов с капитала, завещанного Н.А. Музуриным. На жительство принимались люди с детьми, поэтому в доме была открыта общеобразовательная школа на 90 мест. Сейчас здесь размещается Научно-исследовательский институт биосинтеза белковых веществ[2].

---

[1] Власов П.В. Благотворительность и меценатство в России. — М.: ЗАО Изд-во Центр полиграф, 2001. — С. 214.

[2] Там же. — С. 215-216.

Широко и щедро жертвовали Бахрушины. В 1895 г. братья Бахрушины обратились в Московское городское самоуправление с просьбой отвести участок земли и обеспечить там устройство водопровода, в целях основания убежища для детей, покинутых родителями. На выделенные ими 150 тыс. рублей, в Сокольнической роще за линией Ярославской дороги был построен сиротский приют. 450 тыс. рублей составили неприкосновенный капитал, проценты с которого обеспечивали его жизнедеятельность. Открытие состоялось 25 ноября 1901 г. В 1888 г. Бахрушины построили на Болотной площади «дом бесплатных квартир» для нуждающихся вдов с детьми и учащихся девушек. Два года спустя, отдав для расширения свое владение на Софийской набережной, выстроили еще здание, потом третье. При доме действовали 2 детских сада, начальное училище для детей обоего пола, мужское ремесленное училище и профессиональная школа для девочек. Также имелись бесплатная столовая, швейная мастерская. На первом этапе было общежитие для 160 курсисток[1].

Таким образом, крупные учреждения социального призрения представляли собой многопрофильные комплексы, включавшие отделения для престарелых, инвалидов, детские приюты со школами, ремесленными училищами и прочими заведениями. Жертвование денег на богадельни, дома призрения — самое богоугодное дело, так как искренняя помощь обездоленным и убогим есть очищение от собственных грехов. Но, если обратиться к социальной значимости благотворительности, то становится совершенно понятным, что главное — помочь обрести дом, помочь получить образование как залог будущего благополучия в жизни. Поэтому следующим главным направлением деятельности купцов стало образование.

Образование. Здесь можно выделить: училища, фабричные начальные школы, училище для глухонемых, училище для слепых, гимназии, школы грамоты при домах призрения неимущих и т.д.

Параллельно с богадельней братья Солодовниковы в 1866 г. учреждают училище. С точки зрения современных веяний, коснувшихся нашего образования, представляют интерес сведения о городском училище, опубликованные в 1901 г.: «Кроме учебных предметов по программе городских училищ, преподаются: бухгалтерия, коммерческая арифметика, каллиграфия, техническое рисование... Все воспитанники получают бесплатно завтрак, бедным же, выдаются учебные пособия, обувь, одежда, пища. Окончивших курс учения Совет устраивает на места в разные торговые фирмы. На 1 января 1900 г. обучалось 227 мальчиков, из них 52 бесплатно»[2].

---

[1] Герасимов В. Бахрушины, профессиональные благотворители // Деловые люди. — 1994. — № 42. — С. 87.

[2] Власов П.В. Благотворительность и меценатство в России. — С. 215.

Семья Елисеевых, помимо участия в крупных благотворительных мероприятиях, имела собственную школу для бедных девочек. Бесплатная женская рукодельно-хозяйственная школа была основана 8 сентября 1893 г. и располагалась в собственном доме А.Г. Елисеева на Васильевском острове. Задача школы — дать возможность дочерям бедных родителей научиться работе по дому. В школу принимались девочки всех сословий православного вероисповедания в возрасте от 12 до 15 лет, окончившие учебу в приютах или городских школах. Вскоре после открытия попечитель перечислил в ее фонд 100 тыс. рублей, а затем еще 300 тыс. Также школа имела, кроме дома с усадьбой стоимостью 285 тыс., доход свыше 20 тыс. ежегодно от продажи рукоделий. В 1903 г. число воспитанниц достигло 150. Жившие в школе девочки, пользовались бесплатным содержанием, а приходящие получали на время своего пребывания пищу и одежду. Учебные пособия, книги, материалы также получали бесплатно. Курс школы состоял из четырех лет. В программу входили общеобразовательные предметы, рукоделие, шитье и кройка платьев и белья. Кроме того, их обучали пению. По праздникам их голоса звучали в церкви Елизаветинской богадельни Елисеевых, которая была и домовой церковью школы[1].

Таким образом, купцы осознавали необходимость поддержки человека в его становлении, поэтому они обращались к попечительству над школами, училищами, тем самым, способствуя процветанию российского образования в России в целом. Помощь школам, институтам — это, прежде всего, проявление заботы о будущем России. Но мысли людей, в первую очередь, связаны с насущными проблемами, среди которых болезни едва ли не первые. Благотворители глубоко это осознавали, поэтому больничная помощь заняла одно из важнейших мест в деятельности купцов.

Медицинская помощь: лаборатории для исследования при больницах, больницы для неизлечимо больных, аптеки при больницах, больницы для приходящих больных и т.п.

В апреле 1888 г. Г.П. Елисеев, пожертвовавший уже ранее по подпискам в 1881 и 1884 гг. 15 тыс., пожелал внести 65 тыс. на строительство еще одного барака. Новый барак, чтобы увековечить имя уже престарелого жертвователя, было решено назвать «бараком Г.П. Елисеева». В больнице было много хирургических больных, поэтому было решено приспособить барак именно для них. Оборудование было закуплено его сыном А.Г. Елисеевым. Оно обошлось в 3 305 рублей. Конструкция была очень удобной: пол утеплен, стены проложены войлоком, проведено электричество и паровое отопление. Палаты просторные — 18,7 х 7,9 м. После смерти отца его сын

[1] Красильщиков А. Храмы, школы, больницы Елисеевых // Нева. — 1998. — № 1. — С. 219.

А.Г. Елисеев пожертвовал в его память 50 тыс. в фонд больницы. В 1907 г. А.Г. Елисеев покупает участок в 19 024 м2 стоимостью 500 тыс. в Лесном и жертвует его Императорскому человеколюбивому обществу для строительства Еленинской онкологической больницы. Все, что изобрела тогдашняя наука для борьбы со злокачественной опухолью нашло место в новой больнице. Был лифт, электрическая вентиляция, дезинфекционные камеры. На каждом этаже существовал зал, столовая, библиотека. Общее количество кроватей — 25, хотя персонал рассчитан на 50 человек. В больницу принимались бедные женщины. Главной задачей было дать людям, обреченным на неизбежную смерть, обстановку, облегчающую их муки[1].

Известная всей России Морозовская стачка (1885) была вызвана жестокостью Тимофея Саввовича. Произвол был полный. Когда шел суд, были слышны крики рабочих: «Кровосос», «Изверг»... Но не все так просто и с «кровососом». Как это ни покажется странным, он немало сделал и для рабочих. С 1870 г. при мануфактуре был открыта больница, при ней полная аптека и все необходимые хирургические инструменты, а также родовспомогательное отделение с 8-ю койками и колыбельная на 36 кроваток. Все содержалось за счет фабрики. При ней были скотный двор на 20 голов (для молока), пекарня, квасная (для рабочих фабрики бесплатно). По желанию каждый мог устроить огород. Через 10 лет для работников была построена 2-этажная больница на 200 коек, с учетом новый веяний в медицине: величина палат определялась так, чтобы на больного приходилось до 5 саженей 2 воздуха. Было построено народное училище для детей, учебные мастерские, библиотека (6 460 томов), богадельня для престарелых.

Список форм и направлений «свершения богоугодных дел» можно и продолжать. Масштабы благотворительной деятельности купцов просто огромны. Конечно, благотворители из других губерний не получили такой известности как московские, но и они оставили о себе добрую память в своих городах.

Во второй половине XIX — начала XX вв. в Тамбовской губернии крупный торговый и промышленный капиталы только складывались. Шел процесс смены старых купеческих и дворянских кланов новыми предпринимателями — выходцами из разных социальных слоев. Тамбов являлся купеческим городом и, процветавшее тамбовское купечество не отставало от дворян на ниве благотворительности. Почти все купеческие фамилии крестьянского происхождения. Слагаемые их успеха практически не менялись: упорный труд, смекалка, честное партнерство. К этому, конечно, добавлялось еще и везение. Но для того, чтобы прославиться, миллионов было

[1] Красильщиков А. Храмы, школы, больницы Елисеевых // Нева. — 1998. — № 1. — С. 222.

недостаточно. Деньги обеспечивали благополучие, но не более. В народе почитали личности. Тамбовская земля не знала таких фамилий как Солдатенков, Третьяковы, Бахрушины. Однако и тамбовские купцы строили деятельность по схеме: сначала обогащение семьи, затем обогащение общества за счет налогов, и, наконец, отчисления на благие дела. Знание последнего позволит полнее осмыслить историческую роль целого сословия, являвшегося частью русской культуры[1].

Многое в благоустройстве города зависело от почетных граждан. Такое сословие появилось в России в 1832 г. как своеобразная прослойка между низшими слоями и верхними слоями граждан. В 70-х гг. в Тамбове насчитывалось 115 почетных граждан на 24 тыс. человек, при этом потомственных было 84 человека, личных — 31. Особой известностью во второй половине XIX в. пользовались купцы Носов, Аносовы, Ашурковы, Толмачевы, Асеевы, которые прошли довольно сложный путь от мелких торговцев к крупным предпринимателям. Их вклады на благотворительные цели были весьма существенны[2]. Так, например, Андрей Михайлович Носов затратил на благотворительную деятельность более 4 млн. рублей.

В 1868 г. в Тамбове местными купцами Носовым и Ашурковым была учреждена городская богадельня (ул. Советская, 122). Ей принадлежали 4 каменных корпуса, Лазаревская церковь (1872), отдельные дома для приютов и баня на Студенецкой улице общей ценностью 130 тыс. рублей, а также около 10 тыс. десятин земли. Кроме домов призрения престарелых, при богадельне были открыты приюты для неизлечимо больных и странников (1881), для мальчиков (1889) и девочек (1891). Неприкосновенный капитал богадельни в местном казначействе в 1894 г. составлял 160 тыс. рублей. Богадельня сама стала настоящим «городом милосердия» в городе. В отделениях богадельни находили приют более 800 человек разного возраста. Принимались дряхлые и увечные люди, не имевшие никаких средств к существованию.

В 1870 г. Носов выделил 3 тыс. рублей серебром Дому трудолюбия на ул. Комбаровской. Дом трудолюбия отвечал типу профессиональных школ. Попечительство о бедных много сделало для воспитанников этого заведения. Активными членами попечительства были: А.Н. Нарышкин, М.В. Асеев, В.Т. Асеев, Н.Н. Чолокаев. Дом трудолюбия содержал в основном круглых сирот в возрасте от 10 до 18 лет. Дети обучались арифметике, письму, рукоделию, чтению, получали музыкальное образование. В 90-х гг. было около 40 воспитанников — стипендиаты уездов, пансионеры обществ и земств[3].

---

[1] Есиков С.А., Фомина Л.Б. Тамбовские меценаты и благотворители. — С. 74-75.

[2] Кученкова В.А Неизвестный Тамбов. — Тамбов: Изд-во гостипографии «Пролетарский светоч», 1993. — С. 103.

[3] Там же. — С. 105.

Ситуация последней четверти XIX столетия была очень трудной, для людей низших сословий. Люди, выбитые из колеи обстоятельствами, оказывались на обочине жизни. Поиски путей борьбы с нищенством привели Россию к необходимости открывать ночлежные дома. В 80-х гг. XIX столетия ночлежные дома действовали как дома трудолюбия: постоянные посетители занимались изготовлением простых изделий. Инициаторами создания тамбовского ночлежного дома стало местное купечество — Носов, Аносов, Ашурков. Их первоначальные взносы составили 13 тыс. рублей. Была приобретена огромная усадьба, и в 1881 г. построен 2-этажный особняк. Ночлежному дому было присвоено имя Николая II[1].

Рост промышленных предприятий в конце века требовал значительного числа квалифицированных рабочих рук. Эту проблему пыталось решать образцовое ремесленное училище, но к 1885 г. из-за недостатка средств оно подлежало закрытию. Неожиданную поддержку оно получило от Андрея Михайловича Носова, пожертвовавшего для него городу на вечные времена 540 десятин земли. С учетом пожеланий Носова был составлен новый устав, однако он не был утвержден, т.к. не предусматривал преподавания общеобразовательных предметов. Как практик благотворитель понимал, что хорошее училище не может существовать без хорошей производственной базы. В короткое время были созданы оборудованная кузница, литейная и деревообработочная мастерские. В училище принимались мальчики из приюта Носовской богадельни 12-13 лет. Дети обучались различным ремеслам, преподавалось черчение, счетоводство, хоровое пение, гимнастика. Курс обучения обеспечивал выпуск мастеров с прекрасной подготовкой, которые ценились в России[2].

На средства купца А.И. Толмачева в городе в 1897 г. были открыты 2 начальные школы и 2 двуклассных училища. Их полное содержание обходилось в 5 445 рублей в год. Дохода с земли и капитала Толмачева, пожертвованных на все 4 училища, было недостаточно. Вероятно, нужда обусловила шаг городской управы: «Ежегодно 150 мальчикам отказывалось в получении мест в городских школах, а всего 200-300 человек детей школьного возраста не могли быть приняты в школу»[3].

В 1899 г. было начато строительство нового здания. Оно обошлось в 60 тыс. рублей. Имелся водопровод, канализация, что тогда было редкостью. 19 сентября здание принимало 600 воспитанников. За 6 лет учебы ученики Толмачевского училища постигали не только общеобразовательные, но и специальные предметы: черчение, каллиграфию, рисование. В результате девочки могли после окончания

[1] Кученкова В.А Неизвестный Тамбов. — Тамбов: Изд-во гостипографии «Пролетарский светоч», 1993. — С. 106.
[2] Там же. — С. 109-110.
[3] Там же. — С. 80.

училища работать кассиршами, переписчицами в земских учреждениях, на почте, телеграфе или продолжить образование в старших классах женской гимназии. У мальчиков перспективы были шире: они могли поступить в фельдшерскую школу, выдержав экзамены. В 1912 г. 3-х классное мужское и 2-х классное женское училища городские власти преобразовали в 4-х классное городское училище. Оно по-прежнему содержались на толмачевские проценты с капитала и увеличенные городские субсидии. 8 октября 1913 г. преобразованные училища получили официальное наименование Толмачевских.

Заметный след в жизни Тамбова оставили купцы братья Ашурковы — Михаил и Василий. Михаил выделил на содержание городской богадельни 80 тыс. рублей, а в 1882 г. передал 1 473 десятин с постройками. Свыше 2 тыс. пожертвовал на устройство ночлежного приюта и бесплатной столовой при нем. Василий подарил Тамбову больше 2 тыс. десятин земли, доход от которых шел церквям, Вознесенскому монастырю, арестантам тюремного замка.

Династия Асеевых активно участвовала в благотворительных акциях. Немало средств целенаправленно и постоянно Михаил Васильевич отправлял в фонды Мариинского приюта, училища для слепых детей, детского приюта при Арженской суконной фабрике и в фонд Толмачевского городского училища, в котором он тоже состоял попечителем. С 21 января 1908 г. Асеев был избран почетным попечителем мужской гимназии. Ее бюджет всегда был чрезвычайно скуден, и помощь Ассева деньгами и сукном для гимназической формы была весьма существенна. Большие финансовые возможности способствовали его избранию церковным старостой Варваринской церкви. Он финансировал ремонтные работы. В Варваринском братстве сотрудничали вместе с ним его жена и родственники. Щедрость достигала значительных размеров, приходская школа и ее воспитанники находились под постоянной опекой[1].

В Тамбове существовали бесплатные лечебницы. Особое место занимала Носовская. Размещалась она в 3-х зданиях, имела амбулаторию, палаты для детей и взрослых, для заразных больных. В лечебнице работали 3 врача. В 1899 г. лечебница функционировала 308 дней, среднее количество больных в день — 51 человек, а за год — 8 742. Остро нуждающимся выдавались бесплатные лекарства. В амбулатории проводились небольшие хирургические операции. Было отделение для неизлечимых больных, которые нуждались в постоянном уходе[2]. Здания продолжают служить городу и в наши дни. Сегодня это жилые дома.

---

[1] Кученкова В.А. Асеевы. Тамбов: Изд-во гостипографии «Пролетарский светоч», 2001. — С. 35.

[2] Носов А.М. [Биографический очерк тамбовского благотворителя] // Адрес-календарь и справочная книжка Тамбовской губернии 1914. — Тамбов, 1914. — С. 36.

В дореволюционной России совершать благородные поступки считалось нормой жизни для представителей всех сословий. Можно было сплутовать, обмануть, но не подать нищему, не протянуть руку помощи нуждающимся — грех. Забота о своей душе — главное для таких людей, а в России, как помним, именно благотворительность считалась вернейшим путем к Богу. Несомненно, благотворительности способствовали и благоприятные экономические условия, и поощрительное законодательство, но главным источником, определявшим размах, оставались внутренние побуждения, приводившие купцов-предпринимателей к осознанию собственной ответственности перед обществом.

Таким образом, обозревая масштабы сделанного представителями купеческого сословия, прослеживая уникальных механизм осуществления благотворительности, объективно подходим к еще одному выводу — благотворители «золотой поры» — новое образование, которое не имеет аналога.

В.И. Кощеева
Музей истории народного образования ГОУ ДОД Кировского областного центра детско-юношеского туризма и экскурсий

ВЯТСКИЕ КУПЦЫ ПРОЗОРОВЫ В ПЕТЕРБУРГЕ

Одной из причин быстрого экономического, политического и культурного роста С.-Петербурга в первой половине XIX в. является, безусловно, наличие оснащённого, в соответствии с требованиями времени, морского порта, который и был фактически «окном в Европу». Именно поэтому Петербург привлекал российских предпринимателей, купечество, особенно из глубинки — Предуралья, нечерноземных территорий Заволжья. К нему тянется торговый люд тех губерний, которые выходили на торговлю с зарубежьем только или, главным образом, через Архангельск. Доставка товаров и сырья в архангельский порт требовала больших затрат, вызванных неустроенностью дорог, климатическими условиями Севера. Зная безвыходность положения, иностранные фирмы диктовали цены, спрос, устанавливая их с выгодой для себя, ущемляя интересы купечества Вятской, Пермской, Оренбургской и других губерний.

Поэтому во второй половине XIX в. Петербург все больше притягивает российское купечество. Многие предприниматели, купцы налаживают прямые связи с фирмами Англии, Германии, Бельгии, Голландии, стремясь приблизиться к партнерам по торговле, приобретают в столице жилые дома, здания для вновь открывающихся торговых фирм, включаются в работу банков, биржевых комитетов.

Одним из первых среди подобных переселенцев был вятский 1-й гильдии купец, потомственный почётный гражданин, коммерции советник Яков Алексеевич Прозоров.

Памятуя о тяжелом опыте отца и братьев, сам испытавший все тяготы торговли через Архангельский порт, собрав силы и средства, наладив прямые связи с фирмами Англии и Германии, подготовив к грамотной работе с зарубежными партнерами сына Алексея, Прозоров понял, что для увеличения оборота капитала настало время приблизиться к фирмам-партнерам.

Вероятно, причиной переезда было и то, о чём писал в своей книге «Москва купеческая» Павел Бурышкин: «В конце XIX века торговое дело начинает считаться непрестижным, и купцы стараются вывести своих детей в люди в столичных условиях, передать им не только богатое наследство, но и пожалованный титул, способствовать вступлению в военные или чиновничьи круги». Так это или нет, но мы знаем, что Алексей Прозоров, продолжая дело отцовской фирмы, значительное время и силы отдает работе в банке и административных ор-

ганах. Внук Якова Алексеевича — Борис уже надворный советник и служит в главном управлении почт и телеграфа; внук Яков становится военным. К моменту выезда из Вятки у Алексея было уже трое детей, взрослыми становились дочери Якова Алексеевича, о дальнейшей судьбе которых он также заботился. Видимо, все это постепенно укрепило его решение о переезде в столицу. Сам Яков Алексеевич достиг к этому времени солидного, по тем понятиям, возраста и спешил решить вопрос об устройстве детей.

Решение было принято в 1878 г. и Прозоровы переехали в С.-Петербург. Устраивая жизнь семьи на новом месте, Яков Алексеевич проявляет сметку и практичность, не забывая об упрочении положения в обществе. Для жилья он приобретает особняк в престижном районе столицы, в непосредственной близости к морскому порту и торговой бирже. Это был дом № 48 по Английской набережной — особняк, построенный в начале XVIII в., принадлежавший Стенбок-Ферморам, о чем говорит мемориальная доска на здании. Как и большинство строений на набережной, дом является памятником архитектуры. Значительное количество зданий здесь построено англичанами, отсюда собственно, и ведет свое название набережная. О престижности района говорит и то, что особняки здесь принадлежали знатным вельможам, представителям графских и княжеских фамилий, внесшим значительный вклад в историю и культуру России.

В начале XVIII в. графом Капнистом, выходцем из Италии, давшим начало роду тесно связанному с князьями Трубецкими и Оболенскими, был построен дом № 50. Именно это здание приобрёл Яков Алексеевич Прозоров для размещения конторы своей фирмы «Торговый Дом Яков Прозоров с Сыном», начавшей свою деятельность в январе 1879 г. На этом доме установлена также мемориальная доска с текстом: «Здесь в 1859-1862 гг. жил и работал Отто фон Бисмарк, прусский посланник, будущий канцлер Германии». Оба дома — № 48 и № 50 примыкают друг к другу. Напротив них, вдоль набережной Невы устроены причалы, где, вероятно, швартовались для погрузки и выгрузки товаров корабли торговой фирмы Прозоровых. Рядом — первый постоянный мост на Неве, построенный по проекту русского инженера Кербеза в 1842-1850 гг. — Николаевский мост (теперь — мост лейтенанта Шмидта), связывающий Английскую набережную с противоположным берегом в непосредственной близости с биржей и её сооружениями. Это тоже было удобно для Прозоровых, т. к. оба принимали активное участие в работе биржевого комитета, имели здесь склады для хранения товаров, в здании биржи размещалось подразделение их семейной фирмы.

Алексей Прозоров приобретает свой дом по ул. Галерной, 49. Эта улица начинается от арки здания Сената — Синода и идёт до Ново-Адмиралтейского канала, параллельно Английской набережной. Дома отца и сына, в них расположенные, как и все прочие здесь,

имеют общие дворы, а это позволило обеим семьям, живя отдельно, сохранять семейные традиции. Так постепенно, удобно и практично, устраивались Прозоровы в столице. Их родственники и служащие приобретали дома и квартиры в престижных районах. Об этом свидетельствуют «Адресные книги г. С.-Петербурга».

К сожалению, Яков Алексеевич недолго прожил в столице. Вероятно, сказался переезд, перегрузки, связанные с устройством семьи и обоснованием фирмы. В ночь с 3 на 4 февраля 1881 г. на 65 году жизни Яков Алексеевич скончался. Его памяти были посвящены материалы в центральных и вятских газетах. Подтверждением достойного положения, которое занимал Прозоров в столичном обществе, служит тот факт, что он был похоронен в Федоровской церкви Александро-Невской Лавры с почестями и при большом собрании людей. К сожалению, условия эксплуатации храма в советское время способствовали тому, что захоронение было утрачено.

Одиннадцать лет провела в столице после смерти мужа Пелагея Семёновна. Эти её последние годы были связаны с семьёй сына и родственниками, о чём вспоминает Александр Прозоров. В Вятку она больше не возвращалась. Она скончалась 10 января 1892 г. и была похоронена рядом с супругом.

После смерти отца управление фирмой перешло к Алексею Яковлевичу. Укрепляя капитал, он, по примеру отца вкладывает средства в недвижимость. Приобретает имение и мукомольную мельницу в Петербургской губернии, 388 десятин земли в Уржумском уезде, каменный дом с амбарами в г. Орлове Вятской губернии, товарные склады в Петербургском и Архангельском портах и на пристанях рек Волги, Камы, Вятки, Пижмы. Были куплены дома с землями в городах Екатеринбурге и Шадринске, 600 десятин лесных дач в Вятской губернии.

Алексей Яковлевич продолжает отцовские традиции и в делах благотворительных — вкладывает средства в попечительство детскими приютами в Вятке, председательствует в страховом обществе «Россия», являясь организатором помощи бедствующим от стихии. При его содействии и материальном участии значительно раньше, чем в уездном Устюге, на родине матери Пелагеи Семёновны, в г. Лальске было открыто в 1890 г. городское училище. В С.-Петербурге он был членом попечительского совета Биржевой барачной больницы, открытой в память императора Александра II на Васильевском острове. В 1892 г., неурожайном для Вятки, А.Я. Прозоров принимает на себя часть хлебных заготовок для бедных горожан.

Трудно перечислить добрые дела этого человека, повлекшие за собой народное и государственное признание. В 1882 г. он становится кавалером ордена Св. Станислава 3 степени, в апреле 1888 г. — почетным членом совета С-Петербургского коммерческого училища, потомственный дворянин коммерции советник А.Я. Прозоров награ-

жден орденом Св. Анны 3 степени. В октябре 1891 г. Вятская городская Дума ходатайствует о присвоении ему звания Почетного гражданина г. Вятки, на что в июле 1892 г. получено согласие императора.

Всё более прочным становится общественное положение Алексея Прозорова. После переезда в С.-Петербург он зачислен чиновником Министерства финансов. С образованием Министерства торговли и промышленности становится чиновником для особых поручений при нём. Алексей Яковлевич принимает участие в работе советов по железнодорожным и транспортным делам, председательствует в совете съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства, является членом совета по делам торгового мореплавания. В 1892 г. он уже числится среди лиц городского управления С.-Петербурга, избран членом Совета Волжско-Камского Коммерческого банка, имевшего отделение и в Вятке, а в Уржуме и Котельниче — агентства. Вятское отделение размещалось в одном из домов Прозоровых, пока для него не было построено собственное здание. Представляя банк, он часто бывал по его делам на Вятке. После Октябрьского переворота 1917 г. банк в столице был закрыт, но теперь он снова работает, размещаясь на углу Невского проспекта и Михайловской улицы. В 1892 г. фирма «Яков Прозоров с Сыном» во главе с Алексеем Яковлевичем продаёт пеньку и лён на Английской набережной, 50, а также — хлеб, при Торговой Бирже. В отделе торгового мореплавания и хлебной торговли доверенным фирмы был сын Алексея Яковлевича — Алексей. Он же в начале 1890-х гг. взял на себя заведование котиковыми промыслами на Охотском море. В 1903 г. Алексей Яковлевич избирается председателем С.-Петербургского биржевого комитета, и с тех пор бессменно стоял в главе Фондовой Биржи. В 1911 г. Прозоров избирается депутатом в Государственную Думу от Петербурга по первой курии, где он примыкает к октябристам — партии, поддерживающей самодержавие.

После смерти Якова Алексеевича, в соответствии с его завещанием, прозоровский капитал был поделён между наследниками, указанными в нём лицами и учреждениями. Дробление семейного капитала, затраты Алексеем Яковлевичем на возрастающие общественные нагрузки привели к сокращению торгового оборота.

В 1892 г. ушла из жизни Пелагея Семёновна, хранительница семейного очага. Тяжелым событием стала почти одновременная смерть двух взрослых детей. В августе 1902 года в устье р. Камчатки, при попытке оказать помощь гибнущим во время шторма рыбакам, погиб сын Алексей, надежда и опора отца, грамотный специалист, окончивший Петербургский университет. Лишь в октябре 1903 г. тело Алексея было доставлено в Петербург для захоронения. В январе 1903 г. на двадцатом году жизни умирает дочь Евгения. Все они — Пелагея Семеновна, Алексей и Евгения похоронены в Федоровской церкви Александро-Невской Лавры.

Неизвестно, что послужило причиной развода Алексея Яковлевича с женой, но в адресных книгах 1912 года указан адрес проживания его жены Антонины Николаевны и сына Якова в доме № 7 по улице Бассейной (ныне ул. Некрасова). Алексей Яковлевич жил в это время по-прежнему на улице Галерной в собственном доме.

После развода с женой Алексей Яковлевич сходится с вдовой полковника Машина, которая заботится лишь об увеличении своего состояния, используя средства Прозорова на приобретение ценностей. Все эти события не только подтачивали материальные устои семьи, но и наносили ущерб здоровью Алексея Яковлевича.

22 января 1914 г. Алексей Яковлевич Прозоров скончался. Его могила была внесена в «Алфавитный указатель исторических могил, находящихся на кладбищах Петрограда и его окрестностей» в ежегоднике «Весь Петроград. 1916 год». К сожалению, она, несмотря на исторический статус, не сохранена.

8 марта 1914 г. Духовный Собор Свято-Троицкой церкви Александро-Невской Лавры выдаёт свидетельство за № 385 о том, что единственными наследниками А.Я. Прозорова являются его жена (вдова) А.Н. Прозорова, сыновья Борис и Яков, и дочь — княгиня Ольга Алексеевна Оболенская. Права на наследование подтверждаются документами. Иск гражданской жены Алексея Яковлевича М.П. Машиной о ее праве на наследство, судом не был удовлетворен. Здесь же дана справка об имуществе умершего, которое заключалось в домашней бездоходной движимости (лошади, суда), в праве на фирму «Торговый дом Яков Прозоров с Сыном», в наличных деньгах, процентных бумагах. Судя по документам, сонаследники отказались от владения фирмой в пользу Якова Прозорова (младшего), получившего в своё время образование в Николаевском Кавалерийском училище, служившего в I Лейб-Драгунском Московском Императора Александра III полку, в 1903 г. произведённого в штаб-ротмистры и в 1907 г. уволенного в отставку. Отставной штабс-ротмтстр, женившийся на баронессе фон Симолин и, имевший двух детей, был страстным игроком. Часто проигрывая большие суммы, он выписывал счета и векселя к оплате на имя отца. Это привело к тому, что Алексей Яковлевич при жизни вынужден был дать в газету объявление об отказе принимать к оплате бумаги, выдаваемые сыном в счет долга. Получив наследство, Яков был вынужден заниматься делами фирмы. По имеющимся данным, в 1916 году место жительства Якова в Петрограде указано на ул. Жуковского, 31, а в 1917 году — на ул. Миллионной, 23.

Дочь Алексея Яковлевича Ольга, в первом браке графиня Асташева, овдовев, вышла замуж за князя Оболенского, жила за границей. Сын Борис, надворный советник, служащий Главного Управления почт и телеграфа в 1912 году жил на ул. Матвеевской 11, где жила перед революцией Антонина Николаевна, сведения о ее дальнейшей судьбе не обнаружены.

Неизвестна дальнейшая судьба и потомков Я.А. Прозорова. Издание ежегодника «Весь Петроград» после 1917 г. было прекращено и возобновилось только после гражданской войны. В 1923 г. на его страницах имён членов семьи Прозоровых уже нет. Было сказано о том, что в Петербург вместе с Прозоровыми, раньше или позже их, переехали многие их родственники. Некоторые сведения о них даны в сборнике «Прозоровы в Петербурге», но это тема дальнейшего исследования и долгого интересного разговора.

Список литературы и документов, использованных в материале:

1. ГАКО. — Ф. 170. — Оп. 1. — Д. 377.
2. Адресная книга г. С.-Петербурга 1893 г. — С. 2, 3, 6, 17, 23, 91, 183, 227, 396, 484.
3. Архитектурный путеводитель по Ленинграду. — Л., 1971. — С. 54, 94-97.
4. Адресная книга г. С.-Петербурга 1892 г. — С. 13, 158, 411, 474, 566, 709
5. Весь Петроград. 1916 г. — С. 9, 214, 554, столбец 10, с. 6,7
6. Трубецкой В.С. Записки кирасира // Наше наследие. — 1991. — № 2. — С. 11.
7. Русская родословная книга. — СПб., 1875. — Т. 2. — С. 6, 219.
8. Ленинград. Справочник для туриста. — Л., 1969.
9. Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград. Энциклопедический справочник. — М., 1992. — С. 76, 290-291, 571.
10. Весь Петербург. 1912 г. — С. 733.
11. Адресная книга г. С.-Петербурга. 1901 г. — С. 22, 653, 1024.
12. Справочная книга С.-Петербургской купеческой Управы. 1913 г. — С. 612, 652.
13. Исторические кладбища Петербурга. Справочник — путеводитель / Сост. А.В. Кобак, А.М. Пирютко. — СПб., 1993. — С. 32, 173, 573.
14. Петербургский некрополь / Сост. вел. кн. Николай Михайлович. — СПб, 1912. — Т. 3. — С. 506.
15. Саитов В.И. Петербургский некрополь. — СПб., 1912-1913. — С. 84, 86, 109.
16. Вятская речь. — 1914. — 24 января.
17. РГИА. — Ф. 23. — Оп. 1. — Д. 148. — Л. 5, 20-24.
18. РГИА. — Ф. 23. — Оп. 1. — Д. 1346. — Л. 9, 20-24.
19. Весь Петроград. 1917 г. — С. 559.
20. Материалы В.А. Любимова о Прозорове (дети Александра Алексеевича).
21. Кощеева В.И. Прозоровы в Петербурге. — Киров, 2001.
22. Кощеева В.И. Время собирать камни. — Киров, 2001.

В.П. Бойко
Томский государственный архитектурно-строительный университет

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ СИБИРСКОГО КУПЕЧЕСТВА В XIX ВЕКЕ

Важной и неотъемлемой частью деятельности сибирского купечества являлась благотворительность. Щедрые пожертвования на общественные нужды, на развитие культуры и образования, на нужды церкви и здравоохранения, забота о сиротах, инвалидах, бездомных, заключенных и других категориях обездоленного населения — все это было привычной статьей расходов сибирских купцов. Благотворительность, на наш взгляд, необходимо рассматривать как типичное явление общественной жизни региона, которая касалась многих ее сторон. Необходимость делиться своим богатством с сирыми и убогими, с больными и нуждающимися внедрялась в сознание купцов вместе с основными догматами православия. Поэтому одним из важных истоков благотворительности следует признать народную православную традицию, глубокую религиозность купцов, которые часто пользовались возможностью заслужить прощение своих грехов за свои «благие дела». Христианское учение с призывом помогать страждущим, с милосердием к ближнему и вообще к людям независимо от их веры и личных симпатий не могло не отпечататься в сознании верующего человека и в большей или меньшей степени сподвигнуть его к благотворительности.

Другим объективным обстоятельством, которое стимулировало благотворительность сибирских купцов, следует признать политику правительства, которое с середины XVIII в. приветствовало благие дела своих состоятельных подданных, в пользу нуждающихся в них. С начала XIX в. за наиболее крупные пожертвования правительство награждало золотыми и серебряными медалями на орденских лентах, а затем стало жаловать российскими орденами, правда низших степеней, исключая высшие ордена империи. Присвоение почетных для не дворян чинов, вместе с награждением некоторыми орденами давало возможность купцам причислиться сначала в личное, а затем и в потомственное дворянство. Отметим, что в Сибири такого размаха благотворительности, который давал бы возможность перейти в дворяне нам неизвестен, хотя в европейской России это было не в диковинку. Кроме того, крупные жертвователи имели преимущество при назначении на почетные и ответственные должности в городском самоуправлении, на место бургомистров и городских голов, которое давало определенные выгоды

и для их предпринимательской деятельности. Целый ряд законодательных актов и постановлений подробно регламентировал порядок внесения и приема частных пожертвований, заботился, чтобы к этим действиям не допускались лица, находившиеся под судом и следствием, или даже замеченные в «предосудительных поступках». Особую значимость для купцов имел указ 1877 г., когда стипендиям, кроватям в богадельнях или больницах или даже целым учебным, лечебным или социальным заведениям разрешали присваивать имя жертвователя.

В значительной степени благотворительность мотивировалась местным патриотизмом купцов: они не могли допустить, чтобы в соседних городах, примерно равных по численности населения и экономической мощи, что-то было лучше — соборы и церкви, общественные и жилые здания, чтобы молва приписывала соседям большую щедрость, чем им самим. Такая тенденция в умонастроениях купцов усилилась после выхода в 1870 году Городового положения, по которому общественное призрение было передано органам городского самоуправления, состоявшим преимущественно из купцов. Городская казна и частные пожертвования должны были содержать «богоугодные заведения» (народные школы, сиротские дома, богадельни и смирительные дома) и не допускать до прошения милостыни своих нищих, и наделенных тяжелыми недугами и не могущих из-за этого работать людей.

Нельзя полностью исключить и нажим на купцов со стороны местной администрации, которая хотела показать перед правительством свою общеполезную деятельность и понуждала купцов делать крупные пожертвования на какие-либо крупные проекты, обещая взамен свою поддержку при хлопотах о наградах и званиях. Часто такая инициатива исходила от местных священников и руководителей епархии, и они находили поддержку своих начинаний у местного купечества. Тем не менее, не всегда инициатива, исходившая от администрации, включая высшую, получала поддержку среди купечества и давала ожидаемый эффект. Например, репрессивные меры против пауперизации населения в первой половине XVIII в. не дала ожидаемых результатов, так как нищие, прикрепленные к заводам, были негодной рабочей силой, а их численность не убывала, получая поддержку у населения. При Екатерине II начинает проявляться гуманизм в отношении нуждающихся, появляются приказы общественного призрения, которые кроме заботы о богоугодных заведениях имели еще и коммерческие полномочия, могли давать деньги в ссуду под надежное обеспечение, принимать их на хранение от населения, получая от этого выгоду и т.д. При Александре I эти тенденции усилились, что, учитывая патриотический подъем во время войны 1812 года и личные качества императора, его мягкость и либерализм, дало начало массовой благотворительной деятельности

российского, в том числе и сибирского купечества. При его преемнике, Николае I, началась довольно жесткая регламентация жизни российских подданных, в том числе и в области частных пожертвований, что сильно уменьшило их объемы. Уменьшение ограничительных мер при Александре I, курс на реформы во всех сферах жизни, передача регламентации работы благотворительных обществ и частных пожертвований в руки местного самоуправления позволили многократно увеличить объемы благотворительности и сделать ее почетным и общественно значимым делом.

Характеризуя купеческую благотворительность, особое внимание следует обратить на личные качества купцов, их семейное положение, характер их жен и т.д. Часто несколько купцов при примерно равных капиталах и доходах сильно отличались друг от друга в размерах благотворительности. Положительно влияли на размеры пожертвований добродушие купца, его любовь к общественному признанию своих заслуг; больше других жертвовали вдовцы и семьи, где не было детей, не было прямых наследников. Меньше других жертвовали люди болезненно скупые или, наоборот, склонные к мотовству, к прожиганию жизни через разгул и бессмысленную роскошь. Как правило, успех в коммерции был прямо пропорционален щедрости в благотворительности, хотя и наблюдались редкие исключения из этого правила.

В последнее время появился ряд работ по теории и практике благотворительности и в отечественной историографии. Большей частью они освещают деятельность московского купечества, что вполне естественно, так как связано с масштабами его благодеяний, убедительным их отражением в источниках, глубоким следом в русской культуре и общественной жизни, оставленным русскими меценатами. Одной из первых и заметных работ стала популярная монография А.Н. Боханова, где в форме очерков рассказывается и обобщается уже достаточно известный для историков материал о наиболее крупных меценатах России, большинство из которых, естественно, москвичи [1].

Спустя десятилетие появляется монография Г.Н. Ульяновой, посвященная только московским предпринимателям и их благотворительности, где уже дан биографический словарь купцов с их конкретными вкладами в разные сферы жизни Москвы, отмечена некоторая закономерность динамики пожертвований (70-е и 90-е гг. XIX в. и начало XX в.), отмечены особенности в системе пожертвований. К их числу относится большая доля женщин (25 %), значительная доля молодых купцов, семейной расположенностью к благотворительности, появлением определенного стереотипа поведения, который нужно было постоянно подтверждать, необходимости благотворительности при выборах в общественные организации [2, С. 269–272]. В последней работе Г.Н. Ульяновой рассматривают-

ся проблемы соотношения законодательства и благотворительности, хотя автор и признает, что понятие «благотворительность» остается дискуссионным, а «законодательство о благотворительности» — условным. Тем не менее, нам важно узнать, что подведомственные приказу общественного призрения народные школы, сиротские дома, больницы, богадельни и смирительные дома могли создаваться как на средства местного бюджета, так и на благотворительные пожертвования. Среди приведенного в статье списка жертвователей обнаруживаем и «сибирский след»: в начале XIX в. отставной солдат Саматов изъявил желание построить за собственный счет в г. Кургане Тобольской губ. деревянный дом на 16 больных, а местные жители обязались поставлять туда продовольствие и одежду [3, С. 17–32].

Серьезным вкладом в изучение российской благотворительности является работа петербургского историка А.Р. Соколова, который одной из причин слабой благотворительности в современном обществе считает российское законодательство, больше тормозящее и ограничивающее свершение благих дел, чем ему способствующее. Соколов прослеживает значение слова благотворительность от словаря В. Даля до современных работ. Его не удовлетворяют формулировки большинства исследователей, в том числе Я.Н. Щапова: «Благотворительность — это сочетание государственных форм помощи населению с общественной и частной помощью неимущим, которые восполняли недостающие социальные связи» [4, С. 85]. А.Р. Соколов дает свою формулировку термина «благотворительность», в основу которого ставит принцип безвозмездного оказания помощи нуждающимся, выделяет 10 основных этапов развития благотворительности в России с 1760 по 1917 гг., каждый из которых характеризуется своеобразием организационных форм, социальных приоритетов и личных устремлений благотворителей (от цинично-карьерных до попыток осуществления социальных утопий), а также взаимоотношений государства и благотворительной общественности [5, С. 63–72]. Интересна сама по себе мысль о том, что увеличение числа благотворительных учреждений и объемов пожертвований частных лиц не есть положительная характеристика общества, так как она свидетельствует об увеличении числа тех, кому эта помощь оказывается. Социальная дифференциация общества требует восстановления с помощью благотворительности слабеющих социальных связей, о которых говорит в своей статье Я.Н. Щапов, положения которого мы разделяем в своей исследовательской практике.

Исследователи отмечают дальновидность сибирских купцов, которые понимали, что без внедрения новых технологий, без развития путей сообщения и увеличения материального благосостояния края у них уменьшится рынок сбыта, и ухудшатся их коммерческие

дела. Такие наблюдения, вероятно, в большей степени характерны для восточносибирских купцов, всегда отличавшихся большей расположенностью к прогрессивным и новаторским тенденциям, хотя местный патриотизм, названный одним из побудительных стимулов благотворительности, присущ был и другим сибирским регионам [6, С. 185]. Более щедрую благотворительность купцов из Восточной Сибири отмечает П.Н. Мешалкин, рассказывая о пожертвовании А.М. Сибирякова в 400 тыс. руб. на Высшие женские (Бестужевские) курсы, учреждение премии за лучшие исторические труды по истории Сибири и другие благотворительные акции Сибиряковых, И.С. Хаминова, И.П. Кытманова, П.И. Кузнецова, Ю.И. Баландина и других предпринимателей на нужды культуры и образования [7, С. 25–27].

Плодотворную попытку совместить теоретическую и практическую направленность в изучении благотворительности сделали барнаульские исследователи В.А. Скубневский, А.В. Старцев и Ю.М. Гончаров. Они считают, что определять главный стимул благотворительности, делить эгоистические и альтруистические ее начала занятие бесперспективное. В связи с этим они выделяют три основных группы сибирских филантропов и меценатов. К первой относятся люди с религиозными убеждениями, которые стремились обрести благодать в жизни вечной через добродетели в жизни земной. Ко второй — патриотизм, желание поддержать славу «русского имени», славу сибирского купца. К третьей — желание купцов получить определенные социальные льготы и привилегии, выделиться из основной массы купцов и мещан чинами и орденами. На наш взгляд, можно выделить еще некоторые моменты, стимулировавшие благотворительность — черты характера и семейное положение человека, идея служения обществу и чувство социальной ответственности за свое богатство, и некоторые другие. Авторам монографии удалось проиллюстрировать эти положения богатым фактическим материалом, сделать вывод о том, что на ниве филантропии отличались наиболее зажиточные алтайские купцы, предприниматели во втором-третьем поколении, имевшие достаточно высокий культурный уровень [8, С. 163–181]. Такие принципы исследования и выводы близки к нашим результатам работы в этой области [9].

Своего рода итоговой работой в области сибирской благотворительности могла стать коллективная монография Г.А. Бочановой, Л.М. Горюшкина и Г.А. Ноздрина, в которой рассматриваются и проблемы благотворительности сибирских купцов [10]. Однако эта тема не получила достаточно обширного и объективного освещения: материалы повторяются как в главе, посвященной этой теме (С. 36–46), так и в биографиях предпринимателей (С. 148–196). Биографические справки даются без учета новой литературы по избранной теме, в первую очередь «Краткой энциклопедии по исто-

рии купечества и коммерции Сибири»; изобилуют многими ошибками и искажениями. В ставшей достаточно популярной энциклопедии имена и фамилии купцов и предпринимателей даются, как правило, полностью, в то время как в монографии большинство из них представлены только инициалами имен и отчеств. В некоторых случаях из энциклопедии в книгу перенесены ошибки Г.А. Ноздрина. В авторской статье он писал о не существовавшем томском купце А.И. Пушникове (С. 181), хотя некоторые факты его статьи указывают на Федора Харлампиевича Пушникова, о котором подробно и обстоятельно рассказала в энциклопедии Н.М. Дмитриенко. Автор не учел своей ошибки и перенес ее в коллективную монографию. Томские купцы Королевы в книге указаны как «выходцы из Ростова-на-Дону». Хотя они и были ростовскими купцами, но родом происходили из центра России — Ростова Великого. Фирма Королевых не занимала «одно из ведущих мест по перевозке грузов и пассажиров в Сибири», как утверждается в книге (С. 171), ее основные интересы лежали в сфере винокурения, виноторговли, золотопромышленности и других сферах предпринимательства. Не выдерживает критики и статья, посвященная крупнейшим предпринимателям Сибири первой половины XIX в. — откупщикам и золотопромышленникам Поповым. Список досадных ошибок можно продолжить. Тема сибирской благотворительности, в основе которой лежали пожертвования купцов и коммерсантов из других сословий, на наш взгляд, только намечена в трудах общего характера и так же ждет своих исследователей.

Ведущее место в благотворительности западносибирского купечества занимали пожертвования на церковные нужды, хотя меркантильные интересы купцов частично не совпадали с догматами православия, которые не препятствовали, но и не приветствовали обогащение, купцы охотно шли на обильные и частые пожертвования на нужды церкви. Идеалы христианской морали были трудно совместимы с профессиональной деятельностью купца, а богатство и накопительство не являлись среди русского народа главными жизненными ориентирами, поэтому благотворительность в большинстве случаев среди набожных купцов являлась попыткой примирения нравственных устоев христианства с практикой коммерческой деятельности, являлась своего рода «очищением» себя в глазах общества за греховные дела на пути обогащения, своеобразной сделкой со своей совестью.

Широко благотворительность была распространена в старообрядческой среде, являвшейся одной из национальных особенностей русского предпринимательства. Если на Западе протестантизм выступал как религия формирующейся буржуазии, то в России старообрядчество с его жесткими религиозными нормами стало одной из форм первоначального накопления капитала. Строгий семейный

уклад, отказ от расточительства и многих мирских удовольствий, патрональные отношения в общине способствовали формированию больших семейных состояний купцов-старообрядцев. «Старина в старообрядчестве служила насаждению и развитию новых экономических условий», — сделали вывод авторы капитального труда по истории русского православия [11, С. 568]. Старообрядцы имели меньше шансов преуспеть в операциях с казной и были более тесно связаны с развитием торговли и промыслов, поэтому их капитал имел более прочный и естественный фундамент, проникал в разные сферы народного хозяйства и в связи с этим был более устойчив. Главной отличительной чертой старообрядчества от протестантизма являлась соборность раскольников, заботливость и внимание к единоверцам в отличие от индивидуализма и эгоизма у протестантов. Благотворительность купцов-старообрядцев была направлена, прежде всего, на то, чтобы устроить приюты для гонимых властями единоверцев, открыть молельные дома и церкви, оказать помощь беглым раскольникам. К такого рода деятелям раскола относились тобольские и тюменские купцы Прасоловы, Зубаревы, Пятковы, Колмаковы, Решетниковы, Опрокидневы, Аврамовы, Барашковы и другие. Документально такие пожертвования, к сожалению, не фиксировались. Поэтому трудно судить об их размерах, невозможно определить, кому и сколько давали купцы-старобрядцы взяток, чтобы построить свою церковь или освободить на некоторое время от преследований своих расколоучителей и единоверцев. Обстоятельную картину жизни трех поколений старообрядцев нижегородских купцов Бугровых из беглопоповского согласия нарисовал в своей монографии А.В. Седов. По его наблюдениям не менее половины своих доходов Бугровы отчисляли на благотворительность, а в период стихийных действий эти отчисления достигали 80 процентов [12, С. 163].

Благотворительность купечества была сложным общественным явлением и имела моральную, материальную и психологическую мотивацию. Быть богатым по православной традиции считалось не столь почетно, как это было в западном протестантизме. Поэтому богатый должен был делиться с ближними своим достатком, не отрываться от своей общины, и делать разного рода пожертвования для пользы своего коммерческого предприятия. Милосердие стало одной из основ коммерческой морали: обмануть не считалось грехом, сплутовать в торговой сделке — тоже, но не подать милостыню, не помочь нуждающемуся считалось по традиции грехом.

Многие пожертвования купцов были следствием глубокой религиозности купцов. Этот вывод подкрепляется еще и тем, что в наследстве многих купцов, как правило, обнаружены списки разных икон, драгоценных окладов и складней, книг духовного содержания. Купцы регулярно посещали церковь, были церковными старос-

тами большинства храмов своих городов, духовно были близки своим священникам и руководителям епархии.

Одним из мотивов благотворительности было во многом ущемленное властями и социально-политической обстановкой честолюбие и тщеславие купцов. Через благотворительность они могли как-то компенсировать свое приниженное по сравнению с дворянами и чиновниками положение. Полученные в результате благотворительности ордена и почетные звания также играли свою положительную роль в стимулировании пожертвований со стороны купечества.

Для сибирского купечества важно было остаться в глазах людей добрыми и щедрыми мирянами-единоверцами, хорошими хозяевами, которые и своей выгоды не упустят, но готовы и поделиться своим богатством. Сибирские купцы хотели оставить образцовые, с их точки зрения, по добротности и красоте здания не только своим потомкам, но таким же образом строили дома для обездоленных — приюты, богадельни, сиропитательные дома, а так же училища, школы и т. д. Кроме этого, они завещали большие суммы денег для раздачи бедным и нуждающимся, на поминовение завещателя и его родных, на нужды учебных и иных заведений. Однако благотворительность купечества была не в состоянии кардинально улучшить жизненные условия большинства населения края. Нищету и отсталость таким образом ликвидировать трудно, и нигде в мире благотворительность не дала таких впечатляющих результатов, чтобы связывать с ней надежды на улучшение жизни.

Примечания

1 Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. — М., 1989.

2 Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860-1914. — М., 1999.

3 Ульянова Г.Н. Законодательство о благотворительности в России (конец XVIII — начало XX вв.) // Отечественная история. — 2005. — № 6.

4 Щапов Я.Н. Благотворительность в дореволюционной России. Национальный опыт и вклад в цивилизацию. // Россия в XX веке. Историки мира спорят. — М., 1994.

5 Соколов А.Р. Благотворительность в русском общественном сознании. Дореволюционная историография благотворительной деятельности и благотворительных учреждений. — СПб., 2005.

6 Дамешек Л.М., Зимина В.Ю. Традиции благотворительности сибирского купечества XIX — начала XX вв. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. — Ч. II. — Челябинск, 1995.

7 Мешалкин П.Н. Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей. Вторая половина XIX — начало XX вв. — Красноярск, 1997.

8 Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая второй половины XIX — начала XX в. — Барнаул, 2001.
9 Бойко В.П. Благотворительность томского купечества на церковные нужды в XIX в. // Православие и развитие Российской духовной культуры в Сибири: материалы духовно-исторических чтений в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия: В 2 т. — Т. 2. — Томск, 2004; Он же. Благотворительность западносибирского купечества в области народного образования в XIX в. // Вестник Томского госуд. пед. ун -та. Вып. 4 (20). Сер.: Гуманитарные науки (история). — Томск, 2000.
10 Бочанова Г.А., Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А. Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX — начале XX в. — Новосибирск, 2000.
11 Русское православие: вехи истории. — М., 1989.
12 Седов А.В. Кержаки. История трех поколений купцов Бугровых. — Нижний Новгород, 2005.

ВКЛАД КУПЕЧЕСТВА В КУЛЬТУРУ И ПРОСВЕЩЕНИЕ РОССИИ

К.И. Корепанов, В.К. Корепанов
Альметьевский нефтяной институт

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕЛОВОЙ ЭТИКИ КУПЕЧЕСКИХ ДИНАСТИЙ ЕЛАБУЖСКОГО КРАЯ С УНИВЕРСАЛЬНЫМИ ПРИНЦИПАМИ ДЕЛОВОЙ ЭТИКИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Деловая этика — совокупность моральных принципов и норм предпринимательской деятельности. В наши дни здравомыслящие российские предприниматели откровенно устали от «игры без правил» и поэтому коллегиально склоняются к «цивилизованному бизнесу», основанному на международных и лучших российских стандартах деловой этики.

Деловая этика для современной России — это основополагающие «правила игры»: без них общественное и экономическое развитие остаются проблемными, рисковыми и непредсказуемыми. В наши дни ширится осознание выгоды соблюдения принципов деловой этики — порядочность, надежность и честность в деловых отношениях. Они становятся вровень с иными экономическими категориями бизнеса. Обращение к опыту, накопленному русским купечеством; изучение слагаемых успехов коммерческой деятельности, прочности и длительности функционирования купеческих фирм Стахеевых, Ушковых и других, а также купечества России в целом, представленного Третьяковыми, Мамонтовыми, Щукиными, Морозовыми, Бахрушиными и другими, представляет несомненный интерес.

В наши дни изучение содержательного мира деловых отношений российского купечества возможно в контексте корпоративной культуры. Она связана с философскими проблемами развития корпоративной культуры и профессиональной этики и включает в себя такие направления, как ее онтологию, философию организационной культуры, безопасность и философию управления персоналом компании, соционику, коучинг, инвестиционную философию и целый ряд других важных направлений. Подобный анализ в будущем позволит достаточно полно представить результаты большого опыта, значительная часть которого актуальна для развития современного бизнеса.

Особенно остро деловая этика необходима в корпоративном управлении — как существенный фактор регулирования сложной системы отношений между акционерами, советом директоров, менеджерами, сотрудниками компании и иными заинтересованными сторонами корпорации: поставщиками товаров и услуг, дистрибьюторами, конечными потребителями, местным населением и орга-

нами власти. Без внедрения и соблюдения российскими компаниями кодексов деловой этики привлечение капитала и развитие бизнеса в России будет проблематичным. В эволюции организационной и корпоративной культур, (тейлоризм начала XX века, «человеческие отношения 30-50-х годов, «социальная система» 50-70-х годов, «постэкономическая система» 70-х годов и настоящее время) первая выступает как исходная база корпоративной культуры. В социологии выделяют две группы концепций организационной культуры: рационально — прагматическую и феноменологическую.

Преимущественно мы будем придерживаться первого подхода. Несколько подробнее проведем сравнительный анализ наиболее важных принципов деловой этики купцов Елабужского края в контексте универсальных принципов деловой этики, основанных на аксиомах мировой философии. Как в XVIII-XIX веках, так и в наши дни человеческий фактор является одним из важных составляющих в бизнесе. Вся деятельность человека, в том числе купцов прошлых столетий и корпораций ценностно окрашена. Ценности в объект привносит субъект. В каждую эпоху формируется свой идеал ценностно-этической личности. Он — продукт воспитания, образования, идеологии. Профессиональное образование русского купечества начинает развиваться в XVIII веке, в связи с обучением за границей по инициативе правительства, главами купеческих фирм и т.д. Но большинство российских купцов приобретало знания в домашних условиях, закрепляя их на практике, торгуя вместе со своими отцами и старшими братьями. Лишь отдельные представители крупнейших купеческих фирм торгового мира России стремились дать образование своим сыновьям за границей. Качественные сдвиги произошли в начале 70-х годов XVIII века, когда впервые появилась возможность приобретения купцами специальных знаний уже в отечественных заведениях, что создавало в перспективе предпосылки для массового подъема профессионального и культурного уровня отечественных коммерсантов. Особенности экономической культуры российского купечества проявляются в XIX веке (деятельность в условиях абсолютной монархии), христианская этика и др. В результате активизировалась торговая деятельность династий в XIX веке, в частности купцов Стахеевых. С деятельностью К.Я. Ушкова связано развитие народного просвещения в Елабуге в 1850-1860-х годах.

Торговые учреждения Стахеевых — конторы и магазины, а также вспомогательные здания — склады и амбары были разбросаны по всему Волжско-Камскому бассейну и Сибири. В Казани, Чистополе, Н. Челнах, Мензелинске, Уфе, Бийске были дома Стахеевых, где доверенные лица вели торговые операции.

Судя по источникам, в большинстве случаев ориентировались на честность, порядочность и надежность деловых отношений. Это,

наиболее ценимые по всему миру и в России принципы деловой этики, поскольку следование этим принципам создает основу эффективных деловых отношений — взаимное доверие. Как в прошлом, так и ныне взаимное доверие является важнейшим морально-психологическим фактором бизнеса, которое обеспечивает предсказуемость деловых отношений, уверенность в обязательности делового партнера и стабильности совместного бизнеса.

Второй принцип: уважение прав собственности, которым следовали купцы и купеческие династии. Как и принцип деловой этики уважение к праву собственности в наши дни конкретизируется в новых положениях: стремление к балансу взаимной выгоды при совершении сделок — суть перехода права собственности; недопустимость нелицензированного использования чужой собственности; корректное использование торговой марки; недопустимость нарушения авторских прав и др.

Третий принцип: коллегиальность как принцип деловой этики. Стахеевы имели нефтяные промыслы, громадные собственные пароходства, заводы и фабрики, мельницы и сотни магазинов по всей России. Везде проявлялось стремление к коллективным поискам решения трудных производственных задач в рамках одного предприятия; уважительное отношение к коллегам, включая, как коллективные, общенациональные или религиозные поводы, так и события личной жизни. Во многих случаях оказывалась помощь менее опытным коллегам; поддержка коллег в сложной для них ситуации, в том числе и материальная.

В деятельности купцов проявляются следующие принципы: критика, исправление этических ошибок и бесконфликтность; гедонистический принцип; благотворительность; принцип корпоративной социальной ответственности; профессионализм, компетентность и информированность; конфиденциальность и профессиональная тайна.

Наиболее ярко проявляется принцип благотворительности, а также коллегиальности. Так, фундамент материального благосостояния династии Стахеевых был заложен Иваном Кирилловичем Стахеевым на рубеже XVIII-XIX веков. На высочайший уровень поднял престиж фирмы его сын — Иван Иванович (1805-1885), выдающийся в торговом мире России человек, при котором обороты достигали нескольких десятков миллионов рублей в год. Показательна коллегиальность: во всех делах фирмы соучаствовал его брат Дмитрий Иванович (1818-1888), не менее талантливый купец, прекрасно осведомленный в коммерческих вопросах.

Оба брата широко прославились удивительными масштабами благотворительности и меценатства. Ими в начале 70-х годов XIX века был образован «Благотворительный братьев Д.И. и И.И. Стахеевых комитет», на счетах которого были сотни тысяч рублей, тра-

тившиеся на строительство монастырей и церквей, зданий учебных заведений и приютов для нуждающихся, на обучение детей служащих фирмы в любых заведениях страны, на благоустройство родного города и т.д. Эту традицию продолжила Г.Ф. Стахеева (строительство Елабужского Епархиального училища и др.).

Известно, что промышленный капитал России сложился на основе торгового капитала и этот процесс наиболее активно происходил в первой половине XIX века. Предварительный анализ материалов торговой деятельности Стахеевых показывает, что у торговых домов династии был мощный торговый капитал, который в середине и во 2-ой половине XIX века начал обращаться в промышленный капитал. Значительную роль в развитии торговли, предпринимательства и накоплении капиталов и умелом их инвестировании и обороте сыграли принципы деловой этики, которых придерживались династии купцов Елабужского края.

И.В. Корнилова
Елабужский государственный педагогический университет

ВОСПОМИНАНИЯ В.Ф. КУДРЯВЦЕВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ ЕЛАБУЖСКОГО КУПЕЧЕСТВА XIX ВЕКА

В 1897-1905 годы была опубликована работа талантливого елабужского краеведа Василия Филипповича Кудрявцева (1843-1911) «Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края» , в которую вошли воспоминания В.Ф. Кудрявцева, посвященные истории благотворительности елабужского купечества XIX столетия.

Василий Филиппович родился в 1843 году в Елабуге в семье потомственного священника. Его отец, Филипп Иоаннович, служил дьяконом Никольской церкви, а затем Спасского собора города Елабуги. Мать, Елена Иосифовна, принадлежала к купеческому сословию. Первоначальное образование получил в Елабужском духовном училище, затем продолжил обучение в Вятской духовной семинарии.

Любовь к родному городу и краю привил Василию Филипповичу еще в детстве отец, который кроме своих непосредственных обязанностей священнослужителя, уделял внимание и духовно-нравственному просвещению своих прихожан, выступал на литературных вечерах в Елабуге с беседами на темы: «О войне 1812 года», «О народном здравии, чистоте и опрятности». Эти темы были ему близки по долгу службы в армии и в церкви. Известно, что Филипп Иоаннович во время Отечественной войны 1812 года по собственному желанию служил урядником в Казанском ополчении с 1812 по 1814 гг.

На формирование взглядов В.Ф. Кудрявцева, как будущего краеведа, сыграло немаловажную роль и старшее поколение елабужских священнослужителей, с которыми по долгу службы и по дружбе общался его отец. Среди них необходимо выделить первого елабужского летописца Петра Никитича Кулыгинского и его отца протоиерея Спасского собора Никиты Ивановича Кулыгинского, являвшегося корреспондентом Вятского губернского статистического комитета с 1836 года.

В дальнейшем судьба Василия Филипповича связала его с другими городами – Нижний Новгород, Москва, Тверь, изучением истории которых он занимался до конца своей жизни. В.Ф. Кудрявцев являлся действительным членом Нижегородского (1875-1911) и Вятского (1898-1911) губернских статистических комитетов и членом Тверской ученой архивной комиссии. Умер Василий Филиппович в Твери в 1911 году.

В своем очерке «Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края», помимо кратких исторических сведений о той или другой местности края, он сообщал всякого рода предания и легенды, останавливался на памятниках глубокой старины и, что не менее важно, попутно сообщал и сведения о благотворительной деятельности елабужских купцов.

В.Ф. Кудрявцев впервые говорит о высоком духе благотворительности елабужан, особенно богатых купцов. Он подчеркивает главную особенность благотворительной деятельности — ориентацию не только на строительство храмов, но и в большей степени, на открытие разнообразных учебных заведений, что характерно для второй половины XIX столетия: «... дух устройства школ повеял в Елабуге относительно недавно, лет сорок-тридцать назад благотворительность жителей обращалась почти исключительно на устройство одних только храмов: «взвешивая все то, что сделано в маленьком уездном городке на пользу общую, надо подивиться тому высокому духу благотворительности, который отличал доселе елабужских жителей, особенно его богатое купечество»[1].

В результате этой деятельности в Елабуге в рассматриваемый период, — справедливо считал он, — создался свой особый колорит, своя особая культура.

В.Ф. Кудрявцев при характеристике современного состояния города, сознательно обходя имена благотворителей, называя их «здешними коммерсантами», «здешними купцами», отмечает их вклад в устройство и украшение Елабуги: «По богатству утвари, ценности материалов и иконописи, некоторые из елабужских церквей признаются лучшими по всему Прикамскому краю... В Никольской, например, церкви царские врата и напрестольная одежда сделаны из чистого серебра. На иконостасе Покровской церкви прекрасная итальянская живопись, исполненная лучшими художниками-академистами. Лучшею из церквей считается Спасский собор...»[2].

Кроме того, Василий Филиппович выделяет и людей, отличившихся частными, единичными пожертвованиями: Ф.Г. Чернова и И.И. Стахеева: «Первый положил капитал на вечные времена, из процентов которого чрез каждые пять лет должна созидаться церковь в селении крещеных инородцев. Как устроенный им приют для девочек-сирот, так и эту заботу о младшей братии — инородцах... Второй из них строил церкви по преимуществу на Афоне»[3].

Благотворительность елабужских купцов распространялась и на строительство гостиного двора, водопровода, фонтанов, казарм, богаделен, больниц и др. Частная благотворительность выразилась

---

[1] Кудрявцев В.Ф. Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края. — С. 1.
[2] Там же. — С. 43.
[3] Там же.

в устройстве школ и постройке зданий: приходского, уездного, земского, духовного училищ, женской прогимназии и реального училища. «Двухэтажное здание женской прогимназии, с церковью при ней, выстроены К. и П. Ушковыми. Ф.Г. Гирбасов устроил ремесленное училище, с обучением в нем шести ремеслам, также основал убежище для слепых со школою при нем. Не мало также устроено в различных селах Елабужского уезда разного типа школ»[1].

Своеобразие исследования, весьма интересного для современного читателя, выразилось и в тех детских впечатлениях об известных елабужанах, описанных В.Ф. Кудрявцевым в зрелом возрасте.

На наш взгляд, особый интерес вызывает имеющееся в очерках В.Ф. Кудрявцева предание об одном из известных елабужских благотворителей Федоре Григорьевиче Чернове. В частности, при анализе произведения Д.И. Стахеева «Благоприобретение» В.Ф. Кудрявцев не только излагает елабужское предание о Ф.Г. Чернове, но и делится своими личными впечатлениями об этом человеке. Он пишет: «...я застал еще в живых это описываемое г. Стахеевым лицо. Портрет, нарисованный автором, как нельзя более верен с действительностью... он был глубоко сокрушающийся христианин — это я могу вполне подтвердить. Я видел его, будучи еще мальчиком, в приютской церкви. Он был тогда весь седой, сгорбленный несколько при его высоком росте, слепой, но далеко еще не дряхлый человек. Он внушал мне невольный страх и возбуждал детское любопытство, которое заставляло меня издали следить за ним. К этому побуждало меня казавшееся странным поведение этого богомольца среди других. Он что называется, изнывал на молитве, и это-то покаяние и казалось странным мне, еще мальчику... Его неприятный голос, подобного которому я и не слыхивал, служил полною противоположностью певшим на клиросе детским нежным голосам призреваемых малюток-девочек. Случалось, что он, при некоторых молитвословиях, с глухим стоном валился на помост церковный и здесь или лежал неподвижно, или стукал головою о плиты церковные. То, что прежде казалось мне странным, теперь кажется ясным: это была мольба покаяния, сокрушение о грехах, искреннее и глубокое...»[2].

Далее приводятся сведения о Ф.Г. Чернове, услышанные В.Ф. Кудрявцевым еще в детские годы от елабужан. Так вот следуя народной молве, Ф.Г. Чернов занимался благотворительностью исключительно из-за того, чтобы умиротворить, очистить свою «мятежную совесть» за совершенное им преступление, а именно убийство своего собственного ребенка ради наживы. По воспоминаниям Василия Филипповича, принести публичное покаяние Чернов не смог, поэтому взамен публичной исповеди усилил еще более дела

[1] Кудрявцев В.Ф. Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края. — С. 44.
[2] Там же. — С. 62.

благотворительности, которые «вел с большим умением, не рассыпая свои деньги направо и налево в поощрение тунеядцам, и в то же время начал каяться одному только Богу и изливать скорбь своей души в могильном склепе, где он становился в свой собственный будущий гроб... Это ли еще не подвиги покаяния? Во всяком случае, я никогда не решусь бросить камень осуждения в этого глубоко кающегося человека. Жалеть же, даже дважды, о том, что Бог не посылает ему смерти, я также бы не стал»[1].

На наш взгляд, воспоминания ценны тем, что они позволяют глубже проникнуть в атмосферу тех лет, представить интересы, нужды, заботы купечества. Вместе с тем, не исключены и преувеличения, тенденциозность.

Особую ценность работе В.Ф. Кудрявцева придает то, что кроме своих личных воспоминаний, он использовал разнообразные документальные источники, добытые им в процессе кропотливой работы в архивах и собранные предания и легенды, которым он придавал весьма большое значение. «Предания и легенды, как я думаю, помимо той или другой степени их достоверности, уясняют нам воззрение народа и самый дух народный. Религиозная же сторона преданий имеет, на мой взгляд, еще более глубокий смысл. Она указывает настроение жителей известной местности, намекает на искание в известную эпоху идеалов в жизни, которыми проникается и жив бывает народ. Без этих идеалов, в какой бы своеобразной форме они ни выражались, существование народа было бы крайне бедным, пустым и, пожалуй, легко бы опошлилось. Поэты, воплощающие народные идеалы, пользуются справедливо заслуженною славою»[2].

В заключении хотелось бы отметить, что автором собран и введен в научный оборот колоссальный фактологический материал, в том числе касающийся благотворительной деятельности елабужан второй половины XIX века. В этом одно из несомненных достоинств работы В.Ф. Кудрявцева.

---

[1] Кудрявцев В.Ф. Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края. — С. 62-63.

[2] Там же. — С. 51.

А.Ф. Кавиев, Л.В. Насырова
Елабужский государственный педагогический университет

ЕПАРХИАЛЬНОЕ ЖЕНСКОЕ УЧИЛИЩЕ В ЕЛАБУГЕ — ОБРАЗЕЦ КУПЕЧЕСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

Конец XIX — начало XX вв. характеризуется в России как период активного промышленного развития и оживления всех сфер экономики. Происходившие в связи с этим усложнения общественно-политического развития и социальных отношений, предъявляли все больший спрос на специалистов со средним и высшим образованием.

После реформ 60-70-х гг. XIX века, система образования стала расширяться. Учебные заведения Святейшего Синода в этот период были представлены Духовными и Епархиальными училищами. С реформированием и популяризацией образования Епархиальные училища были открыты во многих центральных губернских городах (Вятка, 1863). Тем не менее, открытие нового учебного заведения представляло большую трудность для Святейшего Синода, т.к. требовало привлечения средств из церквей, монастырей и добровольных пожертвований от духовенства той епархии, где открывалось училище. Однако, возможность открытия училищ, либо их содержание, иногда достигалась за счет пожертвований от светских лиц. Такие деньги в пользу духовных училищ поступали редко, если не считать забот императрицы Марии Александровны. Епархиальным же училищам пожертвования делались зачастую домами или участками земли и только в редких случаях деньгами[1].

Открытие Епархиального женского училища в Елабуге явилось беспримерно щедрым даром Потомственной Почетной гражданки города — Глафиры Федоровны Стахеевой. В 1897 году, желая увековечить память о своем муже Василии Григорьевиче, она обратилась через елабужского городского голову Андрея Дмитриевича Кусакина к Епископу Вятскому и Слободскому Преосвященнейшему Алексию с предложением: «В память покойного моего мужа потомственного почетного гражданина в.Г. Стахеева, я желала бы пожертвовать капитал в 200 тысяч рублей с благотворительной целью, с тем, чтобы будущее благотворительное учреждение находилось в Елабуге — месте рождения, жительства и смерти моего мужа и, вместе с тем, имело бы значение не только благотворительное, но и просветительное для всего Прикамского края»[2].

[1] Лихачева Е.О. Материалы по истории женского образования в России 1856-1880 гг. — СПб: Типография Стасюлевича, 1907. — С. 383.

[2] Танаевский С.И. Историческая записка об открытии Елабужского Епархиального женского училища. — Елабуга: Печатня И.Н. Кибардина,1903. — С. 2.

Епископ Вятский Алексий посоветовал Г.Ф. Стахеевой обратить внимание на острую необходимость открытия в одном из Прикамских городов, Елабуге или Сарапуле, Епархиального женского училища. Рассмотрев предложение Преосвященнейшего Алексия, Глафира Федоровна приняла историческое решение, заложив вековые образовательные традиции в родном городе. Решение Г.Ф. Стахеевой было передано Святейшему Синоду, который, дав согласие, распорядился начать подготовку по постройке здания и присвоить Глафире Федоровне звание почетной попечительницы открываемого училища.

Однако для открытия училища очень важным было решение Епархиального Съезда духовенства Вятской Епархии, т.к. новое учебное учреждение, согласно законам, должно было находиться на содержании Вятской епархии. Съезд, собравшийся 13 июня 1898 года, признал крайне необходимым открытие училища.

Не дожидаясь постройки здания, Глафира Федоровна изъявила желание открыть училище и начать обучение с 1898 года, предоставив дополнительную сумму из своих средств в 6 тысяч рублей на первоначальное обустройство необходимых помещений для обучения и общежития, на покупку хозяйственных принадлежностей, а также на годовое содержание воспитанниц и жалование служащим[1].

Проблема отсутствия помещения была решена потомственным почетным гражданином города Елабуги и братом Василия Григорьевича — Иваном Григорьевичем Стахеевым. Он предоставил бесплатно для временного помещения училища собственный двухэтажный каменный дом, заявив, что при нехватке мест, готов уступить еще одно дополнительное крыло дома[2]. Официально открытие училища могло состояться после разрешения издания указа Святейшего Синода. С этой целью в июле Преосвященнейшим Алексием туда было направлено соответствующее ходатайство.

В своей образовательной и хозяйственной деятельности Елабужское Епархиальное училище должно было руководствоваться Уставом Епархиальных училищ от 1868 года. Согласно этому документу в училище могли быть приняты дочери служителей Православного духовенства, девушки из других сословий — только за плату.

18 августа 1898 года на имя Преосвященнейшего Алексия из Святейшего Синода пришла телеграмма, разрешающая открытие первого класса Епархиального училища в Елабуге, а 21 августа оглашен указ Святейшего Синода, утверждавший открытие с начала 1898-1899 учебного года в Елабуге второго Епархиального женского училища[3].

---

[1] Танаевский С.И. Историческая записка об открытии Елабужского Епархиального женского училища. — Елабуга: Печатня И.Н. Кибардина,1903. — С. 11.

[2] Журнал Совета Елабужского Епархиального женского училища за 1898 учебный год. НА РТ. — Ф. 320. — Оп. 1. — Д. 22. — Л. не пронумерован.

[3] Танаевский С.И. Историческая записка об открытии Елабужского епархиального женского училища. — С. 12.

31 августа 1898 года состоялось первое заседание Совета Елабужского Епархиального женского училища. На нем были определены сроки организации вступительных экзаменов и начало учебных занятий.

20 сентября по окончании вступительных экзаменов, в присутствии Преосвященнейшего Никодима, Елабужское Епархиальное женское училище было открыто.

Почти через год после открытия училища 8 июня 1899 года была совершена торжественная закладка нового здания училища.

Участок земли под постройку площадью 2 десятины 1584 сажени в черте города был безвозмездно предоставлен городской думой. Проект здания разработал вятский губернский инженер, архитектор первой степени Иван Аполлонович Чарушин. Строителем здания являлся архитектор-художник Артемий Иванович Горохов, постоянно находившийся на месте постройки здания во все строительные сезоны. Все расчеты с подрядчиками и поставщиками материалов производились при посредничестве главной конторы торгового дома «Наследники В.Г. Стахеева»[1]. Хозяйственно-экономическое наблюдение за постройкой здания осуществлял сын Глафиры Федоровны инженер-механик Федор Васильевич Стахеев.

Строительство здания длилось четыре года непрерывно, кроме пяти первых зимних месяцев, и было закончено к 15 августа 1903 года. Составитель исторической записки об открытии Епархиального училища Священник Сергий Танаевский писал: «Здание Елабужского Епархиального училища по своему образцовому устройству — во всех отношениях, займет среди других Епархиальных училищ в России одно из первых мест»[2].

Епархиальное училище располагалось в конце центральной улицы города Елабуга. Главный фасад составляла центральная часть здания, увенчанная куполообразным покрытием с главкою и крестом. По правую и левую стороны располагались два крыла, к которым примыкали два флигеля. Основный корпус состоял из четырех этажей и подвала, имея главный вход со стороны Казанской улицы.

Новое здание отвечало всем требованиям, предъявляемым к нему как к учебному заведению. Оно было светлым и просторным, совмещало в себе административные кабинеты, учебные аудитории, общежитие для воспитанниц и квартиры для преподавателей.

Как вспоминали сами учащиеся «наше училище было единственным в Елабуге, имевшим паровое отопление»[3]. Г.Ф. Стахеева не

---

[1] Памятная записка о постройке здания Епархиального женского училища в городе Елабуге, Вятской губернии / Сост. А.И. Горохов. — Вятка: Типография, 1903. — С. 13.

[2] Танаевский С. Историческая записка об открытии Елабужского Епархиального женского училища. — С. 16.

[3] Из воспоминаний воспитанницы Стахеевского Епархиального училища Смирновой Фаины / Архив музея истории ЕГПУ.

пожалела средств на устроение столь дорогостоящей новинки. Продуманная система вентиляции создавала комфортные условия, как во время жаркого лета, так и в холодную зиму.

Главным достоянием училища явился великолепный храм, устроенный во имя Священномученика Василия, окончательная отделка которого была закончена к 1905 году. Строго византийский стиль дополнялся белоснежным мраморным иконостасом, за который в 1905 году Г.Ф. Стахеева заплатила 50 тысяч рублей[1].

Освящение здания было произведено 16 сентября 1903 года. Через несколько дней Елабужское Епархиальное училище, имевшее уже 6 классов обучения, торжественно праздновало свое новоселье. Безмерная забота и щедрый дар были оценены Святейшим Синодом, по указу которого с декабря 1904 года училище стало именоваться «Стахеевским Епархиальным женским училищем».

Таким образом, открытие Епархиального женского училища в Елабуге, благодаря желанию и настойчивости Г.Ф. Стахеевой, соответствовало не только нуждам губернии и желанию Святейшего Синода, но и отвечало политике государства в области образования, которое активно ратовало за расширение сети учебных заведений.

Дав согласие на открытие училища, Глафира Федоровна, не нарушая Стахеевских традиций в меценатстве, не только подарила возможность обучения многим девушкам и обогатила родной город прекрасным учебным заведением, но и заложила образовательные традиции на века.

[1] Отчет о состоянии Стахеевского Епархиального женского училища за 1904-1905 учебный год // Вятские Епархиальные ведомости. 1905. — С. 25.

И.Е. Крапоткина
Елабужский государственный педагогический университет

УЧАСТИЕ КУПЕЧЕСТВА В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ В ГОРОДЕ ЕЛАБУГЕ

Сегодня, стремясь решить многие проблемы, связанные с духовной жизнью и развитием культуры, мы вновь обращаемся к истории. В новом осмыслении прошлого общество пытается решить проблемы современности, среди которых особо выделяются вопросы, связанные с развитием образования. Одна из важных задач системы образования — обеспечить историческую преемственность поколений, сохранять и далее развивать сформировавшиеся традиции учебных заведений.

В настоящее время исследователи уделяют большое внимание роли личности в истории. Это оправдано тем, что большинство исторических событий и явлений имеют рукотворное деяние, в связи с этим, история начинает оживать.

В истории Елабуги XIX век знаменателен тем, что в общественной и культурной жизни уездного города активное участие принимало купечество. Благотворительная деятельность купцов нашла яркое отражение в системе просвещения. Многие учебные заведения, функционировавшие в Елабуге в XIX-XX веках, были построены на благотворительные средства купцов, при этом благотворители являлись попечителями и смотрителями этих училищ.

Чтобы не быть голословными, приведем конкретные примеры. 25 июля 1809 года, по распоряжению попечителя Казанского учебного округа С.Я. Румовского, в Елабуге было открыто уездное училище. Штатным смотрителем учебного заведения был назначен протоирей Елабужского Спасского Собора Павел Юрьев[1]. Училище стало располагаться в каменном здании, которое было пожертвовано в вечное пользование учебному заведению П. Юрьевым. В 1814 году елабужский купец Иван Буевкин выделил средства на строительство второго каменного этажа, а в 1817 году Юрьев пожертвовал финансовые средства на строительство деревянного флигеля[2].

Следует отметить, что финансирование учебных заведений в XIX — начале XX веков осуществлялось по средствам штатных сумм, выделяемых Министерством Просвещения, но при этом вторая статья доходов шла от пожертвований частных лиц. Что каса-

[1] ГАКО. — Ф. 205. — Оп. 1. — Д. 915. — Л. 14.
[2] Там же.

ется Елабужского уездного училища, то в архиве имеются следующие данные[1]:

финансирование	**1809 г.**	**1812 г.**	**1813 г.**	**1821 г.**	**1823 г.**
штатные суммы	908 р. 33 к.	1752 р. 10 к.	2976 р. 45 к.	2061 р. 05 к.	1637 р. 19 к.
пожертвования (жертвователь)	503 р. (Юрьев)	503 р. (Юрьев)	1418 р. (Камашев)	506 р. 86 к.	1066 р. 18 к. (Ф. Чернов)

В 1850 году в Елабуге произошел сильный пожар, в котором пострадало и здание уездного училища. Довольно продолжительное время учащиеся были вынуждены заниматься во временных помещениях. По инициативе К.Я. Ушкова, жертвовавшего средства на нужды училища, было начато строительство нового здания для данного учебного заведения.

В 1859 году городская администрация поддержала стремление общества учредить в Елабуге женское училище. К.Я. Ушков предложил разместить оба учебных заведения в одном здании. 8 сентября 1860 года состоялось торжественное открытие уездного и женского училищ[2].

Имя главного благотворителя было увековечено на мраморной доске. На втором этаже учебного заведения в рекреационном зале была надпись (сохранившаяся и в наши дни): «Дом этот пожертвован уездному и женскому училищам Елабужским потомственным и почетным гражданином 1-й гильдии купцом Капитоном Яковлевичем Ушковым 8 сентября 1860 г.»[3]

История Елабужского уездного училища была тесно связана с именем еще одного благотворителя — Ф.П. Гирбасова. 1 июля 1888 года Министерство просвещения дало согласие на переименование училища из уездного в городское трехклассное[4]. Будучи городским головой, Ф.П. Гирбасов выделил финансовые средства на преобразование учебного заведения, а проценты с этого капитала шли на оплату учебы беднейших учеников. Также он являлся почетным смотрителем образованного городского трехклассного училища[5].

Деятельность купца 1-й гильдии Ф.П. Гирбасова на ниве просвещения была довольно многогранной. Он являлся инициатором учреждения церковно-приходских школ. Так, на его средства был выделен дом в селе Танайка под помещение двухклассной церковно-приходской школы. На средства Гирбасова были построены подобные учеб-

---

[1] Составлено нами по: ГАКО. — Ф. 205. — Оп. 1. — Д. 915. — ЛЛ. 17-18 об.

[2] Вятские губернские ведомости. — 1860. — № 38. — С. 258.

[3] Кутше Н. Елабужское городское трехклассное училище (1809-1896). Историческая записка. — Казань, 1896. — С. 133.

[4] Там же. — С. 127.

[5] Календарь и памятная книга Вятской губернии на 1894 год. — Вятка, 1893. — С. 574.

ные заведения в деревнях Колосовке и Татарских Челнах[1]. В самой Елабуге в середине XIX века также имелась церковно-приходская школа, располагавшаяся при Нищенской богадельне, строительство которой было осуществлено на средства И.В. Шишкина в 1840 году[2].

10 сентября 1878 года в Елабуге состоялось открытие реального училища[3]. Данное учебное заведение было открыто при поддержке елабужских купцов-благотворителей. В частности, И.М. Шабалин внес 3 тысячи рублей, Е.Е. Емельянов и П.К. Ушков — по 9 тысяч рублей, Д.И. Стахеев — 15 тысяч, торговый дом «Григорий Стахеев и сыновья» — 20 тысяч, И.И. Стахеев — 100 тысяч рублей[4]. При реальном училище располагалось Общество вспомоществования нуждающимся ученикам. В 90-х годах XIX века председателем правления был купец С.М. Соломенцев. В само правление входили: А.Д. Кусакин, А.С. Антропов, в.Г. Стахеев, А.Д. Мыльников и К.П. Соколов[5].

Елабужские купцы оказывали посильную помощь не только в открытии и попечении учебных заведений города и уезда, но и активно содействовали распространению грамотности в крае. Так, на средства благотворителей Ф.П. Гирбасова, Н.Д. Стахеева, П.К. Ушкова, И.Г. Стахеева инспектором народных училищ В. Ислентьевым был издан учебник русского языка для вотяков Елабужского уезда. Необходимо отметить то, что данный учебник распространялся в селах бесплатно[6].

Особое отношение елабужан и гостей города вызывает здание бывшего Елабужского Епархиального женского училища, построенного на средства Г.Ф. Стахеевой в память о своем супруге Василии Григорьевиче. Глафира Федоровна выделила 400 тысяч рублей на строительство данного учебного заведения, и в 1898 году оно открыло двери для первых епархиалок[7].

В целом, к началу XX века в Елабужском уезде было 5 министерских школ, 98 земских, 31 церковно-приходская школа[8]. Боль-

---

[1] Журналы XXVI Очередной сессии Елабужского земского собрания, 1892. — Елабуга, 1893. — С. 194.

[2] Трехсотлетнее древо рода Шишкиных / Авт.-сост. Н.И. Курылева. — Елабуга, 2007. — С. 25.

[3] Историческая записка о состоянии Елабужского реального училища за 25 лет его существования (1878-1903 гг.). — Елабуга, 1903. — С. 11.

[4] Там же. — С. 12.

[5] Календарь и памятная книга Вятской губернии на 1894 год. — Вятка, 1893. — С. 574.

[6] Чудова Г.Ф. Елабуга и Елабужский уезд Вятской губернии: Указатель литературы, учтенной в краеведческом каталоге «Летопись Кировской области». — Киров, 1985. — С. 122-123.

[7] Историческая записка об открытии Елабужского Епархиального училища / Сост. С. Танаевский. — Вятка, 1903. — С. 16.

[8] Сведения по народному образованию в Вятской губернии. За 1900-1901 гг. и 1901-1902 гг. — Вятка, 1902. — С. 31.

шая часть этих учебных заведений были на попечении елабужских купцов.

Особо следует сказать о том, что в современной Елабуге сохраняются и поддерживаются традиции образования и просвещения. Так, в здании уездного училища в настоящее время расположен институт дополнительного профессионального образования ЕГПУ, в здании реального училища — учебный корпус Елабужской средней специальной школы милиции, в здании Епархиального женского училища — Елабужский государственный педагогический университет. Задача нынешнего поколения — сохранить и приумножить накопленные десятилетиями исторические традиции.

Л.А. Котлова
Елабужский государственный педагогический университет

СИСТЕМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КУПЕЧЕСКОЙ ЕЛАБУГИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX ВЕКА

В начале XX в. в Российской империи происходили огромные по своему значению исторические события: экономический перелом, первая мировая война, кризис самодержавия, революционные потрясения. Все эти события наложили свой отпечаток на развитие медицинского дела в России. Медицина страны в этот период переживала переходный этап от народной к земской, начавшийся еще в1864 году. Я.Г. Павлухин в своей работе «История медицины Татарстана в лицах» с полной уверенностью называет это время созидательным и прогрессивным[1].

В первое десятилетие прошлого века Елабужский уезд в медико-санитарном отношении делился на семь земских врачебных участков и один заводской и имел в своем составе восемь больниц, двадцать две амбулатории, восемь из которых находилось при больницах. Шесть из них существовали на средства земства. Две больницы содержали бондюжский и кокшанский заводы[2].

В Российской империи врачебный участок в результате земской реформы 1864 года стал основной структурной единицей земской медицины. Возникнув как форма медицинского обслуживания сельского населения, новая система оказала большое влияние на развитие городской, фабрично-заводской медицины[3].

Елабужский врачебный участок включал три волости — Граховскую, Качкинскую, Лекаревскую (кроме села Покровского) и четыре селения Кураковской волости. Всего 79 селений с 47 129 жителями[4].

Елабужская городская больница в 1903 году насчитывала 45 коек и охватывала комплекс зданий. В сентябре 1909 года на Вятском съезде врачей и представителей земств, местные врачи сообщали: «Градская больница помещается в конце города на малопроезжей улице, среди густого лиственного сада. Система барачная, из 6 корпусов: терапевтический, хирургический, арестантский (обслуживающий местную тюрьму), глазной, эпидемиологический из двух

[1] Павлухин Я.Г. История медицины Татарстана в лицах. — Казань: Медицина, 1997. — С. 8.
[2] Журнал Елабужского уездного земского собрания 47 сессии. Заседание 2. 21 сентября 1913 г. — С. 573.
[3] Павлухин Я.Г. История медицины Татарстана в лицах. — С. 7.
[4] От первой больницы // Новая Кама. — 1997. — 13 мая.

палат: одна для временного пребывания душевнобольных, другая — для сифилитиков-мужчин. Женщины, больные сифилисом, помещались в первом корпусе»[1].

Самостоятельного родильного отделения при больнице не было. Роженицы находились в хирургическом корпусе. Для них была отведена специальная палата, перегороженная ширмой. По одну сторону ее проходили роды, по другую — лежали женщины после родов. «Здесь только 4 кровати, поэтому многим родильницам приходилось отказывать»[2].

Между врачами обязанности были распределены следующим образом: «глазное отделение ведет глазной врач; заведующий больницей ведет хирургический и арестантский корпуса; второй врач — терапевтический и эпидемиологический. Шестым корпусом заведует то тот, то другой врач, смотря по роду больных там положенных»[3].

Оснащение городской больницы позволяло выполнять сложные операции по удалению новообразований, в том числе, рака губы, туберкулеза желез. Производились пластические, глазные операции (по удалению старой катаракты, на веках, удаление радужки, татуаж), перевязке сосудов, полостные (в основном удаление аппендицита), гинекологические, акушерские. Местные хирурги проводили операции по трепанации черепа, ампутации, операции на прямой кишке, мочевом пузыре и многое другое[4].

При больнице действовали химико-микроскопическая и химико-бактериологическая лаборатории, проводившие исследование анализов, как стационарных, так и амбулаторных больных (мокроты, крови, молока и др.). Ежегодно исследовалось в среднем около 500 анализов. В химико-микроскопической лаборатории, занимавшей небольшой угол в перевязочной комнате терапевтического корпуса, проводились передовые по тем временам исследования по серодиагностике брюшного тифа по Белоновскому, крови на гемоглобин по Тальквисту, исследование желудочного сока, мокроты на туберкулез и пневмонию[5].

В целом, больница располагала хорошим персоналом, необходимыми помещениями, медицинскими инструментами и приборами (аппарат для исследования кровяного давления, прибор для количественного определения сахара, аппарат для записывания пуль-

---

[1] Комиссаров А.Г. Забытый врач: Очерки уездной психиатрии и жизнедеятельности Ф.Г. Стельмаховича. — Набережные Челны, 2003. — С. 34.

[2] Демидов Г.Л. История здравоохранения Елабужского уезда XIX в. // Здравоохранению Республики Татарстан 75 лет. Материалы научно-практической конференции. — Казань: Медицина, 1966. — С. 111.

[3] Там же.

[4] Журнал Елабужского уездного земского собрания 47 сессии. — С. 573.

[5] Там же. — С. 575.

са у сердечных больных). «Больница освещается электричеством, обставлена в высшей степени хорошо, часть этой обстановки пожертвована»[1].

Городская амбулатория помещалась в доме управы на одном этаже с аптекой. «Амбулатория тесна, многим больным приходится ожидать в сенях или на улице. кабинет врача один, а так как в городе два врача, приходится принимать каждому врачу в разные дни»[2].

Елабужское земство располагало специальной медицинской библиотекой, «крайне необходимой для пополнения врачебных знаний медицинского персонала. Ассигнования для библиотеки доходили до ста рублей в год»[3].

Большую роль в развитии местного здравоохранения играло елабужское купечество. Купцы вкладывали немалые средства в строительство и благоустройство больниц, приобретение медицинского оборудования. К примеру, в 1901 году стараниями Стахеевых были приобретены пять аккумуляторов «для лечения теплосветом с безвозмездным заряжением их со станции». В 1903 году — «рентгеновский аппарат по 850 рублей», «пристроен врачебный кабинет и устроена большая светлая операционная». На пожертвования Стахеевых больница периодически приобретала инструменты, госпитальные принадлежности. Стахеевы жертвовали средства на наем врачей[4].

В декабре 1902 года в Елабуге открылся первый специализированный зубной кабинет. В дальнейшем один за другим стали открываться частные зубные кабинеты Азеровича, Мануйлова, Чегодаева, Давыдова, Левинсона.

Медицинская помощь оказывалась при учебных заведениях города, где действовали специальные медицинские пункты. В 1903 году при Епархиальном женском училище было решено построить больничный барак на 20 кроватей с ваннами и клозетами. Возведением его занимался инженер-механик Федор Васильевич Стахеев[5]. По окончании строительства, заболевших девочек помещали в барак и приглашали врача. Осмотрев больную, он прописывал лекарства и следил за ходом болезни. В больничном бараке работали специально нанятые сиделки для ухода за больными[6].

На средства владельцев Ушковых на Бондюжском заводе была построена, затем содержалась больница на 53 койки и фельдшерский приемный покой в Кокшане. Медицинский персонал в них состоял из одного врача, четырех фельдшеров, повивальной баб-

---

1 Журнал Елабужского уездного земского собрания 47 сессии. — С. 575.
2 Там же.
3 Там же.
4 Павлухин Я.Г. Здравоохранению Республики Татарстан — 75 лет. — Казань, 1966. — С. 118.
5 Государственный архив Кировской области. — Ф. 583. — Оп. 526. — Д. 40. — Л. 1-2.
6 Маслова И.В. Стахеевское Епархиальное училище. — Елабуга, 2003. — С. 8.

ки, помощника провизора. Врач, живущий при Бондюжском заводе, помимо экстренных случаев посещал Кокшанский приемный покой раз в неделю. На Сюгинском заводе Сырнева и Шишкова содержалась на их средства фельдшерская амбулатория. В ней работали один фельдшер и одна акушерка[1].

Между тем, общественность города постоянно выражала беспокойство состоянием медицинских дел в уезде. В одном из докладов ревизионной комиссии Елабужского уездного земства указывалось, в частности, на отсутствие в помещениях больницы приспособленного глазного отделения, а также недостаточное количество ватер-клозетов в помещениях заразного корпуса. «Белья мало и при постоянном переполнении больницы больным приходилось лежать в собственной одежде. Не хватает матрасов, вместо них неудобные чехлы, набитые соломой, придающие постели небрежный, неряшливый вид. Случаи отказа в стационарном лечении почти ежедневны. А зимой и осенью принимали даже массовый характер, особенно в городской больнице»[2].

В 1913 году на заседании Елабужского земства поднимался вопрос о постройке при городской больнице нового корпуса, оснащенного хорошо оборудованным хирургическим и глазным отделением, бактериологическим и рентгеновским кабинетом. Планировалось устройство в больнице центрального отопления и электрического освещения.

В систему здравоохранения города также входила земская аптека. В начале XX веке она работала в 3 основных направлениях: как вольная аптека, отпускающая медикаменты по рецептам врачей; как аптека Елабужской больницы; как центральный склад, приготовляющий и отправляющий в участок медицинские препараты собственного производства[3].

В штате земской аптеки состояли по данным 1912 года один провизор (управляющий аптекой), шесть помощников и два штатных аптекарских ученика. Она находилась в довольно тесном помещении, о чем неоднократно отмечалось в докладах уездной управы и отзывах губернского врачебного инспектора. «Стесненность не позволяла оборудовать аптеку крайне необходимым для её благоустройства оборудованием (перегонным аппаратом и химическими весами)»[4].

«Ожидальное помещение» аптеки и приемного покоя городской амбулатории были совмещены, что «вредно отражалось на её работе, как аптеке нормального типа с вольной продажей лекарств»[5].

---

[1] От первой больницы // Новая Кама. — 1997. — 6 июля.

[2] Елабужское уездное земство. Журналы собраний. Доклады управы, комиссии, представления, ходатайства и прочее. — Елабуга, 1914. — С. 204.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

В целях улучшения качества работы городской аптеки проектировалась постройка её нового здания и приемного покоя, но в силу ограниченности ресурсов уездная управа предложила уездному земству приспособить при соответствующем переустройстве существующее в Елабуге здание для содержания арестованных.

В Елабуге размещались медицинские благотворительные заведения, а также лечебница для душевнобольных. После временного содержания они направлялись в Казанскую окружную психиатрическую больницу.

На средства Елабужского уездного земства содержался санитарный врач. В его обязанности входило обследование санитарного состояния уезда, ознакомление населения с санитарными и гигиеническими требованиями путем чтения лекций и бесед, ведение статистики заразных болезней, издание бюллетеней[1].

На одном из заседаний уездного земского собрания в сентябре 1913 года особо подчеркивалось, что санитарный врач должен предупреждать появление эпидемических заболеваний, а земские участковые врачи лечить. Особо отмечалось: «Участковым врачам нет никакой возможности служить двум богам, и поэтому, дело страдает. Пятьдесят лет назад население уезда лечил один уездный врач. Полвека спустя, земства основали уже целую сеть медицинских участков и имеют на службе, в большинстве случаев, значительный штат врачей, но, к сожалению, до настоящего времени, деятельность земства Вятской губернии в области санитарии нисколько ни продвинулась, и в этом отношении другие земства России далеко опередили Вятское»[2].

Лечение в основном было платное. За каждый совет врача взимался пятачковый сбор. Крестьяне и бедняки уезда пользовались лечением бесплатно. С крестьян других уездов губернии и мещан взималась плата в 30 копеек за сутки нахождения в больнице. Состоятельные жители уезда за амбулаторное и послеоперационное лечение платили по рублю в сутки[3].

Оклад земского врача составлял 1500, заведующего больницей — 2 100 руб. в год. Врач получал месячный отпуск и через каждые три года имел право выезжать на учебу на 3-4 месяца. Заработная плата врача и фельдшера в то время позволяла жить довольно хорошо, если учесть, что корова на рынке стоила 12 руб., а овца — 1 руб.[4]

Для лечения больных в крае стали использовать целительные свойства минеральных источников. Много сил для обустройства

---

[1] Степанова Е.Я., Галлямов А.Б., Морозов В.В. Становление санитарной организации в Казанской губернии и Татарской республике (1797-1939). Очерки истории. — Казань, 2000. — С. 84.

[2] Журнал Елабужского уездного земского собрания 47 очередной сессии. — С. 568.

[3] Куковякин С.А. Земская медицина в Вятской губернии. — Киров, 2000. — С. 84.

[4] Павлухин ЯГ. История медицины Татарстана в лицах. — С. 10.

Ижевского источника приложил малмыжский мещанин Дмитрий Федорович Спиридонов. В марте 1914 года состоялось первое общее собрание акционерного общества Спиридоновских минеральных вод (при с. Ижевское Устье Елабужского уезда Вятской губернии) с основным капиталом в 300 000 тыс. руб. В число учредителей вошли Д.Ф. Спиридонов, тайный советник В.И. Ковалевский, профессор Военно-медицинской академии лейб-медик В.Н. Сироткин и лейб-хирург С.П. Федоров, лаборант Медицинской академии доктор Д.М. Цвет, инженер А.Ф. Спиридонов.

В систему медицинских учреждений Елабужского уезда входила лечебница вблизи села Варзи-Ятчи, построенная на серном источнике и приспособленная для лечения сернокислыми грязями и водой.

В 1915 году в Елабуге был организован объединенный социальный диспансер с двумя отделениями: туберкулезным и кожно-венерическим. Через два года открылось третье отделение диспансера — трахоматозное.

В 1917 году в уезде насчитывалось восемь врачебных участков и одна больница общим числом 136 коек. Население в это время обслуживалось тремя врачами и восмью работниками среднего персонала.

А.А. Уткин
Елабужский государственный педагогический университет

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ Г. КАЗАНИ О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗВИТИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Становление и развитие буржуазных отношений в России XIX в. способствовало расширению культурного пространства, включению «низов» общества в сферу профессиональной культуры. Осуществление широкомасштабной модернизации, прежде всего в социально-экономической области, смена хозяйственного уклада, рост производительных сил требовали интенсивного развития системы образования, более высокого культурного уровня общества. Насущной необходимостью стало не только распространение элементарной грамотности, но и качественно более глубокая образованность.

Широкое общественно-культурное движение середины — второй половины XIX века охватило не только столичные города, в него активно была вовлечена и провинция. Либеральные деятели российской провинции были среди тех, кто понимал настойчивую необходимость в развитии просвещения и культуры, важного для становления основ гражданского общества, развития производительных сил. Либеральная интеллигенция, по сути, идеологически обосновывала необходимость реализации общественных интересов в культурно-образовательной сфере, теоретически разрабатывала и указывала пути приложения общественной инициативы в этом вопросе.

Либеральная интеллигенция Казани середины XIX века была представлена, в основном, профессорско-преподавательским составом Казанского университета, группировалась вокруг немногих периодических печатных изданий. В своих научных работах, публицистических статьях и выступлениях ее представители неизменно касались сферы просвещения, отстаивали необходимость ее модернизации и дальнейшего развития.

На рубеже 50-60-х гг. XIX века в своих работах и публичных выступлениях представители либеральной интеллигенции г. Казани обосновывали важность и необходимость развития просвещения в России. Так, профессор политэкономии и статистики Казанского университета Ю.А. Микшевич сравнивая постановку образования в России и развитых западных государствах, приходит к неутешительным выводам. Если в США на 1 учащегося приходится 5, а в Англии и Франции — 11 жителей, то в России за школьной скамь-

ей находится лишь один из 143-х[1]. Ректор Казанской духовной академии архимандрит Иоанн Соколов в своих работах и проповедях констатировал, что подавляющее количество населения России находится во тьме невежества и суеверий. Косность, упрямство, развитое в народе, «это неохота, да и неспособность мыслить о предметах выше чувственных и выше обыденных, это неясное сознание... человеческого достоинства, это неподвижность к чему-либо лучшему в жизни», — все это изнутри разъедает Россию, задерживает ее поступательное развитие[2]. Иоанн Соколов призывает пробудить необразованные массы от умственного, нравственного и общественного усыпления, сделать их соучастниками новой жизни. Этот взгляд разделял профессор словесности Н.Н. Булич, который одну из причин апатичного состояния общества видит в недостатке положительных знаний и бездеятельности мысли[3].

Редактор неофициальной части Казанских губернских ведомостей А.Ф. Михайлов придерживался мнения, что широкое просвещение простого народа является одним из основных средств, благодаря которому улучшится его благосостояние. «Вопрос о народном образовании для нас есть самый вопиющий вопрос; средство для решения этого вопроса одно: школы и школы... — писал Михайлов. — Образование, образование нужно массе народа! Все добрые начала, скрывающиеся в богато одаренной натуре русского человека, глохнут, гибнут бесплодно в этой страшной глуши невежества»[4]. Обращаясь к теме образования, редактор не делал исключений для каких-либо категорий, он считал, что просвещение необходимо для всех сословий и состояний народа[5].

Подобный ход мыслей характерен и для профессора политэкономии И.К. Бабста, который считает, что в прямой зависимости от образования в будущем будет находиться благосостояние страны. В своей статье «Теория и практика» (1856 г.) Бабст прямо заявляет: «Практик-неуч — это всегда самый неумолимый враг науки, теории и вызываемых ими благодетельных реформ»[6]. Степень образованности он считает главным условием, наряду с бескорыстием и патриотизмом, чтобы совершить необходимые изменения. Бабст предупреждает рьяных крепостников, стремящихся держать крепостников в невежестве, что «тут-то всего опаснее и ближе перевороо-

---

[1] Микшевич Ю. Продажа государственных имуществ, как одно из средств удовлетворения современным финансовым потребностям России. — Казань, 1860. — С. 5.

[2] Иоанн (Соколов), архим. Слово и духовном просвещении в России // Православный собеседник. — 1858. — Ч. 3. — С. 504.

[3] Булич Н. Литература и общество в России в последнее время. Речь, читанная в годовом собрании Казанского университета. — Казань, 1865. — С. 30-31.

[4] Казанские губернские ведомости. — 1860. — 4 января. — Ч. неофиц. — С. 4.

[5] Там же. — С. 249.

[6] Бабст И.К. Теория и практика // Экономический указатель. — 1857. — Вып.5. — С. 114.

ты»[1]. Требования человека грубого и неразвитого всегда опаснее и незаконнее, потому что они редко в состоянии дать себе сами ясный в них отчет»[2]. Бабст считает «широкое, всепроникающее образование», необходимо как помещикам и чиновникам, так и всему трудовому населению.

Ю.А. Микшевич считает, что в ближайшем будущем образование призвано стать важным фактором экономического развития страны. «Не только в видах упрочения нравственности и общественного спокойствия, просвещение народных масс должно идти об руку с мерами улучшения их материального быта, оно также необходимо в видах чисто народно — хозяйственных. Только народное образование способно расширить круг потребностей освобожденных крестьян...»[3] Не меньшее значение образование должно иметь и для дворянства, социальный статус которого после отмены крепостного права неизбежно претерпит существенное изменение. Их общественное положение впредь будет основываться не на труде крепостных, как это было ранее, а на «личном достоинстве, которое преимущественно почерпается из образования...»[4].

Наряду с развитием общего просвещения, казанские либералы обращали внимание на необходимость совершенствования профессионального образования. Крупным недостатком отечественной промышленности, по мнению профессора технологии М.Я. Киттары, является невнимание владельцев предприятий к своему производству, некомпетентность управляющих в деле организации и руководства. Управляющими, как правило, становятся крестьяне-самоучки, руководящие предприятием «без мысли и сознания, без всякой новизны или перемены», ведущие дело нередко не без мошенничества в свою пользу[5]. В широком распространении образования Киттары видит не только способ преодоления промышленной отсталости, но и считает это верным средством, направленным на улучшение жизни простого народа. «Велика связь между народным благосостоянием и степенью промышленного образования ...» — подчеркивает М.Я. Киттары[6].

А.Ф. Михайлова особенно удручала безграмотность и отсутствие стремления к образованию среди таких категорий городского

---

[1] Бабст И.К. Исторический метод в политической экономии // Русский вестник. — 1856. — Т. 3. — С. 131.

[2] Бабст И.К. О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала // Бабст И.К. Избранные труды. — М.,1999. — С. 106.

[3] Микшевич Ю. Продажа государственных имуществ, как одно из средств удовлетворения современным финансовым потребностям России. — Казань, 1860. — С. 5.

[4] Там же. — С. 6.

[5] Киттары М.Я. Очерк современного положения и нужд русской мануфактурной промышленности. — Казань, 1857. — С. 56-57.

[6] Микшевич Ю. Продажа государственных имуществ, как одно из средств удовлетворения современным финансовым потребностям России. — Казань, 1860. — С. 20.

населения, как купцы и мещане, у которых было куда больше возможностей, чем у крестьян, дать законченное образование своим детям, повысить свой уровень знаний. Как отмечал Михайлов в одной редакторской заметке: «Большинство этого сословия не понимает еще образования в смысле изучения известных наук и соединенного с этим развития новых понятий в уме человека; для него все образование состоит в одной грамоте, т.е. в умении читать и писать»[1]. В свою очередь Н.Н. Булич также призывает общество иначе относиться к образованию: «Пусть общество перестанет искать в университетах не знание, а одних только прав на службу; пусть ценятся и уважаются знания и тогда... связь жизни с наукою будет и крепче и теснее...»[2].

Наряду с обоснованием необходимости дальнейшего развития просвещения казанские либералы включились в дискуссию о характере образования в России. Уделил этому внимание в своих работах и Н.Н. Булич. Так, находясь в заграничной научной командировке, он свои впечатления излагал в корреспонденциях под общим названием «Письма из Берлина». Созвучными настроениями отечественных передовых кругов звучали слова его корреспонденций, в которых он подвергал критике прусскую систему образования, имевшую много схожего с российской времени царствования Николая I.

В «Письмах из Берлина» Булич присоединяется к той критике, которую выражали прогрессивные прусские педагоги и общественные деятели законом об образовании 1854 года («Регулятивы»). Автор отмечает, что традиционная немецкая педагогика, основанная на началах, характерных для эпохи Просвещения, выразившаяся в школе Песталоцци, выступала «против систематического отупления и оглупления человечества». Основной ее целью было «образование человека как человека», для нее характерно уважение человеческого достоинства[3]. В этом прусское правительство увидело одну из причин революционных событий в Германии в 1848-1849 гг. и посредством нового законодательства в области образования пыталось обезопасить себя на ближайшее будущее. Булич считает, что в Пруссии на смену общечеловеческому, гуманному воспитанию пришла административная, бюрократическая педагогика[4]. Новая система образования отрицает возможность, чтобы из школы «вышел человек с твердым гражданским характером, с сознанием своего достоинства, с сознанием важности гражданской работы своей, с разумным уважением к обществу и законам. Человек, вышедший из школы, созданной министерством Раумера, представляет странное

---

1 Казанские губернские ведомости. — 1857. — 21 октября. — Ч. неофиц. — С. 354.

2 Булич Н. Литература и общество в России в последнее время. Речь, читанная в годовом собрании Казанского университета. — Казань, 1865. — С. 31.

3 Булич Н.Н. Письма из Берлина к редактору // Атеней. — 1859. — Ч. 1. — С. 149.

4 Там же.

явление в современном мире. Это не человек, свободно и разумно развитой, а отлично выдрессированный»[1]. В «Регулятивах» Булич видит проявление консерватизма, стремление ввести новую систему образования, основанную на охранительных началах[2]. «Примените эту систему воспитания к стране свежей, молодой, — писал Булич, — где условия общественного быта требуют бесконечной работы многих поколений, попробуйте воспитать по «Регулятивам» юношество такой страны, и если вы не погубите его, то надолго свяжете его по рукам, остановите развитие, и когда пробьет час для общей деятельности в великом общественном деле, вы увидите только бессилие, апатию или мелкие корыстные расчеты... Такая цель, как уверенность в совершенстве определенной действительности слишком низка для воспитания. Она увечит душу народа»[3]. Обращение Н.Н. Булича к вопросам образования в Пруссии имело большое значение в условиях подготовки реформ в области образования в России.

И.К. Бабст выступал против узко сословного образования, которое приучает «презирать своих прежних собратий». По его мнению, широкое народное просвещение должно развивать «дух предприимчивости», «уважение ко всякому полезному труду», «честность и чувство правоты»[4]. За всесословное образование высказывались все казанские либералы середины XIX века.

В своих выступлениях, научных работах и публицистических статьях представители либеральной интеллигенции Казани выдвинули программу развития просвещения. Главным, по их мнению, было развитие сети начального образования, развивающего грамотность среди широких слоев простого населения. Это различного рода общеобразовательные, земледельческие, ремесленные и воскресные школы. Говоря о развитии грамотности среди крестьянства, ведущий раздела «библиография» журнала «Записки Казанского экономического общества» призывал: «Сперва учите его сельскому хозяйству, учите его русским законам, рассказывайте ему побольше о России; старайтесь передать ему понятия об устройстве земли, о различных явлениях физических; рассеивайте его ложные понятия, суеверия и т.п.»[5] Один из корреспондентов этого журнала П.А. Перц, высказываясь за развитие просвещения среди простых слоев городского населения, считал необходимым открыть школы, где бы дети городских рабочих получали не только грамоту, но и обучались ремеслам, а также публичные курсы для самих рабочих

---

1 Булич Н.Н. Письма из Берлина к редактору // Атеней. — 1859. — Ч. 1. — С. 155-156.
2 Там же. — С. 153.
3 Там же. — С. 150-151.
4 Бабст И.К. О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала // И.К Бабст. Избранные труды. — М., 1999. — С. 126.
5 Записки Казанского экономического общества. — 1859. — № 5, Отд.5. — С. 10.

и их хозяев, большинство которых также страдало безграмотностью[1]. При этом, как отмечал профессор технологии М.Я. Киттары, ремесленные школы «должны согласоваться с нуждами местностей и быть столь же разнохарактерны, как разнообразна природа нашего отечества», отвечать современному уровню развития производства, иметь образованных учителей[2]. Наряду с открытием новых школ и училищ, профессор политэкономии Ю.А. Микшевич считал, что «не менее необходимо усовершенствовать ныне существующие, особенно низшие [учебные заведения — А.У.], которые по скудости своих экономических, а затем и учебных средств, далеко не достигают своего назначения»[3].

Развитию образования и распространению полезных знаний должно было служить издание для народа доступной, но, в то же время, качественной литературы. Так, например, ведущий раздела «Библиография» журнала «Записки Казанского экономического общества» выступал решительным противником выгодных издательских спекуляций, нелепых книжонок, злоупотребляющих печатным словом. «Чиновник оберет, откуп обдерет, да вдобавок литература проведет, — чтож останется мужику?», — вопрошал обозреватель. Он считает, что незачем «пускать в огород уродливое исчадие литературы, которая всегда должна быть руководителем, просветителем народа, оберегателем, хранителем его моральных и материальных интересов»[4].

Развитию специального образования и профессиональных знаний должны были служить средние и высшие специальные учебные заведения. Профессор технологии М.Я. Киттары указывал на существующие коммерческие училища и камеральные разряды университетов, призывал шире использовать их возможности, а также убеждал промышленников и предпринимателей не скупиться открывать на свои средства новые учебные заведения, которые бы покрывали необходимость в специалистах. Как средство повышения знаний он предлагает владельцам промышленных предприятий посещать публичные лекции по естественным предметам, которые читаются в университетах, совершать поездки за границу для ознакомления с постановкой промышленного производства в странах Запада[5].

Приемник Киттары на кафедре технологии Казанского университета А.К. Чугунов считал, что цели развития специальных зна-

---

[1] Перц П.А. Письмо без заглавия // Записки Казанского экономического общества. — 1859. — № 1, Отд.6. — С. 16.

[2] Киттары М.Я. Очерк современного положения и нужд русской мануфактурной промышленности. — Казань, 1857. — С. 18.

[3] Микшевич Ю. Продажа государственных имуществ, как одно из средств удовлетворения современным финансовым потребностям России. — Казань, 1860. — С. 5.

[4] Записки Казанского экономического общества. — 1859. — № 5, Отд.5. — С. 3.

[5] Киттары М.Я. Очерк современного положения и нужд русской мануфактурной промышленности. — Казань, 1857. — С. 64-68.

ний в области сельского хозяйства должны служить земледельческие училища, где бы давали не только грамоту, но и готовили опытных агрономов и управляющих. Кроме этого, Чугунов считает, что для «образования помещиков и землевладельцев по части сельского хозяйства, весьма полезно как открытие при университетах кафедр сельского хозяйства, так и чтение публичных лекций по этому предмету»[1].

Казанскими либералами предлагались и другие меры, способствующие распространению полезных знаний. М.Я. Киттары в качестве дополнительного стимула улучшения производства предлагал учредить специальное общество поощрения отечественной промышленности[2]. А.К. Чугунов к непосредственным мерам, направленным на развитие земледелия, относит распространение практических произведений по земледелию бесплатно или по низкой цене, учреждение различных экономических обществ, организацию опытных хозяйств или образцовых ферм, которые бы служили примером для земледельцев и на практике обучали их усовершенствованным методам ведения хозяйства[3].

Высказывались представители либеральной интеллигенции Казани за развитие женского образования. Так, по мнению П.А. Перца, образование необходимо не только мужчинам, но и женщинам, от которых «зависит первоначальное воспитание детей; они имеют сильное влияние и на всю жизнь мужчины»[4]. Инициативу в развитии образования они отводили как государству, хотя и считали его усилия в этом деле недостаточными, так и предпринимательским кругам.

Представители либеральной интеллигенции г. Казани не только активно призывали к повышению образовательного и культурного уровня в стране, но и своим личным участием много делали для осуществления этой цели. Ярким примером такого служения является вклад профессора словесности Казанского университета и видного общественного деятеля Казани — Н.Н. Булича. Он неоднократно выступал с публичными лекциями в университете, доступ на которые был свободным для всех желающих, независимо от сословной принадлежности[5]. Находясь в Петербурге, он в январе 1861 года прочитал несколько публичных благотворительных лекций в

---

[1] Чугунов А.К. Исторический обзор правительственных мер к развитию земледелия в России. — Казань, 1858. — С. 6-8.

[2] Киттары М.Я. Очерк современного положения и нужд русской мануфактурной промышленности. — Казань, 1857. — С. 64-68.

[3] Чугунов А.К. Исторический обзор правительственных мер к развитию земледелия в России. — Казань, 1858. — С. 6-8.

[4] Перц. Письмо без заглавия // Записки Казанского экономического общества. — 1859. — № 1, Отд.6. — С. 16.

[5] НА РТ. — Ф. 92. — Оп. 1. — Ед. хр. 7155. — Л. 1, 5; Ед. хр. 7604. — Л. 4, 5, 11; Ед. хр. 8766. — Л. 33-34; Оп. «Ректор». — Ед. хр. 1169. — Л. 2, 4; Ед. хр. 1401. — Л. 5, 10, 12.

пользу частных воскресных школ. С 1865 года и до конца жизни он был сначала почетным наблюдателем Казанской городской публичной библиотеки, а затем членом комитета по управлению городскими и общественными библиотеками. Для того, чтобы сделать более доступными фонды Казанской городской публичной библиотеки, он составил и опубликовал два тома ее систематического каталога. Незадолго до смерти Булич пожертвовал Казанскому университету свою личную библиотеку, состоящую из семи тысяч книг, которую он собирал в течение всей своей жизни. Она также была снабжена алфавитным каталогом. Характер собрания, а также наличие в нем нелегальных и запрещенных цензурой изданий свидетельствует не только о научных, но и общественных интересах Булича[1]. Преподавал он на высших женских курсах при Казанском университете. После выхода в отставку, и будучи вскоре избранным в гласные уездного и губернского земства, Булич в течение ряда лет являлся председателем попечительского Совета земской учительской школы. Такова, далеко не исчерпывающая, характеристика личного вклада Булича в деле распространения просвещения.

Таким образом, представители либеральной интеллигенции г. Казани середины XIX в. оценивали состояние просвещения в России в новых исторических условиях как явно недостаточное, неизменно выступали за развитие общего и специального образования, выдвинули и обосновали комплекс мер по его улучшению, своим личным вкладом активно способствовали повышению культурно-образовательного уровня, как предпринимательских кругов, так и широких масс трудового населения. Их призыв оказался востребованным, как правительством в ходе преобразований эпохи «Великих реформ» 1860-70-х гг., так и частной инициативой просвещенных лиц и предпринимательских кругов.

[1] Ермолаева Н.В. Книжное собрание профессора Казанского университета Н.Н. Булича // Библиотека Казанского университета; фонды, раритеты, история... — Казань, 1989. — С. 43-52.

Э.Н. Валеев
Кандидат филологических наук, Москва

ИВАН ИВАНОВИЧ СТАХЕЕВ — ГЕРОЙ АЛЬМАНАХА «ВЯТСКАЯ НЕЗАБУДКА»

В фондах Кировской областной научной библиотеки имеются три выпуска сборника публицистических статей с красивым поэтическим заглавием «Вятская незабудка», которые были изданы в Петербурге в 1877-1878 годах[1]. Автором-издателем являлся Флорентий Федорович Павленков (1839-1900), который с июня 1869 по декабрь 1877 года находился в административной ссылке в Вятской губернии. Материалы сборника отражают провинциальную жизнь уездных городов губернии в традициях крыловской «Почты духов», «Губернских очерков» М.Е. Салтыкова-Щедрина (1826-1889). Содержание каждого выпуска составляют пасквильные корреспонденции, читая которые убеждаешься, что Вятская губерния была наводнена лишь бюрократами, плутами, взяточниками, циниками и проч. При воссоздании социального портрета вятских чиновников, земских служащих, гильдейского купечества Павленковым были использованы приемы гиперболы, гротеска, иронии, зоологического уподобления, к которым часто прибегали русские писатели-сатирики. Известно, что Ф.Ф. Павленков, будучи идейным издателем демократического толка, печатное слово использовал в качестве действенного средства в непримиримой борьбе с правящим режимом. К сожалению, чрезмерная увлеченность поиском негатива в окружающем мире, привела к искажению ряда исторических фактов и персонажей, неверной трактовке и надуманным обобщениям. Думается, что настало время беспристрастного анализа материалов «Вятской незабудки». Не претендуя на развернутый анализ всех изданий альманаха, остановимся лишь на первом его выпуске, в котором в число отрицательных персонажей попал елабужский промышленник, купец и благотворитель Иван Иванович Стахеев (1805-1885). Тридцать шестое письмо первого выпуска альманаха озаглавлено «Полумиллионное пожертвование И.И. Стахеева»: «17 октября в Елабуге совершилось событие, давно, впрочем, ожидаемое. Один из почетных обывателей этого города, Иван Иванович Стахеев предложил в пользу города 400 000 рублей, распределив эту сумму таким образом: 100 000 рублей на учреждение реального училища, 100 000

[1] «Вятская незабудка»: Памятная книжка Вятской губернии на 1877 год. — СПб., 1877. — С. 384; «Вятская незабудка»: Памятная книжка Вятской губернии на 1877 год. — 2-е изд. — СПб., 1877. — С. 390; «Вятская незабудка»: Памятная книжка Вятской губернии на 1877 год. — СПб., 1878. — С. 520.

рублей на раздачу бедным и неимущим, 100 000 рублей на поддержку церквей, 100 000 рублей на улучшение материального быта вятского духовенства»[1]. Что удивило издателя Павленкова? Факт щедрого дарения на нужды убогих, больных, неимущих? По свидетельствам современников Павленкова всегда отличало также сострадание к ближнему, «на чужую нужду он был необыкновенно отзывчив», вспоминали о Павленкове современники[2]. Не уместен в конкретном случае иронический тон повествования о капитале Стахеева, «нажитого его усиленным трудом». Такой сюжет достоин публикации в иных изданиях. Вряд ли приемлема подобная деформация образа Ивана Ивановича Стахеева, человека, известного в России благотворителя, благодарная память о котором сохранилась у жителей города и края поныне. Хронологическая канва исторических событий, в которых присутствовал купец-добродетель, такова. 17 октября 1876 года потомственный почетный гражданин Елабуги, купец I гильдии Иван Иванович Стахеев подал в городскую думу заявление с процентными билетами, на приведенную выше сумму. Щедрое пожертвование предназначалось на открытие в городе среднего учебного заведения, на строительство церквей в Вятской, Казанской и Уфимской епархиях. Для оказания помощи неимущим был образован комитет, в состав которого входили представители купеческой династии Стахеевых. «На бедных жителей всех сословий нашего края», проживших в «оной местности не менее 3-х лет», ежегодно выплачивались пособия единовременные, срочные и пожизненные в размере от 15 до 50 рублей на каждую семью. По воле благотворителя были обозначены сроки выплаты — это 8 мая, 22 октября и 30 декабря. Для престарелых, «убогих и увечных» женщин в Елабуге им было открыто общественное заведение на 60 человек, с отделением на 20 девиц-сирот, где их воспитывали и обучали и выдавали приданое по достижении определенного возраста. Социальную значимость гуманных деяний Ивана Ивановича, его деловую хозяйственную инициативу оценили современники, которые ходатайствовали перед губернатором об увековечении памяти знатного земляка. Гласными городской думы и уездного земства планировалась выплата из общественной казны в виде именной стахеевской стипендии ученикам ремесленного и реального училищ. В целях поддержания памяти о благотворителе Иване Ивановиче предполагалось вывесить его портрет в зале городской думы, а в день его смерти 12 сентября 1885 года во всех церквах города проводить панихиду за «упокой души усопшего». Иван Иванович Стахеев в 50-е годы XIX века исполнял обязанности руководителя города Елабуги. За верное служение Отечеству и народу был удостоен орденов Свя-

[1] «Вятская незабудка»... — СПб., 1877. — С. 237.
[2] Меньшиков М.О. Критические очерки: В 2-х т. — СПб., 1902. — Т. 2. — С. 515.

того Владимира, Святого Александра Невского, Святой Анны II и III степеней.

Наряду с Иваном Ивановичем Стахеевым в павленковском альманахе с едкой иронией нарисованы портреты гласных Елабужского земства в целом. Появление сюжета, связанного с историей местного земства, в «Вятской незабудке» вполне объяснимо. В период вятской ссылки Ф.Ф. Павленков инициировал выпуск периодического издания — «Вестника Вятского земства». Однако оно не состоялось, и большая часть материала, планируемого «Вестника» вошла в «Вятскую незабудку».

В 70-е годы XIX века в стране появились первые исследования по истории органов местного самоуправления по случаю десятилетия открытия земских учреждений. Заслуживает особого внимания труд Даниила Лукича Мордовцева (1830-1905) «Десятилетие русского земства»[1], в котором в форме земского паломничества полноценно, многосторонне охарактеризованы органы местного самоуправления, в том числе Поволжских губерний и Предуралья. В этот же период истории отчетливо прослеживается деятельность круга лиц по формированию негативного общественного мнения в стране о российском земстве. От органов местного самоуправления, школы народного представительства требовали расширения функций, активного включения в политическую жизнь страны. На страницах «Вестника Европы», «Отечественных записок», «СПб. ведомостей» испепеляющей критике подвергнута деятельность земских гласных, членов управ, председателей собраний, за якобы узкий круг проблем, обсуждаемых на годичных сессиях, за верное служение российскому престолу. В комедии «Земцы» драматурга В.А. Крылова (1838-1906), в сатирических стихотворениях А.Н. Яхонтова (1820-1890), в «Новом нарциссе...» М.Е. Салтыкова-Щедрина и др.[2] несправедливы саркастические зарисовки о гласных, и органах местного самоуправления. Деятельность земских учреждений, основанная на важнейших демократических принципах, заключалась в обеспечении и реализации жизненно важных потребностях этноса края. Принадлежность к либерально-радикальным кругам общества, идейные воззрения Флорентия Федоровича, резко негативные субъективные суждения по широкому спектру соци-

---

[1] Мордовцев Д.Л. Десятилетие русского земства, 1864-1875. — СПб., 1877. — IV, С. 374.

[2] Крылов Виктор Александрович «Земцы» // «Вестник Европы». — 1874; Яхонтов Александр Николаевич, поэт и общественный деятель, земский гласный. С 1877 года избирался на два трехлетия председателем Псковской уездной управы, гласный губернского земства. Автор стихотворений: «К земству», «Речь губернатора при открытии земского собрания», «Статистический комитет» // «Отечественные записки». — 1870. — Кн. 3-я; Салтыков-Щедрин М.Е. / Н. Щедрин «Новый нарцисс или влюбленный в себя» // Отечественные записки. — 1868. — Т. CLXXVI. — Январь-февраль. — СПб., 1868. — С. 131-146.

ально-политических вопросов, затмевали восприятие положительного начала в деятельности Вятского земства, которое инициировало многие культурно-образовательные акции в стране. В начальный период становления местного земства отмечалась консолидация сил с купечеством и духовенством в открытии школ, библиотек, издании книг для народного чтения. Материалы альманаха «Вятской незабудки» требуют более вдумчивого прочтения, беспристрастного анализа современных исследователей, поскольку очевиден факт одностороннего освещения ряда исторических событий вятского края, что представляется несправедливым.

Заслуги издателя-просветителя Флорентия Федоровича Павленкова огромны. Он много способствовал распространению просвещения в России, являлся составителем учебных пособий, энциклопедического словаря для учителей народных школ, серийных книг — «Научно-популярная библиотека для народа», «Библиотека полезных знаний», «Популярная юридическая библиотека», «Жизнь замечательных людей» и др. И, тем не менее, характеристика его деятельности должна быть разносторонней и объективной.

И.Т. Сабиров
Елабужский государственный педагогический университет

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И ПРОЦЕСС ПРОСВЕЩЕНИЯ ТАТАРСКОЙ НАЦИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.

Связь представителей татарского предпринимательства и стремительного роста национального самосознания татарского народа, способствующего формированию татарской нации в начале XX века, на протяжении последнего столетия рассматривалась с разных позиций. Если в условиях советской историографии, в период преобладания классового подхода к анализу исторического прошлого, роль представителей национальной буржуазии в процессе просвещения сводилась лишь к достижению своих корыстных интересов, то в конце XX века эта проблематика стала рассматриваться с новых позиций. Развитие джадидизма, как просветительского движения, на сегодняшний день напрямую связывается с непосредственным обеспечением финансовой стороны этих процессов, со стороны наиболее передовых представителей национальной буржуазии, т.е. представителей предпринимательских кругов.

На содержание татарских школ царское правительство не отпускало ни копейки. Татарский народ содержал их за счет собственных средств. Значительной была в их содержании доля состоятельных татар. Подтверждая этот факт, попечитель Казанского учебного округа пишет: «Мусульманские школы обязаны своим возникновением и существованием исключительно доброхотным пожертвованиям и поддержке татарских обществ и богатых лиц»[1].

Среди целой группы известных меценатов, рассматриваемого периода, можно выделить: С.М. Аитова, А.М-Ю. Апанаева, М-В. Гайнуллина, М-С. Галикеева, Г. Мукминова, братьев Г.А. и А.А. Хусаиновых, братьев Ш. Рамиева и З. Рамиева. Если первая группа представителей купеческих династий действовала в г. Казани, то деятельность братьев Хусаиновых и Рамиевых, прежде всего, сконцентрировалась в г. Оренбурге, однако не ограничивалась этими географическими рамками.

Огромное влияние на распространение джадидизма, как новометодного обучения, на начальном этапе развития этого движения среди татар, начатого усилиями Исмаила Гаспринского в Крыму, оказали братья Хусаиновы.

[1] Очерки истории татарской общественной мысли. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. — С. 134.

На рубеже XIX-XX веков джадидская школа прокладывает себе путь с большим трудом. Сначала при наличии учителей, с соответствующей подготовкой, и учебников вводится преподавание тех или иных светских предметов. В то же время предпринимаются меры по подготовке учительских кадров. В 1898, 1899, 1902, 1904 годах татарская общественность неоднократно обращается в Министерство просвещения России с прошениями об открытии школ по подготовке учителей, однако правительство эти просьбы оставляет без внимания. В такой ситуации татары были вынуждены сделать в этом направлении самостоятельные шаги. Первый из таких шагов был предпринят г. Хусаиновым в 1896-1897 гг. Благодаря его стараниям, в 1898 г. в Саидской слободе под Оренбургом было положено начало курсам по подготовке учителей по различным дисциплинам, для татарских начальных школ. Для руководства этими курсами приглашается Фатих Карими, который к тому времени уже успел показать себя как человек, имеющий разностороннюю подготовку. Впоследствии такие курсы начинают открываться и в других районах компактного проживания татар. Гани-бей Хусаинов налаживает также подготовку женщин-учителей.

Впоследствии, прочно встав на ноги, татарские предприниматели создают на основе сотрудничества с передовыми представителями национального просвещения мусульманские высшие учебные заведении джадитского толка — «Галия» в Уфе, «Хусаиния» в Оренбурге, «Мухаммадия» в Казани, «Буби» в Сарапульском уезде Вятской губернии. А для подготовки преподавателей для самих этих медресе, с помощью татарских предпринимателей подбираются окончившие их шакирды, которые для продолжения образования направляются в зарубежные университеты[1].

Ахмед-бей Хусаинов назначал многочисленные стипендии для обучения талантливой молодежи в высших учебных заведениях, гимназиях, коммерческих и реальных училищах. Он оплачивал труд учителей более сорока джадидских школ, обеспечивал их учебниками и учебными пособиями. Медресе «Хусаиния» (Оренбург), внесшее существенный вклад в образование татарских интеллектуалов, главным образом существовало благодаря бескорыстным пожертвованиям этой уважаемой личности. Его брат Гани-бай Хусаинов также ввел оплату учителям, ведущим преподавание по новому методу, за счет собственного капитала[2].

Гани-бей Хусаинов был человеком от души преданным делу образования в среде мусульманского населения Российской империи. В последние годы жизни, отвлекшись от своих коммерческих дел,

---

[1] Исторические портреты. Духовная культура и татарская интеллигенция. — Казань: Магариф, 2000. — С. 112-113.

[2] Очерки истории татарской общественной мысли. — С. 134-135.

он всецело был поглощен идеей распространения начального образования среди своих единоверцев.

Меценатская деятельность Хусаиновых не ограничивалась Оренбургской губернией. Очень важным для новометодистов Казани оказался приезд сюда А.Г. Хусаинова в 1897 году. Благодаря его пожертвованиям, все мусульманские приходы города, где был внедрен новый метод обучения, обзавелись солидными денежными счетами в банках и доходной недвижимостью. С его помощью, еще в конце XIX века имам М-З.Х. Амирханов сумел довести до конца преобразования в своем училище при мечети «Иске таш» в Новотатарской слободе[1].

Таким образом, братья Хусаиновы как яркие представители татарского предпринимательства стали одними из первых кто своей жизненной позицией предваряли в жизнь идею просвещения татарского народа, его движению к прогрессу, который обеспечил в будущем формирование национального облика татар.

[1] Салихов Р.Р. Общественно-реформаторская деятельность татарской буржуазии Казани (вторая половина Х1Х — начало ХХ вв.): Дис. ... канд. ист. наук. — Казань, 1998. — С. 145.

Р.Х. Хазиева
Елабужский государственный педагогический университет

АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБЛИК КУПЕЧЕСКИХ ГОРОДОВ XIX — НАЧАЛА XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ ЕЛАБУГИ)

В конце XX века возрос интерес к истории так называемых малых городов. Некоторые из них насчитывают уже несколько тысячелетий своего существования. Те города, которые люди получили в наследство от предшествующих эпох, они преобразовывали и приспосабливали к своим потребностям: появлялись новые сооружения, улицы, парки, набережные. Наше отношение ко всем этим изменениям разное и часто возникают дискуссии о градостроительстве. Однако их участники солидарны в одном: необходимо помнить о традициях, преемственности в развитии городской планировки и застройки. Изучение, бережное отношение к истории малых городов, запечатленной в архитектуре, сегодня нам необходимо как никогда.

Анализ застройки городов дает возможность установить, что большая часть архитектурных сооружений во многих из них возникла в XIX веке. В связи с этим определяющим в облике многих зданий является классицизм. Ему присуща четкость и геометричность форм, логичность планировки, сдержанность декора. Во второй половине XIX века получают распространение формы и приемы эклектики, представляющей собой слияние различных архитектурных стилей в одном сооружении, часто не подчиняющееся какой-либо внутренней логике и носящее подчеркнуто декоративный характер.

В конце XIX — начале XX веков появляются новые строительные материалы и конструкции. Они подсказывают необычные архитектурные решения, их развитие идет в разрез с укоренившимся в практике эклектизмом. Возникает модерн, который выражает тревожный, напряженный дух переломной эпохи. Первоначально модерн не был в полной мере обособленным явлением, чаще всего он использовался в эклектических произведениях в виде орнаментальных и архитектурных декоративных деталей. Архитектура модерна в начале XX века вводила свободную, функционально обоснованную планировку, применяла каркасные конструкции, новые отделочные материалы. Она свободно размещала в пространстве здания, с различно оформленными фасадами.

Открытия и изобретения конца XIX века отразились не только на зданиях, они изменили и внешний облик городов, например, принеся на их улицы электричество. Стали строиться многоквар-

тирные дома. Но начавшаяся первая мировая война, а затем и две революции привели к снижению темпов строительства.

Существующая Елабуга, имеющая тысячелетнюю историю, представляет завершенный архитектурно-планировочный ансамбль XVIII-XX вв., созданный на основе приемов второй половины XIX века, воплотивших синтез традиций классицизма, древнерусских форм, эклектизма, модерна.

Большая часть гражданской застройки Елабуги возведена во второй половине XIX — начале XX вв. Такая единовременность и интенсивность строительства города в этот период явилась одной из главных причин его архитектурной целостности. Другая, не менее важная причина — это устойчивость стилистических традиций классицизма, господствовавших в Елабуге на протяжении всего столетия. Даже на рубеже XIX-XX веков и в первые десятилетия XX века, когда в городе получают распространение формы и приемы эклектики и модерна, классицизм, хотя и уступает свои позиции, но остается определяющим в облике многих зданий.

Ансамбль городской застройки Елабуги является уникальным образцом купеческой архитектуры XIX века. Пока еще остаются неизвестными имена многих из тех, кто определял архитектурный мир провинции, способствовал формированию облика малых городов России. Однако имя талантливого архитектора Ивана Аполлоновича Чарушина, который работал и в малых городах, хорошо известно потомкам. Именно по его планам и чертежам в Елабуге было воздвигнуто здание Епархиального училища на средства богатой купчихи Глафиры Федоровны Стахеевой.

Основной корпус имеет симметричный П-образный план с выявленным ядром и двумя отходящими крыльями. Основное помещение — Домовая Васильевская церковь — представляет собой двусветный зал со сложным перекрытием, несущим на себе помещение часовни под куполом здания. На верхние этажи ведут широкие массивные лестницы здания училища. Пол в коридорах паркетный из плиток, в залах дубовый. В хорошем состоянии сохранились интерьеры начала XX века, в том числе и церкви с белокаменным алтарем. Храм Епархиального женского училища представляет собой образец старого выдержанного и художественно исполненного византийского стиля модерн.

Типичным образцом промышленной архитектуры конца XIX века направления эклектики является здание пивоваренного завода «Г.И. Стахеев и сыновья», учрежденного в 1875 году. Он состоит из двухэтажного производственного здания, одноэтажного производственного корпуса и административной постройки. Наиболее интересное здание комплекса — двухэтажное производственное строение с высокой двускатной крышей, на которой установлена дымовая труба. Постройка имеет выразительные фасады, со всех сторон

профилированные горизонтальными тягами. Выделяется центральный ризалит, над которым возвышается сложного рисунка аттик, а также арочные оконные проемы на первом и втором этажах, круглые окна на фронтонах торцовых фасадов, ажурный дымник над трубой.

Элементы позднего барокко, раннего классицизма и ампира использованы при строительстве Покровской церкви, построенной в 1808-1815 гг. Структура храма своеобразна: он представляет собой восьмигранник с прямоугольными выступами по сторонам света (в восточном рукаве креста размещается алтарь, западный — соединяет храм с несколько расширенной трапезной), на котором воздвигнута высокая купольная ротонда. К типовой трехъярусной колокольне позднее было пристроено закрытое крыльцо, по бокам появились две каменные палатки, определившие новую фасадную плоскость, выступающую из линии церковной ограды.

Таким образом, единство городского ансамбля купеческой Елабуги достигается единовременностью его возведения и сходством принципов формирования элементов, его составляющих. В не меньшей мере единству ансамбля способствует различие и взаимоподчиненность всех его частей. В зависимости от значимости улицы или площади в системе города меняются высота, протяженность, материал стен, декор фасадов застройки, а также в зависимости от композиции — типы и функциональное назначение сооружений.

Среди четырехсот малых городов, сохранивших свое историческое лицо, Елабуге принадлежит пальма первенства. Её историческая часть, а это более семисот зданий, завершенный ансамбль, служащий ярким примером развития провинциальной культуры, архитектуры и градостроительства. Задача потомков — сохранить его.

Н.С. Шкурко
Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова

ЯКУТСКИЙ МЕЦЕНАТ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ С. БАРАШКОВ

К территории Республики Саха (Якутия), разделенной на 36 административных единиц (улусов), можно приложить характеристику О. Шпенглера о множестве «могучих культур, с первозданной силой расцветающих на лоне родной местности, с которой каждая из них остается тесно связанной на все время своей жизни, но имеет собственную идею, собственные страсти, собственную жизнь...». Локальная культура, в рамках данной статьи — культура села Качикатцы Мегино-Хангалласского улуса Республики Саха (Якутия) определяется как культура конкретного, исторически определенного сообщества — туолбэ: семейно-соседской общины, проживающей на территории алааса[1] и, обладающей специфическими чертами и особенностями.

Известные ученые Якутии: Л.А Афанасьев-Тэрис, Р.И. Бравина, У.А. Винокурова, А.И. Гоголев, В.Д. Михайлов, А.Е. Мординов, А.Г. Новиков, И.С. Портнягин, К.Д. Уткин подчеркивают значимость роли, которую культурные и общественно-политические лидеры общины, определенной территории, просветители, меценаты — «тыгыновы дети» — играли в самобытном развитии локальных культур, обеспечивая жителям конкретной территории возможности дополнительного социокультурного развития.

Одним из представителей пассионариев из купеческого сословия, меценатов и просветителей является Семен Петрович Барашков (1876-1921), незаслуженно забытый на десятилетия жителями республики, прогрессивный землевладелец, предприниматель, друг прославленного якутского поэта А.Е. Кулаковского. Несмотря на четырехклассное образование, Семен Петрович имел передовые взгляды, активно интересовался достижениями технического прогресса и науки, имел широкие деловые интересы в сфере торговли, земледелия, скотоводства, образования и культуры села. Открытые им предприятия, экономические и социальные инициативы характеризовали Барашкова как человека предприимчивого, преуспевающего в деловых кругах. Будучи молодым и начинающим пред-

[1] Алаас — окруженная лесом поляна с озером в центре и живущие на ее территории люди, тесно связанные трудовыми и праздничными отношениями — эквивалент «малой родины», «золотого берега детства», предмет гордости каждого коренного жителя Республики Саха (Якутия). Одинаковых алаасов и одинаковых туолбэ с присущими индивидуальными традициями и обычаями не бывает.

принимателем из отдаленного наслега, не имея связей конкурентов из Якутска или Киренска, он сумел заключить контракты с конторами золотых приисков Бодайбо по заготовке и доставке леса и дров на десятки, сотни тысяч рублей; занимался оптовой поставкой мяса и масла в шахтерские лавки.

Вернувшись в родные места, С.П. Барашков решил создать современное хозяйство фермерского типа с мясо-молочным направлением. Но, в отличие от других крупных улусных земледельцев, которые огораживали огромные участки алаасов изгородями, оставляя личный скот бедноты без пастбищ, (так поступал и его отец — крупный землевладелец Калпаактаах-Кинээс), молодой предприниматель добился сокращения числа изгородей. Данный факт отражен в монографии Г.П. Башарина, где приводится запись воспоминаний престарелого жителя села Качикатцы от 1925 года: «В нашем наслеге почти все имеющиеся обширные загороженные места принадлежали Калпаактааху. Его воспитанный сын, заседатель, добился от высших учреждений указа на уменьшение числа захваченных им участков земли. С этим указом он приехал, собрал народ и из 25-ти отдельных загороженных мест заставил порубить пятнадцать»[1].

Барашков вместо экстенсивного использования имеющихся пастбищ призывал «окультуривать» угодья с помощью земледелия, как кормовой базы для скота, лошадей, свиней и птиц; и как базы для производства товарного хлеба[2]. Чтобы увеличить сенокосные угодья, Семен Петрович устроил спуск таежного озера Былжана, находящегося в 20 км от его усадьбы, и после спуска части озера собрал около тысячи копен сена (что составляло 50 тонн). Хозяин «американского типа» также основательно занимался раскорчевкой леса, что позволило увеличить посевные площади до 140-150 гектаров, высевая в отдельные годы до 700 пудов зерна. Расчищенные и обработанные под управлением Барашкова пашни, такие как Титтэх, Ала Ат, Бекенек, Мыытаарай, Архип, вот уже полувека обеспечивают хорошие урожаи зерновых качикатским хлеборобам.

В 1914 году во всех окнах его усадьбы зажглись электрические лампочки, причем были освещены не только господские комнаты, но и помещения для скота, и юрты наемных работников. На электрической силе работали пилорама, мельница, молотилка, что имело огромное просветительское значение для почти полностью неграмотного населения наслега.

Благотворительная деятельность Семена Петровича выходила далеко за рамки сельского социума. Он пригласил к себе на работу в

---

[1] Башарин Г.П. История земледелия в Якутии (XVII в. — 1917 г.). — Якутск: Якутское кн. изд-во, 1990. — Т. 2. — С. 120.

[2] Пестеров В.И. История Якутии в лицах. — Якутск: Бичик, 2001. — С. 191.

Качикатцы в качестве учителя с окладом 600 руб. в год своего бывшего однокашника по реальному училищу А.Е. Кулаковского-Ексекюляха, что следует расценить, как социальную поддержку основателя якутской литературы.

Барашков создал для поэта-философа спокойную и обеспеченную творческую обстановку, неслучайно годы, проведенные в Качикатцах, считаются самыми плодотворными в творчестве поэта-философа. Здесь Ексекюляхом созданы такие масштабные произведения, глубокие по философскому обобщению, как драма «Сон шамана», поэма «Дары реки» и политическая программа «Якутской интеллигенции»[1], экономическая часть которого и выкладки были написаны основоположником якутской литературы после долгих бесед и советов с С.П. Барашковым[2]. Предложения Ексикюляха увеличивать площади покосов и пашен за счет осушения озер, раскорчевки леса, развивать ремесла (выделку кож, гончарное дело), организовать завоз чая (якуты очень пристрастились к этому напитку), увеличить лов рыбы за счет зарыбления озер, организовать в улусах заготовку леса для приисков основаны на практических наработках С.П. Барашкова.

Меценатская деятельность С.П. Барашкова была направлена на повышение образования земляков. В письме «Якутской интеллигенции» А.Е. Кулаковский писал, что «нужно хоть по одной школе в каждом улусе с программой, соответствующей действительным потребностям нашей жизни»[3]. В 1916 году, по инициативе Семена Петровича, была открыта двухэтажная церковно-приходская школа для детей округа. Он не только бесплатно учил их, независимо от сословия и происхождения; а талантливых детей, родители которых не понимали значения образования, учил принудительно. Со-

---

[1] В 1912 году,когда вся Россия готовилась к 300-летнему юбилею династии Романовых, Якутия не составляла исключения. На сьезд инородцев помимо областной администрации, духовенства, тойоната, купечества, были приглашены и видные местные интеллигенты. В их числе и Кулаковский, который к тому времени приобрел известность национального поэта, знатока якутской истории, языка, фольклора. Кулаковский подготовил письмо к «Якутской интеллигенции», но первый день работы сьезда вылился в сплошное славословие в адрес Николая II, поэтому Кулаковский отказался от мысли выступать и перестал посещать заседания сьезда. Позиция Кулаковского на протяжении нескольких десятилетий подвергалось искажению, чтобы обвинить его в тяжелом грехе буржуазного национализма. Данная несправедливость снята историей. После многих лет забвения Кулаковский как бы заново родился для многих миллионов читателей.

[2] Герасимов Г.М. Сэмэн Бараскап. — Покровск.: ЦИТ.РИД, 2001; Степанов В.Ф. Путь Ексекюляха. — Якутск: Октаэдр, 2002; Тобуроков Н.Н. Изучение жизни и творчества А.Е. Кулаковского- Ексекюляха в высших учебных заведениях. — Якутск: Кудук, 2001.

[3] Кулаковский А.Е. Якутской интеллигенции. — Якутск: Книжное изд-во, 2002. — С. 56.

хранилось письмо, которое написали С.П. Барашков и И.А. Тимофеев в Якутский городской Епархальный училищный Совет: «Мы, просители, являемся родовичами Хачикатского наслега, в котором числится 300 с лишним детей учебного возраста. В нашем наслеге ни в прежние годы, ни в настоящее время нет и не было ни одного учебного заведения, а между тем само инородческое население хорошо сознает пользу просвещения и стремится по мере своих скудных сил и средств к свету знания.

Изложенное побуждает нас обратиться в Епархиальный Училищный Совет с ходатайством открыть в пределах Хачикатского наслега одноклассную церковно-приходскую школу. Хотя при Николаевской-Хачикатской церкви имеется церковно-приходская школа, но она, во-первых, находится в пределах соседнего Жемконского наслега и потому недоступна для детей с нашего наслега, а во-вторых, не имея приличного помещения и прочных подкупающих традиций в постановке дела обучения, не пользуется симпатиями населения.

Мы же, Тимофеев и Барашков, сознавая важность распространения просвещения среди своих сородичей и движимые чувством долга пред ними, решили прийти на помощь делу просвещения, при условии открытия церковно-приходской школы в Хачикатском наслеге на местности «Титтях-Ися». Именно мы вызываемся своими силами и средствами построить просторное, вполне отвечающее своему назначению помещение для школы с квартирой учителя, с погребным амбаром, баней и с прочими надворными постройками. Равным образом, мы обязываемся снабдить школу приличной классной мебелью и обстановкой для квартиры учителя. Кроме того, в училищное помещение будет проведено электрическое освещение со всей арматурой с нашего счета бесплатным отпуском энергии на будущее время.

Принося со своей стороны указанные жертвы, мы выговариваем себе и некоторые права: во-первых, один из нас должен быть утвержден в звании попечителя школы, во-вторых, нам было бы желательно, чтобы в выборе учителя Училищный Совет сообразовался с нашим мнением.

Постройку помещения для школы со всеми пристройками мы могли бы закончить к 1-му октябрю 1917 года, но функционирование школы желательно начать с осени сего года. До окончания постройки нового здания один из нас, именно Барашков, предоставляет для школы свой дом с электрическим освящением, отдельной кухней, баней и прочими срубами.

Мы надеемся, что Училищный Совет не откажется принять наш скромный дар на просветительское дело наших бедных и темных сородичей, разрешит нам начать с благословения нашего Архипастыря-построение школы.

К сему прошению инородцы Восточно-Кангалассского улуса Хачикатского наслега Иннокентий Алексеевич Тимофеев, Семен Петрович Барашков»[1].

Учителем в эту школу был приглашен с последнего курса якутской учительской семинарии А.П. Протодьяконов, проработавший в ней более 20 лет.

За личный вклад и сбор средств на ремонт Жемконской Николаевской церкви был награжден медалью на Станиславской ленте. Из архивных материалов известно, что от «от себя» Барашковым пожертвовано 700 рублей, от населения наслега — 300 рублей (в представлении к награде С.П. Барашкова медалью стоят подписи старшины Качикатского наслега Афанасия Киприянова, старшины Афанасия Кириллина и писаря Алексея Елисеевича Кулаковского)[2].

В истории Республики Саха (Якутия) были времена «классового подхода», когда за А.Е. Кулаковским закрепился ярлык «националиста», а за его другом и меценатом — «эксплуататора сельских тружеников», воплощавшего прогрессивные новинки исключительно ради своей выгоды. Но остался ряд письменных свидетельств его деятельности на благо общества. Так, будучи избранным главой наслега, Семен Петрович запретил игру в карты в своем наслеге, боролся с пьянством, ограничив количество «винных лавок». Призывал население отделить коровники от жилой части юрты, застелить пол юрты досками — «жить культурно».

Советскую власть Семен Барашков принял и добровольно отдал все свои фермы, дома, мельницу, скот, благодаря чему избежал конфискации и высылки в северные улусы как эксплуататор. Но судьба все-таки подстерегла этого незаурядного и удачливого в своих делах «дитя дыгына». Когда в феврале 1921 года губернским Чека был спровоцирован «февральский заговор» и по Якутску арестовывались бывшие царские чиновники, купцы, дворяне, интеллигенты, был схвачен и Семен Петрович, 4 февраля приехавший в город для получения семян. Напрасно арестованный на допросе утверждал, что «приехал в город по общественному поручению Качикатского наслега, чтобы исходатайствовать разрешение от продкома в отпуске населению наслега 1 000 пудов семян, а также имел поручение получить от того же учреждения нормированные продукты за январь и февраль месяцы для служащих и рабочих паровой мельницы и слесарной мастерской».

Отрицая свое участие в заговоре («Я в революцию никогда не вмешивался, потому что боялся ее, как огня»), арестованный все время подробно говорил об общественных делах, но на свою беду

---

[1] Гордеев Н.Д. Хангалассский улусный архив дело № 8 фонд Н.Д. Гордеева. Опись 1. Рассказ из жизни Качикатского наслега. — Покровск, 1983. — С. 23.

[2] Герасимов Г.М. Сэмэн Бараскап. — С. 95.

попадал под статью как бывший кулак, знакомый со всеми главными «заговорщиками» — цветом местной интеллигенции, работавшими в советских учреждениях[1]. По приговору ревтройки Семен Петрович Барашков в числе десяти участников вымышленного заговора был расстрелян как враг Советской власти 23 февраля 1921 года. И хотя через год Председатель СНК ЯАССР И.Н. Барахов заявил о надуманности заговора, жена Барашкова Софья Николаевна была репрессирована в 1928 году именно как «жена участника контрреволюционного заговора» и умерла в Соловецком лагере особого назначения.

В алаасе ничего не сохранилось от усадьбы «якутского американца». Здание школы перевезли в село Качикатцы (1948). Именно благодаря активной работе ее выпускника, местного краеведа Г.М. Герасимова, было реабилитировано честное имя земляка. В 1996 году в связи 120-летним юбилеем С.П. Барашкова и 80-летием школы средней школе было присвоено имя С.П. Барашкова[2], на месте усадьбы воздвигнут обелиск, на гранитной плите которого вызолочены слова «Здесь в 1876-1921 гг. жил и работал меценат, просветитель С.П. Барашков»[3]. За особые заслуги, значимость и роль С.П. Барашкова в просвещении своего народа и в связи со 120-летием со дня его рождения, имя «Семен Барашков» присвоено бриллианту весом 16,5 карат, выточенному Покровским гранильным заводом. Большая золотая подвеска, украшением которой служит зеленоватый бриллиант, хранится в «Алмазном Фонде Республики Саха».

Изучение вклада якутского мецената из Качикатского наслега в развитие и просвещение своих земляков только начинается, но уже небольшая часть его социозначимых деяний, извлеченных из архивных папок, заставляет с благодарностью вспоминать представителя прогрессивного дореволюционного купечества, принесшего достижения технического прогресса и культуры в далекий наслег Якутии.

---

[1] Герасимов Г.М. Сэмэн Бараскап. — С. 47.

[2] В 2001 году при поддержке Первого президента Республики Саха (Якутия) М.Е. Николаева и силами населения было построено двухэтажное здание новой школы в каменном варианте.

[3] Николаев М.Е. Возвращенные имена. — Якутск: Бичик, 2003. — С. 241.

А.Г. Комиссаров
Набережно-Челнинский психоневрологический диспансер
Республиканской клинической психиатрической больницы
им. В.М. Бехтерева МЗ РТ

КУЛАЧНЫЕ БОИ В КУПЕЧЕСКОЙ ЕЛАБУГЕ XIX ВЕКА

Кулачные бои на Руси представляли собой настолько характерное и своеобразное явление нашей культуры, что до сих пор вызывают интерес к этому виду народного развлечения, имевшему в свое время массовое увлечение и повсеместное распространение в России.

История кулачных боев уходит своими корнями в далекое прошлое. А. Лебедев, ссылаясь в своем исследовании на летопись Нестора указывает, что в ней под 1068 годом говорится: «Се бо не погански ли живемъ... нравы всяческими льстими, превабляеми отъ Бога, трубами и скоморохи, и гусльми, и русальи; видимъ бо игрища уточена, и людей много множество, яко упихати другъ друга позоры деюще от беса замышленого дела»[1]. Этот документ наглядно демонстрирует и подтверждает то, что вся история кулачных боев представляла собой постоянные запреты власти на их проведение, а также осуждение их церковью. Но, несмотря на это кулачные бои существовали вечно. Многие историки с негодованием относились к кулачным боям как к «позорищу» русского народа. Тем не менее, эта истинно русская забава пользовалась всенародной популярностью, и участие в ней принимали не только простолюдины, а все классы общества.

Стоит отметить, что кулачные бои не были обычным жестоким побоищем. В них действовали свои правила, соблюдать которые были обязаны все бойцы. По описанию А. Лебедева бои происходили исключительно в зимнее время, перед масленицей, по воскресным дням[2]. Общими правилами дерущихся были: не бить друг друга по голове, не бить лежачего и убегающего, драться только в рукавицах. При этом в рукавицы ни в коем случае нельзя было вкладывать тяжелые предметы. Когда собиралась достаточная толпа, обычно вперед выпускали так называемых «застрельщиков», «отчаянных пацанов», которые с криками и улюканиями бросались друг на друга, а затем снова возвращались в толпу. За ними постепенно подтягивались более взрослые дерущиеся. Последними выходили стенка на стенку самые известные по своей силе и искусству бойцы. Мест-

[1] Цит. по: Лебедев А. Из истории кулачных боев // Русская старина. — 1913. — № 6-7.
[2] Там же.

ные власти, несмотря на многочисленные запреты, смотрели на кулачные бои сквозь пальцы. Особо отличившихся в бою вели дружной толпой в ближайший питейный дом.

Известный в свое время поэт и баснописец Александр Ефимович Измайлов в своей сказке «Кулачные бойцы» так описал одного из своих главных героев, победителя кулачных боев Семена Трещалу:

«В Москве фабричный был Семен, силач-боец
Зараз из печи изразец
Своею вышибал железной пятернею,
Когда же на бою являлся пред стеною
Все опрокидывал и гнал перед собою.
Страх, ужас перед ним,
А клики радости и похвала за ним.
По окончании сраженья,
Героя нашего ведут все с торжеством
В питейный дом
Для угощенья»[1].

На первый взгляд, кажется, что кулачные бои были преимущественно прерогативой столичных и губернских городов, хотя на самом деле простой люд любил позабавиться и в небольших уездных городках. На основании обнаруженных документов удалось выяснить, что в свое время кулачные бои входили в одну из основных забав городского населения купеческой Елабуги XIX века.

В неофициальной части Вятских губернских ведомостей за 1863 года появилась статья В. Кудрявцева, который описал как проходили кулачные бои в Елабуге[2]. Во вступительной части к своей работе, известный краевед пишет: «Бои имели очень важное значение в стратегическом отношении во время между усобиц удельных князей и почти постоянной борьбы Руси с Ляхами и Татарами: когда враги нападали друг на друга нестройными толпами и бились в рукопашную, тогда русские в кулачных боях между собою упражняли свои силы для ратного дела. Кулачные бои производились в разных видах. Более всех уважался бой один на один, за ним — стена на стену, а меньше сцеплялка-свалка. Лучшими бойцами один на один считались тульские; бойцами же стена на стену — недавно казанские суконщики, противниками которых были татарами. В Туле бои стена на стену бывали только у оружейников с посадскими. Отличительная черта этих бойцов состояла в том: пить вино и за бесчестие почитать подарки, предлагаемые боярами. О времени боя жители оповещались заранее.

[1] Цит. по: Лебедев А. Из истории кулачных боев // Русская старина. — 1913. — № 6-7.
[2] Кудрявцев В. Кулачные бои в Елабуге // Вятские губернские ведомости. — Часть неофициальная. — 1863. — № 5. — 2 февраля. — С. 21-52.

Охотники, — как говорится в сборнике Г. Захарова, — задолго поили бойцов, сманивали подарками на свою сторону, других стращивали угрозами. Охота к боям доходила до отъявленной страсти. Старики подзадоривали молодых рассказами и обещанием биться, молодые, в ожидании случая испить винца, ходили с вестями о бое из двора во двор, дети выходили на затравку и составляли предвестников сцыплялки из старых и молодых бойцов. Когда бились стена на стену, тогда запасные выдерживались в стороне с толпою людей, уговаривавших стоять за их стену, и выпускались только тогда, когда противники пробивали стену. Надежа — боец летел тогда с шапкою в зубах, бил толпу на обе стороны, лежачего не трогал, а, пробивши стену, возвращался с толпою льстецов прямо к кабаку. Часто случалось, что хитрые бойцы закладывали в рукавицы бабки-чугунки для поражения противников».

По предположению автора исследования, кулачные бои в Елабуге заимствованы от своих соседей, казанцев. Путешествуя по губерниям, лихие люди занесли этот дух кулачного героизма в Елабугу. Точного времени появления этой русской забавы в городе назвать сложно. Но известно, что к середине XIX века кулачные бои в Елабуге уже практически не проводились.

По времени года бои обычно начинались на первом выпавшем снеге, с так называемого праздника Николы зимнего. Временем расцвета боев считалась, конечно же, любимая всеми горожанами масленица, когда каждый житель мечтал похвастаться своей силой и удальством. Для проведения кулачных боев старались выбрать место пошире и поровнее. Иногда для боя выбирали мосты, чтобы было интереснее драться, т.к. победившие имели возможность столкнуть потесненную сторону под мост. В Елабуге существовало две, говоря современным языком, группировки — жившие на Спасской стороне именовались спасскими, а собиравшиеся с Никольской стороны, именовались никольскими. Но не всегда территориальное деление играло первостепенную роль. Во время боя в драку могли вмешаться проходящие мимо лихачи, и тогда уже трудно было понять, на чьей стороне они бьются. Как указывает автор очерка, в бой часто ввязывались татары, цыгане и сельские жители, но не было случая, чтобы сельские одержали победу над городскими. Ожидание боев накануне масленицы проходило с большим нетерпением для мещан города, которые составляли, пожалуй, основную массу бьющихся. Елабужские купцы играли немаловажную роль зрителей и ценителей боевого искусства. Они с приближением праздника масленицы прекращали всякую торговлю, выставляли своим сторонам для придания силы и смелости пиво и вино и полностью погружались в зрелище, думая только об одном, какая же сторона нынче одержит верх — спасская или никольская?

В. Кудрявцев красочно описал картину самого боя, пришедшегося как раз на масленицу: «Стоит вечер на масляной. Народу в одной из елабужских улиц множество. Две отдельно стоявшие кучки мальчишек и парней начинают сближаться, сталкиваются между собою, поднимается крик, и кучки приходят в боевое положение. Удары сыплются, но скоро молодые силы уступают поле битвы взрослым бойцам. Высоко поднимается грудь бойца при виде еще малого боя, сердце бьется сильнее, он ощущает в себе как бы прилив силы, глаза полные огня и отваги, блещут, руки не могут дождаться исполнения назойливого желания, он бежит в толпу, — и что может удержать, остановить его? Страшно взглянуть на него, когда он, получивши сильный удар в грудь или лицо, ищет противника, он весь тогда олицетворенное мщение. Толпа противников встретилась, бой поднимается страшный; раздаются крики с обеих сторон: «Дряни никольские! Спасские дряни! Не выдадим! Постоим! Покажем!», удары постоянно сыплющиеся с рукавиц на открытые, разгоряченные вином и отвагою лица, летающие в воздухе шапки, падение на землю неловких, страшно смеющиеся лица зрителей... словом картина представляет своего рода римский цирк и древние олимпийские игры. Глаза зрителей постоянно перебегают по всей густой волнующейся толпе бьющихся и не могут надолго остановиться не на одном лице, разве только записной боец, зверски пролагающий себе дорогу в толпе бойцов, может еще не надолго задержать на себе внимание. У самого зрителя волнение в душе, он чувствует и радость, и удивление и редкий из них устоит против желания — стать в ряды бойцов. Но вот порыв прошел, слабеет, стихает — наступает отдых. Но, не далее как через полчаса, снова громкий крик, удары повторяются, с новою силою, ряды редеют, одна сторона слабеет, она не в силах более отражать удары и молча обращается в бегство. Крик «дряни!» раздается со стороны одержавшей верх, она преследует побежденных: только за городом, при появлении какого-нибудь нового богатыря, встречаемого радостными криками, побежденные останавливаются, сбираются с духом и с силами и снова вступают в ожесточенный бой, прежняя картина, только с большею жестокостью, повторяется пред зрителем».

Несмотря на то, что схватки были по продолжительности не более часа, но после непродолжительного отдыха и выбывания из боя раненых и побитых бойцов, которые были не в состоянии более сражаться, они продолжались вновь и вновь. Раненых было очень много: побитые глаза, выбитые зубы, сломанные кости, разбитые головы — всякое случалось в бою. Но не было традиции относится к выбывшим с презрением, т.к. они не бежали с битвы, а уходили побитыми, но не побежденными. Многие, несмотря на травмы, пытались вернуться в бой.

На масленицу бой заканчивался только с рассветом, и победившая и проигравшая стороны обычно вместе расходились по домам залечивать полученные раны, чтобы завтра, как ни в чем не бывало, продолжить свою обычную жизнь. Как пишет В. Кудрявцев: «Замечательно: чуждые милости и сожаления в бою, в следующий день враждующие встречались не как враги с ненавистью в душе, но как старинные друзья, а это показывает, что елабужане бились собственно для потехи, для забавы, для удовлетворения дикой страсти показать свое удальство и молодечество».

Автор считает, что было бы неразумно обвинять елабужан за страсть участвовать в таких, с первого взгляда могущих показаться дикими забавами, за страсть купцов и другого населения наблюдать за такой жестокостью. Это было сложное и трудное время, и проведение таких кулачных боев было в характере и духе того времени.

Стоит отметить, что каждый город гордился широтой и размахом проводимых кулачных боев, и купеческая Елабуга по праву считалась незаурядной в этом народном развлечении. Автор с сожалением отмечает, что времена настоящих кулачных боев в Елабуге уже прошли, и если соберутся потолкаться мещане на масленицу, то это уже совсем не похоже на те битвы, которые проходили раньше, и как справедливо отмечает историк: «Надобно полагать, что со временем вовсе истребится этот обычай, которым так гордились и интересовались предки, и вероятно, следы его в Елабуге вскоре останутся только в уличных шалостях мальчишек».

По прошествии почти 150-и лет со дня написания очерка о кулачных боях в Елабуге, следует признать, что предсказания автора сбылись и боев в том понимании, какое вкладывалось в них нашими предками, давно уже не существует. Моральное разложение общества в течение последнего демократического десятилетия в России, практически полностью искоренило из современного поколения такие, еще живые в памяти наших современников понятия, как смелость и благородство, запрет на битье лежачего, недопустимость в бою численного превосходства и др., которые бесспорно уходят своими корнями в традиции кулачных боев. Изучение их истории, традиции, правил, а также возрождение кулачных боев в виде театрализованных представлений, безусловно, важно как для сохранения древней русской традиции, так и для развития и укрепления моральных качеств российской молодежи.

Н.Ю. Кошенова
Алтайский государственный университет

КУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК СИБИРСКОГО КУПЦА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)

Крестьянское происхождение, постоянная коммерческая деятельность купцов не давали оснований говорить о высоком уровне образованности и воспитанности купца и современники по-разному это объясняли. В личных источниках некупеческого происхождения делался упор на то, что основатели династий, за редким исключением, были людьми малограмотными, не видевшими большой пользы в обучении. Настоящей школой была служба мальчиком, непосредственное участие в торговых делах. Сибирский купец И.В. Кулаев писал: «При исполнении 7 лет был взят домашний учитель. До 10 лет дети воспитывались дома, а затем отец отдал в городскую школу... Проучившись до 4 класса, отец, считая более полезным изучать на практике торговую и промышленную деятельности, взял меня и пристроил к собственному делу. Летом на золотом прииске, зимой в Бийск производить закупку скота»[1]. И.В. Кулаева отец готовил к серьёзной работе в будущем.

Отношение к образованию было неоднозначным. Характерная ситуация описана Н.А. Лухмановой, когда крупный купец Артамон Крутогоров отправил своих детей учиться: «Весь город с любопытством приглядывался к тому, какие плоды принесёт отцам несмелая попытка отослать в Питер для образования своих сыновей, город увидел, что, по крайней мере, Крутогоровы не посрамили отца. Цивилизация привилась к той молодёжи поверхностно, костюмно... наука была для них только приспособлением к более верному и спокойному добыванию денег. Приёмы дедов и отцов были грубы, первобытны, т.к. те наживались одинаково, как плутовством, так и горбом, и сохраняли капиталы благодаря тому, что их серая жизнь не давала им возможности проживать нажитое. Сыновья привезли другие приёмы. Они покажут отцам, как наживаться и жить. Они не будут работать, как волы, но будут, как удавы, высасывают весь сок из работы других и будут действовать не грубым насилием, а тонко, обдуманно, по всем правилам науки»[2]. Купец оценивал значимость образования, исходя из того, что это способствовало вхо-

[1] Кулаев И.В. Под счастливой звездой. Воспоминания. — М., 1999. — С. 20-21.
[2] Лухманова Н.А. Очерки из жизни в Сибири. Избранные произведения. — Тюмень, 1997. — С. 172.

ждению в благородное общество на равных, а с другой стороны, начинал осознавать необходимость образования как условие успешного развития собственного дела. В конце XIX в. обучение купеческих детей не только в гимназии, но и в столичных университетах становилось широко распространённым явлением по всей Сибири. Образование способствовало росту культуры купеческого общества, с чем не могли не согласиться современники. Внучки барнаульского купца И.И. Федулова вспоминали, что семья была в центре культурной жизни города. В семье барнаульского купца, жившего в с. Камень, А.И. Винокурова много читали, была большая библиотека, выписывались журналы для детей, по вечерам за чаем читали А.П. Чехова[1]. Подобные образы далеки от распространённых представлений о купечестве как о «тёмном царстве». Получение образования, смена круга общения, действовала на купеческих детей не всегда в соответствии с желанием родителей. Многие, получив профессию, не стремились становиться купцами и продолжать семейное дело, что приводило к непродолжительному существованию купеческих династий.

В источниках, повествующих о начале XX в., отмечался интерес к учреждению и развитию образовательных заведений. Однако не каждое общество было готово тратить средства на просвещение. Так, тюменское общество, владея большими капиталами, длительный период не учреждало для воспитания собственных детей даже коммерческого училища. В то время как, по уверениям современника, «в нынешние времена высшее коммерческое воспитание есть существенная необходимость для негоцианта, притом, знание иностранных языков развило бы мысли, показало бы, как важно иметь просвещённое понятие о торговле, как нашим купцам необходимо сближение с Европой. Есть здесь в некоторых домах (но в очень не многих, кажется, в пяти) гувернантки, частью немки, а частью наши институтские пепиньерки»[2]. Наиболее распространённым способом поддержания интереса к образованию было учреждение купцами стипендий для сибиряков, обучавшихся в столичных вузах. К.П. Перетолчин, приходившийся родственником иркутскому купцу К.П. Трапезникову, вспоминал о студенческих годах в Петербурге: «Финансовые затруднения решались как-то сами собой,... получишь пособие от председателя помощи учащимся сибирякам В.П. Сукачёва... За лекции заплатил В.П. Сукачёв. Владимир Платонович Сукачёв родиной — сибиряк, иркутянин. В своё время он был владелец богатых золотых приисков. Он получил университетское образование, бывал за границей и сделался большим меценатом... В

[1] Каменский краеведческий музей (ККМ). ОФ. 8901/1 — 24. Письмо от 1.09.1992.
[2] Завалишин И.И. Путевые записки (Тобольская губерния) // ЛУКИЧ. — 2000. — № 1. — С. 76.

90-х годах он уехал в Петербург, где состоял председателем общества помощи учащимся сибирякам»[1].

В Восточной Сибири распространилась идея приглашения декабристов в купеческие семьи в качестве учителей и воспитателей. Ещё в середине XIX в. уровень образованности иркутян вызывал восхищение у современников: «Общая, первоначальная образованность распространена в Иркутске шире, нежели во многих русских городах... В Иркутске издавна были библиотеки почти у всех достаточных лиц, и литературные новости получали там постоянно... Спросите у какого-нибудь купца русского города об Америке, об Ост-Индии, он едва ли слыхал о них; а многие иркутские жители знают их не хуже родной им России. Самый образ тамошних дел,.. требующий смелости, беспрерывных новых соображений и некоторых сведений способствовал направлению к образованности. От того-то являлись в Иркутск, между торговым сословием, люди необыкновенные и множество лиц достопамятных и оригинальных»[2].

В то же время, известный критик В. Вагин рассуждал об уровне культурных притязаний иркутского общества: «Большая потребность в чтении. Для удовлетворения этих потребностей один из образованных купцов А.М. Балдаков открыл публичную библиотеку. Дела её шли не блистательно. Библиотека имела не более полусотни подписчиков. Большая часть книг и журналов выписывалась за счёт содержателя. Кроме журналов и газет, выписывали преимущественно романы... Литературный вкус общества, впрочем, был развит ещё очень слабо... «Мёртвые души» прочитаны не многими и найдены пустою вещью, «огромной пошлостью»[3].

Требования В. Вагина к обществу очень высоки, они не соответствовали в целом уровню культуры сибирского населения. Поколение, воспитанное декабристами, только росло. Н.А. Белоголовый принадлежал к купеческой семье, его отец относился к числу честных купцов-теоретиков, результатом чего стало объявление о несостоятельности семьи после смерти ее главы, но он прекрасно осознавал роль, значимость образования в жизни человека, поэтому учителями для сыновей избрал ссыльных декабристов Юшневских. Дети купца говорили: «Отец не объяснил, куда он хочет везти нас; мы же в силу домашней субординации, расспрашивать не смели... Жили мы в Иркутске... Отец мой был купец, далеко не богатый, очень деятельный, замечательно умный и не останавливавшийся ни перед какими жертвами, чтобы доставить нам наивозможно лучшее

---

[1] Алтайский государственный краеведческий музей (АГКМ). Ф. Р-3. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 5.

[2] Авдеева К. Воспоминания об Иркутске // Отечественные записки. — 1848. — Т. 59. — № 8. — С. 125.

[3] Вагин В. 40-е годы в Иркутске // Записки иркутских жителей. — Иркутск, 1990. — С. 466–467.

образование, что было тогда в Иркутске крайне трудной, почти неисполнимой задачей... Когда мы вымытые, приглаженные и одетые в наше лучшее платье, уселись на долгушу... и быстро покатились по городу, то отец стал объяснять нам, что везёт нас... к декабристам Юшневским, у которых мы начнём учиться и для этого скоро совсем переберёмся на житьё к ним»[1].

Совершенно уникальным по уровню образования и культуры было купеческое общество Кяхты второй половины XIX в., когда слобода была центром чайной торговли. Учеником декабристов был А.М. Лушников, биографом которого можно считать ссыльного народника И.И. Попова, отмечавшего, что «в области литературы он (Лушников — Н.К.) был несравненно более сведущим человеком, чем я, получивший образование. Он свободно читал наизусть всего Пушкина; многие стихотворения Лермонтова, Майкова, Некрасова, Полонского, Омулевского и других. Следил за новейшей литературой. Каждый вечер он и К.Х. (Клавдия Христофоровна Кандинская, жена — Н.К.), а к ним присоединялись и другие, читали последние книжки, журналы... В семье Лушникова «меркантильный» интерес торговли уживался с интересами искусства и литературы. Здесь... хозяин-коммерсант благодушно мирился с тем, что его наследники избрали себе другие пути. Он не навязывал им своей профессии»[2].

Достойными представителями кяхтинского общества была и семья Сабашниковых. М.В. Сабашников писал: «По рассказам старших, дом родителей наших в Кяхте одно время был средоточием кяхтинской и троицкосавской интеллигенции, среди которой были и политические ссыльные, в том числе декабристы. Мама получала из Москвы и Парижа книжные новости и охотно делилась ими со знакомыми. Она любила устраивать у себя чтения вслух наиболее занимавших общество статей и литературных произведений. К нам постоянно заходили просматривать, получаемые родителями, иностранные и столичные журналы. Вероятно, через китайскую границу отец получал «Колокол» Герцена, и читать его приходили не одни только политические ссыльные, купцы да интеллигенты. С большим интересом, но под покровом тайны, за «Колоколом» следили и официальные лица»[3]. Если использовать источники только с выше приведёнными сюжетами, то складывается впечатление, что наиболее образованным, политически активным было сибирское купечество. Число купцов с подобными культурными запросами было невелико, особенно в общероссийском масштабе. Как отмечали современники, это было единственное поколение, оставившее столь яр-

[1] Белоголовый Н.А. Из воспоминаний сибиряка о декабристах // Русские мемуары. — М., 1990. — С. 30.

[2] Попов И.И. Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет. Сибирь и эмиграция. — Л., 1924. — С. 49–50.

[3] Сабашников М.В. Воспоминания. — М., 1983. — С. 80.

кий след и в экономической, и в общественной, и в культурной жизни. Это скорее исключение, по которому мы не можем судить о сословии в целом.

Источники изобилуют зарисовками семейного быта. В художественной литературе купеческая семья изображалась с негативной стороны, в источниках нет однозначного представления. Определённая система мировосприятия формируется у человека с детства, он усваивает те ценности, которые культивировались в семье. Жизнь человека в семье лишена условностей, норм довлеющих над ним в обществе, он весь проявляется в этой среде. Купеческие семьи сохраняли много общего с крестьянским миром. Это были большие патриархальные семьи, во главе которых стоял основатель династии, являясь главным человеком и в коммерции и в семье. Большие семьи жили в одном доме или на близком расстоянии друг от друга. А.В. Кудрявцева, внучка купца А.И. Винокурова, вспоминала, что дед сам проектировал дом, который был большим, имел форму квадрата, в нём могли располагаться три семьи, при этом, каждая проживала в собственной квартире с отдельным входом. В доме же была расположена контора[1].

Таким образом, А.И. Винокуров объединил не только всю семью, но и расположил центр собственного предприятия в непосредственной близости.

Большие семьи, занятость главы делом могли создать ситуацию, когда дети были предоставлены сами себе. Но воспитание было под жестким контролем, в соответствии с народными традициями. Дети, прежде всего сыновья, являлись опорой отца и продолжателями дела. В отличие от кяхтинцев, в большинстве купеческих семей вопрос о выборе будущего не стоял. Сыновья были наследниками, это находило своё воплощение в названиях фирм, компаний, которые включали фамилию основателя, а также указывалось, что ей владеют и его сыновья. Современники отмечали, что именно потому, как шли дела под руководством наследников, можно было определить надёжность фирмы. Сыновья расширяли сферу интересов, они выводили компанию на более высокий уровень.

Вторая половина XIX в. — сложный период, повлекший за собой смену ценностных ориентиров в целом. Распространённым явлением было непонимание двух поколений, живущих в одном доме. Ссоры в купеческих семьях были часты и приобретали свойственный русской душе размах. Е.П. Клевакин описывал ссору бийских купцов Сычёвых, отца и сына: «Сын богатого купца Михаила Савельевича Сычёва — Александр Михайлович в августе месяце 85 года без благословения родителей вступил в законный брак с дочерью отставного военного офицера Войцеховского — Еленой За-

[1] ККМ. ОФ. 8901/1 — 24. Письмо от 17.04.1992; Письмо от 22.06.1992.

харовной. Сычёвы... весьма недовольны женитьбой сына, во-первых, потому что он женился без благословления и, во-вторых, потому что он взял не ровню, не из купеческого семейства, но... простили... и приняли в своё семейство... Александр занимался торговыми делами. Жена его жила барынею, как следует дочери военного офицера, ходили они часто в собрание, где она танцевала почти до упаду, любезничала с молодыми людьми, одевалась по последней моде... Дома... часто размолвки... молодая сноха по домашности (ничего) не делает,.. воспитана не так, а по-барски. Вот на Пасху, когда у всех коммерсантов делался учёт товарам,.. молодой Александр Михайлович по инициативе своей супруги, начал разгуливать по целым дням... с людьми, для которых праздник Пасхи действительно праздник... Разразилась семейная буря. Возвратившись домой ночью на пятый день Пасхи, молодых не пустили домой... Дело дошло до рукопашной... Молодым людям хочется, чтобы старик выделил их, давши капитал в 50 или даже 30 тыс., на которые они могли жить самостоятельно»[1].

Родители несли ответственность за своих детей и помогали им, посредством благословения, устроить жизнь в будущем. Невеста была некупеческого звания, но часто, чтобы повысить собственное общественное положение считался удачным брак, заключённый с представителями дворянства. Последние не приветствовали подобные союзы, лишь в тех случаях это считалось возможным, когда брак мог поправить благосостояние и материальное положение дворянской семьи.

В купеческих семьях в особой строгости воспитывались девочки. Им не стремились дать хорошее образование, т.к. их задачей было выгодно выйти замуж, точнее заботой родителей было удачно выдать замуж дочь, что могло способствовать упрочнению семейного дела. Барнаульский городской голова А.Черкасов в своих «Записках» описывал отношения купцов со своими дочерьми: «Дочки у него были, так тем он не доверял, держал их строго; бывало, как уедет куда — запрёт их на замок, дескать, лучше, меньше соблазна для девок»[2]. Купец должен был содержать дом в богатстве, что привлекало выгодных женихов, а также славиться строгостью нравов в семье и воспитанием дочери как хорошей жены в будущем, способной содержать дом: «... Афонасий Петрович Якимов... будучи кяхтинским купцом, совершал несколько торговых походов в Китай с караванами и, имея в Кударинской крепости двухэтажный деревянный дом, жил на широкую ногу. Это нужно было, чтобы пристроить

[1] Будни и праздники горного округа. Из фонда Е.П. Клевакина // Судьбы: Воспоминания, дневники, письма, стихи, путевые заметки, протоколы допросов. — Барнаул, 1996. — С. 38–39.

[2] [Черкасов А.] Записки барнаульского городского головы // Алтай. — 1993. — № 3. — С. 147.

своих шестерых дочерей, — и он успел в этом деле. От этих щёголих своего времени осталась поговорка: «Афанасьевы девки — шур, шур, шур!», т.е. платья их из плотных материй производили этот звук»[1]. В семьях строго соблюдался принцип выдачи дочерей замуж по старшинству. Отец семейства определял за кого выйдет дочь, что собственно имело отношение и к сыновьям. Брак по расчёту был широко распространённым явлением. А.В. Кудрявцева вспоминала историю замужества своей тётки Дарьи Адриановны Винокуровой: «Старшая сестра моей мамы была просватана, состоялось обручение, обмен с женихом фото — ждала свадьбу. Но, однажды утром пришла бабушка в их комнату и сообщила т.Даше, что Адриан Ильич решил принять предложение отца Николая из Куликово и чтоб она вернула кольцо жениху и будет выдана замуж за отца Николая Троицкого. Бабушка вышла, а т. Даша упала в подушку и долго плакала»[2].

Патриархальный дух проявлялся и в близком общении с прислугой. Купеческие жёны, как правило, активно занимались домашней работой, тяжесть которой не отличалась от работы прислуги. В воспоминаниях потомков купцов часто указывалось на доброе отношение к прислуге, которую иногда считали членами семьи. А.В. Кудрявцева вспоминала, что на Рождество вся семья собиралась вместе: «Не обижали и наших помощниц — прислугу. Хорошо помню, как в последний праздник мама позвала всех в столовую и вынесла футляр с золотыми вещами. Выбирали каждый по желанию: брошь, серьги, кольцо. Годом раньше получили по отрезу на шерстяное платье»[3].

Крестьянско-патриархальный уклад жизни семьи дополнялся в представлениях современников образом деспота — главы семейства, державшего в строгости и членов семьи, и прислугу. Воспоминания оставляли, как правило, люди уже далёкие от крестьянской среды, которые строгость семейных нравов воспринимали как проявление деспотизма. Образованное общество было оторвано от крестьянской культуры и законы, утверждавшиеся в ней столетиями, были им не понятны. В начале XX в. в процессе эволюции купеческого сознания, смены поколений изменялся и семейный уклад. Дом купца стал обстраиваться на европейский манер, его площади полностью использовались, дети, в том числе девочки, получали хорошее образование, занимались наукой, искусством и т.д.

Семейная жизнь оставалась скрытой от посторонних взглядов. Купеческий нрав, чувство жизни прорывалось в процессе общения купцов между собой, на общественных собраниях, в клубах, на яр-

---

[1] Черепанов С. Отрывки из воспоминаний сибирского казака // Древняя и новая Россия. — 1876. — Т. 2. — № 6. — С. 188.

[2] ККМ. ОФ. 8901/1 — 24. Письмо от 24.12.1992.

[3] Там же. Письмо без даты.

марках, различных праздниках. И это давало повод современникам представлять нам образ разгульного, бесшабашного мужика, готового пропить, прогулять огромные суммы. Здесь прорывалась мужицкая, крестьянская натура, что, в конечном счёте, формировало социальный облик купца. В источниках постоянно встречается указание на безудержность купеческого нрава, все неприглядные стороны которого проявлялись на глазах публики. «Сибирский купец любил повеселиться на распашку, по-своему, в тёплой своей купеческой компании, зело хорошо выпить, в беседе не стесняться в выражениях»[1].

В семье купец был приверженцем старых, патриархальных принципов, которые выражались в строгом воспитании детей, подчинении младших старшим и в то же время ответственности родителей за будущее детей. На рубеже XIX–XX вв. пришло осознание зависимости степени образования и успеха коммерческой деятельности, купец стал стремиться дать своим детям хорошее образование.

[1] Кулаев И.В. Под счастливой звездой. Воспоминания. — М., 1999. — С. 238.

Н.П. Гурьянова
Кировская областная научная библиотека им. А.И. Герцена

КУПЕЧЕСКОЕ СОСЛОВИЕ В ИСТОРИИ ВЯТСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ (1837-1917 ГГ.)

Вятская публичная библиотека, открытая А.И. Герценом в декабре 1837 года на частные пожертвования, вынуждена была существовать долгие десятилетия за счёт денежной поддержки и сочувствия граждан. Впрочем, такова была судьба и других губернских библиотек России. Немногочисленное купеческое сословие Вятской губернии оказывало библиотеке реальную помощь на протяжении всей её истории в XIX — начале XX веков.

Занимаясь организацией Вятской публичной библиотеки, А.И. Герцен написал около трёхсот писем к состоятельным жителям Вятки и Вятской губернии с просьбой оказать ей содействие деньгами и книгами. На его письма откликнулось и купечество. При этом надо признать, что многие вятские купцы входили в дружеское окружение А.И. Герцена. В документе «О пожертвованиях Вятской публичной библиотеке» приведены фамилии купцов А. и И. Рязанцевых, Репиных, Шмелёва, Косаревых, Бакулева, П. Гусева, Еф. и Ст. Изергиных, Моралёва, Эсаулова и других, внёсших свой вклад в развитие библиотеки. В списке дарителей и других адресатов под № 116, 118-119 числятся письма яранского купца К. Беляева, а под № 117 — «Реестр книгам, пожертвованным К. Беляевым»[1]. Исследователям ещё предстоит изучить интереснейшую фигуру Кузьмы Васильевича Беляева (около 1800-1858), друга А.И. Герцена. В письмах Герцена 1836-1838 гг. он предстаёт чрезвычайно обаятельным человеком, проникшимся симпатией к нему настолько, что готов был поддерживать бескорыстно деньгами и самого изгнанника, и созданную его руками библиотеку, вплоть до 50-х годов, т.е. до последних дней жизни.

К. Беляев стал первым дарителем произведений А.С. Пушкина библиотеке, преподнеся ей «Бориса Годунова» (СПб., 1831). Кстати сказать, это была единственная книга Пушкина из 1 313 томов, собранных к открытию библиотеки. А всего купец подарил библиотеке 70 книг и 1 000 руб. (общая сумма пожертвований составила 7 000 руб.).

На 1850 году в г. Вятке числилось купцов I гильдии — 15, II гильдии — 62, III гильдии — 413, в третьем городе губернии —

[1] Документ о пожертвованиях для Вятской губернской публичной библиотеки. Начат 26 октября 1836 г. Окончен 14 марта 1837. 17 с. Рукопись // Кировская Областная Универсальная Научная Библиотека им. А.И. Герцена. Д 148.

Елабуге, например, купцов II гильдии — 25, III гильдии — 431. Всего в губернии состояло купцов I гильдии — 42, II гильдии — 337, III гильдии — 3 008. При этом население Вятской губернии составляло 1 616 851 чел.[1]

Проходившая в 1864 году, однодневная перепись зарегистрировала в г. Вятке 740 представителей купеческого сословия (359 муж. и 381 жен.), а всеобщая перепись населения 1897 года насчитывала в Вятке купеческого сословия 424 чел. (170 муж. и 254 жен.), что историк П.Н. Луппов объясняет сокращением экспортной хлебной торговли[2].

Купцы являлись читателями библиотеки. К примеру, по отчёту библиотеки за 1864 год, «билетов для чтения в библиотеке было выдано в течение года 414. В том числе: духовным — 34, дворянам — 12, военным — 21, чиновникам — 85, купцам — 14, мещанам и крестьянам — 18, семинаристам — 148, гимназистам — 69... В 1864 году библиотека имела посетителей 16 928, кроме дам»[3].

60-е годы XIX века стали «золотым веком» во всей дореволюционной истории Вятской публичной библиотеки. Прежде всего, это связано с фигурой замечательного просветителя П.В. Алабина (1824-1896), ставшего управляющим библиотекой в 1861-1866 гг. и, возродившего её к жизни из умирающего учреждения. Кроме того, в пореформенный период в широких кругах России оформился устойчивый интерес к книге и знаниям. По отчётам библиотеки 60-х годов можно изучать не только её историю, но и состояние всего вятского общества. Они показывают, насколько быстро растут духовные потребности провинциальной Вятки, пожалуй, не отставшей в своём развитии от столичных городов. И здесь мы видим явное желание библиотеки «всеми зависящими от неё средствами ... стараться не отставать от жизни общества и удовлетворять всем его разумным интересам»[4], что выразилось в приобретении библиотекой всех лучших научных и литературных трудов тех лет.

Вызывает интерес и то, что библиотека пытается изучать круг чтения жителей Вятки. Отчёты за 1864 и 1866 гг. позволяют проследить читательские пристрастия купеческого сословия. К сожалению, позднее анализом чтения библиотека уже не занималась.

Выделено восемь категорий читателей: духовенство, дворяне, военные, чиновники, купцы, мещане, семинаристы, гимназисты.

---

[1] Военно-статистическое обозрение Российской империи. — СПб., 1850. — Т. 2, Ч. 4. Вятская губерния. — 109 с.: табл. — Табл. 3: Народонаселение Вятской губернии с означением жителей по званиям.

[2] Луппов П.Н. История города Вятки. — Киров: Кн. изд-во, 1958. — С. 208.

[3] Отчёт о состоянии Вятской публичной библиотеки за 1864 год. — [Вятка, 1865]. — 21 с., ненумер. табл.

[4] Алабин П.В. Записка заведующего делами Вятской публичной библиотеки г. Алабина о мерах, принятых к её устройству. — Вятка, 1862. — С. 9 (ненумер.).

Всего в 1864 г. книговыдача литературы по всем отраслям знания у чиновников составила 23 986 экз., дворян — 4 621, купцов — 4 552 (практически ими охвачены все представленные науки, кроме педагогики), семинаристов — 3 905 и т.д. Первое место в книговыдаче занимала беллетристика. В чтении изящной литературы купцы идут следом за чиновниками (3 989 и 1 142), переводной литературы (1 980 и 656). Купцами не обойдён вниманием ни один из журналов, выписываемых библиотекой, — «Отечественные записки», «Современник», «Русское слово» и т. д., кроме «Русской сцены». Из русских писателей их внимания не удостоились только Н. Некрасов и А. Островский, хотя купцы идут на 2-м месте после чиновников по чтению произведений А.С. Пушкина (170 и 43). И, оказывается, В.А. Жуковского в Вятке читали только чиновники и купцы (47 и 20). Из зарубежных авторов купцы не проявили внимания к В. Скотту и Ф. Шиллеру, хотя отмечается ровный интерес к А. Дюма, Ж. Санд, Ч. Диккенсу, а к П. де Коку проявлен был явный интерес (чиновники — 372, купцы — 128)[1].

Пробелы в чтении купцами произведений Островского были устранены уже в 1866 году, когда отмечено 17 обращений к этому автору (у чиновников — 48). По количеству книговыдач в 1866 году купцы идут уже на 2-м месте после чиновников (30 374 и 4 188). На 3-м месте дворяне — 3 270. Сохраняется интерес купцов к периодическим изданиям, где они в большинстве случаев идут также следом за чиновниками. Скажем, «Отечественные записки» (1 983 и 218), «Русский вестник» (1 308 и 225), «Дело» (94 и 48). Что интересно, купцы следом за чиновниками читают Белинского (400 и 74; всего обращений к этому автору за год 540), Добролюбова (177 и 53; обращений за год 264). В изучении учения Дарвина они (единственный раз!) смогли превзойти чиновников (18 и 19)[2].

К сожалению, мы не имеем возможности в этой статье подробно анализировать читательские пристрастия жителей Вятки 60-х годов. Здесь исследователя может ждать множество увлекательных сопоставлений. Эти документы красноречиво говорят о том, что вятское купечество было довольно образованным сословием, идущим в ногу со своим временем и живущим интересами общества, частью которого оно являлось.

Купцы входили в состав Попечительного комитета библиотеки. По отчёту 1865 года, в состав попечителей были избраны вятский купец А.И. Машковцев и елабужский купец К.Я. Ушков, вносившие ежегодно конкретный вклад в развитие библиотеки. Читаем в отчёте за 1866 год: «Деньгами пожертвовали ... члены библиотеки:

---

[1] Отчёт о состоянии Вятской публичной библиотеки за 1864 год... См. ненумер. табл.

[2] Отчёт о состоянии Вятской публичной библиотеки и музея за 1866 год. — Вятка, 1867. — См. ненумер. табл.

В.В. Александров, К.Я. Ушков, Н.И. Ушков, И.А. Кононов по 100 р. каждый; С.С. Зырин, Ф.Ф. Россохин, Д.И. Стахеев, Н.А. Новиков — по 50 р. каждый; Н., А. и В. Ивановичи Рязанцевы 30 р.; А.А. Петухов и И.Л. Бердников по 25 р...»[1]. В отчёте за 1869 г. из жертвователей отмечены: Н.И. Ушков (50 р.), П.К. Ушков, Чернов, Пупышев (100 р.), Рязанцев, Зырин, Кусакин, Носов (по 25 р.)[2].

С 1863 года после переезда библиотеки в собственное здание по ул. Копанской (ныне ул. Герцена, 50) П.В. Алабин активно занимается организацией музея в помещении библиотеки. В отчётах библиотеки 1864-1866 гг. (музей был открыт 21 января 1866 г.) приведены подробные списки поступивших даров не только библиотеке, но и музею. Среди них мы находим экспонаты от многих купцов Вятской губернии (Рязанцевых, Машковцевых, Кардаковых и др.), представивших в музей свою продукцию.

Крупные вятские купцы в качестве почётных членов Попечительного комитета Вятской публичной библиотеки числились до 1918 года, об этом свидетельствуют ежегодные «Памятные книжки Вятской губернии»[3]. В соответствии с уставом библиотеки 1891 г., «почётными членами комитета именуются все те лица, без различия пола, звания и местожительства, которые или: а) оказали несомненные услуги к благоустройству библиотеки, или б) сделали в кассу её единовременный взнос не менее 300 руб., или в) обязались вносить ежегодно не менее 50 руб.»[4].

Среди 7 почётных членов Попечительного комитета библиотеки в 1915-1917 гг. пять человек принадлежали купеческому сословию: Тихон Филиппович Булычёв, Пётр Павлович Клобуков, Козьма Игнатьевич Лаптев, Николай Васильевич Мешков и Торговый дом «Вахрушев Илья Тимофеевич с Сыновьями». В этом списке особое место принадлежит пермскому купцу Н.В. Мешкову. Управляющий Вятской публичной библиотекой А.Н. Луппов, человек энергичный и деятельный, свёл с ним знакомство в 1908 году и сумел расположить к себе купца, «который среди тогдашнего купечества слыл большим либералом, а у администрации считался неблагонадёжным, подвергался обыскам и сиживал в тюрьме»[5]. Н.В. Мешков подарил Вятской публичной библиотеке огромную сумму по тем временам — 800 руб., на которые были приобретены книги исторического содержания и

---

[1] Отчёт о состоянии Вятской публичной библиотеки и музея за 1866 год. — Вятка, 1867. — С. 11.

[2] Отчёт о состоянии Вятской публичной библиотеки и музея за 1869 год. — Вятка, 1870. — С. 4.

[3] См., напр.: Памятная книжка и адрес-календарь Вятской губернии на 1916 год. — Вятка, 1916. — С. 9 (3-я паг.).

[4] Отчёт о состоянии Вятской губернской публичной библиотеки имени императора Николая I-го за 1909 и 1910 г. — Вятка, 1911. — С. 4.

[5] Луппов А.Н. О Вятской публичной библиотеке // Герценка: Вят. записки : [науч.-попул. альм.]. — Киров, 2006. — Вып. 10. — С. 5.

новинки беллетристики. В 1913 году он сделал новое пожертвование библиотеке — 1 500 руб. Ни один из вятских купцов не смог превзойти уровень такого щедрого дара библиотеке.

Кстати сказать, купцы Лаптевы помогали не только Вятской публичной библиотеке, но и открыли народную библиотеку для рабочих кожевенных заводов в 1901 году. Историк М.С. Судовиков в книге «Губерния Вятская» (Киров, 2006) приводит найденный в Государственном архиве Кировской области документ (ГАКО):

«Правила бесплатной народной библиотеки, учреждаемой вятским купцом И.И. Лаптевым.

1. Народная библиотека имеет целью предоставить бесплатное пользование книгами для чтения всем рабочим заводов гг. Лаптевых, Сунцовых и Поскрёбышевых, расположенных при г. Вятке, а также живущему близ заводов населению г. Вятки и Щербининской волости...

2. Народная библиотека учреждается вятским купцом Иваном Игнатьевичем Лаптевым с пособием от Вятского губернского земства. Средствами её содержания служат:

а) единовременный взнос учредителя г. Лаптева в 100 рублей на приобретение книг и ежегодный по 25 рублей на пополнение библиотеки книгами...

10. Учредитель библиотеки И.И. Лаптев считается попечителем её. В случае его отсутствия из г. Вятки, обязанности его переходят к брату его Козьме Игнатьевичу Лаптеву...

22. Библиотека не взимает ни платы за чтение, ни залогов, ни штрафов за просрочку возврата книг.

23. Библиотека открыта ежедневно в определённые Советом (библиотеки. — Н.Г.) часы...»[1].

Помимо денежных пожертвований, вятские купцы преподносили библиотеке и уникальные книжные дары. Купцы Сениловы в 1918 году подарили ей свою нотную библиотеку (около 2 000 экз.), которая ныне является украшением отдела литературы по искусству Кировской областной научной библиотеки им. А.И. Герцена и составила бы честь любой столичной библиотеке.

Так, купеческое сословие пыталось содействовать развитию Вятской публичной библиотеки в XIX — начале XX веков. И в том, что она благополучно дожила до 1918 года и превратилась в одну из лучших губернских библиотек России, была, несомненно, и заслуга вятского купечества.

[1] ГАКО. — Ф. 582. — Оп. 142. — Д. 379. — Л. 2-5.

Д.В. Кондрашин
Елабужский государственный педагогический университет

СОВРЕМЕННИК СТАХЕЕВЫХ — ИВАН НИКАНДРОВИЧ КИБАРДИН

Стахеевы — одна из богатых династий России, всегда считала своим пристанищем скромный провинциальный город Елабуга. Представители династии если не имели какой-нибудь завод или банк, то участвовали в земском или городском самоуправлении, старались содействовать просвещению в Елабуге и всей Вятской губернии. Такая деятельность не могла не способствовать просвещению народа, которую солидарно со Стахеевыми проводили и их менее известные современники. Иван Никандрович Кибардин являет собой ярчайший пример человека на протяжении всей жизни содействовавшего, в силу возможности, делу просвещения и духовного развития Елабужского края. Приехав в Елабугу, в конце 60-х годов XIX века, Иван Никандрович поселился у Александра Петровича Кобычева, который был довольно известен в городе, так как основал первую в Елабуге типографию. Ранее А.П. Кобычев проживал в Вятке, где имел переплетную мастерскую[1]. В конце 1870-х годов И.Н. Кибардин открыл в своем доме библиотеку, получив на это разрешение Вятского губернатора. Несмотря на платность в предоставлении услуг, библиотека была широко востребована учащимися и учителями города. Вскоре выяснилось, что в виду платы за пользование, в библиотеку затруднен доступ учителям уезда. Понимая, как важно дело просвещения села, Иван Никандрович обратился к уездному земскому собранию, для оказания материальной поддержки необходимой на содержание библиотеки, и о введении бесплатного обслуживания учителей сельских народных школ[2].

С разрешения Вятского губернатора, полученного в декабре 1879 года[3], И.Н. Кибардин, являясь помощником смотрителя Елабужского духовного училища, открывает в мае 1880 года, вторую в Елабуге типографию, известную вначале под названием «Русская печатня И.Н. Кибардина»[4]. За непродолжительный период времени она стала востребована далеко за пределами губернии. Заказы на распечатку журналов и докладов, денежных смет, циркуляров, похвальных листов, поступали от Елабужского, Мензелинского, Чистопольского земств. По специальным заказам инспекторов народ-

[1] ГАКО. — Ф. 574. — Оп. 2. — Ед. хр. 74. — Л. 18.
[2] Валеева Н.Г. И.Н. Кибардин — просветитель Елабужского уезда // Герценовские чтения. — Киров, 2002. — С. 116.
[3] Там же.
[4] ГАКО. — Ф. 574. — Оп. 2. — Ед. хр 74. — Л. 18 об.

ных училищ Елабужского уезда печаталась методическая и учебная литература. Среди них: «Методическое руководство обучения письму» преподавателя Елабужского реального училища А.К. Гортова (1884), «Слово о полку Игореве» инспектора народных училищ Мензелинского уезда К.В. Шейковского (1885), «Курс русского правописания для начальных народных училищ», составитель инспектор народных училищ Елабужского уезда В.А. Ислентьев (1886). Вскоре на средства известных елабужских меценатов, Ф.П. Гирбасова, Н.Д. Стахеева, П.К. Ушкова, И.Г. Стахеева были напечатаны несколько довольно значимых изданий: «Учебник русского языка для вотяков Елабужского уезда», содержащий «руководство для учащих и ключ к переводам с русского языка на вотский, и с вотского на русский, составитель В.А. Ислентьев» (1888), «Руководство к преподаванию грамоты и русского языка по букварю первой учебной книжки и учебнику для вотяков», в двух частях, составитель В.А. Ислентьев (1889), «Букварь и первая учебная книжка для вотяков Елабужского уезда» составитель В.А. Ислентьев, издана на средства почетного гражданина г. Елабуги, П.К. Ушкова (1889)[1]. Появление этих книг имело огромное значение для образования детей-вотяков (удмуртов), которые по выражению рецензентов «сидели во тьме и сени смертной»[2]. Печатня И.Н. Кибардина выполняла данные заказы совместно с типографией Императорского Казанского Университета, по объяснению Елабужского издателя, в Казани приходилось печатать вотский текст учебников[3]. К 1893 году, «Русская печатня И.Н. Кибардина», вошла в четвёрку самых производительных типографий Вятской губернии, оборудование которых, позволяло выполнять крупные и мелкие книжные заказы, тогда как остальные типографии ограничивались лишь печатью бланков, журналов и отчетов[4]. В одном из периодических изданий можно встретить презентацию деятельности типографии: «Типо-литография И.Н. Кибардина в Елабуге, исполняет всякого рода типографские работы в лучшем виде, аккуратно и по ценам дешевле Казанских и столичных типографий, литографские же заказы исполняет по прейскурантам Московских и Петербургских литографий, так что местные заказчики выигрывают в упаковке и пересылке»[5]. На этот период времени имелось так же отделение «Русской печатни» в Мензелинске.

В июне 1880 году И.Н. Кибардин получает разрешение открыть книжную лавку[6]. В августе 1882 года титулярному советнику Кибардину разрешается издавать в Елабуге, под его редакторством, с предваритель-

---

1 ГАКО. — Ф. 574. — Оп. 2. — Ед. хр. 74. — Л. 19 об.
2 Вятские Губернские Ведомости. — 1889. — 22 апр. (№ 31 / 32). — С. 4.
3 ГАКО. — Ф. 574. — Оп. 2. — Ед. хр. 74. — Л. 19 об.
4 Там же. — Л. 54.
5 Там же. — Л. 38.
6 Там же. — Ф. 582. — Оп. 160. — Ед. хр. 294. — Л. 76 об.

ной цензурой, еженедельную газету «Камский листок объявлений», подписная цена за год составляла 1 рубль[1]. Деятельность Ивана Никандровича не могла остаться незамеченной, поэтому его статус стремительно рос. Так в 1883 году, являясь уже дворянином, он фигурирует в списках лиц имеющих право быть присяжными заседателями[2].

До начала XX века И.Н. Кибардин сумел проявить свой талант, послуживший не только становлению его личного имени, но и развитию народного просвещения в Елабужском крае.

В октябре 1906 года преуспевающий издатель впервые вошёл в состав гласных Елабужского уездного земского собрания и уже 23 октября, в результате выборов должностных лиц земства на новое трехлетие, был избран председателем Елабужской уездной земской управы[3]. Так началась управленческая карьера И.Н. Кибардина.

Вместе с председателем обновился и весь состав управы. В итоге оказалось, что все избранные являются новичками в земском деле, хотя и входили ранее в состав гласных, либо являлись волостными старшинами. Деятельность нового председателя началась с жёсткого наведения дисциплины среди служащих, для чего были чётко расписаны часы работы, обеда и отдыха. Ликвидируя запущенность состояния доставшегося ему земства, Кибардин вынужден был увольнять нерадивых сотрудников, его внимание сосредотачивалось даже на исполнении обязанностей фельдшеров, учителей, дорожных смотрителей и т.д.[4] Управленческий талант председателя земства выдвинул его на более высокий пост. В 1915 году И.Н. Кибардин являлся уже городским головой, решая сотни проблем связанных с размещением войск для фронта и обустройством бараков для пленных, в условиях малого города, занимаясь улучшением быта населения, он никогда не забывал о духовном развитии своего края. Например, осенью 1916 года И.Н. Кибардин стал одним из вдохновителей создания Елабужского образовательного общества. Главной целью организации стала культурно-просветительская деятельность, осуществлявшаяся через распространение научных знаний о естественно-историческом, антрополого-этнографическом, археологическом, художественном, экономическом положении Вятского края, охранение памятников природы, старины, культуры. Планировалось проведение экскурсий, выставок, организация лекций, воскресных занятий, концертов, открытие библиотеки и музея родиноведения[5].

Вклад Ивана Никандровича Кибардина в развитие Елабужского края поистине многогранен.

---

1 Вятские Губернские Ведомости. — 1882. — Офиц. часть. (№ 64).
2 Там же. — 11 авг. (№ 94).
3 Журнал XXXX очер. сес. с 15-24 окт. 1906 г. Елабуж. уездн. зем. собр. — Елабуга: Печ. И.Н. Кибардина, 1907. — С. 713-714.
4 Вятский край. — 1907. — № 36. — С. 4.
5 ГАКО. — Ф. 616. — Оп. 5. — Ед. хр. 613. — Л. 30 об.

КУПЕЧЕСТВО И ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

А.В. Растягаев
литературный институт им. А.М. Горького

«НЕ СТОИТЪ ГОРОДЪ БЕЗЪ СВЯТАГО, СЕЛЕНІЕ БЕЗЪ ПРАВЕДНИКА» (ОБРАЗ КУПЦА-ПРАВЕДНИКА В «ЖИТИИ ОДНОЙ БАБЫ» Н.С. ЛЕСКОВА)

«Житие одной бабы» исследователи относят к самым грустным повестям о русской жизни. В произведении необычайно резко и остро дана тема крепостничества и реформ. Отсутствие имени собственного в заглавии выводит на первый план социальный аспект: жизнь одной бабы становится метонимией судеб всех женщин крепостнической России.

В критических откликах на произведения Н.С. Лескова обращалось внимание не только на социальный аспект повести, но отмечалась и специфичность лесковских персонажей. О героях Лескова верно говорил М. Горький, как о «милых иконах... праведников»[1]. По мысли В.Ю. Троицкого, под иконами писатель понимал не религиозную сущность лесковских персонажей, а их статичность и традиционность «в духе религиозных жанров, жанров фольклора и древней русской литературы»[2]. Исследователь объясняет внимание Лескова к житию стремлением придать событиям вневременную, вечную ценность.

Читательское восприятие житийного героя во многом обусловлено толкованием понятий *святой* и *праведник*. Сами слова *святой, святость, праведный, праведничество* в современном словоупотреблении мыслятся как синонимы[3]. Однако эти термины при кажущейся близости значений обозначают разные понятия: святость — это состояние святого; одна из категорий святых — праведники; главное отличие праведников от других святых (мучеников, например, или отшельников) — праведная жизнь именно в миру. Такое понимание и разграничение смежных понятий характерно и для народного восприятия. Ср. определения по словарю В.И. Даля: СВЯТОЙ — духовно и нравственно непорочный, чистый, совершенный; все, что относится къ Божеству, к истинамъ веры, предметъ высшаго почитанія, поклоненія нашего, духовный, божественный, небес-

[1] Горький А.М. Несобранные литературно-критические статьи. — М., 1941. — С. 88-89.

[2] Троицкий В.Ю. Лесков-художник. — М., 1974. — С. 31.

[3] См.: святой 1. праведный. 2. праведник. 3. священный. 4. благородный. 5. нерушимый // Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. — М., 1998. — С. 394.

ный[1]. ПРАВЕДНИКЪ — праведно живущій, по закону Божью поступающій, безгрешникъ[2]. Таким образом, оппозиция *святой — праведник* соотносится с представлениями «небесный, божественный», с одной стороны, «земной, человеческий» — с другой.

Обращение Лескова к проблеме праведности, к самому жанру жития на первый взгляд особого объяснения не требует. Начало религиозно-нравственных исканий писателя исследователи находят в его детстве. Сам род Лесковых происходил из духовенства — «колокольного дворянства». А родовая фамилия Лесковы вышла из села Лески, где прадед, дед и отец были священниками. В течение всего своего литературного творчества Н.С. Лесков не только ставил вопросы веры, но и считал «хорошо прочитанное Евангелие» основой своей этической и эстетической позиции. Однако собственный путь обретения «духа, ищущего высшего состояния»[3] был у Лескова далеко не простым. И здесь можно согласиться с А.А. Новиковой в том, что только в конце жизни «Лесков разработал собственную религиозную этико-философскую позицию, которую назвал «счастливой религиозностью», поскольку она способна «мирить веру с рассудком»[4].

Помимо заглавия, само слово «житие» возникает только во второй части лесковского повествования, где речь идет об удивительном старце Силе Иваныче Крылушкине: «Сила Иваныч ... раскрыл четьи-минеи и начал вслух читать жития святых» (I: 174)[5]. Именно в этом чтении «изливалась поэтически восторженная душа старика, много лет живущего, не зная других радостей, кроме тех, которые ощущают люди, делая посильное добро ближнему» (I: 174). Биография купца Крылушкина вполне соотносима с традиционным для агиографии путем праведника: грех — покаяние — подвиг.

В молодости Крылушкин вел свою торговлю, но в возрасте тридцати лет, похоронив жену, которую, «по людским рассказам, он сам замучил» (I: 168), отправился странничать. Был он в Палестине, в Турции, на Соловках, в Грузии, где у местного старца научился исцелять людей травами и добрым словом. Через пять лет вернулся Крылушкин в свой запустелый дом, привел его в порядок и дожил в нем до глубокой старости, «леча больных, пересушивая свои травы, читая духовные книги» (I: 168). Односельчане вскоре перестали попрекать его женой, «кланялись ... и верили, что он «святой человек, божий»» (I: 168).

---

[1] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1995. — Т. 4. — С. 161.

[2] Там же. — Т. 3. — С. 380.

[3] Лесков Н.С . Автобиографическая заметка // Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. — М., 1956-1958. — Т. 11. — С. 385.

[4] Новикова А.А. Основы формирования религиозно-нравственной позиции Н.С. Лескова // Филологические науки. — М., 2003. — № 3. — С. 28.

[5] Здесь и далее текст «Жития одной бабы» цитируется по изд.: Лесков Н.С. Собр. соч.: В 6-ти т. — М., 1973. — Т. 1.

Святость, точнее праведность, Крылушкина явлена в тексте не только через людскую молву, что само по себе важно, но и через пространственно-временные отношения, или хронотоп. Дом, куда попадает на лечение Настя, «казался очень маленьким, всего в три окна, а в самом деле в нем было много помещения» (I: 167). Оказавшись там, бедная девушка ощутила, что «в рай небесный она попала» (I: 171). Главной особенностью дома было странное на первый взгляд расположение: был он рядом с развалинами огромного старинного боярского дома, где помещалось духовное училище. Однако духовности там не было и в помине. Если в густом саду Силы Иваныча «солнышко теплое парило» (I: 170), а в доме «тихо, мирно жилось» (I: 170), то огромное пространство Мацневского училища только называлось садом, а «с переходом в руки духовного ведомства тут все разрушалось, ветшало и носило на себе следы небрежности и страшного неряшества» (I: 172). Более того, «даже трава не росла в этом саду, потому что земля на всем его пространстве была вытоптана ученическими ногами, как молотильный ток, и не пропускала сквозь себя никакого ростка» (I: 172-173). Ночью в саду Крылушкина был «покой жизни», а в училищном саду «печально, как на кладбище» (I: 173).

Противопоставляя дом-сад Крылушкина боярским развалинам — училищному саду, автор выстраивает оппозицию *вечное — временное* по древнему мифологическому принципу *живое — мертвое* и отказывает официальному духовенству не только в святости, но и в способности вести человека к спасению. Светская власть, по мысли Лескова, тоже не способна помочь простому человеку в его горестной жизни. Более того, государство в лице своих чиновников враждебно не только крепостным крестьянам, но и праведнику Крылушкину. Против него завели «дело о шарлатанском лечении больных» (I: 226) и посадили под домашний арест. Правда, к зиме дело закрыли, и якобы сам губернатор принес извинения старцу, разрешив ему «свободно лечить больных простыми средствами» (I: 227). Праведник продал дом и переехал в другую губернию, где стал по-прежнему помогать людям.

Герои ранней повести Н.С. Лескова «Житие одной бабы» во многом и определили писательский путь поиска русского праведника: ни в отшельничестве или монашестве, а в обычных условиях мирской жизни. Как верно указала И.В. Столярова, лесковские праведники — «люди поразительной внутренней цельности, бесстрашные ратоборцы, дерзающие выйти один на один на борьбу со злом»[1].

Спустя двадцать лет после написания «Жития одной бабы», Н.С. Лесков в своей статье «Жития как литературный источник» (1882) высоко оценивал жития святых, с точки зрения их историче-

[1] Столярова И.В. В поисках идеала: Творчество Н.С. Лескова. — Л., 1978. — С. 188.

ского и религиозного значения, видя в героях русской агиографии «примеры духовного восхождения», уважаемые и «благочестием, и наукою, и искусством». Однако писатель указывал на один большой недостаток житий русских святых: «в них мало виден индивидуализм прославляемого человека, много чудесного и часто очень мало житейского и характерного»[1].

Именно сочетание «житейского» и «характерного» создает неповторимую индивидуальность героев Лескова. Это зачастую вменялось в вину писателю и ставилось в контекст давнего конфликта с радикальными кругами русского общества. И.П. Видуэцкая находит и объективную причину многолетнего непризнания Лескова классиком русской литературы. По мысли ученого, Лесков представлял «иную, не генеральную линию развития русского реализма XIX века»[2]. Дело в том, что «принцип стилевого равноправия, соединяющего автора и героя в пушкинском творческом процессе, уже у Лермонтова и Гоголя был заменен правом автора вершить над своим героем суд»[3]. Лесков же был последовательным противником подобной иерархии отношений автора и героя и в своих произведениях, начиная с 60-х годов, стремился освободить «слова героя от власти авторского слова»[4]. У Лескова герой раскрывается в своем собственном рассказе о себе и об окружающем мире: главным средством создания образа-персонажа становится само слово героя или рассказчика. Отсюда и особенная авторская позиция писателя: он не творец художественного мира своих произведений, а «собеседник множества людей, населяющих Россию, вдумчивый наблюдатель, дающий возможность своим героям максимально свободно высказаться, выразить себя в слове»[5]. В этом, на наш взгляд, во многом проявляется давняя традиция древнерусской агиографии, которая не знала авторства, как его понимали во второй половине XIX века. Лесков именно возродил забытую традицию житийного жанра, трансформировав его в разнообразные малые жанровые формы.

Таким образом, не только лесковский герой-праведник, но особая форма авторского повествования, сложные субъектно-объектные отношения, уникальная коммуникативная система сказа и особенный идиолект писателя[6] выводят произведения Лескова из плена социальности под знак вечности.

---

[1] Лесков Н.С. Жития как литературный источник // Н.С. Лесков о литературе и искусстве. — Л., 1984. — С. 38-39.

[2] См.: Видуэцкая И.П. Николай Семенович Лесков. — М., 2000. — С. 15.

[3] Драгомирецкая Н.В. Автор и герой в русской литературе XIX-XX вв. — М., 1991. — С. 11.

[4] Бочаров С.Г. Переход от Гоголя к Достоевскому // Смена литературных стилей. — М., 1974. — С. 48.

[5] Видуэцкая И.П. Николай Семенович Лесков. — С. 16-17.

[6] См.: Леденева В.В. Особенности идиолекта Н.С. Лескова. — М., 2000.

Лесков не пользовался готовыми европейскими секуляризованными формами создания образов-персонажей и опирался в своем творчестве на духовные ресурсы отечественной житийной литературы. Однако не форма жития наполнялась писателями новым содержанием, а сама повседневная жизнь человека стала в их творчестве возвышаться над обыденностью и занимать промежуточное место в иерархии временное — вечное, земное — небесное. У Лескова постепенно сложился особый индивидуальный стиль, который не может быть «односторонне причислен к явлениям формы или содержания»[1], поэтому достаточно трудно говорить о жанровой системе писателя, исходя из жанровых канонов литературы второй половины XIX века.

[1] Минералов Ю.И. Теория художественной словесности. — М., 1999. — С. 346-347.

Р.М. Гайсин
Елабужский государственный педагогический университет

КОЛЛИЗИЯ «СУЩЕГО» И «ДОЛЖНОГО» В ОЧЕРКЕ Д.И. СТАХЕЕВА «УЕЗДНЫЙ ГОРОД»

Из весьма обширного литературного наследия Д.И. Стахеева наиболее значимым, на наш взгляд, является его очерковое творчество. Именно эта форма словесного ремесла благодаря исключительной наблюдательности и непосредственности еще не подготовленного к серьезной художественной деятельности провинциала позволила молодому автору уже в 60-е годы XIX века создать ряд примечательных публикаций данного типа. Особое место по своей проблематике, публицистической убедительности и даже отдельным эстетическим достоинствам принадлежит в этом ряду очерку «Уездный город» (впервые напечатан в сборнике «Луч» под заглавием «Уездный город. Из семейных воспоминаний» — Санкт-Петербург, 1866).

Положенные в основу произведения сцены, преимущественно купеческой жизни, связаны с непосредственными ассоциациями самого автора, уроженца г. Елабуги. В центре документально очерченного пространства концептуально расположен Дм. Стахеевым главный городской храм. Собственно с этой описательной части начинается произведение, где сразу возникают сквозные антиномии как конкретные проявления тождественной всему произведению коллизии «сущего» и «должного».

Не требуется, при этом, никакой дополнительной расшифровки для установления аутентичности реального в жизни и изображенного, а также выраженного автором, то есть самим Дм. Стахеевым. Уездный город в двух верстах от широкой реки К... — это Елабуга середины XIX века. Тойма названа в очерке речкой Поймой. Пятиглавый собор и расположенные от него вправо две церкви представляют собой храмовую триаду Спасского собора, Никольской и Покровской церквей.

Узнаваемы также известные автору наиболее популярные в Елабуге того времени люди, где в образе почтенного старца Ивана Васильевича, местного радетеля за просвещение и культуру, представлен отец знаменитого художника-пейзажиста И.И. Шишкина. Это он, Шишкин-старший, на страницах очерка, глядя на полуразрушенную башню Булгарского городища, превращенного в начале XVII века в теперь уже не существующий монастырь, увещевает земляков поддержать этот исторический памятник. И получает вполне ожидаемый ответ: «Напрасно, Иван Васильевич, право напрасно, это значит — даром деньги... На что она годится?» [1].

По мнению купцов, денежных и имущественных хозяев города, для них предпочтительнее построить часовню «или что-нибудь такое...». «Ну, ну ладно. Часовню и стройте...», — желчно говорит Иван Васильевич...

Данный эпизод в относительно свободной очерковой композиции является, в сущности, ключевым. Многоопытный Шишкин-старший не питает никаких иллюзий о подлинной набожности и добродетельности своих собеседников (разговор происходит в беседке на Козьей Горке). Он, несколько успокоившись, напоминает своим оппонентам, что «извозы у нас худы и круты, грязь стоит по колено, подняться с бочкой у лошади сил не хватает. Фонталы в городе испорчены, воды хорошей нет...».

При этом, каждый год, обогащаясь на многие тысячи рублей, купцы отговариваются от платы в доход города с чудовищно прибыльных хлебных амбаров, все сваливая на т.н. «обчество» и магистрат. Поэтому Иван Васильевич в сердцах восклицает: «Ну обчество... А мы-то что же, разве мы-то не обчество?.. Всякий так-то станет говорить, чего же хорошего? Потому у нас все идет, прости Господи, хуже татарского...».

Авторская позиция не только близка к нелицеприятным высказываниям этого наиболее озабоченного судьбой города и своих земляков героя. Она очерково аналитична, художественно убедительна, публицистически открыта и ярко тенденциозна, что абсолютно согласуется с жанровой природой очерка нравов «Уездного города».

Описательный натурализм надежно погружает читателя в тяжелую, зловонную и темную атмосферу физического и духовного разложения этого в кавычках «благоденственного и мирного жития». Гордость горожан, пятиглавый собор, мутно-голубого цвета. На улицах вечная, никогда не просыхающая грязь. Городской сад завален на огромном пространстве громадными кучами всевозможного навоза. Пойма от свозимой к ее берегам падали — коней, коров, собак — обдавала подходившего нестерпимой вонью. Эстетика запаха становится в очерке не менее значимой эстетики света и цвета.

Безобидные и нейтральные, на первый взгляд, гастрономические детали (жирные кулебяки, щи, гуси и т.п.) в контексте художественного целого семантически не менее разоблачительны отвратительных физиологизмов Андрея Митрича, изображающего на потеху обывателям пьяного.

Показанный Д.И. Стахеевым мир уродств купеческой провинции невозможно, по мнению автора, не только преодолеть, но и прикрыть на пути от «сущего» к «должному» ханжеской религиозностью. Здесь, наоборот, абсолютное ханжество соседствует с абсолютной греховностью. Понимая, казалось бы, что «без божьей воли волос с головы не свалится» и, причитая на каждом шагу, что «бо-

жья воля, братцы, божья воля! Все умрем, только не в одно время», купцы стараются обмануть друг друга в торговых делах. Выясняется не единичность обмана Карла Петровича Семеном Ивановичем, который продал десяток пудов сала, а под сало навалил кишки, но его глубокая закономерность. Ведь и у Андрея Митрича приказчики подобраны по принципу, чтобы умели обмануть деловых партнеров. Так, на продаже хлеба в Рыбинске «чуть приемщик зазевается, глядишь, кулей пять-десять и присчитали лишних. В другой раз зазевался — опять. Рублев и на пятьсот набежит».

Принципиально важен завершающий штрих в диалоге-комментарии купцов о мошенничестве Андрея Митрича. «Что говорить — где без греха-то», — произносит один из них. Его поддерживает второй: «Так уж спокон века ведется». А заключает этот разговор не то оправдательная, не то покаянная фраза: «Грех по миру ходит».

Особенно страдают от купеческой алчности простые крестьяне, привозящие «в город на базар сбывать свое трудовое добро». Не случайно в трехчастном очерке данный эпизод вынесен автором в финал произведения. Стахеев просто и обыденно раскрывает примитивный механизм обогащения российского купечества, ибо так происходит по всей стране. «Прибавьте, батюшки, по две копеечки на пуд, мука добрящая, хорошая мука», — будут упрашивать мужички купцов. «Бог цену строит», — надменно скажут торгаши.

Пестрая картина базара у Стахеева обрамляется вечным круговоротом природы и завершается весной, когда поплывут по реке нагруженные доверху хлебом барки. Купцы будут ожидать будущих барышей от выгодной продажи его на десятки тысяч рублей. Крестьянин будет горевать о недополученных двух копейках за пуд, т.к. без них в хозяйстве становится крайне тяжело. Нужно, прежде всего, купить другого, более справного коня. Горькая фраза кормильца России: «Савраска-то уж совсем старик. Да, видно уж, значит, судьба наша такая...» — обретает масштабный смысл. Не на чем поднимать и тянуть страну вперед, если она безнадежно придавлена самодержавно-бюрократическим, сословным и грубо-торгашеским гнетом.

«Уездный город» подтверждает, что перспективы пореформенного развития России для молодого писателя мыслились, как и для его великого современника А.Н. Островского, в единении «всех живых сил русского общества...» [2]. Не будем забывать, что в целом ряде пьес: «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок», «Не так живи, как хочется» и др. — выдающийся драматург выступает апологетом близкого ему купечества, подчеркивает его национальную самобытность, духовную прочность бытования. Одновременно он прекрасно понимал историческую ограниченность общественного и жизненного уклада родного ему сословия, что становилось предметом его гениальной сатиры. И в таком дифференцированном

взгляде на действительность в контексте эволюции их творчества между Островским и Стахеевым больше сходства, чем различия.

Д.И. Стахеев как патриот и просто нравственный верующий человек также был более всего обеспокоен судьбой Отечества. Оно в своей основе состоит из таких уездных городов и окружающих их деревень. Автору очерка, достаточно четко обозначающего свою гражданскую позицию, чрезвычайно обидно, что купеческие капиталы не идут впрок.

С очередной неправедной прибыли он, купец, мечтает пожертвовать для духовенства на золоченые ризы, как раньше жертвовал на храм. Но наличие храмов не спасает, по Стахееву, обывателей от невежества, убожества, ханжества. Уездный город не внемлет простым людям, голосу разума и совести. И потому даже звон большого колокола перед акафистом Спасителю слышится как «густой сердитый гул, глухим эхом раздававшийся в дальних селах».

В то же время тысячи рублей, как и повсюду в клепто-бюрократическом государстве, уходят на взятки чиновнику из магистрата — Маркелу Маркелычу. Сами купцы, лишенные образования и знаний делопроизводства, не могут составить даже самых простых бумаг. И самое страшное — еще более духовно примитивная и нравственно убогая участь ждет молодежь. Уже во втором поколении купечество уездного города, то есть дети андреев митричей, начисто отчужденное от просвещения и культуры, с фатальной неизбежностью вырождается [3].

Собственно к этому сводится совокупность противоречий очерка «Уездный город», где дисгармония в физиологии и нравах города обретает бытийный смысл. Именно сам автор, зримо присутствуя в произведении, говорит землякам, что жизнь должна быть иной. Стахеевские этические максимы «духа не угашать» и «не давать погаснуть искрам под пеплом» должны стать, по мнению автора, своеобразным руководством к действию, ведущему к свету знаний и настоящих человеческих добродетелей. Ведь есть в городе и другой купец, «... одаренный от природы более здоровой головой и не забитый наповал в детстве». Он, «толкаясь между людьми.., мало-помалу начинает вдумываться в прежнюю свою жизнь и, уясняя свою нелепость своего воспитания, старается о развитии своих детей; но, к крайнему сожалению, это — редкие, очень редкие случаи».

Автор, при этом, принимает живое участие в судьбах земляков, о которых он пишет, что это «дорогие моему сердцу люди». И в самом финале присутствует оптимистичный бытийный штрих, как небесный завет необходимого пути от затемненного «сущего» к просветленному «должному». После ночи, как пишет Дм. Стахеев, «совершит свой обычный путь наша планета, именуемая землей, и снова из-за густого темного леса рассыплются яркие лучи солнца. Как будто выплывает оно, ясное и светлое, по необозримому про-

странству голубого неба и, озаряя весь божий мир, кидает также свои лучи на дома и церкви уездного города».

Собственно, писатель не ошибся в своих надеждах, ибо в последней трети XIX века именно купеческая Елабуга стала одним из центров меценатства и благотворительности, народного просвещения и уездной культуры.

Примечания

1. Стахеев Д.И. Духа не угашайте. Избранные произведения. — Казань: Татарское книжное издательство, 1992. — С. 381. Далее выдержки из очерка «Уездный город» даются без ссылки на источник.
2. Поспелов Г.Н. История русской литературы XIX века (1840–1960-е годы). — М.: Высшая школа, 1981. — С. 434.
3. Феноменологию этого явления замечательно объяснил немецко-американский философ и гуманист, психоаналитик Эрих Фромм (1900–1980). См. об этом: Фромм, Эрих. Анатомия человеческой деструктивности. — М.: Республика, 1994. — С. 202-205.

С.И. Грахова
Елабужский государственный педагогический университет

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ПРИРОДЫ В ОЧЕРКАХ И РАССКАЗАХ Д.И. СТАХЕЕВА И С.В. МАКСИМОВА

Природные стихии занимают видное место в художественном познании человеком самого себя. От «Слова о полку Игореве» до произведений XX века, от былины до современной прозы литература связывала жизнь и судьбу русского человека с жизнью и судьбой природы.

Художники слова XIX века Д.И. Стахеев (1840-1918) и С.В. Максимов (1831-1901), создавая пейзажные картины и зарисовки, часто соотносили их с фольклором и народной образностью. Введение в текст художественного повествования мифологической символики окружающего мира обосновано полифункциональностью создаваемых авторами пейзажей, особенно, когда описание природы влияет на сюжетную мотивировку и меняет направление течения событий в ту или иную сторону (например, «Беглецы и беглянки» Д.И. Стахеева или «Колдун» С.В. Максимова). Наиболее часто «мифологизированный» пейзаж помогает раскрыть внутреннее состояние героев, подготавливает читателя к изменениям в их жизни, составляет психологический, эмоциональный фон развития сюжета. В этом особую роль играют пейзажные образы, иногда приобретающие богатую символику, корнями уходящую в народные верования и представления, и выступающие как *знаки*, варьирующиеся и повторяющиеся в рамках одного или нескольких произведений.

Привлекает внимание образная цепочка: *ночь — туча — мрак.*

Рассказ Д.И. Стахеева «Извоз» начинается с описания ночной деревни, которая почти исчезла в темноте под струями ливня: «Темные тучи густой сплошной массой висели в воздухе. С вечера зарядивший дождь не переставал литься на бедную маленькую деревеньку Маркваши. Жалкие, покосившиеся избушки крестьян совершенно исчезли в общей темноте ночи и только кое-где, сквозь тусклые маленькие окна, падал на грязную улицу свет горящей лучины» [3, 83]. Повествование в «Благоприобретении» также начинается с сумерек и образа надвигающейся темной тучи: «Летний ветреный день переходил в пасмурные холодные сумерки. Густая темная туча медленно надвигалась с западной стороны на богатое торговое село Челныково...» [3, 1]. А далее: «Туча надвигалась и росла все более и более, кругом все темнело...» [3, 2]. Образ тучи, возникающий в рассказах Д.И. Стахеева, вынесен из народных глубин, из общения с русской культурой. Туча — это бушевание природных стихий, это предвестник несчастий, бед, неудач.

Автор описывает грозящую беду молодой влюбленной паре в рассказе «Беглецы и беглянки», используя те же образы грозовой тучи и темной ночи: «Счастье было так близко, так возможно! Но увы! Откуда ни возьмись туча громовая, собралась и спустилась она над головами будущей счастливой четы и разбила их счастие! Так разбивается в густом лесу, в темную ночь, громовой стрелой, дерево и остаются от него только одни щепки, разбросанные в разные стороны!..» [3, 123]. В рассказах ночь, сумерки, тучи выступают предвестниками невзгод для крестьян («Извоз»), бед, страданий, обезличивания героев в рассказе «Благоприобретение». Природа как бы предупреждает, предостерегает, но равнодушие людей вызывает стихийную бурю, небо с гневом обрушивается на них, так как они остаются глухими к советам, законам природы: «Ветер злился и, казалось, старался сорвать с поденщиков последнюю одежонку...» [3, 1].

Но дождевая туча, по поверьям русского народа, была и благом для земли, для людей. Писатель виртуозно использует этот образ. В «Благоприобретении» надвигающиеся тучи, порывистый ветер выступают предвестниками трагических событий; разыгравшаяся буря, гроза совпали со свершением Беловым страшного преступления. Уже позже, когда крестьяне, испуганные пожаром, пытаются спасти соседские дома, т.к. «ветер разносил пламя в разные стороны», Стахеев использует образ тучи-благодетельницы, спасительницы: «но туча, надвинувшаяся на село, пролилась благодатным дождем, и пожар ограничился одним домом акцизного откупа [3, 10]. Туча ограждает неповинных людей от горя. Один лишь сгоревший дом Белова был обнажен: трагедия еще получит дальнейшее развитие.

После того, как Белов свершил свое страшное злодеяние, его душа навечно была окутана мраком, холодом. В нем не осталось ни капли сострадания. Расчет, холод, мрак — вот составляющие внутреннего мира Белова. Недаром, после произошедшей трагедии, автор показывает своего героя на фоне зимнего пейзажа. Не сразу возникает эта картина, указывающая на психологическое изменение героя. Намек на перевоплощение Белова появляется в дорожном эпизоде, когда «герой» переезжает из Челнykова в город Черемисов.

«– Куда же ты теперь, Федор Григорьевич, пробираешься? — спрашивал Белова возница, ежась от мороза на козлах...» [3, 13]. Вознице холодно не только от зимней стужи, но и от черствости Белова. От него исходит мороз, холод. Зябко не только людям, окружающим его, но и ему самому. С тонким психологизмом подмечает это Д.И. Стахеев: «... – А что, Федор Григорьевич, чай тебе сынишка-то жалко, а? Белов не отвечал и закутался под кошму...» [3, 13].

Как и герои тургеневских произведений, стахеевские персонажи часто не просто изображаются на фоне природы, а выступа-

ют как продолжение природных стихий. Он использует различные функции пейзажа, следуя уже существовавшей традиции.

Пейзаж в «Записках охотника» Тургенева не самоцель, не фон, но образ универсальный, собирающий в живое единство очерки и рассказы книги. В мире людей, живущих в союзе с природой, неправда относительна. И потому — это «живая» Россия, помогающая писателю сохранить мир гармоническим, единым, противопоставить другой России — «мертвой», официальной, циничной и жестокой.

Близки тургеневские рассказы и Максимову. Особенно сближаются они в обрисовке ночных пейзажей.

Тургеневская ночь всесильна, всевластна. Ее загадки трудно разгадать человеку. Она намекает на то, что любые открытия, разгадка тайн — все это относительно. Поэтому ночь стремится усмирить дерзость человека. Лишь она, по замечанию Ю.В. Лебедева, может претендовать на царствование, может мстить за слишком бесцеремонное и рациональное вторжение в ее тайны, за лишнюю смелость и самоуверенность в общении с нею.

Ночь вызывает суеверные страхи сначала в душе охотника, затем в сознании крестьянских ребят («Бежин луг»). После рассказа о псаре Ермиле, о том, как встревожилась его лошадь, почуя злую нечистую силу, природа своей таинственностью продолжает рассказы мальчиков: собаки разом поднялись, с лаем ринулись в ночной мрак, встревожился табун и прочее. На вопрос «что это?» послышался неуверенный ответ Павла, предположительный: «Я думал волк...». Ночная природа у Тургенева не дает «пытливой мысли человека полного удовлетворения», поддерживает ощущение неразрешенности загадок земного бытия. Поэтому все реалистические мотивировки имеют оттенок предположительности.

Жутка и таинственна ночь у С.В. Максимова: «Черная осенняя ночь, не возмущенная ни одним порывом ветра, ни одним людским криком или говором, была уже на дворе. Еще чернее стоял вдали лес, без просвету, без звука, словно творилась в нем великая тайна, и выжидалось оттуда страшное чудо...» [2, 191]. Духовный мир автора захвачен поэзией русских народных сказаний, легенд, поверий. В описании жутковатой ночи (рассказ «Колдун») слышатся далекие отголоски славянского представления о божествах мрака. А.Н. Афанасьев в «Древе жизни» пишет: у славян «сложилось убеждение, что мрак и холод, враждебные божествам света и тепла, творятся другою могучею силою — нечистою, злою и разрушительною» [1, 47].

На фоне мрачной, жуткой ночи в лесу развертывается сцена посвящения в колдуны с заговорами, приговорами, магическими действиями. Лес словно замер, наблюдая чарующую картину: «С закатом дневного светила на западе как бы приостанавливается вечная деятельность природы, молчаливая ночь охватывает мир, об-

лекая его в свои темные покровы» [2, 202-203]. Ночь, мрак, темные силы приходят с запада, поэтому и действо посвящения проводится «лицом на запад». Мир природы в максимовских очерках связан с убаюкивающим сном. Его преследуют чарующие образы народных мифов и сказок.

Образы природы, связанные с народными мифами и представлениями, в очерках и рассказах Д.И. Стахеева и С.В. Максимова не подвластны предначертанным законам жанра и стиля, они каждый раз рождаются заново, представая неожиданными, личностно значимыми для авторов и их героев. Это не универсальная суть природы, а ее неповторимо единичные проявления: то, что видимо, слышимо, ощущаемо здесь и сейчас, то в природе, что откликается на данное душевное движение и состояние человека или его порождает. При этом мифологизированные образы природы часто предстают неизбывно изменчивыми, неравными сами себе, пребывающими в самых различных состояниях.

Литература

1. Афанасьев А.Н. Древо жизни: Избр. ст. — М.: Современник, 1982. — С. 464.
2. Максимов С.В. Куль хлеба: Рассказы и очерки. — Л.: Лениздат, 1987. — С. 655.
3. Стахеев Д.И. На память многим: Рассказы из жизни в России, Сибири и на Амуре. — СПб.: Изд-е автора, 1867. — 4, VI, С. 303.

М.В. Мельник
Елабужский государственный педагогический университет

СМЫСЛ НАЗВАНИЯ РОМАНА Д.И. СТАХЕЕВА «ОБНОВЛЕННЫЙ ХРАМ»

В 1891 году Д.И. Стахеев издает свой роман «Обновленный храм» — произведение, обобщающее многолетние наблюдения над жизнью русской провинции с ее неторопливым ритмом, независимостью от большой политики, нехитрыми житейскими радостями и в то же время глубинными конфликтами, скрытыми за внешним покоем. Перед читателем провинциальная Елабуга конца XIX века, город, находящийся в «глухой, дальней стороне» (171)[1]. Городской пейзаж помогает читателю понять теплое, сыновье отношение автора к этому «уголку». Большая судоходная река, спускающаяся к пристани дорога, обсаженная «с обеих сторон березами, уходящими вдаль бесконечной аллеей» (172). Провинциальный городок близок автору. С симпатией он пишет о прихожанах храма, греющихся на солнышке, о ребятишках, летящих с горы на санках, о праздничных днях, гуляньях вокруг храма, любуется заливными лугами. Устами автора оценивает городскую жизнь эпизодический персонаж, неизвестный прохожий: «Хорош наш городок, ... вон река, ... быстра реченька течет, ... вон луга, ... травушка на них муравушка... Да, очень хорошо! Райский, можно сказать, уголок» (179). Использование фольклорных форм «реченька», «травушка», «муравушка» выдает в говорящем человека из народа, мнением которого всегда дорожил Стахеев.

Центром жизни города представлен православный храм. Это не случайно. По переписи 1897 г. в Елабуге насчитывалось 12 церквей, монастырь, две часовни, мечеть, а жителей в 1892 году было чуть более 21 тысячи.

С другой стороны, появление храма как центрального художественного образа в романе, вокруг которого и разворачивается конфликт, незримым образом, по всей видимости, связано с тем кризисом, который развернулся в русской церкви в конце XIX века и был отмечен в творчестве Ф. Достоевского, Л. Толстого, Н. Лескова.

Не так решительно и бескомпромиссно нашла свое отражение эта проблема в романе Д.И. Стахеева «Обновленный храм». Писатель вынес ее больше всего в нравственную психологическую плоскость.

Мы в своей работе остановимся на анализе лишь двух персонажей романа — отца Никанора и купца Зайчикова, хотя, конечно,

[1] Сноски даются по: Собр. сочинений Д.И. Стахеева: В 12 т. — М., 1902-1903. — Т. 2. — 402 с.

мы нарушаем авторский «оркестр», который состоит из множества лиц, в том числе и мощного голоса «мещанства», голосов обывателей, мелкого клира, меценатов.

В центре романа — ремонт старого храма, но главное здесь в другом — строительство и разрушение духовного храма волнует Стахеева. Особенно сильно это подчеркнуто в образе отца Никанора. Его побаивались служители церкви, хотя он всегда говорил тихим и ровным голосом, говорил исключительно о деле, его считали строгим и мрачным. Он говорил: «... где мир, там и Господь. Кто жалуется? Ты? Напрасно. Ты терпи и благодари! Ты говоришь о своем старшинстве? Напрасно. Забудь об этом и всем служи с любовью. Ты хочешь быть господином? Хорошо: будь сначала всем слуга... Ну, идите с Богом и примиритесь» (180). Этот человек всегда старался всех примирить. Отцу Никанору было за шестьдесят, но он еще бодрый, службу совершал торжественно, особенно по праздникам. Выходы, хождения, произнесение молитвенных возгласов, благословения — все это было по правилам, достойно. «Осанисто служит», — говаривали купцы» (184). Только с отцом Никанором в роман входит церковная служба, ибо кажется, что это было главным делом его жизни. Писатель, давая ему характеристику в первых главах романа, представляет его образцом, талантом, показывает, как молитвенно со слезами в голосе он произносил: «Отверзи мне недоуменный ум и язык». Никанора ценили в городе за то, что читает «чувствительно», каждое его слово «до сердца проникает». К людям он относился сдержанно и достойно, любил, когда ему целуют руку. Он очень переживал по поводу того, как ветшает храм, обращался за помощью к купцам-прихожанам, но они оставались глухи: «Оно точно храм обновить следовало бы, но трудно: торговля плоха, а расходы по нынешнему времени огромные» (188).

Единственный человек, который не любил отца Никанора, был Зайчиков — староста храма. В присутствии священника он сохранял спокойствие, но в голове была одна мысль: «Господи, скоро ли он уйдет?» (190). Отец Никанор говорил со старостой о ремонте храма, излагал варианты поиска денег, но Иван Петрович всегда отвечал кратко, и его невозмутимое спокойствие вызывало у отца досаду.

Известие о получении денег на ремонт храма немедленно побудило отца Никанора отправиться к Зайчикову, так как это он привез их с Нижегородской ярмарки. Состояние священника в этот момент автор передает нагнетанием глаголов: он «шагал» по лужам, «замедлил» шаг, «поправил» цепь креста, «помолился, не спеша», он был «как будто не в себе», «торопливо опустился», «подобрал полы рясы». Постоянно повторяющийся звук «п» создает эффект либо тяжелого дыхания, вызванного волнением, либо чрезмерной суеты. Психологический параллелизм подчеркивает взволнован-

ность священника, желание поскорее услышать подробности. Узнав о десяти тысячах, он остался разочарован, ибо слухи донесли, что их сорок. Герой посмотрел на Ивана Петровича «долгим и пытливым взглядом» (221). Вся эта сцена создается тургеневским приемом «скрытого психологизма» через жесты, движения, прием, который Стахеев использует достаточно часто. Вот Никанор пил чай: «помешивал ложечкой», «придавливал опущенный в него кусок лимона», «брал стакан на свет», «пытливо всматривался». Его тревожат какие-то мысли и чувства: денег мало, сумма крайне скудная, а когда он узнал от кого деньги, разгневался: «Мрачнее прежнего, сдвинув брови, он кинул гневный взгляд на Ивана Петровича, потом направо и налево, точно высматривая, нет ли поблизости кого-либо из таких лиц, на которых должна пасть всею тяжестью ответственность за такое огорчающее известие» (224).

Оказывается, Никанор обращался уже к этому купцу с письмом и очень оскорбился, что деньги были переданы не ему лично. Свое отношение к происходящему он передает в обширном монологе, главная мысль которого: «За что же он так со мною обошелся?». В монологе два лица: «я» (7 раз), «он» (6 раз), и «он меня совершенно отметает». Градация образа произошла оттого, что нет внутренней гармонии, истинной веры в Бога, все лишь одни слова.

Вспомним, что в начале романа талантливый проповедник выступает миротворцем, призывая к братству и отказу от зависти. Если раньше говорил он величественно и достойно, то теперь — «шепотом», «дрожащим голосом», похожим на звук треснувшего колокола, «часто прерывал себя», «откашливался», «отмахивался правою рукою от своих собственных дум». Его жалобы все росли, а вместе с ними и гнев на Зайчикова, «с задней мыслью подгадившего ему» (224). Невозможно пересказать всю гамму чувств обиженного. В данном случае антитеза не в противостоянии различных характеров, а в конфликте внутреннего мира самого отца Никанора. Фактически с появлением такого конфликта человек абсолютно меняется. В течение этой сцены отец ни разу не произносил слов из священного писания, не обращался к Богу. У Никанора дрожат руки, в голове теснятся мысли, и все-таки он убеждает себя, что Зайчиков совершил что-то «злонамеренное». Теперь рождается внутренний монолог, рассматриваемый как форма психологического анализа в литературе третьей трети XIX века. Внутренний монолог отца Никанора близок монологам Толстого. Вот цепочка: оценка Зайчикова — гостей — «почему десять тысяч?» — «я» получил бы больше — встреча с купцом не была случайностью, но злонамеренностью — хочет получить орден — далее сплошное «я»: «я открыл», «я писал», «я смогу», «я старший священнослужитель» и так далее. Как видим, содержание монолога — больше факты, чем чувства. Отец Никанор перечисляет дела первостепенной важности: обновить иконостас, сосу-

ды и священнические облачения, не жалея на это денег, а затем искать новых благодетелей. Неожиданно Иван Петрович объявляет о том, что деньги у владыки, и священник, помолившись, удаляется. Теперь встал вопрос о подрядчике. Никанор изображает себя «последней спицей в колесе», не желает ни во что вмешиваться. Священнослужитель лицемерит, ему хочется командовать, но в нем говорит его непомерная гордыня, обида. Злоба на старосту разрасталась с каждым днем, хотя Никанор считал, что не позволяет себе раздражаться, стараясь говорить со всеми тише и спокойнее. Автор отмечает: «жилось ему нелегко», «что ни день, то новая путаница в отношениях, новые подозрения и отсюда новые страдания, о которых можно было безошибочно заключить по его мрачным взглядам и холодным сдержанным ответам» (234). И оказывается, что, призывая других смириться, отец Никанор не может сладить с собой. По городу стали распространяться слухи о коварстве и бесчестности Зайчикова, который, в связи с этим, попросил у владыки отставку, однако она не была принята, а купец был назначен распорядителем по ремонту храма. Узнав об этом, Никанор решил покаяться перед старостой в своих грехах, упрекая себя за несносный характер, но это было лишь коварным лицемерием, ибо считал он, что враг его вознесся «через интриги», что он «заранее предначертал себе цель». Никанор ни во что не вмешивался, как будто не замечал строительства, но иногда по ночам часами стоял у окна своего дома, «томясь думами», заново переживая все события. «Еще и награду обещали», и он «несомненно возгордится» (269), — накручивал себя отец Никанор. Тогда он и нашел способ, как усмирить врага.

Раздвоенность личности отца Никанора углубляется, со дна души поднимается все то мерзкое, что было укрыто ранее за маской благопристойности. Он нарушил все Христовы заповеди, что в корне противоречило его сану. Эта раздвоенность и в речи священника — елейной внешне и желчной, ненавистной внутри. Он лжет, отказывается от того, что вместе с Медведниковым «состряпал» злобную статью в петербургскую газету, хотя соавтор и не скрыл тайны. Война дошла до апогея, и отец Никанор был отстранен от службы и от обязанности читать в церкви акафист (христианское церковное хвалебное песнопение. Исполняется стоя всеми присутствующими). Следующий шаг уязвленного отца Никанора — письмо владыке; не дождавшись ответа, пишет второе письмо, упрекая владыку и даже поучая: «надлежит быть не столь возвышенно гордым в сношениях с пресвитерами и не оскорблять их молчанием» (280). Дидактизм Никанора, его упреки в адрес архиепископа направлены прямо против самого себя. Это его обуяла гордыня, нетерпимость к другим людям, соединенная с завистью, и письма его — акт отчаяния. Своим поведением он нарушил все заповеди Христа. Объяснения с владыкой лишили его воли, Никанор заставляет себя неохот-

но признаться «в своих ошибках», но слово «приз...наю» он произносит «спотыкаясь на каждом слоге» (191).

По приказу архиепископа отца Никанора переводят в глухой уездный город N, о чем было послано извещение. Теперь он предстает пред читателем слабым: «Меня в изгнанье? Меня? Да я более сорока лет достойно ношу сан пресвитера. Это невероятно. Это жестоко» (287). Заболел, упал духом, но, оправившись, «запылал таким гневом и ненавистью к своим врагам... что не только губы его кривились в сторону, но и голова тряслась на плечах при первом звуке имени кого-нибудь из них» (287).

Буря в человеческой жизни прошла, но последствия ее оказались трагичными, так как отец Никанор был отягощен большим семейством: дочерьми, у которых по шесть сыновей и которые находились в бедственном положении.

Образ отца Никанора нарисован кистью талантливого художника, хотя авторская позиция далека от прямолинейности и глубоко завуалирована. В самом романе голос автора неслышен, он переходит в стиль.

Д.И. Стахеева привлекает духовная сторона человеческого храма, поэтому, не прибегая к сатире и иронии, он видит те глубочайшие корни, которые ведут человека к невидимому разрушению этого храма.

Значимую роль в понимании смысла противостояния Зайчикова и отца Никанора играет финал — последняя встреча Ивана Петровича с сосланным батюшкой. Через несколько лет староста проезжал по делу через тот город, где жил Никанор и зашел к нему. Священник встречает пришедшего агрессивно: «Ты мне враг», а тот просит прощения. Тяжела жизнь отца Никанора на старости лет: бедный приход, одинокие дочери, внуки и спасает его в жизни лишь благодетель, неизвестный батюшке. Сцена наполнена драматизмом, строится на диалоге двух разнонаправленных персонажей. Враждебность отца Никанора подкрепляется завистью («Говори — медаль или орден, какой тебе дали?»), жалобами на бедность, он полон недоверия к гостю. Другой, Зайчиков, — приехал мириться: «Бог знает, случится ли еще встретиться... вот что, отец Никанор, я человек простой, говорить не умею, ... но по душе прошу, ... с тем заехал — помириться. Ежели я тебя чем обидел, прости ради Бога. Веруй, что прощенный и примирившийся здесь, будет прощен и там» (285). В первой части диалога на все упреки Иван Петрович отвечает смирением, и речь его включает такие словосочетания: «Признаться колебался зайти», «слышал много раз, что гневаетесь», «захотел увидеться», «я просил избавить от награды, не для того трудился» и др. Уверяет, что смолоду не стремился к награде, «а теперь на старости лет к чему же?». Это не позиция человека, а его искренние убеждения. Мы видим портрет Зайчикова глазами

отца Никанора: «Однако ты поседел... и морщин много». Именно с этого момента в диалоге наступает переворот, и, наконец, священник понял, что «благодетель» ему — он, Зайчиков. «Ему вдруг стало ясно, насколько он грубо и много ошибался в людях, но сердце его все еще было закрыто для искреннего раскаяния» (285). У Ивана Петровича одно желание — примирение: «много было греха и огорчения, были и размолвки. Теперь все миновало». «... Не будем говорить о прошлом... не стоит! Одно только раздражение... для обоих. Ежели считаешь виноватым меня, прошу об одном, — примиримся. ... Забудь мою вину...» (286). И, наконец, услышал: «Ты... ты... сломил меня, сокрушил... непамятозлобием, ...» голос Никанора оборвался. Он обнял Ивана Петровича и, склонившись на его плечо, зашептал: «Я виноват, ... много... сам Господь послал тебя ко мне. Ты обновил храм сердца моего. Он был осквернен. Прости меня!» «И ты прости», — Иван Петрович хотел наклониться ему в ноги, но отец Никанор удержал его в своих объятиях. Глаза обоих были полны слез» (286).

В образе Зайчикова Стахеев создает свой идеал. Поиски такого человека мы находим в творчестве многих писателей, они разные, как представления авторов о жизни, о будущем. Если Чернышевский искал его в неком несуществующем мире, Достоевский — в человеке, подобном Христу (князь Мышкин), Толстой — в естественном человеке, связанном с миром природы и национальными, народными началами, Гончаров — в идеальном, но не всегда понятым им деятеле (Тушин, Штольц), то Стахеев хорошо знает этого человека, сросся с ним душой. Это деловой человек, купец, который живет не ради наживы, но ради деятельного добра, человек, в душе которого понятие «храм» имеет и символическое значение. Храм духовный внутри каждого персонажа. Иван Петрович ни на минутку не разрушал его, в то время как отец Никанор и отец Павел предали его. Что такое духовный храм? Это главный вопрос, поставленный в романе. Человеческое достоинство проявляется в умении и готовности пронести свой храм через всю жизнь, это очень трудно и удается не всем. Но именно в этом залог будущего. Незаметный человек с ласковой, какой-то детской фамилией Зайчиков не только несет свое достоинство по жизни, но и возрождает, обновляет этот храм в душах других. В финале романа Иван Петрович вернул человеческое достоинство отцу Никанору своим незаметным творением добра. Он выступает творцом новой жизни.

Роман «Обновленный храм» — один из лучших романов Д.И. Стахеева.

Н.В. Новикова
Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского

ОБРАЗ КУПЦА В ЖУРНАЛЕ «ЗАВЕТЫ»: ХУДОЖНИЧЕСКИЕ ТРАКТОВКИ И ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Общественно-литературный ежемесячник «Заветы», выходивший в Петербурге с апреля 1912 по июль 1914 года, был обязан своим появлением, прежде всего, В.М. Чернову (1873-1952) — видному эсеру, одному из руководителей партии социалистов-революционеров. Периодическое издание, задуманное его инициатором как «большой идеологический журнал»[1], предназначалось для пропаганды партийных идей, для решения стратегических и тактических партийных задач. Однако «Заветы» не превратились в ортодоксальную политическую трибуну, они притягивали внимание читателей новинками художественно-беллетристического отдела.

«Текущая» литература была представлена произведениями признанных художников слова (М. Горького, И. Бунина, Л. Андреева, Б. Зайцева, С. Сергеева-Ценского, А. Ремизова, М. Пришвина, И. Шмелёва, А. Толстого, Ф. Сологуба, А. Блока, А. Белого, К. Бальмонта) и тех, чьи имена, благодаря публикациям в «Заветах», вскоре стали известны и затем вошли в историю отечественной литературы (Е. Замятина, И. Вольнова, Вяч. Шишкова, К. Тренёва, Н. Никандрова, О. Форш, Н. Клюева, С. Клычкова, П. Орешина). До сего дня не потеряли своей значимости и выступления ведущего критика и литературного редактора «Заветов» Р.В. Иванова-Разумника (1878-1946). Даже учитывая широту, с которой он подходил к подбору произведений, нельзя не заметить, что фигура купца «выламывается» из контекста «эсеровского» журнала. И, тем не менее, при более пристальном внимании к литературной составляющей «Заветов», обнаруживаются небезынтересные детали, любопытные подробности и тенденции, имеющие непосредственное отношение к выбранной теме.

Оказывается, что среди «заветовских» авторов были выходцы из купеческого сословия: Вяч. Шишков, М. Пришвин, А. Ремизов, И. Шмелёв, а также И. Рукавишников. Так или иначе, первоначальные впечатления жизни, подкреплённые дальнейшими наблюдениями и жизненными уроками, не могли не сказаться на мировосприятии этих писателей, на выборе ими материала. О прозе и поэзии ку-

[1] Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. — М., 1993. — С. 280. Книга увидела свет в Нью-Йорке в 1953 году.

печества, об устоях и изнанке купеческой жизни они знали не понаслышке, в результате читатель получал достоверно, со знанием дела выписанные характеры и судьбы. Образы купцов на страницах «Заветов» промельком или развёрнуто появлялись и в произведениях тех, кто не имел соответствующего сословного опыта, но обладал тонким художническим чутьём: в пьесе И. Сургучёва[1], в рассказе К. Тренёва[2], в повести Е. Замятина[3], наконец, в драме Гаяза Исхакова[4].

Разумеется, каждый художник по-своему видел купца и его окружение, и это видение в каждом случае заслуживает отдельного разговора, с проекцией на личность и творчество автора. Нас же интересует, какой предстаёт неотъемлемая часть российского бытия в контексте журнала[5], как через торгового человека просматривается действи-

---

[1] Сургучёв И. Торговый дом. Пьеса в четырёх действиях // Заветы. — 1912. — № 8. — С. 73-123. Уже в 1913 году пьеса начинающего автора была поставлена в Александринском театре с М. Савиной в главной роли. По мнению критиков, пьесой в духе Островского удалось показать разрушающую силу денег, драму современного человека [См.: Кузнецов А. «Сургучёв обещает немало» // Сургучёв И.Д. Губернатор: Повесть, рассказы / Вступ. статья А.М. Кузнецова. — М., 1987. — С. 16 (Из наследия)].

[2] Тренёв К. На ярмарке // Заветы. — 1913. — № 1. — С. 155-174. Далее цитируется с указанием страниц в тексте.

[3] Замятин Е. Уездное. Повесть // Заветы. — 1913. — № 5. — С. 46-91. Далее цитируется с указанием страниц в тексте.

[4] Исхаков Мухамед Гаяз. Брачный договор. Драма. Перевод с татарского Г.С. // Заветы. — 1914. — № 6. — С. 35-91. В отделе «Текущая жизнь» того же номера «Заветов» помещена статья, в которой говорится, что, будучи молодым, драматург писал «под непосредственным и сильным влиянием пьес Островского», со временем «некоторые пьесы Исхакова уже заняли такое место в татарском театре, какое занимают на русской сцене пьесы Островского» (Тахтамышев М. Татарская литература и Исхаков // Заветы. — 1914. — № 6. — Отд. III. — С. 3, 6). Подчёркивая, что «заслуги Гаяза Исхакова в истории татарской литературы чрезвычайно велики», критик называет его создателем татарского театра: «Только что нарождающийся татарский театр обязан своим громадным успехом пьесам Исхакова» (С. 5-6). По мнению М. Тахтамышева, г. Исхакову «суждено было стать во главе новой и самобытной татарской литературы» (С. 3).

[5] Следует сказать, что в публицистике «Заветов», отражающей события «текущей жизни» государственного масштаба, периодически помещались материалы об общественной активности торговцев и промышленников (См. обзоры: Михайлов Ф. IV-й всероссийский съезд торгово-промышленных служащих // Заветы. — 1913. — № 8. — Отд. II. — С. 128-131; Зак С. Русская буржуазия и бюрократия (VIII съезд промышленников) // Заветы. — 1914. — № 6. — Отд. III. — С. 15-26). См. также рецензии библиографического отдела на издания интересующей нас тематики (Никитин А.А., Гушка А. О. Представительные организации торгово-промышленного класса в России. СПб., 1912 [Рец.] // Заветы. — 1912. — № 4. — Отд. II. — С. 199-201; Петров М. Карпович В.С. Особняки в городе и деревне. СПб, 1913 [Рец.] // Заветы. — 1914. — № 5. — Отд. III. — С. 59-60). Попутно заметим, насколько активизировался интерес к купечеству в последнее время. К примеру, в одном только журнале «Родина» за текущий год опубликованы следующие работы: Комлева Евгения. Миллионщики и просто первогильдецы. Люди и деньги: элита сибирского купечества // Родина. — 2007. — № 5. — С. 108-113; Перхавко Валерий. Пухловатые щёки с лёгким румянцем. Катерина была не единственным лучом света в «тёмном царстве» // Родина. — 2007. — № 5. — С. 104-107; Гончаров Юрий. «Если хочете так жить, надо замуж выходить». Сибирская семья середины XIX — начала XX века // Родина. — 2007. — № 7. — С. 98-105.

тельность начала 1910-х годов и что даёт перекличка художнических «версий» купца, возникшая внутри «Заветов». Не имея возможности в рамках предлагаемого сообщения рассмотреть заявленную тему в полном объёме, коснёмся хотя бы некоторых эпизодов картины, в создании которой, не сговариваясь, участвовали писатели разных творческих индивидуальностей.

Так, К. Тренёв, живописуя ярмарочные порядки, позволяет понять, что они установились не без ведома хозяина торговой «фирмы» Охрима, привёзшего на продажу зерно, одним махом, «как фокусник», обвешивает и обсчитывает приказчик. Мужик начинает спорить, пытаясь не допустить обмана, и получает в ответ: «По тысяче четвертей в сутки вешаем, да было правильно, все спасибо говорили, а тут за твоим пудом поганых выточек погнались? Значит, мошенствуем? Да? Так вот что, голубёнок, — красный приказчик конфиденциально взял Охрима за грудь, — вот что: ежели ты, голубёночек, да об нашей фирмы весах, сукин сын, ещё такое слово выразишь... Вот видишь, кто по-над трактирами пошёл? Или, может, что, по-твоему, то не старший городовой господин Карпо Мартынович Путря!..» Писатель одним штрихом показывает как типичное беззаконие одних, так и привычную покорность других: Охрим, несмотря на то, что он «огромный», «задумчиво похлопывая себя кнутовищем по сапогам, побрёл с квитанцией в контору» (157-158). К. Тренёв, безусловно, сочувствует мужику, торговый же люд здесь — сила, которая усугубляет и без того тягостную его участь.

Е. Замятин приоткрывает иную сторону купеческой жизни, не деловую, а собственно бытовую, скрытую от стороннего глаза за «калитками на засовах железных» (85). Затхлая атмосфера глухой провинции одинаково пронизывает бытовой уклад мещан, которые «живут себе ни шатко, ни валко, преют, как навозец, в тепле» (85), и купцов. Представляя читателю Чеботариху, «вдову одну почтенную» (83) — «завод кожевенный и баню торговую муж ей оставил» (50), — писатель первым делом показывает, как она «выползает во двор» после обеда, «красная, насиделась, видать, — и ходить-то не может», и «на линейке своей расползается, как тесто <...> облепляя линейку — одно целое с ней, грузное, плывущее, рессорное» (50). Сниженная подача образа красноречивее всего свидетельствует об авторском отношении. Купчиха «помирала от скуки», но «Господь смилостивился» (51) и послал ей «потешника» (83). Им оказался Барыба, недавний питомец уездного училища, изгнанный отцом из дому за провал на первом же выпускном экзамене. Да и как бы он его сдал, если в каждом классе «сидел основательно — года по два» (46).

Чеботариха, у которой голодный «негодник» украл цыплят, вместо расправы, увидев «напряжённо-звериное крепкое тело <...> подошла к Барыбе вплотную, качала головой, жалобливым пела голосом. А за жалостью зияло жадное желание...» (52). Плотоядное выражение лица,

поза не оставляли сомнений в истинных намерениях вдовы, и купчиха не упустила случая. Как следует из дальнейшего описания, грех, фарисейски прикрытый молитвой, в сонном однообразии уездного мира — не преступление против нравственности. Неожиданно для себя — «чудеса» — малец оказался «на приказчицком положении», «раздобрел», «купцом каким» (56) стал выглядеть. Так бы и поднимался Барыба в глазах тех, кто недавно не считал его за человека, а теперь «завидует» и подобострастничает, но в порочности этот герой не уступает совратительнице, и жертвой его становится кухарка Полька. За разнузданность пришлось поплатиться изгнанием из дома, где был «сыт», «жил на всём на готовеньком, в покое, на мягких перинах, в жарко натопленных старновкою комнатах <...> в сладком бездельи» (53).

Портной Тимоша, помогая Барыбе «какое ни на есть дельце подыскать» (83), «невозмутимо» разъясняет знакомому адвокату, чем приятель раньше занимался: «Ничего такого особенного. Дело торговое. Всё у нас теперь, по силе времени, — дело торговое, тем только и живём. Купец селёдкой торгует, девка утробой торгует. Всяк по-своему. А чем, скажем, утроба — хуже селёдки, или чем селёдка — хуже совести. Всё — товар» (83). Продажность совершенно недвусмысленно определяется героем как норма жизни не только купцов, но и всех, кто на первое место в любом деле ставит барыши, а не долг, честь и совесть. Закономерно, что зарабатывать на жизнь Барыба будет лжесвидетельством, находясь на подхвате у того самого адвоката. Кстати, «уж любили же его за хитрость купцы <...> Семён-то Семёныч, Моргунов? У-у, дока, язва. Этот, брат, дойдёт. Без мыла влезет и вылезет » (82). Рассказчик добавляет: «Так и повелось, что вёл он у купцов все их делишки тёмные, — вексельные там, или — чего лучше — несостоятельные. И уж не мытьём, так катаньем, а доймёт-таки суд и выплывет. За то и платили ему хорошо» (82). А Тимошу вскоре, по лжесвидетельству того же Барыбы, ни за что подвели под суд и погубили без смигу. Трагический финал его судьбы — подтверждение циничного превосходства торгашеских отношений над законом, выгоды — над нравственным чувством.

На ином материале, взятом «из тунгусской жизни», хищничество купцов художнически засвидетельствовал Вяч. Шишков. В сибирской глухомани бесчестному человеку было где разгуляться. В рассказах «Помолились» и «Суд скорый»[1] писатель показал, как грабители от торговли, пользуясь темнотой, доверчивостью, беззащитностью инородцев, наживаются на народном горе. Неслучайно одним из главных действующих лиц рассказа «Краля»[2], в центре которого уже нравст-

[1] Шишков Вяч. Помолились (Рассказ из тунгусской жизни) // Заветы. — 1912. — № 2. — С. 91-101; Он же. Суд скорый (Рассказ из тунгусской жизни) // Заветы. — 1914. — № 3. — С. 35-73.

[2] Шишков Вяч. Краля. Рассказ // Заветы. — 1913. — № 2. — С. 58-84. Далее страницы указываются в тексте.

венно-психологическая коллизия, тоже является «господин торгующий» (80). Возможно, что безымянность, как и портрет, жест указывают на его типичность: «Тучный, рассудительный, видавший виды, с благочестивым большебородым ликом и весёлыми, чуть-чуть наглыми глазами» (59), «плутоватый». Для него ничего не стоит «на время утратить благочестивый облик»: сластолюбец, «охальник», «плотоядными, масляными глазами» (62) смотрит вслед Дуне — она-то и есть «краля». Да он и в самом деле, в отличие от своего спутника доктора, не способен поклоняться женской красоте: она, в представлении купца, не может быть «чистой» (81). Как ни прискорбно, в этом он, на первый взгляд, оказывается прав. То, что для доктора становится причиной трагедии, для купца — явление обыденное, незначащее: «Вот те и чистая... Она, даром что Авдокея Ивановна, а умная, стерва: где пообедает, туда и ужинать идёт. Сказал и через минуту захрапел» (81). По меркам «господина торгующего», иначе и не бывает. Не о том ли в среднерусской глуши думал замятинский Тимоша? О слезах Дуниных и вообще о том, что у подобных историй могла быть и другая, драматическая сторона, умолчим, ведя речь пока о купеческом менталитете.

Коснёмся и публицистического преломления интересующего нас персонажа, который естественным образом возникает в цикле очерков М. Пришвина «По градам и весям». Сразу обращает на себя внимание то, что купцов распространённого пошиба здесь нет. Напротив, ведущий отдела, «имеющий возможность наблюдать жизнь там и тут»[1], испытывает по-особому приподнятое состояние от одной мысли о принадлежности к купечеству. При этом автобиографическое начало не только не затушёвывается, но подчёркивается. Ощущение того, что «стало <...> хорошо», возникает у рассказчика от купленной по случаю старой иконы Николая Угодника: «Икона эта, любимая русскими купцами, соединила меня со всей моей роднёй купеческой»[2]. Спасительное чувство опоры более чем насущно, потому что журналист поселился «в городе не очень большом, в черносотенной слободке <...> в год, когда кричали: «Бей жидов!»», а его за такового и принимали (99).

Купец у М. Пришвина — существо вдумчивое, рассудительное, твёрдое, не без хитрости, со здоровым чувством юмора, озабоченное извечными общероссийскими проблемами духовно-нравственного склада, а не частным сколачиванием капиталов. Вот мастерски нарисованная жанровая сцена: торговые люди заняты в трактире нешуточным делом, с горячностью обсуждают животрепещущий вопрос о хулиганстве и пьянстве. Спор, в котором звучат и здравые, и наивно-утопические суждения передаёт искреннее желание его

---

[1] Пришвин М. По градам и весям. Притча о пьяных медведях // Заветы. — 1912. — № 9. — Отд. II. — С. 126.

[2] Пришвин М. По градам и весям. Крыса // Заветы. — 1913. — № 11. — Отд. II. — С. 100. Далее страницы указываются в тексте.

участников разобраться в причинах хулиганства и покончить с ним, ведь «пьянство всегда было, а Русь всё-таки называлась святою»[1].

Самым весомым аргументом в поддержку решительной «отмены пьянства» стала притча, рассказанная купцом «с толстыми рыжими усами, прозванным в трактире Бисмарком» (127). «У всех у нас на памяти время, — неспешно начал он, — когда по улице водили медведей, и помните, было в купеческих домах обыкновение, чтобы этим медведям вино подносить; поднесут медведю в одном доме, в другом, в третьем, напьётся медведь, ходит вовсе пьяный, шатается, а народ не ломает» (129). Нетрудно догадаться, «отчего в старину пьяные медведи не ломали народ»: «у медведя в ноздрях было продето железное кольцо, и мужик за верёвку держал» (129). В нынешнее «особое время и особое положение», в пору дарования «свобод», аллегорически выражаясь, «нельзя пьяному в ноздрю кольцо продеть». Однако «все согласились», что такая «мера борьбы с хулиганами простого разряда» — единственный способ противостоять «покровительственной системе», которая «на Руси пьяному человеку всегда была» (129), причём «сверху и снизу» (127). Купцы дружно ратуют за пресечение пьянства, несмотря на то, что им тогда придётся нести немалые убытки. Но ведь на другой чаше весов — спокойная, здоровая жизнь народа, который на глазах дичает. Ради неё, всерьёз не умея попусту разглагольствовать, купцы ищут решения наболевшего вопроса. Другое дело, услышит ли их солидарное мнение власть, а пока они не могут не сознавать: «Не от нашей воли зависит: хотят — запретят, хотят — пуще торговать будут» (127). Волнения, скорее всего, ни к чему не приведут, но они сами по себе очень показательны: разговор, затеянный в трактире, надо думать, отражает умонастроение большинства.

Поистине уникален герой пришвинского очерка «Невидимый класс»[2] — некий Самородок, как метко назвал купца митрополит. Не случайно автору «что-то понравилось в лице провинциала» (98), заговорившего с ним около памятника Петру Великому. «Вид» у незнакомца — «человека такого серьёзного, делового и прямого, непохоже, кажется, чтобы он мог прихвастнуть и сболтнуть лишнее, а пальтишко старенькое, каракуль молью изъеден, карманы блестят, — подрядчик или прасол из провинции» (99). Заметив молчаливый вопрос, он откровенничает: «Купец, не могу сказать, чтобы богатый, но и средним назваться не могу: так, в год на полмиллиончика обёртываю. Вы, вот, на мне пальтишко худое заметили, я мог бы носить получше, да к чему? Мужиком я родился, переписался в купцы, а что из этого? Другой раз и придёт что-нибудь такое шаль-

[1] Пришвин М. По градам и весям. Притча о пьяных медведях // Заветы. — 1912. — № 9. — Отд. II. — С. 128. Далее страницы указываются в тексте.

[2] Пришвин М. По градам и весям. Невидимый класс // Заветы. — 1913. — № 2. — Отд. II. — С. 98-104. Далее страницы указываются в тексте.

ное в голову...» (101). По всей видимости, здоровая основа не позволяет заноситься, смешить народ ролью, не свойственной природе.

Вызывает удивление, что купец не кичится дружеской симпатией к нему ни священника высшего звания, ни министра, который гостил у него на Волге и пригласил в столицу, не забыл о нём, вправду уважил — «билетом в свою ложу на все заседания Государственной Думы» (99). Как выяснится, этим «другом» был не кто иной, как П.А. Столыпин. Однако герою очерка и в голову не приходит, говоря нынешним языком, использовать столь редкостные связи по назначению, как поступили бы другие. В Столыпине он уважает «умного и хорошего человека», который «добра хотел», «хотел и царя отстоять, и народу чтобы хорошо было» (99). Об аграрных его реформах купец судит без снисхождения строго: «Удивляюсь я, как такой умный человек <...> и такой глупый закон мог сочинить: чтобы размножить нищих и хулиганов» (100). Наличие мотивированного собственного мнения выдаёт в нём человека с чувством собственного достоинства. Это подтверждается и тем, как «задевает» купца, что в министерскую ложу в таком «пальтишке» не пропускают, но стоит сунуть «конверт в зубы», предъявить билет за подписью министра — открываются все двери. Купца коробит хамелеонство, возмущает «истинное хамство»: «Не человеку, а конверту поклоняются в этом вашем Петербурге» (99). Он поражает неиспорченностью, бескорыстием, самодостаточностью. Остаётся недоумевать, как ему удалось сохранить в себе нравственный стержень?

Сам герой никакой загадки в этом не видит, свою духовную крепость объясняет попросту: «Куда бы я ни пошёл, что бы ни стал делать — не пошатнусь: я на фундаменте», «вся наука» которого — «аз-буки, псалтырь, каноны» (103) — обретена им от дьячка, сызмальства, ещё в крестьянскую бытность. Купцу не даёт забыть о мужицких корнях «глубокий рубец на мякоти возле большого пальца» (100) — «срезанное серпом место» (101). Помогает блюсти себя и то, что «завещал батюшка». На всю жизнь врезались в память его слова: «Берегите честь, пока есть, одёжку с нова, а разум с измладости. И если хотите счастливо жить, то особенно берегите свой *радий*!» (101; курсив автора. — *Н.Н.*). Так по-своему, поэтично купец именует то, что отец называл «драгоценнейшими каплями жизни» (101), хотя, по правде сказать, он убеждён, что «капли, семена жизни» «ещё дороже», чем самый драгоценный из металлов. В умении их «беречь и расходовать умеренно», как считает пришвинский герой, и заключается «секрет жизни» (102). Только надо, чтобы все этим прониклись. «Вы знаете, что теперь нужно России? — взволнованно спрашивает купец, не сомневаясь, что случайный собеседник его поймёт. — Найти новый класс людей с кровью здоровой, выискать такой класс и поставить во главе» (101). Обуреваемый отнюдь не праздной мыслью, он мечтает попасть к царю, чтобы в разговоре

«с глазу на глаз это-то сказать» (102). А пока рассказчик ощущает на себе благодатную силу того, как купец говорит о заветных идеях — «без малейшей улыбки и с какой-то необычайно трогательной верой в сочувствие» (102). От Самородка исходит такое обаяние, что доселе «чужой, неизвестный ему человек» чувствует себя «его родственником», открывает безыскусную вечную истину, «что человечество по существу своему — одна огромная семья» (102).

Возникшее между случайными знакомцами, понимание ободряет купца и он делится с журналистом своими тревогами и подозрениями. Его мучит то, что «людей с настоящей кровью», с языком «от фундамента», то есть таких, как он, мало, у всех остальных — «язык другой <...> они-то все говорят с нами без фундамента», отсюда и засилье «хулиганов», которые портят жизнь, безоглядно разрушают исконную культуру, подрывают вековые устои (103). Особенно негодует купец по поводу «открыток с голыми бабами». По его разумению, всякого рода «хулиганство» и «хулиганов» «уничтожить нужно» (103), в чём он тоже собирается искать помощи у царя. А главное — хочет поделиться с государем тем, как можно оздоровить российский мир, благо путь к этому ему ведом.

Сколько неподдельной горечи и боли в раздумьях Самородка, сколько в них сердечной теплоты! Но по плечу ли купцу сама миссия? Может ли она состояться и тем более — принести желаемые плоды? Осуществима ли мечта? Расчувствовавшийся купец, по всей видимости, знает ответ на эти, повисшие в воздухе, вопросы. Иначе бы не был апогеем его спонтанной исповеди рассказ о «волшебной полянке» (104), точнее, — притчевый смысл картины. Движимый наивной верой в добро и красоту, герой мысленно переносится к себе на родину, в райский уголок, на «божий ковёр» «чудесной светлой поляны за лесным хребтом», где по обыкновению отдыхает душой, где ему «кажется, <...> что всё теперь будет по-хорошему» (104). Но стоит только переступить границу этого круга, где «земное устроено по-небесному, а небесное по-земному», «всё пропадает» (104), сказка сменяется неприкрашенной былью. Купец, при всём при том человек реалистический — чего стоят хотя бы «полмиллиончика», мнение об аграрной политике, — по собственному опыту знает: никуда не деться от того, что «земное живёт по-земному, небесное по-небесному, связи нет никакой, сердце ожесточается, сохнут глаза» (104).

Только что перед журналистом был «старинный человек», «умилённый» (104) гармонией, ладом всеобщего бытия, и вдруг — трезво смотрящий на действительное положение вещей: «класса людей», за который он продолжает ратовать, уже не существует, хотя свыкнуться с этим невозможно. Только в памяти Самородка он пребывает в кристальной чистоте, да в его собственном поведении, по преимуществу, сохраняется приверженность былому, на то он и Само-

родок. Купец «плюнул и махнул рукой: «Опачканный народ... Смотреть нечего: невидимый класс»» (104). Надо думать, что столь сильное разочарование обуславливается и личностной причиной: купец перестаёт обольщаться не только в отношении воспетого им «класса», но и на собственный счёт. На брюзгу он не похож, стало быть — максималист и потому без пощады относится ко всем, кто проходит *под* планкой, поднятой им до идеальной отметки.

И, тем не менее, даже с поправкой на чрезмерность купцовских требований, мы не можем отделаться от двоякого впечатления. Пришвинское слово о Самородке согревает, но не эпитафией ли оно звучит? Да, его позитивная энергия, глубинный патриотизм оказываются противовесом, сказанному о сословии собратьями по цеху. Однако драматизма это не снимает, ведь Самородок, скорее всего, — исключение, свидетельствующее о духовно оскудевающем, если не сказать вырождающемся купеческом большинстве. Тогда одного словечка «опачканный» хватает, чтобы увидеть, как недалеко ушёл М. Пришвин от остальных: именно оно таится в подтексте рассказа о Самородке. И всё-таки не будем сбрасывать со счетов того, что об исчезновении лучшего в купечестве сказано устами героя, и он в праве так судить. Не исключено, что в финальной реплике прорывается и накопившееся в его душе чувство досады: оттесняют, наносят непоправимый урон репутации купца те, кто «без фундамента», в чьих руках «наука, школы» (103), потому и хочет он достучаться до царя. Думается, что расценивать пришвинское отношение к «классу» следует с учётом двух последних обстоятельств, тем более что, по его собственным впечатлениям, переданным в «Притче о пьяных медведях», оно предстаёт в ином статусе, «невидимым» назвать его никак нельзя. Наконец, что касается истолкования образа, то оно занимает поистине кульминационное место в системе литературно-критических оценок Иванова-Разумника на страницах «Заветов». Неоднократно, в самых ответственных позициях анализа литературных новинок, он ссылается на образ Василия Андреича Брехунова из толстовского рассказа 1895 года «Хозяин и работник». Чем приглянулся критику этот дюжинный купец, любивший повторять: «По совести. Брехунов никакого человека не обидит. <...> По чести»?[1] В меру своей дюжинности, даже в буран, сбившись с дороги, он «думал всё о том же одном, что составляло единственную цель, смысл, радость и гордость его жизни, — о том, сколько он нажил и может ещё нажить денег; сколько другие, ему известные люди, нажили и имеют денег, и как эти другие наживали и наживают деньги, и как он, так же как и они, может нажить ещё очень много денег. Покупка Горячкинского леса составля-

[1] Толстой Л.Н. Хозяин и работник // Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22-х т. — М., 1978. — Т. 12. — С. 305. Далее страницы указываются в тексте.

ла для него дело огромной важности. Он надеялся на этом лесе поживиться сразу» (326). Не желая «смерти дожидаться», купец бросает притаившегося под снегом Никиту, не осознавая предательства, на правах «хозяина» решая, что тому «всё равно умирать. Какая его жизнь!» (330-331). И даже когда герой остаётся без лошади, на краю жизни, когда самое время думать о душе, он печётся о всегдашнем: «Роща, валухи, аренда, лавка, кабаки, железом крытый дом и амбар <...> как же всё это останется?» (335). Правда, этот ряд самого дорогого замыкает сын, точнее — «наследник».

Подгоняемый животным страхом смерти, Брехунов ищет спасения, вспоминает «вчерашние молебны, и образ с чёрным ликом в золотой ризе, и свечи», и просит «этого самого Николая-чудотворца, чтобы он спас его». И тут же «ясно, несомненно» понимает, «что здесь они (лик, риза, свечи, молебны — *Н.Н.*) ничего не могли сделать ему» (335). И всё-таки что-то засветилось в недрах купеческих, душа его начала вызволяться. Когда Василий Андреич вновь увидел Никиту, замерзающего и «плачущим голосом» просящего у него перед смертью прощения, он «с полминуты постоял молча и неподвижно, потом вдруг с той же решительностью, с которой он ударял по рукам при выгодной покупке», начал действовать: выгреб снег с работника своего и из саней, «поспешно распоясался» и лёг на Никиту, «покрывая его не только своей шубой, но и всем своим тёплым, разгорячённым телом» (337). Никита выжил.

Внешняя перемена в герое, казалось бы, ничем не мотивированная, повлекла, к его «великому удивлению», внутреннюю. И хотя слёзы с непривычки он посчитал за слабость («настращался»), но слабость эта «доставляла ему какую-то особенную, не испытанную ещё никогда радость» (337). Купцу хочется поделиться новым для него «радостным состоянием», душу его пронизывает «какое-то особенное торжественное умиление» (337). И думает он уже не о себе, а «только о том, как бы отогреть лежащего под собой мужика» (338). В предсмертном сне Брехунов отрешается от себя прежнего: «Сначала в воображении носились впечатления метели <...> мужики, продающие и покупающие» (338), а потом «пришёл тот, кого он ждал <...> тот самый, который кликнул его и велел ему лечь на Никиту» (339). И опять радостное чувство охватывает героя, и он просыпается, порываясь за спасителем своей души, «но просыпается совсем уже не тем, каким он заснул». Николай-чудотворец исподволь подталкивал купца к очеловечению, и «чудо» совершается, купец Брехунов становится навечно подлинным «хозяином» жизни, человеком, познавшим истинный смысл земного бытия и человеческого счастья. И он вспоминает про деньги, про лавку, дом, покупки, продажи и миллионы Мироновых; ему трудно понять, зачем этот человек, которого звали Василием Брехуновым, занимался всем тем, чем он занимался. «Что ж, ведь он не знал, в чём дело, —

думает он про Василья Брехунова. — Не знал, так теперь знаю. Теперь уж без ошибки. *Теперь знаю*» (339; курсив автора. — *Н.Н.*)[1].

Для Иванова-Разумника Брехунов, переживший парадоксальную перемену, — настоящая находка, убедительнейший аргумент в полемике о современном состоянии русской словесности. Дело в том, что оппоненты настаивали на «оскудении живой воды творчества»[2]. Иванов-Разумник, в противоположность им, раскрывал грани жизнеутверждающего пафоса, «расцвета» современной литературы[3]. Рассматривая, к примеру, прозу Сергеева-Ценского, критик

---

[1] Справедливости ради следует сказать, что своё время прежде всего со стороны души, «внутреннего, духовного мира» купца видел в Д.И. Стахеев. Напомним слова его страстного заступничества, вызванные несогласием с видением купца Островским: «Я убеждён, что в каждом человеке, каков бы он ни был, есть непременно та священная искра божественного огня, которая долго, долго может тлеть на дне его души... при известных обстоятельствах эта тлеющая искра может вспыхнуть ярким пламенем и показать изумлённому народу всю силу и величие человека, когда он вдруг сбрасывает с себя бренные одежды эгоистического мира и является во всём величии любви, правды и самоотвержения» (Цитируется по: Валеев Н.М. Дмитрий Стахеев. Жизнь и творчество: Пособие для спецкурса. — Елабуга, 1994. — С. 23). Возникает ощущение, что слова эти были перед мысленным взором Л. Толстого, когда он писал историю перерождения купца Брехунова. Хотя душевной близости к Стахееву Л. Толстой, по всей видимости, не испытывал, по крайней мере, на протяжении 1875-1892 годов, когда мог выказать её, приходя в гости к Н. Страхову, который в те годы жил в одной квартире со Стахеевым. По признанию же Стахеева, с Л. Толстым он «никогда разговоров не вёл и <...> избегал встречи с ним» (Там же. — С. 48), хотя сама судьба посылала их. Индифферентность была обоюдной. Говорить о прямом воздействии Стахеева на Л. Толстого в таком случае вряд ли правомерно. Скорее всего, на каком-то этапе своего внутреннего движения Л. Толстой — независимо от Стахеева — пришёл к тому, за что тот ратовал ещё с конца 1860-х годов. И ещё одно в связи с этим замечание. Стахеев упрекал Островского в том, что в его героях не найти «искры, хотя и тлеющей, но не вспыхивающей», что в его «человеке-самодуре <...> внутренний человек <...> невидим» (Там же. — С. 23). Не имея возможности в рамках данной статьи разворачивать исследовательский сюжет, сошлёмся на суждение А.П. Скафтымова, которое, на наш взгляд, проясняет ситуацию: «Самодурство, конечно, известно было русской жизни и до Островского. Однако его открыл Островский, и открыл именно потому, что, в силу общей направленности своего внимания к жертвам морального зла, он и к человеческому гонору в наблюдавшейся им среде подошёл с той стороны, где от него страдают люди» (См.: Скафтымов А. П. Белинский и драматургия А.Н. Островского // Скафтымов А.П. Поэтика художественного произведения / А.П. Скафтымов; Сост. В.В. Прозоров, Ю.Н. Борисов. Вст. ст. В.В. Прозорова. — М.: Высш. шк., 2007. — С. 459).

[2] Иванов-Разумник. Русская литература в 1912 году // Заветы. — 1913. — № 1. — Отд. II. — С. 51.

[3] Подробнее об эстетической программе «Заветов»: Новикова Н.В. «Рождение человека» как «заветная» идея литературной критики Иванова-Разумника // Классические и неклассические модели мира в отечественной и зарубежных литературах: Материалы Международной научной конференции, г. Волгоград, 12-15 апреля 2006 г. / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН, ВолГУ. — Волгоград, 2006. — С. 122-127; Она же. Концептуальные формулы цикла журнальных статей Р.В Иванова-Разумника // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». № 2 (27). 2006. — М.: Изд-во МГОУ. — С. 239-248; Она же. Литературно-критическая позиция Р. Иванова-Разумника в журнале «Заветы» // Куприяновские чтения — 2005: Материалы межвуз. науч. конференции. — Иваново: Изд-во Ивановского ун-та, 2006. — С. 80-89.

извлекает из неё главную, на его взгляд, идею: «*Никогда не поздно стать человеком* — ведь это вечная тема мировой литературы, начиная от греческой трагедии, проходя «Королём Лиром» и, кончая Л. Толстым («Смерть Ивана Ильича», «Хозяин и работник»). Сергеев-Ценский пошёл по этому же пути»[1]. В судьбах героев этого писателя критик находит такие повороты, такое необъяснимое тяготение к свету, которые воскрешают в памяти рождение человека, художнически правдиво показанное Л. Толстым. «И Иван Ильич у Л. Толстого, и его кулак-купец Брехунов только смертью открывают в себе человека и находят вечное «что-то», освящающее жизнь», — пишет Иванов-Разумник, обозначая истоки «духовной сущности» героев Сергеева-Ценского. Никогда не поздно стать человеком и отвергнуть всю свою былую жизнь. Такое «рождение человека», хотя бы в минуту смерти, и составляет сущность *трагедии* — всегда глубоко радостной: человек родился! <...> Мрачна лишь драма — рассказ о смерти человеческой души» (139). По убеждению Иванова-Разумника, «вся великая литература насквозь трагична» (140), и его современники достойны классиков в выборе духовных приоритетов. Центральным звеном в системе доказательств на этот счёт было «рождение человека» в насквозь меркантильном, обездушенном создании, таком, как купец Брехунов.

Итак, если в отделе публицистики купец выступает как предприниматель, как крупнейший торгово-промышленный деятель, в тандеме с властью способствующей укреплению существующего государственного порядка, то на художественно-беллетристической «половине» «Заветов» он, как правило, — в провинциально-патриархальном обличье. Впечатляет амплитуда примеров: от затрапезных, тупо расчётливых, примитивно мыслящих, глухих к человеческому страданию, отталкивающе развращённых, жестоких в погоне за рублём, — до полной всему этому противоположности, квинтэссенция которой — в образе Самородка. Такой богатый материал убеждает не только в правомерности заявленной темы, но и в концептуальной значимости её для журнала.

В конечном счёте, колоритная фигура купца, казалось бы, периферийная, «непрофильная» для общественно-политической направленности «Заветов», незаметно способствует выработке их своеобычной фактуры. Можно с уверенностью сказать, что на поверку обращение к соответствующим произведениям обогащает ежемесячник, помогает ему избежать узости и одноплановости, тем самым — открыть страницы для большего числа взыскательных читателей и не обмануть их ожиданий. Такое оказалось воз-

[1] Иванов-Разумник. Жизнь надо заслужить (Сергеев-Ценский. Собр. соч., тт. I-VI) // Заветы. — 1913. — № 9. — Отд. II. — С. 138. Курсив здесь и далее — автора. — Н.Н. Далее цитируется с указанием страниц в тексте.

можным благодаря тому, что в отборе новейших текстов для публикации Иванов-Разумник руководствовался не столько соображениями идеологического порядка, сколько художественно-эстетическими принципами. В результате этого «текущая» литература предстала перед читателем лучшими именами и достойными произведениями, впоследствии ставшими классикой. Наконец, купеческий «след» не только влиял на восприятие «Заветов» в целом, но и оказался ключевым в формулировании критико-литературной «платформы» журнала.

О.В. Тимашова
Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского

РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ НА СЦЕНЕ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ДВУХ ЭПИЗОДОВ А.Ф. ПИСЕМСКОГО («КОМИК», «ЛЮДИ СОРОКОВЫХ ГОДОВ»)

Алексей Феофилактович Писемский (1821-1881) пользовался среди современников заслуженной славой одного из лучших летописцев русской до- и пореформенной провинции, достойного ученика Н.В. Гоголя[1]. Писатель любил создавать групповые портреты провинциального общества. Объединяющим фабульным моментом такого развернутого полотна часто становилось изображение домашнего «благородного» спектакля. Впервые такой прием писатель использовал в раннем рассказе «Комик» (1851)[2], а затем вернулся к нему в одном из эпизодов своего монументального исторического романа «Люди сороковых годов» (1861)[3].

«Выведено положение истинного, но сбившегося художника в нашем провинциальном обществе», — так характеризовал свой рассказ автор[4]. Это небольшое произведение служит подтверждением наблюдения Ю. Айхенвальда о том, что Писемский «все живет литературой, литературными интересами, вносит их в самую фабулу своих рассказов»[5]. Игра значениями слова «театр» начинается с первых строк: «Нижеследующая сцена (курсив мой — О.Т.) происходила в... уездном городке Ж.» [2, 139], в гостиной одного из состоятельных любителей театра, Аполлоса Михайловича Дилетаева (гл. 1. «Собрание любителей»). Реплику Дилетаева в сторону гостей — «спрошу вашего мнения» — можно считать завязкой, которая в равной мере обращена и к персонажам и к читателю: «... Мы затеваем благородный спектакль — ...для собственного удовольствия, во-вторых, для удовольст-

[1] См. напр.: Кирпичников А.И. Достоевский и Писемский: опыт сравнительной характеристики. — Одесса, 1894. — С. 25-26, 41-42; Скабичевский А.М. А.Ф. Писемский, его жизнь и литературная деятельность. — Пб., 1894. — С. 5-7, 26-28.

[2] Впервые напечатан: Москвитянин. — 1851. — № 21. В нашей статье ссылки даются на издание: Писемский А.Ф. Собр.соч.: В 9 т. — М., 1954. с указанием в тексте тома и страницы.

[3] Впервые напечатан: Заря. — 1869. — № 1-9. В нашей статье ссылки даются на издание: Писемский А.Ф. Собр.соч.: В 9 т. — М., 1954. с указанием в тексте тома и страницы.

[4] Писемский А.Ф. Избранные произведения. — М., Л., 1932. — С. 23.

[5] Айхенвальд Ю. Писемский // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. — М.,1994. — С. 267.

вия наших знакомых и...чтобы благородным образом сблизить общество и дать возможность...талантам показать себя» [2,141].

Спектакль становится средством раскрытия характера всех «актеров». Каждый думает о себе и в представлении видит выгоду: свои брачные планы (Матрена Матвеевна), угождение сильным мира (Юлий Карлыч), фон благородной интрижки (Мишель и Дарья Ивановна). Излюбленный прием Писемского — создание взаимодополняющей комической пары. Дуэт судьи Осипа Касьяныча и мелкого чиновника Юлия Карлыча ведет родословную от Бобчинского и Добчинского. Если облеченный властью судья открыто протестует против затеи с театром, зависимый Вейсбор, внутренне не сочувствуя, открыто негодовать не решается. Не обремененный ничем совершенно кроме «партии» в карты, судья отклоняет предложенную роль (роль разбойника на большой дороге!). Тогда как Юлий Карлыч имеет право отказаться под уважительным предлогом: у него куча детей и хворая жена. Если независимый прокурор забросил в угол тетрадку с ролью, бедный Юлий Карлыч стремился угодить благодетелю, но ничего не получалось: «К несчастию, память совсем отказывалась» [2,176] — и т.п. — целый ряд забавных тождеств и антиномий, благодаря которым мы можем судить в целом об уровне городской интеллигенции.

Любители театра — Дилетаев, «трагик» Рагузов, комик Рымов разительно выделяются своими интересами среди обывателей города Ж. Дом Дилетаева остается единственным островком духовности в уездном городке Ж, стойко сопротивляющимся напору окружающей пошлости. Это подчеркнуто монологом Аполлоса Михайловича, спустя несколько дней с начала репетиций. «Вот вам люди! — продолжал он, обращаясь к окну, из которого виднелась городская площадь... — Позови обедать, — так пешком прибегут! Покровительство нужно, — на колени, подлец, встанет...! А затей что-нибудь поблагороднее, так и жена больна, и в отпуск надобно ехать...» [2,185].

С первых строк актуализируется мощный литературный подтекст. Ссора Дилетаева и Рагузова из-за недостающего артиста сближается со спором в начале «Сороки-воровки» А.И. Герцена, где утонченные эстеты рассуждают, почему в России нет талантливых актрис. Скромный Юлий Карлыч заявляет, что знает талантливого актера и потенциального исполнителя. Так мотивируется переход ко второму постоянному месту действия, «в самый отдаленный конец города, в маленький флигелек» [2,150]. На сцену, где обитает Рымов, «такое незначительное в городе лицо, что о нем... никто не говорил», а те, кто знал, не видели в нем талант, а «разумели запойным пьяницей» [2,150] (гл. 2 «Комик и антрепренер»). Писемский демонстрирует чуткость и понимание злобы дня, делая своего героя представителем комического амплуа: «... В прошлом...кумирами публики были главным образом трагики; в 40-50-е годы корифеями сце-

ны становятся комики»[1]. «Изменения коснулись самой сути театра, его эстетики». Исследователи связывают эту эволюцию с натуральной школой — «одним из важнейших этапов в становлении русского реалистического искусства»[2]. Отныне «комический актер... во всех сферах искусства занимает ведущее положение как лицо, владеющее наиболее уместной, раскованной и расковывающей художественной формой»[3].

Повествователь, надев маску обеспокоенного обывателя, сообщает, что Комик часто становился «совершенно сумасшедший: он всходил на городской вал, говорил что-то к озеру, обращался к заходящему солнцу и к... лугам, потом садился, плакал...» [2,150]. Выражением презрения алчному и бездуховному человеческому миру можно считать то, как герой «... врывался...насильно в дом к Нестору Егорычу,.. именитому и почтенному купцу, торгующему кожами, и начинал говорить ему, что он мошенник, подлец и тому подобное» [2,150]. Его профессия явно намекает на возможность «сдирать кожу» с покупателей; фразеологизм, распространенный в фольклоре и используемый в басне: «Вступило от овец прошение в приказ: Что волки-де совсем сдирают кожу с нас...». Имя купца вписывается в текст о тузах грибоедовской Москвы, о «Несторе негодяев знатных...».

Характеристика Комика строится на оппозиции: внешняя комичность внутренний трагизм. «Наружность его в самом деле была комическая, — констатирует автор, — «на широком, довольно, впрочем, выразительном... лице сидел какой-то кривой нос;... улыбка только на одной половине, устройство головы угловатое...» [2,151]. Но за всем этим скрывается трагедия таланта: «... Бывают минуты хоть зарезаться, — произнес Рымов и бросился на постель.

– Зачем ты это говоришь? Я думаю, страшно.

– Страшно? Нет, моя милая, не умереть, а жить, как я живу, страшно [2,154]. Трагедия эта поистине шекспировского масштаба: «Комик отворотился к стене и начал чрезвычайно впечатлительным голосом: «Умереть!...Уснуть...! Но, может, станешь грезить в том чудном сне, откуда нет возврата, нет пришлецов!..» Анна Сидоровна *(супруга Комика — О.Т.)* сидела, подгорюнившись» [2,154]. Но она же является главной причиной трагедии мужа. «Мне хочется потому, что хотелось этого Шекспиру и Шиллеру...!» — пытается втолковать он ей свое увлечение сценой. «Что вы мне приятелей-то приводите в пример, — парирует супруга. — Такие же пьяницы, как вы» [2,162].

Для нас одна их самых ценных сторон рассказа Писемского — живое свидетельство эпохи. При изображении маленького город-

---

[1] Журавлева А.И. Русская драма и литературный процесс XIX века. — М., 1988. — С. 31.

[2] Там же.

[3] Там же.

ка мы слышим те же голоса полемистов, что в столицах определили пути развития русского театра и литературы в целом. Но в провинции новейшие литературные течения «пробуксовывают», стили сосуществуют годами и даже десятилетиями. В рассказе три идеолога сцены: «трагик», «комик» и «классик», организатор театра Аполлос Дилетаев. Каждый из них представляет свое видение драматического спектакля. Приверженцем романтизма является Никон Семеныч Рагузов, страстный театрал: «Вчера даже сделал... сцену: требует все драмы...» [2,157]. Фигура Рагузова в рассказе выстроена карикатурно-прямолинейной, порой до излишества. Никон Семеныч должен был иллюстрировать слабые стороны романтической эстетики, убежденным противником которой был сам писатель.

Выразительное чтение им поэмы А.С. Пушкина «Братья разбойники» разрослось в целую «драматическую фантазию». «Братья разбойники» в 1820-40-е годы входили в число наиболее популярных, а значит, подвергавшихся переделке и копированию романтических поэм. С другой стороны, отступления Пушкина от канонов романтической поэмы, сказавшиеся в отсутствии любовного сюжета, усилении нравственной проблематики явились лакмусовой бумажкой для проверки истинности вкуса читателей[1]. В данном случае «знаток» литературы Рагузов сетует: «... Эффекту мало будет; неоткуда ожидать этих прекрасных драматических вспышек». «... Как нет драматических вспышек, когда вся пиеса есть превосходная драматическая вспышка! Сумейте только... прочесть ее с чувством, с толком, с расстановкой...» [2,144], — в недоумении восклицает Аполлос Михайлович. Настоящее святотатство совершает Рагузов, решаясь, в целях опять-таки усиления эффекта, «много переменить в пиесе». Наиболее восхитившие его строки:

Бывало, в ночь глухую
Заложим тройку удалую.
Поем, и свищем, и стрелой
Летим над снежной глубиной, –

Никон Семеныч переиначивает следующим образом:

Бывало, в ночь глухую.
Тая в груди отвагу злую,
Летим на тройке вороных,
Потешно сердцу удалых!
Мы, мразный ветр в себя вдыхая,
О прошлом вовсе забывая.
Поем, и свищем и стрелой

[1] См.: Гудзий Н.К. Братья разбойники» Пушкина // ИАН. — 1937. — № 2-3. — С.643-658; Закруткин В.А. «Братья разбойники» Пушкина // Уч. зап. Ленинград. гос. пед. инт-та им. А.И. Герцена. — 1936. — Т. 2. — С. 218-239.

Летим над снежной глубиной [2,160].

Трагик ввел в пушкинский сюжет «совершенно новое лицо» — любовницу Елену. «Но оно необходимо...», — заявляет Рагузов. Видимо с точки зрения романтической эстетики реплики возлюбленной представляют верх банальности:

Благословляю этот миг.
Он отдал мне, мой друг, тебя!
Ты не преступник, ты велик.
Ты мой навек, а я твоя! [2,171].

Забвение нравственных норм в среде разбойников, кровавые дела бандита и его младшего брата, разудалое хмельное веселье находит почему-то горячее сочувствие в душе добрейшего Никона Семеныча. Судя по монологу Елены, он не только дописывает, но и полностью переиначивает смысл поэмы, состоящий в пробуждении мук совести у молодого разбойника. А для Писемского опасность романтического искусства состоит как раз в его аморальности, дающей простор разнузданному эгоизму.

Название безбожно изуродованной поэмы становится источником часто повторяемых каламбуров, не осознаваемых героями рассказа. «Разбойник! Совершенный Разбойник!», — восклицает Дилетаев в адрес новоявленного соавтора. «В разбойниках мы не затруднимся», «вот вам целая коллекция разбойников», разбойником предлагают стать прокурору и т.п. По-видимому, оно имеет значение переносное и прямое, обращенное к тем, кто смел по-разбойничьи коснуться творения Пушкина.

Не меньший интерес представляет пьеса, сочиненная Дилетаевым. Это водевиль во французском духе «Виконт и гризетка, или Исправленный повеса» — «легкая пьеса с занимательной интригой, с песенками-куплетами и танцами»[1]. На примере «Комика» мы наблюдаем, как, мобильный по природе жанр, «водевиль... активно включается в литературную полемику»[2]. О том, что перед нами пьеса 40-50-х годов, свидетельствует введенная в любовный сюжет модная демократическая тема. Виконт предпочитает маркизе робкую гризетку. Благородная же «маркиза Мон-Блан» готова обрушиться на виконта с вполне демократическими упреками в коварстве — «обмануть несчастных легче» [2,165]. Впрочем, в финале предполагается традиционный хэппи-энд, открывается, «что она (*служанка)* ее (*маркизы)* побочная дочь» [2,156]. — Правда, не объясняется, каким образом это могло случиться...

Дилетаев «прилежно изучал» традиции старого театра: «Я... много заимствовал у Катенина, которого несколько раз слыхал...»

---

[1] Литературный энциклопедический словарь. — М., 1987. — С. 66.

[2] Журавлева А.И. Русская драма и литературный процесс XIX века. — М., 1988. — С. 30.

[2,165]. «Я заговорил об особых правилах классического искусства; известны ли они вам, Виктор Палыч?», — обращается Дилетаев к Комику. Правда, и Дилетаев старозаветные правила «совсем забыл». «Первое правило — единство содержания; второе...полагаю, то, чтобы пиеса была написана стихами — это необходимо для классицизма; и, наконец, третье,.. чтобы все кончилось благополучно... например, свадьбою» [2,169] — как в его собственном творении. Подобно романтику Рагузову, классицисту Аполлосу Михайловичу свойственна отвратительная для Писемского аристократическая брезгливость: «Но я, со своей стороны, кладу...условие для того, чтобы комедия действовала на вкус людей образованных: надобно, чтобы она взята была из образованного класса...» [2,169].

«Антрепренер» решился из гоголевской «Женитьбы» выбросить излишние, по его мнению, действия и лиц. На гневный протест Комика он со спокойным презрением заявляет: «Из фарса...что ни делай, никогда чушь не выйдет, потом что он сам по себе чушь»; «... мы дадим несколько явлений из «Женитьбы» Гоголя — пресмешной фарс...» [2,142]. Лейтмотивом становится жанровое определение «фарс» — «в театре XIX-XX вв. — комедия-водевиль легкого содержания с чисто внешними комическими приемами»[1]. Дилетаеву приходится считаться с изменившимися вкусами публики. «Антрепренер» карманного театрика более всего боится прослыть провинциалом; он готов заявить о себе как о знатоке, тонко понимающем дух современного театра. Но в данном случае провинциальная спесь, идет, как ни парадоксально, на пользу искусству: «Между нами сказать, я бы этой пьесы никогда не поставил..., но мне хочется это сделать для столицы — в Москве она очень всех смешила; придется...знакомым написать, что у нас был спектакль, давали «Женитьбу»...: все восхитятся!» [2,156].

Дилетаев становится главным оппонентом комика в полемике о новой гоголевской драме:

– Это гениальная комедия. – Ну, уж и гениальная, — высоко взяли, Виктор Павлыч! <...>Я классик, и гениальными творениями называю только классические пьесы. – Она классическая [2,156].

Впоследствии он еще убедительнее сформулирует свое суждение: ««Всякая комедия, если она выражает что-нибудь смешное ярко и естественно, — классическая...», — возразил скромно Комик» [2,168].

«Испытательное чтение» (название главы о репетиции) «не оправдало себя» и провалилось. Представители образованного общества города Ж. оказались не в состоянии даже выразительно прочесть роли с листа. Эпизод распадется на целый ряд комических сценок (Юлий Карлыч, Матрена Матвевна), рисующих истинный

[1] Литературный энциклопедический словарь. — С. 463.

фарс на театре жизни. Зато появление взволнованного Комика провоцирует унизительные реплики: «Посмотрите, как у него руки дрожат, должно быть, он пьян»; «ему бы стакан водки для смелости закатить» [2,166]. А далее поэтапно фиксируется волшебное воздействие его на каждого из слушателей — занятых, равнодушных, презирающих: «С первого почти его слова Матрена Матвеевна фыркнула, Аполлос Михайлыч усмехнулся, Вейсбор закачал головой» и т.д. «С появлением женихов все уже хохотали». Манера Комика отвечает требованиям новой театральной школы: «Чтение Рымова было... чрезвычайно смешно и *натурально*: с монологом каждого действующего лица не только менялся его голос, но...перекраивалось и самое лицо. Виделись: и грубоватая физиономия тетки, и сладкое выражение двадцатипятилетней девицы, наконец, звонко ораторствовала сваха» *(Курсив мой — О.Т)*. Не случайна реплика одного из слушателей, ставящая Рымова в один ряд с лучшим комиком московской сцены: «Живокини не уступит...».

– Я... никогда так не смеялась..Отчего это? — сказала Фани. – Это, душа моя, значит, высшее искусство смешить [2,168].

Но даже такое очевидное превосходство Гоголя не убедило «в прошедшем веке запоздалых» ценителей.

Рядом с высокими замыслами всплывает презренная проза жизни, свойственная провинции с ее вечной нехваткой всего необходимого: «У нас... нет залы, мало денег, неполон оркестр...» [2,141-142]. Оркестр — единственный в городе — состоит из капельмейстера, который «вместо того, чтобы упражнять оркестр..., или спал, или удил рыбу». «Мальчишка-валтонист...в валторну свою насыпал песку, наливал щей и даже засовывал в... отверстие ее маленьких котят»; «на виолончели играл... страшный пьяница»; «в барабан колотил кто придется» [2,188]. Проблемы связаны и с поиском помещения для спектакля. Помог купец Яблочкин, однако поставил невыполнимое условие: «... Но все-таки он был купец, и поэтому имел большие предрассудки...: залу дал, — даже фабричное производство на всю масленицу остановил, но требовал, чтобы ни одного гвоздя ни в пол, ни в стены не было вколочено. Прошу при этаких условиях поместить всю театральную обстановку!» [2,189].

Круг привлеченных к театральному действу широк: на представлении присутствуют деревенские баре, чиновники, мещане, купцы — весь город. Отсюда эстетическая градация потенциальных зрителей; на низшей ступени оказывается пьеса Гоголя: «Мы ее дадим для райка...публика будет всех сортов...» [2,156]. Также приверженцу «высокого искусства» Рагузову свойственен аристократически-брезгливый тон: ««...Боюсь еще, как публика поймет. Кто у нас будет публика?»» [2,144].

Первоначально опасения относительно провинциальной публики сбываются. Некоторые явились выпивши, «в задних рядах

дворянского круга» назревает скандал: «Соседка Аполлоса Михайловича получила от него...билет на одну свою особу; но...приехала с...дочерьми и ...внучатами... На занятые этою семьею кресла приехали лица, имеющие на них законные билеты. Произошел шум...» [2,199]. Особое любопытство проявляют купцы, рассматривая «занавес, испещренный амурчиками.

– Что это, Дмитрий Андреич, на ситце-то за зверьки? — спросила одна купчиха у мужа [2,199].

Другой зритель излагает свои эстетические впечатления от столичного спектакля. «Привел... меня Бог нынешней зимой в Москве видеть настоящий театр. Махина... необразимая: вся наша... площадь уставится в него. Одного лампового масла выходит на триста рублев в день. А дров...отпускается на несколько тысяч, — говорил толстый купец сидевшему с ним рядом, тоже купцу» [2,199].

Комик решительно отклонил честь играть в «Виконте и гризетке», отговариваясь тем, что не умеет декламировать «белых стихов». Ему не удалось исключить себя из сборной группы «разбойников», но, даже находясь в толпе второстепенных персонажей, он сумел в полной мере проявить свой комический талант. Бессловесный комик мимикой «выражал другого рода чувства *(нежели романтический Рагузов — О.Т.):* робость, подлость и вместе с тем... кровожадность и был так смешон, что бывшие зрителями..., несмотря на серьезное содержание пиесы, хохотали» [2,184].

И в сокращенном изуродованном виде создание Гоголя снискало восторг зрителей, причем не одного «райка»: «Задние ряды кресел хлопали ему на каждом слове». Немалую заслугу в постижении гоголевского новаторства принадлежит игре Рымова. Не будучи сам автором, как Дилетаев или Рагузов, он в полной мере явил талант со-творчества, который и требуется настоящему Артисту. Писемский это подчеркивает диалогом непредвзятых зрителей: «... Один офицер отнесся к своему соседу-помещику:

– Лучше бы этих старых дураков совсем не пускали на сцену. А заставить бы играть одного этого...

– Да, должно быть, опытный малый — настоящий актер, — отвечал тот. — Посмотрите... какое у него лицо смешное, а ведь нельзя сказать, чтобы фарсил.

– Совершенно не фарсит [2,202].

Напротив, остальные актеры в духе масленичного балагана, утрируют, «фарсят». Их, таких аристократов по взглядам, при общении с публикой обуял псевдодемократизм: Дилетаев «желал, конечно, подделаться к тону простолюдинов» и с этой целью «зачесал себе... волосы наперед», «вымарал все лицо в саже» [2,201]. Рагузов, исполнявший роль Кочкарева, «... тоже подобно лакею, старался играть: горячился, бегал, тормошил Подколесина, но не был смешон» [2,202]. Зрителям понадобилось немного времени, чтобы отличить

высокое искусство от заигрывания: Дилетаеву и Рагузову «... конечно, тоже засмеялись, но и перестали и все больше смотрели на Рымова». В финале «раздались крики: «Рымов!»<...>Публика хлопала, но других никого не вызывала» [2,203].

Рассказ заключает эпизод, с подаренной комику благодарными жителями вазой (в которую предварительно вложена некая сумма). Рымов смущен и даже потрясен признанием его таланта: «Сначала он покраснел, потом побледнел; руки, ноги и даже губы его дрожали, по щекам текли слезы» [2,206]. Но когда он понял, что подарок не отменяет высокомерие гостей Дилетаева, в особенности трагика («Вероятно, ему самому хотелось вазы»), робкий Комик взрывается негодованием: «Ох вы богачи! Что вы мне милостинку, что ли подали?<...>Меня Михайло Семеныч хвалил, меня сам гений хвалил, понимаете ли вы это?» [2,210]. Выпитое им вино, становится только катализатором скрытого конфликта: «Актеры!..Театр...Комедии пишут, драмы сочиняют, а ни уха ни рыла никто не разумеют» [2,209].

В самом деле, после неудачного для них спектакля и «трагик», и «антрепренер» очень быстро отошли от театральных интересов. Полный скрытой иронии тон незаметно меняется на элегический, когда автору приходится рассказать, как печально завершилась стезя Рымова: «А комик мой... Бог знает, что и сказать о нем...» [2,212]. В первой редакции сумасшествие Рымова прямо связывалось с нервным потрясением от спектакля: «Комик помешался на довольно странном пункте: он все рисовал подаренную...вазу и писал комедии в стихах, в которых действующими лицами были виконты и маркизы» [2,554]. Впоследствии Писемский исключил эпизод с сумасшедшим бредом Комика. Скандал на дилетаевском представлении оказался не последним горьким разочарованием. «Выгнанный...из службы, он *(Рымов — О.Т)*...был опять некоторое время на провинциальном театре, потом служил у станового пристава...» [2,212] — т.е. прошел еще раз тот же горький путь. В окончательном варианте трагедия на дилетаевском спектакле оказалась срединной, наиболее типической в потоке жизни настоящего Артиста, неуклонно стремящемуся именно к такой развязке.

Спустя годы Писемский вновь делает центральным героем человека творческого — писателя, общественного деятеля и политического ссыльного Павла Вихрова. Многие сюжетные линии романа развивают намеченное писателем в малой форме. Так, замечание Дилетаева о том, что он удостоился чести видеть и слышать известного П.А. Катенина разворачивается в ряд автобиографических сцен с Вихровым. Юный Павел Вихров встречается с Катениным (Коптиным), слушает его декламацию и тоже спорит о достоинствах гоголевских комедий (гл. «Александр Иванович Коптин», «Снова Александр Иванович Коптин»). Роман продолжает и тупиковую линию сюжета «Комика», связанную с возможной постановкой шекспировского «Гамлета».

Когда романный герой попадает в ссылку за повести «в защиту бедных женщин» и «в защиту бедных наших мужиков», провинция неожиданно для него дает шанс воплотить дотоле несбыточные творческие планы. В губернском городке одним из первых «служебных» поручений Вихрова становится устройство домашнего спектакля для развлечения «дамы сердца губернаторского» madame Пиколовой. Через отношение к ней, «очаровательнице», губернатора, мужа и всего губернского «света», дается в романе жизнь уже предреформенной провинции.

Таким образом, этот спектакль характеризует правящую верхушку губернского города; камерность представления определяется участием в нем немногих приближенных.

Madame выбирает «Гамлета» «не потому, чтобы прочла», но от Вихрова она впервые узнала о Шекспире, быстро сообразила, что «будет очень хороша — в венчальном вуале, с белыми цветами на голове и с распущенными волосами». «Таким образом, судьба Гамлета была решена; его положено было играть во что бы то ни стало» [5,197]. Никто не решается возражать «грозному» начальнику губернии, который «в прошлом году одного предводителя дворянства, что до самого представления не выучивал своей роли, распек при целом обществе и, сверх того, к очередной награде не представил» [5,199].Однако оценка подобного начальственного произвола Писемским в целом положительна; «грозная» начальственная рука кажется ему необходимой для сдерживания эгоистичной актерской вольницы. Суровый администратор в качестве постановщика оказывается гораздо более ценным для театра «антрепренером», чем Дилетаев. И только его поддержка помогает непрактичному, как Комик, Вихрову, довести постановку до конца. Отметим также, что в этом романе предыдущий шекспировский спектакль, задуманный просвещенными студентами Московского университета, сорвался именно из-за борьбы творческих самолюбий, а сильной руки не оказалось (гл. «Еще старый знакомый», «Опять ревность»).

Вечные шекспировские образы своеобразно накладываются на персонажей русской провинции и какие-то вполне серьезные скрытые потенции в них, таким образом, обнажаются. Писатель прибегает к излюбленному своему приему — регистрации слухов и сплетен, порождаемых выдающимся в масштабе губернии событием: «Насмешники говорили, что, так как Клавдий — злодей и узурпатор, то всего бы лучше, по своим душевным свойствам, играть эту роль самому губернатору. Полония madame Пиколова отдала мужу, жирному белобрысому лимфатику, и когда в публике узнали, что Полоний был великий подлец, то совершенно одобрили такой выбор» [5,198].

Спектакль подает губернатору Мохову повод к первым в его жизни «художественным» наслаждениям: «Что привело его в неописанный восторг, это — когда Пиколова явилась в костюме сума-

сшедшей Офелии. Она, злодейка, прежде и не показалась ему в этом наряде, как он ни просил ее об этом...Начальник губернии... заржал даже от волнения: такое впечатление произвела она на него своею поэтическою наружностию и по преимуществу... тем, что платье ее обгибалось около всех почти форм ее тела» [5,203]. Кульминационный момент спектакля обнажает тот эффект, ради которого, собственно, и был задуман: «Вдруг мадам Пиколова, в своем эфирном костюме <...>, запела:

В белых перьях
Статный воин,
Первый Дании боец!

«У начальника губернии, как нарочно, на коленях лежала шляпа с белым султаном...», — поясняет повествователь [5,203-204].

Так пушло преломилась в сознании любовной четы печальная история принца Гамлета: Мохов — принц Датский! Однако в представлении читателей происходит усложнение литературной игры. Ведь сумасшедшая Офелия вспоминала о внезапно погибшем отце, убитом рукою Гамлета! С приходом александровских реформ именно усилия Вихрова-Гамлета и его друзей приведут к позорной отставке губернатора и его кончине. Наивная чета, таким образом, не разгадала обращенное к ней пророчество! Таково убеждение Писемского во вневременности Шекспира, повторяемости на мировом театре его героев и сюжетов.

Иван Алексеевич, в свою очередь, как Дилетаев своей Матрене Матвеевне, стремится доставить подруге ответное наслаждение. Но, понятно, в более крупных масштабах: «Когда занавес опустили, он как-то судорожно подмахнул к себе рукою полицмейстера,<...> тот сейчас же выбежал, сейчас поскакал куда-то, и <...> в буфетной кухне театра появились повара губернатора и начали стряпать» [5,204] — вечер завершился, как и в «Комике», банкетом.

Коллективный портрет провинциального общества у писателя многоаспектен, и изображение подчинено нескольким художественным целям. С одной стороны, высокое искусство обнажает косность, отсталость, забвение духовных интересов провинции, посреди которой творческий человек кажется заезжим иностранцем — если не фактически, так в сфере интересов. В этом отношении особое место принадлежит купечеству — наименее просвещенное, это сословие отличается благородным любопытством и неиспорченностью вкуса. На малом пространстве провинции яснее видятся основные литературные и общественные конфликты времени. Кроме того, классические пьесы, «игранные» в его произведениях, потому и являются классическими, что изображают вечные конфликты и характеры, в том числе воплощенные теперь в уездных и губернских городках, — это блестяще показывает своими образами Писемский.

Н.Н. Закирова-Гущина
Глазовский государственный педагогический институт

О ПРОВИНЦИАЛИЗМЕ В.Г. КОРОЛЕНКО

Многие из нас... все-таки ищут также страстно своего «града взыскуемого». И даже порой слышат призывные звоны. И очнувшись, видят себя опять в глухом лесу...
В. Короленко

История Глазова по-своему уникальна. Занимая периферийное по отношению к центру положение, он находится «во глубине России» и по богатству связанных с ним знаменитых людей может быть по праву назван одним из культурных центров Урало-Поволжского региона, отражающих дух истории страны в целом. Особое место занимает в судьбе города на Чепце личность В.Г. Короленко: писатель-исследователь создал «портрет» Глазова конца 1870-х годов и во многом определил пути его дальнейшего развития. Короленко не пришлось искать этот город: Глазов сам нашел писателя, а глазовские впечатления не покидали его на протяжении всей творческой биографии.

В пору зенита деятельности народников Короленко-лаврист с младшим братом Илларионом твердо решил «идти в народ». «Если представится случай ареста, то участвует только один, а другой остается в «семейном резерве»[1], — вспоминал Короленко о сложностях в осуществлении этого намерения.

Никакого резерва сохранить не удалось, «семейное гнездо» Короленко было разрушено: все мужчины были арестованы, семья лишилась всех работников, о которых петербургский градоначальник Зуров отзывался как о лицах «безусловно вредных и опасных для общественного порядка и спокойствия» и ходатайствовал перед генерал-губернатором о том, чтобы разрешить их «выслать из столицы в местности»[2].

Такой местностью для братьев Короленко была определена Вятская губерния. В 1863 году, в соответствии с указом Александра II, Вятская губерния наряду с другими глухими российскими губерниями была назначена местом массовой политической ссылки, и среди других тринадцати Вятских уездов Глазовский был одним из главных мест изгнания.

Братья Короленко были высланы в Глазов «в виду знакомства с лицами, принадлежащими к социально-революционной партии и

[1] Короленко В.Г. История моего современника. — М., 1965. — С. 441.
[2] ЛГИА. — Ф. 2073. — Оп. 2. — Д. 54. — Л. 5-6.

указаний на участие в печатании и распространении революционных изданий вольной типографии»[1].

Еще 31 мая 1879 года в письме к В.Н. Григорьеву Короленко восклицал: «Хочется, наконец, попасть на место, в уездный какой-нибудь городишко, лицом к лицу с действительностью, не столь уж приветливой, быть может, но зато трезвой, истинной...»[2].

В Глазов ссыльные были привезены 3 июня 1879 года. В письме к родным на следующий день после прибытия Короленко сообщал, что «представление о Глазовском уезде смутнее, чем о других местах по пути...»[3]. А в очерке о Глазове сообщал: «Недели две назад название этого города было лишь отвлеченным географическим термином... Кружок на карте на одном из притоков Вятки»[4].

«А вот и Глазов. Город уездный <...> Как рады были мы, что наконец добрались до этого Глазова, что наконец стали лицом к лицу с городом, в котором придется скоротать немало...»[5], — сообщал Короленко в первом письме с места ссылки. Подобные радужные ожидания объясняются тем, что с середины 1870-х годов в центральной периодике велась активная дискуссия по вопросам о соотношении столицы и провинции, по проблеме областничества. Студент Короленко, который, по его собственному признанию, целые дни проводил в публичной библиотеке, где он «впервые втянулся в постоянное ожидание новой журнальной книги» и, кроме того, сам сотрудничавший в периодических изданиях, был осведомлен об этой полемике[6].

Провинция представлялась части литераторов как промежуточная ступень между деревней и городом, стоящая ближе, чем столицы, к истокам народной жизни (это была своеобразная замена, «хождения в народ», его вариант).

Антагонизм между сторонниками областничества и централистами наиболее отчетливо проявился в статьях Д.Л. Мордовцева «Печать в провинции» и «Наши окраины. Безлюдье севера». Мордовцев, например, выражал явное недоверие в то, «что окраины без Прометеева огня центров, без знания, капиталов, науки, без их таланта и гениальности выбьются, наконец, из своего ничтожества»[7]. Урбанист Достоевский, описывая Петербург, называл его «городом срама», потому что он был «не для людей» и именовал столицу «гнилым, слизким городом»[8]. При этом, присоединившись к сторонникам централизма, о будущем Москвы он писал как о «третьем

---

[1] Документы о вятской ссылке В.Г. Короленко // Каторга и ссылка. — 1933. — № 1. — С. 61.

[2] Короленко В.Г. Письма из тюрем и ссылок. — Горький, 1935. — С. 19.

[3] Там же. — С. 21.

[4] Короленко В.Г. Ненастоящий город. Избранные страницы. — Глазов, 2005. — С. 31.

[5] Короленко В.Г. Письма из тюрем и ссылок. — Горький, 1935. — С. 22.

[6] Короленко В.Г. История моего современника. — М., 1965. — С. 910.

[7] Цит. по: Бялый Г.А. В.Г. Короленко. — Л., 1983. — С. 97.

[8] Селезнев Ю.И. В мире Достоевского. — М., 1980. — С. 329.

Риме» и считал, что Петербург теперь с Москвою заодно. «Да признаюсь, — объяснял писатель, — я и под Москвой-то подразумеваю, говоря теперь, не столько город, сколько некую аллегорию, так что никакой Казани и Астрахани обижаться почти совсем не за что»[1].

В атмосфере этих социально-этических и эстетических споров созревал «провинциализм» Короленко. Если сопоставить по количеству времени, сколько из отведенных ему судьбой лет Короленко провел в столицах и в зарубежных странах, а, сколько прожил в провинции, то станет ясно, что этот «провинциализм» во многом обусловлен биографией писателя.

Родился и первые годы жизни Короленко провел в Житомире, последние его годы связаны с Полтавой, а между ними были маленькие города Ровно, Кронштадт, Глазов, побольше — Нижний Новгород[2], глухие селения в далекой Сибири, в Якутии и Березовские Починки — «лесная глушь» Вятской губернии...

Вопрос о статусе различных провинциальных городов осмысливался Короленко не только в публицистике и письмах, но и в ряде художественных произведений («В пустынных местах», «Божий городок», «В дурном обществе», «Павловские очерки» и др.). А впервые и наиболее остро, в контексте ведущейся тогда полемики между централистами и сторонниками областничества, эта проблема встала перед писателем именно в Глазове и самое основательное ее решение представлено в наследии Короленко на глазовском материале.

Не разделяя оценки судеб провинции Мордовцева, Короленко в рукописи очерка «Ненастоящий город» (1879) делает «маленькое предположение» о том, «что было бы, если бы какая-либо сила, все равно какая, — уничтожила бы вдруг описанный город, предоставив всем «путавшимся» в нем «ненастоящим» разбрестись, кто куда захочет... Да ничего бы не произошло особенного... деревня всосала бы город без остатка не без пользы для «ненастоящих» (которые могли бы превратиться в ней в настоящих <...> и с ближайшей для себя пользою)»[3].

Итак, здесь В.Короленко отмечает, что будущее «ненастоящего города» заключается в его «праведной кончине»: в его слиянии с деревней. В этом прогнозе велика доля влияния «безусловно лучшего из наших народников-беллетристов», автора «Нравов Растеряевой улицы». Сам Короленко свидетельствовал: «Написал очерк «Ненастоящий город», в котором, сильно подражая Успенскому, описывал Глазов»[4].

---

[1] Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. — М., 1981. — Т. 26. — С. 6.

[2] Десять лет в провинции (Ижевск, 1966) — таково название книги С.В. Короленко о жизни отца нижегородского периода.

[3] Отдел рукописей РГБ. — Ф. 135. — Оп. 11. — Ед. хр. 607. — Л. 46.

[4] Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 т. — М., 1954. — Т. 7. — С. 159.

«Когда-то, до своей ссылки в Вятскую губернию, я мечтал вместе с братом и Григорьевым, что мы все перейдем на физический труд, чтобы жить общей жизнью с народом. Теперь, — после того, что я видел в Глазове, и особенно в Починках, — цельность этого настроения сильно нарушилась... Я уже видел и пережил много такого, что сильно подточило мои недавние наивно-народнические настроения»[1], — признавался Короленко, связывая эволюцию своих взглядов именно с нашими краями.

Как это не парадоксально, провинциальный городок за короткий срок пребывания в нем не только радикально повлиял на мировоззрение Короленко, но по существу «не отпускал» его и в жизненном, и в творческом плане в дальнейшем.

Заметки в записных книжках, «летопись» городской жизни в многочисленных письмах к родным и знакомым, непременные упоминания в автобиографиях, собственное обращение к вятскому губернатору с жалобами на глазовского исправника и министру внутренних дел на вятскую администрацию, оформление «жалобных писем» к начальству глазовчан и неграмотных крестьян, ответ на буренинскую критику об «Эпизодах из жизни «искателя», наброски, очерки «Собор с зароком», «Ненастоящий город», повесть «Глушь» и, наконец, автобиографический роман «История моего современника» — таков состав глазовского цикла текстов в наследии Короленко[2].

Уже покинув Глазов, он продолжал быть с ним связан, поскольку в городе оставался его брат Илларион, он получал книги из глазовской библиотеки, общался и переписывался со ссыльной Э.Л. Улановской — прототипом революционерки Морозовой («Чудная»), два месяца проведшей в глазовской тюрьме. О знакомстве с нашими краями В.Г. Короленко напомнили А.Н. Баранов и О.М. Жирнов, привлекшие в 1890-е годы писателя и правозащитника к участию в Мултанском деле. И потому обращение к глазовскому бытию происходит не только «по горячим следам событий» (в 1879-1880 гг.), но продолжается и в конце XIX и в первые десятилетия XX века.

Хотя пребывание писателя в городе длилось неполных пять месяцев (с 3 июня по 25 октября 1879 г.), «глазовский сюжет» в его творчестве выписан детально и обстоятельно, представлен в самых различных жанровых и стилевых ипостасях: от записок до романа, от «эпизодов» до «истории», и в бытописательской и в беллетристической манерах, от конкретных фактов до философских обобщений...

Глазовское бытие волнует мысль, питает творческую фантазию писателя и «циркулирует» от текста к тексту. Вот, например, каков путь одного из фактов, наблюдавшихся ссыльным Короленко.

---

[1] Короленко В.Г. История моего современника. — М., 1965. — С. 520-521.

[2] Закирова Н.Н. «Глазовский цикл» В.Г. Короленко: парадоксы и закономерности (исследовательская альтернатива) // Седьмые Короленковские чтения: материалы Международной научно-практической конференции. — Глазов. 2006. — С. 9-13.

В октябре 1879 года в письме к родным он подробнейшим образом «с натуры» и «в лицах» воспроизводит необычное происшествие: падение недостроенного храма. По содержанию и по стилю строки этого письма соотносятся с очерком «Собор с зароком». Поразительные совпадения свидетельствуют не только о том, что письмо и очерк были написаны в одно время, но и о документальной точности воспроизведения конкретного события, и о проявлении элементов художественности начинающего писателя (пейзажные зарисовки, живые интонации в диалогах). Происшествие с глазовским собором упоминается и в очерке «Ненастоящий город», а в «Глуши» оно является событием, с которого начинается повествование и завершается повесть.

В ней в более развернутом виде рассказывается о том, что строительство храма «потомству на удивление, себе же в вечную память» было затеяно уроженцем города и его почетным гражданином Подковыркиным. Но после его смерти наследники завершали это предприятие «со всевозможным тщанием об экономии в расходах». Уже в начале возведения храма в Пустолесье жило сомнение в удаче его завершения: церковь возводилась на месте захоронения священников, без зарока, да еще архитектором-немцем. Однако поначалу все шло удачно. Энергичный и деловой Кранцшпигель бойко руководил строительством, работа кипела, «Пустолесье жило настоящей минутой». Но вот архитектор уехал, умер учитель Иванов, и через полторы недели после освещения храма наступила катастрофа. Развалины здания сравниваются автором с только что остывшим трупом, а само Пустолесье похоже на город, разгромленный неприятелем.

Впрочем, это «ЧП уездного масштаба» — не единственное в череде глазовских впечатлений Короленко. В его памяти и произведениях запечатлен целый калейдоскоп картин, лиц и событий лета и осени 1879 г. Архитектурный облик и окружающая природа, градостроительство Глазова, социальный и национальный состав, экономика, торговля, местные традиции, нравы, обычаи, верования населения, даже зарождение в городе рекламы. Глазовский материал позволил писателю поставить целый ряд проблем социально-политического и нравственного плана не только местного значения: проблемы отцов и детей, веры и суеверий, национальных отношений, значения для прогрессивного развития региона промышленности, железнодорожного транспорта, просвещения и культуры. А мысли-предостережения об алкоголизации и криминализации общества, «женский вопрос», и проблемы воспитания и образования, соотношение центра и регионов продолжают оставаться актуальными сегодня не только для глазовчан.

Автор от конкретных частных наблюдений за каждодневными будничными явлениями глазовской жизни переходит к обобщениям, имеющим непреходящее общечеловеческое значение. Глубоко-

го философского смысла полны размышления Короленко и его героев о счастье, о ложном и подлинном, о смысле жизни и предназначении человека, о совести и долге, о соотношении общественного и частного, о формировании личности, о «гордыне» и «смиренномудрии»... «Какой же путь лучше, какое мировоззрение надежнее?.. Можно ли затрудняться с ответом? Спокойствие — лучше смятения и страдания!.. — спрашивает, отвечает, а затем опровергает ответ учитель из «Глуши». — Но всегда были и всегда — да, всегда — будут гордые безумцы, которые предпочитают спотыкаться страдая и падать в изнеможении на трудном пути, чем смиренно и с улыбкой спокойствия идти рядом с другими по хорошо протаренной дороге»[1].

«Во мне вечная оппозиция» — это короленковское самопризнание имеет отношение и к специфическому проявлению его «процинциализма».

Раздумывал о Глазове: «Как, в самом деле, он возник и почему существует», называя его городом, «недоумевающим над загадкой собственного существования», Короленко нашел для него следующие обозначения: город N, уездный город Вятской губернии, типичный городок северо-востока, «город» (в ковычках), город — селение, город — амфибия, «лишний город», «город», который «не вполне отделился от деревни», «заштатный» город, маленький городишко, городишко плохенький, серый городишко, уголок. Из художественных топонимов писатель подобрал Пустолесье (отсюда «пустолесская трясина»). Но наиболее частотным и многократно обыгранным, в том числе и по отношению к определению статуса Глазова, у Короленко стал эпитет «ненастоящий».

В повести «Глушь» есть любопытное лингвистическое замечание Короленко: «Бывают такие многознаменательные слова! Стоит сказать такое слово, и сразу же в уме подымается не отдельное понятие, не один образ, а целый строй, целая система понятий; вереницы образов встанут разом, потянутся один за другим»[2].

Подобной богатейшей палитрой значений и стилистических оттенков наделен короленковский эпитет «настоящий (ненастоящий)» на глазовских страницах его наследия и, естественно, прежде всего, в очерке «Ненастоящий город», где он встречается до 40 раз!..

Он имеет три редакции: черновую рукопись (1879), журнальную публикацию (1880) и текст, подготовительный автором для Полного собрания сочинений в 1914 году. Последняя редакция в идейном ракурсе отличается от уже рассмотренной ранней редакции. Так, вместо участи города вернуться к деревенскому началу, в зрелые годы Короленко предрекает прямо противоположный вариант — «злую

[1] Короленко В.Г. Глушь. — Настоящее издание. — С. 92.
[2] Там же. — С. 89.

долю» — капиталистический путь развития города (развитие экономики, промышленности, транспорта, культурное возрождение).

В остальном это произведение со стабильным заголовком досконально воспроизводит впечатления от глазовской ссылки, скорректированные памятью и с учетом нового взгляда на жизнь. Архивные материалы позволяют убедиться в документальной природе очерка, в стремлении автора, отдаляясь во времени от описываемого момента, «максимально приблизить описание в очерке к действительности, поэтому «реально-бытовая основа шире в книжном варианте», чем в рукописи и журнальной публикации.

Главный герой очерка — город, в котором, как методично внушают повествователю сами жители, словно бравируя этим, все ненастоящее: купцы, давальцы, сапожники, покупатели, заказчики, торговцы, ремесло. Ирония и самообличение, присущие коренным жителям городка, постепенно убеждают автора, что и сам город «ненастоящий».

На слуховом уровне «вековая тишина», на визуальном — преобладание деревянных построек, грязи, «деревенские виды». В экономическом, культурном, социальном отношении он далек от столицы, но по сравнению с другими провинциальными российскими городами не представлял особого исключения, ведь и сам Короленко называет его «типичным городком северо-востока».

Описание города, его жителей соответствует действительности того времени: «Два-три каменных здания, остальное все деревянное. В центре полукруглая площадь, лавки, навесы, старенькая церковка, очевидно пришедшая в негодность, и рядом огромное недостроенное здание нового храма, окруженное деревянными лесами. Он поднялся в центре города, подавляя его своей величиной, но не дорос до конца и остановился». К городу примыкает слободка, в которой поселился сам В.Г. Короленко. Население слободки — преимущественно трудовой народ, почти все ремесленные силы» которого «устремляются роковым образом к сапогу». Автор подчеркивает, что во всем городе было только два слесаря и один столяр, которые чувствовали себя хозяевами положения. В очерке есть данные о национальном составе населения: в городе, помимо русских, живут вотяки. Эти сведения, взятые из содержания очерка, подтверждаются архивными данными. В 1879 году в Глазове было 15 каменных зданий (что составляло лишь 6 % от всего количества домов) и 264 деревянных; значилось 45 «чеботных» (сапожников) и только 2 слесаря и 1 столяр; основное население города составляли вотяки (37 %) и русские (56 %). Подтверждается и то, что Глазов состоял из слободки и собственно города.

Выразительно уже само описание местности, оно как бы вводит читателя в атмосферу жизни российской провинции. «Как тихо! — вот первое впечатление от этого города. Невольно вспоминалось некрасовское: «В столицах шум, гремят витии. Кипит словесная война...». А здесь стояла действительно тишина ... непробудная, ве-

ковая, стихийная... Ветер качал жидкие березки на берегу быстрой речки, которая крутой излучиной врезалась в обширную площадь, к самому центру города. И тут же за речкой на другом берегу гнулись и тихо волновались под ветром созревающие хлеба...»[1]. В этой картине обращает на себя внимание и подбор эпитетов, характеризующих тишину, и антитетичность сопоставления тишины в провинции с сутолокой и шумом столицы.

В городе, и особенно в слободке, распространено пьянство, писатель рисует такие неприглядные картины, как драки, воровство, в которых принимают участия даже дети, воспринимая их как увеселение, своеобразную игру.

Через все главы произведения «ненастоящее» проходит лейтмотивом, а эпитет «ненастоящий» в очерке наделен богатым спектром значений.

М.И. Буня, полемизируя с писателем, документально доказывает, что Глазов той поры вполне соответствовал статусу города, где были гимназии, библиотеки, больницы, своя интеллигенция, «оппозиция»[2], а А.Г. Татаринцев склонен объяснить употребление его применительно не ко всему городу в целом, а только к части его территории, где обитал сам писатель, — к слободке[3].

Заметим, что Вятский край, как «популярное» место ссылки в русской литературе устойчиво изображался не просто непоэтически, а с подчеркнутым сарказмом, ибо из-за отсутствия культурно-психологической дистанции все в нем воспринималось как знакомое, но гипертрофированное в своем безобразии (яркий пример тому «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина).

Следуя этой традиции, Короленко гиперболизирует многие теневые стороны жизни Глазова в угоду навязчивой идейной установке показать ее несовершенство, примитивность, неразвитость, заброшенность и убогость. (Как разительно, кстати, отличается сам эмоциональный тон в описании провинции от стахеевского теплого любования родными местами!) Да и можно это понять: не в оазис же благоденствия ссылали политически неблагонадежных, не в рекламных же целях был замыслен очерк ссыльного студента.

И при этом Короленко удержался от действительно «обидных» художественных топонимов типа город «Глупов» или «Растеряева» улица. И, как заметил современный местный сатирик в «Думе о Глазове»: «А он [Короленко] нас, простите, ... эпитетом»[4].

Отбиваясь от ранящего душу слова «ненастоящий», мы сегодня «понимаем» его, как «прошлый», «старый», «несовременный».

---

[1] Короленко В.Г. Ненастоящий город. Избранные страницы. — Глазов, 2005. — С. 32.
[2] Буня М.И. В.Г. Короленко в Удмуртии. — Ижевск, 1982.
[3] Татаринцев А.Г. Места жительства и знакомства В.Г. Короленко в Глазове // Глазов в жизни и творчестве В.Г. Короленко. — Глазов, 2003. — С. 22, 53.
[4] Максимов В.Н. Смеется тот, кто смеется. — Глазов, 2001. — С. 90.

Но ведь и для Короленко в 1914 году Глазов образца 1879 года был «ненастоящим», а и там, и тогда, век с четвертью назад, в неуютном и чужом месте полный сил, энергии, юношеского скептицизма, начинающий жизнь и столкнувшийся с первым серьезным испытанием, молодой человек нашел добрые слова и лестные характеристики для Глазова. Они фигурируют в письмах и отчасти могут быть объяснены желанием успокоить родных, приукрасить свое житие в «богоспасаемом граде Глазове». А в самом очерке?..

Именно в «ненастоящем городе» народник Короленко получил возможность наведения «культурных мостов» к настоящему, не книжному мужику и осуществить процесс «познания друг друга». И не разочаровался. В стремлении жителей «нашего города» в «прочии места», где все настоящее: в «настоящем артисте» Несторе Семеновиче, в естественности и натуральности, в органике жизни без дублей и позирования, когда, например, летом муж бабки Ваварки «в настоящем виде». А вечером — его взору открывалась «луна, золотившая пятна луж», что придавало «живописный вид улице». И Фекла Ивановна, которая «ждала чего-то настоящего. Да так и не дождалась».

«Я твердо знал, что не найду здесь своего счастья», — такова была установка повествователя, только приехавшего в город N, а покидая его, он испытывает «жуткую радость». Этот оксюморон, не случаен. В последней главе очерка красноречиво соседствуют взаимоисключающие: «ненастоящий, не настоящий...». Мне пришло в голову это слово» и пожелание городу «настоящей» доли, не этого прозябания.

«Беглые наблюдения и заметки», как определил «ненастоящий город» сам автор, выросли в символ, в аллегорию понятия «провинция». А Короленко, сам того не подозревая, так аттестовал Глазов, так его стимулировал, что вся последующая судьба города по существу развивалась под знаком преодоления короленковского штампа «ненастоящий». Жители Глазова, словно сверяли шаги истории города со взглядом писателя. Соотнося «ненастоящий» и «настоящий» Глазов, поражаешься парадоксам.

В короленковском представлении Глазов был сопоставим с деревней. Сегодня «работает антитеза»: центр-регион. А в истории Глазова были периоды, когда он был то «закрытым», «секретным» (ненастоящим) а то и не просто городом, а даже столицей республики. Он и сегодня неофициально именуется «северной столицей Удмуртии», выполняя роль ее крупнейшего промышленно-экономического центра, кузницы руководящих кадров, творческих деятелей и богатых культурно-просветительских традиций. Жителями крупных мегаполисов Глазов по-прежнему воспринимается как «ненастоящий город». Такая «ненастоящность» для глазовчан не обидна: чистый снег, зелень, ухоженные улицы и островки несовременных купеческих застроек, спокойно играющие во дворах дети, размеренная жизнь, люди, которые по-прежнему прочно связаны с зем-

лей, но живут не только материальными, а и духовными ценностями и любят, и берегут свой город, дорожат памятью и связью с ним, куда бы их не забросила судьба.

«Жизнь — всюду. Есть жизнь и в столицах — кипучая и интересная. Но тут есть черта существенного отличия: то, что в столице является по большей части идеей, формулировкой, отвлеченностью, здесь мы видим в лицах, осязаем, чувствуем, воспринимаем на себе. Поэтому поневоле то самое, что в столице является борьбой идей — здесь принимает форму реальной борьбы лиц и явлений», — так определил в 1896 году В.Г. Короленко специфику провинциальной жизни. Тогда же он развил мысль об обратном влиянии провинции на столицы: «Идеи, зарождающиеся в столицах, проникают в провинцию, откладываются здесь, накапливаются, растут и часто, затем питают самые центры этой живой, сохранившейся силой тогда, когда в столицах источники порой уже иссякли».

Насколько это мысль была близка писателю, свидетельствует и неоконченная статья «Несколько мыслей о «губернской драматургии» (1893). Мысль о благотворности воздействия провинции на столицы развивается в этой статье применительно к театральному искусству. Сам Короленко был не только писателем общероссийского значения, но и выдающимся провинциальным публицистом.

Находясь в глазовской ссылке, Короленко одно время жил в доме купцов Бородиных, а в июле 1903 года М.П. Бородин обратился к нему от имени «Вятского книгоиздательского товарищества» с предложением издать в Вятке некоторые его рассказы. «Компания издателей здесь, — подчеркивает Бородин, — очень приличная и преследует только благие цели». Рассказы Короленко были опубликованы. Писатель высоко ценил деятельность «Товарищества», поддерживал связи с его сотрудниками, присылал в Вятку свои сочинения (ряд книг содержат дарственные надписи, например, «Михаилу Павловичу Бородину от старого товарища Вл. Короленко»).

Знаменательно, что последний дарственный автограф Короленко «Моей милой внучке Сонечке. На память о дедушке 5/18 VII 1921», был сделан на книге «Дети подземелья», изданной «Вятским товариществом» 97 лет тому назад. Кстати, эта самая Сонечка — Софья Константиновна Ляхович, в общении с автором настоящих строк приветствовала в 1991 году собравшихся в Глазове ученых на традиционные Короленковские чтения и поддерживала идею издания «глазовских страниц» Короленко.

Не идеализируя, сегодняшний Глазов, представляя пути и перспективы его дальнейшего совершенствования и развития, понимаешь, что у города на Чепце есть не только прошлое и настоящее, но и будущее. А наследие «провинциалиста» Короленко помогает нам вглядеться в себя через «верную перспективу», и осознать, и понять себя «настоящего», и все-таки найти «град взыскуемый»...

Л.В. Соловьева
Елабужский государственный педагогический университет

МАКСИМ ГОРЬКИЙ И ДМИТРИЙ СТАХЕЕВ: ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

На жизненные и творческие соответствия Максима Горького и Дмитрия Стахеева критика обратила внимание давно. Н. Валеев в одной из своих монографий воспроизводит цитату из статьи В. Русакова 1901 года «Две литературные карьеры: Максим Горький и Дмитрий Стахеев». О последнем Русаков пишет следующее: «В своих скитаниях по России, Сибири и Амуру Стахеев близко изучил купеческую среду, и поэтому его купеческие типы представляют громадный интерес и богатый материал для этнографии и психологии русского купечества»(1, с.423). Однако, по словам критика, «художественное видение Горького и Стахеева совершенно различно, и все же есть черта, которая роднит их, — неустанные поиски смысла жизни их героями. И тому, и другому, присущи мастерское изображение живых русских типов. Но только в то время как Горький почти исключительно изображает знакомый ему мир «пятого сословия», изображает босяков, былых людей, низшие слои мещан и те классы, которые приходят с ними в непосредственное соприкосновение, — Стахеев рисует портреты буквально из всех слоев русского общества» (1, с. 421-422).

Для 1901 года, то есть для раннего этапа творчества М. Горького, это утверждение было верно, но в последующие годы писатель расширил спектр изображения, и в поле его художественного зрения русское купечество окажется тоже. Уже в повести «Фома Гордеев» 1899 года заявлены и разные типы купцов, и особый вариант художественного конфликта, и интерес к «выламывающемуся» герою, который сохранится до конца творческой жизни.

Игнат Гордеев открывает галерею «железных людей» М. Горького. Первонакопители капитала, выходцы из «простых мужиков», обладая «неукротимой страстью к работе» сколотили капитал благодаря своему уму, хватке, силе воли. Купечество взяло на себя тяжелую ношу создания промышленности, что дало России возможность невероятно быстрого экономического развития. Игнат Гордеев служил когда-то водоливом на барже, но смог сколотить состояние и сам стал хозяином многих судов на Волге. Крепостным мужиком, внуком плотогона был Илья Артамонов («Дело Артамоновых, 1925), который по-хозяйски входит в сонный город Дрёмов. Он уверен в своей силе, в своём уме, в своей способности по-новому поставить всё дело на земле. Своим сыновьям Артамонов объяс-

няет, что «подневольную работу» нужно заменить «свободной работой»: «Вот — воля нам дана царём-государем. Это надо понять: в каком расчёте воля? Без расчёта и овцу из хлева не выпустишь, а тут — весь народ, тысячи тысяч выпущены. Это значит: понял государь — с господ не много возьмёшь, они сами всё проживают. Георгий, князь, ещё до воли, сам догадался, говорил мне: подневольная работа — невыгодна. Вот и оказано нам доверие для свободной работы... Теперь всяк должен показать себя, к чему годен. Дворянству — конец подписан, теперь вы сами дворяне, — слышите?» (2, с. 10).

Он, начиная своё «дело», работает с таким задором, что зажигает трудовым энтузиазмом и окружающую массу. Ловкость и предприимчивость сочетаются у него с удивительной смекалкой, удачливостью. «Дело» быстро развивается, «обрастает людьми» (2, с. 42). Бывший крепостной становится первым фабрикантом по уезду. Артамонов словно состязается со своей работой, каждый раз выходя из состязания победителем. И с гордостью говорит: «Большое украшение хозяйства земли должно изойти от нас, Артамоновых!» (2, с. 34).

Даже внешнее сходство героев говорит об устойчивых типологических связях Игната Фомина и Ильи Артамонова. Вот портрет Ильи: «Мужчина могучий, с большою, колечками бородой, сильно тронутый проседью, в плотной шапке черноватых, по-цыгански курчавых волос, носище круглый, из-под бугристых, густых бровей дерзко смотрят серые, с голубинкой глаза...» (2, с. 3). Описание Игната Фомина Горький начинает с характеристики его внутренних качеств. «Сильный, красивый и не глупый, он был одним из тех людей, которым всегда и во всём сопутствует удача — не потому, что они талантливы и трудолюбивы, а скорее потому, что, обладая огромным запасом энергии, они по пути к своим целям не умеют — даже не могут — задумываться над выбором средств и не знают другого закона, кроме своего желания. Иногда они со страхом говорят о своей совести, порою искренне мучаются в борьбе с ней, — но совесть непобедима лишь для слабых духом; сильные же, быстро овладевают ею, порабощают её своим целям. Они приносят ей в жертву несколько бессонных ночей; а если случится, что она одолеет их души, то они, побеждённые ею, никогда не бывают разбиты и так же сильно живут под её началом, как жили и без неё. На Волге его уважали как богатого и умного человека, но дали ему прозвище — Шалый, ибо жизнь его не текла ровно, по прямому руслу, как у других людей, ему подобных, а то и дело, мятежно вскипая, бросалась вон из колеи, в стороны от наживы, главной цели существования. Было как бы трое Гордеевых — в теле Игната жили три души. Одна из них, самая мощная, была только жадна, и когда Игнат подчинялся её велениям, — он был просто человек, охваченный неукротимой стра-

стью к работе. Эта страсть горела в нём дни и ночи, он всецело поглощался ею и, хватая всюду сотни и тысячи рублей, казалось, никогда не мог насытиться шелестом и звоном денег. Он метался по Волге вверх и вниз, укрепляя и разбрасывая сети, которыми ловил золото: скупал по деревням хлеб, возил его в Рыбинск на своих баржах; обманывал, иногда не замечал этого, иногда — замечал, торжествуя, открыто смеясь над обманутыми и, в безумии жажды денег, возвышался до поэзии. Но, отдавая так много силы в погоне за рублём, он не был жаден в узком смысле понятия и даже, иногда, обнаруживал искреннее равнодушие к своему имуществу» (3, с. 3).

Только после этого мы видим описание его внешности: «В то время ему было сорок три года: высокий, широкоплечий, он говорил густым басом, как протодьякон; большие глаза его смотрели из под тёмных бровей его смело и умно; в загорелом лице, обросшем густой чёрной бородой, и во всей его мощной фигуре было много русской, здоровой и грубой красоты; от его плавных движений и неторопливой походки веяло сознанием силы. Женщинам он нравился и не избегал их» (3, с. 7).

В Илье Артамонове автор особо отмечает смелость и ум, но это ум жадного и жестокого зверя. Вот что говорит Ерданская Ульяне Баймаковой о нём: «... я тебе, душа, прямо скажу: ты за этого человека держись... Ты гляди, как он удачлив, все дела у него шаром катятся, наши-то мужики злые слюни пускают от зависти к нему. Нет, душа, ты его не бойся, он не лисой живёт, а медведем» (2, с. 11). Когда же Баймакова напоминает Илье, что местные его не любят и завидуют, Артамонов, не пугаясь, говорит ей: «Ну, бояться станут... Ты, сватья, не беспокойся! Я людей обламывать умею, вокруг меня не долго попрыгаешь. Я обойдусь и без любви»... «Экой зверь», — с жуткой тревогой думает Ульяна» (2, с. 15).

Сходную позицию по отношению к подчиненным демонстрирует и Игнат. Он внушает сыну, что на рабочего надо смотреть как на раба: «... рассуждать — не его дело: рассуждать я могу, потому что я — хозяин», что вообще к людям надо относиться с недоверием «На людей — не надейся... Мы все для того живём, чтобы взять, а не дать» (3, с. 65).

Эту линию идейно-нравственного воспитания продолжают другие представители буржуазной среды. Ананий Щуров учит Фому: «Человек власти хочет... А что, кроме денег, власть даёт? (3, с. 105)» Яков Маякин, самый умный и самый опасный из всех наставников Фомы, преподаёт ему целую «науку философию» с помощью хитрой сети пословиц и поговорок. «Торговля — всё равно, что война, — учит Маякин юного Фому, — Тут, брат, подходя к человеку, держи в левой руке мёд, а в правой — нож» (3, с. 86).

Этот неоднозначный, даже внутренне противоречивый тип русского купца и промышленника, нового хозяина жизни, не исчезнет

и в позднем творчестве М. Горького. В драматургии 30-х годов он представлен образами Егора Булычова, Василия Достигаева, Вассы Железновой; в итоговом романе «Жизнь Клима Самгина» — Владимира Лютова, Антона Тагильского, Марины Зотовой и др.

И Горький, и Стахеев не идеализируют купцов. Их персонажи — люди **разные**, многие со своей «чудинкой». Есть и принципиальное различие, нами усматриваемое в степени религиозности героев, но это предмет отдельного разговора. Роднит же лучших героев Горького и Стахеева радость созидания, умение отдаваться делу со всей страстью души. Яков Маякин («Фома Гордеев») убедителен в своем монологе: «Мы дело любим!.. сто лет только прошло, государи мои, с той поры как император Пётр Великий на реку эту растивы пустил, а теперь по реке тысячи паровых судов ходят... Кто их строил? Русский мужик, совершенно неучёный человек! Все эти огромные пароходищи, баржи — чьи они? Наши! Кем удуманы? Нами! Тут всё — плод нашего ума, нашей русской сметки и великой любви к делу! Никто ни в чём не помогал нам!... Какой лучший город на Волге? В котором купца больше... Чьи лучшие дома в городе? Купеческие! Кто больше всех о бедном печётся? Купец! По грошику-копеечке собирает, сотни тысяч жертвует. Кто храмы воздвиг? Мы! Кто государству больше всех денег даёт? Купцы!.. Господа! Только нам дело дорого ради самого дела, ради любви нашей к устройству жизни, только мы и любим порядок и жизнь! А кто про нас говорит — тот говорит... — он смачно выговорил похабное слово, — и больше ничего! Пускай!.. Что они, судьи наши, сделали, чем жизнь украсили? Нам это неизвестно... А наше дело налицо!.. Господа! И ещё потому мы есть первые люди жизни и настоящие хозяева в своём отечестве, что мы — мужики!» (3, с. 210).

Но есть в этом же тексте и другие слова. Фома Гордеев с неменьшей уверенностью утверждает: «Не жизнь вы сделали — тюрьму. Не порядок вы устроили — цепи на человека выковали...Душно, тесно, повернуться негде живой душе» (3, с. 217).

Как ни печально, но в произведениях Горького «железные люди» не доживают до революции. Отсюда вытекает вопрос: почему автор не довел своих героев до великих перемен? Ответ прост: «железные люди» погибли еще раньше, чем купечество, и именно поэтому буржуазия оказалась беззащитной и недееспособной.

Разрушение жизни, строя, класса, по Горькому, начинается с семьи. Отсюда такой устойчивый интерес художника к проблеме «выламывания» человека из привычной среды. Социально-психологическая сущность этого процесса такова: крестьянин приходит на новую землю и начинает работать, заставляет детей своих работать, всю семью заставляет работать, и на это дело, как видно, тратит свои лучшие соки, и как производителю, как отцу, ему чего-то не хватает. Дальнейшая стадия — его сын работает уже по инерции,

без того пафоса, без той поэзии труда, без той страсти, с которой работал его отец. Он идёт за отцом. А его дети, то есть внуки первого, — это уже совсем какие-то расшатанные люди, которым их дело, их родовое дело уже не нравится... Это, вероятно, происходит потому, что дед вложил всю силу в это дело, на сына не хватило, а у сына — на внука почти не осталось энергии. Это фабульная основа романа «Дело Артамоновых», но и в предыдущей книге надежды, которые возлагали на Фому отец и Маякин, рухнут.

Примеры духовного противостояния отцов и детей в купеческих семьях мы находим и в книгах, и в жизни. Формы его выражения и результаты самые различные — от блестящих до трагических. Сила духа, верность призванию дали миру известного писателя Д.И. Стахеева и гениального художника И.И. Шишкина, знаменитых меценатов Третьяковых, Мамонтовых, Морозовых, Щукиных, Бахрушевых. Были и менее удачливые, даже обреченные. Например, Н. Валеев в своей книге оговаривает судьбу родного брата Д. Стахеева — Николая, изобретателя-самоучки, который «так же, как и Дмитрий, ослушался отца и стал артистом театра, но силы воли у него было меньше, и поэтому он не выдержал тяжких испытаний — покончил жизнь самоубийством» (4, с. 41). Известна судьба Николая Дмитриевича Стахеева, проигравшего огромное состояние в казино Монако. В художественных произведениях трагичен исход бунта Катерины против семейного уклада «темного царства» (А.Н. Островский «Гроза»). Крахом личности завершается одиночное противостояние Фомы Гордеева в одноименной повести Горького и Никиты в романе «Дело Артамоновых». Бесславно спивается Дмитрий, сын богатого наследника Федора Белова в рассказе Д. Стахеева «Благоприобретение». Примеры можно продолжать.

Благодаря совместному вкладу в науку историков и литературоведов Н.М. Валеева, Н.П. Лигенко, И.В. Масловой и др. сегодня нет однозначного, некогда насильно навязанного советской идеологией отношения к российскому купечеству. Справедливо утверждение Н.Г. Валеевой, что в результате февральских и октябрьских событий 1917 г., братоубийственной гражданской войны, репрессий 30-50 годов «Россия потеряла лучших представителей российской нации — промышленников, банкиров, писателей, композиторов, мыслителей. Наши Стахеевы в том перечне» (5, с. 111).

Но и М. Горький сегодня нуждается в новом прочтении. Советская критика смысл названных произведений сводила лишь к проблеме деградации — социальной, духовной, физической, авторскому осознанию естественной гибели купеческого сословия и его уходу с исторической арены. Но у того же Горького возникает вопрос: буржуазия уходит, кто же тогда остался? Остались рабочие и крестьяне. Они озлоблены, и их жестокость не знает границ. Но им не хватает того ума, который был у «железных» людей. Сочетания

силы, ума и дикой тяги к работе у этих людей нет. Над тем, что их ждёт в будущем, размышляет и Егор Булычов:

Булычов: Все из тех — долой царя?

Башкин: У них это... различно: одни царя, а другие — всех богатых, и чтобы рабочие стали управлять государством...

Булычов: Ерунда!

Башкин: Конечно!

Булычов: Пропьют государство.

Башкин: Не иначе.

Булычов: Да... А — вдруг — не пропьют?

Башкин: А что им делать без хозяев-то?

Булычов: Верно. Без тебя да без Васьки Достигаева — не проживёшь.

Башкин: И вы — хозяин...

Булычов: Ну, а как же? И я. Как, говоришь, они поют?

Башкин: Отречёмся от старого мира...

Булычов: Ну?

Башкин: Отрясём его прах с наших ног...

Булычов: По словам — на молитву похоже.

Башкин: Какая же молитва? Ненавидим, дескать, царя... дворец...

Булычов: Вон что! Н-да... черти драповые! (6, с. 96).

В успехе этих людей он сомневается и делает вывод: «Без царя — перегрызётесь вы все...» (6, с. 104). Он знает, что народ — это, прежде всего, крестьяне, а не рабочие: «Народ — мужик... моё дело — деньги наживать, а мужиково — хлеб растить, товары покупать» (6, с. 80). Булычов знает, что без настоящих хозяев народ не может существовать. Так же считает и игуменья Мелания: «Сильную руку надобно, железную руку!» (6, с. 130).

Достигаев тоже понимает, что без умудрённых опытом и испытанных жизнью людей революционерам будет очень трудно взвалить на свои плечи ту тяжёлую ношу, которую смогли поднять железные люди, и они могут не выдержать, сломаться: «Трудно вам будет, товарищ Рябинин, хозяйствовать без помощи опытных людей» (6, с. 148).

«Молодёжь... решительная! В дураках жить не желает. Дескать, отцы-деды пожили дураками, а мы давайте попробуем иначе...» (6, с. 168), — говорит Бородатый в пьесе «Достигаев и другие». Но разве проблема отцов и детей не вечна? Молодежь всегда хочет жить иначе, но что с ней будет без помощи и опыта своих родителей? Она придёт к краху. И Горький понимает это. Он пытается создать новый тип человека, который обладает силой и большим желанием к работе, — таким человеком является Фома Гордеев. Однако его время ещё не пришло, а вот когда его время придёт, таких людей уже не останется. Поэтому в послереволюционных произведениях Горького мы больше не увидим людей, относящихся к рабочему классу или

крестьянам, с такой же энергией, мощью, умом и «страстью к работе».

«Егор Булычов и другие», «Дело Артамоновых» написаны после революции. И это неспроста. Узнав замысел Горького о написании «Дела Артамоновых», Ленин не зря посоветовал ему написать это после революции. Писатель согласился и позже понял, что поступил правильно. «Русло наживы» было правилом частнособственнического общества, «страсть к работе» — исключением, и Горький подчёркивал исключение, для того, чтобы оно стало правилом будущего общества.

Такие люди, как Егор Булычов и Илья Артамонов, должны были служить примерами для нового поколения, и отсюда следует, что если появилась нужда в этих примерах, значит «светлое будущее» оказалось не таким уж и светлым для писателя, и рабочий класс не имел тех твёрдых, целеустремлённых и опытных людей в новом государстве, где правит народ, а не царь.

Но «железные люди» стали примером для современного общества. Оказалось, что коммунистический строй не искоренил людей, любящих работу и способных с новой силой взяться за «дело». В романе «Фома Гордеев» купцы сравниваются с волками, которые вырождаются в покорных собак, но сегодня мы видим, что этот процесс идет уже в обратном направлении.

Г.Н. Хабибулина
Елабужский государственный педагогический университет

ОБРАЗ МАТЕРИ-ДЕСПОТА В РОМАННОМ НАСЛЕДИИ Д.И. СТАХЕЕВА

В мужском каноне XIX века образ матери один из центральных. Чаще всего это образ идеализированный, канонизированный. Стоит вспомнить романы И. Гончарова, А. Писемского, Л. Толстого, Ф. Достоевского. Деспотами и тиранами чаще всего изображаются мужчины. Исключением из этого правила можно считать писателей, у которых изображённые образы матерей обладают далеко не идеальными качествами — это Ирина Петровна Головлёва из романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы», лицемерная мать, тиранящая своих жертв — детей (этот образ вобрал в себя впечатления писателя от властной фигуры его матери — Ольги Михайловны), и Ольга Сергеевна Бахарева из романа Н.С. Лескова «Некуда», запоминающаяся читателям двумя броскими чертами — постоянным чесанием кошек и истериками, в процессе которых она тиранила, прежде всего, свою дочь Лизу.

У Д.И. Стахеева отрицательные женские образы особенно выразительны.

В романе «Избранник сердца» писатель изображает «любовь» Поликсены Григорьевны Загорской к своей дочери Лидии, замечая, что это форма власти, мучительства, тирании. Милюков называл таких женщин «Тартюф в юбке»[1]. Изображая П.Г. Загорскую, Дмитрий Иванович использует сатиру: графиня Поликсена Григорьевна представлена так: «... большая постница... впалые щёки, горбатый нос, светлые глаза и серо-пепельного цвета волосы... её фигура представляет собою... одни кости, да платье на её плечах висело, как на вешалке»[2]. Стахеев использует сравнение неслучайно. Героиня агрессивна, хищна, цепка и хитра. У неё есть цель — выгодно выдать дочь замуж и её не интересуют чувства дочери, она сметает все преграды на пути: «Есть же глупое мнение, что ни родовая, ни денежная аристократия не могут по своему ничтожеству сравниться с аристократией ума, таланта и учёности...»[3]. Узнав о тайных встречах Лидии и Валерьяна, графиня: то бледнела, то краснела, то кусала губы, то мяла в комок свой тонкий платочек. Показателем её душев-

[1] Милюков А.П. Мёртвые души большого света («В ожидании лучшего, роман В. Крестовского) / А.П. Милюков. Отголоски на литературные и общественные явления: Критические очерки. — СПб.: Типография Ф.С. Сущинского, 1875. — С. 70.
[2] Стахеев Д.И. Собрание сочинений: В 12. т. — М., 1902 — Т. 5. — С. 53-59.
[3] Там же. — С. 53.

ного состояния является художественная деталь — платочек. В минуты успокоения «... расправляла на своих коленях платочек...».

Домочадцы живут в особом состоянии мира — кризисном, катастрофическом, находятся под высоким поэтическим напряжением. Пошатнулись опоры, сдерживающие старый домостроевский порядок и взбудораженный быт заходил ходуном. Поликсена — человек кризисной эпохи. Полагая, что везде и во всём блюдёт правила «Домостроя», что она рыцарски верна его формальным регламентациям, на деле отступает от духа домостроевских предписаний. П.Г. Загорская, как и далее рассмотренные нами Елена Модестовна и Наталья Алексеевна, страшна не верностью старине, а «самодурством» под видом благочестия. Из «Домостроя» извлекаются лишь удобные формулы: «... добрые люди... по божьей милости и, подбирая по возрасту, своих дочерей за сыновей их выдадут замуж»[1], так и героиня спорит с непокорной дочерью «мать имеет полное право выбрать достойного мужа для дочери».

Деспотичный характер героини проявляется не только в отношении к дочери, но и в вере. В романе «Избранник сердца» имя Бога очень часто срывается с уст графини. Говорит ли это о том, что Поликсена Григорьевна глубоко верующая женщина? Она не видела ничего противохристианского, не согласующегося с идеей братства о Христе, в покупке молитвы за своих родственников в «забегании» вперёд с особыми о них просьбами. В «мирке» П.Г. Загорской всё продаётся и всё покупается. Очень часто служба утомляла графиню, которая не всегда лично присутствовала на ней, но была уверена, что «молитва заказана и деньги заплачены...»[2]. Графиня даже и не задумывалась, верит она в бога или нет, главное пытается угодить, имея корыстные цели. Яркая деталь — лик Распятого: «Тёмен был лик Распятого..., предсмертную тоску выражало лицо — и не успокоилось её сердце при взгляде на него». Вера, которая должна приносить душевное успокоение превратилась в торг. Безжалостно исковеркана одна из заповедей «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Поликсеной Григорьевной руководит жажда мести, злость и ненависть: «Боже, прости меня!... Ты заповедовал прощать врагам, но я не в силах, я не могу его видеть!»[3]. У графини иная философия: «Возлюби, прежде всего, самого себя». Узнав о смерти Валерьяна Михайловича, «Она, кажется, почувствовала даже облегчение, удовольствие при этом известии,... как будто подумала: «Что вот, мол, всё-таки Господь наказал же его».

Подобный образ матери можно заметить на страницах романа «Торжество правосудия». Возле постели умирающего куп-

---

[1] Домострой / Сост., вступ. ст., пер. и коммент. Д66 В.В. Колесова. — М.: Сов. Россия, 1990. — С. 304.

[2] Стахеев Д.И. Собрание сочинений: В 12. т. — М., 1902 — Т. 5. — С. 43-50.

[3] Там же. — С. 49-61.

ца-миллионера собрались наследники, которые всячески пытаются угодить ему лишь с одной целью — получить наследство. Раскрывая образ Елены Модестовны, автор использует тургеневский приём «скрытого психологизма», показывая чувства через движения, пластику. Княгиня высокая «костлявая старуха» со смугло-тёмным лицом, ходит медленной поступью «несколько откинув голову назад... подобно актрисе-королеве». Романист внимательно наблюдает за каждым шагом героини: она «высокомерно оглядывает всё...», «шипит», «щурит глаза», «сердито отворачивается от дочери», «презрительно отвечает», осуждая её за то, что дочь не смогла быть ближе мужу. Елена Модестовна, отдавая дочь замуж, мечтала о том, чтобы зять поддержал их старинный княжеский род и выкупил из залога их имение. Валерьян Иванович всячески уклонялся от участия в княжеских делах. Оказалось даже, что он себе извлёк пользу от родства с ними и высокое положение покойного князя всегда эксплуатировалось героем. Теперь, когда жизнь ненавистного человека держалась «на волоске», княгиня воспаряла духом и надежда вновь ожила в её душе. Елена Модестовна «злобно шипит на дочь, простирая свои костлявые руки в сторону кабинета умирающего»[1]. Она даёт наставления Виктории: «... Ты умей придать всем твоим поступкам, словам, взглядам, каждому движению, каждому вздоху такое значение, чтобы он не раздражался, а таял, таял от удовольствия, от благодарности за твоё внимание и любовь». Произнося слова «таял, таял», мать «приложила свои костлявые руки к груди, раскрыла рот, обнаружив прекрасные вставные зубы». Стахеев во внешности княгини постоянно выделяет: «костлявые руки», «величественную фигуру» даже слуги отходят от неё в сторону «точно ошпаренные кипятком», «нервно подёргивающиеся губы» и платочек, который она «комкала в руках». Эти психологические детали указывают на то, что душевного спокойствия героиня лишена, она не искренна и даже в обращении к богу не находит успокоения. Молитва вызывается потребностью забыть злобу дня и отдаться возвышенным чувствам, её же молитва вызвана именно этою злобою дня «... и Бог знает, как далеко была душа её от того чувства, под влиянием которого человек, подавленный нуждой и скорбями, шепчет «Да будет воля Твоя». Отдавая себя молитве, Елена Модестовна ещё думала о судьбе племянницы, желая выгодно выдать её замуж за «чиновного туза»: «... там, мол, что-то будет от дочери и внука, а здесь всё же не мешает созидать здание». Эту женщину не заботит дальнейшая судьба дочери, она всё делает ради своей выгоды.

Виктория не смогла создать «домашнего очага» их отношения с мужем всегда основывались на фальши, поэтому всё имущество Валерьян оставляет своему брату. Даже факт бедности её беспокоит

[1] Стахеев Д.И. Собрание сочинений: В 12. т. — М., 1903. — Т. 10. — С. 299.

меньше, чем мнение матери. В зале суда «Виктория Александровна, взглядывая по временам на мать, готова была расплакаться, догадываясь по состоянию её, что непонятные ей показания свидетелей угрожают дурными последствиями делу»[1]. А после оглашения вердикта покорная дочь «терпеливо выслушивала упрёки матери».

Образ матери-деспота мы можем увидеть и в романе «Законный брак». Наталья Алексеевна, мать Вассы Александровны, женщина энергичная и необыкновенно самостоятельная. Узнав о том, что дочь её беременна, а Сергей Федорович уехал по служебным делам, сразу поняла: «... да он тебя, значит, бросил!.. Ах ты, дура, дура!.. гадкая и бестолковая... не прощу тебя, этакого сокола из рук упустила, богатого, кроткого...»[2]. Автор точно передаёт её психологическое состояние при помощи жестов, мимики: «... забегала по комнате, размахивая руками», «... платье Натальи Алексеевны раздувалось парусом, чепчик на голове дрожал, и будь этот чепчик существом одушевлённым, то не было бы никакого сомнения в том, что трясся он, бедняга, испуганный визгливым криком Натальи Алексеевны». «Куда, куда он уехал? кричала она, ... учащённо дышала, злобно сверкала глазами, ... губы её то злобно улыбались, то складывались в комочек. Седые брови то поднимались высоко кверху, то хмурились, ...довизжалась до того, что у неё в горле пересохло, ...глаза лезли вон из орбит», «злорадно улыбалась». Автор не скрывает иронии над её глупостью. Наталья Александровна отправляется на поиски Сергея вовсе не для счастья дочери, а для получения от него денежной компенсации: «Я его, голубчика, найду, со дна моря достану... Ты, голубчик женись, а не хочешь, так обеспечь прилично... Я с тебя пятьдесят тысяч сдеру, а не дашь — такой скандальный процесс заведу». Она грозилась даже побить дочь, но не за то, что «пала» так низко, а за то, что упустила из рук «дружка». Васса же отвечает «робко», падает перед матерью на колени: «Мамуся, не встану пока не простите!.. Я дурная дочь», целует её руки, боится гнева. Она только и мечтала скорее «встретить Сергея Фомича и повиснуть у него на шее». Однако после того как их цель осуществилась и Сергей Фомич, боясь суда, прислал им письмо и попросил приехать в Петербург, гнев Натальи Алексеевны проходит: «Ну, Васенька, теперь мы с тобой поцелуемся как следует, торжественно провозгласила она, и, обняв дочь, заплакала от умиления».

Романист считает, что главное предназначение женщины в воспитании подрастающего поколения и в этом близок Ф.М. Достоевскому и Л.Н. Толстому. Только в трёх романах из двенадцати («Неугасающий свет», «Студенты», «Духа не угашайте») Д.И. Стахеев показывает истинный образ женщины-матери, делая два эти сло-

[1] Стахеев Д.И. Собрание сочинений: В 12. т. — М., 1903. — Т. 10. — С. 180-192.
[2] Там же. — Т. 11. — С. 300.

ва синонимами. Таким образом, в своих произведениях пиатель высказывает мысль о том, что женское предназначение состоит, прежде всего, в служении ближним, вере. Жизнь женщины должна являться примером жертвенности, христианской любви к ближнему, тогда будущее будет «светлым».

Изображая матерей-деспотов, писатель использует сатиру и иронию, однако природа сатиры Стахеева не в беспощадном смехе Гоголя, а в тонкой полузатаённой иронии, не столько высказанной словом, сколько лицами и их положениями. Здесь слёзы видны не сквозь смех, а под иронической улыбкой презрения.

Почти во всех романах Д.И. Стахеева встречаются подобные женские образы, многие семьи показаны как безлюбовные. Брак, заключённый родителями по расчёту, не мог дать супругам не только взаимной любви, но и любви к собственным детям. Матери показаны как ханжи, лицемерки, эгоистки, тиранки, держащие в ежовых рукавицах и мужей, и детей, мечтающие продать своих дочерей первому попавшемуся жениху.

Примечания

1. Русаков В. Две литературные карьеры: Максим Горький и Дмитрий Стахеев // Новый мир. — 1901. — № 71.
2. Горький М. Дело Артамоновых. — Волго-Вятское кн. изд., 1983.
3. Горький М. Фома Гордеев. — Волго-Вятское кн. изд., 1982.
4. Валеев Н. Дмитрий Стахеев. Жизнь и творчество. — Елабуга, 1994.
5. Валеев Н.М., Валеева Н.Г. Елабуга-Харбин-Сидней... — Казань: Идел-Пресс, 2007.
6. Горький М. Пьесы. — М.: Искусство, 1954.

Автор благодарит студента 5 курса факультета русской филологии и журналистики ЕГПУ А.Ю. Иванова за помощь в подборе материала.

Р.Ф. Набиев
Казанский юридический институт МВД РФ

И.А. Сабиров
г. Прага

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СВЕДЕНИЯ О СЕЛЕ ЕЛАБУГА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Экспедиция была направлена на восток страны с официальной задачей сбора данных об объемах стратегического леса и возможностях его использования. Историографы полагают, что Свечин не справился со своей задачей, увлекшись этнографическими данными и описательными зарисовками городов. Эти описания, тем не менее, позволяют оценить значимость каждого из описанных городов в качестве опорного пункта данной местности.

Текст написан на стандартных листах неплотной бумаги чернилами черного цвета. Листы сброшюрованы в книгу. Стиль описаний близится к путевым дневниковым заметкам. Вместе с тем, очевидно, что автор, стремясь указать новую для него историческую и этнографическую информацию, повсюду стремился использовать не только устные сведения краеведов, но и письменные источники, хранившиеся на местах.

Почерк и величина букв различны на разных страницах. Не всегда текст легко делится на предложения.

Обращает на себя особенность начертания ряда кириллических букв. Так например, буква **В** указывается в виде греческой «омеги» с горизонтальной чертой сверху. Текст передан нами с минимальными изменениями авторского написания. Наше вмешательство затронуло лишь те обороты, которые, по нашему мнению, содержат явные грамматические ошибки. В тех случаях, когда термин, либо оборот семантически неясны, мы оставляем написание и стилистику автора.

Некоторые сведения из записей А. Свечина приобретают в наше время особое значение, так как источники, из которых они были почерпнуты, оказались утерянными. Иногда эти сведения даже могут быть решающими в спорных, и значимых вопросах истории.

1. Так, например, в длительной дискуссии об этимологии топонима *Казань* появляется некоторая определенность. Та значимость, которая придавалась этому топониму в русских источниках объясняется последним значением, которое во времена А. Свечина татарские ученые еще помнили — ‘ставка’ [СПб. ФАРАН.: Ф. 3. Оп. 10. Д.140. ЛЛ. 49-50].

Именно это тюркское значение топонима в качестве последнего было предложено нами на одной из конференций, предшествующих празднованию 1000-летия Казани [Набиев Р.Ф. 2004. С. 84-92].

На наш взгляд, и описание города Елабуга также интересно и заполняет лакуну в его описаниях:

«Бывший город, что ныне село Елабуга. Не более семидесяти лет, как собранными по жребию из разных дворцовых волостей крестьянами на сем месте селить зачато, а потом счисляясь пригородом все время башкирского волнения. Через 15-20 лет определенным воеводой Лаврентьем Андреевым, сыном Нехтеровым собран близ живущими чувашами и вотяками земляной немалой вышины вал и тайный ров сооружен.

*Оного протяжение 285 сажон. **З**дел**а**л **мо**нак*[1] ***оной в 734 году 30 (?) числа**, городом исчислен и по прежнему дворцового ведомства селом именоваться зачал **тога**.*

Для большей безопасности от набегов башкирских при определенном от дворцовой канцелярии управителе камор лакее Иване Федорове собранными казанского уезду ясашными и дворцовыми крестьянами на сем месте городовое сосновое укрепление с такими же двумя немалыми воротами тремя башнями треуголно срублено, которое называется кремлем.

*Бок оного к норду длиной 120 сажен, другой — к осту — 60 сажен, третий к весту — 85 сажен. С полуденной стороны подле сего укрепления истекает речка Тойма, вершина оной верст с 50 [**ʜ** — знак выше?] 3 дача вотятской деревни Ромашиной впала в реку Каму версты с полторы. С северной стороны **клбчь** которого вершина в дачах **Цнагор** леса версты три втоле измоченны. Има течение сквозь сего деревянное укрепление впала в оном же селе в Каму, которая с полуденной стороны мимо сего селения протекая, впала в Волгу в 225 верстах.*

*Ныне соборная церковь каменная одна. В ней чудотворный образ Нерукотворного Спаса. Приход **шку** деревянный немалой величины две — управительный дом и для исправления письменных дел контора.*

В 736 году башкирца Акайки бунт происходил тогде при вышеописанном управителе. Закрывая все поселения [с] ясашными и дворцовыми крестьянами, срублена также деревянная стена в окружении которой три версты, которая во многих местах в ветхости развалилась.

В 756 году от случившегося пожару 134 двора погорело. Большая половина их жителей от сего несчастия имения своего ничего сохранить не успели.

[1] Монак — за́мок?

Крестьян 300 дворов, душ 965. Промысел имеют наймоваться на судах и в заводскую работу ходят также и ***зтозничают****. А некоторые делают серебрянные кресты, перстни, колцы, цепочки, серги, запонки и прочее потребное крестьянам, уборам набивают набойки и плотничают.*

В речке Тойме рыбы по большей части ловят мелкая яко то щука, караси, хорочи, окуни. А Кама теми, же кой и в ***Полее*** *Волге изобилуется.* ***Ранов*** *в обеих сих реках особливо довольно птиц, между прочими — журавлей, гусей, уток великое множество, кой по нейменю охотников, находившемся в полях хлебе немалой ущерб приключают.*

Зверей — волки, зайцы и красные лисицы водятся. Медведей особливо множество бывает. ***Места виду изрядного поля небольшие.*** *Земля пещаная к хлебородию неудобная, для содержания пчел способная. Дорога ровная от монастырской слободы».*

Сведения полковника А. Свечина представляют несомненный интерес, однако, необходимо иметь в виду, как минимум два обстоятельства:

1. Что характер записей не исключает частных ошибок переписчика.

2. Восстания коренных народов Волго-Урала подчас стирали города и села пришельцев вместе с населением и делопроизводством, оставляя для последующих колонистов подчас лишь одно название. Вероятно, этим можно объяснить незнание местной администрации о более раннем существовании крупного русского села на Алабуге. Так, например, известный русский и советский ученый М.К. Любавский на базе старых актовых материалов пишет следующее:

«Другой монастырь — Троицкий Елабужский в 1638-м году выпрашивает себе земли по реке ***Зае*** *и* ***Бетке*** *с сенными покосами и рыбными ловлями с прямым намерением заселить эту землю крестьянами ...*

В 20-х годах XVII столетия *в дворцовом селе Елабуге составилась артель из новых крестьян елабужан, которые решили перейдя реку поселиться «подле Камы-реки на уфимской сторне». Эти крестьяне образовали селение Чалну на реке того же имени, недалеко от впадения ее в Каму. В 40-х годах XVII столетия около этого селения было уже 8 деревень и 2 починка, основанных крестьянами села Чалны...»* [Любавский М.К. 2000. С. 170-171].

Сведения, привлеченные М.К. Любавским позволяют утверждать о том, что в 20-х годах XVII столетия крупное русское село Елабуга не только существовало, но более того, его крестьянское население достигло такой плотности, что колонисты стали испытывать потребность в новых землях и перешли Каму, несмотря на реальную угрозу жизни. Эти сведения должны свидетельствовать о том, что крупное российское село «на Алабуге» существовало как минимум с начала XVII столетия.

Литература

1. Свечин А. «Описание находившимся по тракту деревням...»/ Материалы экспедиции полковника Свечина 1765 г. — СПб. ФАРАН: Ф. 3. — Оп. 10. — Д. 140. — Л. 57 об.
2. Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией: Курс, читанный в Московском университете в 1908-1909-х гг. — СПб.: Лань, 2004. — С. 304.
3. Набиев Р.Ф. К этимологии термина Казань // Проблемы истории Казани: Современный взгляд. — Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2004. — С. 84-92.

Н.Л. Кривилева
Елабужское училище культуры

ТЕМА КУПЕЧЕСТВА В ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ

Тема купечества в литературе всегда была востребованной не случайно. Дело в том, что именно купечество, торгово-промышленные слои, особенно на первых порах своего становления, являли комплекс, в котором некоторые особенности русской жизни второй половины XIX — начала XX веков проявились очень сильно. Купечество в наибольшей степени подвергалось ударам и испытаниям — извне и изнутри. Оно было сословием, может быть, в наибольшей мере рождавшим драматические положения, оказываясь силой одновременно и очень консервативной, патриархальной и самой динамичной. Тому ярким примером является купечество нашего провинциального городка, жизнь и быт которого хорошо знал и описал Д.И. Стахеев.

Привлекая студентов художественных и библиотечных специализаций Елабужского училища культуры к различным благотворительным акциям, мы рассказываем о меценатстве династии купцов Стахеевых, Ушковых, Гирбасовых, Шишкина: от денежных пожертвований в пользу беднейшего населения до устройства учебных заведений. В «Вятских епархиальных ведомостях» сообщалось: «Все почти училища, существующие в Елабуге, выстроены на средства благотворителей»[1]. Стахеевы способствовали открытию богадельных школ, церковно-приходской школы, епархиального женского училища, совместно с Ушковыми обустраивали гимназию и реальное училище. Благодаря Ф.П. Гирбасову было открыто три училища — ремесленное городское училище для слепых, три земских школы, церковно-приходская школа. Ф.Г. Чернов открыл приютскую школу.

Купцы-благотворители покровительствовали развитию театрального и музыкального искусства, библиотечного и музейного дела.

Примеры меценатства купцов Елабуги дает в своих произведениях наш земляк — писатель Д.И. Стахеев.

«... Вдали перед нами рисуется высокая гора, а на ней видна полуразрушенная от времени башня-остаток монастыря...

[1] Цитата по ст. Судовикова М.С. «К характеристике купеческой благотворительности в российской провинции. Вторые Стахеевские чтения. Материалы международной научной конференции. — Елабуга: ЕГПУ, 2003. — С. 90.

– Да вот оно бы хорошо, очень бы хорошо поддержать этот исторический памятник, — говорит один почтенный старичок, поглядывая на башню.

– Напрасно, Иван Васильевич, право напрасно, это значит — даром деньги... На что она годится? Возражает кто-нибудь из купцов.

– Нет, господа, как ни говорите — это не напрасно: памятник исторический»[1].

Д.И. Стахеев — писатель, о котором когда-то спорили, много говорили, писали, которого читали, имя которого благодаря трудам Н.М. Валеева сегодня возвращено в литературу из забвения.

Он написал свыше двух десятков романов и повестей, рассказы и очерки, многие из которых не утратили своего интереса и в наши дни. Интересен и разнообразен биографический материал о писателе, собранный и опубликованный профессором Н.М. Валеевым.

Эти труды широко мы используем в курсе «Отечественная литература» второй половины XIX века и XX начала веков. Принцип их использования таков.

Когда знакомим студентов с редакторской деятельностью Н.А. Некрасова в «Отечественных записках», берем такой интересный факт из жизни молодого писателя Д.И. Стахеева.

Н.А. Некрасов, «заинтересовавшись очерками «глухих мест», предложил молодому автору написать ряд подобных очерков для журнала. В ответ на это предложение писатель прислал в редакцию «Отечественных записок» очерк под заглавием «От Китая до Москвы. История ящика чаю»... Н.А. Некрасов одобрил очерк и заявил, что пустит его в первой осенней, т.е. сентябрьской книжке...». Но статья не была опубликована. Молодой автор потребовал объяснений от Н.А. Некрасова...

Из ... разговора выяснилось, что против помещения статьи был М.Е. Щедрин. «Он вам подгадил, — откровенно заявил Н.А. Некрасов. — Я тут ни при чем»[2].

При изучении творчества Ф.М. Достоевского, говорим о том, что в листочках воспоминаний «Группы и портреты» Д.И. Стахеев рассказывает о посещениях общей квартиры его и Н.Н. Страхова Ф.М. Достоевским «... он изумлял меня своей необыкновенной возбужденностью ... бывало, слушаю, как он, не умолкая, говорит в продолжение целого вечера, и со страхом думаю, что вот-вот он сейчас с ума сойдет, так возбуждена была его речь...»[3].

---

[1] Стахеев Д.И. Духа не угашайте. Избранные произведения. — Казань, 1992. — С. 381-382.

[2] Цитата по книге Валеева Н.М. Дмитрий Стахеев: Жизнь и творчество/ Пособие для спецкурса. — Елабуга, 1994. — С. 16-17.

[3] Цитата по книге Валеева Н.М. Дмитрий Стахеев: Творческий путь писателя. Монография. — Казань: Академия наук Татарстана, 1995. — С. 131.

В повести «Пустынножитель» Д.И. Стахеев изображает Петербург, как и Ф.М. Достоевский, бесчеловечным, городом полусумасшедших.

Знакомя студентов с жизнью и творчеством И.С. Тургенева, упоминаем, что Д.И. Стахеев, объясняясь с редактором о судьбе романа «Наследство Ильи Петровича Растеряева», в конце своего письма говорил, что льстит себя надеждой на отзыв И.С. Тургенева о данном произведении.

Начиная с рассказа «Уездный город», Д.И. Стахеев, как и И.С. Тургенев, рассматривает и изучает проблему «отцов» и «детей». Он дает в романах «Духа не угашайте», «Избранник сердца», «Наследники», «Домашний очаг» самые разные варианты их взаимоотношений. Освоив роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» еще в школе, студенты выбирают из названных выше один роман Д.И. Стахеева для изучения обозначенной проблемы.

При изучении творчества А.Н. Островского проводим сопоставительный анализ изображения купечества в произведениях драматурга, кумира читателей и демократической критики 60-х, и Д.И. Стахеева.

Мир пьес А.Н. Островского — это не только купцы, но и дворяне, и разночинцы, и чиновники. И Д.И. Стахеев прекрасно знал и изображал характеры и быт различных сословий России той поры.

В очерке-рассказе «Уездный город» Д.И. Стахеев, как и А.Н. Островский, изображает пороки купечества: дурное воспитание и образование, убогость духовных запросов, сребролюбие, неумение видеть перспективу.

«И шла их жизнь своей томительной дорогой, вместо сыновней любви были только страх и опасение за потасовку, вместо откровенности и искренности были только скрытность да обманы. Потребность свободы давилась при первом своем проявлении, и таким образом в душной атмосфере деспотизма и самодурства вырастали будущие торговые деятели — «могучее среднее сословие»[1].

Д.И. Стахеев показывает, как «отцы» побоями и угрозами вводят «детей в мир денег, «убивают» в них всякое человеческое достоинство. «Вижу я тебя, бесхитростный, простодушный Вася. Вижу твои горячие слезы, ручьем текущие из кротких, покорных глаз твоих в ответ на отчаянные удары, щедро отпускаемые рукой заботливого родителя; вижу, как забиваются твои невеликие способности, и ты решительно берешься за злодейку — водку»[2]. Женщины в купеческом быту заканчивают образование и воспитание часословом. «Чистописание, как вещь совершенно лишняя в хозяйстве, оставляется в стороне.

---

[1] Стахеев Д.И. Духа не угашайте. Избранные произведения. — С. 375.

[2] Там же. — С. 378.

– Да и на што им эта грамота? — говорит отец, — почитали бы они только мужа да молились Богу...

– А и правду ты говоришь, Степан Кузьмич, — поддакивает ему супруга, — чего девку понапрасну ученьем томить, знала бы только молитвы»[1].

В рассказе «Благоприобретение» Д.И. Стахеев в критических тонах, характерных пьесам А.Н. Островского, показывает тип жадного, жестокого купца, самодура и эксплуататора Белова.

Белов разбогател, украв 15 тысяч акцизных денег, чтобы скрыть воровство, он поджег свой дом, в котором сгорел его двухлетний сын Гришутка.

«Богат и славен в городе Черемисове купец Федор Григорьевич Белов. Каменный двухэтажный дом его, что твой дворец... Лавки и амбары его полны товарами... Сотни рабочих двигаются взад и вперед, согнув свои изможденные усиленным трудом спины; десятки приказчиков наблюдают за работами и покрикивают на поденщиков. В стороне около амбаров тянутся постройки канатного завода, — там тоже кипит работа, — все это покорно и подвластно Федору Григорьевичу, подвластно потому, что он собственник, капиталист, дающий рабочим возможность зарабатывать тяжелым трудом кусок хлеба...»[2].

Д.И. Стахеев в этом рассказе и других своих произведениях дает примеры обмана купечеством народа. «Белов сам принимает и вешает и считает купленное от крестьян, сам рассчитывает их. Мужики внимательно смотрят на весы, почесывая спины и головы, внимательно пересчитывают по нескольку раз полученные от Белова деньги и, набранившись досыта за то, что обвесил и обсчитал, выезжают со двора и, оглядываясь назад, еще посылают к амбару, где господствует Белов, последнюю брань, вырывающуюся из сердца при воспоминании о потере трудовой копейки.

– Чтоб тебе, прости Господи, не было ни дна ни покрышки.

– Чтоб тебя за мою гривну, лешака, колесом переехало, — слышится с улицы от удаляющихся саней»[3].

Но в 60-е годы, когда зарождается новое поколение русского купечества, цивилизованного, образованного, Д.И. Стахеев, поверив, что они — это будущее России, возражает А.Н. Островскому. «Отдавая должную дань таланту А.Н. Островского, я, тем не менее, скажу, что он в своих пьесах... по преимуществу старается показать только ту сторону купеческого быта, где всего ярче видно невежество, самоуправство, и не дает нам почти никакого понятия о купце, как о человеке, не заглядывает в его внутренний духовный мир... Я

[1] Стахеев Д.И. Духа не угашайте. Избранные произведения. — С. 379.
[2] Там же. — С. 345.
[3] Там же. — С. 343-344.

убежден, что в каждом человеке, каков бы он ни был, есть непременно та священная искра божественного огня, которая долго, долго может тлеть на дне его души... при известных обстоятельствах эта тлеющая искра может вспыхнуть ярким пламенем и показать изумленному народу всю силу и величие человека...»[1] заявляет писатель и создает целую галерею образов купцов, в которых жили лучшие человеческие черты: чистота, духовность, доброта, вера в Бога. Автор пытается показать, как не похожи друг на друга представители купечества.

Таким неоднозначным является герой его романа «Домашний очаг» — Семен Игнатьевич Иванов. Самодур, богатей, нажививший состояние бесчестными путями, он испытывает человеческие чувства к сыну и дочери.

А герой романа «Обновленный храм» — купец Иван Петрович Зайчиков является носителем авторской идеи — мечты о купечестве просвещенном. Иван Петрович человек чистый, немногословный, трудолюбивый. Во время исповеди, — на плохую торговлю не жаловался, в «свинской» жизни себя не упрекал ...[2], «... о всяких чужих делах и поступках был крайне уклончив и осторожен»[3], он вел аскетический образ жизни, «вина не пил, табаку не курил, рысистыми лошадьми не увлекался...»[4]. Он радеет о благе своего Отечества не за страх, а за совесть.

Главный герой романа «Неугасающий свет» — выходец из купеческого сословия, художник Александр Размашилов. Как и герой новеллы В.М. Гаршина «Художники», не берет выгодные заказы, если к ним не лежит душа. В нем живет подлинная страсть творчества, неустанно трудясь, в конце жизни он достигает признания, известности и славы.

Главный герой одного из лучших романов «Духа не угашайте» Петр Федорович Дровяников — человек верующий, справедливый, жалостливый, добрый, милосердный. Торговлю он ведет честно. Задумав женить сына на дочери купца-миллионера Суконникова, чуть не пошел на разрыв взаимоотношений с сыном, полюбившим небогатую девушку, но вовремя смирился, покаялся и дал согласие на брак сына.

Автор романа призывает не угашать духовную жизнь, что очень важно для России наших дней, важно и для наших студентов, т.к. писатель Д.И. Стахеев знакомит нас с духовным миром русского человека, его мировоззрением, бытом, культурой, устоями.

---

[1] Цитата по книге Валеева Н.М. Дмитрий Стахеев. Творческий путь писателя. Монография. — Казань, 1995. — С. 63-64.

[2] Стахеев Д.И. Духа не угашайте. Избранные произведения. — С. 188.

[3] Там же. — С. 173.

[4] Там же.

При прохождении темы «Босяки» в произведениях М. Горького используем материалы статьи В. Русакова «Две литературные карьеры. Максим Горький и Дмитрий Стахеев». В. Русаков считает, что роднит этих писателей одна черта — неустанные поиски смысла жизни их героями, им обоим присуще «мастерское изображение живых русских типов. Но только в то время, как Горький почти исключительно изображает знакомый ему мир «пятого сословия», изображает босяков, былых людей, низшие слои мещан и те классы, которые приходят с ними в непосредственное соприкосновение, — Д.И. Стахеев рисует портреты буквально из всех слоев русского общества: ...перед вашими глазами проходит целая галерея представителей молодого поколения самых разнообразных классов и слоев общества, самых разнообразных сословий. Можно смело сказать, что романы Д.И. Стахеева — это как бы целый музей типов русского общества, целая галерея самых разнообразных личностей, в которых отразилась Россия последнего полувека, со всеми светлыми и темными сторонами...»[1].

Мы считаем, что использование на уроках литературы литературно-краеведческого материала о писателе Д.И. Стахееве способствует патриотическому воспитанию студентов и дает возможность формировать у молодежи интерес к истории края.

[1] Цитата по книге Валеева Н.М. Дмитрий Стахеев. Творческий путь писателя. Монография. — Казань: Академия наук Татарстана, 1995. — С. 58-59.

Л.В. Сабирова
Елабужский государственный педагогический университет

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПТОВ РУССКОГО КУПЕЧЕСТВА И АНГЛИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ)

В XXI веке многие исследования ведутся в ракурсе междисциплинарных научных направлений на основе интеграции смежных отраслей антропоориентированных наук как философия, социобионика, психология, культурология, политология, социология, правоведение, история, литературоведение, межкультурная коммуникация, лингвистика (3, с. 20). Общий для многих гуманитарных наук принцип «Человек в языке», установление и описание механизмов антропоориентированности языка вполне согласуется с учетом лингвокультурологических аспектов концептов русской и англоязычной прозы. Современные научные теории носят междисциплинарный характер и с помощью ряда антропоориентированных наук меняют точку зрения на традиционный когнитивный подход, акцентируя, что познание — это формирование новых ментальных репрезентаций, отображающих нашу историю и реалии сегодняшнего дня.

Общеизвестно, что красота мира в его многообразии, в данной статье на примерах произведений русских и английских писателей мы кратко постараемся рассмотреть лингвокультурологические аспекты концептов описания жизни русских купцов и английских буржуа-предпринимателей.

Лингвокультурология, как сравнительно новая отрасль лингвистики обретает собственный категориальный аппарат, центром которого становится понятие «концепт». В данной статье концепт будет пониматься как многомерная ментальная единица с доминирующим ценностным элементом (3, с. 67). Языковая или речевая единица, в которой актуализуется центральная точка концепта, служит именем концепта (3, с. 68). Составителей концентуариев русской и англоязычной культуры привлекают в основном мировоззренческие концепты на базе лексикографических источников и художественной классики (3, с. 70).

На наш взгляд, художественные тексты Д.И. Стахеева, Н.С. Лескова, Ч. Диккенса, У. Теккерея написаны в едином художественном тандеме «гармония культур».

Говоря литературном наследии Д.И. Стахеева мы будем опираться на монографию Н.М. Валеева «Гармония культур», на посо-

бие для спецкурса Н.М. Валеева «Дмитрий Стахеев. Жизнь и творчество», на монографию «Дмитрий Стахеев. Творческий путь писателя».

Автор вышеназнаванных работ дает глубокий анализ произведений Д.И. Стахеева, подчеркивая, что быт и правы купечества, средней интеллигенции, чиновничества духовенства была плацдармом для постоянной работы Д.И. Стахеева. Для своих очерков он взял представителей купечества шестидесятых годов, имевшего в Елабуге большое значение, как самого богатого сословия. Он подметил недостатки в обстановке города, больные места в жизни его обитателей.

Отражая в своем произведении, как в зеркале, общественные и частные недостатки Д.И. Стахеев несомненно был проникнут желанием блага не только Елабуге, но и всему купечеству, как «могучему среднему сословию», в этом сословии есть очень хорошее качество — преданность христианской религии (5, с. 15-16). Д.И. Стахеев в предисловии к «Драматическим сочинениям» размышляет, что «в каждом человеке, каков бы он ни был, есть непременно та священная искра божественного огня, при известных обстоятельствах эта тлеющая искра может вспыхнуть ярким пламенем и показать изумленному народу всю силу и величие человека...» (5, с. 23).

В основу сюжета рассказа Д.И. Стахеева «Благоприобретение» положен жизненный материал: «Деньги там, ... деньги акцизные, пятнадцать тысяч... продолжал... Белов, не вставая с земли, ... паренек-то сгорел...

Наехали чиновники, заскрипели перья, пошла переписка ...

Белов запер амбар, постоял еще несколько времени у ворот благоприобретенного дома. Белов все ожидает смертного часа, но смертный час не приближается...» (7, с. 131-134).

С помощью стилистических приемов как контаминация событий, экскалация глаголов писатель показывает неправедный путь наживания капитала в рассказе «Благоприобретение».

В романе «Духа не угашайте» показана купеческая семья Дровянниковых, Д.И. Стахеев описывает поступки героев, позволяет сделать свои собственные выводы: «... прообразом Прасковьи Петровны послужила Стахееву его родная бабушка. Конфликт же, сходный с описанным в романе самого писателя, на долгие годы привел к разрыву с его отцом» (7, с. 204). Идейный замысел, давший название роману вложен в уста бабушки: «В мире надо жить, в согласии ... Без мира нет ни добра, ни правды, — грех один... Сказано в писании: духа не угашайте, всегда ищите добра и друг другу, и всем всегда радуйтесь, за все бога благодарите (7, с. 204). Н.М. Валеев в «Гармонии культур» отмечает, что «призыв не угашать духовную жизнь, ставший названием стахеевского романа характерен для любой эпохи. Он встречается и в творчестве Н.С. Лескова» (7, с. 204).

Нравственные ценности, по Н.С. Лескову передаются не только как некая духовная эстафета от поколения к поколению, личность должна нажить их собственным душевным опыте (9, с. 7). В «Запечатленном ангеле» Н.С. Лескова разные люди участвуют в спасении чудесной иконы, подлинное искусство, единые общечеловеческие ценности способны объединить людей вопреки расстояниям, классовой и национальной розни так, например: «да ведь это же, — говорит англичанин, — всякий из Писания, и из молитв может уразуметь. — Ну, никак нет, — ответствую. — Писание не всякому дано разуметь, а неразумевающему и в молитве бывает затмение: иной слышит глашение о «великия и богатыя милости» и сейчас полагает, что это о деньгах, и с алчностью кланяется, ... вымоли человек душе своей дар страха божия, она сейчас и пойдет облегченная со ступени на ступень, с каждым шагом усвояя себе преизбытки высших даров, и в те поры человеку и деньги и вся слава земная при молитве кажутся не иначе как мерзость перед господом» (9, с. 109). В «Запечатленном ангеле» самой большой силой является единство людей, неожиданно духовное взаимоверие начинает сближать англичанина, дельца — буржуа, простых мужиков, которые останутся верны этому необычайному союзу до конца.

Самое удивительное в повести, что переход Луки по цепям недостроенного моста совершается не ради иконы, а ради спасения двух людей.

В повести «Запечатленный ангел» анахорет Памва открывает простую, но непреложную истину о том, что высшая правда не в самой иконе, что «ангел в душе человечьей жизни» (9, с. 8).

То же полифоничное звучание, те же обертоновые оттенки слышаться в произведениях английский писателей как Чарльз Диккенс и Уильям Теккерей (недаром современники сравнили творчество Чарльза Диккенса с работами Д.И. Стахеева).

Многообразны приемы сатирической типизации в романах Диккенса; он обращается к смелым и острым в социальном отношении сопоставлениям и символическим параллелям, большим обобщениям как (образы Церкви, Адвокатуры, Казначейства, Канцлерского суда, Министерства около — личностей). Лейтмотивом произведений Диккенса являет мысль, что деньги окрашенные кровью и отмеченные печатью преступления, не могут сделать человека счастливым. Литературоведы исследуя роман Диккенса «Домби и сын» справедливо отмечают, что комедийная характеристика героев переплетается с гротеском и сатирой: «Dombey was about forty-eight years olol ... Anol again he said proudly: «Dom — bey and Son!» In those three words was the one idea of Mr. Dombey's life. The earth was made for Dombey and Son to trade in, and the sun and the moon were made to give them light. Rivers and seas were made to float their ships, rainbows gave them promise of fair weather; winds blew for

and againgt their enterprises; stars and planets circled in their orbits to preserve and inviolate a system of which they were the centre» (1, с. 83).

Образ мистера Домби — «леденящий холод», которого заботят только деньги, но, как и многие романы Диккенса, роман имеет счастливый конец.

Блестящие художественные полотна Диккенса, несмотря на некоторый идеалистический утопизм, поднимали важные общественные проблемы и вошли в золотой фонд английской и мировой литературы (2, с. 269-293).

Современником Диккенса и таким же величайшим мастером пера был Уильям Теккерей. Правдиво изображая отталкивающее лицо английского буржуа, Теккерей не питал, подобно Диккенсу, иллюзий относительно возможности его превращения в доброго и отзывчивого человека. Теккерей уловил связь между людьми буржуазного общества, основанную на «бессердечном чистогане» (2, с. 295).

Название романа Уильяма Теккерея «Ярмарка тщеславия. Роман без героя» — заимствано из «Пути паломника» Джона Бенъяна, создавшего аллегорический образ торжища житейской суеты «Vanity Fair! Vanity Fair! Here was a man, who could not spell, and did not care to read — who had the habits and the cunning of a boor; whose aim of life was pettifogging; who never had a taste, or emotion, or enjoyment, but what was sordid and foul; and yet he had rank, and honours, and power, somehow: and was a dignitary of the land, and the pillar of the state» (10, с. 128).

Магическая власть денег показана Теккереем в виде образа огромной ярмарки. Лингвокультурная концептосфера — «деньги», которые могут все на человеческой ярмарке тщеславия отображена в виде балагана разнообразных человеческих амбиций и галереи человеческих характеров. По мнению Теккерея, счастливый конец только обманывает читателя. Роман «Ярмарка тщеславия» он завершает словами: «Ах, Vanitas Vanitatum! Кто из нас счастлив в этом мире? Кто из нас получает то, чего жаждет его сердце, а, получив, не жаждет большего? Давайте, дети, сложим кукол и закроем ящик, ибо наше представление окончено». Уильям Теккерей принадлежит к блестящей плеяде английских реалистов, раскрывающей частную жизнь героев в органической связи с жизнью социальной. Поскольку художественное мировоззрение писателя всегда представляет собой социально обусловленное явление общественной жизни, восприятие творчества писателя в контексте создавшей его эпохи есть очень важная социолингвистическая проблема. Произведения Д.И. Стахеева, Н.С. Лескова, Чарльза Диккенса, Уильяма Теккерея показывают, прежде всего, человека с его бытовыми проблемами обычных житейских ситуациях, поэтому достаточно даже самому неискушенному читателю открыть наугад их книги, можно оказаться во власти таланта «волшебников слова».

Возьмем на себя смелость перефразировать Lingua facit pacem, на Homo facit pacem, что доказывается творчеством выше упомянутых писателей, ведь пока жива наша планета и жив человек, ученые, да и просто обычные люди будут в поиске оптимального баланса между плюрализмом принятия решений, лингвистическим многообразием, интеграцией научных знаний и усовершенствованием человеческих взаимоотношений.

Список литературы:

1. Abeltina R., Fleija D.Z, Misane A. English literature Publishing House «Zvaigzne». — Riga, 1976.
2. Аникин Г.В., Михальская Н.П. История английской литературы. — М.: Высш. шк., 1975.
3. Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. — М.: МГЛУ, 2002.
4. Гришаева Л.И., Введению в теорию межкультурной коммуникации: учеб. пособие для студентов лингв. факультета высш. учеб. заведений /Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова. — 3-е изд., исп. — М.: Академия, 2006.
5. Валеев Н.М. Дмитрий Стахеев. Жизнь и творчество. Пособие для спецкурса. — Елабуга, 1994.
6. Валеев Н.М. Дмитрий Стахеев. Творческий путь писателя. — Казань: академия наук Татарстана, 1995.
7. Валеев Н.М. Гармония культур. Избранные труды. — Казань: Издательство «Фэн», 2001.
8. Гюббенет И.В. К проблеме понимания литературно-художественного текста (на английском материале). — М.: МГУ, 1981.
9. Лесков Н.С. Очарованный странник. Повести и рассказы. — М.: Художественная литература, 1983.
10. Сохань А.М. Антонова Г.Д. Хрестоматия по английской литературе. Для VIII-IX кл. с преподаванием предметов на англ. языке. — М.: Просвещение, 1977.

А.А. Деготьков
Елабужский государственный педагогический университет

НРАВЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ВЕЧЕР ДОКЛАДНОГО ДНЯ»)

Виктор Антонович Дьяченко (1818-1876) — известный во второй половине XIX века русский драматург, автор не менее двадцати двух оригинальных пьес, исследующих актуальные и вечные проблемы общества. Известность ему приносит уже первое большое произведение — трехактная драма «Жертва за жертву» (1861). Обладая объективно менее сильным дарованием, чем корифей русской драматургии А.Н. Островский, он редко удостаивается высоких оценок критики, не ставящей его выше «певца гражданских мотивов» [1, с. 241]. В то же время по числу постановок в 1860-е — 1870-е годы этот драматург приближается к А.Н. Островскому, что говорит о его зрительской популярности. Дьяченко откликается на все вопросы современности, посвящая свои пьесы проблемам семьи («Семейные пороги», «Блестящая партия»), женской эмансипации («Современная барышня», «Гимназистка»), ходу и издержкам судебной реформы («Жертва за жертву», «Новый суд») и другим.

Пристальное внимание автора привлекают нравственные проблемы в России эпохи реформ. Свои взгляды на происходящее Дьяченко реализует в целой галерее типов деградирующей личности. Параллельно он выводит образ человека новой формации. На него драматург возлагает задачу духовного возрождения общества, проникнутого эгоистическим стремлением к личному комфорту и ограниченного тесным обывательским мирком. При этом как те, так и другие — представители самых разных социальных слоев, в первую очередь поместного дворянства, мещан и государственных служащих разного ранга. Это люди той среды, которую автор глубоко знает изнутри. Дворянин высокого ранга по происхождению (отец — губернский прокурор, чиновник VI класса согласно «Табели о рангах»), Дьяченко более двадцати лет отдал государственной службе в провинции [2, л. 2]. После выхода в отставку с чиновничье-бюрократической средой его связывали два фактора: зависимость судьбы пьес от репертуарного комитета, во главе которого стояли чиновники (а не писатели-драматурги, как логичнее было бы предположить), и собственно творческий интерес.

Следует отметить, что для осуществления творческих задач В.А. Дьяченко не всегда прибегает к созданию широких художественных полотен. Кроме многоактных пьес, среди которых есть и

комедии, и драмы в узком смысле, и драматические очерки, писатель использует форму «сцен». В частности, в 1864 году В.А. Дьяченко выступает в печати с драматическим произведением «Вечер докладного дня», имеющим подзаголовок «Провинциальные сцены» (опубликовано в журнале «Русская сцена»). Область авторского внимания четко очерчена уже в заглавии: речь идет о зарисовке из жизни провинциальных служащих. Причем авторское уточнение жанра несет важный смысл для понимания замысла этой небольшой пьесы. Драматург типизирует место действия, подчеркивая, что описываемые события характерны для периферии в целом. Подтверждение этому мы находим в тексте: Дьяченко не приводит ни одной детали, касающейся обстановки (вся экспозиция обозначена двумя словами: «Приемная. Вечер»), и ни разу не обращается к географическим названиям.

Типы провинциального чиновничества, их колоритные и жизнеспособные характеры очень ярко выведены в замечательном произведении русской литературы — комедии «Ревизор». Однако, несмотря на, казалось бы, энциклопедическую подробность и фотографическую правду взгляда Гоголя-художника, русская драматургия деятельно продолжала осваивать это богатое и благодарное для художественного освоения поле. Немало пьес, осуждающих мир чиновной бюрократии, принадлежит перу А.Н. Островского («Доходное место», «Свои люди — сочтемся», «Без вины виноватые» и другие). Эпоха общественных перемен, начавшаяся с отмены крепостного права, активизировала процесс. Откликнувшиеся художники слова еще более обнажили самые «темные» грани пореформенного чиновничества, воспользовавшись провозглашенной «гласностью». Кроме этого, ими поднималась новая проблема, обусловленная бурным временем. Это дальнейшая деградация власть имущих, не желающих подчиниться ходу прогресса, но тянущих общество назад и при этом соблазненных призраком «золотого тельца», символа нового времени.

Образы чиновников появляются во многих произведениях В.А. Дьяченко («Петербургские коршуны», «Новое время и старые нравы», «Светские ширмы» и другие), однако «провинциальные сцены», взятые нами в качестве объекта анализа, представляют собой ярчайший пример той особенности, которая отмечалась современной автору критикой: «... экономия, с которой автор пользуется жизненным материалом — прямо поразительная» [3, с. 258]. Хотя особенность эта относится и к крупным произведениям драматурга.

Рассматриваемый этюд по объему занимает всего около пятнадцати листов. В нем колоритно, в основном за счет средств речевой выразительности, рисуется сразу несколько фигур, представляющих разные прослойки русского чиновничества. Автор также вводит в качестве действующих лиц представителя купечества и про-

стого солдата, показывая особенности взаимоотношений чиновной верхушки с разными социальными слоями.

Надо отметить, что афиша, знакомящая с действующими лицами, абсолютно лишена каких-либо комментариев, касающихся не только их характеров, но даже физического состояния и возраста. К примеру, не сразу становится известен возраст титулованного дежурного чиновника, графа Жабрина, проходящего через все повествование. Разговаривая с посетителем Его превосходительства, Жабрин высказывает несколько едких и иронически-тонких замечаний относительно нравов, царящих в глубокой провинции. В ответ на замечание собеседника о том, что он не ожидал подобных мыслей от Жабрина, граф парирует: «Не потому ли, что я молод?» [4, с. 102]. Выясняются по ходу действия и детали, относящиеся к солдату Иванову. В разговоре с Жабриным он говорит, что ранен под Севастополем: «Контужен в ногу и оторвало левую руку» [4, с. 103]. Таким образом, своеобразной «компенсацией», позволяющей восстановить истинную картину дел, в произведении является речевая деталь, не всегда заметная, но имеющая принципиальное значение для сценического воплощения ролей и адекватного восприятия зрителем.

Все чиновничество, представленное в сценах, можно разделить на несколько типов, выведенных и другими писателями. Упомянутый граф Жабрин — блестящий образец «современного» молодого человека 1860-х годов, иронического и наблюдательного героя своего времени. В то же время Жабрин далек от высоких стремлений изменить существующий порядок вещей, хотя он ясно осознает недостатки, в частности, бюрократической системы России начала 1860-х (то, что речь идет именно об этом времени, подтверждает, кроме даты написания сцен, упоминание Его превосходительства о предстоящем заседании по «крестьянскому вопросу»). Причина в том, что такое положение дел его устраивает, хотя и является поводом для самоиронии: «Может ли быть на свете существо бесполезнее дежурного чиновника? И это называется службой. В два года ни одной бумаги не написал, все дежурил и получил чин за отличие...» [4, с. 98-99]. В целом герой обладает в большей мере положительными качествами, главное из которых — живость ума, сохраненная в условиях косности провинциальной службы. В.А. Дьяченко такой тип интересует с точки зрения потенциальных возможностей: это не тот «новый герой», который, видя недостатки общественного устройства, будет стремиться к кардинальному слому старого, но в своей деятельности он уже вряд ли будет поощрять то, что уже сейчас вызывает его насмешку. Именно этот вариант прогресса приемлет и сам драматург.

Его превосходительство, вообще лишенный имени, типизирован до предела и очень узнаваем. Речь чиновника, наделенного всей полнотой власти в своем городе, выдает в нем человека с массой не-

достатков. Это человек чванливый, пустой и ограниченный во всех отношениях. Достаточно привести его «глубокомысленные» высказывания о «сущности», понимаемой им крайне своеобразно. В разговоре по поводу проекта водопровода он замечает, глядя на план: «Я не вижу сущности, — сущности нет!» [4, с. 111]. Выясняется, что основой проекта является, по мнению генерала, не его техническое решение, а наличие внешних обыденных деталей, не имеющих никакой практической значимости — наподобие тополей и стрелок, указывающих, в каком направлении будет двигаться вода. Его узкий неинтеллектуальный мирок не вмещает ничего, выходящего за рамки обывательского представления о вещах. И в этом он отчетливо напоминает генералов из сказки Салтыкова-Щедрина, наивно полагающих, что булки на деревьях растут. Отметим, что В.А. Дьяченко создает свой образ пятью годами ранее известного сатирического писателя («Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» датирована 1869 годом). Напоминает Его превосходительство своей некомпетентностью в порученных делах и чиновников, выведенных М.Е. Салтыковым-Щедриным в очерке «Неумелые» («Губернские очерки»).

В то же время генерал очень практичен и в той области, которая касается денег, не пропускает ни одной возможности. В несколько минут положительно решен вопрос по поводу просьбы купца Синебрюхова о востребовании долга с должника Неверова, фамилия которого говорит сама за себя. Его превосходительство распоряжается передать дело полицмейстеру, а часть возвращенной суммы «предлагает» передать в пользу местного Благотворительного общества. Эта оперативность делала бы честь генералу, если бы не нюансы: на нужды благотворительности будет перечислена практически половина средств, о которых идет речь, а председателем общества является, как нетрудно догадаться, сам генерал. Удивительно, что эта сцена, указывающая на прямое вымогательство власть имущих, прошла цензуру. В свое время, как указывает С.С. Данилов, автор «Очерков по истории русского драматического театра», театральная цензура потребовала от Н.В. Гоголя сделать ряд поправок в его комедии «Игроки». В частности, «в том явлении, где Замухрышкин говорит о взятках, было исключено его рассуждение о благотворительности: «только разве придумали название поблагородней — пожертвования там, или там бог ведает, что такое, а как рассмотришь хорошенько... тот же Савка, да в других санках» [5, с. 291]. Доказательством своеобразного представления о задачах благотворительного общества служат в «Вечере...» изречения самого генерала. Солдату Иванову он отказывает в помощи, несмотря на бедственное положение того: «Суммы благотворительного общества имеют свое назначение. Я могу располагать только процентами, и то в известных пределах, так чтоб часть процентов поступала в ка-

питал. Капитал Благотворительного общества должен с каждым годом непременно увеличиваться» [4, с. 109], на что Иванов вполне резонно реагирует: «Так же, как и число бедных?» [там же]. Этот комментарий показывает всю узость взглядов и жадность не руководствующегося моральными принципами чиновника, а также выявляет его формализм и отсутствие человечности. В то же время благородные спектакли, имеющие целью сбор средств в пользу Благотворительного общества, представляют для генерала первостепенную важность. Выяснив, что завтра пройдет репетиция, он отменяет действительно значимое государственное дело: «Потрудитесь заехать к Ивану Львовичу, скажите ему, что завтра заседания не будет, я не совсем здоров» [4, с. 110]. Речь идет не просто об обычной бюрократической процедуре, а о заседании по крестьянскому вопросу, и это усиливает эффект и дополняет колоритный образ генерала. Его манеры в обращении с людьми характеризуют его также как спесивого, вспыльчивого и самодостаточного, не принимающего собеседников во внимание: заседание отменяется исключительно по его желанию, он кричит на архитектора, выставляет солдата. Практически все восклицательные интонации в произведении принадлежат ему.

Блестящим преемником традиций генерала в пьесе видится секретарь Благотворительного общества Баровин. Если Его превосходительство местный правитель, то Баровин, по выражению Жабрина, «правитель дел Благотворительного общества» [4, с. 99]. Он работает, руководствуясь теми же принципами, что и генерал. Необходимо отметить его карьеризм и подобострастие — качества, которые в чиновной среде нередко позволяют без труда подниматься по должностной лестнице. Секретарь — чиновник-«любитель», по меткому определению все того же Жабрина, так как является не в назначенный день. Такие люди приезжают нередко не по делу, а «... чтоб напомнить о себе, чтобы лишний раз поклониться» [4, с. 101], зато и положение в обществе, и почести им достаются просто, продолжает Жабрин: «И посмотрите, у кого в провинции крестик в петличке или на шее?» [4, с. 101].

Интересным типом уходящего в небытие аристократа старого времени представляется Шировский. Все его довольно редкие реплики произносятся исключительно по-французски, что, по-видимому, должно подчеркивать аристократизм и редкий ум. Однако вместо этого он становится непонятным как для части присутствующих на докладном вечере, так и для многих потенциальных зрителей театра, что, вероятно, не мог не принимать во внимание автор при создании персонажа. Публика 1860-х уже не представляла собой верхушку общества, театр привлекал широкие массы людей, в том числе малообразованных, учитывая большую популярность именно легких для восприятия жанров и сюжетов.

Эпизодическим, но очень характерным для картины провинциального чиновничества, наконец, является чиновник особых поручений Рагин. Из разговоров присутствующих мы выясняем, что он родственник генерала. Хотя это запрещено законом, но вполне естественно для провинции, где практикуется система протежирования. Одно из его особых поручений — сообщить Его превосходительству и присутствующим о прибытии новой партии вин «от Депре». На наш взгляд, эта деталь несколько глубже, чем простой сатирический штрих, и говорит о еще одном качестве, присущем не только провинциальному чиновничеству. К примеру, в комедии Н.В. Гоголя «Женитьба» (1833) склонность к употреблению спиртного не считается чем-то необычным даже для высокопоставленных бюрократов. Это наглядно показывает разговор Арины Пантелеймоновны со свахой Феклой Ивановной о потенциальном женихе: «Ну что вы все: чиновник, чиновник! А не любит ли он выпить, вот, мол, что скажи. — А пьет, не прекословлю, пьет. Что ж делать, уж он титулярный советник» [6, с. 331]. Этот прием построен на алогизме, но оживляет картину и делает ее более реалистичной.

В небольшом по объему, но содержательном драматическом этюде В.А. Дьяченко почти энциклопедически представил наиболее характерные черты провинциального чиновничества. Это система протежирования, ограниченность и недалекость, взяточничество и стяжательство, черствость души, лесть и подобострастие, чревоугодие, а также карьеризм. В то же время неприглядную картину несколько компенсируют отдельные положительные качества, которые представлены в представителе нового поколения Жабрине. Дьяченко показывает, что чиновник в перспективе может и не стать «двойником» Его превосходительства, если он умен и остер на язык, вслух говорит нелицеприятные вещи о нравах чиновничества и особенностях жизни в провинции, наблюдателен, ироничен, но в речах корректен, не доходит до грубого цинизма, самокритичен. В последующих произведениях драматург развивает интересный ему тип, развивая новые сюжетные линии и предлагая героям новые непростые испытания.

Забытого ныне русского драматурга В.А. Дьяченко объединяет с замечательным русским писателем Д.И. Стахеевым не только печальная судьба — оказаться на периферии литературного процесса уже на закате творческого пути, а после и вообще быть исключенным из литературоведческого поля. Оба писателя в своем творчестве проявили неподдельный, обусловленный жизненными обстоятельствами и творческими убеждениями интерес к жизни провинции.

Жизнь русской глубинки предоставила Стахееву, самому выходцу из небольшого города на Каме, наиболее живые и колоритные типы героев, в первую очередь купеческого происхождения, а также самые занимательные сюжеты.

Годы, проведенные Дьяченко в провинции, обусловили его интерес к другим «хозяевам жизни» — дворянам и чиновникам. Только в середине активной творческой карьеры, к концу 1860-х, он решается на разработку принципиально новых героев, что обусловлено веяниями времени. Это, с одной стороны, разночинцы, утверждающие свои позиции в новом обществе и вступающие во все более активную борьбу со старым, а с другой — эволюционирующая женщина, которой реформы подарили начала гражданской самостоятельности. Однако чиновно-бюрократический аппарат и его функционирование — проблема для России вечная, и эта среда продолжает служить В.А. Дьяченко источником жизненно правдоподобных и красочных образов до самого окончания его драматической деятельности.

Примечания

1. Линский В. Забытый драматург // Театр и искусство. — 1900. — № 12. — С. 238-241.
2. Закончив в конце 1830-х Институт инженеров путей сообщения и получив звание подпоручика, Дьяченко за годы работы в Пинске и Харькове дослужился до звания инже нер-капитана (об этом свидетельствует автограф доверенности 1871 года на защиту авторских прав, хранящийся в РГАЛИ [ф. 435, оп. 1, ед.хр. 29, лл. 1-7]), в котором по состоянию здоровья и вышел в отставку.
3. Линский В. Забытый драматург // Театр и искусство. — 1900. — № 13. — С. 258-260.
4. Дьяченко В.А. Вечер докладного дня (Провинциальные сцены) // Русская сцена. — 1864. — Т. 6. — С. 98-112.
5. Данилов С.С. Очерки по истории русского драматического театра. — М. — Л.: Искусство, 1948. — С. 588.
6. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 4 т. — М.: Правда, 1968. — Т. 2. — С. 543.

М.П. Осипова
Липецкий государственный педагогический университет

ЧЕРНОЗЕМНАЯ ГУБЕРНИЯ В ОЧЕРКАХ О.П. СЕМЕНОВОЙ-ТЯН-ШАНСКОЙ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)

Крестьянское самоуправление конца XIX — начала XX вв. привлекает к себе внимание многих исследователей. Различные аспекты данной проблематики затрагиваются в трудах А.М. Анфимова, О.Г. Вронского, П.Н. Зырянова, В.Г. Тюкавкина и других ученых[1].

Характерной чертой работ указанных исследователей является их обобщающий характер, труды, содержащие региональную характеристику крестьянского самоуправления, практически отсутствуют. Центрально-Черноземный регион не является исключением. Между тем, указанные работы необходимы, так как они позволили бы составить более конкретное представление о крестьянском самоуправлении каждого отдельного района, способствовали выявлению региональных особенностей и черт указанного явления. Намечая возможное направление наших исследований, остановимся только на одном из этнографических источников, позволяющим осветить некоторые аспекты крестьянского самоуправления Центрально-Черноземной провинции в конце XIX — начале XX вв. — книге О.П. Семеновой «Жизнь «Ивана»».

Семенова (Тян-Шанская) Ольга Петровна (1863-1906) — дочь П.П. Семенова-Тян-Шанского. Уроженка села Урусово Раненбургского уезда Рязанской губернии (ныне — Чаплыгинского района Липецкой области) часть своей жизни провела в имении своего отца, деревне Гремячка Данковского уезда Рязанской губернии (ныне — Данковского района Липецкой области)[2]. В Ольге Петровне удивительным образом соединились унаследованный от отца интерес к познанию окружающего мира и самобытный литературный талант. В течение продолжительного периода она изучала жизнь и быт своих земляков-крестьян, тщательно записывая наблюдения. Результаты данного труда легли впоследствии в основу ее книги

[1] Анфимов А.М. Крестьянск ое хозяйство Европейской России 1881–1904 гг. — М., 1980; Вронский О.Г. Государственная власть Российской империи и проблемы формирования основ перспективного аграрного курса на рубеже XIX–XX вв. — Тула, 1999; Он же. Крестьянство и власть (1900-1923). — Тула, 1993; Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. — М., 1992; Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. — М., 2001.

[2] Огрызков К. Семенова О.П. / К.Огрызков // Липецкая Энциклопедия / Сост.: Б.М Шальнев, В.В. Шахов — Т. III. — Липецк, 2001. — С. 226.

«Жизнь “Ивана”», вышедшей в свет лишь после смерти писательницы в 1914 г. в Петербурге стараниями К.В. Николаевского[1], который стал фактическим соавтором О.П. Семеновой[2].

Явившаяся по существу очерком о жизни крестьянства Центрально-Черноземной провинции последней четверти XIX в., благодаря незаурядным литературным способностям автора написанная в живой выразительной форме, книга привлекла внимание современников и была весьма высоко оценена ими. Положительно отзывался о книге А.М. Горький. Так, в 1933 г. в письме к работнику издательства Е.С. Добину он, перечисляя ряд книг о жизни детей крестьян дореволюционной России, упомянул книгу О.П. Семеновой, подчеркнув, что «... эта последняя книга особенно важна»[3]. Значимость данного литературного наследия писательницы отмечали и позже. Так, один из современных публицистов указал: «Труд Ольги Петровны с полным правом можно назвать крестьянской энциклопедией последней четверти прошлого века. ...Она — важный документ, рассказывающий о жизни крестьян тех лет»[4].

Несмотря на то, что автор указанной книги — человек, по своему происхождению далекий от крестьянской среды, «воспитанная за границей» девочка, как была названа О.П. Семенова В.П. Шнейдер[5], работа содержит интересные сведения о прошлом деревенской России, а также выражает представления находившейся возле крестьян интеллигенции о различных сферах деревенской жизни.

Главный герой произведения, крестьянин Иван — собирательный образ крестьянина Центрального Черноземья конца XIX в., вобравший в себя наиболее характерные, по мнению писательницы, черты. На примере жизни отдельного человека, прослеженной от рождения до смерти, О.П. Семенова мастерски описала положение всего крестьянского сословия. На страницах ее книги можно найти детальное описание различных аспектов деревенской жизни: бюджета крестьянской семьи, избы и ее обстановки, быта, питания, занятий, болезней, праздников, семейных и родственных отношений. Значительное внимание уделено автором проблемам физическо-

---

[1] Следует отметить тот факт, что К.В. Николаевский только обобщил незавершенные писательницей при жизни «материалы к книге». Сохранившиеся источники позволяют утверждать о желании О.П. Семеновой перед изданием работы доработать отдельные ее части.

[2] Земцов Л.И. Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60-80-е гг. XIX в.). — Липецк. гос. пед. ун-т. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2007. — С. 17.

[3] Горький М. Собрание сочинений в 30 томах. — М.: Государственное Издательство художественной литературы, 1955. — Т. 30. — С. 293.

[4] Серебряков В. Крестьянская энциклопедия // Ленинское знамя (Липецк), 25 июля 1981 года.

[5] Цит. по: Земцов Л.И. Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60-80-е гг. XIX в.). — С. 17-18.

го и нравственного формирования личности в крестьянской среде, вопросам воспитания и обучения. Книга содержит богатое фольклорное наследие русской черноземной провинции, насыщена колыбельными, бытовыми и обрядовыми песнями, пословицами и поговорками, собранными О.П. Семеновой.

Весьма рельефно в книге представлена также характеристика некоторых вопросов крестьянского самоуправления, важной составляющей провинциальной сельской жизни России. О.П. Семенова затронула также проблему восприятия крестьянской средой сельской власти, ее органов и должностных лиц, что представляет значительный интерес для понимания системы взаимоотношений в деревне. Указанные сведения позволяют обогатить имеющийся материал о системе крестьянского самоуправления, на рубеже XIX-XX вв., а также расширить знания о его региональной специфике.

Особое внимание на страницах своей книги О.П. Семенова отвела характеристике важного должностного лица и исполнительного органа волости, старшины. Примечательно, что описанные в «Жизни «Ивана»» черты старшины отчасти опровергают данную ему традиционную оценку в российской исторической науке. Так, с одной стороны, писательница подтверждает мнение о большой значимости данной должности в системе крестьянского самоуправления, выделив ее даже в сравнении с земским начальником. «Главным вершителем судеб в крестьянском обществе является все-таки не земский начальник, а старшина», — писала она. С другой стороны, данные в книге описания места старшины в крестьянском мире входят в противоречие с принятым утверждением о значительной зависимости данного должностного лица от своих избирателей[1]. Напротив, О.П. Семенова указывала на то, что «старшина ...сидит крепко ...» и «... держит в руках мирскую сходку...»[2].

Значительный вес старшины в крестьянской среде, по мнению автора, объяснялся, прежде всего, его более выгодным по сравнению с однообщинниками имущественным положением, что, видимо, было нехарактерно для других регионов[3]. «В связи с его (старшины — М.О.) взглядом, что его должность дана ему на прокорм, происходит немало зла. Старшина получает 600 рублей жалования — и, не надо забывать, что при таких условиях сплошь и рядом является арендатором земли или землевладельцем гораздо бо-

---

[1] Милоголова И.Н. Престиж сельской власти в массовом сознании пореформенного крестьянства. 2. Деревенская власть и ее функции // Сельская Россия: прошлое и настоящее: доклады и сообщения 7-й российской научно-практической конференции. — М., 1999. — С. 9.

[2] Семенова Тян-Шанская О.П. Жизнь «Ивана». Очерки из быта и жизни одной из черноземных губерний // Записки императорского Русского Географического общества по отделению этнографии. — СПб., 1914. — Т. XXXIX. — С. 97-98.

[3] См.: Матвеев С. В волостных старшинах // Русское богатство. — 1912. — № 2. — С. 74–101.

лее крупным, чем любой крестьянин. Понятно, что у него на первом плане его собственные интересы»[1], — писала она.

В описании различных сфер крестьянской жизни, данных О.П. Семеновой, прослеживается отношение крестьян к своему миру, который, с ее точки зрения, воспринимался ими как несправедливый[2]. К сожалению, из содержания книги не представляется возможным сделать вывод о том, было ли указанное отношение крестьян к миру традиционным во все времена или его появление связано с возникновением негативных тенденций в развитии системы крестьянского самоуправления в конце XIX — начале XX вв., как указывает ряд современных исследователей[3].

Тем не менее, негативные явления в жизни крестьянства, такие как значительная роль водки и кумовства при решении многих вопросов деревенской жизни, отмечаемые современными исследователями крестьянского вопроса, указывались и О.П. Семеновой. «Трудно, вот как трудно жить в миру. Тот прав у кого родни много. За своего родного всяк свой голос подает — а уж одинокому и плохо. Все равно, мол, прав никогда не буду. А тут еще водка. За водку да за деньги у всякого судьи виноватый прав буде...»[4], — привела она слова местного крестьянина. По свидетельству О.П. Семеновой развитию указанных отрицательных тенденций отчасти способствовало и сельское начальство, в частности волостные старшины, активно подпаивая и подкупая «продажный элемент в крестьянском мире» для достижения собственных целей.

Примечательно, что в работе О.П. Семеновой, содержащей исчерпывающую информацию по ряду вопросов жизни сельской черноземной деревни в конце XIX в., практически не упоминается об исполнительном органе нижней ступени крестьянского самоуправления — сельском старосте. Он встречается лишь при описании процедуры взыскания недоимок в сельской среде, так как именно староста производил продажу имущества неплательщиков[5]. Факт единичного упоминания о старосте может, очевидно, объясняться незначительной фактической ролью данного должностного лица в жизни крестьянского общества, что отмечается рядом исследователей[6].

Не затрагивая напрямую деятельность распорядительного органа нижнего уровня крестьянского самоуправления, сельского схо-

---

[1] Семенова Тян-Шанская О.П. Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60-80-е гг. XIX в.). — С. 97.

[2] Там же. — С. 95.

[3] Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. — М.: Памятники исторической мысли, 2001. — С. 179-180.

[4] Семенова Тян-Шанская О.П. Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60-80-е гг. XIX в.). — С. 95.

[5] Там же.

[6] Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907 — 1914 гг. — М.: Наука, 1992. — С. 28.

да, О.П. Семенова вместе с тем в своих описаниях упоминала о нем. Эти отрывочные сведения помогают нам обнаружить некоторые особенности его деятельности в черноземном регионе, в частности, такое весьма нетипичное для крестьянской общественной жизни явление, по-видимому, встречавшееся лишь в отдаленных уголках, как допущение присутствия на сельском сходе детей. «Что касается до властей, до мирского устройства..., то всякий десятилетний ребенок знает все это не менее старших, — писала она, — находясь постоянно среди них, присутствуя на сходах и т.п.»[1].

Указанная особенность свидетельствует о весьма слабом знании законов, регламентировавших организацию и деятельность органов крестьянского самоуправления в деревенской среде и их игнорировании населением, что проявлялось, в частности, в допущении присутствия на сельских сходах женщин и детей.

Детальное описание автором «Жизни „Ивана"» различных аспектов крестьянской жизни черноземного региона обнаруживает, насколько велико на них было влияние сельского схода. Так, являлось традиционным вмешательство мира в сферу личных отношений сельского обывателя. «Когда случается, что жених отказывается от невесты после сговора, или невеста от жениха (чаще отказываются невесты, т. к. они чаще еще идут замуж по благоусмотрению родителей и в последнюю минуту устрашаются), то отказавшаяся сторона по иску обиженной стороны выплачивает штраф. Размер этого штрафа колеблется от 10 до 25 рублей и утверждается мирским приговором»[2], — писала О.П. Семенова.

Указанная писательницей практика подтверждает утверждение о том, что помимо вопросов, непосредственно связанных с задачами управления и регламентировавшихся законом, распорядительный орган нижней ступени крестьянского самоуправления, сельский сход, решал и многие другие вопросы, насущной жизни своих членов, главным из которых даже на рубеже веков продолжал оставаться вопрос репутации его членов. Отказ от данного публично обещания жениться оценивался в патриархальной крестьянской среде как поступок, позорящий не только жениха или невесту, но и их семьи, и поэтому требовал апелляции к суду общественности, чем в указанном в книге случае и выступал сход[3]. Не исключена в данном случае и версия, согласно которой отказавшаяся от вступления в брак сторона обязывалась по решению схода выплатить обратной стороне материальные убытки, понесенные той за растраты на приготовления к свадьбе.

---

[1] Семенова Тян-Шанская О.П. Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60-80-е гг. XIX в.). — С. 26.

[2] Там же. — С. 53.

[3] Более подробно об этом см.: Громыко М.М. Мир русской деревни. — М.: Молодая гвардия, 1991. — С. 101-105.

В яркой и выразительной форме описывались автором «Жизнь “Ивана”» и процедуры осуществления некоторых функций органов крестьянского самоуправления.

Одна из наиболее важных задач, возлагавшихся на сельских и волостных должностных лиц, заключалась в обеспечении исправного отбывания крестьянами податей и повинностей, что в свою очередь предусматривало взыскание имевшихся у сельского населения недоимок. Описание указанного процесса представляет значительный интерес, так как при отсутствии четко предусмотренных законом правил проведения данной процедуры, позволяет выяснить, как решались задачи по ее осуществлению в каждом конкретном случае. Описанная О.П. Семеновой процедура взыскания недоимок обнаруживает недобросовестное выполнение сельскими властями возложенных на них обязанностей, которое приводило порой к ущемлению прав крестьян-налогоплательщиков. Писательница отмечала, что на практике сельское руководство не проводило различия между исправно плативши налоги крестьянами и отъявленными неплательщиками. «Иногда, — писала она, — (по случаю круговой поруки) не разбирают, кто платил подати, кто нет, а прямо «с краю» (с крайнего двора) начинают продажу...»[1]. Подобная практика, вероятно вполне обычная в деревенской среде не могла не вызывать в крестьянах стойкой неприязни не только к круговой поруке, но и к необходимости платить подати вообще, что также отмечалось автором книги[2].

О.П. Семенова не обошла вниманием и такую функцию органов крестьянского самоуправления как судопроизводство. Как и большинство ее современников, она отмечала возросшую любовь крестьян к «кляузничеству», называя его одним из зол современной ей деревни. Крестьяне «судиться очень любят, особенно если видят возможность оттягать что-нибудь у другого, сделать другому подвох за какое-нибудь оскорбительное слово и т.п.»[3], — писала она. Отмечая, что сельские обыватели «законы знают по большей части плохо, а потому сплошь и рядом предъявляют иски тем, кто по закону прав»[4] писательница указывала на значительную занятость волостных судов. «Чаще всего судятся из-за поместий, или «поземов». Судятся с помещиком из-за заработков...», — отмечала О.П. Семенова. «Розгами последнее время уже наказывают все реже и реже»[5], — указывал автор работы. Данный факт мог свидетельствовать, как о постепенном отходе провинции от некоторых пат-

---

[1] Семенова Тян-Шанская О.П. Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60-80-е гг. XIX в.). — С. 96.

[2] Там же. — С. 93-95.

[3] Там же. — С. 94.

[4] Там же. — С. 94.

[5] Там же.

риархальных устоев, так и являться следствием приобретшей особую популярность в рассматриваемый период денежной компенсации за материальный и моральный вред, к которой все чаще прибегали крестьяне[1].

Вместе с тем, как указывала О.П. Семенова, в черноземной деревне все еще сохранялась практика вынесения приговора о порке без суда, при волостном правлении[2]. Как правило, подобные решения выносились в отношении «непокорных» детей, по настоятельной просьбе их родителей и по традиции носили увещевательный характер.

Анализ указанной книги О.П. Семеновой доказывает, что данная работа, представляющая собой подробный литературный рассказ о жизни и быте сельской провинции черноземной России освещает различные сферы жизни крестьянства, в том числе дает обширные сведения о системе его самоуправления. Изучение имеющегося в нашем распоряжении материала позволяет прийти к выводу о том, что отмечавшаяся противоречивость в развитии крестьянского сословия на рубеже XIX-XX вв. (в экономическом, социальном и духовном плане), проявлялась и в системе сельского и волостного крестьянского самоуправления. Здесь наблюдалось сосуществование старых патриархальных устоев (проявлявшихся в сохранении влияния сельского схода на сферу личной жизни крестьянина, слабом знании сельскими обывателями законов и вследствие этого их нарушении) с новыми тенденциями (возросшему в крестьянской среде кляузничеству и сутяжничеству). Новые тенденции в экономической, социальной и политической жизни Российской империи, оказывавшие противоречивое влияние на положение крестьянского сословия, вызывали ответную реакцию в деревенской среде. Появившиеся на рубеже веков негативные явления в жизни сельских обывателей, проникшие, в том числе и в систему крестьянского самоуправления (возросшая алкоголизация населения, кумовство, кляузничество и т.д.) явились своего рода ответной реакцией данного сословия на изменения жизни провинции.

---

[1] См.: Астырев Н. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления / Н. Астырев. — М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнырева и К., 1896. — С. 246.

[2] Семенова Тян-Шанская О.П. Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60-80-е гг. XIX в.) — С. 94.

М.А. Серкова
Тюменский государственный университет

ФОЛЬКЛОРНО-ПЕСЕННЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В РОМАНЕ В.М. ШУКШИНА «Я ПРИШЕЛ ДАТЬ ВАМ ВОЛЮ»

Традиционно русский человек встречался с поэзией в песне. Состав русской народной песни формировался веками. Ее фонд отражает историю народа, социальную среду, ее породившую, трудовой опыт, наблюдательность, острый ум русского человека, крылатую мудрость, а также художественные образы, свойства и возможности нашего языка, сгустки народной правды. Считается, что песеннее места там, где богаче природа, где больше вероятность напитаться поэзией песен родных мест, самому стать «песельником» — поэтом. Поэзия была неотрывна от мелодии речи, ее ритма. Она жила в пословицах, поговорках, присказках, сказках. Была совсем иной, нежели современная поэзия.

Творчество В.М. Шукшина возникло из русских песен. Представить Шукшина без песни невозможно. В ней — корни его глубоко народного творчества.

Образ Степана Разина Шукшин вынашивал с детства, с того момента, как впервые услышал песню «Из-за острова на стрежень». Народная песня, в которой отражение души, и «каждое слово, что заноза в сердце». Василий Макарович воплотил в жизнь образ атамана, казненного за то, что стал заступником народным. В самом названии романа «Я пришел дать вам волю» звучит мотив заступничества. Степан Разин — национальный герой, «могучий» в народной правоте и справедливом гневе — очень близок по духу автору, ставшему «душой народа, его обнаженным нервом» [Пономарева 2001: 4]. Именно духовность и доброту искал Шукшин в живом мире, «воспевал просветление в жестокосердных».

Роман «Я пришел дать вам волю» (Здесь и далее текст цитируется по изданию: Шукшин В. Я пришел дать вам волю. — М.: Эксмо, 2004. — 512 с.) насыщен народной песней (слова 9-и песен, две из которых повторяются в тексте). Ни одна из них, включенная в ткань романа не служит простым фоном, заполнением пустого пространства.

Проявление в произведении самой песни, отрывка или двух-трех упомянутых из нее слов оказывается неспроста. Песня всегда является важной деталью, определяющей в конечном итоге отношения между людьми: и между героями, и между читателем и героем. «Песня у него и как инструмент, мгновенно измеряющий внутрен-

нюю суть человека, и как творческая идея, и как характер, и как настроение», — отмечает А. Новосельцев [Новосельцев 2005: 34].

Главный герой — Степан Разин — пел редко, «иногда помычит в раздумье», а «любил песню до слез» (как и сам Василий Макарович), особенно эту: ***«На восходе было солнца красного»*** (48).

В ситуации, когда герои романа проникнуты этой «вольной, душу трогающей песней донцов», ощущаем некую общность мыслей, чувств этих людей: ***«Сидели некоторое время, подавленные чувством, какое вызвала песня. <...> редкая это, глубокая минута: вдруг озарится человеческое сердце духом ясным, нездешним — любовь ли его коснется, красота ли земная, или охватит тоска по милой родине — и опечалится в немоте человек. <...> грустна, эта минута, потому что непостижима и прекрасна»*** (49).

Атаман, благодаря песне, сближался со своими сотоварищами, объединял казаков друг с другом. В тексте: ***«Степан пел опять свою дорогую, любимую дедушки Стыря: «Ох, матушка, не могу, родимая, не могу...»*** (313). И ему подтянули. Тогда Степан встал, и заорал, и показал, чтоб и все тоже орали. Песня завладела не только одним человеком, она ***«набирала силу; теперь уж она сама хватала людей, толкала, таскала, ожесточала. Ее подхватывали дальше по берегу...»*** (314).

Народная песня роднила казаков и в радости, и в горе. Гуляли, выпивали за «вольный Дон», за то, «чтоб не гнулась сила казачья», «чтоб не грызла стыдобушка братов их в земле сырой», да песней все и сопровождали. «Грянут заводилы, умелые, давно слаженные в песне»: ***«Ох, по рюмочке пьем...»***, что душа «взыграет», «заходит», «запросится на волю» (50). Или жалость подступит к груди такая, что до слез, услышав ***«Уж вы, гусельки мои, гусли звонкие»*** (50).

Одной из любимых песен казаков является ***«Ох, бедный еж, горемычный еж!..»*** (43). Посредством этой песни в произведении назван человек: наблюдаем переход имени нарицательного, апеллятива «бедный еж» в имя собственное, прозвище. В тексте ***«Где-то во тьме пели двое: «Ох, бедный еж, горемычный еж!..», «***Бедный еж***» нашел наконец родную душу»*** (65, 53).

Фольклорно-песенное вкрапление ***«Гуси-лебеди летели»*** (19), напевно-складное, родное многим героям романа, оказывается привычным для народа средством «думать свои думы». Это вкрапление навевает мысли о родной земле, о доме, о семье, по которым стосковались казаки. И в то же время, именно песня помогает Разину и его сторонникам быть сильнее духом, не кручиниться. Она настраивала на активные действия, на слаженность в деле: ***«А чтоб дружнее греблось, с первого струга, где был Иван Черноярец, голосистый казак громко, прирывисто повел: «Не великий там огонюшек горит...» <...> Разом дружный удар веслами...»*** (23).

Восставшие люди, во главе со Степаном Разиным, видели мир таким, как он согласуется с их восприятием событий того времени. Воздействие же этих людей на события столь глубоко, что содержание песен порою отражает бессознательность мышления и, соответственно, поступков. Читая роман «Я пришел дать вам волю», чувствуешь (через песни) противоречия, сложившиеся между атаманом и казаками. И в то же время, песня исключает разногласия, не дает возможности углубляться противоречиям до такой степени, чтобы бросить вызов авторитету.

В.М. Шукшин использует веселую песню ***«У ворот трава росла, у ворот шелковая...»*** (92) как смеховое средство. Сцена с шубой Степана Разина, которая выходит замуж за воеводу, ярко демонстрирует артистизм донских казаков, их истинных талант. Такая живая струя народного творчества, очень близкая автору, помогает раскрыть духовные возможности людей.

Особое восприятие жизни разинцами проявляется и через другой фольклорный элемент — загадку, также включенную в текст романа (226). Загадка позволяет высмеять некоторые черты царицынских стрельцов и самих казаков, служит средством общения в конкретных ситуациях.

Прощались с покойником тоже песней, только не пели по привычке, а проговаривали. И выходило так душевно, делали это серьезно, не грустно. Например, ***«Песню знали, Стырь частенько певал ее, это была его любимая. Подхватили. Тоже негромко, глуховато: «Ох, матушка, не могу, родимая, не могу...»*** (250). В этом фрагменте текста эсхатологическая тональность и в самой песне, и в том, как ее исполняют (сравнить с исполнением этой же песни в другой ситуации — см. выше), где и для кого.

Последняя песня в романе (перед казнью Стеньки Разина) «печальная», как говорит сам герой: ***«Бай, бай, да подай, хоть сегодня помирай»*** (379). Она звучит уже где-то в подсознании атамана, внутри его, когда Степан теряет сознание. И родная она, песня народная, и горькая, нестерпимая, невольная: «Хватит! — загремел в былую силу Степан» (380).

Василий Макарович отбирает такие тексты народных песен, в которых безупречно выстроены самые умные мысли, ясно и четко формулирующие поучительный смысл. Его поиски содержательных песен таковы, что в сути выраженных понятий присутствует реальность, сострадание, оправдание, жестокость, добро или зло, правда человеческого бытия. В них чувствуется внутренняя динамичность.

Песня является элементом мировоззрения, составляет неотъемлемую часть русской культуры. Это народные речения, в которых отражен многовековой опыт народа, заложена народная мудрость об этических понятиях добра и зла, справедливости, правды и лжи,

о различных состояниях человека. Благодаря этому, фольклорные элементы влияют на образность языка писателя.

Песни, употребляемые В. Шукшиным, метафоричны, они раскрывают внутреннее состояние героев романа, помогают в изображении характеров. Персонажи Шукшина настолько органичны народной песне, что их невозможно представить вне фольклора: донские казаки черпали великую жизненную силу в песнях, частушках, загадках...

Таким образом, рассмотренные фольклорно-песенные вкрапления показывают возможности использования фольклорной семантики в художественном произведении. Их роль вовсе не так проста, как это может показаться на первый взгляд. Обращение к фольклорной образности и живому, народному слову — это авторский замысел, его индивидуальный стиль, в котором обнаруживается легкость слога, стройность композиции, опора на живой народный язык.

Список литературы

1. Глушаков П. О некоторых «суеверных мотивах» в творчестве Василия Шукшина // Вестник. — 2004. — № 2. — С. 3-7.
2. Коробов В.И. Василий Шукшин. — М.: Современник, 1984. — С. 286.
3. Новосельцев А. Шукшин и песня // Роман-журнал XXI век. — 2005. — № 4. — С. 32-47.
4. Пономарева Т. Потаенная любовь Шукшина // Поэзия. — 2001. — № 3. — С. 5-9.
5. Шукшин В. «Я пришел дать вам волю»: роман, повести. — М.: Эксмо, 2004. — С 512.

Д.М. Пюрияйнен
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН

АНАЛИЗ ЛИЧНЫХ ИМЕН КУПЦОВ И МЕЩАН Г. САРАПУЛА КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ПРОЯВЛЕНИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ СОСЛОВИЙ

Для православного человека имя издревле имело большое значение в жизни, как фактор, предопределяющий его судьбу и характер. Долгое время оно позволяло судить о социальном и религиозном статусе носителя, трансформировалось вместе с обществом, отражая происходящие в нём перемены. В XIX в. по данным антропонимики формируется современная система именования людей. Эволюция имён позволяет судить о модификации мышления отдельного человека и социальной общности в целом.

Цель данной статьи рассмотреть особые и типичные черты менталитета торговых сословий города Сарапула в XIX в. (мещан и купцов) на основе анализа личных имён. Источниками для исследования стали фонды Государственного архива Кировской области (ГАКО) и архивного отдела администрации г. Сарапула (АОА г. Сарапула). Наиболее обширный массив имен сохранился в «Посемейных списках городской управы г. Сарапула о семействах почётных граждан и купцах», а также в «Посемейных списках городской управы г. Сарапула о семействах мещан на 1893 г.».

Исследователь сибирского города Томска В.П. Бойко одним из первых попытался определить психологию и склад мышления группы людей на основе анализа частоты употребления имен[1]. Он рассматривает сложившуюся социальную общность томского купечества в конце XVIII-XIX в. В своей работе В.П. Бойко приходит к выводу, что в XVIII в. наиболее упоминаемыми именами томских купцов были Иван, Пётр, Михаил, что, по его мнению, характеризует купеческое сословие как достаточно традиционное и простонародное, крепко связанное культурными и родственными корнями с крестьянством. Имена подбирались согласно церковному месяцеслову. В начале XIX в. среди томских купцов появляются имена Павел и Александр, что свидетельствовало о проявлении монархических настроений. В итоге Бойко приходит к выводу, что в XIX в. томское купечество «выступает в городе как сила консервативная, приверженная старым традициям и устоям. Своей консервативно-

[1] Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII-XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. — Томск, 1996. — С. 237.

стью и обособленностью от других сословий купцы как бы стабилизировали местное общество, не давая ему склониться ни в сторону подчинения господству официозного дворянско-охранительного направления, ни в сторону радикальной революционности...»[1].

Для получения максимально объективных данных мы несколько изменили методику В.П. Бойко. Столетие мы разделили на четыре условных поколения по 25 лет. Имена всех рожденных в данный период мещан и купцов мы зафиксировали в соответствующих столбцах таблицы. На основе выборки дат рождения по метрике четырех наиболее популярных имен мы попытались выяснить мотивы наречения младенцев.

Полученные данные в целом подтвердили выводы Бойко. Так в первую четверть XIX в. лидирующими именами среди сарапульского купечества были традиционные Иван (18 %), Василий (10 %), Фёдор (12 %). Популярные среди сибиряков в данный период имена Пётр (10,3 %) и Михаил (9,44 %) не имели столь прочных позиций среди имен сарапульского купечества (3 % и 1,7 % соответственно). «Монархические» имена Александр (5,8 %) и Николай (4,6 %) занимают четвёртую и пятую позиции по степени популярности. Вообще, сарапульчане в данный период используют менее простонародные имена, чем томские купцы.

Основным источником механического прироста населения сарапульских мещан являлись крестьяне из прилегающих к городу деревень. Уровень образования обоих сословий был достаточно невысок, а значит и мировоззрение населения было патриархально-религиозным. До 1825 года наиболее популярны среди мещан были имена Иван (12,18 %), Василий (5,9 %), Андрей (4,5 %), Фёдор (4,4 %), что фактически соответствует результатам рейтинга томского купечества конца XVIII в. Из дворянских имен в данный период наиболее популярен Николай (3,4 %), занимающий седьмое место. Данный факт можно расценивать как подтверждение религиозности мещан: ведь Николай Чудотворец — наиболее почитаемый в данном регионе святой. Имя Александр (2 %) находится на 11 месте. В святцах оно имеет большое количество дней памяти, поэтому зафиксированные 2 %, соответствуют числу рождений.

Во вторую четверть века происходят незначительные изменения. Лидеры купечества остались те же: Иван (15,8 %) и Василий (10,3 %). Но их процентное соотношение к остальным именам уменьшилось, и на третье место поднимается Николай (8,5 %). Популярность данного имени можно связать уже не только с почитанием святого, но и с восшествием на престол Николая I. Это положение подтверждает и повышение популярности Александра (7,8 %), немного уступающей

[1] Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII-XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. — Томск, 1996. — С. 238-239.

предыдущему имени. Те же тенденции, в общем, наблюдаются и среди мещан, но здесь традиционные имена не столь заметно уступаю свои позиции. Так, количество Иванов сократилось до 10,5 %, но возросло число Василиев до 7,3 %. На третье место перемещается Николай, заметно увеличив свою численность до 6,4 %.

Годы третьей четверти века пришлись на пореформенный период. Либеральные преобразования государства привели к коренным изменениям в сознании общества, расшатывая его традиционные устои и структуру. Купечество, как наиболее передовая и образованная его часть, отреагировало наиболее быстро. Традиционные народные имена были потеснены «элитными», дворянскими не характерными ранее для широких масс общества. Наиболее популярными среди купцов становятся имена Николай (13,5 %) и Александр (11,7 %). Иван (10,9 %) и Василий (9,2 %) смещаются на третье и четвёртое места. Данный факт можно рассматривать не только как повышение общего уровня образования и культуры купечества, но и как своеобразное одобрение проводимых государством реформ и популярность монархических настроений. Мещанское сословие на фоне купцов выглядит более патриархальным. Так тройка лидеров, несмотря на все перемены, осталась неизменной: Иван (11,1 %), Василий (8,1 %), Николай (8,4 %). Более того, произошло их процентное увеличение. Тем не менее, на приверженность монархическому режиму указывает резкий рост числа Александров (с 3,5% до 7,2%). Ранжирование имен мещан характеризует социальную структуру города пореформенного периода. Ко второй половине века складывается слой потомственных горожан — носителей урабанизационной культуры. Именно они обеспечили высокий процент Николаев и Александров. Эта часть мещанства была тесно связана с купечеством. По данным Н.П. Лигенко 51,1 % вновь объявленных капиталов в городе принадлежали именно мещанскому сословию[1]. Тесные сословные контакты приводили к формированию единой социальной среды, в рамках которой протекали культурные и мировоззренческие заимствования. В то же время отмена крепостного права подтолкнула часть предприимчивого крестьянства к переселению в город и присоединению к демократичному мещанскому сословию. Эта часть мещан сохраняет крестьянские патриархальные традиции.

В последней четверти века модернизационные процессы в обществе достигают высоких темпов. Новое время требует высокого уровня образования, которое изменяет патриархальное мировоззрение. К тому же формируется поколение предпринимателей, прошедших обучение в высших учебных заведениях, часто бывающих в центре России и Европе. Лидерами купечества становятся модные

[1] Лигенко Н.П. Купечество Удмуртии. — Ижевск, 2001. — С. 37.

дворянские имена: Александр (13,5 %), Николай (12,6 %), Владимир (8,7 %), Сергей (6,1 %). Простонародные имена существенно теряют свои позиции: Иван (5,3 %), Василий(2,6 %). Те же тенденции и среди мещан: Александр (12 %), Николай (10,5 %), Иван (9,2 %), Василий (8,54 %). Но необходимо отметить, что среди мещан популярны только «монархические», остальные дворянские имена существенно проигрывают традиционным.

При исследовании списков личных имен горожан XIX в. встаёт вопрос о мотивах, двигавших родителями при наречении младенцев. Показателем уровня модернизации сознания является в данном случае соблюдение или отклонение от обычая выбора имени. Традиционно в православии имя ребенку присваивается согласно святцам. Тем не менее, родители имеют определённый выбор имен. Можно было назвать в честь святого, почитаемого в день рождения ребёнка, либо на восьмой день после данного события, или на момент крещения (то есть через сорок дней). Таким образом, родители могли подбирать наиболее приемлемое имя. Поражает тот факт, что в начале века половина купцов, а в конце почти 60 % мещан носили одно из семи, наиболее популярных имён. С разрушения традиционных начал, возникающее индустриальное общество всё более подвержено влиянию моды. Через популярное имя родители пытаются предопределить успешность ребёнка в новом мире.

Из общего числа нами были выбраны четыре наиболее популярных имени: Иван, Михаил, Николай и Александр. По каждому из них были рассмотрены сорок дней рождений их носителей в различные годы. Исследование показало, что сарапульчане старались нарекать ребёнка по тому дню, в который родился младенец, либо по прошествии восьми дней. Строго по традиции именовались младенцы, носившие имя Ивана. Из них лишь 4 % были названы не по православному месяцеслову. Наибольшие нарушения наблюдаются для имени Николая — 66,7 %. Почти равный процент несовпадений у Михаила (44,6 %) и Александра (42,8 %). Таким образом, простонародные имена выбирались той частью горожан, которые являлись носителями традиционного мировоззрения. Дворянские имена выбирала образованная часть общества, обладающая модернизированной городской и достаточно светской культурой.

Данные таблиц № 1 и № 2 показывают, что в первой половине века среди мещан наблюдается большее разнообразие имен, чем у купцов. Этот факт объясняется традиционным наречением ребёнка по православным святцам, обладающим большим разнообразием имён. Но при рассмотрении имён всех купцов и мещан в течение XIX в. наблюдается иная тенденция. Так, нами учтено 1 268 купцов и 107 их имён. На 8 530 мещан приходится только 270 имён. Таким образом, более крупные предприниматели нуждались в инди-

видуальном, запоминающемся имени, которое служило своеобразной визитной карточкой купца.

Итак, анализируя личные имена, можно сделать вывод, о том, что купечество обладало миропониманием более светским, чем мещанство. В своих общественно-политических взглядах оно было консервативно и поддерживало монархическую структуру государственного устройства, однако, со второй половины века происходит либерализация их убеждений, и купечество с симпатией относится к происходящим в государстве переменам. Купеческое сословие было передовой частью сарапульского общества, быстро реагирующей на социальные изменения, образованной и далёкой от предрассудков. По сравнению с томским купечеством, сарапульчане отличались более высокими темпами формирования городской культуры, а значит и более успешными модернизационными процессами. Это объясняется географическим расположением города на стыке европейской и азиаткой части империи, позволяющим более активно взаимодействовать с обоими регионами. Данный факт способствовал более быстрому, чем в Сибири, становлению индустриального общества.

Мещане в своих убеждениях более патриархальны и консервативны, менее подвержены социальным переменам. В городе они являются хранителями традиционной народной культуры и более близко связаны с крестьянской массой, чем купечество. Даже начавшиеся изменения со второй половины XIX в. сопровождаются сохранением традиций. Мещанское сословие, наиболее многочисленное в городской среде, не имело достаточно чёткой структуры даже в конце исследуемого периода и содержало два основных пласта: бывших крестьян, поддерживающих в городе традиционную культуру, и предпринимателей-горожан, достаточно давно проживающих в городе и близких по менталитету к купечеству. Таким образом, между мещанами и купцами существует как определенная взаимосвязь через совместное проживание и общую городскую культуру в частности, так и разница мировоззрений в целом.

Таблица 1

Употребление наиболее популярных имён купцов

№	Имя	1800-1825	1826-1850	1851-1875	1876-1900
1	Александр	10	31	54	31
2	Василий	17	41	51	12
3	Иван	31	62	43	6
4	Михаил	3	23	31	14
5	Николай	8	33	63	29
6	Павел	1	13	29	5
7	Петр	6	22	13	13
ИТОГО		76 (44%)	225(56,5%)	244(52,2%)	110 (47,8%)

Таблица 2

Употребление наиболее популярных имён мещан

№	Имя	1800-1825	1826-1850	1851-1875	1876-1900
1	Александр	14	65	197	388
2	Василий	42	137	222	273
3	Иван	87	199	306	295
4	Михаил	25	100	269	221
5	Николай	25	120	231	336
6	Павел	18	55	120	185
7	Петр	14	72	101	158
ИТОГО		225 (31,5%)	748 (40%)	1446(53%)	1856 (58%)

Таблица 3

Употребление наиболее популярных «дворянских» имён купцов

№	Имя	1800-1825	1826-1850	1851-1875	1876-1900
1	Александр	10	31	54	31
2	Николай	8	33	63	29
3	Павел	1	13	29	5
4	Константин	0	2	3	4
ИТОГО		19 (11%)	79 (20%)	151 (32,3%)	69 (30%)

Таблица 4

Употребление наиболее популярных простонародных имён купцов

№	Имя	1800-1825	1826-1850	1851-1875	1876-1900
1	Василий	42	137	222	273
2	Иван	87	199	306	295
3	Михаил	25	100	269	221
4	Петр	14	72	101	158
5	Андрей	32	56	112	113
ИТОГО		200 (28%)	564 (30%)	1010 (37%)	1060 (33%)

Таблица 5

Употребление наиболее популярных «дворянских» имён мещан

№	Имя	1800-1825	1826-1850	1851-1875	1876-1900
1	Александр	14	65	197	388
2	Николай	25	120	231	336
3	Павел	18	55	120	185
4	Константин	6	18	38	62
ИТОГО		63(9%)	258 (14%)	586 (21%)	971 (30%)

Таблица 6

Употребление наиболее популярных простонародных имён мещан

№	Имя	1800-1825	1826-1850	1851-1875	1876-1900
1	Василий	17	41	51	12
2	Иван	31	62	43	6
3	Михаил	3	23	31	14
4	Петр	6	22	13	13
5	Андрей	3	11	7	3
ИТОГО		60 (34,7%)	159 (40%)	145 (31%)	48 (20,8%)

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Д.И. СТАХЕЕВА

Д.А. Салимова
Елабужский государственный педагогический университет

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИ «ГОВОРЯЩИЕ» ИМЕНА И «ГОВОРЯЩИЕ» ФАМИЛИИ В РОМАНЕ Д.И. СТАХЕЕВА «ОБНОВЛЕННЫЙ ХРАМ»

«Обновленный храм», как и некоторые другие произведения Д.И. Стахеева, относится к тем типам романов, которые, несмотря на наличие четкой сюжетной линии, яркой системы образов и самобытного авторского языка, продо лжают оставаться «в тени», вне зоны критики и тем более — вне поля внимания лингвистов-исследователей языкового творчества писателя. Почему так сложилось? Ответ на этот вопрос можно найти в трудах замечательного стахееведа Н.М. Валеева, мы же попытаемся внести скромную лепту в изучение лингвистических особенностей текстового пространства, языкового сознания автора вышеуказанного романа.

В данной статье постараемся изложить свое видение проблемы «имя в художественном тексте», на примерах личных имен, антропонимов, реконструировать стахеевское видение характерологических проекций основных и неосновных персонажей романа.

Имя, в широком смысле этого слова, очень весомо для Д.И. Стахеева. Уже названиями своих произведений он умеет аккумулировать и концентрировать весь идейный замысел, создавать мини-проспект романов. Таковы «Избранник сердца», в котором речь идет о роковом для девушки выборе спутника жизни; «Обновленный храм» — вся сюжетная линия построена вокруг обновления храма в провинциальном городке XIX века; таковыми являются «Студенты» и «Наследники». Выбирая термин, возможно, не совсем лингвистический, такие имена романов следовало бы назвать «кричащими» (по аналогии с общепринятым определением «говорящие имена»). Удивительное свойство ономастических систем — хранить историческую память, содержать языковую информацию о прошлом — связано с их консервативностью, устойчивостью и обособленностью в языке. Это четко прослеживается во всей системе имен персонажей романа Д.И. Стахеева. Для Стахеева-писателя антиномии имя — слово не существует, поскольку он понимает, что слово — это только одна ипостась имени.

«Обновленный храм», в отличие от многих других романов, имеет очень небольшой список героев. Основные персонажи — купец *Иван Петрович,* священники *Леонид, Павел* и *Никанор*. Дельцы *Анемподист Анемподистович* и *Осип Иванович*. Эпизодична роль *отца Поисия* и послушника *Вениамина*. Владыка *Никтополион* (его имя называется лишь два раза, хотя в развитии сюжетной

линии роль образа епископа огромна), его предшественники, о которых лишь упоминается в разговоре купцов, это: *Аполлинарий, Захарий* и *Гурий* (в тексте эти три имени встречаются лишь один раз). Несколько раз на страницах романа появляется *Захар* и *Савва.* Абсолютно все имена персонажей — так называемые «календарные», причем основное большинство имен, кроме *Ивана, Павла, Леонида*, «очень редко встречающиеся» (По данным В. Ивашко, из имен стахеевских героев только *Иван* включен в список употребительных русских имен с 1612 по 1970 годы (1980: 75-77).

Вспомним тот факт, что основное отличие монашеских имен от светских — в сохранении церковнославянской формы имени: монашеские имена употреблялись в строгой канонической форме, как бы трудна для произношения она ни была. В тексте романа читаем: *отец Никтополион, монах Вениамин*. Список имен, одним словом, очень небогатый и с точки зрения современного читателя довольно экзотичный. Неблагозвучные звуковые комплексы, у современных читателей вызывающие неоднозначные ассоциации, стали причиной того, что эти старые имена фактически уже выпали из русского именника.

Не вызывающий симпатии читателей ни в одном из своих поступков *Анемподист Анемподистович* (думается, такое имя было редкостью даже в 19 -м веке), как-то в очередной раз выпив порядочно, заставляет выговаривать свое имя, отчество другого персонажа *Савву*. У того, естественно, это не получается: *Анемп... д — силился выговорить Савва и бесполезно мотал головой*. Этот эпизод примечателен как раз в том плане, что не только автор Стахеев, но и его персонажи непосредственно обращены к имени человека.

Самый дурной характер и плохие поступки у *отца Никанора*. Священник, который должен учить прихожан смирению, прощению, терпению, благочестивости и порядочности, сам является крупным интриганом, истеричным и жалким существом. Вот как впервые Д.Стахеев вводит этот герой в свой текст: «*Резкой противоположностью Павлу и Леониду был Никанор. Он* ***никогд****а не задавался вопросом о том, «куда вечером», и* ***никогд****а, ни прежде, в лета юности,* ***ни*** *теперь* ***не*** *боялся* ***никаких*** *грозных писем».* «***Никанор никогда*** *и* ***никому никакой*** *защиты не оказывал, и о сердечных чувствах его нельзя сказать* ***ничего*** *определенного*» (Стахеев 1992: 183). Это предложение автора, на наш взгляд, знаковое: в нем использовано 4 лексемы с абсолютно отрицательной семой, высшим сосредоточием которой и является сам Никанор. Это самый отрицательный герой в романе, названный именем с элементом Ни-, ни во что светлое, хорошее не верит, во всем ему мерещится заговор, корысть, предательство.

Прием введения в текстовое пространство своего героя у Д.И. Стахеева, таким образом, весьма своеобразен. После первой же информации о *Никаноре* автор на трех страницах излагает о том, как прекрасно держался отец Никанор на службах, как он замеча-

тельно читал Евангелие, как достойно вел себя в храме при присутствующих. После трех страниц текста, хвалебных в адрес святого отца автор как бы невзначай приводит между строк мнение Ивана Петровича, самого положительного и человечного героя романа. Вот как об этом пишет Д.И. Стахеев: *... Никанор — вообще ему не нравился ни в частной жизни, ни в церковном служении, не исключая даже его образцового умения читать Евангелие и акафисты*. Заметим, опять в этом предложении три раза использовано отрицание. Автор большим пространством текста дает информацию «плюс» по отношению к Никанору, но достаточно одного предложения о том, как относится Иван Петрович к Никанору, чтобы читатель смог создать свою оценку герою. Имя этого героя греческого происхождения, в этимологии онима есть сема глагола «побеждать». Никанор в течение всего романа воюет с Иваном Петровичем, с владыкой, с мирянами, прежде всего, сам с собой, с темным, негативным, нечеловеческим в своей душе и — в конце романа — он все-таки побеждает эту темень: *Я виноват... много... Сам Господь послал тебя ко мне. Ты обновил храм сердца моего. Он был осквернен. Прости меня!* Таким образом, сема «победитель» раскрывается лишь в конце романа: злой, человеконенавистный священник Никанор сумел, по автору, должен был суметь, победить зло в собственной душе.

Другое дело — *Иван Петрович*, этот главный персонаж, честный, глубоко и истинно верующий, в то же время практичный и деловой человек. Если бы Д. Стахеев дал ему имя *Анемподист* или *Никанор,* или *Осип*, читателю понять и полюбить этого купца, при самых его благих делах, было бы намного сложнее.

Иван Петрович. *Иван* (старинная форма Иоанн) — древнееврейского происхождения, означает Яхве (Бог) смилостивился, помиловал (дар Бога). Это самое распространенное в течение многих веков русское имя, и автор основного героя, конечно, таким именем нарекает не случайно (немаловажен тот факт, что отца Дмитрия Стахеева тоже звали *Иван*). Феноменально честного, порядочного, аккуратного и исполнительного и самое главное — набожного купца — называя таким именем, автор как бы подчеркивает: вот он какой настоящий Иван, какой должен быть русский человек. Прозаик XIX века, возможно, и не знал о тонкостях психологических реакций и ассоциаций читателя, что доступно современным психолингвистам, тем не менее, поразительна точность характеристик купца Ивана с фоносемантической характеристикой этого имени. Итак, слово *Иван* у современного читателя вызывает представление: «нечто хорошее, светлое, простое, гладкое» (Ивашко 1980: 165).

Д.И. Стахеев как мастер русского слова именами и фамилиями своих персонажей заранее интригует читателя, фоносемантической картиной имен (размер имени, количество слогов, сложные сочетания глухих согласных) отрицательных персонажей вызывает нега-

тивные ассоциации: чуждость, громоздкость таких имен, как *Анемподист, Никанор, Вениамин, Осип, Поисий* и др,. психологически готовит читателя к неприятию этих персонажей.

Здесь есть один интересный момент: владыку, епископа с твердой верой и волей, истинного христианина, уравновешенного и умного человека, зовут **Аполлинарий**. Имя далеко не простое для произношения, но автор и здесь находит способ оттенить своего любимого героя от возможной неоднозначной реакции читателя. Во-первых, начальный компонент этого сложного имени все-таки Аполлон (это слово отрицательной коннотации вызывать не может); во-вторых, Д.И. Стахеев в тексте всего один раз упоминает это имя, заменяя его каждый раз словами епископ, владыка. Несомненно, это элемент православной религиозной культуры, проявление правовой субординации, возможно, намек на то, что любой владыка, как бы его ни звали (Аполлоном или Захаром), должен поступать именно так: честно, справедливо, благосклонно, но, когда это необходимо, очень строго.

Из периферийных персонажей выделим также *Вениамина* (древнееврейского происхождения, означает «сын десницы, правая рука, любимый сын»), это действительно правая рука владыки, епископа, первый его помощник, т.е. здесь налицо связь героя с его этимологическим содержанием. *Павел* (латинское имя, означает «маленький»), священник не очень серьезный, не зрелый и не совсем подготовленный к духовной деятельности: он любит выпить, играть в карты, не самостоятельный и не решительный человек.

В романе «Избранник сердца», где речь идет о семье графа Загорских, Д.И. Стахеев разными приемами подчеркивает сословно-классовую дифференциацию имен. Как известно из истории, для высшего света России на протяжении двух веков идеалом была Франция, и включение форм подачи имен таких, как Mari, Lida, Maman, в стахеевском тексте воспринимается весьма органично и естественно. В «Обновленном храме» же, повествующем о жизни священников в провинциальном городке (нам думается, что речь идет о Елабуге), таких имен «на французский манер» нет, и это вполне закономерно. Д.И. Стахеев относился к таким русским авторам, которые писали на языке конкретного сословия и могли передать речевой характеристикой персонажей как духовный мир, национальный колорит, так и собственное авторское отношение к тому и тем, о чем и о ком они пишут.

Фамилии основных героев «Обновленного храма», на наш взгляд, «прозрачные», семантически обусловленные: главному герою, купцу *Ивану Петровичу* автор дает фамилию *Зайчиков*; два дельца, дерущиеся между собой за деньги на обновление храма, точнее, за подряд работ, *Медведников* и *Творожников.* Если *купец Зайчиков* очень пуглив, он действительно боится всего: в первую очередь божьего суда, мнения прихожан и членов своей семьи. И в этом нет ничего плохого. Хороший человек должен быть зайцем, нежели медведем, который все

топчет на своем пути, груб, невежлив (это о *Медведникове*). Следующий персонаж, «далекий от совершенства», — *Тряпичников* и т.д.

Весьма примечательна в аспекте «говорящих» фамилия протодьякона, о котором мы узнаем тоже лишь из беседы главных героев, — *Громов*. Причем, один персонаж, вводя эту фамилию, вспоминает, какой он был *громогласный*, и говорит: «*... нарочно заезжал раза три, чтобы только его послушать. Действительно, на редкость был. И на низах ... мало кто мог с ним равняться.* Фамилию *Громов*, таким образом, автор обыгрывает тремя приемами: языком персонажа называет его *громогласным*; подчеркивает, что тот хорошо пел особенно на низких тонах и, наконец, логическую точку Громову в характеристике ставит тот же персонаж: *А ведь помер он нехорошо.* ***Ударом.*** Говоря по-иному, громогласного протодьякона, певшего на низких тонах и умершего от удара, автор просто не мог назвать другой фамилией, кроме как *Громовым.*

Возможно, Д.И. Стахеева, писателя, имеющего филологическое образование (вспомним тот факт, что будущий писатель «держал экзамен при С.-Петербургском университете на учителя русского языка и словесности), занимала окутанная флером мистики загадка тысячелетней давности — связь имени и человека. Причем, эта неуловимая связь между именем и судьбой, характером персонажа у писателя очень правдоподобна, хотя и автор никогда не перешагивает через определенные грани. Нет и тени назойливости, нарочитости в его антропонимической концепции. Д.И. Стахеев умеет оставаться объективным и пристрастным как к своим персонажам, так и к их именам. Так называемая «языковая вариантность» имен в романе практически отсутствует. Никаких *Ваней, Ванюш, Ванюх,* имен-гипокористик автор не позволяет ни в своей речи, ни в речи персонажей. Такая некая однобокость и скупость имен героев (автор Ивана Петровича называет только таким двухсловным вариантом, и так к нему обращаются другие персонажи в ходе всего романа) лишний раз подчеркивает сдержанность авторского языка, его уважительное отношение к герою. В этой связи хочется заметить: Борис Хигир, в считанные секунды, составляющий характеристику человека, услышав его имя, отчество (1995), на наш взгляд, нередко очень далек от истины. Другое дело, фоносемантическая характеристика литературных имен глубоко символична, так как они созданы, точнее, использованы мастером русского слова, Д.И. Стахеевым.

В своем исследовании антропонимов текста XIX века мы решили прибегнуть и к элементам психолингвистического эксперимента, точнее, к эксперименту психологических ассоциаций. 20 имен, использованных автором в романе, были предложены участникам эксперимента (студентам филологического факультета и старшеклассникам — всего 200 респондентов) для ранжирования и распределения их по группам: «хороший» и «плохой»; «светлый» и темный»,

«добрый» и «злой», «большой» и «маленький». Аудитория выбиралась тщательно: в эксперименте участвовали лица, не читавшие романа Д.И. Стахеева; предлагались простые имена без дополнительных компонентов, присутствующих в тексте и имеющих дополнительную смысловую наполненность (*отец, купец, владыка, преосвященство* и т.д.), Свыше 90 процентов участников анкетирования «хорошим», «светлым», «добрым», «большим» назвали *Ивана Петровича, Аполлинария, Василия Николаевича*. В число «нехороших» попали: *Никанор, Паисий, Павел, Анемподист Анемподистович* (именно такие они в романе). Одним словом, поражает точность и глубина психологического анализа в подборе имен персонажам Д.И. Стахеевым и аналогичность линий восприятия онимов сегодняшними носителями языка. Сегодняшний носитель языка личные имена членит на «плохие» и «хорошие», конечно, в первую очередь, исходя из фоносимволических характеристик: использование заднеязычных и глухих согласных, неудобных для произношения сочетаний звуков, громоздкость слоговой структуры, отдельные семантические элементы и, наконец, фонетическое значение отдельных звуков.

В заключение отметим, что ономастические единицы, в частности, антропонимы (фамилии — «говорящие», а имена — «говорящие» или этимологически, или фонесемантически), в романе Д.И. Стахеева выступают как функционально-семантический словесный знак, символ, служащий одним из средств текстообразования. Пером писателя-прозаика простые имена становятся связующим, конструктивным, сигнализирующим, эмоционально-экспрессивным элементом семантического пространства и формальной организации текстового поля.

Можно с полной уверенностью заявить, что антропонимы в текстовом поле Д.И. Стахеева, как и другие лексические единицы, обладают экспрессивностью, отражая субъективное отношение автора к своим героям. Д.И. Стахеев, используя языковые механизмы (семантические, фоносемантические, стилистические, структурные) прагматического воздействия, умеет добиваться антропонимическим пространством наибольшего воздействующего эффекта на адресата-читателя, что и реализует основную цель художественного материала.

Литература:

1. Ивашко В.А. Как выбирают имена. — Мн.: «Высш. школа», 1980. — 174 с.
2. Стахеев Д.И. Духа не угашайте. Избранные произведения (Подготовка текста, составление, вступительная статья Н.М. Валеева). — Казань: Татарское книжное изд-во, 1992. — 447 с.
3. Суслова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. — Изд. 2-е, испр. доп. — Л.: Лениздат, 1991. — 220 с.
4. Хигир Б.Ю. Тайная власть имени. — М.: Агентство «Фаир», 1995. — 272 с.

Н.Н. Аникина
Елабужский государственный педагогический университет

ЛЕКСЕМЫ «ХРАМ» И «ЦЕРКОВЬ» В ИСТОРИЧЕСКОМ И ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТАХ

Глубокие этимологические разыскания устанавливают связь лексемы «храм» с общеславянским * hormъ, родственным др.-в.-нем. sckirm, sclrm, — «защита», «заслон» и более ранним др.-инд. carmen — «шкура», «кожа» [9, с. 265; 11, с. 353].

Таким образом, путь исторического развития значения данного слова шел от исходного «шкура, кожа», затем — «защита, заслон», позже — «деревянное строение», «жилое помещение», «дом вообще» и, наконец, — «здание, предназначенное для совершения богослужения и религиозных обрядов» [1, с. 1453].

Об исторических связях значения слова «храм» со значением «строение», «дом вообще» (ср. др.-рус. «хором(ы)») свидетельствуют данные современных славянских языков. Ср.: с.-хорв. храм — «дом, храм»; словен. hram — «строение, жилье, храм, покой»; н.-ж.-луж. chrom — «постройка» [9, с. 265].

В древнерусском языке слово «храм» известно с XI века со значением не только «храм», «сокровищница», но и «дом», «жилище», «комната», «горница» и даже «лавка» и «харчевня» [7, с. 1397; 9, 357].

Так, в «Словаре ...» И.И. Срезневского значение слова «храм» как «дом, жилище» иллюстрируется фрагментом текста из «Остромирова евангелия»: **И вьсакъ, иже оставитъ братиѭ или сестры ... или села или хрaмы имене моѥго ради, стократицеѭ приметъ** [7, ст. 1397].

В том же значении, но с пометой «устаревшее» слово «храм» фиксируется в словаре В.И. Даля: храмъ, м. стар. — хоромы, жилой домъ, храмина, ж. Въшедше въ храмину. МТФ [3, с. 564].

Слово «церковь» — общеслав. заимствование из германских языков (гот.-арианск. или др. — бавар. — kiriko, kirko (ср. нем. Kirche «церковь»), где данный «хронологический слой» восходит к греч. kyriakos (domos) — «господний (дом) [9, с. 864; 11, с. 357].

Оба слова в современном русском языке входят в один синонимический ряд: **церковь — храм — собор — святилище** и объединяются общим семантическим компонентом «здание, в котором совершается богослужение» [2, с. 522]. Однако исторический путь развития данных лексем на восточнославянской почве привел к формированию особенностей данных слов на когнитивном уровне и, как следствие, на словообразовательном и стилистико-функциональном.

Будучи старославянским заимствованием в русском языке (ср. вост.-слав. хоромы), слово «храм» имеет более широкую сферу обозначения, чем слово «церковь».

Появление храмов как места поклонения богам относится к глубокой древности, и славянское слово «храм» используется для обозначения такого места независимо от вероисповедания, что отражено как в энциклопедической, так и в художественной литературе. Ср.: Древнерусские храмы. Храм богини Дианы. Буддийский храм [1, с. 1453]. **Храмы идольскыа и трєбища всюдоу роскопа и посѣче** [7, ст. 1398]. Мечеть, и, ж. Мусульманский **храм** [8, с. 385]. У В.И. Даля: // Храм и храм Божий — здание для общественного богослужения, **всякаго исповедания;** церковь [3, с. 564]. Ср. также у А.С.Пушкина: К чему холодные сомненья? Я верю: здесь был грозный **храм**, Где крови жаждущим богам Дымились жертвоприношенья. Чедаеву [Цит. по 4, с. 436].

Этимология слова «церковь», как показано выше, иная. Когнитивная сфера обозначения этой лексемы уже, хотя словарные дефиниции в качестве дополнительного средства передачи значения слова «церковь» включает и слово «храм». Ср. в «Словаре...» С.И. Ожегова: Церковь — 2. Здание для богослужения, **храм** [5, с. 810]. Церковь, ж. — место, здание, для христианского богослужения, **храм** ... [3, с. 573]. Церковь, и, ж. — 2. Здание, в котором происходит христианское богослужение; **храм** [4, с. 672].

Приведенные словарные дефиниции отчетливо выявляют сужение когнитивной сферы лексемы «церковь»: это здание **только для христианского** богослужения. Данная сема отсутствует в семантической структуре лексемы «храм». Кроме того, при описании значения данного слова указывается на обязательное наличие в здании церкви помещения для молящихся и алтаря (как престола Божия). Церковь. Здание для отправления христианского религиозного культа, имеющее помещение для молящихся и алтарь [6, с. 1472]. У И.И. Срезневского: **Цьрквь разоумѣваи нєбо соуштє, олтарь же прѣстолъ вышнаго** [7, с. 1466]. Ср. также у В.И.Даля: «Церковь не просто молельный дом, в церкви — освящение престола есть» [3, с. 573]. По этому признаку церкви как здания для христианского богослужения противопоставляются и языческим местам поклонения богам — капищам: **Капища разоришаса и цьркви поставлаютса** [7, с. 1446].

Таким образом, обе лексемы расходятся по основному, стержневому смысловому компоненту. В слове «храм» основным смысловым компонентом остается древнейшее значение «дом, жилище, строение». Именно оно получает дальнейшее развитие в однокоренном восточнославянском слове «хоромы». Центральной же семой в слове «церковь» является «божий (дом)».

Старославянское происхождение слова «храм» обусловило развитие в нем и других элементов смысловой структуры, что выяв-

ляется при анализе компонентов синонимического ряда церковь — храм — собор — святилище. «Храм. Обычно употребляется применительно к церкви **больших размеров** ...» [2, с. 522].

Как свидетельствует история, после крещения до 1240 года на Руси было построено около 10 000 церковных зданий, большая часть из них, естественно, могла не соответствовать высокому старославянскому понятию «храм», включающему семантический элемент «большой размер». В соответствии с реальной внеязыковой действительностью, не имея высокой старославянской окраски, слово «церковь» «обросло» на русской почве суффиксами субъективной оценки, отражающими размер церковного здания, а также его внешний вид: церковка, церквишка, церквища, церквища, церквушка и др. Большинство из таких образований характеризуются как разговорные или просторечные. Многочисленные иллюстрации употребления подобных слов находим в «Словаре современного русского литературного языка»: Бровкин Иван Артемьев ... стоял на паперти стародавней **церквёнки**, на Мясницкой. А.Н. Толстой. В ожидании всенощной, мы успели побывать везде, и в **церквушках** ..., и в просвирной. Салт.-Щедр. Чахнет старая **церквушка**, В облака закинув крест. С. Есен. Это была робко высившаяся над травой ... **церковочка.** Чех. [4, с. 666].

Стилистический статус «высокости» препятствует соединению основы слова «храм» с суффиксами субъективной оценки, которые проявляют свою словообразовательную активность в сфере разговорной речи или просторечия.

Семантический компонент «преимущественно большой размер» в структуре лексемы «храм», а также ее стилистический статус, связанный со старославянским происхождением (ср.: «обычно... в приподнятой, торжественной речи [2, с. 522]), и отсутствие таковых у лексемы «церковь» обусловили и их различную сочетаемость с определительными словами. Особенности семантического и стилистического «согласования» данных слов выявляются уже в ближайшем их окружении и в минимальных по объему контекстах. Ср.: К чему холодные сомненья? Я верю: здесь был **грозный храм**... А.С. Пушкин. Чедаеву. Мы прошли на террасу Андреевской церкви. Я пришел в большой восторг от легкого фасада этого **грациозного храма**. Лесков. Детские годы. Перегнувшись через косяк, я заглянул внутрь часовни, и оттуда на меня пахнуло **торжественной тишиной** брошенного **храма**. Короленко. В дурном обществе. [Цит. по 4, с. 436].

С участием определительных слов к данным лексемам строится в художественной речи сопоставление реалий, ими обозначаемых. Ср.: Приехал я раз уже студентом в село, где жил в мои детские годы, и застал там, что **деревянную церковку** сносят и выводят **стройный каменный храм**. Лесков. Соборяне. [Цит. по 4, с. 436].

Наличие семантического компонента «величины строения» в лексеме «храм» обнаруживается не только в художественном тексте. Ср., например: Постепенно черноризцев вытесняли из келий, которые занимали под жилье для мирян, а **храмы** отдавали под **музеи** или **учреждения**. Наука и религия, 1992 [8, с. 661].

То же восприятие обозначаемого данными словами мы наблюдаем в речи современной молодежи: У каждого **храма свое очарование,** и что-то неповторимое есть в каждом из них. Путешествуя по стране, я посетила множество **старинных русских церквей**, где каждый раз по-новому смотрела на вещи ... Это были и **маленькие деревенские церквушки**, и величественные кафедральные соборы, и тихие, уединенные в лесной глуши монастырские обители. А. Мельникова. Мой храм — моя семья. [Студентка ЕГПУ. «Свет православия», 10, 2007].

В данной работе мы описываем семантическое наполнение только одного, общего для обеих лексем, значения, в основе которого лежит сема «здание, предназначенное для совершения ... религиозных обрядов» [1, с. 1453].

Для слова «церковь» — это 2-ое значение. Первое, которое фиксируется во всех современных толковых словарях, это — «Религиозная **организация** духовенства и верующих, объединенная общностью верований и обрядности; религия (обычно христианская), проповедуемая такой организацией. Православная ц. Католическая ц. Евангельская ц. ...» [1, с. 1462]. У лексемы «храм» соответствующее значение слова «церковь» отсутствует. Первое и основное значение данного слова — это «культовое здание ...».

В сфере прямого значения у слова «храм» развивается устойчивая сочетаемость со словами «божий» и «господний». Ср: ... Так из лепты трудовой Вырастают **храмы божии** По лицу земли родной. Некр. Влас [4, с. 436]. См. также у В.И. Даля: Храмъ и храмъ Божий — здание для общественного богослужения ...» [3, с. 564].

Наличие центральной семы «здание ...», а также значение «... обычно больших размеров», сфера употребления слова «храм» (тексты «высокой», «торжественной» тональности) определили развитие в русском языке его переносных значений.

Возможность перемещения основного значения в метафорическую область языка словари иллюстрируют употреблением слова «храм» в сравнениях. Например: **Природа** раскинулась кругом, **точно великий храм**, приготовленный к празднику. Короленко. Слепой музыкант. Солнце, счастливое радостию земли, льет с неба свет и ласку на землю, и **земля** изнывает в блаженстве ... Это какой-то **чудный храм** природы, и идет здесь торжественная служба. Гарин. Картинки Волыни [4, с. 436].

«Словарь современного русского литературного языка» фиксирует 2 переносных значения слова «храм», в которых в разной сте-

пени ослабляется основная сема «здание», но ее «этимологическая подкладка» проявляется в дефинициях в виде семы «место», «область», «сфера».

Ср.: 2. Перен. **О месте**, внушающем почтение, благоговение [4, с. 436]. Нет, мир личных ощущений был для него не убежищем**, а храмом,** в котором он поселился с полным убеждением, что прекраснее и священнее **места** нет ничего на свете. Писарев. Реалисты. На сцене свистать нельзя. **Сцена** — это **храм**. Чех. Зап. книжки. [4, с. 436].

В устойчивых сочетаниях «храм науки», «храм искусства (искусств)» слово «храм» также обозначает соответственно: «**Место** служения науке (об университете и пр.) и «**Место** служения искусству (театра, музея и пр.) [4, с. 436]. И, наконец, в студенты посвящен, Вступил надменно **в светлый храм науки.** Лерм. Сашка. Университет ничем не удивил и не привлек Самгина. Клим сознался, что **в храме науки** он не испытал благоговейного трепета. М. Горький. Жизнь Клима Самгина. [Цит. по 4, с. 436].

С тем же обозначением места слово «храм» может выступать в художественном тексте с оттенком иронии в сочетаниях «храм любви, уединения, праздности»: Видна была **беседка** с плотным зеленым куполом, деревянными голубыми колоннами и надписью: «**Храм** уединенного **размышления**». Гоголь. Мертвые души. — Ну что? Как тебе нравится наш **храм праздности?** (клуб) — сказал князь, взяв его (Левина — Н.А.) под руку. Л. Т. «Анна Каренина». [Цит. по 4, с. 436].

«Словарь современного русского литературного языка» [4] фиксирует еще одно переносное значение слова «храм», где первоначальный семантический компонент еще более абстрагируется и ослабевает. Слово «храм» теперь обозначает «**Область, сферу** высоких духовных ценностей, благ (выделено нами — Н.А) [4, с. 436]. Естественно, что данное значение слова реализуется и в ином лексическом окружении. Оно сочетается с существительными, имеющими большую степень отвлеченности: храм истины, свободы, поэзии, любви, души и др. И, тем не менее, исконный семантический компонент «просматривается» даже в таких контекстах, где его актуализации способствует лексическое наполнение. Ср.: На **шатком грунте строите** вы весь нынешний **храм истины.** Бобор. Перевал. Но, друг мой, напрасны святые порывы: На жизненной сцене, залитой в крови, Довольно простора для рынка наживы и тесно для светлого **храма любви**. Надсон. Томясь и страдая. [Вагин:] Мы дружно служили в светлом **храме свободы, правды, красоты.** М. Горький. Дети солнца. [Цит. по 4, с. 436 и след.].

Такое употребление слова «храм» фиксируется уже словарем И.И. Срезневского с пометой «в образных выражениях»: — жилище, обитель (въ образныхъ выраженіяхъ) : **Или не вѣстѣ, ꙗко тѣло ваше**

храмъ духа, иже въ васъ есть ... Вижь новыи градъ, благочьстию храмъ. [7, ст. 1399].

Подобное употребление слова «церковь» не отмечено ни в одном из исследованных словарей, кроме «Словаря ...» И.И. Срезневского: — въ образных выражениях: **Онъ же глаголаашє о цьркъви тѣла своєго.** І. О. Остр. Ев. [7, ст. 1446].

Изучение истории семантического развития и особенностей функциональной сферы лексем «храм» и «церковь» послужит базой для анализа употребления данных слов как «ключевых» в художественной ткани романа Д.И. Стахеева «Обновленный храм». Такой анализ — цель нашего дальнейшего исследования.

Список использованных словарей

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000. — С. 1536.
2. Горбачевич К. С. Словарь синонимов русского языка. — М.: Эксмо, 2005. — С. 601.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — М.: Государст. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. — Т. 4. — С. 663.
4. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Изд-во «Наука». — М.-Л., 1965. — Т. 17. — С. 2126.
5. Словарь русского языка / Сост. С.И. Ожегов; под общей ред. акад. С.П. Обнорского. — М.: Государст. изд-во иностранных и национальных словарей, 1952. — С. 848.
6. Советский энциклопедический словарь / Изд-во «Советская энциклопедия». — М., 1981. — С. 1599.
7. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: В 3 т. / И.И. Срезневский. — М.: Книга, 1989. — Т. 3. — Ч. 2. — С. 1967.
8. Толковый словарь русского языка конца XX века / Языковые изменения / Ред. Г.Н. Скляревская — СПб.: Фолио — Пресс, 1988. — С. 700.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Макс Фасмер. — М.: Прогресс, 1987. — Т. IV. — С. 861.
10. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. — М.: Русский язык, 2004. — Т. II. — С. 474.
11. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. — М.: Прозерпина, ТОО «Школа», 1994. — С. 399.

Т.А. Юлкина
Елабужский государственный педагогический университет

ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ АВТОРА В ТЕКСТЕ Д.И. СТАХЕЕВА «ГРУППЫ И ПОРТРЕТЫ»

Исследование структурно-смысловой организации художественного текста с точки зрения коммуникативной эффективности предполагает анализ стилистического узуса, идеостиля писателя и в первую очередь обращение к «языковой личности», стоящей за текстом, к автору. Как отмечает М.П. Брандес, термин «автор» может обозначать: 1) реальную личность писателя; 2) повествователя, субъекта-персонажа; 3) художественную личность создателя («автор» как присущий данному произведению создающий субъект, который обозначается самим произведением, так что из самого произведения мы о нем и узнаем, иначе, «автор» как художественная личность писателя [1, с. 54]). «Образ автора» как лингвистическая категория разрабатывалась в трудах В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Б.М. Эйхенбаума, Б. Томашевского, М.П. Брандес, Б.О. Кормана, Г.А. Гончаровой и др., которые описали разные виды художественного «я» в прозе, драме, лирике, рассмотрели соотношение «образа автора» с личностью писателя и разными типами повествователя: объективным (ведущим повествование от 3-го лица), личным, субъективным (ведущим повествование от 1-го лица), персонифицированным (ведущим повествование от 1-го лица в сказовой манере). В.В. Виноградов начал разрабатывать категорию автора еще в 30-е годы прошлого века и свои изыскания в этом направлении подытожил в книге «О языке художественной литературы»: «В композиции художественного произведения динамически развивающееся содержание раскрывается в смене и чередовании разных форм и типов речи, разных стилей, синтезируемых «в образе автора» и его создающих как сложную, но целостную систему экспрессивно-речевых средств. Именно в своеобразии этой речевой структуры образа автора глубже и ярче выражается стилистическое единство композиционного целого» [2, с. 154].

Значительный вклад в разработку категории автора внесла литературоведческая дисциплина — нарратология, представители которой (Р. Барт, Л. Долежел, Ж. Кежнетт, В. Шмид, Я. Линтвельт и др.), разрабатывая теорию повествования, исходят из коммуникативного понимания природы литературы, причем акт коммуникации происходит, по их мнению, на нескольких повествовательных уровнях, поэтому обосновывается положение о множественности повествовательных инстанций, выступающих в роли членов комму-

никативной цепи, по которой осуществляется «передача» художественной информации от писателя к читателю [3, с. 69]. Так, 1) на внетекстовом уровне осуществляется коммуникация между реальным автором и реальным читателем; 2) на внутритекстовом уровне абстрактной коммуникативной ситуации реализуется коммуникация теоретических конструктов абстрактного или имплицитного автора и абстрактного читателя; 3) на внутритекстовом уровне фиктивной коммуникативной ситуации в акте коммуникации участвуют «фиктивные» автор и читатель, т.е. эксплицитные повествовательные инстанции, выступающие в виде персонажей; 4) на уровне «мира в тексте» возникают многочисленные коммуникативные ситуации между авторами, т.е. персонажами [3, с. 27].

Изучением коммуникативной деятельности автора как первичной коммуникативной деятельности и коммуникативной деятельности читателя как вторичной интерпретирующей деятельности также занимается одно из направлений современной функциональной лингвистики — коммуникативная стилистика художественного текста, представители которой (М.Н. Кожина, Н.С. Болотнова, А.А. Васильева, И.И. Бабекко, В.А. Пищальникова и др.) видят цель исследований в «разработке проблемы эффективности текстовой деятельности автора и адресата с учетом их языковой личности, сферы общения, целей и задач, жанрово-стилевых и других особенностей текста» [4, с. 159]. Проблема автора их интересует прежде всего в аспекте идиостиля, который, как отмечает Н.С. Болотнова, «имеет комплексный характер, разноаспектно выражает социально-историческую сущность, национальные, индивидуально-психологические и нравственно-этические особенности человека. В идеостиле проявляется его мировоззрение и знание о мире (концептуальная картина мира и тезаурус), общая и языковая культура в их текстовом воплощении. Идиостиль, таким образом — это стиль личности во всем многообразии ее многоуровневых текстовых проявлений (структуре, семантике, прагматике текста)» [4, с. 159]. Многоликость и многоаспектность категории автора, являющейся семантико-стилистическим центром художественного произведения, подчеркивали все исследователи, поэтому, обращаясь к теме автора в тексте воспоминаний Д.И. Стахеева «Группы и портреты», мы строим его анализ, опираясь на идеи В.В. Виноградова, достижения нарратологии, общие установки, выдвинутые коммуникативной стилистикой художественного текста, а также на идеи Ю.Н. Караулова, включившего в модель языковой личности вербально-семантический, когнитивный, мотивационный уровни [5, с. 147].

Д.И. Стахеев, как историко-литературная личность, в своей автобиографии писал: «Я родился в Елабуге Вятской губернии 2 февраля 1840 г. Дед мой, Иван Кириллович Стахеев, был купец, торговал кожевенным товаром...» В автобиографии он описал свою

жизнь, свою работу, своё творчество, свои путешествия. И заканчивал свою автобиографию многоговорящей фразой: «Вот всё, что могу сообщить Вам о себе. Извините, если мало, не осудите, если много. Сердечно желаю Вам здоровья и душевного спокойствия. Покорнейший Ваш слуга Дмитрий Иванович Стахеев».

В тексте воспоминаний «Группы и портреты», Д.И. Стахеев, создатель текста, с точки зрения акта коммуникации выступает как говорящий, который в художественном тексте выполняет ряд коммуникативных функций: 1) функцию сообщения (номинативную, денотативную, референтную); 2) познавательную функцию передачи определенных знаний, опыта (когнитивную, гносеологическую); 3) аппелятивную функцию воздействия на адресата с целью «навязывания» своего видения мира, своих этических и эстетических оценок; 4) эмотивную, экспрессивную и другие функции. Кроме того, писателем создается «образ автора» («бумажная фигура» по Р. Барту), о сущности которого В.В. Виноградов в работе «Стиль «Пиковой дамы» писал: «В сферу этой изображаемой действительности вмещается и сам субъект повествования — «образ автора». Он является формой сложных противоречивых соотношений между авторской интекцией, между фантазируемой личностью писателя и ликами персонажей. В понимании всех оттенков этой многозначной и многоликой структуры образа автора — ключ к композиции целого, к единству художественно-повествовательной системы А.С. Пушкина» [2, с. 203].

К особенностям художественно-повествовательной системы Д.И. Стахеева в тексте воспоминаний «Группы и портреты», имеющих подзаголовок «Листочки воспоминаний», относится, на наш взгляд, структурно-композиционное своеобразие. Текст воспоминаний начинается с комментария повествователя к своему дискурсу, т.е. с «дискурса о дискурсе»: «Предлагаемые листочки заключают в себе, между прочим, воспоминания о Н.Н. Страхове, о многолетнем сожительстве с которым я намеревался написать больше и подробнее...». Далее автор определяет следующую тему своего повествования и цель его: «Из многих других лиц, прикосновенных к литературе и упоминаемых в предлагаемых листочках, уже никого нет в живых, за исключением только одного Л.Н. Толстого, который тоже в значительной степени озарен лучом заката. Озарен чем и я, оканчивающий мой многотревожный путь жизни. Оглядываюсь по сторонам и вижу, как поредело кругом, как мало уже остается спутников от многочисленной когда-то группы современников, шедших по одной со мною дороге» Свое вступление Д.И. Стахеев заканчивает пушкинскими стихами:

«Замолк привет сердечных одобрений,
Моих друзей рассеян тесный круг,
Кто мне внимал, кто радовался лире –
В чужих странах, в ином блуждает мире».

Композиционно текст воспоминаний делится на пять частей, тематическое содержание каждой части обозначается специальными подзаголовками: I — О некоторых писателях и старце-схимнике; II — Писатели, певцы, музыканты и ватное пальто; III — Максимов, Писемский, Стрепетова и портрет, похожий на свинью; IV — Первые шаги в литературе. — Прошлое Кяхты. — Купцы. — Администратор-краснобай и бражники; V — Деятели «Русского Слова». — Насмешка «Искры» и журнальный водевиль с переодеванием.

Перечень тем воспоминаний, большое количество лиц, упоминаемых в них, свидетельствует о большой осведомленности автора, его связях со множеством людей — деятелями культуры, искусства, издательского дела, основателями и сотрудниками журналов того времени, разного рода предпринимателями, что позволяет говорить о большой информационной нагруженности текста воспоминаний и глубоком знании русской жизни второй половины 19 в. их автора.

Следует отметить, что в тексте воспоминаний трудно уловить какую-либо временную или логическую последовательность: «Листочки воспоминаний» — это описание отдельных эпизодов, запись впечатлений от отдельных встреч, разговоров, рассказы писателя об некоторых периодах его жизни и работы. Несмотря на очевидную рыхлость композиции, фрагментарность частей и всего произведения в целом, воспоминания Д.И. Стахеева читаются с большим интересом, что, несомненно, свидетельствует об их коммуникативной состоятельности. Интерес читателя поддерживается тематикой повествования, своеобразием подачи материала, и, конечно, специальными лингвистическими приемами, такими, например, как наличие в тексте элегического вступления, интертекстов (стихи А.С. Пушкина и др.), большим стилистическим и композиционным разнообразием структуры текста, а также мастерски написанным «образом автора», который объединяет разрозненные эпизоды в единое целостное произведение.

В жанре воспоминаний автор обычно выступает в роли «я как свидетель», как автономный персонаж внутри текстовой истории, который более или менее вовлечен в происходящие события, более или менее осведомлен о персонажах и разговаривает с читателями в первом лице. Д.И. Стахеев, выступая в роли «я — свидетеля», часто употребляет «я — тексты» разной величины и формы: «я намеревался написать», «замечу между прочим», а также: «Федор Михайлович (речь идет о Достоевском) бывал у нас нельзя сказать, чтобы часто, вернее — редко. В восемнадцать лет нашего общего со Страховым житья он был у нас, может быть, раз с десяток, не более». Как структурную особенность воспоминаний Д.И. Стахеева стоит отметить многократно использованный им прием включения в дискурс «образа автора» рассказов других персонажей: «Рассказывал мне

об этой поездке в Оптину пустынь покойный Николай Николаевич Страхов». В текст воспоминаний введены рассказы С.В. Максимова, Стрепетовой, рассказы И.Ф. Горбунова о А.Н. Островском и др. Рассказы персонажей о персонажах включаются в текст в форме пересказа, в форме прямой речи, в текстовой форме диалога. Так, рассказывая о Ф.М. Достоевском, Д.И. Стахеев пишет: Страхов рассказывал, как Достоевский в припадке падучей болезни свалился на пол в то время, когда только что вошел в комнаты, возвратясь из церкви после совершения его второго бракосочетания.

— Невероятно тяжелое впечатление произвела на меня его болезнь, — рассказывал мне Николай Николаевич, — представьте себе зал, полный гостей, приглашенных на свадебный пир, веселая музыка встречает входящую от венца парочку, лакеи суетятся около обеденного стола с подносами и бокалами шампанского, слышатся приветственные возгласы поздравляющих, и вдруг Федор Михайлович роняет из рук бокал с вином, падает на пол и начинает биться в припадке падучей. Каково положение бедной невесты и всех собравшихся на свадебный пир!...». Глубоко эмоциональный и мастерски исполненный рассказ Н.Н. Страхова, непосредственного свидетеля драматического эпизода из жизни Ф.М. Достоевского, производит на читателя сильнейшее впечатление.

Особое место в раскрытии «образа автора» и личности писателя принадлежит оценочным дискурсам. Стараясь быть предельно объективным и правдивым, Д.И. Стахеев часто включает в текст не только рассказы своих персонажей, но и их оценки людей и происходящих событий. Например, он приводит рассуждение Н.Н. Страхова об оптинском старце-схимнике, на которого почему-то произвело сильное впечатление сообщении о том, что Л.Н. Толстой — граф, и старец-схимник вдруг вспомнил, что у него брат-генерал. Это обстоятельство Н.Н. Страхов прокомментировал: «Да, да, тщеславие живуче...».

Самого Н.Н. Страхова Д.И. Стахеев ценил очень высоко: «Пользуясь случаем, еще раз скажу, что он был человек необычайно резкой душевной чистоты».

О А.Ф. Писемском Д.И. Стахеев пишет: «Писемский был чистейший русский самородок». И еще: «В память двадцатипятилетия, прошедшего со дня его смерти в заключение моих о нем, воспоминаний скажу: мир его праху! Интересный и в высокой степени оригинальный был он человек».

Д.И. Стахеев не составляет реестра значимости писателей-современников, его скорее занимают их моральные качества, воспитание, их поведение среди других людей. Например, о Ф.И. Достоевском он рассказывает: «Надо сказать откровенно, собеседник он был неудобный, не любил, чтобы ему возражали, и не только не терпел возражений, но даже вообще прерывать его речь и подсказывать что-либо не позволял. Оборвет, бывало, каждого, решившего-

ся вставить в его речь свое слово: «Молчите! Не умничайте! — резко бросит ему в ответ и гневно сверкнет глазами».

Нужно отметить у Д.И. Стахеева чисто христианское отношение к людям, которые доставили лично ему неприятности: «Катков, как известно, не только с нашим братом-писателем, но и с лицами, стоящими на высоких ступенях общественной и государственной жизни, не церемонился. Да простит его Бог за те скорби, которые я от него перенес...».

Совсем иную позицию занимает Д.И. Стахеев, когда говорит о свои идейных противниках. Рассказывая о журнальных баталиях 60-х гг. XIX века, автор воспоминаний пишет: «В то время, в конце шестидесятых годов... Вопросы общественного значения громоздились тогда один на другой, порождая кривотолки и не только среди недоучившихся юнцов, но и в огромной массе достопочтенных седовласых жителей российских сел и городов. И освобождение крестьян из крепостной зависимости, и судебная реформа, и дешевая водка и т.д. — все сразу всплыло на поверхность моря русской жизни и взбудоражило ее сверху донизу».

В этой обстановке литература, особенно журналы заняли однозначную позицию — «обличать, порицать, ломать все старое, ни на что будто не годное «Современник» стоял впереди «Русского Слова» и тоже обличал, порицал и силился сваливать авторитеты, и ученые, и литературные, и церковные, и политические... Досталось тогда от этого журнала и Пушкину, и Пирогову, и университетам и институтам и всему складу русской жизни, начиная от высоких палат до хаты крестьянина».

На протяжении всего советского периода развития истории, литературоведения и других общественных наук деятельность революционно-демократических изданий и их сотрудников оценивалась только положительно, при этом обычно ссылались на знаменитую статью В.И. Ленина о трех периодах русской революции. Все авторы и издания, выступавшие против разрушительных идей революционной демократии, объявлялись реакционными, вредными, их идеи и доказательства не приводились и не комментировались. Поэтому воспоминания Д.И. Стахеева, в которых журналы «Русское Слово» и «Современник» подвергаются резкой критике, по сути являются уникальным документом, ярко отражающим идеологическую борьбу этой эпохи.

Сам Д.И. Стахеев в журнальных статьях и художественных произведениях многократно выступал с критикой разных сторон общественной жизни, но его критика была направлена на улучшение общественного состояния общества, на совершенствование ее нравственных устоев. В программах революционных демократов он не увидел благородных целей, а проницательно заметил разрушительную силу установки «ломай и сваливай» и дал ей резко отрицательную харак-

теристику: «Самые смелые и, так сказать, до безумия задорные были в «Русском Слове» Писарев и Зайцев. Вся программа их деятельности заключалась в двух словах: «ломай и сваливай». По их заключениям, в России все было скверно, нелепо и ни к черту не годилось. Такие суждения мог, разумеется, высказывать всякий дурак, ибо для этого не требовалось ни ума, ни воспитания. Писарев силился свалить Пушкина, называл его в своих скоропалительных писаниях дуралеем, Шекспира творения он ставил ниже, — бесполезнее работы сапожника. Шелгунов, тоже бывший в числе сотрудников «Русского Слова» и считавшийся его украшением, не менее Писарева и Зайцева потрудился в порицании русской жизни. Он был не менее резок, чем Писарев и Зайцев, но тоже наговорил в своих писаниях не мало таких бездоказательных суждений, читая которые теперь, изумляешься тому, как можно было дойти в печати до такого издевательства над своей родиной». Говоря о Писареве и Зайцеве, Д.И. Стахеев вводит в текст оценочные эпитеты «самые смелые», «до безумия задорные», вводит распространенное сравнение — «Такие суждения мог, разумеется, высказать всякий дурак, ибо для этого не требовалось ни ума, ни воспитания». Но по-настоящему Д.И. Стахеева волнует не то, какую отповедь он дает «самооплевателям», а совсем другое: «Но всего обиднее и больнее в этом именно то, что подобное самооплевывание не ограничивалось только писателями, его проводившими, но распространилось среди молодежи, заражало их неокрепшие головы, отравляло нравственность... Кто может спорить против того, что наша «неучащаяся молодежь» — дети отцов того времени — не усвоили от своих беспочвенных родителей их отрицательных взглядов?... — Кто же двигатели так называемого «освободительного движения», кто эти студенты, превращающие университеты — храмы науки — в вертепы разбойников. Они — дети отцов, выросших во время беспорядочного шатания русской мысли, слышавшие в дни своей юности одни только насмешки над родной страной и отравлявшихся отрицательными учениями. К нам именно и относятся слова Гоголя: «Чему смеётесь? Над собой смеётесь!». И, увы, теперь «сыны беззакония» уже не смеются, а злобно завывают, грозят ужасами и требуют себе всевозможных прав, не признавая никаких обязанностей, ни заповедей Божиих, ни самого Бога».

Д.И. Стахеев, человек благородный, патриотически настроенный, не принимает «самооплевывания» Зайцева, Писарева, Шелгунова и др. Программу революционных демократов «ломай и сваливай» он проницательно оценил как программу уничтожения России. Он устанавливает прямую связь между отцами, которые под видом критики издевались над своей Родиной во второй половине XIX в., и детьми — революционерами, «сынами беззакония», которые «уже не смеются, а злобно завывают, грозят ужасами и требуют себе всевозможных прав, не признавая никаких обязательств, ни запове-

дей Божиих, ни самого Бога». Речь здесь, конечно, идет о революционных выступлениях 1905 года. Эти строки проникнуты горьким предчувствием тех бед, тех ужасов, которые принесут России «сыны беззакония», взяв власть в свои руки в 1917 году.

Весьма впечатляющий отрывок завершает Д.И. Стахеев подкрепляя интертекстом, словами Н.В. Гоголя: «Чему смеетесь? Над собой смеетесь!». У современного читателя воспоминаний сразу же возникает мысль о потрясающем сходстве описываемых событий с тем, что происходит в России в конце XX в. и начале XXI века: та же антирусская истерия в СМИ, и тот же бесконечный смех в разнообразных шоу. Хочется спросить: «Чему смеетесь? Над собою смеетесь? А, может быть, смеетесь потому, что страшно?».

Д.И. Стахеев довольно часто использует интертексты, которые в его текстах выполняют разные коммуникативные функции: во вступлении стихи А.С. Пушкина передают элегическое настроение автора, в воспоминаниях, посвященных журнальным и литературным баталиям, он приводит цитаты из статей оппонентов для доказательства своих мыслей, с этой же целью он пересказывает содержание некоторых произведений. Иногда он использует известный сюжет, но наполняет его совершенно другим содержанием. Так, он рассказывает о «забавном сотруднике» «Русского Мира» — переводчике с немецкого. Тот был беден, плохо одет, зимой замерзал — и вдруг издатель газеты М.Г. Черняев подарил ему замечательное пальто. Спустя некоторое время на соседней стройке случилось несчастье: обрушились леса и задавило несколько человек рабочих. «Услышал об этом, — читаем мы у Д.И. Стахеева, — артельщик «Русского Мира», поспешно войдя в комнату переводчика, испуганным голосом проговорил:

— Вы ничего не слыхали?

— А что такое?

— Несчастье ведь случилось, и, представьте, какое ужасное несчастье!...

Переводчик соскочил со своего стула с такой быстротой, точно никогда таким увальнем не был, и кинулся в переднюю удостовериться, там ли его пальто.

— Фу, как вы меня напугали! — проговорил он вернувшись.

— Да вы куда собираетесь? На постройку что ли?

— Ох, пойдите вы с вашей постройкой. Говорите: «Несчастье! Несчастье!» Я думал вы о пальто. Пальто там, на вешалке, какое же может быть несчастье?!...

История с пальто переводчика по сюжету близка к истории шинели Акакия Акакиевича Н.В. Гоголя. Утрата шинели для Акакия Акакиевича — смертельный удар, великая трагедия маленького человека. У Д.И. Стахеева бедный переводчик, получив добротное пальто, заговорил так:

— Вот настоящий человек, наш издатель! Так и должны поступать все! Нет у человека теплой одежды, дай её ему. В беде он — помоги ему, раздели с ним его горе, успокой, утешь. Вот так нужно жить на белом свете!

Но когда случилось великое несчастье — погибли рабочие, это его нисколько не взволновало, так как его-то пальто спокойно висело на вешалке.

В данном случае использование известного сюжета служит средством сатирического изображения так называемого «маленького человека».

Д.И. Стахеев — великий мастер диалога. Известно, что им было написано несколько пьес, некоторые из них были поставлены на сцене. В тексте воспоминаний свой талант диалогического построения текста он реализует блистательно. Вот как он передает рассказ известной актрисы Стрепетовой, прославившейся исполнением роли в пьесе А.Ф. Писемского «Горькая судьбина», о своей первой встрече с автором:

— Пришла к вам за советом...

— Похвально. Это похвально. Молодым в особенности похвально со старшими советоваться... Ну, в чем же совет желаешь иметь?

— Да вот именно в том, куда мне следует обратиться... Вы к театру близки, укажите дорогу, как и к кому надо путь держать...

— Гм...гм... Путь держать говоришь. А на какие роли желание у тебя?

— На драматические.

— На драматические? — переспросил он и пытливо оглянул меня с головы до ног. — Ишь ты! Фигурой ты, милая, не вышла, — вот что. Фигура плоховата — и мала и не того... понимаешь, не очень складна.

— Но ведь не в одной фигуре вопрос. Гм... гм...

— Да, да. Это точно...

Он покрякал, покашлял, оглянул меня опять с головы до ног, помолчал потом минуту-другую, вот будто что-то соображая, и вдруг, как говорится, ни с того, ни с сего, брякнул:

— А любовник есть у тебя?

Я смутилась и чуть слышно прошептала:

— Нет.

— И не было?

— И не было и нет... К чему, говорю, вы об этом?

— Э...э! — протянул он и порывисто поднялся с кресел. — К чему? А к тому, стало быть, что ты для этого дела не годишься... Вот что!

— Как так? Почему не гожусь?

— А потому и не годишься, что конфузлива очень, жизнь-то тебя ещё не потерла, не обтесала. Да. Какая же ты можешь быть ак-

триса, если у тебя любовника не было. Да ещё на драматические роли! Ишь что выдумала. Это не резон! Не-ет, не та материя! Вот ежели бы ты, понимаешь, имела любовника, да он тебя бы, значит, бросил, и ты бы пошла топиться, да тебя добрые люди из воды вытащили, и стала бы ты после этого побираться Христовым именем из деревни в деревню, верст этак, примерно, полтораста или двести, до какого-нибудь, скажем, родственного пристанища, — вот тогда бы из тебя драматическая актриса вышла...

В этом фрагменте-рассказе Стрепетовой так много передано чувств — взаимное смущение, бесцеремонность А.Ф. Писемского, особенности его устной речи, а его монолог о том, какую судьбу должна иметь драматическая актриса, невозможно читать без улыбки.

Филологический анализ текста воспоминаний Д.И. Стахеева, акцентированный на выяснение коммуникативного воздействия на читателя, показал, что «образ автора», являющийся стержнем повествования, создается такими лингвистическими приемами, как использование текстов разных типов, когда, например, в авторской «я-текст» включаются рассказы персонажей, использование интертекстов разного вида и назначения, постоянное присутствие оценочного дискурса автора, и, конечно, использование образных средств языка — метафор, сравнений, гипербол, эпитетов, а также элементов юмора и сатиры.

Все эти приемы и приемы, не названные нами, создают «образ автора» — человека образованного, многое видевшего и знающего, человека вдумчивого и порядочного, патриота России, человека религиозного и высоконравственного. Именно нравственные проблемы интересуют его, когда он пишет о великих людях, и о маленьких. Именно в безнравственном поведении деятелей освободительного движения он видит приближающуюся трагическую эпоху в жизни России. «Образ автора», конечно, во многом совпадает с личностью Д.И. Стахеева — представителя замечательной купеческой семьи, творцов и созидателей, убежденных в том, что в основу любого дела должны быть положены вера, закон, совесть и честь.

Л.Б. Бубекова
Елабужский государственный педагогический университет

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЙ СИНТАКСИС ПРОЗЫ Д.И. СТАХЕЕВА

Как известно, так называемый «авторский стиль» писателя определяется организацией автором материала, отбором выразительных языковых средств, конструкцией фразы, из чего складывается неповторимый узнаваемый почерк писателя.

За более чем 40 лет своей писательской деятельности Д.И. Стахеев написал более 20 романов и повестей, в которых изображается жизнь не только купеческого сословия, к которому принадлежал и сам автор, но и чиновников, духовенства, простого народа. Необходимо отметить тонкость портретных характеристик персонажей, а также многообразие языковых средств, с помощью которых раскрываются характеры героев и указывается на принадлежность их к определенному сословию. Мастерство Стахеева проявляется в умелом употреблении выразительных средств языка, позволяющих передать всю полноту чувств, переживаний его персонажей.

С усилением выразительности, увеличением воздействующей силы языкового знака связано понятие экспрессии. Экспрессия на синтаксическом уровне выражается построениями особого типа: сегментированными конструкциями, парцелляцией, присоединением и др., представляющими собой расчлененные структуры с ослабленной синтаксической связью. Это так называемый «рубленый» синтаксис [1]. Такой «рубленый» тип прозы особенно распространился в XX веке, хотя еще в XIX веке с развитием новых стилеобразующих черт художественной прозы появлялись новые экспрессивные языковые формы. Ф.М. Достоевкий писал в своем «Дневнике писателя» в 1873 г.: «Вчера заходил приятель: «У тебя говорит, слог меняется, рубленый. Рубишь, рубишь — и вводное предложение, потом к вводному еще вводное, потом в скобках еще чего-нибудь вставишь, а потом опять зарубишь, зарубишь...».

Ведущим среди экспрессивных построений является процесс сегментации, т.е. членения текста на отдельные сегменты. При этом информация подается частями, в то время как синтаксическая система русского языка позволяет передать ту же информацию без расчленения текста на сегменты. При расчлененности повышается интонированность текста: текст читается более прерывисто, увеличивается количество логических акцентов.

Остановимся более подробно на выразительном синтаксисе прозы Д.И. Стахеева. Поскольку выразительность синтаксиса в художественном тексте достигается самыми разнообразными средст-

вами и рассмотреть все их многообразие в рамках одной статьи не представляется возможным, мы остановим свое внимание только на сегментированных конструкциях.

Сегментированные конструкции в прозе Стахеева, по нашим наблюдениям, выполняют следующие функции:

1. Функция умолчания или недосказанности. Такую функцию выполняют определенные фрагменты текста, оформленные многоточием (что уже само по себе указывает на незаконченность высказывания). Как правило, такие конструкции употребляются автором в том случае, когда персонаж желает уклониться от прямого ответа на поставленный вопрос, либо намеренно многословием или пустословием уходит от темы разговора. Особенно показателен в этой связи роман «Обновленный храм», в котором на протяжении всего повествования решается проблема ремонта обветшавшей церкви в небольшом городке, где все прихожане осознают необходимость ремонта, но предпринимать по этому поводу ничего не хотят.

Один, например, говорил:

— Что ж, теперича, к примеру сказать, старый храм... и, к примеру сказать, на краю города... и оно, действительно, дело это теперича, к примеру сказать, совсем до нас не касающее.

Другой выражался еще запутаннее:

— Так будем говорить, братцы... тот, как его... храм этот, действительно, надо бы, тот, как его...

Вызывает интерес тот факт, что в данном примере расчлененность конструкции, а, следовательно, ее выразительность, экспрессия усиливается за счет употребления вводных конструкций, особенно их повтора и неуместного использования персонажами романа.

2. В качестве следующей функции сегментированных конструкций можно назвать сословное деление, которое отражается в речи персонажей. Язык простых горожан, прислуги с его колоритом и незамысловатостью отличается от речи чиновников, духовенства.

Сравним, к примеру, речь дворника, дворецкого и графа Загорского в романе «Избранник сердца»:

[Дворник] — Как же, таперича почитай что каждый день раза по два по три вниз да вверх... Этого нельзя... С нас тоже взыскивают. Мало ли тут народу. Стр. 66.

[Дворецкий] — Кажись, не он, — усомнился Павел Иванович, — тот был как будто покладистее, а может, — и он, только из фанаберии не признал меня...Тоже господа! Важничают!...

[Граф Загорский] — Это, наконец, невероятно: дома нет! Сто раз «дома нет»! Дождаться! Пусть лакей умрет в его квартире, но не уходит, не увидавшись лично с ним!..

Тем не менее, четкой грани между речью простонародья и купцов в произведениях нет, поскольку купцы часто отличались невежеством и необразованностью.

3. Следующей функцией сегментированных конструкций является выражение эмоций, смена настроений, переживаний. Такая конструкция способна лаконичными речевыми средствами передать всю полноту чувств, накал страстей, динамизм событий.

Она с ним, друг мой... Разве можно их принять?

Ах! — вдруг нахмурился он, схватившись обеими руками за голову. — Разумеется, да...

Он недостойный... Он враг мой... злодей... Избранник сердца

Ха, ха, еще бы! И родительским благословением удостоят и при нем, ха, ха... куш... Это уж, извини, брат, вне всякого сомнения... Уж если обвенчался — конец! Бог соединил, человек не разлучит. Вот так штука! Невероятное и никакими законодательствами не предусмотренное обстоятельство...

Избранник сердца

Одним из самых показательных средств социально-бытовой и индивидуальной характеристики у Д.И. Стахеева является диалог, который сохраняет характер живой разговорной речи с ее колоритом, экспрессивными интонациями и особым усеченным построением реплик.

В организации сегментированных конструкций большую роль играют указательные местоимения. Здесь они способствуют расчлененности, поскольку употребляются как избыточные элементы текста. К примеру, сращение местоимения и частицы *вот что* часто употребляется в качестве своеобразного сигнального элемента, предваряющего сообщение, для подчеркивания некоторой внезапности дальнейшего по отношению к предшествующему:

*Бог знает, случится ли еще когда встретиться... **Вот что**, отец Никанор, я человек простой, говорить не умею... Но по душе прошу... С тем и заехал, — помиримся.*

Обновленный храм

К сегментированным конструкциям современного русского языка относят также именительный представления (или именительный темы). В отличие от предложения, именительный темы не имеет интонационной и смысловой законченности. Для исследуемых конструкций характерна особая интонация «недосказанности», «обещающая» интонация (Распопов), создающая «эффект ожидания» (Балли).

В прозе Стахеева именительный представления выполняет несколько функций. Во-первых, предмет, выраженный именительным падежом существительного, сосредоточивает на себе максимум внимания, становится объектом наблюдения, анализа, раздумий.

***Фантазии...** Конечно, голос мой всегда последний, но я все-таки вам скажу, отец Павел, — обижаете. Это не фантазии, да!..*

Обновленный храм.

Форма «именительного представления» делает предмет синтаксическим центром строфы, ее субъектом, который выражается в подлежащих или дополнениях в нескольких или во всех последующих предложениях. В современной лингвистической литературе наряду с термином «именительный представления» употребляется термин «номинатив» [2]. Он может находиться как в препозиции, так и в постпозиции.

Троекратно повторив партии обоих голосов, он вдруг смолк и, глубоко вздохнув, сказал:

*— **Грехи!** Горе тому человеку, им же соблазн приходит...*

Обновленный храм

*Вздор! Она меня не любит! Если бы любила, нашла бы случай дать знать о себе... **О, коварство!...***

Избранник сердца

Такие конструкции сопровождаются интонацией незаконченности или восклицательной интонацией, каждой соответствует особая модальность. Функциональная направленность номинативов тесно связана с лексической семантикой. Чаще всего употребляются отвлеченные существительные, передающие внутренний мир, чувства, состояния, отношения.

В настоящее время «именительный представления», возникший в художественной речи XIX века, распространился как прием экспрессивного синтаксиса и перешел в этом качестве и в другие письменные жанры, прежде всего в различные публицистические и научно-популярные тексты. В связи с возросшей частотностью началось «стирание» экспрессивности данной конструкции.

Литература

1. Будниченко Л.А. Экспрессивная пунктуация в публицистическом тексте (на материале языка газет): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. — СПб., 2003. — С. 37.
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. — М.: Логос, 2001. — С. 304.
3. Стахеев Д.И. Духа не угашайте. Избранные произведения. — Казань: Татарское книжное издательство, 1992. — С. 417.

Е.Л. Пупышева
Елабужский государственный педагогический университет

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Д.И. СТАХЕЕВА)

Говоря о необходимости системно-функционального описания грамматических явлений языка, исследователи (А.В. Бондарко, Г.А. Золотова, М.В. Всеволодова и др.) исходят из того, что язык — это не только совокупность отдельных уровней, образующих целую систему, но и функционирующая система, предназначенная для целей коммуникации.

А.В. Бондарко отмечает, что основная задача функциональной грамматики — «раскрыть систему взаимодействия грамматической формы, лексики и контекста, систему закономерностей и правил функционирования языковых средств, служащих для передачи смысла высказывания» [1, с. 3].

В аспекте функционального рассмотрения языковых единиц особый интерес представляет видовременная система русского глагола, элементы которого, пересекаясь и взаимодействуя в структуре коммуникативного высказывания с единицами других языковых уровней, выступают в качестве его организующего центра.

Время — важнейшая грамматическая категория глагола. Это действительно так, но сразу заметим, что в русском языке значение времени имеют все уровни языка. Всё, что мыслится в движении, в развитии, т.е. в действии, так или иначе, соотносится со временем.

Система русского глагола располагает относительно небольшим количеством временных форм, но зато имеет разнообразие и богатство значений, заложенных в каждой из этих форм времени. Так, форма настоящего времени несовершенного вида может обозначать действие, непосредственно происходящее в момент речи; действие, захватывающее момент речи и какой-то отрезок прошлого. Данная форма может использоваться для обозначения качественной характеристики лица, предмета и т.д. Она легко переносится в план прошлого и будущего. Отсутствие в русском языке специальных форм для выражения названных выше значений компенсируется лексическим значением глагола, синтаксической структурой предложений, различными элементами контекста и ситуации речи.

Рассмотрим специфику функционирования форм времени в очерке Д.И. Стахеева «Крымские акварели». Очерк «Крымские акварели» – это своего рода эскизные зарисовки сочной и колоритной южной природы, древнейшей истории этого удивительно-

го края. Данный очерк состоит из 6 частей; по типу текста каждая часть представляет собой повествование с элементами описания или описание с элементами повествования.

Первая часть «У древних башен» начинается с описания Алушты с её древним историческим прошлым, с описания окружающих Алушту величественных гор и бескрайнего пространства синего моря:

«*Алушта — небольшое местечко на южном берегу Крыма с татарским и русским населением. От Ялты до него сорок верст, от Симферополя сорок девять. На той возвышенности, по склону которой лепятся* ***теперь*** *бедные татарские домики с плоскими крышами и глубокими балкончиками, дающими тень от солнца, было* ***когда-то*** *укрепление, построенное при* ***императоре Юстиниане 1-ом (527-667 г.).*** *От него уцелели* ***до сих пор*** *две башни и часть стены. Таких укреплений на Чёрном море, между Судаком и Севастополем, было около сорока... Развалины укреплений* ***того времени*** *и* ***доныне*** *встречаются повсюду... Все эти развалины - безмолвные свидетели* ***давно угасшей жизни, последние следы прошлого, отдалённого от нас тысячелетия и почти неизвестного истории****... Торговый люд* ***того времени****, всюду искавший,* ***как и в наши дни****, рынков для сбыта своих товаров, пробирался из горных стран в северные и из северных в горные через Судак... Таков же был путь из-за моря в степи и в* ***средние века****, когда, по свидетельству французского посланника, пробиравшегося в татарские земли к* ***Мангу-Хану (1253 г.),*** *между обитателями южного берега было ещё много готов, говоривших по-немецки. В* ***XIV веке*** *готов на южном берегу уже нет, их заменяют греки... Турки, овладевшие Константинополем, вытеснили их из Тавриды и владели ею до* ***кучук-кайнарджикского мира****, заключённого в* ***1774 году****.*

Во время турецкого владычества *над южным берегом Алушта составляла крайнюю к западу деревню Судакского кадалыка.* ***Далее*** *земли принадлежали* ***кадалыку Мангупскому****... Верстах в девяти от Алушты князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский...был ранен пулею навылет в голову, в битве с турками в* ***1774 году****. На том месте* ***теперь*** *устроен фонтан...»* [3, с. 71].

Как мы видим, в таком небольшом отрывке, приведённом в сокращении и представляющем краткую историческую справку об Алуште, употреблены возвратные и невозвратные глаголы настоящего времени несовершенного вида (лепятся, встречаются), глаголы прошедшего времени совершенного вида (уцелели, вытеснили), неспрягаемая глагольная форма — причастие (угасшей, пробиравшегося). Все эти глагольные формы имеют значение действия безотносительно ко времени как факт в настоящем и прошлом. В качестве уточнителей, «конкретизаторов» временного значения используются:

а) наречия и наречные сочетания (теперь, доныне, когда-то, до сих пор, в то время);

б) исторические памятные даты (527–565 г., 1253 г., в 1774 году);

в) имена известных исторических деятелей (князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский и т.д);

г) описательные обороты (во времена турецкого владычества, торговый люд того времени);

д) наименования древних городов (Таврида, Константинополь).

Значение давно прошедшего времени в данном отрывке имеют не глаголы, а образные описательные словосочетания-метафоры (безмолвные свидетели **давно угасшей жизни**, **последние следы прошлого, отдалённого от нас тысячелетия и почти неизвестного истории).**

Автор, используя план настоящего, рассказывает читателю о богатом историческом прошлом Крыма.

Таким образом, элементы контекста (лексические, грамматические), взаимодействуя в структуре высказывания с грамматической формой времени, не только уточняют и конкретизируют значение времени, но и, на наш взгляд, в первую очередь сами и выражают значение времени. Описание Алушты получилось у автора образным и информативно насыщенным, в то же время таким естественным. Чувствуется, что автор любит этот солнечный южный край, гордится его богатейшей историей.

Интересно функционирование форм настоящего времени несовершенного вида в третьей части «На берегу моря»:

«Насчет купанья в Алуште просто. Купаются, кто как хочет и где хочет.

***С утра**, во всю длину набережной и далеко за нею, берег моря усыпан группами купающихся обоих полов и всех возрастов, и в костюмах и без костюмов. По набережной, несмотря на это, совершается **обыденное движение:** и татары, и русские, и евреи (где их нет!) преспокойно расхаживают по ней, а иногда даже и посиживают на скамеечках... **Встречаются**, впрочем, и такие барыни, у которых только и заботы, как обратить на себя общее внимание...*

***...Целое утро** слышится с берега взвизгивание и звонкий раскатистый хохот. И над всем этим безоблачное небо, яркое солнце и необозримая даль моря.*

***Часам к десяти** купанье прекращается; только татарские ребятишки **целый день** бегают голые около моря, то купаются, то лежат группами на песке... **По мере того, как солнце поднимается всё выше** и выше, движение по набережной затихает. Караим, хозяин лесного двора, торгующий тесом и бревнами, получаемыми на судах из Херсона, куда-то исчезает от ворот своего скла-*

*да (**где обыкновенно торчит утром и вечером**), и около них бродит только его темно-жёлтая собака, учащённо дыша и высунув язык...*

*Не обращают никакого внимания на палящий зной солнца только пьяные рабочие, которых пару-другую **всегда** можно видеть или около еврейского кабака, спящими мертвым сном, или у моря, блуждающими по его берегу.*

***Вот идут** по набережной двое рабочих, оба оборванцы, оба пьяные. Идут они, покачиваясь, едва волоча ноги...»* [3, с. 83–84].

Как мы знаем, настоящее время несовершенного вида может обозначать действие или состояние, которое происходит периодически, постоянно, всегда, имеет оттенок вневременности. Такое употребление формы настоящего описательного времени характерно для художественного стиля для придания сообщению большей живости и изобразительности. Автор так тщательно выписывает весь неторопливый процесс купания, что складывается ощущение, что он где-то рядом, что он сам постоянный участник этого процесса и неторопливо ведёт с вами беседу, тонко, с юмором характеризует привычки отдыхающих дам.

Для данного отрывка также характерно употребление формы настоящего расширенного времени, которая помимо момента речи обозначает непрерывность, постоянность действия.

В качестве «конкретизатора» временного значения выступают наречные выражения времени (с утра, целое утро, часам к десяти), сложноподчинённое предложение с придаточным времени (по мере того, как солнце поднимается всё выше и выше...). Лексическими «конкретизаторами» обычного и постоянно повторяющегося действия является словосочетание (***обыденное движение***), а также вводная конструкция (***где обыкновенно торчит утром и вечером).***

Неторопливое авторское повествование прерывается, когда намечается переход к следующей сюжетной линии, что находит отражение в форме глагола 3-го лица мн. числа настоящего времени несовершенного вида (идут). Обращаем внимание на то, что лексическим «актуализатором» того, что действие происходит в момент речи является указательная частица ***вот.***

Такой же переход от неторопливого авторского повествования мы наблюдаем в следующей части «После дождя»:

«*Речка Улу-Узень, берущая начало в вершинах горного хребта, течет между садами, в тени высоких черешен, орехов и разнообразной зелени грушевых и яблонных деревьев. Она омывает подножие того холма, по склону которого лепятся татарские домики... В **жаркие летние месяцы** речка мелководна... Вода едва-едва сочится между камешками, только кое-где слышно её тихое журчание... Но вот **вдруг**, точно в насмешку над пернатыми гостями, безвод-*

ная речка начинает прибывать...даже смелые гуси...теряют присутствие духа и, махая крыльями, с криком бегут от ***предстоящей опасности****. Действительно, опасность растет с* ***каждой минутой;*** *речка разливается во всю ширь...*» [3, с. 76].

В этом отрывке дается описание горной речушки Улу-Узень и употреблены возвратные и невозвратные глаголы настоящего времени несовершенного вида 3-го лица ед. и мн. числа (течёт, омывается, лепятся). Момент настоящего расширенного подчёркнут словосочетанием *в жаркие летние месяцы.* Неожиданная смена временного плана находит отражение в употреблении временного наречия *вдруг*, которое акцентирует внимание читателя на предстоящем событии — бурном разливе небольшой горной речушки и связанных с этим разливом дальнейших событий. С этого момента временной план как бы концентрируется и переносится в план ближайшего будущего. Значение ближайшего будущего отражено в таких словосочетаниях, как *с каждой минутой, от предстоящей опасности*.

Качественно иное употребление форм времени мы видим в рассказе «Уездный город». Д.И. Стахеев даёт художественное описание быта и нравов небольшого купеческого городка и создаёт яркий образ путем сочетания в одном контексте разных временных форм настоящего, прошедшего и будущего времени. Плавный переход от одной темы к другой в неторопливом авторском повествовании создаётся сменой временных форм и употреблением лексических «конкретизаторов» времени. Формы глаголов 3-го лица ед. и мн. числа настоящего изобразительного времени он использует при описании города:

«В двух верстах от широкой реки К... на высоком, местами поросшем деревьями берегу, омываемой рекой Поймой, ***стоит*** *уездный город. На первом плане виден пятиглавый собор мутно-голубого цвета, за ним и около него* ***лепятся*** *дома жителей; направо* ***виднеются*** *ещё две церкви, в значительном расстоянии одна от другой. Дома, стоящие между церквами, чем далее уходят вправо, тем более* ***мельчают*** *и, наконец,* ***переходят*** *в кривые и косые избушки соседней деревеньки, прилепившейся к городу...»* [2, с. 373].

Настоящее изобразительное время, характерное для художественного описания в приведённом выше отрывке, включает в качестве обязательного компонента момент речи, формирует так называемое настоящее неактуальное время.

В план давно прошедшего времени переносят читателя размышления писателя о нравах и быте жителей в лирических отступлениях:

«*В прошедшие годы моей невесёлой юности* ***нередко*** *и я* ***бывал*** *в этой роще,* ***нередко задумывался****, смотря на разрушающийся домик: какой это весёлый человек тебя* ***строил*** *и какую цель он* ***имел*** *при постройке;* ***служил*** *ты потехой отживающему теперь барст-*

ву или просто самодур купец, заполучив большие барыши, ***построил*** *тебя, чтобы наливаться до отвалу чаем на вольном воздухе?* ***Бывал*** *ли ты свидетелем весёлых юношеских радостей,* ***билось*** *ли в стенах твоих молодое горящее сердце влюблённой девушки, или не* ***видали*** *и не видят твои дряхлые стены ничего подобного, кроме самодурства, деспотизма да принижения человеческой личности?»*[2, с. 373-374].

Как мы видим, значение давно прошедшего времени имеют особые формы глагола с суффиксом –ыва, а также такие словосочетания «конкретизаторы», как *в прошедшие годы, дряхлые стены.*

Когда Д.И. Стахеев описывает нравы и «приземлённые» мечты молодежи из купеческого сословия, он вводит форму будущего времени в сочетании с формами настоящего времени:

*«****Уедет*** *тятинька на ярмарку или в Москву, и* ***развернут*** *детишки все свои силы,* ***тешутся****, как* ***умеют****, на свободе*» [2, с. 375].

Таким образом, мы видим, что Д.И. Стахеев использует всё многообразие значений категории времени, что позволяет ему подчеркнуть все многообразные оттенки действия с помощью лексических уточнителей, конкретизаторов временного значения. Даже небольшой языковой анализ двух произведений талантливого писателя со всей ясностью показывает нам, что его творческое наследие изучено еще не в полном объёме. Мы полностью согласны с мнением Н.М. Валеева о том, что «читатель наших дней по достоинству оценит в художнике богатство языка, тонкость портретных зарисовок и речевое многообразие стахеевских героев, мастерское описание бытовых реалий эпохи, глубокий патриотизм и прекрасное знание почти всех сословий своего времени, духовную цельность его личности» [2, с. 5].

Литература

1. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. — Л., 1983.
2. Стахеев Д.И. Благоприобретение. Избранные сочинения. — Елабуга, 1999.
3. Стахеев Д.И. Духа не угашайте. Избранные произведения. — Казань: Татарское книжное издательство, 1992.

Е.Л. Пупышева, Л.Р. Матанцева
Елабужский государственный педагогический университет

СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РОМАНЕ Д.И. СТАХЕЕВА «ОБНОВЛЕННЫЙ ХРАМ»

Фразеологические обороты отражают богатый исторический опыт народа, представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом, культурой людей определённой национальности. Фразеологизмы метки, ярки, образны; своим содержанием затрагивают все стороны и свойства жизни, характеров людей, поэтому они широко используются как изобразительное средство в произведениях художественной литературы (О.С. Ахманова, В.В. Виноградов, А.Е. Ефимов, В.П. Жуков, В.Н. Телия, М.И. Фомина и др.).

В данной статье мы рассмотрим специфику употребления фразеологизмов в романе Д. Стахеева «Обновлённый храм», которых в небольшом по объёму произведении оказалось достаточно большое количество (свыше 100 примеров). Так, автор использует пословицы и поговорки, в которых отражена веками накопленная мудрость русского человека, его отношение к жизни:

Ходячему — путь, лежачему — кнут.
Побои на побои не годятся, а чай на чай — ничего.
Не нами такие порядки начались, не нами и кончатся.
Что можно — можно, чего нельзя — нельзя.
Случается, что и курица петухом поёт.
Улита едет, когда-то будет.
Будет рожь — будет и мера.
Где мир, там и Господь.
Где гнев, там и дьявол [1].

Принимая во внимание то, что героями романа являются священнослужители, и что сам Стахеев был человеком искренне и глубоко верующим и изложил в произведении свои религиозные взгляды, то совершенно оправданы здесь фразеологизмы, заимствованные из старославянского языка. Например:

Разверзлись хляби небесные — проливной дождь. Из библейского мифа о всемирном потопе [2].

Хляби небесные разверзлись, и что ни день, то дождь[1, с. 171].

Глас вопиющего в пустыне — безответный призыв [2].

Я последняя спица в колеснице, глас мой уподобляется вопиющему в пустыне [1, с. 174].

Чаша страданий — трудности, несчастья [2].

Наполнило до самых краёв чашу его страданий именно то, что владыка сделал ему через Паисия внушение [1, с. 264].

Юдоль скорбей и воздыханий — место, где страдают и мучаются. Юдоль — долина [2].

Он, жертвователь, мог иметь воздаяние по заслугам своим и здесь в этой земной юдоли скорбей и воздыханий [1, с. 175].

Возводить очи к небу — молить Бога о чём-то [2].

Он прижал к груди костлявые руки, возводя очи к небу и, помолчав, продолжал [1, с. 186].

Суета всё — что-то мелкое, незначительное [2].

Помилуй, за что тут извиняться, суета всё. А всё суета, так, канитель пустая [1, с. 189].

Сребролюбием недугуя — жадность к деньгам [2].

Владыка, взглянув на их лица, сразу определил, что они, сребролюбием недугуя, помрачаются, и не пожелал вступить с ними в разговоры [1, с. 189].

Благая весть — хорошие, добрые вести [2].

Первое, что он встретил по возвращении, была записочка от Паисия, сообщавшего «благую весть» [1, с. 196].

Мафусаиловы годы — еврейские легенды знают старца Мафусаила, будто бы дожившего до 969 лет [2].

Господь с нею, пусть живёт Мафусаиловы годы [1, с. 201].

Кроме фразеологизмов, заимствованных из старославянского языка, Д.И. Стахеев вкладывает в уста персонажей авторские афоризмы, которые отражают не только его религиозные взгляды, но и миропонимание:

Пудовая свеча нипочём, лишь бы исполнилось то, чего они желают.

Да, ни сан, к примеру, ни богатство на том свете нипочём — грош цена.

Торгуй, торгуй, только душу не проторгуй.

Хотим подальше от греха, ан грех тут и есть [1].

При использовании в определённых художественных целях фразеологические обороты без изменения их семантики и структуры выступают в авторской речи как одно из средств, делающих речь более разнообразной, живописной, выразительной, а в речи персонажей — как одно из средств их языковой и стилистической характеристики. Фразеологический оборот при таком употреблении не несёт на себе дополнительных экспрессивно-стилистических свойств, кроме тех, которые свойственны ему самому по себе.

Если использование фразеологизма таким, какой он есть, не требует особых комментариев, то приёмы употребления фразеологизмов в стилистических целях в трансформированном виде в силу их многообразия приходятся разбирать довольно детально [3, с. 156].

Проблема трансформации фразеологизмов в процессе их употребления привлекала и продолжает привлекать внимание многих учёных-исследователей (Б.А. Ларин, В.Н. Телия, Н.М. Шанский и др.).

Фразеология Д.И. Стахеева в этом аспекте практически не изучена. По нашим наблюдениям, писатель использует самые разные типы трансформированных фразеологических единиц: идиомы, фразеологические сочетания, пословицы и поговорки, крылатые слова и др. Многие из них употреблены автором в трансформированном виде, как со стороны семантики, так и со стороны структуры.

В романе «Обновлённый храм», несомненно, большой интерес представляют собой образования по аналогии с фразеологизмами, существующими в общелитературном употреблении, новых, авторских фразеологических оборотов, экспрессивность которых усилена сравнительным оборотом. Такие фразеологические новообразования строятся как с использованием структуры и отдельных элементов общеупотребительного фразеологизма, так и с использованием одной лишь его структуры. Рассмотрим следующие примеры:

Так меня и *окатил, ровно ушатом холодной воды* (по модели: как будто ушат холодной воды, ушат грязи вылили на кого-н.) [1, с. 223].

Творожников уже *трепетал на стуле, как на горячей сковородке,* и *не сводил с него глаз* (по модели: трепетать всем телом, от ужаса; не спускать глаз) [1, с. 243].

Человек, сами знаете, смелый, и *с маху налетел, как коршун* (по модели: налететь как ястреб) [1, с. 234].

Обратите внимание на предложение:

Он был на частной службе в земстве, имел звание свободного художника, заведовал по строительной части и имел изумительную способность *подбирать в свои руки всё, от чего пахло деньгами* [1, с. 243].

Здесь имеет место трансформация известного выражения римского императора Веспасиана: «Деньги не пахнут». Стахеев не только производит антонимичную замену, но и контаминирует данный оборот с другим фразеологическим (брать, взять в свои руки — подбирать в свои руки). Такая трансформация позволяет автору дать меткую образную характеристику нечестного человека Творожникова.

Особый интерес вызывает трансформация фразеологизма *знать откуда ветер дует* в следующем предложении:

После описанного свидания Ивана Петровича с епископом отец Никанор уже понял, что *ветер подул в другую сторону* [1, с. 256].

Изменение лексико-грамматической структуры фразеологизма идёт на уровне антонимии, что приводит к употреблению данного словосочетания и как фразеологизма, и как свободного сочетания слов.

В другом предложении происходит явление контаминации; стилистический эффект усиливается при введении сравнительного оборота *как старательные ищейки:*

Купцы *принюхивались, как старательные ищейки, откуда и куда дует ветер* [1, с. 245].

В романе мы также встречаем другую разновидность трансформации, которая заключается в обновлении лексико-грамматической стороны фразеологического оборота при сохранении его значения и основной структуры. В таких случаях обновление фразеологизма заключается или в замене одного из его компонентов синонимов, или в расширении его состава. Например:

И все эти Медведниковы и Творожниковы, следовательно, *остались теперь с длинными носами* (сравните: остаться с носом) [1, с. 276].

Но он *катился по наклонной плоскости и не мог уже удержаться на половине пути* (сравните: катиться по наклонной плоскости) [1, с. 247].

Самую малочисленную группу фразеологизмов в романе представляют кальки, образованные в результате пословного перевода иноязычного оборота на русский язык.

Много воды утекло — прошло много времени (калька с франц.).

Много с тех пор воды утекло [1, с. 233].

Муха укусила — что-то случилось непонятное (калька с франц.)

Ха, ха... Муха укусила Леонида Петровича, да ведь какая — огромнейшая [1, с. 265].

Клевать носом — задремать, сидя (калька с франц.)

На этот раз попойка, несмотря на намерение Саввы бросить пьянство, дошла до того, что он сложил на стол руки с локтями и клевал носом в стоявшую перед ним рюмку водки [1, с. 276].

Глас народа — глас божий. Об истинности, правильности мнения народа (калька с лат.).

И ни тени сомнения: думаю, если говорят, значит, правда: глас народа — глас божий [1, с. 286].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. В небольшом по объёму произведении автор использует разные типы фразеологизмов: пословицы и поговорки, фразеологизмы, заимствованные из старославянского языка и др.
2. Особый интерес вызывают трансформированные фразеологические единицы, употребление которых позволяют автору добиться максимальной выразительности, заострить внимание на самых важных деталях.

Литература

1. Стахеев Д.И. Духа не угашайте. Избранные произведения. — Казань: Татарское книжное издательство, 1992. — 417 с.
2. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. — М.: Советская энциклопедия, 1967.
3. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. — М.: Высшая школа, 1985. — 160 с.

Т.Ю. Колясева
Елабужский государственный педагогический университет

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Д.И. СТАХЕЕВА

Ещё в начале XIX в. В. фон Гумбольдт отметил, что язык как деятельность человека пронизан чувствами. В настоящее время лингвистика вновь обратилась к его учению, призывавшему изучать язык в тесной связи с человеком. В свете этой концепции вполне осуществимо и лингвистическое осмысление системных эмотивных средств.

Эмотивная лексика традиционно изучается с учетом таких категорий, как оценочность, экспрессивность, образность, причем связи её с оценкой оказываются особенно тесными.

Целью работы стало описание языковых средств и способов выражения эмоциональной оценки в произведениях Д.И. Стахеева. Нами выделено около 500 употреблений таких лексических единиц.

Мы в своем исследовании придерживаемся точки зрения, что эмоциональность и оценочность — нерасторжимое единство. Так считает и А.Н. Лукьянова: «оценочность, представляемая как соотнесенность слова с оценкой, и эмоциональность, связываемая с эмоциями, чувствами человека, не составляют двух разных компонентов значения, они едины» [1, 45].

Д.И. Стахеев представитель знаменитой купеческой династии, писатель широко известный в 70-90-е годы XIX в. Его произведения печатались в журналах «Русское слово», «Отечественные записки», «Вестник Европы».

Актуальность данного исследования определяется не только большим вниманием современной лингвистики к творчеству малоизвестных авторов, особенно XIX века, но и неугасающим интересом к проблеме эмоциональности и оценочности в языке.

В результате текстологического анализа прозаических произведений Д.И. Стахеева: романов «Избранник сердца», «Обновленный храм», повести «Искры под пеплом», рассказов «Благоприобретение», «Лесопромышленники», «Уездный город», «Извоз», «Из рассказов художника», «На базаре» — нам удалось выявить целый ряд средств выражения всевозможных оценок описываемых явлений и событий, персонажей, их поведения, психологического состояния. Стоит отметить, что в рассмотренных текстах доминируют лексемы, выражающие негативную оценку.

Мы выделили следующие средства создания эмоциональной номинации в произведениях Д.И. Стахеева: словообразовательные, лексические, синтаксические и пунктуационные.

Основной состав эмоционально-экспрессивной лексики маркирован посредством специальных словообразовательных единиц. Среди них суффиксы наиболее активны, они входят в словообразовательную семантику именования, усиливая общее оценочное значение. Например, уменьшительные и увеличительные суффиксы в контексте могут выражать различные оценочные значения. *«Понравилось мне одно место около одной **речонки**, и я начал рисовать большой пейзаж»; «... мизерной **фигуркой**, которая егозила по костлявой спине исхудалой **лошаденки**...»; «с вечера зарядивший дождь не переставал литься на бедную маленькую **деревеньку** Маркваши»; «... ветер раздувал её старенький **сарафанишко**»; «Ветер злился и, казалось, старался сорвать с поденщиков последнюю **одежонку**»; «Медленно поднялся вотяк на ноги, **худенький зипунишко** его был весь в снегу».* Это отрывки из произведений «Извоз», «Благоприобретение», из которых прекрасно видно отношение автора к простому народу: жалость, сочувствие. Многие из этих слов употреблены Д.И. Стахеевым не один раз, повтор слов с однотипными суффиксами, несомненно, усиливает эмоциональную оценку, выражая предельную степень сопереживания. Другие чувства испытывает по отношению к этим людям Белов, герой повести «Благоприобретение»: *«Эти плуты **мужичонки**, какие проныры».* В этом случае уменьшительные суффиксы выражают скорее пренебрежение, нежели жалость. *«Внутри **городка** есть гостиный двор, есть вечная, никогда не просыхающая грязь...»; «Город У. ничем не замечателен, — маленький, ничтожный **городишка**...».* По данным примерам мы можем судить об отношении автора к уездному городу, населенному недалекими, малообразованными людьми. В данных примерах уменьшительные суффиксы выражают неодобрение, а не указывают на маленький размер называемого. *«Подростки гимназисты, в большинстве длинные и тощие, в **синеньких** не по росту **мундирчиках**, нахватавшиеся премудрости настолько, чтоб отрицать надобность существования церкви».* Уменьшительные суффиксы и в данном примере призваны выражать отрицательную оценку, в этом случае к людям, стоящим далеко от религии. Здесь стоит упомянуть о религиозности самого Д.И. Стахеева, религия играла большую роль в их доме. «Отец следил, чтобы дети ... непременно ходили в церковь, особенно в те дни, когда совершались заказные обедни ... духовные основы жизни стали для Дмитрия законом: вера в бога сформировала его высокие нравственные установки, от которых он никогда не отходил потом» [2; 6].

Уменьшительные формы оценочных слов становятся у Д.И. Стахеева источником и иронической, сатирической окраски речи. Итак, самые активные «эмоциональные» суффиксы в анализированных нами стахеевских примерах: -онк-, -ишк-, -еньк-.

Отрицательную эмоциональную оценочность создают как ласкательные, так и преувеличительные суффиксы: *«... **пропастина**,*

шевелись»; «у него страсть ***голосище****... голосина».* Как известно, суффиксы -ин-, -ищ- обычно придают слову положительный оттенок значения, но в данном случае они выполняют противоположную функцию.

Словообразовательные средства тем самым подчеркивают значение оценочного слова. Так Д.И. Стахеев мастерски, едва заметно даже при помощи словообразовательных морфов оценивает многие явления, выражая при этом свое мнение, свои эмоции.

Лексические средства выражения эмоциональной оценки в рассмотренных произведениях составляют меньший процент. Хотя и они интенсивно используются как в авторской речи, так и в речи персонажей.

Лексические средства нами рассмотрены в соответствии с их стилистической окраской. Часто она бывает двуплановой, то есть она указывает не только на сферу употребления языковой единицы, но и на ее эмоционально-экспрессивный и оценочный характер, который и будет нас интересовать.

Каждому персонажу присущи эмоционально-оценочные слова, принадлежащие к определенному стилю. Персонажи Стахеева прекрасно охарактеризованы с лингвостилистической точки зрения.

Мы можем также говорить о многостильности произведений, как одной из отличительных черт текстов писателя, что оживляет произведения, делает более правдоподобным описываемое. Каждый определенный стиль использован с целью изображения определенной социальной среды. Представители простого народа в произведениях Д.И. Стахеева говорят на обычном, им свойственном языке, употребляя, соответственно, большое количество просторечных, разговорных эмоционально-оценочных слов. Если характеризовать речь автора со стороны ее принадлежности к какому-то стилю, то следует отметить, что она не отличается однородностью, то есть в его речи можно обнаружить слова, принадлежащие к различным стилям. Д.И. Стахеев является носителем и книжного стиля, и разговорного, он не боится употреблять и грубые выражения, и делает это настолько умело, что у читателя не возникает ощущения, что автор был человеком грубым, малообразованным.

На уровне лексических средств оценка в анализируемых произведениях может выражаться словами, которые сами по себе несут эмоциональный оттенок. Здесь преобладает разговорная, просторечная лексика, именно она придает эмоциональность, выразительность, создает определенный колорит повествования.

«Ефимко твой хвалёный — против меня ***дрянь****... Его только купцы любят...****Дуррачье****!»; «Ты чего тут орешь, а?* ***Мужлан!*** *Чего у тебя не верно, а?»; «Я тебе задам,* ***образина*** *твоя немытая! Я тебя вот в полицию отправлю. Я вот тебя...Сколько сору в овес-то навалил, а?»;*

*«— Есть вам двор**, остолопы** — куда теснитесь!*

*— Да ты что больно **лаешься,** — хозяин что ли вишь чать, лупоглазый **черт**!*

— Мужичьё! — крикнул кучер, уходя в кухню.

*— Барин стал! В городе-то отъелся, **лешак!** — послали вдогонку мужики»;*

*«Ах ты **бес!** Ах ты **бес**!...хапнул, видно, ты хорошо. По глазам видно, что **хапнул**! Ах ты **бес**!».*

Не менее эмоциональны и слова, употребленные в переносном значении. *«Да пусть он, **собака**, сгниет тут у тебя на глазах. У, **скотина**! — заревел он, бросаясь снова к сыну»; «... они все **свиньи** и надо их проучить»; «**Колпак** ты. А еще книгопродавец!».*

Нами также проанализирован весь обнаруженный языковой материал с той стороны, какой частью речи является то или иное эмоционально-оценочное слово. Мы пришли к выводу, что одиночные эмоционально-оценочные слова и при позитивном, и при негативном оценивании принадлежат к самым разным, как правило, знаменательным частя речи. На первом месте по частотности употребления имена существительные (40 %), из них 20 % образовано при помощи суффиксов. На втором месте имена прилагательные, в различных степенях сравнения, здесь представлены как полные, так и краткие, составляющие меньший процент, и глаголы. Ряд эмоционально-оценочных лексем, взятых нами для исследования, обозначают эмоции, эмоциональные реакции, переживания.

Как известно, чистыми знаками эмоций являются междометия. Довольно активно они употребляются в романе «Избранник сердца», возможно потому, что в центре внимания автора чувства героев, любовь, доставляющая героям немало переживаний. Стоит отметить, что междометия звучат из уст всех героев произведения, в речи автора междометия практически не встречаются. Численность междометий, выражающих положительную оценку, в текстах произведений Д.И. Стахеева намного меньше, чем выражающих негативные эмоции. *«**Ах**, Валерьян! Позволь же, наконец, договорить»; «**Ах**, как вы, извините меня, непонятливы»; «**Ах**, пожалуйста... милая моя»; «**Ах**, Бог мой, как ты мне этим наскучил»; «**О**, никогда! Я счастлива, совсем счастлива»; «**О**, ты всегда был проницателен!»; «**Ах**, против этого я не возражаю!..».*

Все сказанное выше мы, например, не можем сказать о рассказе «Уездный город», в центре повествования которого жизнь небольшого провинциального городка, или о рассказе «На базаре». В этих произведениях междометия мы почти не встречаем.

Анализ языка прозаических произведений Д.И. Стахеева свидетельствует о том, что средства выражения эмоциональности, оценочности весьма разнообразны. Эмоционально-оценочный компонент может проявляться и в синтаксической структуре высказывания.

Часто автор пытается усилить эмоциональность той или иной языковой единицы. Достигается это и путем повтора. Это может быть:

1) повтор одного и того же слова в пределах одного высказывания, предложения. *«**Болтун**! Несносный **болтун**!» — досадовал Валерьян Михайлович»; «... ничтожный **городишка**, о нем даже в географии упоминается только вскользь... есть, мол, в северной России ничтожный **городишко**»; «Ах ты, **бес**! Ах ты, **бес**! — втайне думали слушатели — **хапнул**, видно, ты хорошо. По глазам видно, что **хапнул**! Ах ты **бес**! И отчего это судьба к нам несправедлива?»; «**Подлость**! **Подлость**! Мерзость!»; «А Петр Петрович-то каким **соколом**, каким **соколом**!..»; «... что же они, по-твоему, будут **жрать**, а? Наниматься не будут, и **жрать** нечего будет...».*

2) повтор слова в разной дистрибуции, разных высказываниях (менее распространены). *«— **Дармоеды** вы, вот что! Деньги только брать ваше дело, а не за садом смотреть.*

— Простите, то есть, мы завсегда с усердием, это уж как-то нечаянно проглазели...

*— Я вам задам полное усердие. **Дармоеды**, — ворчал он, уходя по песчаной дорожке вдоль сада к выходу»;*

*«— **Дурак**! Ты зачем ко мне пришел, а?*

— Получить расчет поденщикам, — отвечал приказчик, начиная трусить от грозного хозяйского взгляда.

*— Так каких же ты у меня приказаний просишь, а? **Дурак**! — Вставая с кресла, сказал хозяин и подошел к большому железному сундуку».*

Повторы наиболее характерны для прямой речи, несколько реже они встречаются в речи автора. Все повторы в произведениях Д.И. Стахеева стилистически оправданы, употреблены в ситуациях, требующих то героев сильного эмоционального напряжения.

Наряду с рассмотренными повторами, нами также обнаружено употребление синонимов при эмоциональной оценке в пределах одного высказывания: *«**Вздор** все! Бессмысленная **брехня**! — бормотал он, — и я поверил, тьфу! Как это глупо!»; «Ах ты **глупая голова**... Да разве можно в нашем городе допустить что-либо подобное! **Дурак** ты, Савва!»; «Ох, я **бедная, несчастная**! — Гриша мой родимый! Сгорел ты, голубчик, в огне горячем! Некому тебя, моего голубчика, было вытащить... ох, я **бедная, горемычная**!..»; «Да ты послушай, **пустоголовый**!... То-то вот ты **глуп**, от этого от самого у тебя и **мысли** такие **дурацкие**»; «Эти **плуты** мужичонки, какие **проныры**, — сказал он, стараясь улыбнуться»; «**Дурак!** — спокойно и тихо заключил хозяин, — **Болван**»; «**Не кричи**! Какая у вас, женщин, манера — сейчас **визжать**».*

Из приведенных примеров видно, что встречающиеся синонимы разные по своей стилистической принадлежности, причем вто-

рое слово в паре более грубое, чем первое, что увеличивает интенсивности высказывания, способствует большему воздействию на адресата. Перед нами нагнетение эмоционально-оценочной лексики. Употребление синонимических пар также способствует усилению эмоциональности высказывания, призвано конкретизировать то, что оценивается.

Кроме упомянутых выше средств выражения эмоциональной оценки Д.И. Стахеев использует и пунктуационные средства. Своеобразным элементом подачи эмоционально-оценочной лексики является их особое оформление: некоторые из языковых единиц заключены в кавычки. Стоит отметить, что это характерно исключительно для речи автора. Довольно часто в кавычках оказываются грубые слова, разговорные, имеющие отрицательную коннотацию, употребленные для негативной оценки. Нами выделены следующие группы такого употребления эмоционально-оценочной лексики:

1. Словоупотребление свойственное герою: *«У крыльца он уже не **«маячил»**, как отзывался о его службе старший дворник»; «... он... досадовал более и более на ее родителей, будто бы испортивших ее своим **«барством»;** «... спустя день-другой, снова возвращался в первобытное состояние и недавнее благочестивое размышление насчет **«свинской»** жизни заменял другими»;*

2. Авторское словоупотребление: *«Грешник он был великий и попадался иногда со своими грехами в такую **«конфузию»**, что не знал куда приклонить голову от женины распеканий»; «... эта особа — дочь его экономки и передает своей матери о его **«затеях»**; «Он мел слабость к **«преферке»** и чуть ли даже не более, чем... отец Павел»; «Словом, одна только **«преферка»** поддерживала между ними сношения»; «Книг у него значительно меньше, чем у соседа, так как он по временам **«зашибает»**, на что между прочим указывает и синебагровый цвет его носа»; «Петр Петрович был тоже старец, довольно-таки **«подержанный»**;*

3. Автор употребляет те же лексемы, что и его герой: *«Анемподист Михайлович никогда не имел никаких **«шашен»** подобно **шашням** дяди»;*

*«— Урода, может, какого, **тыкву** шестипудовую!*

*Долго иногда вечерами сидит Павел в трактире... строит планы насчет выгодной женитьбы...но жениться на **«тыкве»** он не намерен»;*

*«— Ты мальчишка, — упрекал брат, — ты еще понятия не имеешь о том... какое огромное значение имеет чиновническая служба, так презрительно называемая тобою **канцелярщиной**.*

*Валерьян Михайлович знать не хотел... что в конце концов **«канцелярщина»**... питается при жизни своей на счет государственного организма».*

Позволим себе предположить, что заключение эмоционально-оценочных слов в кавычки может явиться своего рода некой защищенностью авторского языка: Д.И. Стахеев как бы подчеркивает, что он вынужден использовать такие слова как чужие, как «не его». К тому же такие конструкции придают реплике ироническую тональность. Но не всегда грубые оценочные слова заключены в кавычки. Нами в ходе исследования подмечено, что без кавычек в произведениях Д.И. Стахеева употреблены данные лексемы при характеристики явлений крайне негативных, вызывающих у автора массу отрицательных явлений.

Используя эмоционально-оценочную лексику, автор вводит читателя во внутренний мир своих персонажей. Описывая их эмоциональное состояние, Д.И. Стахеев добивается более полного психологического образа героев, что обусловлено замыслом произведения. Эмоционально-оценочная лексика позволяет судить о мыслях, мировоззрении героев и автора.

Литература:

1. Лукьянова А.Н.. Экспрессивная лексика разговорного употребления. — Новосибирск: Издательство «Наука». Сибирское отделение, 1986. — С. 95.
2. Стахеев Д.И. Духа не угашайте. — Казань: Татарское книжное издательство, 1992. — С. 415.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аникина Нина Николаевна — *кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка и общелингвистических дисциплин Елабужского государственного педагогического университета (ЕГПУ).*

Банникова Елена Вадимовна — *кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета (ОГПУ).*

Бойко Владимир Петрович — *доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и политологии Томского государственного архитектурно-строительного университета.*

Бубекова Лариса Борисовна — *кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общелингвистических дисциплин, декан факультета русской филологии и журналистики ЕГПУ.*

Валеев Наиль Мансурович — *академик АН РТ, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, член Союза писателей и Союза краеведов России, Почетный профессор ЕГПУ, министр образования и науки РТ.*

Валеев Эмиль Наильевич — *кандидат филологических наук.*

Валеева Надежда Геннадьевна — *доктор исторических наук, профессор, член Союза краеведов России, проректор по научной работе ЕГПУ.*

Гайсин Рахим Мухаметович — *кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой татарской литературы ЕГПУ.*

Галимова Лилия Надиповна — *кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Отечества и политологии Ульяновского государственного педагогического университета.*

Ганин Андрей Александрович — *старший научный сотрудник музея «Симбирское купечество» ФГУК ГИММЗ «Родина В.И. Ленина».*

Гафиатуллина Лейсан Гумеровна — *аспирантка кафедры современной истории Казанского государственного университета.*

Голованов Владимир Димитриевич — *эксперт Евросоюза (г. Лион, Франция).*

Голованова Екатерина Павловна — *профессор русского языка, внучка Петра Васильевича Стахеева (г. Лион, Франция).*

Гончаров Юрий Михайлович — *доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории Алтайского госуниверситета.*

Грахова Светлана Ивановна — *кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы ЕГПУ.*

Гурьянова Надежда Павловна — *директор Кировской государственной универсальной областной научной библиотеки им. А.И. Герцена, Заслуженный работник культуры РФ.*

Деготьков Александр Анатольевич — *аспирант кафедры русской и зарубежной литературы ЕГПУ.*

Ермаков Владимир Васильевич — *кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической теории ИНЭКА.*

Есиева Инна Вячеславовна — *кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической теории Камской государственной инженерно-экономической академии (ИНЭКА).*

Закирова (Гущина) Наталия *Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Глазовского государственного педагогического института.*

Кавиев Айрат Фархатович — *кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной и всеобщей истории, проректор по учебной работе ЕГПУ.*

Калимуллин Айдар Минимансурович — *доктор исторических наук, профессор, член Союза краеведов России, и.о. ректора ЕГПУ.*

Карнишин Валерий Юрьевич — *доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Пензенского государственного университета.*

Колясева Татьяна Юрьевна — *аспирантка кафедры русского и контрастивного языкознания ЕГПУ.*

Комиссаров Алексей Геннадьевич — *кандидат медицинских наук, заведующий психиатрическим отделением Набережно-Челнинского психоневрологического диспансера Республиканской клинической психиатрической больницы МЗ РТ им. В.М. Бехтерева.*

Кондрашин Денис Викторович — *аспирант кафедры Отечественной и всеобщей истории ЕГПУ.*

Корепанов Валерий Кронидович — *старший лаборант Альметьевского нефтяного института.*

Корепанов Кронид Иванович — *доктор исторических наук, профессор Альметьевского нефтяного института.*

Корнилова Ирина Валерьевна — *кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой Отечественной и всеобщей истории ЕГПУ, член Союза краеведов России.*

Котлова Любовь Александровна — *кандидат педагогических наук, доцент кафедры Отечественной и всеобщей истории ЕГПУ.*

Кошенова Наталия Юрьевна — *кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры Отечественной истории Алтайского государственного университета.*

Кощеева Валентина Ивановна — *музей истории народного образования ГОУ ДОД Кировского областного центра детско-юношеского туризма и экскурсий.*

Крапоткина Ирина Евгеньевна — *кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной и всеобщей истории, зам. декана по юриспруденции ЕГПУ.*

Кривилева Надежда Леонидовна — *преподаватель литературы высшей категории Елабужского училища культуры.*

Лигенко Нелли Павловна — *доктор исторических наук, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН.*

Маслов Юрий Иванович — *старший преподаватель Елабужской средней специальной школы милиции.*

Маслова Инга Владимировна — *кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной и всеобщей истории ЕГПУ.*

Матанцева Луиза Рашидовна — *ассистент кафедры русского языка и общелингвистических дисциплин ЕГПУ.*

Мельник Маргарита Васильевна — *кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы ЕГПУ.*

Микитюк Владимир Петрович — *научный сотрудник института истории и археологии УрО РАН.*

Миннуллин Ильнур Рафаэльевич — *кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.*

Мясников Сергей Владимирович — *кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета экономики и сервиса.*

Набиев Рустам Фанисович — *кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики Казанского юридического института МВД РФ.*

Насырова Лилия Габдельвалеевна — *старший преподаватель кафедры Отечественной и всеобщей истории, зам. декана факультета истории и юриспруденции ЕГПУ.*

Новикова Наталья Владиславовна — *кандидат филологических наук, доцент Саратовского государственного университета.*

Осипова Марина Петровна — *аспирант кафедры Отечественной истории Липецкого государственного педагогического университета.*

Полякова Анна Олеговна — *аспирант кафедры социальной работы Академии педагогики и социальной работы Тамбовского государственного университета.*

Пупышева Евгения Леонидовна — *кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и общелингвистических дисциплин ЕГПУ.*

Пюрияйнен Дарья Михайловна — *аспирант кафедры Отечественной истории Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН.*

Растягаев Андрей Викторович — *кандидат филологических наук, докторант Литературного института имени А.М. Горького.*

Рядченко Елена Александровна — *старший преподаватель Тольяттинского филиала Российского государственного гуманитарного университета.*

Сабиров Игорь Альянсович — *востоковед в Институте востоковедения в Праге.*

Сабиров Ильшат Талгатович — *кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной и всеобщей истории ЕГПУ.*

Сабирова Людмила Владимировна — *старший преподаватель кафедры иностранных языков ЕГПУ.*

Салимова Дания Абузаровна — *доктор филологических наук, профессор кафедры русского и контрастивного языкознания, декан филологического факультета ЕГПУ.*

Салихов Радик Римович — *доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. отделом новой и новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.*

Серкова Милетта А. — *аспирант Тюменского государственного университета.*

Соловьева Любовь Васильевна — *доцент кафедры русской и зарубежной литературы ЕГПУ.*

Стахеева Вера Константиновна — *писательница (г. Канберра, Австралия).*

Судовиков Михаил Сергеевич — *кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета.*

Султанов Абдулкерим Амирасланович — *старший преподаватель кафедры истории, экономики и права ЕГПУ.*

Тимашова Ольга Владимировна — *кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы и фольклора Саратовского госуниверситета.*

Уткин Алексей Анатольевич — *кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной и всеобщей истории, декан факультета истории и юриспруденции ЕГПУ, член Союза краеведов России.*

Хабибуллина Галина Николаевна — *кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы ЕГПУ.*

Хабутдинов Айдар Юрьевич — *доктор исторических наук, профессор Казанского филиала Российской Академии правосудия.*

Хазиева Резеда Халимовна — *кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной и всеобщей истории ЕГПУ.*

Хайрутдинов Рамиль Равилович — *кандидат исторических наук, зам. директора по научной работе Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, директор Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль».*

Ханипова Ильнара Ильдусовна — *кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.*

Шкурко Наталия Сергеевна — *кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Якутского государственного университета им. М.К. Амосова.*

Юлкина Татьяна Андреевна — *кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка и общелингвистических дисциплин ЕГПУ.*

Содержание

Пленарное заседание

Н.М. Валеев
Потомки купеческой династии Стахеевых в мире 4

В.П. Бойко
Роль купечества малых городов в развитии торговли и промышленности юга Сибири в XIX веке..... 8

Н.Г. Валеева
Купцы Стахеевы — гласные Вятского земства..... 20

Е.П. Голованова
Судьба Петра Васильевича Стахеева и его семьи 29

В.Д. Голованов
От Москвы до Парижа. Короткая династия купцов Головановых..... 40

В.К. Стахеева
Судьбы русской эмиграции. Мои воспоминания о Борисе Григорьевиче и Ольге Григорьевне Стахеевых 46

Р.Р. Салихов
Роль татарской буржуазии в становлении национальной светской культуры 50

Предпринимательство и благотворительность

А.Ю. Хабутдинов
Татарская буржуазия как группа национальной элиты во второй половине XVIII — начале XX веков 58

А.М. Калимуллин
Торговая и промышленная деятельность товарищества «И. Стахеев и К°» в начале XX века 66

Н.П. Лигенко
Особенности торгово-промышленного развития Елабуги во второй половине XIX — начале XX вв..... 70

Ю.М. Гончаров
Купечество городов Западной Сибири середины XIX — начала XX вв. В представлениях современников..... 81

В.Ю. Карнишин
Предприниматели Среднего Поволжья в начале XX века: адаптация к реалиям модернизации позднеимперской России 93

Р.Р. Хайрутдинов
Участие предпринимателей Казани в работе выборных органов местного самоуправления (конец XVIII — первая половина XIX вв.) 98

М.С. Судовиков
Деловые качества российского купечества: источники формирования, особенности 106
И.Р. Миннуллин, И.И. Ханипова
Проект «Деловая элита Старой Казани». Опыт создания регионального историко-биографического справочника 112
С.В. Мясников
Политический пиар в уездном городе Елабуге в пореформенный период 114
И.В. Маслова
Приемы организации предпринимательской деятельности и ценностные ориентиры российского купечества XIX столетия 120
Е.В. Банникова
Льготы купечеству российских провинций как способ стимулирования предпринимательской активности. Первая половина XIX века 127
И.В. Есиева
Мотивация благотворительной деятельности дореволюционной буржуазии, на примере елабужского купечества 135
И.В. Есиева
Государственные реформы и особенности развития предпринимательства в России к началу XX вв. 140
Л.Н. Галимова
Причисления мещан в купечество города Симбирска во второй половине XIX — начале XX века 143
В.В. Ермаков
Предпринимательское дело Стахеевых в Набережных Челнах и ближайшем Закамье 150
Н.Н. Закирова-Гущина
Из истории глазовского купечества 157
В.П. Микитюк
Екатеринбургские купцы Атамановы 162
Ю.И. Маслов
Государственные гарантии в области благотворительной деятельности в РФ 170
А.А. Султанов
Законодательное обеспечение предпринимательской деятельности в России 175
Е.А. Рядченко
Социальная ответственность предпринимательства: купеческий вклад в развитие благотворительности 187
А.А. Ганин
Некоторые малоизвестные Российские законы 1700-1721 гг. и их влияние на купечество 198

Л.Г. Гафиатуллина
Чистопольские купцы в хлебной торговле Закамского региона во второй половине XIX — начале XX вв. 204
А.О. Полякова
Опыт благотворительной деятельности представителей купеческого сословия в России и в Тамбовской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. 215
В.И. Кощеева
Вятские купцы Прозоровы в Петербурге 224
В.П. Бойко
Основные причины благотворительности сибирского купечества в XIX веке 230

Вклад купечествав культуру и просвещение России
К.И. Корепанов, В.К. Корепанов
Сравнительный анализ деловой этики купеческих династий елабужского края с универсальными принципами деловой этики (к постановке проблемы) 240
И.В. Корнилова
Воспоминания в.Ф. Кудрявцева как источник по истории благотворительности елабужского купечества XIX века 244
А.Ф. Кавиев, Л.В. Насырова
Епархиальное женское училище в Елабуге — образец купеческой благотворительности 248
И.Е. Крапоткина
Участие купечества в развитии системы просвещения в городе Елабуге 252
Л.А. Котлова
Система здравоохранения купеческой Елабуги в первые десятилетия XX века 256
А.А. Уткин
Либеральная интеллигенция г. Казани о необходимости развития просвещения в середине XIX века 262
Э.Н. Валеев
Иван Иванович Стахеев — герой альманаха «Вятская незабудка» 270
И.Т. Сабиров
Национальное предпринимательство и процесс просвещения татарской нации на рубеже XIX-XX вв. 274
Р.Х. Хазиева
Архитектурный облик купеческих городов XIX — начала XX вв. (На примере Елабуги) 277
Н.С. Шкурко
Якутский меценат и просветитель С. Барашков 280

А.Г. Комиссаров
Кулачные бои в купеческой Елабуге XIX века 286
Н.Ю. Кошенова
Культурный облик сибирского купца глазами современников (вторая половина XIX — начало XX вв.) 291
Н.П. Гурьянова
Купеческое сословие в истории Вятской публичной библиотеки (1837-1917 гг.) 299
Д.В. Кондрашин
Современник Стахеевых — Иван Никандрович Кибардин ... 304

Купечество и провинциальная жизнь в творчестве русских писателей

А.В. Растягаев
«Не стоитъ городъ безъ святаго, селеніе безъ праведника» (образ купца-праведника в «Житии одной бабы» Н.С. Лескова) 308
Р.М. Гайсин
Коллизия «сущего» и «должного» в очерке Д.И. Стахеева «Уездный город» 313
С.И. Грахова
Мифологические образы природы в очерках и рассказах Д.И. Стахеева И С.В. Максимова 318
М.В. Мельник
Смысл названия романа Д.И. Стахеева «Обновленный храм» 322
Н.В. Новикова
Образ купца в журнале «Заветы»: художнические трактовки и литературно-критические интерпретации 328
О.В. Тимашова
Русская провинция на сцене: опыт сравнительного анализа двух эпизодов А.Ф. Писемского («Комик», «Люди сороковых годов») 341
Н.Н. Закирова-Гущина
О провинциализме В.Г. Короленко 352
Л.В. Соловьева
Максим Горький и Дмитрий Стахеев: художественные параллели 362
Г.Н. Хабибулина
Образ матери-деспота в романном наследии Д.И. Стахеева 369
Р.Ф. Набиев
И.А. Сабиров
Неопубликованные сведения о селе Елабуга второй половины XVIII века 374

Н.Л. Кривилева
Тема купечества в литературе второй половины XIX века: из опыта работы 378
Л.В. Сабирова
Лингвокультурологические аспекты концептов русского купечества и английского предпринимательства (на материале русской и англоязычной прозы) 384
А.А. Деготьков
Нравы провинциального чиновничества (на примере произведения «Вечер докладного дня») 389
М.П. Осипова
Черноземная губерния в очерках О.П. Семеновой-Тян-Шанской (конец XIX — начало XX вв.) 396
М.А. Серкова
Фольклорно-песенные вкрапления в романе В.М. Шукшина «Я пришел дать вам волю» 403
Д.М. Пюрияйнен
Анализ личных имен купцов и мещан г. Сарапула как один из факторов проявления ментальности сословий 407

Лингвостилистические особенности произведений Д.И. Стахеева
Д.А. Салимова
Этимологически «говорящие» имена и «говорящие» фамилии в романе Д.И. Стахеева «Обновленный храм» 414
Н.Н. Аникина
Лексемы «храм» и «церковь» в историческом и функциональном аспектах 420
Т.А. Юлкина
Особенности лингвистического выражения категории автора в тексте Д.И. Стахеева «группы и портреты» 426
Л.Б. Бубекова
Выразительный синтаксис прозы Д.И. Стахеева 436
Е.Л. Пупышева
Категория времени в русском языке: функциональный аспект (на примере произведений Д.И. Стахеева) 440
Е.Л. Пупышева, Л.Р. Матанцева
Специфика употребления фразеологизмов в романе Д.И. Стахеева «Обновленный храм» 446
Т.Ю. Колясева
Средства выражения эмоциональной оценки в произведениях Д.И. Стахеева 450

Сведения об авторах 457

ТРЕТЬИ СТАХЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ
Материалы Международной научной конференциии
Елабуга, 28-29 июня 2007 года

Подписано в печать 10.02.08. Формат 60х90 1/16.
Усл. п. л. 29,25. Тираж 300 экз. Заказ № _____.
Издательство ЕГПУ
423630, Елабуга, Казанская, 89.